
ГЕНРИ
КАТТНЕР
Долина пламени
ГЕНРИ
КАТТНЕР

ГЕНРИ

КАТТНЕР

Долина пламени

ГЕНРИ

КАТТНЕР

Долина пламени

За зелеными Вратами

Мутант

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.7 США
К 29

Перевод с английского

Каттнер Г.

К 29 Долина Пламени: Романы, рассказы/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 703 с.
ISBN 5-8352-0271-7

Издательство «Северо-Запад» продолжает публикацию незаслуженно забытых (как в России, так и в Америке) произведений замечательного американского писателя-фантаста Генри Каттнера (1915—1958), начатую предыдущим каттнеровским томом серии — «Ярость». В предлагаемую книгу вошли романы «Долина Пламени» (1946), «За Земными Вратами» (1949), цикл рассказов, объединенный впоследствии в роман «Мутант» (1953), а также продолжен знаменитый каттнеровский сериал о Хогбенах. Некоторые произведения написаны Г. Каттнером в соавторстве с Кэтрин Мур, однако какие именно — достоверно не установлено до сих пор. Завершается том последним опубликованным при жизни автора рассказом «Крестный путь сквозь века». За исключением нескольких рассказов, все произведения на русском языке публикуются впервые.

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© М. Новикас, составление. 1993
© Д. Сваровский, перевод. 1993
© В. Кутамонов, перевод. 1993
© А. Соловьев, перевод. 1993
© Г. Грэй, перевод. 1993
© А. Серебряков, А. Брусов, перевод. 1993
© Издательство «Северо-Запад», подготовка текста, оформление, 1993
® Северо-Запад. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0271-7

РОМАН

Долина пламени

ГЛАВА I

Лицо девушки

Далеко в джунглях проревел зверь. О москитную сетку на окне билась большая, размером с летучую мышь, бабочка. И почти подсознательно, каким-то шестым чувством, Брайан Рафт уловил отдаленные низкие звуки барабанного боя. Здесь, на Ютахе, в долине великой Амазонки, барабаны нередко переговаривались друг с другом. Но на этот раз это не были обычные сигналы индейцев.

Рафт не принадлежал к числу людей с богатым воображением. Другое дело — Дэн Крэддок со своей верой в древних валлийских духов и призраков. Рафт был просто врачом, и в его маленькой больнице из сборных пластиковых секций, пропитанных запахом антисептики, происходило нечто странное с тех пор, как из джунглей стал доноситься этот низкий размеренный бой барабанов. Он не давал Рафту покоя.

Врачу есть чему удивляться, если сердце больного бьется в такт с барабанами, то быстрее, то медленнее, точно подстраиваясь под далекое эхо.

Огромная бабочка бесшумно билась о сетку. Крэддок склонился над стерилизатором, и седая голова, объятая клубами пара, делала его похожим на колдуна, который шепчет над котлом свои молитвы. Барабаны не смолкали. Рафт чувствовал, как и его собственное сердце отзывается на их бой.

Он взглянул на Крэддока, пытаясь не вспоминать те истории, которые ему поведал этот старик, — о своих дикарях-предках в Уэльсе и о том, во что они верили. Рафту иногда казалось, что Крэддок и сам верит во все это, или почти верит, особенно когда приложится к бутылке.

За те месяцы, что они проработали вместе, Рафт успел немало узнать о Крэддоке, но вполне отдавал себе отчет и в том, что это была только внешняя оболочка валлийца, внутри нее, за границей при-

ятельских отношений, жил и действовал незнакомый ему человек, который никогда не рассказывал о своем прошлом и не делился своим настоящим.

Эта экспериментальная станция на Ютахе, с запахом антисептики, пластиковыми секциями, блеском нового инструмента, совершенно не вязалась с окружающими ее джунглями. У тех, кто здесь работал, было задание — отыскать лекарство от атипичной малярии.

За сорок лет, прошедших с конца второй мировой войны, ничего более действенного, чем обычный хинин и атабрин, найдено не было, и Рафт сейчас был занят тем, что просеивал через сито современной науки древние познания индейцев, спрятанные за ритуальными масками, поклонением дьяволу и прочим колдовством.

Ему не раз приходилось изучать вирусные заболевания — в Тибете, в Индокитае, на Мадагаскаре, — и он научился с уважением относиться к знаниям колдунов и шаманов. В своем лечении они нередко использовали вполне логичные и здравые теории.

Но сейчас Рафту хотелось только одного: чтобы смолкли барабаны. Он раздраженно отвернулся от окна и еще раз взглянул на Крэддока, который напевал себе под нос какую-то валлийскую балладу. В грубой незатейливой мелодии слышалось звучание волынки и угадывались древние истории о призраках и смертельных схватках.

В последнее время, с тех пор как забили барабаны, Крэддок много рассуждал обо всем этом и говорил, что чует опасность. В древние времена мужчины Уэльса умели распознавать опасность по запаху, приносимому ветром, и тогда, выпив для храбрости и обнажив мечи, они были готовы ко всему. Но как ни принюхивался Рафт, ничего, кроме стойкого запаха дезинфекции, которым была пропитана вся палатка, он не чувствовал.

А все, что доносил до него ветер, было лишь боем барабанов.

— В прежние времена, — неожиданно проговорил Крэддок, подняв голову и щурясь от пара, — достаточно было лишь одного шороха, который доносил до нас легкий ветерок с Трали или Кобха, и мы знали,

что из-за моря на нас идут ирландцы. А если звучал сигнал с юга, мы были готовы встречать непрошеных гостей с Корнуэлла. Но мы знали. Знали!

— Чушь! — не выдержал Рафт.

— Ладно, пусть будет чушь. Только я однажды уже испытал нечто подобное.

Старый доктор произнес это, затаив дыхание, и на его морщинистом обветренном лице появилось странное выражение испуга и неуверенности.

В Крэддоке была какая-то загадка. Биолог, и неплохой, он вот уже тридцать с лишним лет таскался взад-вперед по Ютахе, но никогда не отправлялся дальше Манауса. Этакий главный практикующий врач в местных джунглях. Путь, надо сказать, не из легких.

Он хорошо знал местность, ее жителей, и поэтому Рафт, не раздумывая, включил его в состав своей экспедиции. Особой помощи от этого валлийца он не ожидал из-за искалеченных рук Крэддока. Впрочем, на этот счет Рафт приятно обманулся.

Он стал свидетелем того, как изуродованные пальцы ловко перебирали шприцы, откручивали пробки от пузырьков с лекарствами, ловко снимали использованные иглы. На одной руке у Крэддока было только три пальца, на другой, беспалой, — что-то вроде одного большого когтя, обтянутого странной, и по виду, и по цвету, кожей. Валлиец никогда не рассказывал, что с ним произошло. Но не было похоже, что его увечья остались от ожога кислотой или зубов хищника. Однако он был на редкость ловким и умелым, даже когда изрядно перебирал со спиртным.

Сегодня он тоже перебрал. Похоже было, что Крэддок намеренно подстраивает свои движения в такт барабанам. А может быть, так только казалось. Рафт и себя поймал на том же: каждый шаг был продиктован заданным ритмом. Он подумал о том, что и некоторые из тяжелых больных в палате были живы лишь потому, что непрекращающийся бой барабанов не давал их сердцам остановиться.

— И так уже целую неделю, — сказал Крэддок, словно читая, по своему обыкновению, для многих досадному, чужие мысли. — Ты следишь за состоянием больных?

Рафт нервно провел указательным пальцем по подбородку.

— Это моя работа, — проворчал он недовольно.

— Брайан, — вздохнув, продолжал Крэддок, — ты живешь в Бразилии не так долго, как я. Здесь часто берется в расчет то, чему обычно не придают значения. До прошлой недели эта чума просто косила индейцев. Но за последние семь дней количество смертельных исходов резко упало.

— Да, очень странно, — сказал Рафт. — Но это всего лишь совпадение, просто все идет по кругу. Другой причины нет. И барабаны здесь совершенно ни при чем.

— Барабаны? Разве я говорил о барабанах?

Рафт в изумлении уставился на валлийца. Крэддок, как ни в чем не бывало, положил шприц в стерилизатор, закрыл крышку и сказал:

— Как бы там ни было, барабаны не телеграф. Они просто отбивают ритм. Хотя что-то он, конечно, значит.

— Что именно?

Валлиец раздумывал. Его лицо было в тени, но верхний свет падал на седую шевелюру, превращая ее в пушистый нимб.

— Не знаю, может быть, в джунглях появился гость. Я и сам удивляюсь. Ты когда-нибудь слышал о Курупури?

На лице Рафта не дрогнул ни единый мускул.

— Курупури? Что это?

— Это имя. Местные, бывает, болтают о Курупури. А ты, наверное, пропускаешь это мимо ушей.

— Похоже, я вообще пропускаю здесь немало, — съязвил Рафт. — Например, уже несколько месяцев не видел призраков.

— Может быть, еще увидишь, — сказал Крэддок и повернулся к окну. — Тридцать лет. Это немало. Я... я уже слышал о Курупури. Я даже...

Он замолк. Рафт глубоко вздохнул — он тоже слышал о Курупури, но признаваться в этом Крэддоку не хотел. Суеверие слишком дорого обходится в джунглях, а Рафт знал, что Курупури — это религия местных индейцев. Впервые он услышал о ней лет десять назад, когда был намного моложе и впечатлительнее. И сейчас он подумал о том, что это един-

ственно возможная религия для тех, кто живет на Амазонке.

Курупури — это Неведомое. Это слепая, яростная, ужасающая сила, которой индейцы поклоняются как духу джунглей. Так язычники-эллины поклонялись лесному духу Пану, таящемуся в темной чащобе. Разница лишь в том, что Пан был чем-то более явственным.

Вездесущий дух Курупури, неощутимый и в то же время реальный, как сама жизнь, витал над Амазонкой. Пожив в джунглях, начинаешь понимать, что божество жизни может быть куда страшнее божества смерти. А жизнь переполняла Амазонку. И нечто живое, огромное, непостижимое, безразличное, слепое, хищное — ползло через зеленые джунгли.

Да, Рафт понимал, почему индейцы обожествляли Курупури. Он и сам пытался представить это чудовищное бесформенное создание, не зверя и не человека, которое властно шевелится в живом, дородном теле джунглей.

— К дьяволу! — вспылил Рафт и глубоко затянулся. Это была одна из его последних сигарет. Он подошел к Крэддоку и, уставясь в окно, стал с наслаждением втягивать в легкие дым сигареты, смакуя последние крохи цивилизации.

Вот уже год, как они довольствовались лишь этим: крохами цивилизации. Бывало, правда, и хуже. Например, на Мадагаскаре. Конечно, здесь тоже жизнь не была медом: совсем небольшая группа из Института с несколькими помощниками из числа местных жителей работала в пластиковых секциях, которые мало чем напоминали шикарное современное здание на Гудзоне — главное управление Патологического института Малларда.

Белых здесь было трое — Рафт, Крэддок и Билл Мерридэй. Флегматичный Мерридэй был хорошим ученым-патологом, и вся троица составляла отличную команду.

Работа близилась к завершению, и Рафт представлял уже, как он возвращается в Нью-Йорк и воздушное такси переносит его с крыши одного ночного клуба на крышу другого, не давая опомниться от выстраданных благ цивилизации. Но он знал и другое: пройдет совсем немного времени, и опять что-то засосет внутри, и он отправится в Тасманию, или на

Цейлон, или кто его знает куда еще. Работа всегда находила его.

Из темноты по-прежнему доносился бой барабанов. Выждав еще немного, Рафт оставил Крэддока в освещенной лаборатории и вышел наружу. Он спустился к реке, заставляя себя не слушать навязчивый ритм...

Со стороны Атлантики взошла полная луна: огромный желтый диск на фоне звездного занавеса осветил великий город услад — Рио — и покатился вверх по Амазонке. Но здесь, на Ютахе, по-прежнему чернели вздымающиеся стены джунглей — джунглей, которые шевелились и ползли вперед и вверх с такой жизненной силой, что даже ученому это казалось невероятным. Это была плодоносящая утроба мира.

В жарких странах все растет, но на Амазонке все растет неистово, необузданно. Плодороднейшие речные долины — живые в буквальном смысле: земля под ногами шевелится и дышит. В этом непривычном буйстве жизни есть что-то пугающее, как и в пламенеющих бразильских садах, тучных от тропической зелени и отсвечивающих, словно глаза призраков, мрачным зеленым светом.

Рафт вспомнил о Крэддоке. Странно! Он ломал себе голову над теми необъяснимыми чувствами недоверия и страха, которые, как ему показалось, он уловил в валлийце. И было что-то еще, чего он никак не мог понять. Рафт недовольно сдвинул брови, пытаясь разобраться в этой загадке, и наконец хмыкнул, точно найдя ответ. Вероятно, барабаны донимали Крэддока, но одновременно и влекли, каким-то странным образом притягивали его к себе. Крэддок жил в джунглях уже давно и во многом был почти индейцем.

Неприятные раздумья Рафта были неожиданно прерваны: на поверхности реки что-то засеребрилось в лунном свете. Через мгновение Рафт уже видел очертания маленькой лодки, а в ней — два темных силуэта на фоне поблескивающей воды. Лодка подходила к берегу, к освещенным окнам лаборатории.

— Луис! Мануэль! — отрывисто прокричал Рафт. — У нас гости.

С лодки еле слышно донеслись слова приветствия, и на глазах у Рафта оба человека упали за борт, словно здесь, у самого берега, их оставили последние

силы. Все заволновались — мальчики-индейцы что-то закричали, забегали по берегу с лампами, а те из больных, кто мог передвигаться, столпившись у дверей и окон, наблюдали за происходящим. Рафт помог вытащить на берег лодку и ее упавших в воду пассажиров и проследил за тем, чтобы обоих пострадавших отнесли в лабораторию. Они были почти без сознания.

Один из них, в форме и шлеме летчика, не мог даже говорить. Другой — высокий стройный бородач, в облике которого, несмотря на его состояние, угадывалось нечто утонченное, изысканное, — облокотился о дверной косяк и тихо прошептал:

— Senhor, senhor...[1]

Крэддок приблизился было, чтобы помочь ему, но замер как вкопанный. Столпившиеся в дверях больные загораживали обоих незнакомцев, но Рафт увидел лицо валлийца — оно исказилось от панического страха. Крэддок повернулся, быстро вышел, и вскоре до слуха Рафта донесся подрагивающий звон бутылки.

В отличие от Крэддока, бесстрастный, полный решимости Билл Мерридэй был само спокойствие. Однако и он, едва склонившись над летчиком и сняв с него рубашку, неожиданно замер.

— Разрази меня гром, — удивленно проговорил Билл. — Брайан, я знаю этого малого. Томас... как его, сейчас вспомню. Что-то вроде... да... Томас да Фонсека! Помнишь, я рассказывал тебе о картографической экспедиции, которая летала здесь месяца два назад, когда ты был в джунглях. Да Фонсека был там пилотом.

— Да, они разбились, — вспомнил Рафт. — А второго ты знаешь?

Мерридэй взглянул через плечо.

— Первый раз вижу.

Температура у пилота была намного ниже нормальной, градусник показывал 86°[2].

---

[1] Господин, сеньор (*португ.*). (Здесь и далее примечания переводчика.)

[2] 86° по Фаренгейту равняется 30° по Цельсию.

— Шок и истощение, — предположил Рафт. — На всякий случай надо сделать клинический анализ крови. Посмотри глаза.

Рафт сам приоткрыл веки больного. Зрачки были сужены до размера булавочной головки.

— Пойду-ка я взгляну на другого, — сказал Мериджэй и отошел. Рафт хмуро посмотрел на да Фонсеку и поймал себя на том, что ему стало не по себе. Почему — он и сам точно не знал. Что-то вошло сюда вместе с этими двумя людьми, что-то неясное, тревожное — это можно было только чувствовать.

Рафт, по-прежнему хмурый, наблюдал исподлобья, как Луис берет анализ крови. Рассеянный верхний свет освещал лицо да Фонсеки желтым светом, и вдруг что-то ярко блеснуло на цепочке на его шее. Поначалу Рафту показалось, что это был медальон, один из тех, которые носят верующие, но, приглядевшись, он увидел крохотное зеркало, размером не больше монеты в полдоллара. Он взял его в руки.

Стеклянная поверхность зеркала была выпуклой с двух сторон и сделана из темно-синего вещества, больше напоминающего пластмассу, чем стекло. И вдруг Рафт заметил, как внутри зеркальца стали переливаться неясные, зыбкие тени.

Его словно ударило током. Зеркало не отражало его лица, хотя он смотрел прямо в него. Вместо этого он видел какое-то быстрое движение, но ничего подобного в комнате не происходило. Рафт подумал о клубящихся, низко летящих грозовых облаках перед самым началом бури. У него возникло странное, необъяснимое чувство чего-то знакомого, какое-то смутное ощущение, точно он угадывал чью-то мысль.

Томас да Фонсека. Это было как озарение — с зеркальца на Рафта смотрели глаза пилота. Да Фонсека неожиданно оказался там, внутри. Между ним и Рафтом на какое-то мгновение возникла непонятная связь.

На самом деле все, что видел Рафт на мутной поверхности зеркала, было хаотичное, беспорядочное движение.

Но вот оно стало стихать и постепенно исчезло. Дрожь с крошечной линзы передалась ладони, потом — руке и наконец — мозгу. Рафт пристально вглядывался в зеркало.

Поверхность прояснилась, и теперь перед глазами Рафта было не зеркало, а портрет. Портрет ли? Если так, то это был живой портрет — лицо внутри него двигалось...

Значит, все-таки зеркало? Нет, из крошечного овала на него смотрело чужое лицо.

Это было лицо девушки на фоне невероятно странного, удивительного вида. Но задний план постепенно исчезал, по мере того как его все больше и больше заслоняло само лицо. Лицо приближалось к Рафту, оно двигалось, оно было живым — девушка видела Рафта! Он с трудом перевел дыхание.

Еще никогда в жизни он не видел такого лица. Рафту не хватило времени разглядеть его как следует: необычное видение почти мгновенно исчезло. Но теперь, случись им встретиться, Рафт узнал бы это лицо из тысяч других.

В тонкой и властной складке губ пряталась легкая усмешка и вместе с ней — что-то опасное и коварное; огромные, глубокие зеленовато-голубые глаза смотрели печально, но и в них вместе с лаской таилось что-то недоброе.

Другого такого лица не было во всем мире.

И едва они успели вглядеться друг в друга, как изображение задрожало и затуманилось. Позже Рафт вспомнил, с какой страстью, с каким почти детским азартом он затряс зеркало, пытаясь вернуть исчезнувший образ, словно его руки могли разогнать туман, застилавший зеркальную поверхность, и он смог бы вновь увидеть это удивительное живое лицо, такое одновременно веселое и печальное, коварное и доброе.

Девушка исчезла. Произошло это в мгновение ока, а Рафт все стоял, уставившись в зеркало, словно еще видел это странное, влекущее к себе лицо.

Все случилось так быстро, и все это было так странно, что Рафт не успел ничего понять, но в одном он не сомневался: увиденная им девушка была совершенно необычна. И ее волосы... Он никогда не видел таких волос.

И глаза, почти круглые, но слегка раскосые, были обрамлены густой каймой из пушистых темных ресниц и черной линии, которая еще больше подчеркивала необычную форму этих глаз. Она придавала этому нежному, с тонким овалом лицу некую схо-

жесть с причудливой египетской маской. Рафт отчетливо запомнил, каким нежным было это лицо. Нежным и утонченным.

И необычным. Для человека.

Зеркало вновь было чисто — на его поверхности лишь слегка подрагивали тени. Но на короткое мгновение в нем отразился другой мир.

ГЛАВА II

Барабаны смерти

Луис удивленно смотрел на Рафта.

— Senhor? — проговорил он.

— Что? — переспросил Рафт.

— Вы что-то сказали?

— Нет, ничего.

Рафт отпустил зеркальце, и оно упало на обнаженную грудь да Фонсеки. Подошел Мерридэй.

— Этот второй не дает себя осматривать, — озадаченно проговорил он. — Уперся и все.

— Я поговорю с ним, — сказал Рафт и вышел из палаты, заставляя себя не думать о зеркале и об этом прекрасном, удивительном лице. Все это очень субъективно, подумал он, просто галлюцинации или самовнушение, а в зеркале лишь отразился свет лампы. Но сам он в такое объяснение не верил.

Бородач стоял в кабинете у Рафта и рассматривал колбы с заспиртованными зародышами животных. Он повернулся и с едва заметной усмешкой поклонился Рафту. По всему было видно, что он не из тех, кто просто из любопытства шляется по джунглям. Бородач произвел на Рафта сильное впечатление. Его учтивость, манера носить одежду и держать себя выдавала в нем человека не только хорошо воспитанного, но и знатного. Но для Рафта было и что-то отталкивающее во всем облике незнакомца — его почти нескрываемое ликование и очевидное высокомерие.

— Saludades, senhor[1], — сказал он Рафту. Его ослепительно яркие глаза блестели так сильно, как

[1] Приветствую вас, сеньор (*португ.*).

это обычно бывает при лихорадке. Голос был низким, и в нем звучали странные нотки бесцеремонности. — Я ваш должник.

На португальском он говорил с едва уловимым акцентом. У Рафта вдруг возникло странное, редко испытываемое им чувство неловкости.

— Ну что ж, отдавайте долг, — резко сказал он. — Мы не хотим, чтобы на станции кто-нибудь заразился, а вы, вполне возможно, подхватили что-нибудь там, в верховьях реки. Снимите рубашку и дайте-ка я вас осмотрю.

— Я не болен, доктор.

— В таком случае, вы очень быстро выздоравливаете. Вы же были на пороге смерти, когда приплыли сюда.

Черные глаза со злостью сверкнули. Бородач передернул плечами и стянул с себя разорванную рубашку. Рафта поразил вид этого гладкого, крепкого тела. Под отливающей глянцем коричневатой кожей играли мускулы, но это было заметно лишь тогда, когда он двигался.

— Меня зовут Пауло да Коста Перейра, — сказал он с таким видом, словно его что-то развеселило. — Я — гаримпейро.

— Охотник за алмазами, не так ли? — уточнил Рафт и вставил градусник в рот Перейры. — А я и не знал, что здесь можно встретить охотника за алмазами. Мне казалось, что они все там, на Рио Франсиско.

Перейра ничего не ответил на это. Рафт приложил стетоскоп к его груди, вслушался, тряхнул головой и попробовал снова. Затем он попытался найти у Перейры пульс, но и из этого ничего не вышло. Сердце не билось — не было, естественно, и пульса.

— Что за дьявол! — вспылил Рафт. Он взял у Перейры градусник и облизнул свои пересохшие губы. Температура у да Фонсеки была ниже нормальной, у Перейры — немыслимо высокой, ртутный столбик градусника зашкаливал, а последняя отметка на нем была 108° [1].

Перейра аккуратно вытер губы.

---

[1] 42,2° по Цельсию.

— Я голоден, senhor, — сказал он. — Вы не дадите мне поесть?

— Я сделаю вам инъекцию глюкозы, — запинаясь сказал Рафт. — Или... нет, не знаю. Такого обмена веществ, как у вас, не может быть. Здоровый организм с ним не справится. Вы, должно быть, больны.

— У меня всегда так. Я вполне здоров.

— Здоровы? При том, что у вас не бьется сердце? — Рафт был непреклонен. — Вы сами-то понимаете, что... что такого не может быть? Я имею в виду, что вас вроде как и не должно уже быть в живых.

Перейра улыбнулся.

— Возможно, вы просто не слышите моего сердца, но, уверяю вас, оно бьется.

— Если оно бьется так слабо, то его силы все равно недостаточно, чтобы перегонять кровь, — заметил Рафт. — Нет, с вами творится что-то неладное. Прилягте на эту кушетку. Вам нужно будет приложить лед, чтобы сбить температуру.

Перейра пожал плечами, но лег.

— Я голоден, — сказал он.

— Об этом мы позаботимся. И еще — мне надо сделать вам анализ крови.

— Нет.

Рафт выругался. Его терпение было на исходе.

— Вы больны. Или вы этого не понимаете?

— Ладно, — проворчал Перейра, — делайте, только побыстрее. Не люблю, когда со мной возятся.

Рафт едва сдержался, чтобы не вспылить в ответ. Он молча вылил кровь в пробирку и закрыл ее пробкой.

— Дэн! — позвал он. Но никто не ответил.

Крэддок как сквозь землю провалился.

Рафт подозвал к себе Луиса и протянул ему пробирку.

— Отдашь это доктору Крэддоку и скажешь, что мне нужен клинический анализ крови, — сказал Рафт и повернулся к Перейре. — В чем дело? Лягте.

Но охотник за алмазами уже сидел — вид у него был бодрый, а огромные черные, как агат, глаза смотрели с каким-то дерзким ликованием. Рафт наблюдал за этим взглядом. Наконец блеск в глазах

исчез, и Перейра вновь лег на кушетку. Теперь он лежал, улыбаясь своим мыслям.

Рафт принялся обкладывать его пакетами со льдом.

— Что произошло там, в верховьях?

— Не знаю, — ответил Перейра. — Однажды ночью у меня в лагере появился да Фонсека. Думаю, его самолет разбился. Он почти не мог говорить.

— Вы были один в лагере?

— Да, один.

Странно, подумал Рафт, но уточнять не стал. Его интересовало другое: каким образом у живого человека могло не биться сердце? Это невозможно. Кубики льда звенели.

— Вы не бразилец? На португальском вы говорите не очень хорошо.

Лихорадочно блестящие глаза сузились.

— Я уже слишком долго живу в джунглях, — ответил Перейра. — Разговаривать приходится на разных языках. А когда долго не говоришь на каком-то, начинаешь его забывать, — он мотнул головой в сторону стоящих на полках колб. — Ваши, доктор?

— Да. Это зародыши животных. Интересуетесь?

— Я в этом не слишком много смыслю, чтобы интересоваться. И потом — джунгли для меня... не главное. Хотя, конечно, как источник жизни...

Он замолк.

Рафт ждал, но Перейра молчал. Его странные глаза закрылись.

Рафт обратил внимание на свои руки, сжимающие пакетики со льдом: они дрожали.

— Та штуковина, которую да Фонсека носит на шее, — почти спокойно спросил Рафт, — что это?

— Не знаю, не заметил, — пробормотал Перейра. — У меня был трудный день. Мне бы очень хотелось отдохнуть.

Рафта передернуло при этих словах. Он пристально посмотрел на это загадочное нечеловеческое тело, вспомнил необычное строение ключицы, которое он заметил при осмотре, и многое другое. Какой-то внутренний толчок заставил его спросить:

— Хорошо, последний вопрос — к какой расе вы принадлежите? Ведь ваши предки не были португальцами, не так ли?

Перейра открыл глаза. Он нервно улыбнулся, обнажив зубы, отчего его улыбка превратилась в почти звериный оскал.

— Мои предки! — раздраженно повторил он. — Забудьте на время о моих предках, доктор. Как вам должно быть известно, я проделал длинный путь по джунглям. Очень длинный и увлекательный путь. Мне встретились на нем и дикие звери, и руины, и дикие люди... и на всем пути били барабаны, — его голос стал тише. — Мне встретились ваши предки, доктор. Они сидели на деревьях, галдели и почесывались, — голос Перейры походил на какое-то зловещее мурлыканье. — Мне встретились и мои предки, — восторженно и горделиво добавил он. — Я хочу спать. Не оставите ли вы меня одного?

Рафт сжал зубы. Конечно, Перейра бредил. Откуда еще было взяться этим бессвязным мыслям? А этот неожиданный всплеск высокомерия был частью его натуры.

Перейра бережно, точно это были дорогие одежды, положил возле себя свои лохмотья и почти мгновенно заснул. От лежащего на кушетке тела исходила невероятная жизненная энергия, перед которой Рафт испытывал смятение.

Он отвернулся. Сердце, которое бьется так слабо, что его невозможно услышать? Нелепость. Может быть, неизвестная науке болезнь? Но если так, то откуда же такие противоречивые симптомы? Перейра казался совершенно здоровым, хотя по всем признакам такого быть не могло.

Нет, здесь было что-то другое. Мутация? Один из тех любопытнейших случаев, когда появляется существо, отличное от других представителей человеческого рода? Рафт нервно облизнул губы и пошел взглянуть на пилота. Он вдруг почувствовал царящее повсюду странное беспокойство, точно появление этих двух людей нарушило сонливый покой всей станции.

С да Фонсекой все было по-прежнему, и Мерридэй продолжал вводить ему стимулирующие препараты. Рафт что-то одобрительно хмыкнул и отправился на поиски Крэддока.

Спускаясь в холл, он неожиданно остановился при звуке знакомого низкого голоса. Охотник за алмазами говорил спокойно, но в его интонациях было что-то настойчивое.

— Я возвращаю вам это. И для этого пришлось пройти немалый путь.

Дэн Крэддок отвечал почти шепотом, запинаясь, в его голосе слышались удивление и страх:

— Но вас там не было! Там не было никого и ничего, кроме...

— Мы пришли позже, — сказал Перейра, — ориентируясь по солнцу и реке. И в конце концов мы нашли ответ.

Рафт выдохнул, и пол под его ногами скрипнул. В тот же миг он услышал звук, похожий на едва уловимое дуновение ветра, и почувствовал, как произошло какое-то необъяснимое движение.

Озадаченный, он ринулся вперед. Коридор был пуст, и никто не мог бы выйти из лаборатории так, чтобы Рафт этого не заметил. Но, оказавшись на пороге, он увидел лишь Крэддока, одного Крэддока, который немигающим, отрешенным взглядом смотрел в пустоту.

Рафт быстро оглядел комнату. Никого. Сетки были по-прежнему на окнах, кроме того, они так проржавели, что снять их бесшумно было бы просто невозможно.

— Где Перейра? — отрывисто спросил Рафт.

Крэддок повернулся и, удивленно открыв рот, переспросил:

— Кто?

— Человек, с которым ты только что разговаривал.

— Я... я... здесь никого не было.

— Да, конечно, — согласился Рафт. — Значит, я действительно свихнулся. Это немудрено после того, что случилось этой ночью.

В руках у Крэддока Рафт заметил что-то похожее на небольшую книгу. Это был старый перекидной блокнот в истершейся и потерявшей цвет кожаной обложке. Валлиец поспешно сунул его себе в карман. Избегая вопрошающего взгляда Рафта, он кивнул в сторону микроскопа.

— Анализ крови. Я, видимо, что-то напутал. Все не так, — сказал он. Впрочем, сбитым с толку он при этом не выглядел.

Рафт посмотрел в микроскоп и плотно сжал губы.

— Так и есть, свихнулся, — проговорил он.

— Любопытно, да? — точно не услышав последних слов Рафта, спросил Крэддок.

Но то, что увидел Рафт под микроскопом, было не просто любопытно — это было жутко. Существуют определенные типы клеток крови, которые свободно перемещаются в сосудистой системе; каждая разновидность имеет свою форму и назначение, посторонние же организмы, попавшие в кровь, в различной степени воздействуют на них.

Но такого, как сейчас, Рафт никогда еще не встречал. Красные клетки имели не обычную — круглую, а вытянутую, овальную форму; а вместо белых — хаотично извивались какие-то пушистые инфузории. И двигались они быстро — невероятно быстро!

— Заметно поутихли с тех пор, как я в первый раз заглянул в микроскоп, — проговорил Крэддок. — Вначале они крутились с такой бешеной скоростью, что и увидеть их было невозможно.

— Но что это? Микробы? Фагоциты разрушены. Перейра должен был умереть, если в его крови не осталось белых клеток. Нет, конечно, здесь какая-то ошибка. Нужно провести реагентные анализы.

Но и эти анализы ничего нового им не дали. Какой бы реагент они ни пробовали, ответная реакция была абсолютно нормальной. Кровь как кровь. Более того, эти извивающиеся инфузории были, похоже, безвредны. Когда реагентом выступал яд, они образовывали из своих пушистых телец заградительный барьер, так же как фагоциты, но раза в три эффективнее.

Предметное стекло микроскопа поблескивало и дрожало в искалеченных пальцах Крэддока.

— Это еще и лучше, — сказал он. — Эти микробы эффективнее белых клеток.

— Только куда подевались белые?

— Господи, откуда же мне знать? — пальцы Крэддока скользнули в карман, где лежал блокнот. — Этим занимаешься ты, а не я. Твои заботы.

— Ты так думаешь? — медленно протянул Рафт. — А что это там было насчет солнца и реки?

Крэддок заколебался, а потом, криво усмехнувшись, проговорил:

— Мне они показались вполне обычными.

Круто повернувшись на каблуках, он вышел из лаборатории.

Рафт пристально посмотрел ему вслед. Что-то за всем этим было. Очевидно, что Крэддок знал Перейру. Однако каким образом мог состояться их разговор, Рафт не понимал. Чревовещание? При этой мысли он сам усмехнулся. Нет, конечно же, Перейра был в лаборатории вместе с Крэддоком, а затем, по всей видимости, прошел через стену.

А это значит... что?

Рафт вновь прильнул к микроскопу. Но и там ответа он не нашел. В нормальном разумном мире 1985 года не было места для подобных явлений. Кстати, подумал Рафт, а где сейчас Перейра?

В кабинете, где его оставил Рафт, охотника за алмазами не оказалось. Выходя, Рафт замешкался и в то же мгновение услышал звук, от которого кровь застучала у него в висках. Странное, необъяснимое ощущение чего-то неправильного словно обрушилось на Рафта.

На самом деле это был лишь отдаленный шум заведенного мотора, хотя кому могла потребоваться моторная лодка в этот час — было непонятно.

Рафт взял фонарик и направился к реке. До него донеслись возгласы, и Рафт понял, что был не единственным, кто услышал шум мотора. На берегу маячила широкая фигура Мерридэя.

Рафт настроил фонарик и посветил в сторону реки. Водяная гладь искрилась, точно алмазная россыпь. Он повел лучом из стороны в сторону.

Моторная лодка, оставляя за собой черную борозду по сверкающей воде, уходила во мрак, куда луч фонарика уже не доставал.

Но прежде чем лодка исчезла, луч света выхватил из тьмы лицо: это был Перейра. Он смотрел назад через плечо и смеялся, под бархатистой бородой ослепительно сверкали белые зубы. В этом смехе слышалось торжество победителя и ликование, которое Рафт заметил еще раньше, при осмотре.

Вместе с Перейрой в лодке был еще кто-то, но кто — Рафт разобрать не мог. Индейцы бегали по берегу, двое из них пытались догнать моторную лодку на каноэ, но это было уже невозможно. Рафт выхватил пистолет, который он всегда носил с собой, когда был в джунглях. Уже сама мысль — выстрелить в эту наглую, усмехающуюся физиономию — была ему сейчас приятна.

— Нет, Брайан! — воскликнул Мерридэй и удержал его руку.

— Но он уходит на нашей лодке!

— С ним Дэн Крэддок, — сказал Мерридэй. — Разве ты его не заметил?

Шум мотора удалялся, сливаясь с далеким, глухим боем барабанов Ютахи. Рафт стоял неподвижно, совершенно сбитый с толку, и чувствовал свою полную беспомощность.

— Ну что ж, сейчас нам уже ничего не сделать. Дождемся утра, — сказал он наконец. — Пошли обратно на станцию.

Вслед за этим Рафт услышал незнакомый ему голос, который невнятно сказал на португальском:

— Он ушел обратно в свою страну... и взял кое-что с собою.

Луч фонарика выхватил из темноты лицо пилота. В одной руке да Фонсека крепко сжимал свой шлем, а другая — нервно блуждала по шее, словно пытаясь что-то отыскать. Зрачки его уже не были сужены. Они были огромными.

— Что взял? — спросил Мерридэй.

— Мою душу, — спокойно ответил да Фонсека.

Все замолчали, и в наступившей тишине с ужасающей отчетливостью прозвучал его голос:

— Она была у меня здесь, в маленьком зеркале на шее. Он вложил ее туда. Зеркало ему давало силу, которая... которая... — слабый, задыхающийся голос замер.

— Какую силу? — спросил Рафт.

— Которая делает из людей рабов, — прошептал пилот. — Так же, как он сделал это с доктором.

Крэддок! Рафт вдруг почувствовал огромное облегчение оттого, что валлиец ушел не по собственной воле, а значит, никакого загадочного, необъяснимого сговора с Перейрой у него не было. Но тут же Рафт

разозлился на самого себя, что так быстро принял на веру все эти невероятные объяснения безумца.

Впрочем, других объяснений не было.

— Отпустите меня, — проговорил да Фонсека, сделав слабую попытку освободиться от поддерживающих его рук. — Я не могу быть здесь долго — у меня забрали мою душу.

— Внесите его вовнутрь, — приказал Рафт. — Билл, приготовь шприц и адреналин.

Когда да Фонсеку положили на койку, он был уже без сознания. Сердце у него остановилось. Мериджэй быстро поднес шприц. Догадавшись о намерении Рафта, он вставил длинную иглу.

Рафт сделал укол прямо в сердце и стал ждать, держа наготове стетоскоп. Он вдруг почувствовал: что-то было не так, что-то изменилось.

Внезапно он понял — это были барабаны. Они стали громче, пронзительнее, они торжествовали победу. Их бой был как оглушительный стук сердца чудовища — сердца джунглей, темных и необъятных.

И сердце да Фонсеки отозвалось. Рафт услышал его — оно медленно забилось в такт барабанам Ютахи. Веки дрогнули. И послышался голос — глухой и монотонный:

— Он сейчас возвращается... Врата Доирады открываются перед ним... он возвращается... к спящему Пламени. По невидимой дороге, где демоны Паитити охраняют Врата Доирады...

Все громче звучали барабаны.

Все громче билось сердце да Фонсеки, а его голос становился все сильнее и сильнее:

— Солнце было другим. И река текла медленно... слишком медленно. И там подо льдом был демон. Это было... было...

Он начал снова терзать пальцами горло, жадно ловя воздух. Глаза его смотрели безумно.

— Курупури! — вскрикнул да Фонсека, и барабаны ответили эхом.

И смолкли.

Наступила мертвая, пронзительная тишина, словно кто-то приказал барабанам замолчать.

Да Фонсека, словно мертвый, откинулся назад. Рафта прошиб холодный пот, он склонился над бес-

чувственным телом и стал водить стетоскопом по обнаженной груди пилота.

Стетоскоп молчал.

Потом где-то далеко в джунглях еще один раз ударили барабаны и смолкли.

Сердце да Фонсеки шевельнулось.

И остановилось навсегда.

ГЛАВА III

Врата Паитити

С пятью индейцами доктор Брайан Рафт уходил вверх по Ютахе на поиски Крэддока и Перейры. Несмотря на решительно сжатые губы, в его душе царило смятение. Мерридэя он оставлял на станции, чтобы тот завершил эксперимент и отправил результаты в Институт.

— Ты рехнулся, Брайан, — говорил ему Мерридэй. — Тебе нельзя идти одному.

Рафт кивнул.

— Может быть, ты и прав, но мы проработали с Дэном почти год, он честный и порядочный человек. А что касается Перейры, то иногда мне кажется, что этот тип никогда и не был человеком.

Невозмутимый Мерридэй заморгал.

— Чушь какая-то, — проговорил он.

— Я же рассказывал тебе, что с ним случилось, — продолжал Рафт. — Пульса не было, температура просто бешеная, и согласись: то, что он прошел сквозь стену лаборатории, нормальным, строго говоря, не назовешь.

— Да Фонсека перед смертью тоже нес чепуху. Ты и в нее теперь веришь?

— Нет, пока нет, — отвечал Рафт. — Мне нужны доказательства, чертовски веские доказательства, чтобы поверить в это. И все же я бы очень хотел заглянуть в ту записную книжку Крэддока. Перейра сказал, что вернул ее ему. А эти разговоры о солнце и реке, которые якобы движутся слишком медленно! Знаешь, ведь только они двое — да Фонсека и Перейра — говорили об этом. И что удивительно — Дэн, казалось, понимал, о чем шла речь.

— В отличие от меня, — проворчал Мерридэй. — Но пойми, тебе опасно идти одному.

— Сам не знаю почему, но я почти уверен, что когда-то очень давно Крэддок уже бывал там. А вот *что* он нашел, остается для меня загадкой, — Рафт покачал головой. — Не понимаю, ничего не понимаю, Билл. Так или иначе, горючего у них немного, и думаю, я успею их догнать.

— Было бы лучше, если б ты взял меня с собой.

Но Рафт не соглашался. В конце концов он отправился один, без Мерридэя, взяв с собою лишь индейцев, которые с легкостью гребли против течения, ведя большое каноэ вверх по реке. Несмотря на спешку, с которой он собирался в дорогу, провизии у Рафта было достаточно, не забыл он и о ружьях с патронами. Вскоре стало ясно, что охотник за алмазами ушел с реки, и тогда индейцы помогли Рафту отыскать его след в джунглях.

— Двое идут, — сказал Луис, посмотрев на примятую траву.

Идут. Это значило, что Крэддок шел теперь по собственной воле или же его вела чужая сила. Возможно, гипноз, подумал Рафт, вспомнив об отражении в зеркале. Все чаще и чаще перед его мысленным взором вставало необычное, поразительное лицо девушки. Он не мог догадаться, что связывало ее с этой таинственной историей, но уже само воспоминание заставляло с новой силой искать разгадку.

Они двигались на запад, к границе с Эквадором — туда, где сотни речушек впадали в широкую Солимос, которая питала своими водами саму Амазонку. Они шли уже десять дней и ночей...

На одиннадцатый день утром индейцы исчезли. Рядом не оказалось даже верного Луиса. Ни звука, ни малейшего намека — просто, когда Рафт проснулся, он был уже один. Возможно, они бросили его, а может быть, стали добычей ягуаров. В ту ночь звери в джунглях устроили настоящий дьявольский шабаш. Индейцы пропали бесследно.

Еще решительнее сжав губы, Рафт продолжал свой путь. Двигался он теперь медленнее — идти по следу одному было задачей не из легких. Прошло еще десять дней. Он настойчиво пробирался через зеленые, объятые дыханием невидимой жизни, безмолвные джун-

гли — никогда не зная наверняка, что его ждет за следующим поворотом тропы: свирепый ягуар или сам Перейра.

Если бы не долгий опыт суровой походной жизни и не знание джунглей, Рафту вряд ли удалось бы избежать всех этих опасностей. Упорно, как истинный охотник, он шел по следу.

И наконец он нашел то, что умирающий да Фонсека назвал невидимой дорогой.

За день до этого Рафт вышел к горам и, поднявшись на одну из вершин, увидел внизу огромную долину — исполинскую чашу девственного леса, простирающегося насколько хватало взгляда. Это был живой океан зелени. И след вел туда — вниз.

Там, внизу, Рафт увидел почти четко очерченный круг, в котором джунгли меняли свой зеленый оттенок. Этот круг наверняка был очень большим — не один десяток миль в поперечнике — ведь Рафт смотрел на него издали. Часть окружности, зажатая между горами, создавала впечатление огромной чаши, и Рафт заметил, как серебрится река, огибающая ее точно по ободу. Должно быть, миль пятьдесят в диаметре, подумал Рафт, зная, какими обманчивыми бывают расстояния в джунглях. Он шел по следу, и след вел его прямо туда — в этот зеленый оазис среди безбрежного моря зелени.

Несмотря на длинный и трудный путь, держался Рафт неплохо, и, хотя морщины на лице стали глубже, а глаза покраснели, особой усталости он не чувствовал. Ему помогал здравый профессионализм врача: он подсказывал ему, что страх в джунглях — дело обычное. Обычнее, чем индейцы. Страх и еще — звери. И особенно ягуары.

Звери! Это место, устало подумал Рафт, было переполнено жизнью. Все вокруг него двигалось: то и дело мимо Рафта проносились мириады разноцветных насекомых, ярко поблескивало оперение птиц, змея — словно скользя по воде — пряталась в складках зеленого ковра джунглей, крадущиеся лапы ягуара приминали траву, пронзительно взвизгивал тапир, а иногда слышалось хрюканье амазонского кабана —

пекари. Это были джунгли — один огромный и свирепый Зверь.

Рафт вышел на поляну и сразу же увидел отчетливые следы тех двоих, за которыми он шел. Следы Крэддока и охотника за алмазами. Перейра шел первым. Сверху, через густое переплетение крон деревьев, пробился луч солнца, осветив листву и цветы.

Пятно света упало на зеленую стену, и Рафт увидел нечто странное — овальный тоннель, который, петляя, уходил в спутанное тело джунглей, словно здесь проползла гигантская змея, подмяв под себя лианы, деревья и оставив в живой плоти леса очертания своего тела. Следы пересекали небольшую поляну и вели к входу в почти черный, на фоне окружавшей его зелени, тоннель.

На середине поляны следы неожиданно обрывались.

Рафт инстинктивно взглянул наверх, но до крон деревьев было не так близко. Он глубоко вздохнул и почувствовал, как его рюкзак соскользнул с плеч и упал на землю. Но другой груз, винтовку, он не выпускал из рук.

И в этот момент он увидел тропу, шириной около шести футов, она начиналась с того самого места, где обрывались следы, и была слегка утоплена в землю.

Странно!

Рафт сделал шаг — и тут же отпрянул назад. Словно кто-то прикоснулся к нему. Здесь, на этой поляне, в ее неподвижном воздухе, было что-то осязаемое — прохладное и невидимое.

Рафт с опаской вытянул руку вперед, и почти сразу его пальцы уперлись в гладкую, как стекло, но абсолютно невидимую поверхность. Зрение здесь не могло помочь, и Рафт исследовал поверхность на ощупь. Перед ним было нечто вроде полой трубы, около десяти футов в сечении. Он бросил в сторону трубы несколько камешков и понял, что она была сделала из абсолютно прозрачного вещества, на котором не оседала даже пыль.

Взгляд Рафта устремился по извилистому пути — туда, где расступались деревья, неестественно зависали спускающиеся к земле ветки орхидей, а полет

крошечной колибри неожиданно заканчивался резким ударом о твердый воздух.

Рафт, стоя на поляне, пытался как-то разрешить эту загадку, и вдруг раздался глухой рев ягуара. Рафт круто повернулся и поднял винтовку. Он заметил, как от вибрации низкого звука шевельнулась листва на деревьях, но самого ягуара не было видно.

Но зверь — и, видимо, крупный — был, вероятно, совсем близко и готовился к прыжку, догадался Рафт, прислушиваясь к хриплому дыханию ягуара.

Рафт по-прежнему стоял на поляне и был ничем не защищен; и как только он это понял, реакция его была молниеносной: он наклонился, схватил рюкзак, бросил его за спину — туда, где начинался невидимый тоннель, и сам шагнул назад. Он почувствовал, как мягкая почва под ногами неожиданно превратилась во что-то твердое и гладкое. Оглушительный рев ягуара еще раз эхом пронесся по джунглям, и казалось, что невидимые стены тоннеля задрожали от этого звука.

А потом послышался отдаленный шорох, легкий, как шелест травы, и едва уловимый, как чье-то дыхание. И вход в тоннель, точно мираж в пустыне, осветился мерцающим блеском.

Все звуки смолкли. От неожиданной тишины у Рафта загудело в ушах. Он протянул руку в пустоту, но это была не пустота. Вход, через который он только что вошел, оказался уже закрытым невидимой панелью, сделанной из такого же гладкого, что и потолок, стены и пол, материала. Вход — Врата Паитити?

Западня? Ловушка, которую ему подстроил Перейра?

Рафт похлопал рукой по винтовке. Даже если ловушка — ну что ж, в конце концов, он не безоружен. И точно решил, что пойдет дальше. Только теперь он будет знать, что нужно быть ко всему готовым.

Ягуара здесь уже не было. Рафт закинул рюкзак за спину и пошел вперед. Прозрачный пол тоннеля был гладким, но не скользким. Казалось, ноги Рафта притягивала к нему невидимая сила. Возможно, это

было силовое поле, незримый энергетический заслон. Да Фонсека говорил что-то о невидимой дороге.

Ну что ж, проверим, подумал Рафт.

Он шел дальше. Поляна осталась позади, и, углубляясь в джунгли, он заставлял себя не слишком удивляться. Многое нужно было взвесить и обдумать. Рафт уже давно научился этой хитрости: не думать о том, что до поры до времени не мог постичь его разум.

Так, за последние двадцать дней он уже не раз отгонял от себя одну мысль, а вернее, образ — улыбающееся лицо девушки с печалью в раскосых глазах, лицо, которое он увидел в зеркале лишь мельком, но не мог забыть.

Рафт знал, что идет уже не по тропе. Он был в тоннеле, но если бы не мертвая, зловещая тишина, то причин для беспокойства, казалось бы, не было. Со всех сторон его по-прежнему обступали густые джунгли.

Совсем близко порхали яркие бабочки, волшебно горело в листве оперение птиц, и там же, за невидимыми стенами тоннеля, роилась жужжащая мошка.

Когда-то очень давно Магеллан писал о бразильских деревьях, что из них делали мыло и стекло, — это были искаженные описания млечного сока, из которого много позже получили прекрасный каучук. Легенды часто хранят в себе истину. Как и Семь Городов Сиболы[1], которые существовали, хотя их улицы никогда не были вымощены золотом.

Рафт неожиданно для себя вспомнил, что Веспуччи[2] упоминал в своих дневниках Озеро Доирада и сияющие на его берегах города. А да Фонсека говорил о царстве Паитити. В былые времена потомки европейцев, жившие в Бразилии, чья кровь уже успела смешаться с индейской, не раз отправлялись на поиски Паитити.

Память Рафта сохранила только обрывки этих легенд: в Паитити жили карлики и великаны, у

---

[1] Семь Городов Сиболы — вероятно, мифический город-остров в Атлантике.

[2] Америго Веспуччи (умер в 1512 г.) — итальянский мореплаватель, впервые назвавший Америку Новым Светом; по его имени этот континент и был назван.

некоторых из них ступни были вывернуты назад, а другие ходили на птичьих ногах. Вот так, обычные сказки.

Найти Паитити никому не удавалось.

Рафт достал из рюкзака фонарик. Тропа уходила все ниже и ниже. Впереди, всего в нескольких ярдах от Рафта, чернел провал. Тоннель шел вниз, и так круто, что удержаться на ногах, казалось, было невозможно. Рафт шел осторожно и думал о том, как удалось здесь пройти Перейре и Крэддоку.

Свет померк. Рафт различал лишь спрессованные пласты земли, которая окружала его теперь со всех сторон. Тоннель круто спускался вниз. Слишком круто. Рафт внезапно понял, что зашел чересчур далеко. Это была какая-то уловка, на которую он попался. Казалось, что такие понятия, как баланс равновесия и сила тяжести, изменили здесь свою природу. Теперь Рафт знал наверняка, что ему не дает упасть неведомая сила: он, точно муха, двигался по вертикальной стене.

На мгновение у него закружилась голова. Конечно, тоннель уходил вниз не совсем отвесно, и все же — никаких присосок, как у мухи, у него не было, но каким-то странным образом он сохранял равновесие на этом спуске, под углом не меньше сорока пяти градусов.

Энергетическое поле, подумал Рафт. Силовой барьер!

Он продолжал спускаться. Впрочем, сказать наверняка, шел ли он вниз или вверх, он не мог. Только логика подсказывала ему, что, судя по обступавшей его темноте, он, вероятно, спускался все ниже и ниже под землю.

Шел он так уже довольно долго, как вдруг что-то изменилось. Впереди, из-за поворота, блеснул свет. Он был совсем слабым, казалось, что сам мрак переливается бликами на стенах тоннеля. Рафт сделал несколько осторожных шагов.

Это была вода.

Она текла сверху, и ее быстрый пенистый поток тихо обволакивал тоннель и сверкал в луче фонарика.

Сыны Израилевы, вспомнил Рафт, прошли среди моря посуху, воды же были им стеною.

Как бы там ни было, на его пути встретилось еще одно чудо, и, наверное, не последнее. Рафт еще крепче сжал зубы и пошел дальше, смутно надеясь, что его не постигнет участь египтян, уготованная им Моисеем. Если стены тоннеля разомкнутся — это будет для него концом.

Но стены были прочны. Рафт уже долго шел во мраке, и лишь слабый луч фонарика освещал дорогу. Он был уже где-то глубоко под землей, и единственное, в чем он теперь не сомневался, было то, что спускался он по абсолютной вертикали и измененная в тоннеле сила тяжести делала этот фантастический спуск возможным.

Едва различимый проблеск света заставил Рафта выключить фонарик. На какое-то время он оказался в полной темноте, но вскоре начал различать тусклый фиолетовый свет, который, казалось, сочился со всех сторон — сверху, снизу — отовсюду. Голова закружилась так сильно, что Рафт почувствовал тошноту.

Далеко внизу, куда под немыслимым углом уходил прозрачный пол тоннеля, обозначились неровные границы огромной пещеры.

И в этот момент, хотя голова кружилась еще сильнее, чем раньше, Рафт отчетливо осознал, что он действительно стоит под невероятным углом к расположенной внизу пещере. Вся пещера была залита бледным фиолетовым светом. Стены были точно выточены из скалы, а с потолка, тускло поблескивая в полумраке, свешивались гигантские капли сталактитов.

Пещера была узкой и, словно русло реки, расходилась на два рукава. Тоннель же по крутой дуге спускался вниз, превращаясь в темную точку у дальней стены. Рафт понимал, что удержаться на этом головокружительном спуске будет просто невозможно, но уже после первых робких шагов по невидимому полу ему стало казаться, что не он, а сама пещера вот-вот упадет, потеряв равновесие.

В мрачной фиолетовой глубине что-то двигалось. Что-то живое. Рафт не мог разглядеть, что это было, но, посмотрев дальше, он и там заметил какое-то движение — и еще сильнее, интенсивнее у стен, среди

каменных выступов. И вся эта высокая, узкая и словно опрокидывающаяся пещера ожила, и тени стали приближаться к застывшему в воздухе Рафту.

Демоны Паитити!

По законам биологии их существование было невозможно. Рафт видел только их очертания, тени, похожие на крылья, на огромные когти и... на что-то еще. И ни одна тень не была похожа на другую. Вся логика анатомического строения была здесь нарушена. Рафт почувствовал, как у него пересохло во рту.

Они его наверняка видели. Медленно, точно слизни, они ползли к Рафту, и эта медлительность пугала больше, чем стремительное движение, — словно демоны знали, что времени у них в избытке.

Рафт содрогнулся. И хотя он знал, что Перейра с Крэддоком тоже прошли здесь, ему вдруг показалось, что воздушный мост уходит у него из-под ног и он сам вот-вот упадет на край огромной ямы, в которой ползали эти чудовища — порождение кошмаров. Если бы в тоннеле был малейший разрыв, конец был бы неминуем.

Биологические забавы, успокоил себя Рафт и двинулся дальше.

Минут через десять он впервые оказался на распутье — тоннель раздваивался. Какой путь выбрать, он не знал. Рафт наугад повернул направо, и судьба улыбнулась ему на этот раз.

Тоннель заканчивался, и внутреннее напряжение спадало. Впереди, еще прежде чем он подошел к концу тоннеля, Рафт увидел круг света. Отчетливое, яркое сияние, казалось, разливалось на весь проход. Еще одно силовое поле, предположил Рафт, похожее на то, из которого был сделан сам тоннель. Но различия были: оно отражало свет или, во всяком случае, испускало свое собственное холодное свечение.

Он дотронулся до этого гладкого блестящего круга. Ничего. Это была просто поверхность света — света, который становился все бледнее и бледнее, пока Рафт смотрел на него.

В неясном, белесом свете появились прозрачные, загадочные тени. Волнистые линии менялись и темнели. Они постепенно приняли очертания человека, и Рафт еще сильнее сжал в руках винтовку. Позади фигуры смутно вырисовывались ажурные линии ка-

кого-то здания с высокими колоннами и что-то, напоминающее водный поток.

Свет начал меркнуть и скоро угас. Раздался легкий шорох, и преграда точно растаяла.

То, что Рафт принял за поток, оказалось на самом деле лестницей, круто спускающейся в огромный пустой зал, единственным украшением которого были гигантские колонны. Они были массивнее столбов Карнака[1] и уходили далеко в глубь зала. Больше во всем зале ничего не было, только эти колонны и... девушка — она стояла футах в десяти ниже Рафта на той же самой лестнице и смотрела на него. Девушка была прекрасна, но в нежном овале ее лица угадывалось что-то странное, что-то неправильное.

Она быстро взмахнула руками, и Рафт вновь услышал легкий шорох. Он оглянулся назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как тоннель вновь затянулся световой преградой.

Пути назад не было.

ГЛАВА IV

Джанисса

Она была точно такой, какой запомнилась Рафту по мимолетному отражению в зеркале да Фонсеки. Ее маленький рот улыбался, но, одновременно с этой улыбкой, в ее лице было что-то коварное. Зеленовато-голубые глаза обрамляла густая черная кайма, и поэтому они казались слегка раскосыми. Ее волосы... они были цвета тигровой шкуры.

Медово-желтые с золотистым отливом, эти волосы были так прекрасны, что, казалось, они вот-вот растают, словно облако в небе.

Голубовато-золотой наряд девушки так плотно облегал ее тонкую фигуру, словно был не одеждой, а второй кожей. Талия была перехвачена широким поясом, за который она что-то быстро спрятала. Потом девушка улыбнулась Рафту.

От этой улыбки ее лицо изменилось — оно стало удивительно привлекательным, нежным и добрым. А

[1] Карнак — дворец в столице Древнего Египта, Луксоре.

голос девушки оказался именно таким, каким его представлял себе Рафт. Но в этом певучем, журчащем голосе Рафт услышал что-то пугающее, как и в интонациях Перейры.

Язык, на котором она обратилась к Рафту, был ему незнаком. Девушка поняла это и быстро перешла на спотыкающийся португальский, а после этого, вскинув тонкие плечи, заговорила на одном из индейских наречий, которое Рафт знал, хотя и никогда не слышал, чтобы на нем говорили так, как она.

— Не пугайся, — сказала она. — Если я так долго была твоим проводником, неужели ты думаешь, я позволю, чтобы сейчас с тобой случилось недоброе? Да, однажды я сама испугалась — это когда ты стоял на перепутье. Но ты сделал правильный выбор.

Рафт уже опустил винтовку, но его рука по-прежнему блуждала по холодному, успокаивающему металлу. На том же наречии он спросил ее:

— Ты была моим проводником?

— Конечно. Но Паррор ничего не знает — он был слишком занят поисками пищи, пока был в пути, — усмехнувшись, ответила она. — Ох, как ему это не нравилось. Охотник он хороший, но жарить мясо на костре — это не для него. Паррор совсем не такой самоуверенный, каким мог тебе показаться.

— Паррор? — переспросил Рафт. — Это кто, Перейра?

— Да. А теперь пойдем со мной, Брайан Рафт. Видишь, я знаю твое имя. Но я не знаю многого другого, и ты должен мне об этом рассказать.

— Нет, подожди, — сказал Рафт, не двигаясь с места. — Если тебе известно так много, то ты должна знать, почему я пришел сюда. Где сейчас Дэн Крэддок?

— А-а, он уже проснулся, — ответила девушка. Она достала из-за пояса крошечное зеркало и небрежно помахала им. — Паррор отдал мне мое зеркало, когда вернулся, — ведь сдерживать Крэддока уже не надо. Именно поэтому я и могла видеть, как ты шел по джунглям. Ты же посмотрел в мое зеркало, а после этого и я видела тебя. Тебе повезло, иначе ты никогда не смог бы открыть дверь в Паитити.

— Отведи меня к Крэддоку, — приказал Рафт, чувствуя себя при этом крайне неуверенно. — Немедленно.

— Хорошо, — сказала девушка и, взяв Рафта за руку, пошла вниз.

Чем ниже они спускались, тем все выше и выше казались массивные колонны и все более очевидными становились гигантские размеры зала.

— Ты не спросил, как меня зовут, — тихо сказала она.

— Как?

— Джанисса, — ответила девушка. — А это все — Паитити. Ты и сам, наверное, знаешь.

Рафт как-то неопределенно покачал головой.

— Может быть, вы здесь много знаете о внешнем мире, но нам о вас почти ничего не известно. Я слышал о Паитити только в легендах.

— У нас тоже есть свои легенды.

Они спустились с лестницы, прошли по залу, потом — под арку и оказались в галерее, стены которой были выложены мозаикой.

Символические изображения произвели на Рафта странное, непонятное впечатление — ему на глаза попались одна или две картины, но изображенные фигуры, казалось, не имели ничего общего ни с Джаниссой, ни с Перейрой-Паррором. Времени рассмотреть их поближе у Рафта не было.

Девушка вела его дальше — они прошли через какой-то небольшой зал, поднялись по лестнице и оказались в круглой комнате. Стены и даже пол были обтянуты бархатом и уложены подушками, простеганными цветочными узорами в виде цветов, и вся комната походила на один большой диван.

Рафт успел разглядеть комнату — ее необычность и великолепие, дорогой плотный бархат на стенах. Он заметил овальную дверь из полупрозрачного материала, из-за которой сочился тусклый свет. В другой стене был сводчатый проход, широкий и низкий, выходящий на раскачивающиеся деревья.

Что-то поразило Рафта в этих деревьях, но присмотреться к ним он не успел. Он почувствовал легкое дуновение, и на него пахнуло ароматом цветов и

сочной влагой темных джунглей. Рафт понял: после долгого путешествия под землей он вновь оказался на поверхности.

— Сядь и отдохни, — сказала Джанисса. — Ты долго шел.

Рафт покачал головой.

— Ты же сказала, что ведешь меня к Крэддоку?

— Я пока не могу этого сделать. С ним Паррор.

— Ладно, — протянул Рафт, и его рука опустилась на винтовку.

Джанисса только улыбнулась.

— Неужели ты думаешь, что это может помочь тебе здесь, в замке Паррора, на этой земле, где он всесилен?

— Думаю, да. А если не поможет — есть другие пути, — ответил Рафт. Он снял винтовку с плеча и прислонил ее к стене. — Не знаю, какой уж он там сверхчеловек, этот Паррор, но бьюсь об заклад, что от пули ему не увернуться.

— От пули? А, понимаю. Ты прав и... не прав. Там, в вашем мире, твое оружие не причинило бы ему ни малейшего вреда, но в Паитити Паррор становится уязвимее.

Рафт с удивлением посмотрел на обращенное к нему лицо девушки — такое прекрасное и пугающе странное.

— Что это значит?

— Паррор не знает, что ты здесь. И поэтому...

— Нет, Паррор знает, — раздался чей-то спокойный, ровный голос.

Рафт круто повернулся, от неожиданности у него перехватило дыхание и часто забилось сердце. Это был Паррор!

Он бесшумно вошел через овальную дверь, и Рафт как-то безотчетно, подсознательно понял, что Паррор опередил его намного больше, чем он предполагал. Охотник за алмазами уже избавился от своих лохмотьев, привел себя в порядок, его черная борода была аккуратно подстрижена, и легкий бархатистый пушок еще сильнее подчеркивал линию подбородка — тяжелого, но на удивление правильного.

На нем была одежда из мягкой и плотной, блестящей, как темный атлас, ткани — она сидела на нем так безукоризненно, словно была нарисована на

его фигуре. В руках Паррор крутил необычное оружие, похожее на серебряный хлыст, который свисал у него с широкого, украшенного драгоценными камнями ремня.

Рафта внезапно охватило чувство неуверенности. Встреча оказалась вовсе не такой, какой он себе ее представлял. В Парроре было что-то такое, от чего Рафт не мог унять дрожь во всем теле. Что-то нечеловеческое, чему невозможно дать определение. Он чувствовал это и в Джаниссе, но, в отличие от Паррора, в ней не было жестокости.

Паррор был само высокомерие. Он чувствовал себя дома и держался с уверенностью, присущей хозяину. Рафту же было не по себе от собственной неловкости, глупости, но еще больше от издевательского взгляда черных прищуренных глаз. К тому же Рафт точно знал, что Паррор читает его мысли.

Паррор многозначительно усмехнулся.

— Ты не был нужен нам здесь, — сказал он на индейском наречии, — но, возможно, я найду тебе применение. Да, думаю, я смогу это сделать.

— Мы, Паррор. Мы сможем, — тихо проговорила Джанисса, и на какое-то мгновение два невидимых меча словно скрестились в воздухе между ней и Парроpом.

— Послушай, Перейра, или как там тебя звать, нам нужно поговорить, — гневно сказал Рафт. — Прямо сейчас. И разговор наш будет коротким.

— Неужели? — язвительно проворчал Паррор и подкинул серебряный хлыст так, что тот зазвенел у него в руках.

— Где Крэддок? Что ты сделал с ним?

— Ничего. Просто показал ему одно зеркало, в котором он увидел... впрочем, я не знаю, что он в нем увидел. После этого он погрузился в сон.

— Разбуди его и отведи меня к нему.

— Но он уже не спит.

— Вот так-то лучше, — сурово проговорил Рафт. Он не сводил глаз с хлыста Паррора и держал свою руку на холодном прикладе винтовки. — Ты ведь с такой же легкостью убил и да Фонсеку, не так ли?

— Убил? Нет. Зеркало мое. Я дал его да Фонсеке только на время, а потом забрал обратно — вот и все.

— Зеркало твое? — удивленно прошептала Джанисса.

Паррор ей ничего не ответил.

— А что было потом, меня не касается, — продолжил он. — Да Фонсека был мне больше не нужен. И он слишком много говорил.

На Рафта накатила волна гнева. Высокомерие этого бородача, его равнодушие и что-то нечеловеческое, чему Рафт не мог найти имени, — все это, вместе с напряжением последних трех недель, привело Рафта в ярость. Нет, пули здесь было уже мало. Ему захотелось расправиться с Паррором собственными руками.

— Мерзавец! — прорычал Рафт. — Если Крэддок умрет, я сверну твою поганую шею. Веди меня к нему!

Он бросился на Паррора и крепко схватил его за плечо, испытывая при этом животное наслаждение от того, что он наконец добрался до своего врага.

Рафт знал приемы дзюдо, был сильным и ловким, и он не ожидал молниеносной реакции Паррора.

Правильное, красивое лицо бородача исказилось — теперь это был настоящий дьявол. В своей стремительной, слепой, нечеловеческой ярости Паррор по-звериному оскалился и свирепо зашипел, пытаясь освободиться. Рафт почувствовал, как напряглось все тело Паррора, а в изнеженных, тонких руках неожиданно появилась неукротимая сила. На какое-то мгновение оба противника намертво схватили друг друга.

От напряжения у Рафта зазвенело в ушах, и вдруг он услышал сзади голос Джаниссы:

— Брайан! Отпусти его! Быстро!

Она выкрикнула это так отчаянно и настойчиво, что Рафт подчинился.

Потрясенный собственным внезапным гневом и злобой, он отпустил Паррора. Но еще больше его поразило другое: он никогда не видел человека, даже сумасшедшего, который был бы охвачен такой дьявольской яростью, как Паррор.

В этой короткой схватке была еще одна неожиданность для Рафта: под сеткой мышц в груди Паррора он безошибочно различил ровное биение сердца.

Но там, на станции, пульса у него не было!

Паррор отступил назад, тряхнул головой и вновь стал прежним — невозмутимо-спокойным и высокомерным. Это было удивительно: слепая ярость угасла в нем так же неожиданно, как и возникла.

— Ты не должен так вести себя с нами, Брайан, — тихо проговорила Джанисса. — Если тебе надо убить — попробуй, но не обращайся с нами так грубо.

Собственный голос показался Рафту чужим.

— *С вами?* Но кто вы? — спросил он и перевел недоуменный взгляд со сдержанного лица девушки на загадочные темные глаза мужчины.

Паррор молчал — лишь спокойная, самоуверенная усмешка играла на его губах. И в этой усмешке Рафт прочел ответ. Теперь он начал понимать, что означают эти плавные гибкие движения и звериная ярость, которая проснулась в этом теле, едва до него дотронулись. Ну конечно же, во всем этом было что-то нечеловеческое. Рафт вспомнил, что ему сказал Паррор на станции: «Мне встретились ваши предки, доктор. Они сидели на деревьях, галдели и почесывались. Мне встретились и мои предки».

Теперь Рафт знал, что в джунглях он не раз проходил мимо них и не замечал. Они были там, в высокой густой траве, бесшумно переступали пружинистыми лапами, и лесные тени плавно скользили по их пятнистым телам. Он слышал их рычание в темноте джунглей и видел их сверкающие в отблесках костра глаза. Рафт подумал, что теперь он знает, кто такой Паррор, Джанисса и весь их род.

Они не были людьми в буквальном смысле. Их происхождение было отличным от человеческого. Как врачу, который занимался биологическими и антропологическими исследованиями, Рафту было известно, что теоретически возможны даже абсолютно невероятные случаи. В эволюции нет непреложных законов. Лишь случайность сделала человека господствующим и разумным биологическим видом. Случайность и особенности развития кисти.

Наши далекие предки, подумал Рафт, были обезьянами и жили на деревьях, их гибкие и умелые руки положили первый камень в здание цивилизации. Но случись иначе, и миром могли бы править те, кто произошел от собак, рептилий или кошек.

Кошки!

Его поразила неожиданная мысль: только одно семейство животных обладает явными признаками развития большого пальца, за исключением грызунов, которые им не пользуются. У домашних кошек иногда встречается еще один, особенный палец на передних лапах. Большой палец.

Хозяин называет своего любимца Лапкой или Драчуном по этой причине и более ни о чем не задумывается. На самом деле этот дополнительный палец придает еще большую гибкость лапе, а с течением времени и при благоприятных условиях — о загадках, которые еще хранила Паитити, можно было только догадываться — этот признак мог развиться и обернуться чудом!

Значит, семейство кошачьих. Ну что ж, кое-что это объясняло, но до полной разгадки было еще далеко. Рафт, как и прежде, не мог взять в толк, что связывало Паррора и Дэна Крэддока. Оставалась неразгаданной и тайна зеркала, из-за которого умер да Фонсека. И было еще очень многое, чего он не понимал. Слишком многое.

Рафт заметил, как Джанисса неожиданно напряглась и заволновалась, точно кошка, у которой шерсть встала дыбом. Это сравнение пришло само по себе. И почти одновременно с этим он услышал далекий шум, звук тяжелых шагов и звон металла.

Но Паррор не казался удивленным. Он повернулся к полупрозрачной двери — за ней в матовом стекле вырисовывались какие-то тени. В дверь постучали.

— Паррор? — В голосе Джаниссы прозвучал вопрос.

Он что-то ответил ей на языке, который был непонятен Рафту. Девушка кинула быстрый взгляд на Рафта. Глаза ее угасли. Неожиданно ее гибкое тело изогнулось, она встала и быстро исчезла в деревьях за сводом арки.

Паррор отдал какой-то приказ. Овальная дверь поднялась вверх и исчезла на глазах у Рафта. На пороге, в тусклом свете, обозначились силуэты людей. Но были ли они людьми?

На них были плотные, прекрасно выкованные кольчуги, а голову защищали мелкие, переплетенные

в виде узора, сверкающие кольца из металла. У каждого из десятерых вошедших мужчин на поясе было оружие, напоминающее шпагу.

Как и у Паррора, в их облике странно сочетались сила и изящество, а в их движениях было то же гибкое, плавное проворство ягуара. Пристальные взгляды их раскосых глаз были устремлены на Рафта.

Паррор, передернув плечами, отступил назад, и десять воинов мгновенно приблизились к Рафту. Он отскочил к стене, где была его винтовка, но, увидев, что его уже окружили и до винтовки не добраться, выхватил револьвер.

Тонкий и гибкий, как проволока, металл обжег его запястье, словно к нему приложили раскаленное железо: это был хлыст Паррора. Рафт выронил револьвер и почувствовал натиск обступивших его тел; но, как ни странно, ни один из воинов до него не дотрагивался.

Они обнажили свои шпаги, которые, ярко сверкая, слились в единую смертоносную сетку. Сталь лезвий пела и кружилась вокруг него, и Рафт отпрянул назад. Он попытался приблизиться к Паррору, но бородача рядом не оказалось — он стоял в глубине комнаты, уже почти под сводом арки, и внимательно наблюдал за происходящим.

— Он говорит на индейском? — спросил чей-то низкий голос.

Паррор кивнул. Воин с бронзовым, изрезанным шрамами лицом обратился к Рафту.

— Ты пойдешь с нами без принуждения? — спросил он.

— Куда? — решительно парировал Рафт.

— К Властелину.

— А! Значит, здесь есть кое-кто поважнее тебя, — сказал Рафт, повернувшись к Паррору. — Хорошо, я, пожалуй, сыграю в эту игру и надеюсь, что не все в ней будет по-твоему.

Паррор усмехнулся.

— Я же сказал, что смогу найти тебе применение, — тихо проговорил он на португальском и вновь перешел на загадочный язык людей-кошек.

Воин со шрамом быстро спросил его о чем-то, и ответ Паррора прозвучал, видимо, вполне убедительно, потому что воин опустил шпагу.

— Итак, Крэддок, ты идешь? — спросил он Рафта на индейском.

Крэддок? Рафт уже открыл рот, чтобы возразить, но Паррор прервал его и принялся быстро разговаривать о чем-то с воином.

На этот раз Рафт оборвал его:

— Я не Крэддок. Меня зовут Брайан Рафт, а вот пришел я сюда за Крэддоком. Этот человек, — Рафт показал на Паррора, — похитил его.

— Мне жаль, но этот номер здесь не пройдет, — сказал Паррор. — И теперь я уже ничем не смогу тебе помочь. Здесь правит Властелин, и тебе придется говорить с ним. А сейчас тебе лучше следовать за Ванном.

Ванн, воин со шрамами, проворчал:

— Он прав. Ложь тебя не спасет. Идем! А ты, Паррор...

Он процедил несколько слов, которые Рафт не понял. Глаза Паррора злобно сверкнули, но он ничего не ответил воину.

Рафта подтолкнули в спину, и он неохотно двинулся вперед, бросив взгляд на револьвер, который выбил у него Паррор, на винтовку и рюкзак — все это было теперь в руках у воинов. На пороге он обернулся и сурово посмотрел на Паррора.

— Я еще вернусь, — уверенно пообещал он.

И, шагнув под свод арки, он вошел в Паитити.

ГЛАВА V

Долина чудес

Уже не в первый раз он подумал об этом странном, непонятном, затерянном мире, который был так не похож на все то, о чем ему приходилось слышать. Рафту были известны легенды об утерянных цивилизациях, об Атлантиде, Лемурии и о фантастических прорывах из прошлого.

Но здесь, в Паитити, он не находил ничего общего с этими вымыслами — ни острова сокровищ в загадочном море, ни неизведанной земли. И все же в Паитити была какая-то непостижимая тайна — тайна чужого мира.

И мир этот оказался слишком ярким, реальным, живым, чтобы его можно было принять за сказку. Переполненная чаша жизни, скрытая незримым покровом чужого мира, — долина тайн, благословенная и проклятая, как ни одно другое место на земле.

Неведомая сила заронила свое семя в почву Паитити, притронулась к ее деревьям, дала новое дыхание ее воздуху — пока в конце концов весь мир Паитити не превратился в нечто неземное.

Возможно, когда-то сюда упал метеорит, подумал Рафт, вспомнив четко очерченный, миль в пятьдесят в поперечнике, участок джунглей, который он увидел сверху, с горы. Но все остальное было умело скрыто. Обычные земные деревья не могли бы этого сделать, да их здесь и не было. Рафт посмотрел на этот призрачный мир и подумал об огромных колоннах в том зале, куда выходил тоннель. Столбы Карнака были карликами в сравнении с этими деревьями, которые, казалось, поддерживали сам небесный свод.

Рафт вспомнил древнескандинавский миф о Иггдрасиле — древе жизни, на котором, по преданиям, покоится мир.

Наверное, лишь немногие мамонтовые деревья Калифорнии могли сравниться своими размерами с этими исполинами. Только в поперечнике они были не меньше, чем большой городской дом. Росли они поодиночке, на расстоянии полумили, а то и дальше друг от друга, и где-то невероятно высоко зеленели их кроны. Дерево высотою в пять миль!

Небо было зеленым от их листвы, а корни, словно стрелы, выпущенные титанами, уходили глубоко в землю.

Корни эти, подумал Рафт, могли доходить до самого ада! И оттуда, из этих глубин, ровные и прямые, без единой ветки, вздымались стволы, концы которых терялись в сочной зелени крон.

И все же небесный свод проглядывал сквозь эту завесу. Почти прямо над головой Рафта был небольшой разрыв, через который виднелось тропическое солнце. Но здесь, внизу, воздух был чистый и прохладный, как на заре.

Единственной преградой для этого прозрачного потока воздуха были сами деревья. Рафт заметил крутой спуск, который, петляя, уходил вниз и ярдах в

пятидесяти выходил на тропу, исчезающую в глубине гигантского леса. Откуда-то издалека до Рафта донеслись еле слышные раскаты.

И больше ничего — только Ванн, повернув голову, вопросительно посмотрел назад. Рафт последовал его примеру.

Позади него уходили ввысь и терялись в кронах исполинских деревьев ровные стены и башни дворца Паррора. И на этот неприступный замок зловеще медленно наползало каменное облако.

— Это просто обвал, — спокойно проговорил Ванн и подтолкнул Рафта вперед. — Опасности никакой нет.

— Нет опасности!?

— Конечно, нет, — воин, казалось, был удивлен реакцией Рафта. — И ты это сам знаешь.

Рафт снова посмотрел вверх. Лавина, несомненно, приближалась, но не так быстро, как это должно было быть. Рафт обратил внимание на одну из каменных глыб — она ударилась о выступ скалы, отскочила от него и падала дальше вниз.

Но как медленно она падала — как медленно!

Словно сам воздух, переворачивая ее из стороны в сторону, спокойно нес эту громадину вниз и опустил ее на одну из башен замка. Глыба отскочила от башни, никак ее не повредив, и падала дальше — так медленно, что Рафт мог различить каждую щербинку на ее поверхности. Наконец глыба упала на землю.

Надо сказать, она была не из маленьких, но падала вниз, кружась, как пушинка.

— Не стой на месте, Крэддок, — сказал Ванн и оттолкнул Рафта подальше от падающего камня. Камень размером с арбуз ударился о склон и, медленно отскочив, полетел дальше. Идущие позади воины посматривали вверх, время от времени уворачиваясь от камнепада. Ошеломленный Рафт пристально глядел вверх.

— Я думал, что камнепад разрушит замок, — сказал он.

— Никогда. Те, кто его строили, строили навечно, — ответил Ванн. — Это был не наш род, они были всесильны.

— Что же, черт подери, заставляет эти камни падать так медленно?

— Они падают уже быстрее, чем при наших отцах. Но и так они не опасны. Нам могут причинить вред только живые создания. И... хватит разговоров, иди вперед.

Он крепко взял Рафта за руку и повел его вниз по виадуку. Воины шли за ним следом — стальные лезвия шпаг мерно бряцали, ударяясь о кольчуги.

Да, подумал Рафт, хватит разговоров. Хотя... кто знает? Он еще не успевал найти ответа на одну загадку, как за ней уже следовала другая.

Предки тех, кто окружал его сейчас, были кошками, и это объясняло многое, но не давало ответа на вопрос: почему каменные глыбы, летящие с высоты, падали так медленно, словно были обычными воздушными шарами?

Не мог он разгадать и странного, необъяснимого поведения Паррора и Джаниссы. Поначалу девушка казалась вполне дружелюбной, а потом безмолвно подчинилась воле Паррора. И, вдобавок ко всему, воины уверены, что он — Дэн Крэддок.

Конечно, Паррор сыграл на этом очень умело, и Рафт знал — доказывать Ванну, что он не Крэддок, — бесполезно. Возможно, у него появится шанс, когда его приведут к Властелину. При условии, что тот не окажется обросшим шерстью дикарем, с привязанными к поясу человеческими черепами.

Рафт усмехнулся. На самом деле он уже успел заметить, что эта страна, при всей своей странности, не была варварской. Здесь существовала древняя высокоразвитая культура — это было разумное цивилизованное общество, хотя и совершенно чуждое человеческому. Мир кошек не мог быть похожим на мир людей, и все же основные законы были одинаковы и там, и здесь. Равнобедренный треугольник будет равнобедренным и на Земле, и на Марсе. К сожалению, вопросы геометрии вряд ли будут предметом обсуждения. Психология — тонкая штука, она умело расставляет ловушки, и маловероятно то, что она совпадает у антропоидов и у кошачьего семейства.

Как бы там ни было, люди-кошки не могли быть созидателями.

Они были лишь мастеровыми. В подтверждение этому Рафт вспомнил слова Ванна о том, что кто-то другой построил замок Паррора. Всесильный когда-то род. Когда? Тысячу лет назад? Миллион? Человеку потребовался срок, соизмеримый лишь с вечностью, чтобы стать разумным существом, — эволюция не совершается в мгновение ока. Но за несколько поколений даже мутация не смогла бы превратить представителей кошачьего семейства в разумных созданий.

Впрочем, рассуждать об этом сейчас было мало пользы. Гладкая поверхность склона окончилась, и он оказался на обычной, грунтовой тропинке, которая, петляя между исполинскими деревьями, убегала вдаль. Теперь, когда его ноги действительно коснулись земли Паитити, он еще больше удивился всему тому, что его окружало. Эти колоссы, казалось, двигались и подступали все ближе и ближе — словно это был пугающе громадный живой Бирнамский Лес[1]. Такими были эти деревья!

Нет, это не были растения юрского периода и не гигантские папоротники — это были деревья. Теперь Рафт это твердо знал. Настоящие деревья — только вырасти они могли где-нибудь на такой огромной планете, как Юпитер, но не на Земле.

Эти деревья служили прибежищем живых организмов; Рафт заметил это, когда тропа вплотную подошла к одному из этих исполинов. Издали кора на деревьях казалась гладкой и ровной — на самом деле она была вся покрыта наростами.

Гигантский ствол дерева был увит плющом, и его бесконечные ростки, точно змеиные языки, тянулись к пролетающим мимо насекомым и птицам.

На плюще не было ни единого листка, но он весь сверкал от ярких цветов, и у Рафта защипало в носу от их тяжелого сладковатого запаха. Из небольшого дупла выскочила ящерица — она откусила побег плюща и скользнула обратно в заполненную водой

---

[1] Бирнамский Лес — образ из трагедии У. Шекспира «Макбет».

норку. Оказавшись внутри, ящерица окунула свою добычу в воду и не спеша принялась поедать ее.

Но эта рептилия не была обычной ящерицей, скорее всего, подумал Рафт, ее можно отнести к семейству ископаемых ящеров. Совсем небольшая, не более трех футов, она тем не менее напомнила Рафту одного из тех громадных кайманов, которыми кишат бразильские реки. С той лишь разницей, что те питаются мясом.

Ящер не был подделкой или игрой воображения — рядом ползали такие же твари. Невзрачные, бледные наросты, как осиные гнезда, покрывали ствол дерева на высоту до тридцати футов, и из несметного количества крошечных окошек на Рафта смотрели чьи-то светлые глаза. Внутри этих гнезд быстро двигались пушистые коричневые тельца — небольшие млекопитающие с рыльцами тапиров, приспособившиеся к жизни на деревьях.

На этом исполинском дереве обитали еще какие-то паразиты, похожие на больших темно-красных пиявок. Они прилипли к коре и сосали сок, насыщая свои отвратительные длинные тела. Обитателями гигантского дерева были и маленькие, не больше дюйма, белые безволосые создания, — они, как вши, ползали по телам других животных, внешне походивших на ленивцев, но с необычайной ловкостью преследовавших бесчисленных насекомых.

Это могло бы быть примером типичного симбиоза, но паразиты не приносили никакой пользы деревьям, на которых они жили. Другой растительности, кроме этих деревьев, плюща и бледного, упругого мха, здесь не было.

Да, чудес здесь хватало. Они прошли около полумили, и Рафт еще не успел забыть своего удивления от увиденного в лесу, когда они оказались на узком мосту, перекинутом через ручей. Мост казался сделанным из яркой, почти прозрачной пластмассы, через которую можно было без труда заметить, что рыбы в ручье не было. Впрочем, подумал Рафт, в этой точно заколдованной воде вряд ли могло существовать что-либо, даже отдаленно напоминающее рыбу. И сам ручей был неестественным.

Вода не журчала, а бесшумно струилась по каменистому дну. На небольших перекатах она неторопливо, как в замедленном кадре, падала вниз. Рябь плавно, лениво расходилась кругами и угасала у поросшего мхом берега.

Это была не вода. Эта застывшая, почти отвердевшая масса не могла быть водой.

Но когда Рафт, вопросительно взглянув на Ванна, склонился над ручьем, опустил руки вниз, а затем поднес сложенные вместе ладони к губам, он понял — это была вода. Ее струйки сочились сквозь пальцы и медленно капали на сухой мох.

Эта вода была такой же плавной и тихой, как и те камни у замка Паррора. Волшебная поляна Оберона. Воздух был прозрачен и напоен сладким запахом цветов плюща.

Что это — колдовство, чары? Чья волшебная сила прикоснулась к этому миру? Здесь прошло божество — Рафт в этом уже не сомневался. Но какое? Божество Земли или то, которое надо искать там, за далекими звездами?

Безмолвно повинуясь, Рафт последовал за Ванном. Чем быстрее они придут, тем, возможно, раньше он получит ответы на свои вопросы.

В конце концов и это путешествие стало утомительным из-за своего однообразия. Однажды где-то в глубине леса мелькнули стены замка, совсем небольшого по сравнению с крепостью Паррора, но воины, даже не взглянув на него, прошли мимо.

— Сколько нам осталось идти? — спросил Рафт.

— Еще долго.

Ванн был прав. Время тянулось медленно. Рафт то и дело посматривал на часы и наконец пришел к заключению, которое вновь поставило его в тупик. Они прошли, должно быть, не меньше пятнадцати миль, но по его часам получалось, что шли они не больше четверти часа. И яркое пятно света, пробивающегося через зеленую завесу, было все на том же самом месте. Солнце, видимо, зависло над Паитити.

И много позже солнечный диск не изменил своего положения, когда они вышли из леса и оказались на большом, шириною в милю, чистом пространстве, что-то вроде огромной поляны.

Впереди них, заслоняя собою дорогу, стоял дворец со множеством башенок. Исполинские деревья, окружавшие его, делали дворец меньше, чем он был на самом деле. Но даже и так было видно, что он огромен.

Рафт не видел отчетливо, что находилось позади дворца, но смог различить какое-то бесформенное, бледное облако, зависшее над остроконечными башнями, — белесая масса переливалась, медленно превращаясь в светящуюся громаду.

Перед замком текла широкая река и скрывалась за ним. Стремительный поток нырял под высокую арку и исчезал.

От усталости Рафт с трудом передвигал ноги. После двух долгих переходов — сначала по тоннелю, который привел его в Паитити, а позже — утомительного путешествия с воинами — мышцы Рафта стали дряблыми, точно наполнились водой. Он был так измучен, что голос Ванна, все время бывшего с ним рядом, звучал, ему казалось, словно издалека. Рафт безропотно шел вперед — механически, как во сне, делая шаг за шагом, чтобы не отстать от своего конвоя.

Вскоре они оказались во внутреннем дворе замка. Здесь они были уже не одни. Их окружала толпа ярко одетых людей-кошек, чьи лица напомнили Рафту древнеегипетские маски. Толпа стояла посередине двора в ожидании некоего действа. В самом центре, на высокой каменной глыбе — припав к ней, точно изготовившись к броску, — полулежал мужчина. Он что-то пел резким и высоким голосом.

И хотя Рафт не понимал ни единого слова, он услышал в этой песне необузданное, бешеное ликование. В руках у певца был какой-то сложный струнный инструмент, звуки которого напоминали волынку.

А рядом шел поединок. У одного из его участников — высокого, мускулистого гиганта — все лицо уже было залито кровью. Но внимание Рафта было приковано к его противнику.

Он чем-то походил на Паррора и все же был другим. Если Паррор напоминал Рафту сильную и хитрую пуму, то этот человек, с его гибкими, стреми-

тельными движениями, был больше похож на одного из тех гепардов, которых использовали на охоте вместо гончих раджи древней Индии.

Он был ловок и быстр. Его мужественное и вместе с тем тонкое лицо обрамляли чудесные волосы. Смеясь, он бросился на своего могучего противника и вонзил в него когти. У него на руке было что-то вроде латной рукавицы, из которой выходили три согнутых металлических когтя. Они были острые, как бритва, — кожа на обнаженной груди гиганта разошлась тремя глубокими порезами, и из них хлынула кровь.

Песня барда оборвалась на пронзительном, резком крике — пьянящем и безумном. Музыка продолжала звучать, в ней тоже был крик — крик любви и смерти, удушливого, кислого запаха свежей крови.

Поворот, обманное движение, удар.

Когтистые рукавицы сцепились, и послышался металлический скрежет. Противники отскочили друг от друга так резко, словно вместо ног у них были пружины. Гигант помотал головой из стороны в сторону: кровь застилала ему глаза. Его противник беззаботно выжидал, посматривая в сторону Рафта. Глаза его горели желтым цветом, зрачки были как две тонкие вертикальные щелки.

Светлые, почти рыжие волосы отливали странным темным блеском. Когда он улыбался, Рафту казалось, что он вот-вот увидит острые клыки гепарда. Красные капли падали со зловещей рукавицы на темное бедро. Он о чем-то громко спросил.

Ванн ответил ему. Светловолосый нетерпеливо поднял плечо, небрежно произнес несколько отрывистых коротких слов и вновь повернулся к гиганту, подняв в знак готовности свою рукавицу.

В ответ на это движение его противник прыгнул вперед, и два ловких, проворных тела сплелись в грациозном, но смертельном танце. Ванн повернулся — глаза его ярко сверкали — и, взяв Рафта за руку, сказал:

— Пошли. Теперь тебе надо спать.

Короткое возбуждение прошло, и Рафт вновь точно оцепенел от охватившей его усталости. Даже не взглянув больше в сторону поединка, он последовал за Ванном к главному входу в замок. Словно во сне, он

шел по длинным коридорам и извилистым лестницам, не чувствуя под собой ног. Рука Ванна наконец остановила его:

— А теперь спи. Дарум будет говорить с тобой после того, как ты отдохнешь.

— Дарум? — переспросил Рафт. На полу лежали диванные подушки, и Рафт тяжело опустился на них. — Кто такой Дарум?

— Ты только что видел, как он дрался. Он — Властелин. Он правит нами. Но сейчас он дерется, а потом...

Голос Ванна отдалялся от Рафта, сливаясь со слабым, навевающим дремоту гулом, похожим на... на что?

Рафт почувствовал убаюкивающую дрожь, которая, казалось, поднималась из глубин замка, словно что-то вдохнуло жизнь в его камни и сам замок ожил.

И Рафт уснул под эту колыбельную, которую пел ему чужой мир.

ГЛАВА VI

Безумный царь

Много часов спустя Рафт проснулся. Чувствовал он себя вполне отдохнувшим, но все тело ныло и болело. Сочившийся из высоких окон свет был разных оттенков и откидывал на толстый ковер блеклые, узорчатые тени.

Рафт был, по всей видимости, в спальне. На стенах висели зеркала, очень много зеркал, и еще он заметил, что в комнате не было ни одного угла. Небрежно разбросанные подушки, гладкий шелк, круглые диваны — все это говорило о роскоши и изысканном вкусе хозяина.

Рафт обратил внимание на овальную дверь — на этот раз за ней не маячило никакой тени. Впрочем, это вовсе не означало, что его оставили без охраны. Рафт зевнул, потянулся — и тут же хрустнули онемевшие суставы и заныли мышцы. И все же, несмотря на противную ноющую боль во всем теле, он чувствовал себя готовым действовать и... чертовски голодным.

Он все еще ощущал слабую дрожь и гул, который он слышал, когда засыпал. Рафт подошел к окну, открыл его и вышел на балкон. Он остановился и посмотрел вокруг.

Солнечный диск почти не сдвинулся с места. Солнце было едва видно сквозь густую дымку поднимающегося снизу тумана. Рафт взглянул вниз и все понял.

Под ним была пропасть. Балкон нависал над широким выступом, а дальше под ним зияла бездна, над которой клубился туман. Серебристый ледяной поток, образуя дугу, низвергался в недосягаемые глубины.

Но это был не лед, а река, которая текла вокруг замка, а потом падала в пропасть под ногами Рафта. Он попробовал определить на глаз глубину, но поднимающийся от воды туман сбивал с толку. Водный поток устремлялся вниз и исчезал где-то далеко.

Вода падала медленно. И так же медленно, словно призрачная ледяная башня, поднимался туман. Уже знакомый Рафту гул становился все отчетливее, и, вторя ему, под ногой Рафта подрагивал камень. Но достигаемый этим звуковой эффект был необычным. Под влиянием каких-то странных физических процессов грохот водопада превращался в едва ощутимую вибрацию, которую Рафт скорее чувствовал, чем слышал.

Сдвинув брови, он прошел обратно в комнату. Мало-помалу до Рафта начало доходить, что здесь творится. Долгий сон сделал свое дело — сознание прояснилось. Медленно текущая вода, камни, падающие как пушинки, ленивое, почти неподвижное солнце на зеленом небосводе. Само время, кажется, было здесь другим. И происходило ли все это действительно на Земле? На той самой Земле, где текла Амазонка и стояли Рио и Нью-Йорк? Возможно, нет.

Он пытался разгадать тайну овальной двери, и вдруг она поднялась кверху и исчезла, будто ее и не было. На пороге стоял Ванн. Изрезанное шрамами лицо выражало готовность и решимость.

— Итак, ты проснулся, — сказал он по-индейски. — Это хорошо. Дарум хочет видеть тебя, но сейчас он отдыхает. А тебе нужно принять ванну.

— И поесть, — сказал Рафт и добавил: — Эти перчатки — они всегда на руках Дарума?

Ванн повернул голову назад, отдал какой-то приказ и, улыбаясь, переступил порог.

— Нет, только на турнирах. Он не так опасен, когда надевает их. Я покажу тебе, где ванна, Крэддок.

— Я не Крэддок. Я тебе уже говорил, что я не Крэддок.

Но это замечание Рафта Ванн пропустил мимо ушей. Он дотронулся до каких-то рычагов на стене, и одна из напольных плит отошла в сторону — Рафт увидел неглубокую, но просторную купальню. В ней плескалась жидкость, напоминающая по цвету мятный ликер. Рафт с наслаждением сбросил с себя одежду, которая за долгое путешествие превратилась в лохмотья, и погрузился в ванну. Ванн смотрел на него с выражением брезгливости.

— Тебе нужно принять несколько ванн, чтобы отмыться, — заметил он. — Вот, смотри.

Он взял в руки кувшин и высыпал в воду немного голубого порошка. У Рафта возникло ощущение, будто всю кожу на нем стянуло от легких покалываний.

Рядом с ванной лежали щетки — много самых разнообразных щеток, похожих на скребки древних римлян, — и еще какие-то туалетные принадлежности, которые Рафт, под руководством Ванна, испробовал на себе. Но сложнее всего дело обстояло с водой: она была слишком тягучей.

Одна из щеток выпала у Рафта из рук, и он наблюдал, как она медленно погружалась в воду, оставляя за собой воронку, которая постепенно затягивалась по краям.

Рафт наслаждался, чувствуя, как боль постепенно уходит из тела. Ванн, не мигая, наблюдал за ним, а один раз даже заметил что-то по поводу волос своего пленника, после чего протянул Рафту светящуюся мазь, которая быстро впиталась в кожу и дала ощущение необыкновенной свежести. А потом вошел мальчик-слуга — он вкатил в комнату столик на колесах, уставленный совершенно незнакомой Рафту едой, и остановился как вкопанный, увидев в купальне Рафта.

Ванн подал ему знак, и шустрый, но еще неуклюжий подросток, с тонким, недобрым, почти треуголь-

ным лицом, поклонился и быстро вышел, провожая удивленным взглядом купающегося незнакомца.

— Нет ничего странного в том, что он удивлен, — сказал Ванн. — Твое тело так не похоже на наше, что показалось ему изуродованным. Но я бы при случае хотел с тобой сразиться.

— Спасибо, — ответил Рафт. — Могу себе представить, как ты позабавишься, когда, надев перчатки, будешь резать ими мое горло.

— Вовсе нет, — с кровожадной улыбкой проговорил Ванн. — Убивать — это совсем не то. Какой смысл в убийстве?! Другое дело — настоящий бой, поединок, — а он редко заканчивается смертью. — Он подал Рафту плотную одежду, похожую на свою собственную, и помог ему надеть ее. — У меня было бы слишком большое преимущество перед тобой, если бы на мне были эти рукавицы. А какое оружие там у вас?

— Нарезное, — ответил Рафт и объяснил, что это означает.

— Странно, — проговорил Ванн, — разве можно получить удовольствие, посылая в противника снаряд? Ведь это совсем не то, что чувствуешь, когда твое лезвие входит в его тело. Нет, по-моему, этим нельзя насладиться.

— Хорошо, тогда будем просто драться, на кулаках.

— Обмениваться ударами? Нет, это неинтересно. Разве у вас совсем не сражаются на шпагах?

— Только некоторые, — ответил Рафт. — Но я не фехтовальщик. Кстати, что ты сказал об убийстве? У вас разрешено убивать?

— Нет, — сказал Ванн. — Мы же не варвары. Убийца, если его находят, должен возместить убытки. Но попадаются только глупцы.

— А-а, — задумчиво протянул Рафт и взял мягкий кисловатый плод, напоминающий апельсин. — Значит, у вас и полиция есть?

Ему пришлось кое-что пояснить Ванну, прежде чем тот понял его вопрос.

— Да, у нас есть люди, которые разыскивают тех, кто убивает. Но если убийца обманет их, его уже никто не тронет. Самое главное, чтобы никто не узнал причину убийства. Убийц ловят, потому что они не

умеют скрывать причину, — он осуждающе покачал головой.

— Ну а вообще-то как здесь у вас все устроено? — спросил Рафт. — Паитити правит Дарум, да?

Ванн кивнул.

— Да, — сказал он, — у нас все, как в любой цивилизованной стране.

— Это точно. Например, убивают ради забавы. А откуда ты знаешь язык индейцев?

— Ты здесь не первый чужак. Люди с коричневой кожей приходили сюда еще во времена наших отцов, а вот нам самим очень трудно уйти из этой долины. В семье Паррора были пленники-индейцы, и теперь многие из нас знают их язык.

Да, вполне логично, отметил про себя Рафт. Языковые способности указывали на космополитические корни этих людей, даже при том условии, что их мир был замкнут на себя.

— А португальский?

— Что? — переспросил Ванн.

— Falam português?[1]

— Не понимаю, — признался Ванн.

— Где же его выучил Паррор? И Джанисса, — задумчиво проговорил Рафт.

И тут он вспомнил о пилоте.

— Скажи мне, здесь был человек из моего мира? Его звали да Фонсека. У него была машина, которая летала по воздуху. И это случилось... пятьдесят снов тому назад или около того.

Глаза Ванна заблестели.

— Летающая машина упала в Паитити четыре сотни снов назад и убила всех, кто в ней был, кроме одного — которого Паррор взял в свой замок. Да, это был да Фонсека, и с его помощью Паррор прочитал те записи, которые ты оставил в пещере Пламени.

Рафт отложил плод, так и не попробовав его.

— Четыре сотни снов назад, говоришь? — переспросил он нерешительно. — Больше года. Сколько времени я провел в Паитити, Ванн?

— Я взял тебя в плен вчера, — сказал Ванн. — И это случилось сразу после того, как ты оказался

[1] Ты говоришь по-португальски? (*португ.*)

здесь. Я следил за возвращением Паррора из внешнего мира и знал, когда надо действовать.

— Понимаю, — сказал Рафт, ничего на самом деле не понимая. — А о каких записях ты говоришь? И что это такое — пещера Пламени?

— Разве ты не видел пещеру?

— Ну, я видел какую-то пещеру, с отвратительными существами. Ты ее и имеешь в виду?

Ванн при этих словах вздрогнул, и в его глазах появился страх.

— Нет, не ее, — отрывисто сказал он и, неожиданно сменив тему разговора, добавил: — Тебе надо идти к Даруму. Ты готов?

— Кажется, да.

— Хорошо.

Ванн встал и направился к двери. Рафт последовал за своим стражем. Они вышли из комнаты и пошли по слабо освещенному залу.

Ванн, прервав молчание, сказал:

— Властелин дрался на поединке, потом предавался утехам и спал. И сейчас он покажется тебе несколько... странным. Хочу дать тебе совет, Крэддок.

— Я не... а, ладно, какой совет?

— В отношении тебя еще не все решено, — глубокомысленно сказал Ванн, уставившись в пол. — Я, например, сам не знаю, чью сторону выбрать. И Дарум тоже колеблется. Он забрал тебя от Паррора для того, чтобы принять окончательное решение. Возможно, он согласится с Паррором. И тогда тебе повезет. А может быть, и нет. Предугадать мне трудно. Но ты чужак, и поэтому я тебе скажу об этом, чтобы ты был осторожным: Дарум — сумасшедший.

Рафт вздрогнул и уставился на воина.

— Ваш царь сумасшедший?

— Да.

— И тем не менее он властвует?

— Конечно, — ответил Ванн. — А почему нет? Он бывает и в своем уме. Ну а если нет — это не так уж и важно. Только для тебя это вопрос жизни и смерти. А может быть, — задумчиво проговорил он, — это вопрос жизни и смерти и для Паитити. Помни, Дарум не твой царь.

— Да уж надеюсь, — искренне согласился Рафт.

— Он один из нас, — пробормотал Ванн, и глаза его засветились. — И еще, буду рад, если ты останешься жив. Я бы очень хотел встретиться с тобой в поединке, Крэддок. Мы пришли, — с этими словами Ванн поднял тяжелую портьеру, за которой начинался темный проход. — Входи.

— Спасибо, — сказал Рафт и шагнул вперед.

Ванн опустил полог сзади него. Наступила тишина, едва нарушаемая непрекращающейся вибрацией, от которой подрагивал весь замок. И даже сюда доносился равномерный гул.

Рафт подошел к следующей портьере, которая закрывала проход.

Они здесь все другие, подумал он, другая раса. Убийство для них — игра, а смертельный поединок — физическое наслаждение. И для них нет ничего странного в том, что ими правит сумасшедший царь.

Он помедлил перед портьерой, но в конце концов отодвинул ее в сторону и оказался в полумраке.

Тусклый, отливающий багрянцем свет лился со всех сторон. Определить, насколько большим было помещение, в которое он вошел, Рафт не мог. Вокруг него смутно что-то вырисовывалось, и вдруг одна из теней шевельнулась — и Рафт увидел два сверкающих круга: на него смотрели чьи-то глаза. В носу защипало от резкого запаха духов. Подземный гул, казалось, сотрясал все пространство комнаты.

И ни единого звука вокруг. Рафт помедлил и шагнул вперед. Глаза неотступно следили за ним. Вскоре он различил тонкую фигуру, лежащую на чем-то большом и бесформенном, — мягкую линию подбородка и лицо, обрамленное едва заметной шапкой волос.

Рафт остановился в ожидании.

Он чувствовал, что это был уже другой человек, совсем не похожий на того, который дрался во дворе замка. Он изменился даже физически. С Дарумом произошла какая-то перемена, и это было очевидно, но какая — Рафт определить не мог.

— Садись, — проговорил царь по-индейски. Даже его голос звучал сейчас иначе. Сдержанно и бесстрастно, словно далекая музыка.

Рафт вытянул руку, нащупал диван и сел. Наблюдавшие за ним глаза сверкнули зеленым цветом.

— Слушай, — приказал Дарум.

В его ногах шевельнулась тень. Мягкие линии выдавали женскую фигуру — саму женщину было почти не видно, но от ее дыхания веяло холодным ужасом. А потом Рафт услышал звук, в котором слились флейта и вздыхающая лютня. Этот звук был почти голосом, который о чем-то молил и спрашивал.

Царь заговорил снова:

— Юранн хочет знать, зачем ты пришел в Паитити, Крэддок. Музыка — это ее голос, по-другому она не говорит. Но она спрашивает, кто ты? Из какого ты мира?

Снова запели струны, и в них прозвучал вопрос.

Рафт подался вперед, но взгляд царя остановил его.

— Он — бог, Юранн, — сказал Дарум, обращаясь к женщине и указывая на Рафта. — Он был здесь в самом начале, и сейчас, в самом конце, пришел снова. С тех пор как он впервые увидел Паитити, на свет появился новый род, и тень, которую отбрасывает Пламя на все живое, приблизилась к этому роду.

Зазвучала флейта — она вздыхала о наступающей тьме, о туче, которая стремительно застилала эту землю.

— Но есть и другие тени, — прошептал царь. — Ты знаешь, Юранн, была женщина, чья красота ослепляла, как огонь, и пьянила, как вино. Она сводила с ума. Я это знаю.

Страх медленно сжимал сердце Рафта. Музыка звучала мучительно, жутко, из мрака выступали мягкие линии женской фигуры, округлые плечи — и тонкие пальцы Юранн, казалось, перебирали плачущие струны.

— Огонь разгорался, — тихо продолжал царь. — В Паитити не было женщины красивее ее. Деревья склонялись перед ней, когда она танцевала. На ее улыбку отвечали камни.

Неожиданно в этой песне без слов зазвучала надежда, и мрак комнаты словно рассеялся, и вокруг зашумел наполненный весенним солнцем зеленый лес. И послышался смех, и ярко зареяли боевые знамена,

и раздался звон клинков. И зазвучал мягкий, веселый танец.

Но раздался низкий голос царя, и музыка перешла на шепот.

— Был мужчина, который любил эту женщину и думал, что она принадлежит ему. А она смеялась. Смеялась — потому что знала о власти не меньше, чем о красоте. Ее опьяняла мысль о господстве над Паитити, о господстве над мужчиной, который властвовал.

В песне послышалось торжество победы. В темноте нежно светились женские руки.

— И тогда ее взгляд упал на другого, который не был царем. Она знала — любой мужчина рядом с ней мог повелевать Вселенной и сравниться с самим богом. И это было так! И если в ее объятиях была смерть, то смерть эта была как сладкий яд.

Звонкий издевательский смех слился в музыке с потаенной грустью.

— Она была коварной, — проговорил царь, и в застывшем воздухе эти слова упали тяжело, как камни. — И губы ее были коварны... И белое тело Юранн томилось в ожидании...

Песня почти стихла.

— Это было давно. Очень давно. Теперь уже в ней нет коварства. И царь забыл свою печаль. Перед ним танцуют девушки. Они просят его любви, но ему нечего им дать. Он отдал свою любовь Юранн, самой красивой женщине на свете, и она... она любит его теперь.

И тихо, нежно, покорно заиграла флейта.

— Но царь сошел с ума, — продолжал спокойный, ровный голос, и музыка вновь смолкла. — Был страшный час, когда безумие вселилось в него. Этот час, Юранн, всегда будет с ним — и любовь, и безумие следуют за ним неотступно.

Наступила долгая тишина, в которой угадывалась лишь слабая вибрация от водопада, и в ее железной хватке подрагивало все здание замка.

— Мы с Юранн говорим о том, что уже забыто, и о том, чего не забыть, — произнес наконец царь. — Теперь ее язык — музыка, — голос царя неожиданно изменился. — Паитити умрет, но Юранн не должна умереть. И я думаю, что ответ в твоих руках, Крэддок.

Но позволю ли я тебе открыть эту тайну — пока не знаю. Сначала нам надо поговорить. У меня к тебе много вопросов.

Рафт облизнул пересохшие губы и заговорил:

— Для начала нужно решить один вопрос.

— Какой? — спросил царь.

— Я не Крэддок.

Глаза внимательно смотрели на него, но Рафт уже все решил и отступать ему было некуда.

— Я пытался сказать об этом твоему воину, Ванну, но он мне не поверил. Не знаю, какую историю выдумал Паррор, но думаю, что очень неплохую. Дело в том, что Крэддок — его пленник и находится сейчас в его замке. А я пришел сюда, чтобы спасти Дэна Крэддока, и зовут меня Брайан Рафт.

— Я не верю этому.

— Зачем мне лгать? — спросил Рафт. — Какая мне от этого польза?

— У тебя может быть много причин. Но Паррор тоже умен, и если ему надо выиграть время — он пойдет и на обман.

— Девушка в замке Паррора, Джанисса, знает, кто я.

— Но скажет ли Джанисса правду? — спросил Дарум. — Она переменчива, как ветер. Расскажи мне свою историю. Я не знаю, чего в ней будет больше — правды или лжи, но я выслушаю ее.

Рафт начал рассказывать. Он старался изложить свои мысли как можно точнее, но красноватый сумрак комнаты действовал на него странным образом, и он с трудом подбирал слова. Когда Рафт закончил свой рассказ, сверкающие глаза царя были полузакрыты.

— Иди, — сказал Дарум.

Но Рафт медлил, и тогда царь своим низким голосом повторил приказ:

— Иди, я сказал. Мы еще будем говорить с тобой, а сейчас мне надо проверить все, что ты рассказал мне.

Рафт встал. Наполовину скрытая мраком женская фигура у ног Дарума шевельнулась, и вновь зазвучала волшебная, завораживающая музыка — ласкающая, влекущая и печальная.

Глаза царя следили за Рафтом.

Неуверенно ступая, Рафт направился к выходу. Бархатная портьера задела его по лицу, он поднял ее и шагнул под мягкий покров. Позади ярко блеснул свет. Музыка стала громче, пронзительнее, и Рафт обернулся.

На возвышении, похожем на помост для царского трона, среди разбросанных подушек стоял Дарум. Он наклонил голову и смотрел вниз на распростершуюся у его ног фигуру. Рафт понял, что не ошибался в своих догадках, — он увидел удивительные, молочной белизны руки и красивое, наполовину скрытое от его глаз тело. Но лицо Юранн было открыто.

И это лицо было сам ужас!

Помимо его воли в памяти Рафта всплыла та страшная рукавица с когтями, которую он видел на руке царя. Что-то страшное, жестокое, безумное изуродовало лицо Юранн, оставив нетронутой красоту ее божественного тела.

Царь поднял глаза, и его взгляд встретился со взглядом Рафта.

Рафт отступил в глубь прохода, и портьера упала.

ГЛАВА VII

Пламя страха

По его часам прошло только несколько минут, но Рафт знал, что со времени его встречи с царем Паитити прошло уже несколько часов. Он снова был у себя в комнате. Оставленный один на один со своими мыслями, которые непрерывно заводили его в тупик, Рафт нетерпеливо ждал. Разгадать, как открывается дверь, он не мог, а Ванн проводил его обратно и больше не появлялся. С балкона был виден лишь поток воды, лениво сползающий в пропасть.

Комната была чистой. Стерильно чистой. Она была красивой, даже роскошной, но в ней не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание Рафта. Полное бездействие злило и раздражало его. Казалось, что вся эта волшебная страна, кроме него, погрузилась в спячку.

Прошло еще немало времени, прежде чем он услышал, как кто-то зовет его по имени. Голос был знакомым. Оживленный и взволнованный, он быстро вышел на балкон, но там никого не было.

Только падающая вода. Лениво падающая вода.

— Брайан! — снова тихо позвал его голос. — Брайан Рафт!

Облокотившись на перила, Рафт посмотрел вниз и увидел нежное, знакомое лицо — это было лицо Джаниссы. Зеленовато-голубые глаза потемнели и стали почти фиолетовыми. Она каким-то чудом держалась на скале, вцепившись в выступы и щели, на которых, казалось, не смогла бы удержаться и белка.

Затаив дыхание, Рафт наклонился вниз и протянул ей руку. Но Джанисса быстро, словно предостерегая его, прошептала:

— Возьми подушку, Брайан. Принеси ее сюда. Не беспокойся обо мне. Делай, как я говорю.

Рафт не мог решиться, но в конце концов повернулся, вбежал в комнату, схватил первую попавшуюся под руку подушку и вернулся на балкон. Тонкое, неподвижное тело Джаниссы распласталось на камне.

— Возьми подушку за угол. Да, вот так. А теперь осторожно опускай ее. Держи крепко.

Рафт подчинился — как вдруг раздался свист, блеснула сталь, и подушку чуть не вырвало у него из рук. Из ровной гладкой стены под перилами балкона выскочил веер длинных острых лезвий — одно из них и вспороло подушку, на месте которой могла оказаться сама Джанисса.

Девушка только усмехнулась, показав зубы, и проговорила:

— Теперь, думаю, уже не опасно. Дай мне руку.

По-кошачьи ловко, не задев ни единого лезвия, она взобралась на балкон. Она отряхнулась, поправила волосы и взяла подушку из рук Рафта.

— Ты один? Я была почти уверена, что ты будешь один. Я кое-что разузнала, прежде чем подниматься сюда.

— Тебя могли убить, — сказал Рафт, всматриваясь в бездонные глубины, куда медленно низвергался водопад, а кверху, раскачиваясь в стороны, еще медленнее поднималась башня из тумана и брызг. Рафт

повернулся к девушке и увидел, что она улыбается, и у него закружилась голова, но вовсе не из-за высоты, на которой он стоял.

Рафт разглядывал лицо девушки, которая вела его по длинной реке, а потом через джунгли так же безошибочно, как след Крэддока. Однажды увидев это нежное, маленькое, коварное создание, никто не смог бы, подумал Рафт, удержать себя от желания вновь и вновь смотреть на него.

В их первую встречу Рафт был усталым, сбитым с толку, но сейчас он мог внимательно всмотреться в зеленовато-голубые глаза, в веселое, хотя и надменное, лицо этой загадочной девушки. Он откровенно разглядывал Джаниссу, пытаясь заставить ее потупить глаза.

Она рассмеялась.

— Мы уже встречались, разве ты забыл? — съязвила Джанисса.

Рафт усмехнулся.

— Извини. Я просто... А твои люди знают, какая ты красивая?

— Все мужчины похожи друг на друга, — кокетливо парировала Джанисса. — Нам сейчас нужно подумать о тебе, Брайан Рафт. Ты в опасности.

— В которой ты меня оставила, насколько я помню, — и по тому, как он это произнес, было видно, что, несмотря на все ее очарование, терять память он не собирался.

Она вздернула свои гибкие плечи и сказала:

— А что я могу сделать? Но я же пришла снова, и ты должен меня простить.

Рафт взглянул вниз через перила и содрогнулся.

— Да, — проговорил он, — шансов у тебя было не много. Тебе повезло, что ты осталась в живых.

— Ну, упасть-то я никак не могла. Мы не из тех. Но если бы не ты, мне было бы трудно миновать ловушку. Пойдем, нас могут заметить с другого балкона.

Она вошла в комнату, огляделась, бросила разрезанную подушку на пол и сказала:

— Теперь мы можем поговорить.

Рафт вошел вслед за ней, наблюдая за плавностью движений ее гибкого тела под бархатным платьем.

Она слегка повернула голову, посмотрела на Рафта, озорно улыбнулась и встряхнула своими тигровыми волосами. Рядом с ними, у стены, лежала целая гора шелковых подушек. Джанисса села, скрестив по-восточному ноги, и, взяв Рафта за руку, пригласила его сесть рядом с собой.

— Нам много о чем надо рассказать друг другу, — сказала она. — И нам может не хватить времени для этого.

— Тогда начинай ты. Я же почти ничего не знаю.

— Да, наверное, не знаешь, — почти шепотом сказала Джанисса. Когда она говорила тихо, ее голос становился неровным, даже грубоватым, но в этой грубоватости звучало и нежное мурлыканье кошки. — Даже Крэддок не знает всего, хотя... он... сотворил нас. А теперь он еще и забыл многое. И Паррор должен создать устройство, которое...

— Может быть, начнешь с самого начала, — перебил ее Рафт. — Во-первых, где находится Паитити? На моей планете?

— Да. Мы это точно знаем, потому что некоторые из нас выходили в джунгли по невидимой дороге. Немногие — только Хранители Пламени, как я или Паррор. Я выходила только однажды. И больше ни разу. Ваш мир застыл, обледенел. В нем ничего не движется.

Когда мы встречаем там ваших людей, то вынуждены делать все так медленно, словно попали в кошмарный сон. А иначе мы превратимся для них в размытые пятна. Но долго быть за пределами Паитити мы не можем, если только у нас нет с собой частицы Пламени.

— Пламени? — повторил Рафт. — Что такое Пламя?

— Пламя рождает всю жизнь, — серьезно проговорила Джанисса. — Во всем Паитити есть только два амулета, которые несут в себе огненные семена Пламени. Мы не знаем, как они сделаны. Они очень старые и достались нам в наследство от древнего рода, который жил здесь до нас, — ее глаза сузились. — Один амулет у Паррора, другой должен быть у меня. Обладать им — мое право, право Хранителя. Но царь потребовал его у меня, ну что ж... ничего, у меня есть свой план. Придет время, когда...

— Прошу тебя, — вновь перебил ее Рафт, — расскажи мне сначала обо всем, что связано с движением в вашем мире. Вы двигаетесь быстрее нас, почему?

— Пламя угасает, — мрачно сказала Джаниса. — Вот для чего Паррор и разыскал Крэддока. Понимаешь, когда-то Паитити было другим. Жизнь нескольких поколений проходила за один день, а ночь вмещала в себя жизнь следующих. А до этого, еще раньше, одного дня хватало для жизни сотен поколений. Сейчас жизненный цикл замедлился. Вода течет теперь быстрее, чем во времена наших предков. Мы помним многое. У нас остались записи, но о чем-то мы можем только догадываться. Давно, задолго до того, как мой род обрел разум, в Паитити жили другие люди.

Они построили эти замки. Мужчины, женщины — они были похожи на вас, они были сильными, мудрыми и счастливыми — и жили у самого Пламени. Но потом Пламя опустилось и уснуло.

Рафт нахмурился.

— И все они погибли?

— Нет, не погибли.

— Что же с ними случилось?

Она посмотрела в сторону.

— Когда ты шел по невидимой дороге, то, должно быть, видел пещеру — там во мраке ползают и витают тени. Ты видел этих чудовищ. Они и есть наши предшественники, и это они построили этот замок, и замок Паррора, и все вокруг. Но когда Пламя начало опускаться в глубь земли, они опустились вместе с ним и превратились в эти жуткие создания. Теперь нам это известно, хотя еще совсем недавно мы об этом ничего не знали.

Рафт попытался сопоставить факты.

— Выходит, они выродились в то время, как вы развивались, так?

— Они выродились задолго до того, как у нас появились первые проблески разума. Я же сказала, Пламя уснуло. Но Крэддок разбудил его — это было очень, очень давно, миллионы поколений назад. Мы знаем это, потому что наши предки, наши близкие предки, проникли в пещеру Пламени и нашли там разные вещи — холщовый мешок, какие-то металли-

ческие сосуды и блокнот, записи в котором никто из нас прочитать не мог.

Мы строили разные догадки, но ничего не понимали до тех пор, пока здесь не появился да Фонсека на летающей машине. С его помощью Паррор и я прочитали эти записи.

— Миллионы поколений назад? Не может быть! Крэддок не такой старый!

— Время в Паитити течет совсем иначе, — пояснила Джанисса. — Крэддок разбудил Пламя, и это было нашим рождением. Теперь Пламя вновь опускается, и это несет нам смерть.

Дэн Крэддок! Оказывается, Рафт его совсем не знал. Тридцать лет валлиец скитался по Амазонке. Зачем? В поисках разгадки той ошибки, которую он когда-то совершил?

— Что такое Пламя? — спросил Рафт.

Джанисса удивленно вскинула брови.

— Оно дарует и забирает жизнь. Это Курупури.

Рафт пристально посмотрел на девушку и сказал:

— Хорошо, оставим это. Чего хочешь *ты*?

И вновь ее глаза загорелись фиолетовым светом.

— Во мне течет кровь царей. Когда-то давно в Паитити правили три царя. Они враждовали между собой, и двое из них были наконец повержены. Но печать позора не легла на них, и они получили наследственное право быть Хранителями Пламени. После этого они поселились в замке, в котором сейчас живет Паррор, а тот, кто победил их, остался здесь у Пропасти Доирады. И так было на протяжении жизни многих поколений. До недавних пор!

Она, казалось, рассвирепела.

— Паррор использует меня. Меня! Но во мне течет такая же благородная кровь, как и у него. Я храню тайну зеркала, которое было ему нужно, но теперь, когда у него есть Крэддок, он может разбудить Пламя, и тогда я лишусь того, что по праву принадлежало мне с самого рождения, — глаза ее засверкали. — Хранить замок Пламени — это высокая честь. Мы его Хранители. Но Паррор хочет нарушить священный обычай и действовать по собственному желанию, не ожидая царского решения. Это будет по-

зором и обесчестит меня как одного из Хранителей Пламени.

— И тем не менее ты помогла ему убить да Фонсеку, — сказал Рафт, — и похитить Крэддока.

— Но я не знала, что он намеревался убить да Фонсеку. Магическую силу зеркала можно разрушить, но делать это надо медленно и осторожно, иначе человек умрет. Да Фонсека мне не нравился, но его смерти я не хотела. Я бы остановила Паррора, если бы знала тогда о его планах.

А что касается Крэддока, то Паррор солгал мне — он сказал, что только приведет его сюда. Я бы не поверила Паррору на слово, но его логика убедила меня. Сейчас я понимаю, что это был обман. Он выпытает у Крэддока все, что ему нужно, и разбудит Пламя. И это... — она запнулась, — это будет страшный грех. Но я уже и сама не знаю, Брайан, какой путь правильный.

— Что касается меня, то я должен вырваться отсюда и найти Крэддока, — решительно проговорил Рафт.

— Я не могу тебе помочь выйти отсюда. Во всяком случае, не сейчас, — сказала Джанисса. — А вот другое проще: видишь, у меня есть зеркало!

Она сняла зеркало с шеи и протянула Рафту. Вспомнив да Фонсеку, Рафт инстинктивно отвернулся.

Джанисса негромко рассмеялась.

— В нем нет никакого вреда, если души людей в согласии. Посмотри в зеркало.

— Нет, подожди, — сказал Рафт. — Скажи мне сначала, как это все получается?

— Мы много знаем о разуме, — объяснила Джанисса. — Это устройство — мост мысли. Оно получает сигнал от одного разума и передает другому. Но всякий разум обладает своей частотой. Сам ты не сможешь воспользоваться зеркалом, Брайан, — твой разум еще не подготовлен к этому. Но я тебе помогу. Смотри.

И Рафт посмотрел. Вначале гладкая поверхность крошечного зеркала была задернута серой переливающейся пеленой, которая на глазах Рафта рассеялась, и он увидел лицо Крэддока так ясно и отчетливо, словно валлиец стоял перед ним.

Клочковатая седая борода. Покрасневшие, измученные глаза. А позади Крэддока Рафт увидел ка-

кие-то неясные очертания, похожие на разноцветные шелка.

— Он сейчас один и отдыхает, — прошептала Джанисса. — Можешь спокойно разговаривать с ним.

— Разговаривать?

— Да, про себя. Смотри внимательнее, я вызываю его.

Рафт пристально посмотрел в зеркало и увидел, как Крэддок поднял глаза — он уже знал, что с ним будут говорить.

Рафт услышал свое имя!

На самом деле он ничего не услышал — он почувствовал, ощутил мысли Крэддока, которые внезапно вошли в него и закрыли собою весь оставшийся мир. Стало темно, комната куда-то исчезла, и осталось лишь чувство, что где-то рядом была Джанисса, которая сделала все это возможным.

— Как ты, Дэн? — мысленно спросил Рафт.

— Я в порядке, Брайан. А ты?

— Да пока жив, — невесело подумал Рафт. — Со мной Джанисса.

— Это хорошо. Ей удалось рассказать мне кое о чем. Но еще больше рассказал мне Паррор.

— Паррор? Он пробовал свои уловки?

Крэддок устало усмехнулся.

— Да, не без этого. Знаешь, он самый опасный из всех альтруистов, которых я когда-либо встречал. Тебе не надо было идти за мной, Брайан.

— А тебе следовало рассказать мне обо всем еще на станции, когда там появился Паррор, — отрезал Рафт. — Ладно, что прошло, то прошло. А сейчас нам нужно решить, как...

— Я ничего не знал тогда, — перебил его Крэддок. — Когда Паррор привел на станцию да Фонсеку, я понятия не имел, что происходит. А когда он показал мне мою записную книжку, я был просто потрясен.

— Значит, ты здесь уже был.

— Да, был. Тридцать лет назад, если считать по нашему времени, а в Паитити, возможно, прошли миллионы лет. Время здесь — величина переменная. Пламя, оно...

— Скажи ему, — прозвучала настойчивая мысль Джаниссы.

— Да, думаю, так будет лучше. Тридцать лет назад я был слишком молод, чтобы все осознать. Я бродил по джунглям в поисках тайных снадобий, которыми пользуются здесь индейцы-шаманы, и неожиданно наткнулся на невидимую дорогу. Тогда она еще не была закрыта. Двери этой, как оказалось, ловушки были открыты настежь.

— Ловушки?

— Да, как всякий выбор по жребию, — мрачно ответил Крэддок. — Но я пошел вперед и за пещерой чудовищ оказался на развилке. Одна дорога ведет в Паитити, другая — к тому, что индейцы называют именем Курупури.

— Пламя, — уточнил Рафт. — Что это такое — Пламя?

— Не знаю. Вероятно, разновидность лучистой энергии, которая может проявлять себя, а может быть пассивной. Но наверняка она внеземного происхождения. Знаешь, Брайан, ведь Паитити — это метеоритный кратер, и, я думаю, Курупури появилось здесь вместе с метеоритом. Точно не знаю, но это — жизнь!

— Пламя создает и уничтожает, — тихо вставила Джанисса.

— Уничтожает? Да. Существуют виды энергии, о которых мы ничего не знаем. Иногда в телескопах мы видим нечто подобное в огромных туманностях, находящихся в тысячах и в миллионах световых лет от нас. Это первооснова всякой энергии, рожденная в глубинах межзвездного пространства — только там может существовать эта чудовищная сила. На планете такого найти невозможно. Если, конечно, планета уже не газообразная, не расплавленная. Курупури — это то, что упало сюда, в бразильские джунгли, вместе с метеоритом. Давно, очень давно. Это источник жизни, Брайан.

— Как ты думаешь, это нечто живое?

— Не знаю, оно слишком мощное, чтобы мы могли постигнуть или измерить его. Тебе наверняка известна теория Аррениуса, согласно которой жизнь достигла Земли в форме спор, которые перемещались через пространство в световых потоках. И это вполне возможно. Но что дало жизнь самим этим спорам?

— Ну, это старая загадка про курицу и яйцо. Споры могли быть пылью, выбросами далеких туманностей. Или же эта огромная сила, рожденная пространством, была настолько мощной, что вложила жизнь в эту пыль в ближайшей галактике. Я тоже не знаю. Просто строю теории. Но все это — лучистая энергия, вибрация, невообразимая мощь — связано как-то с Пламенем.

Усталое лицо Крэддока просветлело.

— И ничтожная крупица этой энергии однажды упала на Землю вместе с метеоритом. Вероятно, она была микроскопической, иначе наша планета погибла бы. Неконтролируемый рост энергии погубил бы все живое. Кое о чем я догадался сам, а остальное мне подсказали записи, которые я нашел в Паитити.

— Записи? Кто их оставил?

— Тогда я об этом не знал. В этой долине не было никого, никакой разумной жизни — только птицы, насекомые, дикие свиньи, тапиры и ягуары. Да, да, именно ягуары, Брайан, — это очень важно. Так вот, записи я нашел в том самом замке, где сейчас живет Паррор.

Это было похоже на письменность индейцев. Думаю, что когда-то индейцы получили свой язык именно отсюда. Как бы там ни было, истина открылась мне. Курупури дало жизнь этой стране, Паитити. Эта мельчайшая частица энергии сделала Амазонку самым плодородным и изобильным местом на Земле.

Рафт кивнул.

— Продолжай. Как же все это действует?

— Циклично, как на всех солнцах, гигантах и карликах, и в туманностях. Но наша жизнь слишком коротка, чтобы мы могли заметить эту цикличность. Когда Пламя разгорается, освобождается определенный вид энергии. И результат... совершенно необычен.

— Время ускоряется?

Крэддок медленно покачал головой.

— Нет, объективно нет. Происходят метаболические трансформации — изменяется, и притом невероятно, скорость обмена веществ. Это касается не только людей, млекопитающих, но и всего живого. Когда Пламя находится в пике очередного цикла, человек рождается, живет и умирает в один миг, хотя для него самого проходит целая жизнь.

На неживую природу все это, конечно, не влияет. Излучение не может заставить камень падать быстрее. Оно влияет только на живые клетки. Животный мир и растения. Вот так это происходило.

— Пламя пробуждалось, — пояснила Джанисса, — и его свет озарял все вокруг жизнью.

— Да, когда-то очень давно все так и было, — продолжил Крэддок. — Первый Род — те, кто построил эти замки, — они здесь жили, эволюционировали, но потом... потом Пламя опустилось. Нет, они не погибли. Но сейчас, и это очевидно, излучение действует отрицательно.

Когда сила Пламени снижается до определенного уровня, его лучи становятся гибельными. При этом ткань клеток может обновляться, но могут развиться и раковые клетки. Пламя опускается, и начинается регресс. Это странно и... страшно.

— Я видел, что осталось от Первого Рода, — заметил Рафт. — Эти чудовища в пещере.

— Да, они предчувствовали свою судьбу и подготовились. Они были замечательными учеными и нашли способ, с помощью которого можно разжечь Пламя, не дожидаясь смены цикла. Но сделать этого они не смогли — это было слишком опасно. Малейшая ошибка — и Пламя вышло бы из-под их контроля, а это означало бы полное разрушение всего живого. Излучение стало бы неуправляемым, Пламя поглотило бы само себя, и в тот же миг жизнь в Паитити остановилась бы навсегда.

— Значит, они не сделали этого.

— Нет, они ждали. Каждое новое поколение считало, что отмеренное ему время оно проживет, и перекладывало эту задачу на своих детей. А их дети — дальше. В конце концов Первый Род выродился, люди превратились в зверей, и им было уже не под силу справиться с этой задачей.

Они помнили только об одном — о Пламени и нашли путь к той пещере, где ты их видел. Близость к излучению поддерживает их жизнь, они существуют и размножаются там, во тьме, уже очень, очень давно.

Рафт нахмурился.

— А люди-кошки? Откуда появились они?

В глазах Крэддока мелькнул ужас.

— Их создал я. Я... разбудил Пламя.

ГЛАВА VIII

Харн чудовищный

Рафт представил себе эту сцену тридцатилетней давности. Молодой, теряющийся в догадках, восторженный Крэддок — он один во всем мире знает о невероятной межгалактической Силе, которая бушует в недрах джунглей. Сейчас, пожалуй, Рафт и сам мог понять то искушение, которое толкнуло Крэддока вмешаться в неведомые силы природы.

— Я разбудил Пламя. Мне помогли записи, которые я нашел. Я не понял всего, что в них было, но понял вполне достаточно, чтобы действовать. Даже слишком. И тогда... — Крэддок поднял и показал Рафту свои изуродованные руки, — я достиг цели и... проиграл, потому что Пламя, хотя оно и безудержно бушевало, так и не достигло своего максимума. Мне еще повезло — я спасся.

И вновь на измученном лице отразился ужас.

— В том пылающем аду я смотрел на свои руки и видел, как изменяется живая плоть. Я видел, Брайан, человеческую ткань, которая корчилась в муках, чернела и превращалась во что-то... дьявольское. И даже когда я уже убегал, то чувствовал это место, где раньше были мои пальцы. Я чувствовал, как они... корчились!

Он глубоко вздохнул и продолжал уже спокойнее:

— Я убежал в джунгли и там ампутировал... этот ужас. У меня был с собой хирургический набор. Мне удалось сделать это без анестезии — в те времена ее у меня просто не было. Тогда я думал, что никогда больше не вернусь в Паитити. С карьерой, конечно, все было покончено. Мои руки уже не были руками.

Но что-то удерживало меня на Амазонке. Я слишком близко подошел к Пламени, оно коснулось меня, и после этого я уже не мог уехать из Бразилии. Иногда мне казалось, что барабаны Ютахи рассказывают мне о Курупури.

Он покачал головой.

— И Курупури вернулось ко мне. Тридцать лет спустя. Паррор нес с собой знак Пламени, когда спускался вниз по реке, и индейцы почувствовали это. Невероятная сила посылала свои сигналы через

джунгли. Когда я впервые увидел Паррора на станции, я ощутил ту же самую энергию жизни, которую испытал на себе в Паитити. Она была слабее, но ошибиться я не мог. В меня вселился страх.

Паррор подошел ко мне в лаборатории и отдал записную книжку. Он выследил меня по ней. Знаешь, в джунглях есть свой «лесной телеграф», и Паррор узнал мое имя. Когда он уходил из Паитити, его шансы отыскать меня были почти нулевые, но он надеялся, что я все еще жив и он меня найдет.

И ему повезло — он нашел. Он сказал мне, что я должен отправиться вместе с ним в Паитити, но я, конечно, отказался. И тогда появился ты.

— Помню, — кивнул Рафт. — Но ты был один в лаборатории.

— Не забывай о метаболизме Паррора. В нашем медленном мире он, когда хочет, может передвигаться с невероятной скоростью. Ему приходилось сдерживать себя и делать все медленно, когда мы на него смотрели. Он просто выбежал так быстро, что ты не успел его заметить. А позже он загипнотизировал меня с помощью зеркала. Я знал, что делаю, но изменить ничего не мог. До тех пор, пока не проснулся здесь, в замке. Теперь я знаю истину, но беспомощен, как ребенок.

— А в чем истина? В том, что за тридцать лет примитивные животные эволюционировали в людей-кошек?

— Это были ягуары, которые обитали в долине, — поправил его Крэддок. — И не за тридцать лет. Тридцать миллионов, а может быть, миллиардов лет Пламя излучало энергию. Я же говорил тебе, что человеческая жизнь могла вместиться в одну секунду, в одно мгновение. То, на что в нашем мире уходят эры, в Паитити происходит за тридцать лет. Метаболизм и скорость протекания жизненных процессов так высоки, что за несколько дней или даже часов ягуары превратились в дикарей, а затем — в разумных существ. Их лапы стали руками. Они научились ходить прямо. Если бы в те дни мы посмотрели на Паитити сверху, то увидели бы буквально растекающиеся тени, тающую и изменяющуюся живую плоть.

Крэддок умолк и посмотрел на свои руки.

— Да, — продолжил он вскоре, — люди-кошки эволюционировали и стали разумными. Они создали свою культуру, опираясь на культуру своих предшественников. Все остальные формы жизни зашли в тупик. В любой среде только один вид господствует. Здесь этим видом было кошачье семейство.

Но позже Пламя вновь начало опускаться. Я пробудил его искусственной стимуляцией совсем ненадолго. В течение одного-двух ближайших поколений Пламя опустится до опасного уровня, и тогда излучение снова станет гибельным, как это уже случилось при жизни Первого Рода.

Рафт быстро перевел дыхание.

— Наконец-то я начинаю понимать, что к чему.

— Так вот, — продолжал Крэддок, — Паррор увел меня насильно. Я был ему нужен, потому что записей, оставленных Первым Родом и хранивших тайну Пламени, уже не существовало. Я оставил их еще тогда в пещере, и они сгорели в том аду. То же случилось бы и со мной, останься я там чуть дольше. Паррор думал, что я знаю, как вновь пробудить Пламя.

— А разве ты не знаешь?

— Я не понял всего, что было в записях, — признался Крэддок. — Я тебе говорил уже. Я могу разбудить Пламя, но не управлять им. А это слишком опасно.

— Даже Паррор не будет так рисковать, — вмешалась Джанисса. — До тех пор пока он не будет знать все точно, он за это не возьмется.

Крэддок поспешно поднял руку.

— Кто-то идет. Кажется, Паррор.

Джанисса взяла зеркало.

— Мы не можем говорить, пока он не уйдет. Ни о чем не рассказывай ему, Крэддок.

— Смогу ли? — спросил валлиец, и его лицо подернулось серой пеленой.

Рафт обессиленно откинулся назад — он был весь в испарине. Джанисса с сочувствием смотрела на него.

— Это непростой путь, и он не известен нам до конца, — сказала она, — но мы должны снова пройти по нему.

— Да. А что касается лично меня, то я бы хотел собственными руками свернуть шею этому Паррору. Или поймать его в прицел винтовки.

— Ну что ж, возможно, тебе это удастся, но позже, — лицо ее помрачнело. — Пойми, нас подстерегает еще бóльшая опасность. Крэддок прочел записи, хотя и не все понял.

— И что?

— Он многое забыл, но в его памяти это сохранилось и может быть восстановлено. Если это произойдет, то Паррор узнает все, что было известно Первому Роду.

— Он может проникнуть в память Крэддока, да? Что-то вроде мнемоники... гипноза, насколько я понимаю.

— Не совсем так, — на лице девушки читалась тревога. — Он работает над устройством, которое может помочь ему.

Рафт сжал губы.

— И если у него это получится, он попытается разбудить Пламя?

— Конечно, и это самое опасное, — сказала Джанисса. — Допустим, Первый Род знал, как сдерживать Курупури, но они ни разу так и не провели этот опыт. И мы не знаем, правильными ли были их расчеты, ведь так?

— Не знаем, — подтвердил Рафт.

Джанисса волновалась.

— А вдруг Пламя, вырвавшись на свободу, уничтожит Паитити. Многие из нас думают так же, как Первый Род, — мы можем спокойно прожить свою жизнь и оставить решение этой задачи нашим детям. Но Пламя быстро опускается, все быстрее и быстрее течет вода в реке. Мы не знаем, когда оно достигнет опасной отметки. А царь... царь медлит с решением.

— На чьей он стороне?

— Никто не знает, — она пожала плечами. — Мы не можем прочесть мысли Дарума. Многие в Паитити хотят жить спокойно, как это было всегда. Они предпочитают откладывать решение, а не рисковать. Но есть и другие, которые думают иначе.

Я сама не знаю, что выбрать, Брайан. Я знаю только одно — свой долг. Во мне течет кровь царей Паитити, и я должна хранить Пламя. И, если надо,

я буду против Паррора. Если царь примет решение, я подчинюсь ему. И еще одно: в памяти Крэддока есть ответ. И в этом ответе — жизнь или смерть.

Рафт посмотрел в открытое окно на туманную завесу, которая висела над гигантской пропастью, и тихо проговорил:

— Видишь ли, Джанисса, теперь я тоже в этой игре. Не знаю пока, где и как я пригожусь, но я уже не сторонний наблюдатель. — Он твердо посмотрел на девушку. — Я не люблю, когда мной помыкают. Дарум, Паррор и даже ты относитесь ко мне и Крэддоку, как к пешкам в этой игре. И нам трудно доказать обратное, потому что мы слишком мало знаем.

Джанисса, не мигая, смотрела на Рафта. Он продолжил:

— Мы оказались втянутыми во все это. Больше всего мы хотим одного — выбраться отсюда и вернуться в наш мир. Если ты поможешь нам, мы поможем тебе. Давай будем откровенны: ты не против того, чтобы Паррор узнал, как управлять Пламенем, но ты не хочешь, чтобы он действовал вопреки воле царя. Я прав?

— Да, это так.

— Отлично. Значит, весь вопрос в том, чтобы убедить царя, что я — Брайан Рафт. Сейчас я его пленник, потому что он принимает меня за Крэддока.

Ее зеленые глаза вспыхнули.

— Я недавно узнала, что Дарум вышел из замка с отрядом солдат.

— Выходит, он поверил мне! Он сам пошел за Крэддоком.

Неожиданно Рафт умолк: он понял, что царь не поверил ему на слово и решил развязать гордиев узел своей неуверенности одним ударом — пойти к Парроору и выяснить все там, на месте.

— Паррор слишком хитер, — сказала Джанисса. — Я не знаю... — Она помотала головой, и грива ее вьющихся волос взъерошилась.

— Итак, что же мне делать? — проговорил Рафт. — Сидеть и ждать, пока Дарум вернется обратно в замок?

Девушка задумалась.

— Я еще раз попробую зеркало, — сказала она наконец и, взяв зеркало в руки, стала вглядываться в его мутную поверхность. Рафт заметил, как она вздрогнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Подожди, — проговорила она, останавливая его жестом руки. — Нет, ничего не получается. Я чувствую заслон...

Она выпрямилась и спрятала зеркало в складках платья.

— Крэддок в трансе, — сказала она. — Дело не в зеркале, Крэддок сейчас под гипнозом. Паррор ведет его куда-то... я не смогла разглядеть куда. Но из замка они ушли.

Рафт прикусил нижнюю губу.

— И ты никак не можешь связаться с Крэддоком?

— Я могу уловить только отдельные его мысли. Не больше.

— А куда они идут? Попробуй узнать, Джанисса. Это может нам помочь.

Джанисса вновь вынула зеркало, склонилась к нему и сосредоточилась. Рафт заметил, как у нее на лбу от напряжения выступили капельки пота.

— Трудно. Его сознание закрыто.

— Попробуй еще раз!

Но она неожиданно опустила зеркало.

— Нет, нет, только не Харн! Он не мог туда пойти! — растерянно пробормотала она.

Рафт взял ее тонкие руки в свои.

— Харн? Это там, где Пламя?

Джанисса отшатнулась от него, она вся дрожала.

— Нет, нет. Я думала, он пойдет по невидимой дороге, но в Харн... У него, должно быть, есть какая-то защита, о которой я ничего не знаю. Иначе это самоубийство.

— Что такое Харн? Где это?

— У истока великой реки, — ответила Джанисса, — той самой, что течет под Замком Доирады. Харн там, но люди туда не ходят.

— Почему?

Джанисса, казалось, ушла в себя.

— В Саду Харна жизнь, которая не похожа на нашу. Там есть существа, которые... которые... я не

знаю. Я никогда не была в Саду. Но я была рядом, и там что-то прикоснулось к моему сознанию, что-то холодное, гадкое и ужасное.

Рафт громко засмеялся.

— Ох, уж эти мне призраки! Мне бы мою винтовку, я бы им показал.

— Харн — это очень опасно, — тихо проговорила девушка. — Если Паррор знает, как защитить себя там, он намного умнее, чем я думала. Но мне страшно за Крэддока.

— Напрасно. До тех пор пока ему нужен Крэддок, Паррор будет заботиться о нем не хуже, чем о самом себе. Очевидно, Харн — это запрещенная зона Паитити, а это как раз на руку Паррору. У него будет достаточно времени выведать у Крэддока все, что ему нужно.

В Джаниссе произошла какая-то перемена.

— Это меняет дело, Брайан, — сказала она. — Когда Дарум придет в замок Паррора, он увидит, что тот ушел. Если царь узнает, что Паррор отправился в Харн, и поспешит за ним, то сможет настичь его в пути. — Гибкое, плавное тело Джаниссы изогнулось, и она встала. — Да, это меняет наши планы. Я должна предупредить Дарума.

— Я пойду с тобой, — сказал Рафт.

— Нет, тебе нельзя. Ты не сможешь пройти там, где я, — она показала рукой в сторону балкона. — А за дверью стража.

— О страже я сам позабочусь.

— Ты не такой сильный. Я должна идти быстро и одна.

Она уже направилась к балкону, но Рафт схватил ее за руку.

— Скажи мне хотя бы, как открывается дверь! — попросил он.

Она лукаво улыбнулась.

— Выбери самое яркое пятно света и положи на него свою руку. Но лучше — дождись меня, Брайан. Иногда у двери не один замок.

Они уже вышли на балкон, и Джанисса легко перекинула ногу через перила.

— Ты вернешься? — спросил ее Рафт.

— Обещаю, — ответила Джанисса.

«Она переменчива, как ветер», — вспомнил Рафт слова Дарума. Насколько можно было верить этой девушке-кошке, этому созданию из другого мира?

Рафт крепко схватил ее за руки и привлек к себе. Худое, но сильное тело девушки напряглось — она сопротивлялась, и все же губы Рафта коснулись ее губ.

Только после поцелуя он отпустил ее.

— Теперь, по крайней мере, тебе будет не так легко меня забыть, — сказал он с легкой усмешкой.

Джанисса смотрела на него, с удивлением дотрагиваясь пальцами до своих губ.

— Нет, — сказала она загадочно. — Этого я не забуду.

Она соскользнула вниз. Ее ловкое тело изогнулось и почти слилось с камнем, чтобы не задеть острые лезвия. Рафт провожал ее взглядом, пока тонкая фигура девушки не исчезла за одной из башен, а потом, почти с прежними сомнениями, вернулся в свою великолепную тюрьму.

Решения он все еще не принял.

Знал он теперь много, но для немедленных действий ничего не подходило. Разве что — он поднял голову и посмотрел на дверь — ключ. Им действительно можно было воспользоваться. Если, конечно, он не хочет сидеть здесь и ждать, пока возвратятся Джанисса или царь.

Рафт отыскал тяжелую металлическую статуэтку, обмотал ее шелковой лентой и подошел к двери. Внимательно всмотревшись в полупрозрачную поверхность, он обнаружил на ней светящиеся пятна, которые медленно, точно лунные блики на воде, двигались внутри овала.

Самое яркое пятно света!

Он нашел его и накрыл ладонью. Дверь не открылась. Пятно медленно выплыло из-под руки. Он попробовал еще раз, но также безуспешно.

У двери был не один замок. Как она и говорила. Горько усмехнувшись, Рафт отшвырнул свое оружие и вышел на балкон.

Джанисса была уже внизу. Последовать за ней он не мог и даже не питал на этот счет никаких иллюзий. Сделать канат, который достал бы до самого

низа, было невозможно. Рафт наклонился и попробовал отломать одно из лезвий. Но все кончилось тем, что он порезал палец.

Он тихо и грубо выругался. После этого стало легче. Опустившись на гору подушек, он попробовал выработать план действий. Это оказалось делом не из легких. Чего он хотел, было очевидным, — выбраться отсюда вместе с Крэддоком. Но как? Как это сделать?

Дорогу назад он знал. Если бы он очутился в джунглях, он мог пройти через них даже без винтовки. Но бегство не решало теперь всех проблем.

Амулеты — одним владел Паррор, а другой был сейчас у царя — давали возможность тем, кто владел ими, жить за пределами Паитити и замедлять метаболизм, приспосабливая скорость обмена веществ к той, которая существовала во внешнем мире. Последствия могли быть самыми неожиданными, вроде того случая с Паррором, когда обычному человеческому глазу было просто невозможно заметить его стремительное перемещение.

Предположим, раздумывал Рафт, что им с Крэддоком удастся сбежать и они дойдут до Ютахи. Пусть у них будет в запасе неделя или даже месяц. Но преследователи из Паитити настигнут их в один день. С помощью амулетов Паррор или царь доберутся до них и убьют или загипнотизируют, используя волшебное зеркало Джаниссы. Тогда он и Крэддок вновь окажутся в Паитити.

Это был опять тупик.

Рафт попытался определить ход времени, но сделать это было почти невозможно. Солнце практически стояло на месте, а движение секундной стрелки на часах было таким медленным, что Рафт его не замечал. Скорость его жизни здесь была невероятно высокой, и поэтому в Паитити он был почти на равных с людьми-кошками. Как только он выйдет отсюда, его метаболизм замедлится до обычного уровня, и тогда он лишится даже этого небольшого преимущества.

А может быть, ответ кроется в их психологии — психологии семейства кошачьих...

Рафт долго сидел, погруженный в свои мысли, и отвлекся лишь тогда, когда открылась дверь. Но это был не Ванн — в комнату вошел страж, а за ним

мальчик-слуга вкатил столик с едой. Рафт поел и снова глубоко задумался. Сейчас должна быть ночь, решил он, но дни в Паитити были такими же долгими, немыслимо долгими, как и ночи.

Изначально все разумные существа, живущие сейчас в Паитити, произошли от семейства кошачьих, в то время как далекими предками Рафта были обезьяны. Как известно, обезьяны любопытны, и любопытство — один из самых сильных инстинктов, который заложен в человеке самой природой. Кошки же теряют интерес к чему бы то ни было очень быстро. Они не строят, не созидают. Этими замками, воздвигнутыми в незапамятные времена Первым Родом, люди-кошки просто завладели когда-то и потом лишь обновили. Кошки по своей внутренней природе гедонисты. Конечно, сильно повлиял на эти инстинкты вложенный извне разум, силу которого Рафт еще не мог оценить до конца.

Может ли он строить планы по законам своей человеческой логики в этом чужом мире? Реакция людей-кошек может быть непредсказуемой...

Тихий, настойчивый, словно предупреждающий о чем-то шепот — больше похожий на шорох, потому что в нем не было ни единого слова, — пронесся по комнате.

ГЛАВА IX

Замысел убийцы

Еще прежде чем шорох затих, Рафт был уже на ногах и смотрел на дверь: полупрозрачный овал открылся, путь к бегству был свободен. Но на этом пути кто-то стоял — фигура была скрыта серым покровом одежд, а лицо закрывала вуаль. Однако ничего не могло утаить красоты и ужаса, которыми веяло от фигуры женщины.

Ее тонкие бледные руки были обнажены, и в них она держала неизвестный Рафту музыкальный инструмент, звуки которого он уже слышал. И вновь белые пальцы притронулись к замысловатым струнам и клавишам, и послышалась музыка. Мелодия — еще настойчивее, чем прежде, — взывала к Рафту.

— Юранн? — позвал он.

Женщина под вуалью кивнула, и Рафт шагнул навстречу.

— А стража?

Юранн подала ему знак рукой и повернулась к выходу. Рафт осторожно пошел вслед за ней. В коридоре все было тихо.

Страж стоял неподвижно. Он даже не повернул голову и, словно завороженный, смотрел широко открытыми глазами себе под ноги, на небольшую, переливающуюся странным светом сферу.

На какой-то миг и взгляд Рафта оказался прикованным к этому шару. Внутри него медленно двигались и переливались цвета, а сам шар становился все больше и больше...

Тихие, но настойчивые струны вывели Рафта из оцепенения. Юранн пошла вперед, нагнулась, подняла сферу и спрятала ее под своей одеждой. Колдовство окончилось, но страж был по-прежнему недвижим.

Рафт показал на него и вопросительно поднял брови. Зазвучавшая музыка успокоила его, точно говоря: «Страж проснется, но не сейчас. На нем мое заклинание».

Рафт заметил, как сзади него закрылась дверь. Юранн вновь подала ему знак. Но что все это значило? Ее вероломство? Возможно. Люди-кошки непредсказуемы. И все-таки это было лучше, чем сидеть в тюрьме, сложа руки, а уж защитить себя от женщины в случае надобности он как-нибудь сумеет.

Он шел вслед за ней по коридору.

Она, видимо, выбрала обходной путь, на котором им никто не встретился, кроме мальчика-слуги. Завидя его еще издали, Юранн втолкнула Рафта в завешенную бархатной портьерой нишу. Ничего не подозревающий паж поклонился Юранн и прошел мимо. И они отправились дальше.

Наконец Юранн остановилась перед одной из портьер, сдвинула ее в сторону и жестом пригласила Рафта войти. Уже знакомый Рафту странный тусклый свет заставил его на мгновение зажмуриться. Было абсолютно тихо.

Сквозь безмолвие до Рафта доносилась лишь тихая музыка Юранн. Ее пальцы коснулись его руки.

Она уверенно, не спотыкаясь в окружающем их полумраке, повела Рафта за собой. Скоро они оказались у царского помоста, утопающего в шелке.

И здесь Юранн начала подавать Рафту знаки, странные и угрожающие.

— Что это значит, Юранн? — спросил Рафт. — Чего ты хочешь?

В минорных звуках флейты и печальном переборе струн послышалось что-то зловещее. Что-то дьявольское.

Юранн задумчиво дотрагивалась то до одной, то до другой подушки, хранящих на себе след Дарума. И вновь тихо, потаенно звучала эта зловещая, без слов, песня, настойчиво взывая к Рафту.

Юранн отошла к задней части помоста, завешанной портьерами. Отодвинув одну из них, она поманила Рафта за собой и, когда он подошел, подвела его к небольшому алькову, а потом сунула ему что-то в руку, отступила назад и задернула занавес.

Жди, говорила музыка, жди.

Вокруг была кромешная тьма, но Рафт уже знал, что он держит в руке. Другой свободной рукой он ощупывал этот предмет, пока его пальцы не отскочили от острого, как бритва, металла.

Он откинул портьеру. Флейта Юранн предостерегающе взвизгнула. Бархатный занавес упал.

Шаги тихо удалялись, как легкий шорох. Рафт понял — она ушла.

Теперь он наверняка знал, зачем она привела его сюда.

Рафт прислонился к стене. Его губы шевелились, словно он пробовал что-то неприятное. Юранн помогла ему, хотя, быть может, у нее была своя цель. Как же теперь было выбраться из замка?

Прямо перед собой на занавесе он заметил бледный призрачный свет. Его глаза уже привыкли к темноте, и теперь он отчетливо видел проступавшую на занавесе мужскую тень с длинным кинжалом в руке.

Это была его собственная тень. Рафт повернулся. Сзади него была не стена, а овальная дверь — одна из тех, которые он уже не раз видел. На ее матовой

поверхности медленно двигались едва заметные пятна света.

Он выбрал самое яркое и накрыл его ладонью.

Овал двери поднялся и исчез. И в то же мгновение Рафта ослепил свет.

Держа наготове кинжал и часто мигая, Рафт ждал. Но в комнате никого не оказалось. Только ослепительно яркий свет и блеск металла. Богатство цветовой гаммы резко контрастировало с мраком оставшейся позади комнаты.

Рафта осенило — он прошел обратно и опустил полог. Ткань была темная и не пропускала света. Теперь его убежище было надежно скрыто от глаз Юранн или кого угодно другого, кто мог войти сюда, но уже не увидел бы матового овала двери.

Довольный собою, Рафт вернулся в комнату, которая, судя по всему, была сокровищницей Дарума.

Если бы Рафт захотел найти в ней прежде всего золото и бриллианты, его бы, однако, постигло разочарование. Впрочем, бриллианты прекрасной шлифовки, со множеством сверкающих граней, здесь были, но они, казалось, занимали то же место, что и простые кристаллы кварца, которые также используют в ювелирном деле. И еще здесь был металл — какие-то невероятные сплавы, поверхность которых, точно масляная пленка на воде, отливала радужным блеском. Здесь было и оружие, много оружия.

Блестели лезвия, сделанные из превосходной стали, чего и следовало ожидать: в Бразилии добывали и марганец, и бериллий, и хром. Наверняка и в Паитити были месторождения этих элементов. Не обошлось здесь, конечно, и без серебра — вдоль стен стояли удивительной формы резные вазы, сияющие серебряным блеском.

Сокровища незнакомой, чужой цивилизации. То, в чем люди-кошки находили красоту, Рафту казалось отвратительным. Какой-то предмет из гладких, полированных металлических пластин напомнил ему Бранкуси[1]. Взгляд Рафта вбирал в себя таинственную форму этих сокровищ, удивительные, неповторимые линии изгибов, которые наводили его на какую-то

[1] Константин Бранкуси — французский скульптор (1876—1957).

мысль, — но понять в целом принципы, лежащие в основе этого непонятного ему искусства, он не мог.

В основном здесь были собраны предметы прикладного искусства, среди которых было немало трехпалых, с острыми когтями рукавиц, предназначенных для поединков. Рафт взял одну из них, покрытую орнаментом из драгоценных камней, и надел себе на руку. Его пальцы полностью заняли место под когтями, и он почувствовал, как ладонь инстинктивно напряглась и выгнулась.

Инкрустированная драгоценными камнями, эта рукавица могла бы с успехом заменить собой кастет. Интересно, как бы отнеслись к этой идее ее истинные владельцы, — наверное, были бы немало удивлены, подумал Рафт. Сняв рукавицу, он сунул ее в просторный карман на своей новой одежде.

Здесь были еще и карты, выполненные на металлических листах и вставленные в драгоценные рамки, — они были интересны, но слишком тяжелы, чтобы их можно было унести с собой. Одна из них, по всей видимости, была картой Паитити. Понять все знаки и обозначения Рафту не удалось, но он нашел замок Паррора и пропасть с низвергающимся в нее водопадом.

Отыскав на карте реку, взгляд Рафта проследовал по ней до самого истока — это место было отмечено крошечным кольцом из циркона, а внутри кольца — несколько таинственных знаков. Неужели это Сад Харна, куда сейчас направлялся Паррор со своим пленником, Крэддоком?

На другой карте, выполненной из тонких металлических пластин, которые крепились на петлях, был изображен план самого замка. Рафт внимательно изучал эту карту, пытаясь отыскать по ней выход. Сделать это было непросто до тех пор, пока он не определил, где находился он сам. После этого дело пошло быстрее.

Наконец, удовлетворенно кивая головой, он отошел от карты. Теперь, кажется, он знал, как ему выбраться отсюда.

До его слуха вновь донеслась настойчивая мелодия Юранн.

Рафт бросился к двери — никого. Но пронзительная настораживающая песнь продолжала звучать.

Рафт пошел дальше, как вдруг его внимание привлек знакомый ему предмет на одной из полок.

Это был небольшой, но прекрасной работы револьвер, украшенный перламутром. Рядом лежали патроны. Рафт ссыпал их себе в карман, взял револьвер и увидел выбитые на рукоятке инициалы — ТДФ, Томас да Фонсека, пилот, чья машина разбилась в Паитити. Это было его оружие.

Конечно, это был не увесистый, мощный кольт Рафта — и все-таки лучше, чем один кинжал. Рафт откинул барабан и, увидев, что он пустой, ловко, со знанием дела, зарядил его. Потом он переступил порог и остановился. Не снимая руки с портьеры, он выжидал.

Музыка Юранн изменилась — стала плавной и приятной. И все-таки в ней слышались отголоски угрозы и тихий злобный шепот вероломства.

— Паррор скрылся от меня, Юранн, — раздался негромкий голос царя. — В его замке был еще один чужак. Я нашел его следы. Но они оба исчезли.

Песня без слов вопрошала.

— Да, они еще в Паитити. Я выставил стражу на выходе к невидимой дороге. Паррор не приблизится к Пламени, пока на это не будет моей воли. Только мне неизвестно, где он сейчас.

В нежно звучащих струнах таилась ненависть.

Дарум вздохнул.

— Я был готов, — сказал он, — готов ко всему, что могло произойти. Я даже думал, что Паррор может уйти из Паитити по невидимой дороге, и был готов преследовать его и там. Но теперь, когда он исчез вместе с чужаком, где мне его искать?

Рафт задумчиво потер подбородок. Он-то знал, куда направлялся Паррор. Сказать царю? Но будет ли в этом прок?

Юранн играла совсем тихо, и глухие звуки волынки навевали дремоту.

— Да, — проговорил царь, — так было и так будет всегда, Юранн. Мир не войдет в нашу обитель. Здесь только наша любовь.

Усни, говорила музыка. Усни, мой любимый, мой царь. Усни — и не просыпайся.

Но Дарум не чувствовал опасности. Дыхание его стало тихим, спокойным. Стоящий за портьерой Рафт почувствовал, как и его окутывают нежные объятия сна. Музыка Юранн околдовывала.

Злое колдовство, гневно подумал Рафт, и энергично встряхнул головой.

Вскоре рука Юранн скользнула за портьеру и дотронулась до Рафта, маня его наружу. Яркий свет упал на ее лицо — вернее, то, что должно было быть лицом. Она быстро опустила вуаль. Рафт увидел, как ее взгляд остановился на царской сокровищнице. Но арфа молчала — она не задавала вопросов.

Юранн нерешительно дотронулась до револьвера, а после этого выхватила кинжал, который Рафт прятал в складках своей одежды, и сунула ему в руку. Она подтолкнула его вперед, показывая на помост.

Но Рафт не двинулся с места. Глаза под вуалью выжидающе смотрели на него. Он медленно и выразительно покачал головой.

— Нет, — прошептал он, еле переводя дыхание, — даже если бы это спасло мне жизнь, я бы не смог этого сделать.

Рука Юранн поднялась и угрожающе застыла над струнами. Но немая сцена длилась не долго. Увидев, что решение Рафта твердо, она издала страшный, похожий на рев зверя, невыносимый звук и, выхватив из его рук кинжал, бросилась к спящему царю так стремительно, что ее одежды взвились в воздухе. Она склонилась над спящим телом и разорвала шелковую накидку на его груди. Дарум шевельнулся и что-то пробормотал сквозь сон. Юранн замахнулась.

Реакция Рафта, хотя и бессознательная, была мгновенной. Он прыгнул вперед еще до того, как успел заметить, что на обнаженной груди царя блеснуло что-то небольшое и прямоугольное на серебряной цепочке. Предмет этот источал свет, который дрожал и бился, как пульс самой жизни.

Амулет!

Времени рассматривать его, задавать себе вопросы и сомневаться у Рафта не было.

Рафт чувствовал какую-то внутреннюю уверенность, которая не требовала доказательств. Видеть это подрагивающее сияние и не узнать его было невозможно.

Одной рукой Рафт схватил амулет — и так резко, что цепочка на груди Дарума лопнула, другой — занесенную для удара руку Юранн. Она зарычала и, изогнувшись, как лук, принялась из последних сил бороться за свое оружие.

Потеряв равновесие, оба упали возле дивана, но продолжали молчаливую и отчаянную борьбу. На полу хрустнула арфа, лопнула и зазвенела струна. Полусонный Дарум приподнялся на диване, вглядываясь в едва различимые, катающиеся по полу фигуры.

И вдруг, совершенно неожиданно для Рафта, Юранн отпустила кинжал, отскочила назад, наклонилась и схватила арфу. Ее пальцы пробежали по струнам, и струны грубо задрожали и забили тревогу.

Проснись! Опасность!

От оглушительной, настойчивой музыки дрожали стены. Царь, с трудом поднявшись на ноги, тряс головой и бессвязно что-то бормотал. Луч света из сокровищницы бил ему прямо в глаза, и поэтому Рафт казался ему лишь тенью — тенью на фоне ослепительного и грозного блеска оружия.

Музыка визжала и плакала. Издалека донесся топот бегущих ног.

Выругавшись про себя, Рафт стремительно повернулся и бросился к двери, через которую он еще совсем недавно вошел сюда. Он молился, чтобы она не оказалась закрытой. Откинув портьеру и увидев открытый проем, он бросился туда. В глазах царя он был теперь убийцей, а значит, оставалось одно — бежать, и немедленно. Вряд ли царь станет выслушивать его объяснения, тем более если в них будет звучать имя Юранн.

Рафт цепко удерживал в памяти план замка. Он знал: один неверный поворот — и он потеряется. Вот здесь, вспомнил Рафт, должен быть боковой коридор.

Не замедляя шага, он свернул. Отдаленные голоса предупреждали его об опасности, и Рафт еще крепче сжал в руке револьвер. Теперь он пригодится ему больше, чем кинжал. Да, только сейчас Рафт осознал все коварство плана Юранн: убить царя и подставить его самого. Ну что ж, вполне по-человечески. Да и по-кошачьи.

Стража дважды пробегала мимо, и тогда он прятался за портьерами. Однажды, затаив дыхание, он

остановился перед овальной дверью, гадая, что было там — снаружи. Рафт чувствовал, что он на правильном пути, но за дверью могли быть и солдаты.

И действительно — они стояли там, за матовым стеклом вырисовывались их тени. Рафт бесшумно повернулся и побежал в обратную сторону, понимая, что с пути он уже сбился. Надежда найти другой выход была слабой.

Он свернул в какой-то переход, по одной стороне которого тянулся ряд окон. Бросив взгляд в окно, он обнаружил, что смотрит не на Пропасть Доирады, а на реку, которая в этом месте изгибалась и, пройдя через арочный свод, исчезала под замком.

Вдали, за поросшей мхом равниной, виднелись неясные очертания исполинского леса — его прибежища, доберись он только туда. Но далеко внизу несла свои воды река, и если Рафт окажется в ней, то слишком быстрое течение снесет его дальше — в бездну.

Слишком быстрое?

Но только не в Паитити, где метаболические изменения всего живого невероятно ускорены. Несмотря на мощное течение, воды текли так плавно и медленно, что Рафту казалось, будто он смотрит сверху на клубящийся поток облаков.

Он сунул револьвер в карман с хитроумно закрывающимся клапаном, который прилегал к ткани так плотно, что карман вполне мог оказаться водонепроницаемым. Это было бы очень кстати. Рафт быстро огляделся — рядом никого не было, но крики преследователей становились все громче и отчетливее.

Он поднялся на подоконник — двести футов над плавящимся серебристым потоком — и прыгнул вниз.

ГЛАВА X

Сад кошмаров

Об одном Рафт забыл — но самым удивительным было то, что он успел вспомнить об этом, пока падал. Скорость свободного падения постоянна. На нее оказывает некоторое влияние трение о воздух, но оно ничтожно мало, когда свободно падающим предметом оказывается мужчина весом в сто шестьдесят фунтов.

Под воздействием излучения, которое пронизывало все Паитити, скорость обмена веществ в организме Рафта необычайно ускорилась. Иными словами, он жил здесь гораздо быстрее, чем в своем мире. Он мог видеть, как огромные каменные глыбы, сорвавшись с высоких утесов, плавно, точно пушинки, опускались вниз.

Он не осознавал, что падает. Это больше походило на плавный спуск в лифте, и Рафт был настолько поражен этим, что поначалу даже не понял, что происходит. А когда понял, то сделать уже ничего не мог.

Медленно поворачиваясь, он плавно опускался вниз. Мимо него проплывала стена замка. В любое мгновение кто-нибудь мог выйти на балкон и увидеть его. Даже обыкновенное копье становилось сейчас смертельно опасным. Проследить полет Рафта было совсем несложно: он был почти неподвижной мишенью, и брошенное с достаточной силой копье пронзило бы его насквозь.

Никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным и беззащитным. Он словно висел между небом и землей. Сонмы вопросов, сомнений, страхов пронеслись у него в голове, прежде чем мучительно медленное падение окончилось и его тело ударилось о водный поток.

Масса тела оставалась прежней, и Рафт стал погружаться в пучину. Но дышал он намного быстрее, чем обычно, — в десятки раз быстрее, — и возникла новая опасность. При нормальных условиях он мог задержать дыхание, пока не выплыл бы на поверхность. Но для того, чтобы всплыть наверх в этой воде, ему, возможно, потребуется минут пять!

Однако ускоренный метаболизм помог. Рафту удалось развернуть в воде свое тело, и он начал всплывать. Медленные, вязкие воды обволакивали его, как клей. Он был словно муха, угодившая в патоку. Но в конце концов эта муха выбралась на поверхность.

В обычном мире поток увлек бы его вниз и выбросил в пропасть, но разбуженное чувство времени боролось с медленным напором воды. Рафт, напрягая последние силы, двигался вверх по течению. Обессиленный, хватая ртом воздух, он наконец достиг мели.

Но успокаиваться и отдыхать было еще рано. За ним была погоня, и Рафт не был уверен, что ему удастся пересечь равнину и выйти к лесу незамеченным. Тревожно озираясь по сторонам, он искал глазами место, где бы мог спрятаться.

На краю отмели плотной стеной рос тростник. Вода здесь была мутная, илистая. Рафт отыскал полый стебель, осмотрел его и воспользовался старой, как мир, хитростью. Он просто лег на дно, крепко ухватившись за донные камни, и дышал через тростинку, ставшую единственным каналом, который связывал его сейчас с жизнью.

Он ничего не видел, но и его никто не видел. Конечно, люди-кошки и здесь могли его найти, но это хоть какой-то шанс спастись, подумал Рафт, вспомнив о разнице в психологии кошек и антропоидов.

Его преследователи скорее всего подумали, что он, потомок обезьян, выберет для спасения что-нибудь, связанное с полетом или с прыжками, и направится к лесу. Сами же они были слишком привередливыми, чтобы прятаться в грязной воде, если были другие пути к бегству, и от Рафта, возможно, ожидали того же. И если так, то они ошибались.

Рафт закрыл глаза и сосредоточенно дышал — это было не так легко.

Амулет — поможет ли он ему сейчас? В нем заключена искра Пламени, часть невероятного источника энергии по имени Курупури. И еще — амулет обладал неким свойством, способным замедлять метаболическую скорость.

Рафту больше подошло бы обратное — если бы амулет ускорял метаболизм. Но это было маловероятно.

Возможно, амулет был каким-то образом связан с самим Пламенем и посредством индукции заряжался от него, если только он не был замкнутой в себе системой, подобно мельчайшей частице радия. Если бы метаболизм Рафта сейчас замедлился, то он превратился бы в живую статую, окруженную кольцом врагов, которые двигаются вокруг со скоростью молнии.

Как бы там ни было, амулет лежал в закрытом кармане, и достать его оттуда, не испортив револьвер

да Фонсеки, было невозможно. Ну что ж, с амулетом придется подождать, подумал Рафт. Ничего другого, кроме как затаиться и ждать, ему не оставалось.

И Рафт ждал. Холодная вода сковала все его тело, притупила чувства, но он заставлял себя ждать. Сознание едва теплилось, и ему уже казалось, что он плывет в пустоте, где нет ни звуков, ни цвета — только это медленное, студенистое течение. Но ждать, пока стемнеет, он не мог. Чувство времени подсказывало ему, что ночь наступит лишь через несколько недель.

Да, подумал Рафт, в мире, где обмен веществ происходит так стремительно, есть свои неудобства.

Рафт знал, что Дарум не успел настичь Паррора. Этот честолюбец, забрав с собой Крэддока, направился в Харн — к самому истоку реки. Что там, в Саду Харна? Рафт не имел об этом ни малейшего представления. Но как была испугана Джанисса! А напугать ее, как подозревал Рафт, было делом не из легких. Его мысли опять вернулись к этой странной девушке, с черной каймой вокруг глаз и тигровыми волосами.

Неожиданно для себя Рафт вспомнил рассказ Бальзака «Страсть в пустыне» и вскоре понял, что вызвало эту ассоциацию: любовь мужчины к львице, кажется, так? Или к леопарду. Но не к ягуару, это точно. Какие ягуары могут быть в Сахаре!

Джанисса?

В ней было много от кошки, но не меньше и от человека. Дитя чужого мира, но не животное, не дикий зверь.

И Рафт поймал себя на том, что думает о ней.

— Боже ты мой! — подумал он. — Это что же получается — неужели я влюбился в нее? Я и видел-то ее всего дважды. Ну и дела! Нет, быть того не может. Так... экзотика — и ничего серьезного. Вот выберусь отсюда и лет этак через пять, возможно, повстречаю девушку из Пеории[1] и женюсь на ней.

---

[1] Пеория — город в США, штат Иллинойс.

Мысли о женитьбе заставили его вспомнить о том невероятном положении, в которое он попал. Рафт усмехнулся про себя.

Можно предположить, подумал он, что чисто биологически этот союз возможен, хотя такого еще никогда не случалось. И уж конечно, он не хотел бы, чтобы по ночам его жена выходила на задний дворик, садилась у ограды и выла на луну.

И все же окончательно прогнать эту мысль он не мог. Союз двух биологических видов — такого за всю историю биологии еще не было! Он мысленно перевел проблему на уровень генетики — размышления о генах и хромосомах помогли ему не думать о времени. Но в конце концов все это показалось ему глупым, и он осторожно поднял голову над водой и приготовился встать.

Прошло уже немало времени, и он надеялся, что весь переполох, связанный с его бегством, поутих. На балконах замка никого не было, а внутренний двор был отсюда не виден. И все-таки, если бы Рафт пошел по открытой равнине, его наверняка бы заметили.

Можно было плыть, но мощное, хотя и медленное, течение было слишком опасным. И Рафт пошел вверх по реке, держась как можно ближе к берегу. В основном он полз, иногда немного проплывал и каждое мгновение был готов вновь воспользоваться тростником. Один раз он заметил какое-то подозрительное движение и упал ничком на землю, но это была излишняя осторожность.

Когда он добрался до леса, его трясло от холода, а из расцарапанных локтей и ладоней текла кровь.

Рафт надеялся, что люди-кошки не находят след по запаху. Все же они были цивилизованными существами, а притупление определенных чувств и есть плата за эволюцию. У низших видов, чье существование в большей мере зависит от запахов и звуков, подобные способности развиты намного сильнее. С другой стороны, зрение у человека лучше и легче регулируется, чем у большинства животных.

Дарум не мог догадаться, куда направляется Рафт, и, чем ближе тот подходил к Харну, тем менее опасной становилась для него погоня.

Гигантское дерево закрыло собою башни замка. Но еще с полмили Рафт двигался очень осторожно. Потом

он открыл карман, убедился, что револьвер сухой, и сунул кинжал за пояс. Наконец он достал амулет, чтобы рассмотреть его получше.

Ничего особенного Рафт не обнаружил. Внутри мутного ромбовидного кристалла, вставленного в толстую металлическую оправу с закругленными концами, мерцала искра пламени. Он попробовал и понял, что плоский металл можно было поворачивать внутри оправы, как наборный замок сейфа. Он осторожно повернул его.

Ничего не произошло — только послышался легкий, едва уловимый шорох. Как же ему испытать амулет?

Ну конечно — его часы!

К счастью, они были водонепроницаемы. Рафт посмотрел на циферблат: секундная стрелка двигалась очень медленно. Он повернул кристалл, и стрелка пошла быстрее. Еще один поворот — и стрелка побежала.

Это значило, что его метаболизм замедлился.

Мог ли амулет увеличивать скорость жизни? Это решило бы многие проблемы. Например, он смог бы попасть в Харн раньше, чем там окажется Паррор. Но здесь Рафта ждало разочарование. Амулет мог замедлять метаболические трансформации, но превысить их общую для Паитити скорость он не мог.

А значит — амулет был, несомненно, настроен на энергетический уровень Пламени и имел ту же самую цикличность. Ну что ж, в таком случае было бы просто глупо двигаться медленнее в этом мире, чем он мог, и Рафт привел кристалл в первоначальное положение.

Опустив амулет в тот же карман, где лежал револьвер, Рафт пошел дальше. Он просчитывал по памяти скорость пули, гадая, сможет ли выбранная им здесь мишень увернуться от свинца.

Главное, и об этом надо помнить, — стрелять почти в упор, чем ближе — тем лучше!

Артиллерия была бы бессмысленна в Паитити. Если бы по Замку Доирады выстрелили из пушки, то у людей-кошек вполне могло бы хватить времени разобрать весь замок и перенести его на другое место,

прежде чем упал бы снаряд. Неудивительно, что сражались они холодным оружием, а не стреляли друг в друга. По-настоящему же эффективным здесь мог быть только энергетический луч.

Этим же объяснялось, подумал Рафт, и то, что в Паитити была так развита сила мысли — примером тому было зеркало Джаниссы и гипнотическая сфера Юранн. С помощью подобных устройств могло сокращаться временное отставание.

Вся неживая природа в этой долине была словно околдована чарами, которые можно было сравнить с теми, что защищали, по древнескандинавским легендам, бога Балдура[1]. Большинство несчастных случаев, которые случались в Паитити, не могли быть смертельными — камни плавно опускались по воздуху, реки текли как кисель, а люди падали так же медленно, как Алиса — вниз по кроличьей норе.

Рафт шел вперед и еще внимательнее всматривался в эту жизнь, в эти невероятные создания, которые жили на гигантских деревьях. Воздух был прохладен и чист, и Рафт подметил для себя кое-что новое.

Многоцветный плющ с усиками-щупальцами быстро скользил по коре деревьев. В небольших лужицах на гигантских стволах прятались животные, похожие на маленьких, длиною около метра, крокодилов. Казалось, что эти существа сами для себя соорудили эти раковины, напоминающие по форме чашки, которыми пользуются на каучуковых плантациях для сбора млечного сока.

У этих животных были на редкость подвижные лапы. Рафт заметил, как они строят себе эти бассейны, отдирая от дерева кусочки смолистой коры и склеивая их вместе жидкостью, которую выделяли их слюнные железы.

Похожими сами на себя здесь были только ленивцы, но и они вызывали удивление, потому что передвигались слишком быстро. Обычно эти животные висят неподвижно, вцепившись когтями в ветки деревьев, и только их длинный язык то и дело сверкает в воздухе, настигая свою жертву — насекомых. Их метаболизм очень замедлен. Но только не здесь.

---

[1] Балдур, или Балдер — в скандинавской мифологии бог летнего солнца.

По шерсти ленивцев ползали какие-то паразиты, размером не больше дюйма, — особого интереса эти твари у Рафта не вызвали, настолько знакомым и отвратительным был их вид. Только хвосты, похожие на обезьяньи, мешали спутать эти существа с представителями того семейства, которое с успехом могло распространиться по всему миру, но которого не было в Паитити.

Самыми забавными были небольшие млекопитающие, покрытые коричневым мехом и обитающие в своих квартирах-гнездах. Их лапки оканчивались присосками, которые, по всей видимости, были не особенно эффективны, а вот вытянутые рыльца походили на хобот слона, а вернее — на самое его окончание. Животные пользовались этим органом так же умело, как человек пальцами. Хоботки эти были на удивление цепкими.

Рафт попытался представить себе их гнезда изнутри, чувствуя, что там могло быть нечто совершенно неожиданное.

Под ногами никакой другой растительности, кроме мха, не было. Гигантские деревья, казалось, высосали из земли все питательные соки, и ничего, кроме мха, расти здесь уже не могло. Это давало логическое объяснение и существованию на деревьях животных-паразитов.

Где же еще они могли жить, как не в тесном соседстве друг с другом, в котором голод выступал в роли автоматического регулятора? Даже деревья были частью этой безжалостной системы — они пили жизнь из земли, истощая ее, но взамен давали приют другим видам.

Растения и животные на этой земле достигли крайней точки в своем развитии. Эволюционировать, как это случилось с людьми-кошками, они уже не могли. Все находилось в равновесии.

Однако сейчас не время строить научные гипотезы — оборвал свои размышления Рафт. Надо было искать Крэддока!

Озираясь по сторонам на случай погони, Рафт шел вдоль реки. Деревья загораживали ему путь, и из-за них он не мог видеть дальше чем на полмили вперед. Надежным ориентиром была лишь сама ре-

ка. Прячась и петляя, Рафт шел вперед, пока усталость не взяла свое.

Можно было бы укрыться на одном из гигантских деревьев, но на них и так хватало обитателей. Интересно, что никто из них не спускался на землю, и в конце концов, не найдя ничего лучшего, Рафт расположился на берегу реки. Его могли застать врасплох, пока он спит, но обезопасить себя от этого он уже не мог. Положив рядом с собой револьвер и надеясь на лучшее, он заснул.

Проснувшись, Рафт пошел дальше. Идти ему оставалось уже немного. Примерно через час на его пути встала стена. Не выше футов двадцати, она казалась совсем низкой среди обступавших ее деревьев. Сделана она была из прочного, долговечного вещества, похожего на пластмассу или какой-то сплав, и выглядела почти как новая.

Стена уходила вправо и влево от Рафта и терялась среди деревьев. Но в одном месте виднелся арочный проем, в который устремлялась река. Над самой водой навис узкий козырек из осадочных пород, и только по этой ненадежной тропе можно было пройти под свод арки.

Рафт, не раздумывая, вступил на скользкий уступ и пошел. Он обратил внимание на едва заметные углубления, похожие на чьи-то следы. Пройдя чуть дальше, он уже не сомневался — это были следы тяжелых ботинок Крэддока. Рафт подошел к концу уступа.

Впереди был выход из-под арки, но что было дальше, Рафт не видел: почти весь проем был как будто затянут странными, ни на что не похожими растениями. Рафт пошел осторожнее. Похоже на кустарник, с удивлением подумал Рафт.

Он начал было продираться через спутанные заросли, но, едва коснувшись их, отпрянул. Строение листьев было совсем не таким, как у обычных растений. И кустарник был... теплым.

Это были не растения.

Выход был завешан тончайшим кружевом, причудливо переплетенной сеткой. Ее серо-розоватый цвет безошибочно подсказал Рафту, что перед ним живой организм, лишенный кожного покрова, — зрелище было не из приятных. Нет, это были не растения — у них не было даже корней.

Они шевелились, дрожали и раздвигались, пропуская Рафта.

Но как только он делал шаг вперед, они смыкались позади него, словно анемоны от прикосновения. Рафт заметил несколько небольших, ни на что не похожих, сероватых шаров — они крепко сидели в почве, почти сливаясь с ней.

Впереди был Сад Харна, еще скрытый от взгляда Рафта неприятной желтоватой растительностью. Он вновь увидел уходящую в противоположные стороны стену, и по тому, как она изгибалась, было нетрудно догадаться, что стена образовывала замкнутый круг. Деревьев-исполинов внутри стены уже не было, хотя их гигантские стволы окружали Сад со всех сторон.

Рафт продолжал идти по берегу реки. Заросли казались ему странными, хотя в ботанике он особенно не разбирался. Какой-то невероятный гибрид плесени и обычного растения. Гриб и папоротник в едином целом.

Внезапно он подумал о них, как о вампирах, сосущих жизнь из самой земли.

А лес был необычным, совсем необычным! Деревья-исполины, которые остались за стеной, выглядели на фоне этого леса вполне дружелюбно. Отсюда они казались просто огромными и недоступными, как боги.

Но эти растения! Эти отвратительные гибриды, произраставшие так пышно и буйно, что одно это уже вызывало отвращение. В желтоватых зарослях было заметно какое-то движение, но это был не ветер, а что-то тайное, скрытое — отчего у Рафта зашевелились волосы на голове.

Он почувствовал в Саду чье-то незаметное, почти неуловимое присутствие. И понял, почему Джанисса не хотела говорить о Харне.

Это было неясное, смутное ощущение не просто присутствия зла, а чего-то еще худшего. Холодного, далекого и чужого.

Дьявольского — по своей сути.

Теперь Рафт двигался еще осторожнее. Он предчувствовал опасность, и она казалась еще более зловещей, потому что определить ее было невозможно.

Чье-то тяжелое, скрытое присутствие — он ощущал его так же, как и они — люди-кошки. И это было очень важно!

Обезьяноподобные реагируют на некоторые раздражители совершенно иначе, чем представители семейства кошачьих. Последние известны своей приверженностью к сверхъестественному, хотя это всего лишь проявление самых обычных явлений. Просто род человеческий не обладает достаточными способностями, чтобы воспринимать вибрацию или излучение так же тонко, как кошки. Дурные предчувствия, ощущение тревоги, от которых у человека пробегает неприятный холодок, — у кошки, напротив, может вызвать восторженное мурлыканье.

Другой пример — собаки: для кошек они всегда враги, всегда исчадия ада, в то время как реакция человека совсем иная — он просто берет в руки палку.

Но эта опасность была одинаково грозной и непонятной как для тех, так и для других.

Возможно, таковой ее делал измененный ход эволюции в этой тепличной, отгороженной от всего мира долине. И все-таки в невидимом присутствии некой силы Рафту угадывалось что-то знакомое — то, с чем он уже довольно часто встречался. Но никогда в жизни он не испытывал такого страха от встречи с неизвестным. Чем бы это ни оказалось, оно определенно не могло быть чем-то обычным и безопасным.

Он вошел под сень широкой листвы и огромных шляпок этой гибридной растительности. Падающий сверху свет приобрел зеленовато-желтый оттенок, и в нем заметно не хватало той прохладной чистоты, которой было так много за стенами Сада.

Земля под ногами, словно губка, была пропитана влагой, и его сандалии уходили в эту жижу с неприятным, чавкающим звуком. Но это был не единственный звук — вокруг Рафта что-то непрестанно двигалось, скрытое желтыми джунглями.

Он был здесь непрошеным гостем, и сам чувствовал это. В его сторону склонился мясистый стебель, на поверхности которого выступил липкий сок. От его сладковатого запаха тошнило, и Рафт отошел в сторону. Стебель медленно выпрямился, слозно с трудом разрывая сковывающие его путы земного притяжения.

Несомненно, лес знал о Рафте. Здесь не было деревьев-каннибалов или гигантских мухоловок, которые могли бы проглотить его, но было что-то ужасающее в этих неуклюжих, неестественных движениях тяжелых листьев и стеблей.

Весь лес был наполнен насекомыми — мухами, мотыльками, бабочками самых разных видов, — и все это ползало, жужжало и питалось гноем растений.

У некоторых из грибов шляпки были пустыми и напоминали огромные чаши, наполненные смрадной жидкостью. Но, как ни странно, в этом отвратительном запахе было что-то притягивающее. Как в розовом масле: в больших количествах оно трудновыносимо, но капля — совсем другое дело. Если бы весь этот лес, его воздух, не был так сильно пропитан этим запахом, то Рафту он, возможно, пришелся бы даже по вкусу. Но было совсем по-другому: не прошел он и нескольких шагов, как его одежда вместе с влагой впитала это ужасное зловоние.

Следы Паррора и Крэддока были отчетливо видны. Рафт заметил еще какие-то странные следы, но распознать их не мог и вскоре перестал обращать на них внимание, чтобы не упустить тех, за кем он шел. Следы Паррора вели в середину Сада.

На глаза Рафту попалось розовое перепончатое существо — сгусток живых нервов, — оно ползло вверх по стеблю грибовидного растения и, поднявшись до шляпки, плюхнулось в жидкость. Существо бесшумно погружалось и всплывало, а его усики, словно распущенные волосы утопленницы, лежали на поверхности.

А потом Рафт увидел другое животное, совсем небольшое, чье тело, как у броненосца, было покрыто пластинами. Рафт с опаской следил за ним. Из панциря торчали острые иглы.

Животное подползло к Рафту, и он отошел в сторону. Иглы могли оказаться опасными, ядовитыми. На его счастье, существо передвигалось медленно. И вскоре оно уползло в джунгли и исчезло.

Рафт двинулся дальше. Он увидел еще одно подобное животное в панцире — оно лизало стебель гриба-папоротника и не заметило Рафта. А потом лес раздвинулся, и Рафт оказался на поляне, которую устилал... ковер.

Первое впечатление было именно таким — он стоял на ковре. Под ногами сверкал и переливался причудливый, экзотический узор из цветов самых разных оттенков. Цветной ковер покрывал всю небольшую, футов двадцать в поперечнике, поляну. Но это были не цветы. Странный глянцевитый покров затягивал всю поляну — это был действительно ковер. Его переплетающийся узор был по-настоящему живым, ярким цветком, который Рафт впервые увидел в этом зеленовато-желтом лесу.

Рафт стоял, хмуро сдвинув брови, еще сильнее ощущая чье-то присутствие, какую-то неведомую жизнь, которой дышал Сад.

В сознание Рафта медленно вползал голос — чей-то шепот.

ГЛАВА XI

Подкрадывающаяся опасность

Таинственный шепот был таким медленным и невнятным, что Рафт даже не понял, когда он возник. Это был совсем не голос, но и не мысль — Рафт как бы одновременно ощущал и то, и другое. Цель всякого общения заключается в том, что психологи называют эмпатией, — способностью передавать чувства от одного сознания к другому, чтобы таким образом достичь совершенного взаимопонимания. Но взаимопонимание никогда не бывает совершенным, всегда есть некая неопределенность, незаконченность...

Так было до этой минуты.

Потому что Голос понимал Рафта всецело. Своей древней, первородной мудростью Голос проникал в самую душу Рафта — словно плющ, который вьется и заползает в каждую щель на стене. Голос входил в Рафта, обволакивал его, просачивался через его тело, как солнечный свет. И Рафт впитывал его в себя, как живая губка воду прилива.

Прилив медленно поднимался.

Тяжелые запахи леса уже не казались отвратительными. Теперь Рафт распознавал каждый запах в отдельности: резкий, едкий аромат жидкости, которая нравилась броненосцам; теплый сладковато-

маслянистый запах сукровицы, которой питались розоватые перепончатые существа, и много, много других запахов: одни напоминали тяжелый запах мускуса, другие — тонкий запах эвкалипта, а еще — соленые, кислые, острые. Это было странно и удивительно — нюхать и распознавать каждый из них.

По сути это были запахи пищи. Но не пищи человека. И тем не менее они возбуждали Рафта и потому проникали глубоко в его сознание.

Питание — неотъемлемая часть жизненного цикла, предназначение всего сущего, но бесчувственные не могут осознать всего того блаженства, которое доставляет поглощение пищи. Только особенные существа способны восторгаться и воспринимать эту усладу каждой клеткой своего тела. Они лежат, погруженные в этот теплый, клубящийся эликсир, и их тела сладостно подрагивают, впитывая жидкость, которая для них и пища, и вода. Звери, похожие на броненосцев, — они чувствуют этот вкус на своем языке. Прохладная жидкость течет по сухому горлу, она бодрит и освежает. Наслаждение вкусом. Вкус!

Ты же знаешь, что такое — быть голодным, Брайан Рафт.

Рафт заметил, что стоит уже в самом центре этого разноцветного ковра. Впрочем, это было уже не важно. Рафт пытался сосредоточиться и внимал этому посланию — тихий шепот рассказывал ему о физическом удовольствии, выше которого уже ничего не было.

Что такое голод и пресыщение, знают не только животные, но и растения. Растения питаются с помощью корневой системы, которая сидит глубоко в земле, а земля — первородный источник жизни. Что-то совершенно невообразимое проползло сквозь Рафта, и он физически ощутил, что у него есть корни — и они всасывали соки земли. Как клетки растения. Он был частью земли, и она кормила его.

Он опустился на колени в мягкий живой ковер.

И смотрел вверх на мерцающий, бледный свет. Он лег на спину, широко раскинул руки, а покалывающее, очаровывающее тепло насыщало его тело. Он лежал на живой земле, которая медленно и нежно принимала его тело, расходясь под ним, как зыбучие пески.

Или это была не земля, а он сам. Он растворялся, что-то чуждое, на чем он лежал, всасывало его в себя — и он превращался в часть этой сложной страждущей жизни, которая обступала его со всех сторон и чей шепот угадывался в медленном движении деревьев, поднимающихся и раздвигающих земной покров.

Ты же знаешь, что такое — быть голодным, Брайан Рафт. Ты — один. Меня — много.

Поэтому ешь и наслаждайся, сказал беззвучный Голос. Пей этот едкий, острый эликсир, который кормит зверей в панцире. Погрузи себя в теплую влагу, которая плещется в грибных шляпках. Опусти свои корни в почву и познай этот сладкий восторг насыщения, который захватит твое тело, твое сознание, всего тебя.

Все ярче и ярче становился мерцающий свет. Рафт уже почти ничего, кроме него, не видел. Но глаза и не были нужны. Деревья были слепыми, но трепетали в восторге, когда их корни всасывали земные соки.

Деревья?

Но они не могут чувствовать. И все-таки они чувствовали. Потому что здесь их что-то неразрывно связывало со всей жизнью.

Сад Харна был голоден, и теперь он насыщался.

Рафт вспоминал, а Голос спрашивал, искал, выведывал, но что? Рафт вспомнил хмельный запах пива, острый аромат карри, горячий дух свежеиспеченного хлеба. Он почувствовал во рту сладкий сок мандаринов, жирный вкус какао, щекочущий аромат коньяка.

Но от Рафта хотели большего. Голос требовал. Рафт частично вышел из транса, но его сознание по-прежнему занимали воспоминания о том, что он когда-то ел — вкус еды, которую он поглощал когда угодно и где угодно.

Но где?

В том мире, где коньяк пьют маленькими глотками из широких и низких бокалов, где пекут хлеб в печках, где какао наливают в чашки и ставят на столы, покрытые скатертями. Эта цепочка ассоциаций заставила Рафта вздрогнуть. И вспомнить не только то, что он когда-то ел.

Он вспомнил цивилизацию, свой мир. И осознал в нем себя — Брайана Рафта. Он больше не был тупой, хотя и чувствующей машиной для всасывания корма.

И тогда мерцающий свет еще сильнее накрыл его своим саваном. И Сад Харна обрушил на Рафта все свои запахи. Но Рафт неожиданно и отчетливо вспомнил другой Сад, и Дерево, и его запретный плод, и вспомнил слова: «Не ешьте от него».

Ты же знаешь, что такое — быть голодным, Брайан Рафт. Ешь, как я ем. Познай блаженство, которое познал я.

Голос был спокойным, холодным, далеким, он обольщал, ему невозможно было сопротивляться — и он будил память. Чувство чего-то знакомого становилось все ощутимее — это незримое присутствие в Саду было известно Рафту, только по-другому, не так, как сейчас.

И он вспомнил: «И сказал змей жене: нет, не умрете».

От осознания этой мысли Рафт содрогнулся, и вслед за этим его охватила слепая, безграничная ярость. Мышцы напряглись, дрогнули, и он попытался встать, но не смог.

Ковер сковал его движения, захлестнул Рафта, пока он неподвижно лежал.

И все-таки Рафт мог двигаться. С огромным усилием он оторвал руку от туловища и нащупал рукоятку кинжала. Он ощущал предательские объятия Сада, готового поглотить его, запеленутого и беспомощного.

Физическое ощущение плена и замкнутого пространства было невыносимо — страх холодным обручем сдавил горло, и тогда Рафт приподнял кинжал и ударил. В приступе панической, слепой ярости он кромсал живую ткань ковра, пока тот не превратился в клочья. Самым ужасным было то, что Оно не пыталось уйти, отступить от ударов Рафта. Оно позволило искромсать себя кинжалом, превратившись в месиво. Рафт поднялся и, спотыкаясь, отошел под сомнительную защиту желтоватого леса. Он жадно ловил ртом свежий воздух и чувствовал себя скверно и мерзко, как после отравления.

Ему было трудно смириться с тем, что его собственные чувства оказались по сути животными и едва не погубили его!

Какая же чудовищная, необратимая эволюция могла создать этот дьявольский Сад?

Это было нечто большее, чем просто симбиоз. Внутри этих стен все формы жизни слились в единое целое. Снаружи на исполинских деревьях разные виды животных убивали друг друга, питались, размножались и умирали. Но здесь, в Саду, где животная жизнь была неотделима от растительной, все виды постоянно поглощали друг друга, переходя из одного в другой.

Но ведь какой-то один вид должен быть господствующим!

И Рафт увидел его.

В глубине леса под прозрачной полусферой, которая казалась несокрушимой, лежала бесформенная живая масса. Рафт, поддавшись внутреннему импульсу, бросил в нее камень. Атака была безуспешной. Воспользоваться же револьвером он не решился, чтобы не спугнуть Паррора. Впрочем, и без того он был уверен, что пуля не оставит в этой живой массе даже следа. Серая масса плавала в бесцветной жидкости, а небольшие трубки-артерии уходили в землю.

Мозг? Лишь отчасти, подумал Рафт. Некоторые элементы были развиты чрезмерно, другие же казались рудиментарными. Но всего он понять не мог. Рафт еще сильнее, чем прежде, ощутил смутное, неуловимое зло, которое исходило от этой массы.

Это была рептилия. Здесь, в Саду, этот вид стал господствующим, он подчинил себе всю остальную жизнь и тем самым создал невероятную органическую взаимосвязь, в результате которой Сад превратился в единое целое. Вряд ли это существо обладало разумом. Инстинкты рептилий и млекопитающих различны, и даже при самой удивительной эволюции у рептилий, вероятно, не могло быть ничего общего с другими видами.

Единственной и очевидной целью существования этой рептилии было вкусовое наслаждение. Необходимость питания у этого существа переросла в чув-

ственный экстаз и превратилась в его исключительную способность. Возможно, существо и обладало разумом, но он применялся лишь с одной целью — удовлетворить главный инстинкт этого чудовища.

Весь Сад, его живые деревья и живая плоть, был объят страшным, неистовым желанием: испытывать голод и утолять его. Деревья и животные поглощали то, что приказывал этот мозг, а потом они передавали свои ощущения рептилии, у которой из всех чувств осталось лишь одно.

Неприступное, чуждое, существующее ради собственного слепого наслаждения, — нечто ужасающее плавало под полупрозрачным куполом.

Рафт содрогнулся и ушел прочь. Он вновь без труда разыскал следы Паррора и Крэддока. Чем раньше он доберется до них, тем скорее выберется из Сада. Если только они сами не стали жертвой Харна.

Нет, не стали. Впереди себя Рафт заметил белесые колонны, а возле них различил склоненную фигуру, в которой он узнал Паррора — его прилизанные волосы и бархатистую бородку вокруг мощного подбородка. Хранитель Пламени мгновенно почувствовал приближение Рафта. Он быстро обернулся, глаза его превратились в две узкие щелки — но, быстро овладев собой, Паррор рассмеялся.

Тем временем Рафт пытался справиться с охватившим его гневом, который он уже не раз испытывал при виде этого холодного высокомерия и абсолютной самонадеянности.

— Выходит, от Дарума ты все-таки ушел, — таинственно улыбаясь, проговорил Паррор. — А ты хитрее, чем я думал. Как же тебе удалось разыскать меня?

Рафт ничего не ответил.

— Где Крэддок? — спросил он.

Паррор медленно повернул голову. Следуя за его взглядом, Рафт увидел неподвижно лежавшую за белесой колонной фигуру; глаза Крэддока были закрыты.

— Вон он. И не надо хвататься за нож. Я ему ничего не сделал.

Паррор закончил сматывать тонкую серебристую проволоку и, сунув ее в карман, нащупал в нем что-то еще. Когда он вынул руку, на ней была когтистая рукавица.

— Как-то раз в гневе ты дотронулся до меня, — вкрадчиво проговорил он. — Я этого не забыл. Ни ты, ни Крэддок мне больше не нужны, — почти промурлыкал он. — У меня есть еще одна рукавица, возьми ее.

— Благодарю, но о себе я позабочусь сам, — сказал Рафт.

Неожиданно у него возникла идея, как поубавить прыть этого наглеца. И с каким наслаждением он сделает это с Паррором.

Рафт достал усыпанную драгоценными камнями рукавицу — ту, которую он прихватил из сокровищницы Дарума, и надел ее на правую руку. Паррор кивнул.

— А ты быстро учишься, — сказал он и согнул пальцы под своей рукавицей так, что темные когти угрожающе разошлись в стороны и вновь сомкнулись. Рафт изготовился и ждал.

Темные когти... В местах их соединения с рукавицей они сверкали ярким металлическим блеском, но остальные три дюйма отточенной стали были окрашены в темный цвет. Рафт неожиданно догадался, в чем было дело. Если эти острые, как бритва, когти разрежут его кожу, он умрет даже от неглубокой царапины.

Похоже, что в семействе кошачьих коварство не было позорным.

Но отступать было уже поздно. Паррор горделиво надвигался, глаза его блестели. На крайний случай у Рафта был припрятан козырь, но и без него он не собирался проигрывать.

Паррор подпрыгнул. Он смеялся, его движения были мягкими, легкими и быстрыми, как у ягуара. Атаковал он ловко и стремительно — в последний момент сделал обманное движение, и когти разрезали воздух у самого лица Рафта.

Рафт увернулся и выбросил вверх сжатую в кулак руку. От резкого, сильного удара подбородок Паррора хрустнул. Рафт ощутил суставами пальцев, как под его ударом разошлась плоть его врага, а твердые

драгоценные камни прошли сквозь кожу Паррора и заскрежетали о кость.

Паррор ожидал чего угодно, но только не этого. Отброшенный назад, ошеломленный этим отпором, он стоял несколько секунд, бессознательно пошатываясь из стороны в сторону. Но затем им овладела слепая ярость. Губы сжались, в глазах сверкнуло зеленое пламя. Это было лицо дьявола — или зверя.

Рафт скинул свою рукавицу. Теперь он держал в руке револьвер да Фонсеки и хладнокровно улыбался.

— Ну, Паррор, давай — подходи ближе, — прошептал Рафт. — Это как раз то, что мне нужно. Так, чтобы я не промахнулся.

Взгляд Паррора упал на оружие. Какое-то мгновение в нем боролись ярость и осторожность. Его тигриное лицо исказилось в кровожадной гримасе, он подался вперед и... зашипел!

Но это не остановило Рафта — он наступал. Паррор прорычал что-то похожее на ругательство, тело его неистово передернулось, и он вихрем понесся прочь. Палец Рафта лежал на спусковом крючке, и уже по инерции он нажал на него.

Промахнулся ли он или пуля летела слишком медленно в этом ускоренном мире — но человек-кошка скрылся в желтоватых джунглях. Густой, спутанный кустарник поглотил его.

Рафт пожал плечами и подошел к Крэддоку. Валлиец лежал по-прежнему неподвижно, и Рафту хотя и недолго, но пришлось с ним повозиться. Дыхание Крэддока было слабым, а кожа — влажной и липкой. Вероятно, шок, подумал Рафт. И вдруг рот Крэддока неестественно дернулся — а это был обнадеживающий признак, насколько мог судить Рафт.

Наконец веки дрогнули и приоткрылись. Глаза смотрели осознанно, без гипнотического оцепенения, которого так опасался Рафт. Крэддок выдавил из себя кривую, слабую улыбку.

— Брайан... как... как дела?

— Сейчас уже все в порядке, — ответил Рафт. — А как ты?

— Почти в норме, — пробормотал Крэддок, его голос становился громче и увереннее. — Просто реакция на гипноз. Ничего, пройдет.

— Тебе пока не надо вставать. И вообще — не суетись.

— Где Паррор?

Рафт объяснил, и Крэддок медленно кивнул головой.

— Он не вернется. Он получил то, что хотел.

— Что ты имеешь в виду?

— Ему были нужны от меня сведения. У него есть какое-то устройство — хитроумная штуковина, ею он и прощупал мое сознание. Он выудил из моей памяти даже то, о чем я сам не знал. Для этого он и привел меня сюда. Ему нужно было время, чтобы настроить это устройство на мой мозг. Я же не такой, как они, — так что у него были трудности. Но он с ними справился.

Рафт нахмурился.

— Жаль, что он такой негодяй. А ведь находчивый, черт!

— Он не негодяй, разве что по человеческим меркам, — как-то странно произнес Крэддок. Изуродованные ладони поднялись к лицу, Крэддок протер глаза и встряхнул головой, точно просыпаясь окончательно. — Просто другая психология, — продолжал он. — У них цель всегда оправдывает средства. А цель Паррора — пробудить Пламя. Курупури.

— И теперь он может это сделать? — спросил Рафт.

— Да. Только для этого ему нужно кое-какое оборудование, а на это у него уйдет время.

— Ага, — задумчиво протянул Рафт, — а Дарум выставил на невидимой дороге охрану.

— Дарум?

— Да, царь Паитити. Послушай, Дэн, ты уже пришел в себя? Можешь рассказать мне, что случилось?

— Рассказывать особенно не о чем, — проговорил Крэддок. — Я был в трансе, но мог видеть, что происходило. Паррор привел меня сюда. У него была с собой рукавица с когтями, и ею он дрался с какими-то жуткими существами.

— Здесь? В Саду?

— В желтом лесу, — неуверенно ответил Крэддок. — Да, это было здесь. А когда мы пришли сюда, он обнес все это место чем-то вроде проволоки. Не

знаю, что это было, но защита оказалась эффективной. После этого чудовища оставили нас в покое.

Потом Паррор приладил мне на голову эту штуковину, настроил ее и начал выуживать из моей памяти все, что там было. В конце концов он получил и тайну Пламени. Я прочел о ней в записях, оставшихся от Первого Рода, но сам тогда ничего не понял.

Крэддок задумался.

— Странно, — продолжал он. — Какие-то символы, знаки роились в моей голове, хотя я в толк не мог взять, что они значат. Знаешь, Брайан, ведь на самом деле мы ничего не забываем. Все остается там, в нашем сознании. С того момента, как наш мозг становится способен накапливать сигналы, он слой за слоем сохраняет даже то, о чем мы сами уже не помним.

И вот в конце концов я вспомнил. Мне пришлось написать все это. Ведь тогда это было записано, а не сказано мне. Индейский язык — примитивный вариант того языка. Но Паррор во всем разобрался. Он разбудит Пламя, как только у него будет готово оборудование.

— Но это опасно, — сказал Рафт.

— Думаю, что да. Однако же... — Крэддок посмотрел на свои изуродованные руки, — я однажды уже рискнул. Вслепую, на авось. А Паррор знает, что делать.

Рафт подумал об этой ужасающей, безграничной, необузданной силе, которая яростно ворвется в Паитити.

— Хотел бы я знать, что случится, — проговорил он.

Крэддок поежился.

— Еще бы, Брайан! Но если Пламя выйдет из-под контроля, игра будет окончена.

— Нам нужно выбираться отсюда. Здесь небезопасно. Ты как, идти можешь?

— Конечно, если ты немного поможешь.

Но Крэддок был еще слаб, и Рафту пришлось немало потрудиться, пока они шли по собственным следам в желтых джунглях. Рафт то и дело поддер-

живал его, и Крэддок всем своим весом опирался на его руку.

Они внимательно осматривали местность в поисках Паррора, хотя Рафт был почти уверен, что Хранитель Пламени уже ушел из Сада, полный решимости быстрее собрать все оборудование, которое было ему нужно для завершающего эксперимента.

Но их обоих подстерегала другая опасность. Харн следил за ними. Рафт ощущал эту скрытую угрозу огромной рептилии, которая таилась в желтой тени деревьев.

Они почти подошли к реке, когда Рафт схватил Крэддока за руку, и оба замерли. Впереди них, загораживая тропу, по которой они шли, что-то лежало. Такого Рафт еще не встречал — желтовато-зеленое, как эти джунгли, оно было похоже на расползающееся тесто и вытянулось футов на двадцать — если не больше — вдоль реки. Рафт нахмурился.

— Этого здесь не было, — медленно сказал он. — Не нравится мне это.

Крэддок выпрямился и глубоко вздохнул.

— Похоже, мне придется идти самому — тебе потребуются обе руки. Видишь, как оно ползет? Оно — живое.

— Что это, амеба?

— Нет, это... понимаешь, здесь очень трудно провести границу между животным и растением. Возможно, это протоплазма, но мне кажется, что это нечто родственное грибам-папоротникам. Если мы попадемся, то можем стать его пищей, хотя движется оно медленно.

— Да, но смотри, какое оно громадное. Как насчет того, чтобы пробежаться?

Крэддок весь собрался.

— Ну что ж, давай. Куда побежим?

— Сначала здесь, по мелководью, а потом быстро вбегаем в тоннель.

Крэддок кивнул. Они зашли в холодный медленный поток и бросились вперед, чувствуя, как вода обтекает их ноги, — они бежали, не сводя глаз с этого студенистого желтовато-зеленого существа, лежавшего на берегу. Они поравнялись с ним. Вход в тоннель был уже совсем близко.

Рафт подумал, что до тоннеля они уже почти добрались. Чудовище Харна, сказал он себе, не создано для действия. Оно опасно для сознания. Используя исключительно силу сознания, оно завлекает и ловит добычу. Оно не привыкло влиять на высокоразвитое сознание, которое способно сопротивляться чужой воле. Возможно, в нем вообще не заложена способность физического нападения.

И вдруг, как в кошмарном сне, вода впереди них начала медленно вскипать от желтоватой руки-щупальца. Пройдя сквозь почву, монстр потянулся за ними с берега. Другой щупалец поднялся из воды позади первого.

Рафт с Крэддоком попытались уйти дальше в сторону, но дно круто обрывалось и уходило на глубину. Чудовище неумолимо тянулось к ним — все ближе, ближе — и коснулось Рафта.

Оно было наполнено живым, обжигающим теплом, и плоть человека, отзываясь на это прикосновение, содрогнулась. Чудовище обвилось вокруг пояса Рафта, и влажный жар стал просачиваться сквозь кожу — словно усвоение корма уже началось.

Рафт почувствовал, как его с силой потащило к берегу. Он попытался выхватить кинжал, но внезапно появился еще один щупалец — теплые влажные объятия захватили Рафта и крепко прижали его руки к туловищу. Рафта тянуло к берегу, а он, изо всех сил сопротивляясь, пытался устоять на ногах и не упасть в воду.

— Держись, Брайан!

Крэддок, сжав зубы, превозмогая собственную слабость и спотыкаясь на каждом шагу, бросился к Рафту.

Изловчившись, он выхватил кинжал из-за пояса у Рафта и полоснул по щупальцу. Желтоватая губчатая масса разрезалась, как сыр. На поверхности — там, куда ударил Крэддок, — было заметно напряжение, но и оно не давало ощущения твердости этой чудовищной плоти. Крэддок нанес следующий удар — чудовище сползло в воду, и медленный поток понес его вниз по течению. В этой нарочитой и неумолимой медлительности все случившееся выглядело как в кошмарном сне.

Вся масса чудовища медленно скользила по воде.

— Пошли, — сказал Рафт. — Ты можешь идти?

Он схватил Крэддока за руку, и они побежали к арке; вода, как клей, засасывала их ноги.

Справа от них берег реки, казалось, снялся с места и сползал в сторону — голодная, злая груда протоплазмы не спешила.

Крэддок был еще слаб и бежать быстрее не мог. Вода неохотно, лениво расступалась под их шлепающими ступнями, словно расплавленная резина, а спереди накатывала медленная желтая масса, пытаясь отрезать им путь к тоннелю.

Они были уже у самого входа, когда нервные отростки чудовища, словно часовые по команде, быстро пришли в движение, пытаясь задержать беглецов, и, казалось, все вокруг отозвалось на приказ единственного мозга. Возможно, так оно и было. Но Крэддок из последних сил кромсал чудовище кинжалом, и, когда он перерезал два или три щупальца, остальные сжались и отступили, освободив дорогу двум людям, которые, не раздумывая, бросились под свод тоннеля.

— Они... они отстали от нас, — переводя дыхание и оглядываясь назад, проговорил Крэддок. — Надеюсь... они не последуют за нами.

— Давай двигайся, — мрачно сказал Рафт, подгоняя валлийца. — Гадать не время.

Спотыкаясь, они наконец вышли из мрака под зеленую прохладу высокого лиственного свода, который накрывал Паитити, — и словно обрели убежище.

Впрочем, и это убежище оказалось не совсем безопасным. На расстоянии около четверти мили, обогнув одно из исполинских деревьев, показалась колонна воинов — они направлялись навстречу Рафту с Крэддоком. Рафт тяжело вздохнул.

— Воины Дарума. А там, кажется... да точно, это Ванн. Пошли, Крэддок. Может быть, нам удастся улизнуть.

— Я... я не могу, — старика шатало из стороны в сторону, за Рафтом ему было не угнаться. — Иди вперед, а обо мне не беспокойся.

Рафт остановился и пожал плечами.

— Все равно они нас догонят, — сказал он. — Давай-ка подождем и примем бой прямо здесь.

Рафт вынул револьвер и смотрел, как приближалась, сверкая доспехами, колонна солдат.

Их было человек сорок — они подошли, перестроившись в шеренгу, и окружили своих пленников. Холодное, изрезанное шрамами лицо Ванна было спокойно.

— Вы в плену, — сказал он. — Сражаться, если вы того хотите, будем позже, а сейчас вас обоих хочет видеть царь. Значит, ты все-таки Брайан Рафт, да? А этот человек — Крэддок? — Ванн с любопытством разглядывал валлийца.

— И что же намерен предпринять Дарум? — спросил Рафт. — Перерезать мне горло?

— Нет, — ответил Ванн. — Во всяком случае не сейчас. Где Паррор?

— Сбежал. Куда — не знаю.

— Мы найдем его, — сказал Ванн и быстро отдал приказ.

Половина отряда растянулась цепью и исчезла в джунглях.

— А теперь, — продолжал Ванн, — мы возвращаемся в Замок Доирады. Кстати, Рафт, ты не скажешь мне, что там — в Саду Харна? Мне бы пришлось войти туда, чтобы исполнить приказ, но я сделал бы это без всякого желания. Там живут демоны?

— Позже расскажу, — устало проговорил Рафт и положил револьвер обратно в карман. — Сейчас я слишком устал. Идем.

ГЛАВА XII

Сила науки

Они стояли перед царем в молчаливом ожидании. Это был все тот же зал, в полумраке которого Юранн пела свои песни под арфу. Только теперь в нем стало светлее, и женщины под вуалью здесь не было. Вместо нее на диване, среди гор подушек, сидела Джанисса. Взглянув на Рафта, она ему таинственно улыбнулась, а потом вновь повернулась к Даруму — одетый в

свой царский наряд, он сидел, по-восточному скрестив ноги, исподлобья наблюдая за Рафтом.

— Ты думаешь, что я хочу убить тебя, — сказал он. — Но почему? Ладно, можешь не отвечать. Я читаю ответ на твоем лице. Потому что ты пытался убить меня тем самым кинжалом, который отобрал у тебя Ванн. И еще — потому что ты украл мой амулет.

Рафт открыл рот, но царь, подняв руку, остановил его.

— Подожди. Вы не такие, как мы. Я не вижу большого зла в том, что ты пытался убить меня. Ты бы достиг цели, если бы был достоин ее. Но ты не был достоин, — царь покачал головой, — а значит, все прошло, и забудем об этом. Оставим прошлое в прошлом. Может быть, завтра ты снова попробуешь — или я — и кто-то из нас окажется удачливей. И еще — амулет я заберу обратно. Кстати, Джанисса мне о многом рассказала.

— Когда я узнала, Брайан, что ты сбежал, я рассказала обо всем Даруму, — проговорила девушка. — Я знала, что ты пойдешь за Паррором.

— Вот именно, — вкрадчиво заметил царь. — И мне тоже был нужен Паррор. По-моему, он зашел слишком далеко. В Паитити властвую я, а не Паррор.

— Пока что, — спокойно добавил Рафт. — Если Паррор разбудит Пламя и оно выйдет из-под контроля, то властвовать будет некому.

— Значит, он выведал эту тайну у Крэддока, — сказал Дарум и вздохнул. — Ну что ж, теперь он вне закона. Против него будет каждый. И я выставил охрану на невидимой дороге — так что на нее он выйти не может. Не думаю, что он доберется до Пламени.

— Но Паррор умен, — заметила Джанисса.

— И ему нужны специальные устройства, — вмешался в разговор Крэддок. — На это у него уйдет время. Вот все, что я знаю наверняка.

Дарум пожал плечами.

— Я не ученый, — сказал он, — но знаю одно: опасность подстерегает нас с двух сторон. Если Пламя опустится ниже предельной отметки — тогда... Что будет тогда, Джанисса?

— Мы станем похожими на тех зверей в пещере, — сказала она, — и будем вырождаться, как это случилось с Первым Родом.

— Но когда наступит этот день, никто не знает, — продолжала она. — Возможно, это произойдет при нашей жизни, или жизни наших детей, или еще позже. Но если Паррор попытается пробудить Пламя и потеряет над ним контроль — это будет мгновенная гибель.

— Он так не думает, — сказал Крэддок. — Он уверен, что сможет удержать Пламя.

— А сможет ли? — спросил Дарум и весь подался вперед. — Именно это мне и нужно знать, точно знать — сможет ли он?

— Если бы я знал! — ответил Крэддок. — То, что извлек из моего сознания Паррор, — это не знания, а лишь поверхностная память. Я даже сам не знаю, что обозначают те символы, которые я ему написал. И тридцать лет тому назад, когда я переводил часть этих записей, — и тогда я не знал.

— Те записи, которые уничтожило разбуженное Пламя, — проговорил задумчиво царь. — Теперь эту тайну знаешь только ты и Паррор?

— Я ее не знаю, — ответил Крэддок. — Он извлек ее из моей памяти под гипнозом. Большую часть времени я был без сознания. И сейчас у меня лишь слабое представление о том, что собирается делать Паррор.

— Хорошо, но прежде всего нужно схватить Паррора до того, как он разбудит Пламя, — решительно сказал Дарум. — Думаю, мои воины скоро найдут его. Но что мне делать с вами?

— А почему бы просто не отпустить? — спокойно предложил Рафт.

— Обезьяноподобные слишком любопытны. Ваши люди попытаются проникнуть в Паитити. Два вида — и оба господствующие — не могут благополучно жить вместе.

— Почему нет? — спросил Рафт. — И тем и другим это может пойти на пользу.

— Нет, мы слишком разные.

— Дарум, мне кажется, ты недооцениваешь Паррора, — прервала спор Джанисса. — Он умен и знает больше меня. Есть силы, связанные с Пламенем, но я

не понимаю их. А Паррор понимает. И еще: я знаю из легенд, что к пещере, в которой горит Курупури, можно выйти по потайному ходу.

— Он не должен добраться до Пламени! — сказал Дарум.

Рафт взглянул на Джаниссу — от ее спокойного взгляда он почувствовал себя увереннее.

— Предположим, что, вопреки всему, он все же доберется туда, — сказал Рафт. — Это значит, что он разбудит Пламя. И если он допустит ошибку, ничто не сможет спасти Паитити. Я прав?

Царь кивнул:

— Да.

— В таком случае, — сказал Рафт, — есть только один выход: опередить его.

Дарум вскинул голову и задумчиво посмотрел куда-то вверх.

— Ты предлагаешь нам самим разбудить Пламя?

— А почему бы нет? — спросил Рафт. — Здесь, в этой комнате, знания обеих наших цивилизаций — и в этом наше преимущество перед Паррором. Джанисса знает Пламя — она его наследственный Хранитель. Я знаю биохимию, Крэддок тоже кое в чем разбирается. И у вас, должно быть, есть здесь мастера.

— Конечно, есть.

— Что же тогда нам мешает самим сделать это устройство?

— Мы можем совершить непоправимую ошибку, — ответил Дарум. — Первый Род так никогда и не испытал своего устройства. Они слишком долго ждали. Никто не знает, будет ли это устройство сдерживать Пламя. Есть только один путь — путь проб и ошибок, но единственная ошибка будет последней.

— У нас есть выход, — сказал Рафт.

Джанисса в недоумении посмотрела на него.

Рафт вынул из кармана амулет. Увидев его, царь прищурился.

— Дарум, ты знаешь, что это. Здесь внутри заключена часть Пламени, его искра. Слишком маленькая, чтобы стать опасной. Почему бы нам не испробовать все на ней? Если удастся увеличить ее энергию

и держать ее под контролем — мы будем знать, что наше устройство вполне пригодно.

Дарум пожал плечами.

— Возможно, до этого додумался и Паррор, — продолжал Рафт. — Я надеюсь на это. А если нет — у нас будет преимущество, и мы будем знать наверняка, безопасно ли устройство, которое было задумано Первым Родом.

Дарум колебался.

— Может быть, ты и прав, — сказал он.

— Если это удастся, — поспешно продолжал Рафт, — то угроза, которую таит в себе Пламя, исчезнет навсегда, а вместе с ней — и опасность вырождения Паитити. Этот источник энергии будет в наших руках. А если мы потерпим неудачу — ну что ж, все останется на своих местах, как и сейчас.

— Он прав, — затаив дыхание, вымолвила Джанисса. — Дарум, это шанс! Единственный шанс, если Паррор перехитрит нас. И это, возможно, навсегда покончит с угрозой, нависшей над Паитити.

Дарум долго молчал, потом медленно кивнул и проговорил:

— Хорошо, я согласен. Все в твоих руках, Джанисса. А теперь оставьте меня. Поговорим позже.

Крэддок и Рафт вышли вслед за Джаниссой. Свет позади них померк, и уже в переходе, который вел из царского зала, Рафт услышал приглушенные звуки музыки.

Юранн. Может быть, надо было предостеречь царя? Но Рафт сомневался, что Дарум поверил бы ему. И он решил на время оставить эту мысль.

Крэддок взял его за руку.

— Брайан!

— Что?

— Я не хотел расстраивать твои планы, но... — его голос дрогнул и стал тише, — ты кое о чем забыл. Я не помню того, что Паррор выудил из моей памяти. Ведь он сделал это помимо моей воли, с помощью своего хитроумного устройства, я же сам находился в трансе. И сейчас я ничего не помню.

Джанисса, несмотря на то что Крэддок почти шептал, все услышала.

— Хорошо, что ты не сказал об этом Даруму, — проговорила она. — Мне кажется, эту задачу можно

разрешить. Я не знаю, какое устройство использовал Паррор, но известно — если дверь однажды открывали, то открыть ее в следующий раз будет уже легче. Я знаю, что такое сознание, Крэддок, и, думаю, мы с этим справимся.

— Мы выудим это из тебя, — сказал Рафт. — Если дело только в том, чтобы проникнуть в твое сознание!

Так оно и было. Рафт неоднократно пользовался гипнозом в своей медицинской практике и мог помочь Джаниссе, для которой сознание Крэддока было не просто чужим — оно было чужеродным ее собственному сознанию, основанному на другом мировосприятии. Итак, Рафт был посредником — и потаенная мудрость Первого Рода медленно и мучительно выходила на свет.

Они не спали. Какой-то препарат — по догадкам Рафта, нечто похожее на бензедрин — стимулировал их работоспособность и помогал проводить долгие сеансы. Нашлось в замке и техническое оснащение, были здесь и ученые, хотя почти все их знания относились к области психологии. Впрочем, людям-кошкам были хорошо известны многие смежные с психологией области — такие, как хирургия и биология.

Они исследовали подсознание Крэддока — и это походило на ловлю в переполненном рыбой пруду. Нередко они вытаскивали не ту рыбу, прежде чем понимали, какая нужна наживка. И все же время от времени в блокноте Крэддока, который был у него всегда под рукой, появлялись все новые и новые знаки. Он неразборчиво выводил какую-то линию, останавливался, исправлял ее — и так за знаком знак на бумаге появлялось то, что он прочел один-единственный раз тридцать лет назад и что его память хранила в подсознании.

— Если бы Паррор не открыл сознание Крэддока, нам бы сейчас ничего не удалось, — сказала Джанисса. Вдвоем с Рафтом они стояли на балконе замка, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь этим мигом, который они заслужили после одного из самых труд-

ных сеансов с Крэддоком. Перед ними медленно поднималась стена густого тумана.

Рафт посмотрел на Джаниссу и вспомнил свои полусерьезные мысли о смешении двух различных биологических видов. Сейчас логика значила для него совсем немного. Важным было другое — живое, согревающее его своим теплом присутствие Джаниссы.

Он узнал ее по-настоящему только сейчас. До этого она представлялась ему очаровательным, но противоречивым созданием, которое обладало лишь немногим из того, что делает человека человеком. Но теперь, работая рядом с ней, он начал понимать ее, и еще он понял, что ему никогда не удастся узнать ее до конца.

Это узкое, загадочное, кошачье лицо, на котором коварство уживалось с красотой, влекло Рафта так сильно, что он даже не осмеливался признаться в этом самому себе. На него смотрели зеленовато-голубые, скрытые полумраком глаза... Глаза Бастет[1], чей неподвижный взгляд охранял ночной покой Египта. А в следующее мгновение Рафт уже любовался другой Джаниссой — веселой и игривой, как котенок.

И так они стояли на балконе, как вдруг что-то необъяснимое, неожиданное, словно вспышка молнии, соединило их. Им не нужны были объятия. Это чувство было тоньше — словно поднялся занавес, который скрывал друг от друга двух чужих и таких непохожих людей, представителей разных цивилизаций.

Он дотронулся до ее руки — и оба устремили свои взгляды вдаль, через пропасть — туда, где гигантские стволы деревьев-исполинов держали на себе небеса Паитити.

Только здесь, подумал Рафт, в этом затерянном мире, где-то вне пространства и времени, я смог найти Джаниссу.

Они молчали. Слова были не нужны. Они стояли, взявшись за руки, забыв обо всем, и каждый чувствовал лишь теплое, блаженное присутствие другого, —

---

[1] Бастет (Баст) — в египетской мифологии богиня радости и веселья, изображалась в виде женщины с головой кошки.

пока не услышали голос Крэддока, и он напомнил им о работе, о Пламени, которое нужно было укротить.

Но что могло укротить эту необузданную силу, этот огонь, который горел в сердце спиральной туманности на далеких гигантских звездах? Где эта сила, укрощающая Пламя? И что такое само Пламя?

Они этого не знали. Люди до сих пор не познали до конца природу электричества — и все же они изобрели изолированные провода и укротили его. Пламя нужно было не только изолировать, его следовало пробудить. Причем осторожно.

Сделать это было нелегко. Для начала из подсознания Крэддока нужно было извлечь остатки утерянных записей. Гипноз вторгался в его память, и загадочные знаки один за другим выстраивались в строчки. Джанисса могла их читать, потому что в основе ее собственного языка лежал язык этих знаков, так же как все общество людей-кошек было построено на том, что осталось от Первого Рода.

Однако семантические различия были достаточно серьезны, и здесь на помощь Джаниссе и Рафту пришли ученые. Рафт и сам неплохо знал это индейское наречие, но более сложный язык, на котором говорили люди-кошки, был ему непонятен. В нем были тонкости, которые Джанисса не могла ему объяснить. Потом ученый-химик составлял диаграммы, устанавливал электрохимическую связь, молекулярную модель — и только после всего этого ответ начал вырисовываться перед Рафтом.

Но смастерить это устройство своими руками Рафт не мог — инженером он не был. Не под силу это было и Джаниссе. И все же научные знания Рафта, знания другого мира, помогли пролить свет на многие вопросы и взглянуть на них по-новому. Так, к примеру, было и с амулетом.

— Когда вы поворачиваете этот камень, метаболизм замедляется, — объяснял Рафт. — Это значит, что уровень излучения может блокироваться. Но каков механизм блокировки? Что сдерживает излучение на определенном уровне? Вероятно, нечто такое, что невосприимчиво к вибрации, так?

— Металл? — предположил ученый-физик. — Сплав с хромом, а возможно, с ванадием. Мы это проверим.

И хотя память Крэддока уже отдала все тайны записей, невосполнимые пробелы остались. В те далекие времена, когда жил Первый Род, в этой долине существовали различные химические элементы, запасы которых сейчас были уже исчерпаны.

Им удалось выяснить, что дело было не только в том, из какого материала сделана оправа амулета. Важное значение имел сложный состав сплавов, а также микроскопический механизм, работающий на индукционном излучении самого источника энергии, — та самая искра в кристалле. Это был кристалл обычного кварца, но Рафт понятия не имел, каким образом активная частица была помещена внутрь кристалла.

Еще одна загадка была в сложном составе сплава, который, по всей видимости, и регулировал энергетическую мощность частиц. Кое-что об этом им удалось выведать у Крэддока, а остальное они нашли сами путем анализа. Но в конце концов они зашли в тупик — им были известны необходимые элементы, но этих элементов в Паитити больше не существовало.

Вот тут-то внешний мир и показал свою практическую ценность. Вначале Рафт обдумал саму возможность такого варианта. В рюкзаке, который он принес с собою в Паитити, было кое-какое снаряжение, медикаменты, консервы в жестяных банках и его личные вещи, у Крэддока тоже кое-что было.

Крайне необходимую им платину они взяли из часов. В рюкзаке нашлось немного олова, а после разборки револьверов и винтовки они были обеспечены полным набором необходимых металлов.

После быстрого анализа металлы были отделены друг от друга и получены новые сплавы. Теперь, когда у них было все необходимое, они могли приступить к самому главному.

Когда устройство было окончательно собрано, оно оказалось совсем небольшим. Размеры достаточно четко определялись составляющими его деталями. Устройство стояло на треножной подставке и доходило Рафту до груди. Это был на удивление простой при-

бор, состоящий из кристаллов, металла и пустотелых трубок.

Существенным элементом был предохранитель, расположенный в верхней части устройства, в ртутном растворе. Эта, на первый взгляд, самая обычная, длиною не больше фута, трубка держала под контролем чудовищной силы излучение — ради чего и была создана сама эта машина.

— Замысел Паррора обречен на провал, — сказал Рафт. — Во всем Паитити ему не найти нужных для этих сплавов элементов. Он вряд ли сможет сделать предохранительное устройство, а без него — и он сам это знает — эксперимент будет слишком рискованным.

Джанисса выглядела не такой уверенной.

— Он безгранично самоуверен, — сказала она, — и, может быть, попробует найти заменители. Брайан, чем быстрее мы испытаем это устройство, тем спокойнее я буду себя чувствовать.

Испытания оказались не такими уж зрелищными. Несмотря на крошечную долю энергии, заключенную в амулете, опасность оставалась, и, чтобы уменьшить риск, было решено использовать дистанционное управление.

Амулет был положен на мох, в пятистах футах вокруг него было чистое поле, и Рафт вел наблюдение при помощи бинокля. Он окинул беглым взглядом тех, кто был сейчас с ним рядом, — Крэддока, Джаниссу, инженера — и, читая про себя молитву, включил устройство. Ничего не произошло — ни с устройством, ни с амулетом.

— Разве амулет не получает энергию? — прошептала Джанисса.

— Он должен получать ее, — ответил Рафт и подвинул движок реостата.

Он подвинул его слишком далеко. Над амулетом взметнулся сноп света, и мгновенно с этой вспышкой весь мох в радиусе около ста футов от амулета — ожил! Было видно, как он судорожно корчится и ползет, — его обыкновенный рост невероятно ускорился под воздействием радиации, которую испускала заряженная частица.

Рафт поспешно перевел реостат назад. Он улыбался — дальнейшие испытания больше не нужны, ус-

тройство работало. Оставалось узнать лишь одно — хватит ли его мощности, чтобы сдерживать Пламя. Должно хватить, подумал Рафт, потому что индукция уравнивала мощность устройства и Пламени.

Но опасность подкралась намного раньше, чем он мог ожидать.

ГЛАВА XIII

Летающие демоны

Брайан Рафт проснулся и увидел склоненное над ним лицо Джаниссы. Лампа в ее руках озаряла комнату.

— Брайан!

Рафт, щурясь, посмотрел на девушку.

— Джанисса, что случилось?

— Паррор.. — прошептала она. — Я увидела его. Он идет к Пламени.

Рафт мгновенно вскочил.

— О, господи! Ты уверена?

Она кивнула, в ее глазах был страх.

— Я смотрела в зеркало, когда защитный барьер Паррора на мгновение ослаб, — и я почувствовала его мысли. Он идет тайной тропой к Пламени.

— Где он сейчас?

— Где-то в лесу. Точно — не знаю. Я видела лишь то, о чем он думал, и дорогу, по которой он собирается идти. Брайан, мы должны его как-то остановить.

— И остановим, — решительно сказал Рафт. — Буди Крэддока, потом мы пойдем к царю.

Джанисса выскользнула из комнаты, и Рафт торопливо оделся. Он напряженно думал, не поспевая за собственными мыслями. Застраховаться от непредвиденного он не мог и все же испытывал чувство вины. Паррор, вероятно, собрал аналогичное устройство, но оно не могло быть безопасным без тех элементов, которых в Паитити уже не существовало. А значит — как только он разбудит Пламя, произойдет катастрофа.

Втроем они пошли к Даруму. Ванн охранял царский покой, стоя на входе. Он удивленно посмотрел на них, изрезанное шрамами лицо было неприступно.

Но, едва услышав о том, что их привело к царю на этот раз, впустил всех троих к Даруму.

— Нет, я все-таки войду с вами, — сказал он, едва не наступая им на пятки. — Покушения готовятся очень искусно.

Царские покои озарял мягкий свет. На тронном помосте среди подушек возлежал сам Властелин. Едва они приблизились, как он встрепенулся и вскочил. Его рука скользнула вниз и выхватила из-под одежды длинный кинжал. При этом Дарум не проронил ни звука.

— Это оружие уже не пригодится, — проворчал Рафт. — У Паррора теперь есть свое, и он готов пустить его в ход.

— У Паррора? — переспросил Дарум и выронил кинжал. — И значит... Пламя?

— Скажи ему, Джанисса.

Джанисса быстро рассказала о случившемся. Царь в нерешительности нахмурился и сказал:

— Ты говоришь, что его устройство не будет работать?

— Нет, работать-то оно будет, но без предохранителя — разрушит все вокруг, — пояснил Рафт. — У нас сейчас только одна возможность предотвратить это — опередить Паррора, если сможем. А если нет — то хотя бы воспользоваться нашим собственным устройством и сдержать Пламя, пока еще не поздно.

— Я видел странный сон, — медленно проговорил Дарум. — Я лежал мертвый здесь — в этой комнате, а над Паитити нависла тень. Тень света. Тень жизни. Но она не могла оживить меня — она несла только гибель. И теперь я думаю — неужели это сбудется?

Его голос был далеким и странным, словно воспоминания вернули его обратно в сон.

— Так может случиться, потому что тень надвигается, — сказала Джанисса. — И всех нас ждет смерть, если мы не остановим Паррора.

— Смерть! — пробормотал царь, словно это было единственное слово, которое он услышал из всего того, что сказала Джанисса.

— Смерть.

Рафту послышалось что-то знакомое в мягком, глубоком тембре этого голоса. Однажды Дарум уже говорил так. Если безумие охватит царя именно сей-

час, когда нужно было действовать и ясная голова была важнее всего остального, — если это случится, то может произойти самое непредвиденное и самое страшное.

— Паррор придет к Пламени раньше вас, — тихо и безучастно сказал царь. — Я вижу это, — он неожиданно уронил голову на грудь и закрыл лицо руками. — Что будет дальше, я пока не знаю, — его голос стал еще глуше. — Смерть — смерть была в моем сне. И в этой комнате — смерть!

Лицо его по-прежнему было закрыто руками, а исступленный голос мощно резонировал под сводами царской палаты — это был голос безумия, но в нем слышалась уверенность, словно даже сейчас царь знал, что он изрекает истину.

— Здесь — смерть, — пронзительно вскрикнул Дарум. — Слишком много смерти для одного человека. Нет, я умру не один. Я знаю, что и вы сгинете в этом Пламени, вы — Джанисса, Крэддок, Рафт! И вы обречены — геенна огненная поглотит вас, ибо над этой комнатой витает дух смерти.

Рафта охватил ужас. Слишком уверенным был этот голос — уверенным и безумным.

— Над Паитити — смерть! — прокричал Дарум и неожиданно поднял лицо — свирепые, безумные глаза царя уже ничего не видели, они смотрели в пустоту.

И вдруг пронзительный крик — «Смерть!» — эхом отозвался в дрогнувших струнах арфы, которая зазвучала из-за портьеры за спиною царя. Если музыка может говорить, то сейчас она именно говорила — и угрожала. Эта угроза была так же ясна и понятна, как неожиданный блеск обнаженного клинка. Единственный слог пророчества — он не требовал движения губ.

Портьера сдвинулась в сторону — за ней стояла Юранн, ее пальцы застыли над подрагивающими струнами. Скрытая одеждами, с темным пятном вместо лица, она, точно Атропос[1], была готова перерезать последнюю нить, связывающую Дарума с жизнью.

---

[1] Атропос — одна из трех богинь человеческой судьбы в древнегреческой мифологии.

Все, кто был в комнате, словно окаменели — та уверенность, с которой безумный голос царя вынес им всем смертный приговор, заставила ужаснуться и поверить пророчеству. В этот миг, вопреки надеждам и рассудку, Крэддок и даже Рафт знали только одно — их ждет смерть. И на какое-то мгновение их, как и царя, охватило безумие.

Лишь один Рафт успел осознать, что последует за этим. Только он знал, что пронеслось в затуманенном сознании Юранн. Смерть витала над Замком Доирады и над всем миром, который знала Юранн. Царь сказал — и никто не сомневался в его словах. А она так долго ждала, чтобы отомстить ему. Если она сама не сделает этого сейчас — то Пламя отберет у нее месть.

И пронзительный, исступленный крик в последний раз сорвался со струн арфы. Рука, которая извлекла эту безумную ноту, отбросила арфу в сторону, и та, ударившись об пол, издала свой последний дребезжащий звук.

Юранн пригнулась и бросилась к дивану. Белая рука, словно дротик, взметнулась из-под одежды и схватила длинный кинжал, который обронил царь. Наклонив голову и размахивая кинжалом, точно косою, она бросилась на Дарума.

Нападение застало царя врасплох. Он попытался встать и уклониться от сверкающей стали, но одежда мешала ему — он запутался в ней, и ему удалось только слегка подать свое тело в сторону, так что первый удар, задев только ребра, оставил после себя неглубокую розовую рану. Юранн, не проронив ни слова, обуреваемая жаждой мести, вновь занесла свое оружие над царем.

Но Рафт перехватил ее руку.

Он почувствовал такое же сильное, отчаянное сопротивление, как и в тот раз, когда они боролись здесь же, в этой самой комнате. Лицо, скрытое вуалью, повернулось к нему, и он ощутил беспричинный леденящий ужас.

С внезапной кошачьей яростью она пыталась вырваться от Рафта — и последнее неистовое усилие освободило ее. Она отпрыгнула назад, по-прежнему держа в руках кинжал и обратив свой невидимый взор на царя.

Дарум был уже на ногах — он смотрел на нее, готовый отразить атаку. Но судьба отвернулась от Юранн, и по тому, как ослабло это упругое, напряженное, красивое тело, было видно, что и сама она понимала это. В настороженной тишине послышался ее глубокий вздох.

И вдруг она резко повернулась — так, что широкие одежды взметнулись и окутали ее, словно легкий дым, — и вонзила кинжал по самую рукоятку в собственное сердце!

В безмолвном оцепенении они смотрели, как она сползла на пол. Алый цвет постепенно проступал через серую ткань, пронзенную кинжалом и прижатую к уже мертвому телу.

Оттолкнув Рафта, царь бросился к Юранн и встал перед ней на колени. Его протянутая рука замерла над покрытым вуалью лицом. Но он так и не дотронулся до этой тонкой паутинки.

— Юранн? — позвал он. — Юранн?

Но она лежала неподвижно, и алый цвет расплывался на сером все шире и шире.

Пальцы Дарума обхватили торчащую из ее груди рукоятку кинжала и гладили ее, словно это была сама Юранн, — и царь склонился еще ниже над распростертым телом, пытаясь услышать биение сердца. Пальцы еще сильнее сжали кинжал.

Он с силой вырвал его из ее груди — по лезвию стекали алые капли крови. В следующее мгновение Дарум, ловко, не по-человечески изогнувшись, поднялся на ноги и посмотрел прямо в лицо Рафту. Губы его вытянулись, а темные глаза безумно сверкали. Он поднял кинжал — стекающие капли оставляли на ковре неровные алые линии.

Рафт стоял неподвижно, лихорадочно соображая, что ему делать. Царь был уже совсем близко, а оружия у Рафта не было. Только схватившись с Дарумом, Рафт мог избежать удара кинжалом, но он твердо знал, кто из них сильнее. От вздрагивающего тела исходила невероятная сила, а безумие лишь усиливало эту мощь.

— Спас мне жизнь? — прошипел Дарум. — Нет, ты встал между нами и обратил против нее это оружие. А теперь скажи мне: зачем мне жить? — В дикой, кошачьей ярости лицо его судорожно искази-

лось. — Ты — обезьяна! — прорычал Дарум — и прыгнул.

И в то же мгновение из-за спины Рафта метнулась тонкая сияющая стрелка света и погасла, едва коснувшись царской шеи. Тело Дарума изогнулось. Он попытался сделать еще один шаг вперед, не выпуская из рук кинжала, готовясь пронзить Рафта...

Неожиданно силы покинули его, и обмякшее тело медленно и плавно, словно ниспадающий шелк, сползло на подушки. Пальцы разжались — и отпустили кинжал, и сразу после этого его рука поднялась к горлу и вытащила торчащую из него шпагу. Из раны, а потом изо рта хлынула кровь.

— Ванн, — прохрипел царь. — Ванн, мы с тобой не раз сражались в честном поединке, но так — никогда.

— Я служил тебе, Дарум, — тяжело ответил Ванн, — но прежде всего я служу Паитити. Юранн же не была достойна любви.

— Она была так красива, — прошептал царь. — Она не могла — не могла погибнуть вместе с Паитити, не убив прежде меня. Она всегда ненавидела меня. И... и...

Дарум захлебывался собственной кровью. Но неожиданно появившаяся в руках сила помогла ему привстать и подползти к Юранн. Его пальцы нежно гладили мертвую руку. Под ее ладонью лежала арфа — он дотронулся до струн, и в недвижимом воздухе прозвучали ноты печали и одиночества.

— Я бы уничтожил Паитити, — проговорил Дарум, — я бы уничтожил весь мир — ради нее одной. Только бы ей было хорошо. Она была такая красивая.

Его голова упала на ее нежное тело. Тигровые глаза закрылись. В последний миг его ладонь нашла руку Юранн — и их пальцы переплелись.

И слилась их кровь. Алый поток становился все медленнее и медленнее... И наконец остановился.

Ванн стоял неподвижно, опустив плечи.

— А теперь идите, у вас еще есть время, — сказал он. — Я сделал это, чтобы спасти Паитити. Только сейчас я уже не знаю: в то ли горло я вонзил свое оружие.

— Ванн... — начала Джанисса.

— Уведи их, Джанисса. Уведи этих пришельцев от царя — и пусть они остановят Паррора, если это в их силах.

— Паррор, — шепотом повторил Крэддок и коснулся руки Рафта. — Нам надо спешить.

— Да, — безучастно согласился Рафт.

Он повернулся и медленно вышел из комнаты. Лицо его было серым, и на нем еще не успели высохнуть капельки пота.

О мертвом царе он не проронил ни слова.

— Нужно взять устройство, — сказал он. — С весом мы справимся — оно не тяжелое. Раздобыть бы только какие-нибудь ремни.

Они разыскали вполне прочные шелковые ленты, с помощью которых Рафт закрепил устройство у себя на спине. Сделанное из легких сплавов, оно было совсем не таким тяжелым, как могло показаться. Лишний вес мог бы стать непреодолимым препятствием — чтобы опередить Паррора, им нужно было идти очень быстро.

Замок засыпал, когда они выходили из него. Снаружи их встретил чистый прохладный свет яркого дня.

— Нам нужно было взять с собой оружие, — вспомнил Крэддок.

— Теперь уже слишком поздно, — ответил Рафт. — Джанисса, веди нас — ты ведь знаешь тайную тропу, которая ведет к Пламени?

— Да, думаю, что смогу найти ее. Мысль Паррора была достаточно ясной. Но это долгий путь.

Однако дорога оказалась короче, чем они предполагали. Через замок Паррора они не пошли, а срезали угол и прошли вдоль подножия скалы, которая закрывала собою вход в Паитити. Шли они быстро и часа через четыре оказались почти на месте. Им пришлось остановиться — Джанисса искала потайной вход.

— Эти развалины, — сказала она, — остались здесь от Первого Рода. Где-то совсем рядом должна быть сдвоенная колонна — Паррор думал о ней, когда я читала его мысли.

Рафт молча указал пальцем. Джанисса радостно вскрикнула, подбежала к тому месту на скале, куда показал Рафт, и, ощупывая гладкую поверхность, принялась искать потайной затвор.

Каменная плита бесшумно и плавно отошла в сторону, открыв овальный проход.

Рафт повернулся и посмотрел назад — туда, откуда они пришли.

— Паррора не видно, — сказал он. — Возможно, он опередил нас. А может быть, и нет. Скоро узнаем.

Вслед за Джаниссой и Крэддоком он вошел внутрь, и потайная дверь позади него закрылась.

Но они не оказались в темноте. Со стен, с потолка и с пола — отовсюду сочился бледный холодный свет. Тоннель, петляя, круто поднимался вверх. От неожиданно наступившей тишины у Рафта застучало в висках.

— Идемте же, — сказал он, поправляя ремни на спине.

Тоннель не был длинным — прорезая скалу, он напрямую вел к пещере Пламени. Но прежде им предстояло пройти еще одну пещеру.

На их пути вновь оказалась овальная дверь. На этот раз Джанисса без труда открыла ее, но внутрь не пошла. Рафт заметил, что ее стройная фигура застыла на пороге, и почти сразу же Джанисса отпрянула назад. Отодвинув Крэддока, Рафт приблизился к девушке.

— Что случилось? — спросил он.

Джанисса молчала.

— Первый Род, — затаив дыхание, проговорил Крэддок. — Первый Род, — повторил он.

Это была та самая пещера, через которую Рафт однажды уже проходил. Сталактиты, свисающие гигантскими каплями с потолка, вздымающиеся из-под земли, словно фантастический лес, сталагмиты — все было ядовито-зловещего фиолетового цвета. Высоко над головою, почти отвесно уходя куда-то вниз, словно бросая вызов земному притяжению, зависла почти прозрачная труба невидимой дороги. Сейчас ее можно было заметить — по ней ползали полчища существ, точно пытаясь проникнуть внутрь стеклянной преграды.

Чудовища!

Рафт уже видел их, но тогда в тусклом свете их очертания были смутными, неотчетливыми. Теперь же от вида этих существ у него пересохло в горле, и ему казалось, что вот-вот его стошнит.

Вся огромная, залитая фиолетовым светом пещера кишела тварями — выродившимися, ужасающими существами, с перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями и звериными мордами. Это были потомки Первого Рода — той могущественной цивилизации, которая воздвигла величественные замки Паитити.

Падшие потомки — падшие на самое дно примитивного, кошмарного существования.

Мощное излучение, которому подверглась вся жизнь в Паитити, когда Пламя опустилось, — это излучение превратило их в исчадия ада. Почти все они были похожи друг на друга. У одних были огромные перепончатые крылья, другие били крыловидными отростками и с трудом волочили свои жирные, лоснящиеся тела между сталагмитами. Некоторые были совсем крошечными, другие — огромными; у многих были когтистые, как у гигантских птиц, лапы.

И через весь этот кошмар пролегала прямая, как стрела, и отсвечивающая молочным светом тропа — она вела к овальной двери на дальней стене пещеры.

— Нам — туда? — спросил Крэддок.

Рафт взглянул на Джаниссу. Смертельно бледная, она все же справилась с собой, глубоко вздохнула и — шагнула из спасительного тоннеля в фиолетовое сияние пещеры.

— Надо бежать, — сказал Рафт. — Добежим до той двери, и все будет в порядке.

Подгоняемые страхом, они бросились вперед по тропе. Со всех сторон их обступали извивающиеся, ползущие, кошмарные твари. Сама мысль о том, что эти черные когти могли к ним прикоснуться, повергала в ужас.

Неожиданно вся эта отвратительная живая масса зашевелилась еще быстрее, точно в ней проснулся интерес к трем бегущим людям. Боковым зрением Рафт успел заметить, как существа потянулись к ним, но они уже пробежали больше половины — и у них был реальный шанс добраться до двери, прежде

чем чудовища окружили бы их и приступили к более близкому знакомству.

Но Рафт недооценил крылатых тварей. Что-то сильно ударило его сзади — и он упал на колени. Он попытался встать на ноги. Джанисса, обернувшись и увидев, что произошло, тихо вскрикнула и побежала назад, ему на помощь. Что-то безобразное, усеянное рогами и покрытое чешуей — такими рисовали демонов средневековья — прыгнуло на Джаниссу и крепко схватило ее.

Рафт с проклятиями бросился вперед, к Джаниссе, не обращая внимания на существо, которое сидело на его собственной спине. Он изо всех сил ударил кулаком в морду чудовища — удар откинул монстра назад, и раздался тонкий, пронзительный вопль.

Это был сигнал. Со всех сторон, медленно и тяжело переваливаясь, к ним устремились демоны Паитити. Рафт оказался погребенным под грудой смердящих туш и задыхался от ярости и подступавшей тошноты. Его кулаки обрушивали удар за ударом в мягкую бесформенную массу — а вопли существ тем временем перерастали в невыносимый визг.

Тошнотворный запах душил Рафта, а прикосновение этих тварей вызывало отвращение. Гадкие, мертвые существа, пробужденные неведомой силой к жизни, а вернее, к ужасающему подобию жизни, — такими они были. Отвратительные лики демонов.

Крэддок поднял с земли упавший сталактит и, орудуя им словно копьем, поспешил на помощь Рафту, рубя и отбрасывая насевших на того тварей. На какое-то мгновение давившая на Рафта тяжесть ослабла, и он, пошатываясь, встал и начал искать глазами Джаниссу.

Наконец он увидел ее, окруженную плотным кольцом чудовищ.

Прежде чем броситься ей на выручку, он сообразил, что надо последовать примеру Крэддока и разыскать остроконечный сталактит. Эти существа, в результате естественного симбиоза и вырождения, были физически слабыми, но явно превосходили численностью — и Рафт понял, что только одного их веса хватит, чтобы раздавить его. Воинственно

вскрикнув, он кинулся вперед, разя чудовищ своим нехитрым оружием.

Рафт чувствовал, как рвется их плоть. Визг стал еще громче. Отвратительная живая масса чудовищ накатывала на него, как волна. В них была какая-то трусливая, крысиная злоба. Сбитый с ног, Рафт упал на спину и отчаянно пытался перевернуться, чтобы не раздавить драгоценный груз, который был у него за спиной. Но на этот раз Рафту не повезло.

Он услышал, как устройство треснуло под ним, раздавленное о камень.

Чувство безнадежности и, одновременно с ним, слепой ярости охватило Рафта. Ему показалось, что он тонет в этом море зловонной плоти — и все-таки он не сдавался. Остатки раздавленного устройства были сметены с его спины. Яростные, разящие взмахи острого сталактита в конце концов образовали вокруг него свободное пространство.

Он остановился и с трудом перевел дыхание. Изодранная одежда висела на нем лохмотьями, но схватка была не напрасной — он увидел, что они почти у двери. Валявшиеся под ногами обрывки шелковых лент, разбитые кристаллы и изогнутые куски металла напомнили Рафту о том, что устройства, которое могло спасти Паитити, больше нет.

Целой осталась лишь одна деталь — небольшой, около фута длиною, цилиндр из блестящего сплава. Это был предохранитель, ограничивающий энергетическую мощность устройства. Рафт схватил его и сунул себе за пояс.

— Брайан! — раздался крик Крэддока. — Иди сюда!

Рафт поднял свое копье и бросился к Крэддоку. Чудовища уже знали, какую угрозу таит в себе острое каменное копье, и в смятении подались назад. Джанисса с Крэддоком стояли рядом, спиной к спине. Девушка была безоружна, но от охватившей ее ярости выглядела свирепо — пальцы ее изогнулись так, словно это были когти кошки, которую не на шутку раздразнили.

— Дверь! — прокричал Рафт. — Джанисса, открой дверь!

Он прорубил в этом жутком месиве проход для нее — проход, который отсвечивал алым светом. Са-

мыми опасными были летающие твари. Уже в который раз копье в последний миг пронзало их, когда они бросались на него сверху, из фиолетового полумрака пещеры. Рафт молчаливо и мрачно продолжал драться, уже не отдавая себе отчета в том, где он и что делает, видя перед собою лишь безобразные дьявольские лики и алые потоки крови, которые хлестали из тел чудовищ, когда он настигал их. И еще — он слышал непрерывный пронзительный визг.

— Брайан! — закричала Джанисса. — Дверь!

Рафт с удивлением увидел, что дверь была уже открыта. На пороге маячила фигура Крэддока с развевающейся седой шевелюрой — валлиец, спотыкаясь, выбежал из пещеры, за ним в спасительный проход бросились Рафт и Джанисса.

Рафт в последний раз взмахнул своим оружием, отбиваясь от чудовищ, — и они оба, словно их подхватил вихрь, вырвались из пещеры.

Джанисса вытянула руку, и овальная дверь встала на свое место, закрыв выход из пещеры.

Визг смолк, и наступила тишина.

— Они сломали наше устройство, — безнадежно сказал Рафт.

ГЛАВА XIV

Рафт делает выбор

Крэддок тяжело дышал. Его глаза были усталыми и измученными.

— У тебя остался предохранитель, — проговорил он. — Может быть, этого и хватит. Если у Паррора такое же устройство, как у нас, возможно, еще не все потеряно.

— Наверняка такое же, как у нас, — ведь Паррор не дурак, — сказал Рафт. — И все же лучше остановить его прежде, чем он разбудит Пламя. — Рафт на мгновение смолк и усмехнулся. — Вполне возможно, что Паррор не впереди, а позади нас. Если бы он проходил ту пещеру, они наверняка сломали бы и его штуковину.

— Если только он не знал другой дороги, — мрачно вставила Джанисса.

С кошачьим изяществом она пыталась приладить на себе разодранную в клочья одежду. Совсем как кошка, подумал Рафт, наблюдая за ней.

Внезапно воздух задрожал, и обжигающая дрожь вихрем пронеслась по их телам, точно подстегивая живую плоть, — и стихла. Низкий гул растаял в наступившей тишине.

Джанисса, мертвенно-бледная, обернулась к Рафту. Руки ее беспомощно повисли.

— Пламя! — проговорила она. — Оно просыпается!

Рафт с проклятиями бросился вперед, остальные — следом. Проиграть именно сейчас, когда победа уже так близко, — это было бы слишком обидно. Тоннель казался бесконечным.

И все же он кончился, но прежде еще дважды их настигали гулкие раскаты и предостерегающая дрожь. И с каждым разом эта сила нарастала, словно пробуждаясь к жизни.

Джанисса ощупывала дверь, отыскивая замóк. Наконец панель сдвинулась с места и отошла.

Они оказались на небольшом выступе скалы, склон которой терялся где-то внизу — где?

Было темно, слишком темно, чтобы различить что-нибудь. Казалось, что они стоят на краю бесконечной пустоты.

И все же они видели свет — он сочился так слабо, точно был лишь напоминанием о самом себе, а источник был глубоко внизу. С головокружительной высоты, облокотившись на перила, Рафт пристально вглядывался в этот бездонный мир, в открывшуюся под ногами бездну, в глубине которой теплилась единственная искра.

Нет, Рафт чувствовал не головокружение — это был страх.

Обычный, простой, безотчетный страх. Рафт знал это чувство.

Однажды, на Мадагаскаре, ему пришлось войти в хижину, где спали часовые. Один звук, одно неверное движение — и копья вонзились бы в его тело. Он знал тогда, что спящие обязательно проснутся. Он чувствовал и осязал это каждой клеточкой своего тела.

Так было и сейчас. Там, далеко внизу, откуда сочился свет, находилось нечто, исполненное необык-

новенной жизненной энергии, и Рафту казалось, что он стоит на раскрытой ладони этого *нечто*.

Вспомнилось ему и другое. Джунгли. Вернее, та жизнь, которая наполняет их. Влажные от испарений, плодоносящие леса Амазонки, ее ревущие потоки, яростная зелень тропиков — вся эта неукротимая, необузданная жизнь. А там, внизу, неистовствовала слепая, голодная, чудовищная сила, сердце непостижимой далекой туманности, повергающее в прах и пробуждающее к жизни, и имя ей — Курупури!

— Пламя спит, — еле слышно вымолвила Джанисса.

Но неясный свет в глубине разгорался все ярче. Низкий, почти неуловимый звук рос и набирал силу, пока не превратился в сокрушающий грохот — рев рождающегося в муках божества.

И оттуда, из пучины, которая вела к сердцу мира, из бездны — вставало Пламя.

Оно росло и поднималось — шпиль, башня, сверкающий нестерпимым огнем колосс. Суть всего живого. Рафт чувствовал, как все его существо тянется к этому пылающему источнику.

И туда же унесся его дух. Душа закачалась над самой бездной.

Оглушающий грохот ударил в стены. Яркое, сверкающее Пламя взвивалось все выше, оно билось в ярости, безумствовало в наслаждении, в исступленном восторге жизни.

Внизу, под уступом, Рафт различил странное очертание. Даже два очертания — силуэт человека и контуры до странности знакомого устройства.

Паррор! И прибор, который он сконструировал по записям Первого Рода.

Пламя становилось все ярче и ярче. Рафт бросился вниз по уступу. Только бы успеть, заклинал он себя на бегу. Паррор, ослепленный своей самонадеянностью, мог и не заметить очевидных признаков, но Рафт-то знал, что никому сейчас не подвластное Пламя просыпается.

Ничего подобного с амулетом, когда они испытывали устройство, не происходило.

Галактическая сила неистовствовала в Паитити. Может быть — уже во всем мире!

Рафт стремительно бежал вниз, словно охотник за добычей. Огонь взметнулся с чудовищной силой и вдруг начал ослабевать. Столб света медленно и неохотно опускался. Грохот умолкал.

Рафт стоял на прозрачном, как стекло, полу пещеры. Лишь однажды он взглянул вниз — и у него закружилась голова. Пропасть обрывалась вниз, к пылающей земной сердцевине, и он висел над этой бездной.

Он ринулся навстречу Паррору, а Паррор — к нему.

Откуда-то снизу исходил свет, и его блики оставляли на лице Паррора загадочные, колдовские тени, На руке у Паррора Рафт заметил рукавицу с когтями. Наступая, Паррор тихо рычал. Рафту хотелось немедленно покончить с ним, но сейчас важнее было усмирить Пламя. Он замедлил шаг и вытащил из-за пояса предохранитель.

— Паррор! — закричал он в наступившей после громовых раскатов тишине. — Твое устройство не сработает без этого!

Но Паррор уже ничего не слышал. Неистовая жажда крови и бешеная ярость оглушила, ослепила его и почти лишила рассудка. Рафт уже видел его таким. Острая сталь его когтей-пальцев полоснула Рафта по лицу.

Увернуться он не успел. Из разодранной щеки хлынула кровь, и жгучая боль пронзила все его тело. Предохранитель вышал из рук.

Рафт попытался схватить противника, но тот ловко ускользнул от него. Снова и снова в Рафта вонзались острые когти. Грудь и бок мучительно жгло. Он бешено отбивался, но его удары не достигали цели.

И вновь прогремели раскаты. Свет внизу становился все ярче.

Восторженно бушуя, Пламя вырывалось на свободу! Огонь накатывал, подступал, вздымался — словно хотел найти обратный путь к своей межзвездной колыбели.

Когти вновь вонзились в Рафта. Ему показалось, что кто-то провел лезвием бритвы по глазу. Полуслепой, с рассеченной до самой кости щекой и разорванным носом, он все же посылал удар за ударом в своего неуловимого врага.

Подбежала Джанисса и бросилась между ними.

Паррор сжал кулак и со всей силы ударил ее в подбородок. Удар отбросил девушку в сторону, и она неподвижно распростерлась на стеклянном полу.

— Твоя наука, Рафт, — прошипел Паррор.

Рафт неистово ругался, чувствуя свое бессилие. Если бы он только мог добраться до этого ухмыляющегося дьявола и сжать пальцы на обросшем шерстью горле.

Невыносимо ярко блеснуло Пламя, и громоподобные раскаты вновь обрушились на пещеру. На этот раз рожденный звездами огонь не угасал.

Неуклонно и яростно он поднимался все выше и выше, пробуждаясь к жизни, непостижимой для земного разума.

И вдруг, к своему удивлению, Рафт понял, что оба его глаза снова видят. Боль прошла. Кровь перестала капать. Он увидел изумленное лицо Паррора.

Излучение Пламени исцеляло. Оно стремительно регенерировало живые ткани и ускоряло жизненные процессы.

Рафт услышал, как Крэддок что-то прокричал. Сквозь грохот раскатов до него долетели только несколько слов. Он посмотрел и увидел его в футах тридцати от себя. Крэддок бежал к устройству Паррора, в его руках блестел знакомый цилиндр предохранителя.

Рафт так никогда и не узнал, о чем в ту минуту думал Паррор. Он увидел, как человек-кошка, хрипло и яростно вскрикнув, вихрем бросился к Крэддоку.

Он успел сделать только один шаг. Только один — и Рафт схватил его.

Это было непросто. Рафт никогда не боролся с ягуаром, а теперь именно это ему и предстояло. Безумная, свирепая ярость, переполнявшая Паррора, превратила его в дикого зверя. В зеленых кровожадных глазах сверкала ненависть. Их скорченные, объятые злобой, задыхающиеся тела сплелись в клубок и покатились по земле.

Пламя поднялось еще выше. От непрерывных раскатов у Рафта невыносимо гудело в голове. Ослепительный космический свет проникал в самый мозг.

Острые когти снова полоснули Рафта по лицу, но раны мгновенно затянулись.

Они рычали, скованные мертвой хваткой друг друга, но в конце концов даже Паррору не хватило силы, чтобы помешать Рафту привстать на колени. На короткий, окрашенный в алые цвета миг для Рафта все исчезло — кроме этих окровавленных когтей.

Применив прием дзюдо, он схватил руку Паррора и в дикой ярости сломал ее.

Рафт почувствовал, как Паррор весь обмяк и затих — но лишь на мгновение. Пламя исцеляло не только ткань, но и кость. Однако рука Паррора в локте и запястье оставалась неестественно изогнутой.

Но он не сдавался — в ход пошли зубы, ногти и ноги, хотя пальцы Рафта уже крепко вцепились в его горло. Отчаянно, ослепленный своей звериной яростью, Паррор дрался до последнего вздоха, до той самой минуты, когда даже само Пламя не могло вернуть к жизни его бездыханное тело.

И тогда Рафт поднял голову и осмотрелся.

В дальнем конце пещеры, в опасной близости от Пламени, он увидел установленный на треножнике аппарат Паррора — и к нему, болезненно корчась, словно борясь со встречным ветром, подбирался Крэддок.

Крэддок?

Рафт затаил дыхание, всматриваясь в этот силуэт. Очертания фигуры менялись прямо на глазах. В эту минуту Рафт вспомнил изуродованные руки валлийца и подумал об искалечившей их силе, о рожденной звездами энергии, которая сотрясала сейчас своим грохотом всю пещеру, в исступленном восторге празднуя свое пробуждение.

Крэддок крепко держал в руках предохранитель.

Рафт поднялся и бросился к Крэддоку, но они были слишком далеко друг от друга. Валлиец почти достиг устройства — и его фигура стала какой-то фантастической.

Это был уже не Крэддок. И даже — не человек.

Живая плоть вскипала, изменялась, текла под напором чудовищной силы — силы, которая была способна создавать миры. И вот наконец это нечто нечеловеческое — то, что еще недавно было Крэддоком, — подтащило свое тело прямо к неистовствующему пламени.

Но цель этих действий была вполне разумной.

Существо подползло к устройству, на мгновение припало к земле и принялось устанавливать предохранитель. За его спиной, извергаясь пламенными потоками из бездны, яростно бушевало Курупури. Это был миг полного безумия — энергия Вселенной, рожденная в далеких галактиках, устремилась в эту пещеру, обдала ее своим жаром...

Но это был только миг — и раскаты смолкли.

Пламя взвилось еще раз-другой и стало опускаться. Издав почти человеческий вздох, огонь жизни угасал и падал в бездонную пропасть, оставляя после себя лишь маленькое пятно света в далеких глубинах!

Огонь, пришедший с далеких звезд, был усмирен!

Его укротила и сделала покорным та самая плоть, в которую когда-то очень давно этот огонь вдохнул жизнь...

Джанисса вздрогнула.

В ее глазах был страх. Опершись на руку Рафта, она привстала и испуганно осмотрелась. Потом их глаза снова встретились.

— Все окончилось, Джанисса, — сказал Рафт. — Пламя спит.

— Устройство работает?

— Да. Паррор сделал такое же, какое было и у нас. Но у него не было предохранителя. Как только Крэддок вставил его, все пошло нормально.

— А что с Крэддоком?

— Он мертв, — тихо проговорил Рафт. — Он умер, вероятно, потому, что должен был умереть. Человек, который однажды разбудил Пламя, умер, чтобы усмирить его. Я думаю, что теперь опасность миновала навсегда.

Джанисса внимательно смотрела на Рафта.

— Я понял, как работает устройство, — сказал он. — Это как раз то, что и было нужно. Так что Первый Род был прав. Но они слишком долго решали, использовать ли им это устройство, — именно поэтому и превратились в чудовищ. Теперь Пламя будет гореть и излучать энергию вечно, но с обычной скоростью.

— С обычной скоростью? — повторила Джанисса.

Рафт кивнул.

— Да, — продолжал он, — я изменил характеристики. Вовсе не до опасных границ, а ровно настолько,

чтобы метаболизм в Паитити сравнялся с нашим миром. Теперь преграды нет, и талисманы больше не нужны.

— Значит, я могу жить в твоем мире? И он не будет медленным для меня?

— Твой мир или мой — теперь тебе выбирать, Джанисса.

Джанисса молчала, но по ее глазам было видно, что она уже выбрала. И Рафт — тоже. Он сделал свой выбор еще тогда, когда впервые увидел ее лицо в зеркале. Джанисса влекла его к себе, и он проделал этот долгий опасный путь к затерянному миру, в котором горело неведомое Пламя. В конце концов, другого выбора у Рафта не было. И если будущее таило в себе новые испытания, он был готов преодолеть и их.

— Нам не нужно идти обратно через пещеру чудовищ, — сказала она. — Есть другой путь, который выведет нас на невидимую дорогу.

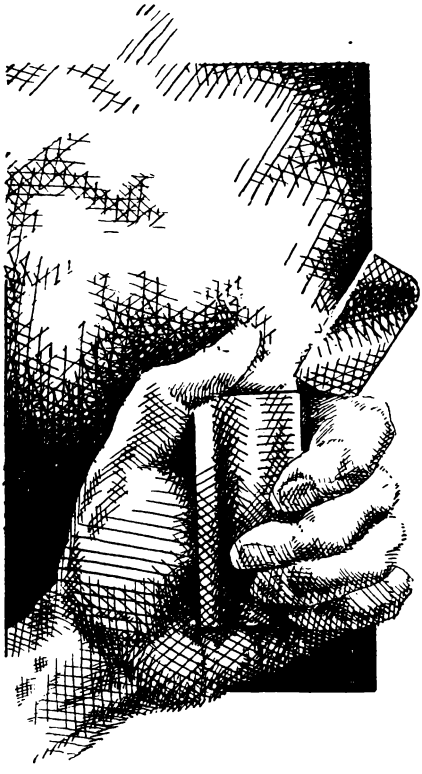
Их губы слились.

Мой мир будет чужим для тебя, Джанисса, подумал Рафт. Но я сделаю все, чтобы ты обрела в нем счастье, потому что люблю тебя.

Будешь ли ты оглядываться назад и вспоминать? Вспоминать Паитити, и гигантские деревья, поддерживающие небесный свод, и замок над Пропастью Доирады, окутанный белым облаком водопада?

Не дрогнет ли, Джанисса, твое сердце, услышав зов предков, не проснутся ли в нем воспоминания, которые я никогда не смогу с тобой разделить? Или же ты найдешь покой и счастье в моем мире?

Рафт молча следовал за Джаниссой туда, где начиналась дорога, ведущая к свободе и к судьбе, предсказать которую он не мог. Но он держал в своей руке теплую ладонь девушки — и ничего другого в этот момент им не было нужно.

РОМАН

За Земными ВРАТАМИ

ПРОЛОГ

Итак, теперь она звалась Малеска. Ее импресарио уверял, думаю, небезосновательно, что она — самая очаровательная девушка Америки. Но если б я знал, что сегодня вечером она будет исполнять здесь «Крыши Виндзора», то пошел бы в какое-нибудь другое место.

Однако было уже слишком поздно — я сидел за столиком, довольствуясь сэндвичем и виски с содовой. Свет погас, включили прожектора: на сцене в буре аплодисментов стояла, кланяясь, Малеска. Я надеялся еще, что она не помешает мне спокойно поужинать. Можно ведь и не смотреть в ее сторону. Я принялся за белое мясо цыпленка и виски с содовой, ненадолго мне удалось даже направить мысли в иное русло, впрочем, пока не зазвучал этот знаменитый бархатный голос...

Я слушал, как она поет. Скрипнул стул. В полутьме кто-то сел возле меня. Вглядевшись, я узнал одного из заправил шоу-бизнеса.

— Привет, Бартон, — сказал он.

— Привет.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

Я сделал пригласительный жест, и он что-то заказал бесшумно подбежавшему официанту. Малеска все еще пела.

Человек, севший за мой столик, уставился на нее с восторженным вниманием, как, впрочем, и все остальные в этом зале, исключая, пожалуй, меня.

Ее дважды вызывали на «бис», и, когда зажгли свет, я увидел, что мой сосед пристально смотрит мне в лицо. Мое равнодушие было, вероятно, слишком очевидно.

— Не впечатляет? — озадаченно спросил он.

Даже и до Коржибского этот вопрос не имел бы смысла: я знал, что не могу ему ответить, и не трудился, — просто промолчал. Краем глаза я видел, как Малеска, шелестя жесткими юбками, пробирается к нашему столику. Я вздохнул.

Она принесла легкий аромат цветочных духов, которые, я в этом уверен, не сама себе выбирала.

— Эдди, — сказала она, опершись о край стола и наклонившись ко мне.

— Да?

— Эдди, я тебя не видела лет сто.

— Да, пожалуй.

— Послушай, почему бы тебе не подождать здесь? Своди меня куда-нибудь после выступления. Мы могли бы пропустить по стаканчику или... А? Как, Эдди?

Ее голос завораживал, в нем было что-то магическое. Таким же он был, когда звучал по радио и на пластинках, а скоро появится и в кино. Я молчал.

— Эдди, пожалуйста!..

Я взял свой стакан, допил то, что там оставалось, стряхнул крошки с пиджака и положил салфетку на стол.

— Благодарю, — сказал я. — Но не смогу.

Она пристально посмотрела на меня — таким знакомым, испытующим взглядом, полным непонимания и растерянности. В зале по-прежнему гремели аплодисменты.

— Эдди...

— Ну ты же слышала. Давай-ка иди... Тебя зовут на «бис»!

Она молча повернулась и направилась к сцене, пробираясь между столами; ее юбки шипели и пенились.

— Эдди, ты с ума сошел? — спросил мой сосед.

— Весьма возможно, — ответил я, не собираясь ему ничего объяснять.

— Ну ладно, Эдди. Я полагаю, тебе виднее. Но все равно это странно: самая красивая женщина в мире бросается к твоим ногам — а тебе наплевать. Это просто неблагоразумно.

— А я вообще не слишком благоразумен, — ответил я. Разумеется, это ложь, потому что я — самый благоразумный человек в мире, и не только в этом мире.

— Ты выдаешь одни избитые истины, — заметил мой собеседник. — Но ведь это не ответ.

— Избитые истины... — я поперхнулся. — Ничего, ничего, все в порядке. А что ты имеешь против избитых истин? От частого повторения они стали банальными, но оттого не стали менее правдивыми, не так ли? — Я посмотрел на Малеску, сделавшую стойку у микрофона: она опять собиралась петь.

— Знал я одного человека, который пытался посрамить эти избитые истины, — продолжал я в раздумье, осознавая, что, возможно, говорю лишнее. — Он вляпался по самые уши. Круто ему пришлось, тому парню.

— А что с ним произошло?

— О-о! Он попал в сказочную страну, спас прекрасную богиню, сверг жестокого Верховного жреца, и... А-а, выброси из головы! Наверно, прочитал в какой-то книге.

— И что же это была за сказочная страна? — довольно безучастно спросил мой сосед.

— Малеско.

Он поднял брови и взглянул сперва на меня, а потом через зал на Самую Красивую Девушку в Мире.

— Малеско? Где это?

— Прямо у тебя за спиной, — ответил я.

Затем я снова наполнил стакан и уткнулся в него носом. Мне больше нечего было сказать, по крайней мере этому типу. Но переливы ее голоса вдруг пробудили глубины моей памяти, вызвав трепетное эхо, и на мгновение грань между нашим миром и тем, далеким, почти перестала существовать.

«Малеско», — думал я, закрыв глаза, и под звуки музыки попытался в темноте представить купола и башни того радужно-красного города. Но не смог. Он ушел, вернулся в сказку, и ворота захлопнулись навсегда.

И все же, когда я думаю обо всем этом теперь, у меня нет ощущения чуда, нет скептической мысли, что я гулял по тем улицам лишь во сне. Это все было на самом деле. И у меня есть очень убедительное тому доказательство.

А случилось все это уже довольно давно...

ГЛАВА 1

Вы помните историю про слепцов и слона? Никто из них так и не понял, что же из себя представляет слон. Примерно то же произошло и со мной. Передо мной раскрылся иной мир, а я счел, что у меня что-то случилось с глазами от перенапряжения.

Как-то вечером, с бутылкой виски под рукой, сидел я в своей квартире, как вдруг началось это странное мерцание воздуха.

Я сказал себе, что надо встать и выключить свет, так как Лорна повадилась вваливаться ко мне без предупреждения, если я долго не показывался в пивной, где она работала. Мне не хотелось видеть ее. Лорна Максвелл прицепилась ко мне как пиявка, со всей непреклонной назойливостью, какая была свойственна ее куриным мозгам. Отвязаться от нее не было никакой возможности, разве что пристукнуть.

Лорна все решила очень просто: вот он я, многообещающий молодой актер Эдди Бартон, имеющий за плечами три бродвейских спектакля, прошедших на «ура», и хорошую роль в новой постановке, от которой критики заранее в восторге. Чего уж лучше!

И вот она, третьеразрядная молодая певичка из пивной, не имеющая за плечами ровным счетом ничего. Не спрашивайте меня, как мы познакомились или как она меня подцепила. Я вообще легко попадаюсь на крючок. Дети, звери и люди типа Лорны чувствуют таких, как я, за милю.

Она вбила в свою взбалмошную головку, что стоит мне лишь замолвить словечко, как она займет место рядом со мной, и ее ждет успех и обожание газетных репортеров, и что лишь эгоизм мешает мне сказать это волшебное слово кому-то из власть предержащих, чтобы превратить ее в очередную Золушку. Доводы рассудка на нее не действовали. Поэтому самое про-

стое, что я мог сделать, когда был дома один, это выключить свет и не подходить к дверям.

В воздухе опять появилось странное мерцание. Я прищурился и тряхнул головой: это начинало меня тревожить. Дело не в виски. Это всегда начиналось только в моей квартире и лишь после того, как я посмотрю именно на эту стену.

На стене висела картина Анри Руссо «Спящий цыган» — одна из тех вещей, что дядюшка Джим оставил мне в наследство вместе с квартирой. Я изо всех сил постарался сосредоточиться на зеленовато-синем небе, развевающейся гриве льва, на полосатой одежде смуглого человека, лежащего на песке.

Но увидел я лишь размытое пятно. Затем я подумал, что, должно быть, все-таки очень пьян, потому что оттуда, из-за пятна, до меня стали доходить какие-то звуки, похожие на рев. Конечно, это мог быть и лев, но он уже совсем исчез, и мне показалось, что передо мной колышется сияющий радужно-красный купол.

Я закрыл глаза, плотно стиснув веки. Похоже, я схожу с ума.

Дядюшка Джим оставил мне квартиру по завещанию. За нее нужно выложить сразу баснословную сумму, затем платить всю жизнь — и можете называть эту квартиру своей. Я сам не ввязался бы в такое предприятие, но дядюшка Джим — другое дело. Впрочем, приятно иметь берлогу, откуда домовладельцы не могут тебя выставить, даже если кто-то предлагает им большие деньги.

Тут, вероятно, стоит сказать несколько слов о моем дядюшке, Джиме Бартоне. Это был еще тот персонаж! Имел он рыжие волосы, веснушки и обыкновение теряться где-то за границей месяцами напролет, а иногда — годами.

Когда я был мальчишкой, он обычно навещал нас между поездками, и я любил его больше всех, кого знал в те годы: у нас была общая тайна.

Началось все со сказок, которые дядя рассказывал мне перед сном. Из них я узнал о чудесной стране Малеско, в которой были и прекрасная принцесса, и злой Верховный жрец, и благородный молодой герой, чьи приключения иногда не давали мне уснуть целых пятнадцать минут после того, как тушили свет.

В те дни еще не выдумали суперменов, поэтому в мечтах я не рисовал себя разгуливающим по Малеско в красном облегающем комбинезоне, но чаще носил львиную шкуру, как Тарзан, а бывало, даже доспехи неустрашимого марсианского воина, похожего на Джона Картера.

Больше того — я выучил язык жителей Малеско, который, конечно, придумал дядюшка Джим. Его голова не знала покоя, и рассказы о Малеско хлынули на меня в те месяцы, что он провел у нас, выздоравливая от какой-то болезни. Дядюшка составил даже словарь этого языка. Мы вместе сделали что-то вроде букваря и часто болтали на языке Малеско (кстати, довольно бойко), но вскоре дядя поправился и снова исчез.

Я сидел в своей квартире, вглядываясь в неясные, дрожащие очертания радужно-красного купола на стене: за ним виднелось что-то похожее на крыши, подсвеченные закатом. Я понимал, что скорее всего они существуют только в моем воображении и на самом деле я вижу лишь красное пятно, какое появляется перед глазами, если сильно их потереть, а все остальное воображению подсказывают истории дядюшки Джима о Малеско.

Его рассказы давным-давно ушли в глубины моей памяти, но иногда еще всплывал в воображении город, озаренный малиновым закатом, и огромный купол в центре него, отражающий свет от... Была ли это вода? Может — море? Или...

В дверь позвонили.

— Эдди! — громко позвал голос Лорны. — Эдди, впусти меня на минуточку!

Я знал, что если не открою, то она будет колотить в дверь и орать, пока не поднимет соседей. Я встал и осторожно обошел красное расплывшееся пятно, этот чистейший плод моего воображения, повисший между мной и стеной с картиной Руссо. «Странно, — подумал я, — что не расплываются очертания двери, коридора или, скажем, смазливое личико вошедшей Лорны».

— Я ждала тебя, Эдди, — с упреком сказала она, поспешно проскальзывая внутрь, пока я не успел передумать. — Почему ты не пришел? Мне очень

нужно тебя видеть. У меня появилась идея. Слушай, а что, если я научусь танцевать? Это поможет? Я разработала тут свой выход и хотела, чтобы ты...

— Выпей виски, — устало сказал я. — Давай об этом потом, Лорна. У меня болит голова и что-то с глазами: все расплывается.

— ...посмотрел, я мигом тебе покажу, — продолжала она сразу за мной. Это был один из ее излюбленных приемов.

Не очень прислушиваясь к ее болтовне, я последовал за ней в гостиную, в надежде, что она скоро уберется. Цыган на картине Руссо уже вернулся на прежнее место. Это ободряло. Красное пятно, превращенное моим воображением в вид сказочного Малеско, тоже исчезло. Я опустился в кресло, глотнул виски и угрюмо уставился на Лорну.

Не помню, что она там говорила. Девять десятых я пропустил мимо ушей. Налив себе виски, Лорна забралась, словно девчонка, на подлокотник кресла и, изящно поводя бокалом, болтала о том, как я помогу ей стать великой танцовщицей, если, конечно, замолвлю словечко нужному человеку.

Все это я уже слышал. Я зевнул, разглядывая лед в своем стакане, допил остатки виски и поднял глаза на стену напротив.

На этот раз увиденное показалось мне явной галлюцинацией. На месте картины Руссо находилось нечто совсем другое — передо мной был экран с цветным, стереоскопическим изображением.

На сей раз я видел все отчетливо. Это уже не могло быть игрой воображения. Это был Малеско, такой, каким описывал его дядюшка Джим. Один угол экрана пересекала черная полоса, похожая на чугунную ленту. И под этой полосой, где-то далеко-далеко, виднелся город, озаренный закатом.

Купола, возвышающиеся колонны, сверкающий шар, колышущийся, словно вода в гигантской прозрачной сфере, — все трепетало, и даже поддерживающие сферу своды арок, казалось, вот-вот унесутся ввысь. И все это хитросплетение арок, сводов, куполов горело огнем отраженного света. «Радужно-красный город, старый, как мир».

— Эдди, ну посмотри же на меня!

Я не шевельнулся. Это напоминало гипноз: невозможно было отвести глаза от этого невероятного

видения. И еще я понял, что Лорна ничего не видит, иначе ее выдал бы голос.

Вероятно, она и не может ничего видеть. Возможно, я повредился в рассудке. А может быть, она просто не смотрела в ту сторону.

Лорна лепетала что-то насчет того, что сейчас снимет туфли и покажет мне танец, а затем я услышал, как бы издалека, топот босых ног по полу. Я понял, что мне пора протереть глаза и постараться прогнать видение прочь.

— Эдди, посмотри на меня! — настаивала Лорна.

— Хорошо, хорошо, — сказал я не глядя. — Прекрасно!

Я потер глаза.

И тут раздался крик Лорны.

Я вскинул голову и похолодел: она исчезла. Осталась лишь картина закатного города, с колышущейся гигантской сферой и черной полосой на переднем плане. Все изображение трепетало.

Я слышал постепенно удалявшийся, затихающий крик Лорны, который становился слабее, и после того как совсем затих, он долго еще звенел у меня в ушах. Вскоре мерцание в воздухе начало угасать, радужно-красный город — терять очертания, и вот уже лев опять склонился над спящим цыганом, и на стене, как прежде твердой, застыла картина Руссо.

— Лорна! — позвал я.

Никакого ответа. Выронив стакан, я поднялся, сделал шаг вперед и споткнулся об ее туфли. Я подбежал к двери и распахнул ее. В коридоре было пусто. Никаких шагов.

Я вернулся и прошел на кухню, затем в спальню — Лорны не было и там.

Часом позже, в полиции, я пытался объяснить, что не убивал ее. А еще через час я уже был в тюрьме.

ГЛАВА 2

Лучше, пожалуй, иметь дело с проходимцем, чем с фанатиком. Помощник окружного прокурора был именно фанатиком, зацикленным на своих теорийках, и благодаря этому отрадному факту я, не успев глазом моргнуть, оказался в очень невыгодном поло-

жении. Моя история вовсе не о том, как косвенные улики приводят к неправильным выводам, поэтому я не буду останавливаться на этом подробно.

А дело заключалось вот в чем: Лорну в вестибюле ждал приятель, к тому же соседи слышали, как она звонила ко мне и как я ее впустил. Вопрос — где же она?

Я даже не пытался рассказать, как все произошло, сказал лишь, что она ушла. Находясь в нервном шоке, я совершенно забыл о ее туфлях, которые явились веским доводом, опровергающим мое заявление. Помощник окружного прокурора явно хотел выслужиться и так основательно убедил себя в моей виновности, что охотно допустил бы, выражаясь языком закона, ряд расширительных толкований, только бы это позволило отдать под суд убийцу, то есть меня.

Вы, возможно, помните, что писали об этом газеты. Я потерял роль в аншлаговой пьесе. Нашли мне и адвоката, который не верил ни одному моему слову, поскольку я не мог сказать ему правды. Шло время, и меня спасало лишь то, что тело Лорны не обнаружили. В конечном счете меня отпустили.

Что бы вы сделали на моем месте? Будь я героем фильма, я бы тотчас же отправился к Эйнштейну, который бы все вычислил, расшевелил какую-нибудь супермашину, а та вернула бы Лорну или отправила меня, например, к Кинг-Конгу или в другой таинственный мир.

В каком-нибудь другом фильме нашлись бы гангстеры, выламывающие дверь, пока я спускаюсь по пожарной лестице, как Дик Паувел, или обнаружились бы какие-нибудь раздвижные панели, все простенько объясняющие в конце фильма. Но Лорна-то исчезла в картине на стене, и я уже начинал опасаться за свой рассудок.

Единственное, на что можно было рассчитывать, так это на повторение таинственного мерцания, на то, что я тоже смогу проникнуть сквозь картину и вытащить Лорну обратно. Спустя несколько месяцев я стал возлагать на это вполне серьезные надежды. К тому времени я думал, что все уже кончено, побывал у окулиста, у психиатра и выяснил, что это была не галлюцинация, не нарушение зрения, не сумасшествие.

Нет, это был просто Малеско.

Поняв это, я просмотрел книги и бумаги дядюшки Джима и обнаружил много стенографических записей, которые не мог прочесть ни тогда, ни теперь, нашел немало сведений по алхимии и прочим странностям и, что самое ценное, откопал старый букварь Малеско и словарь — единственные вещи, из которых я извлек для себя тогда какую-то пользу. Но не сразу.

Прошло довольно много времени, прежде чем в одну прекрасную ночь все изменилось. Я опять сидел дома, потягивая виски, и опять раздался звонок, на сей раз — телефонный. Звонил мой адвокат, говорил он быстро и отчетливо:

— Послушай, Бартон, в Саунде подобрали какое-то тело. Твой приятель Томпсон заполучил его для лабораторного исследования. Он полагает, что это — та самая Максвелл.

— Лорна не мертва, — бестолково начал я, — по крайней мере, не...

— Ладно. Отнесись к этому спокойно, ведь Томпсон именно этого и ждал. Меня, честно говоря, ситуация слегка озадачила...

— Но они, скорее всего, не смогут опознать...

— Да, слишком большой срок, и теперь главным образом пойдут догадки. Но на Томпсона работают эксперты, и присяжные склонны им доверять, так что могут... могут поддержать выводы экспертизы, Бартон.

Такой вот поворот событий! И что, спрашивается, мне было делать? Бежать? Меня наверняка поймали бы. Остаться? Признают виновным.

Я повесил трубку и, возвращаясь к креслу, остановился, глядя с безумной надеждой на картину Руссо: если я прорвусь сквозь стену, окажусь ли я действительно в Малеско? И там ли Лорна, или она каким-то образом все-таки превратилась в труп, который ковыряет Томпсон?

— Лорна?! — звал я, но лишь напрасно сотрясал воздух. — Лорна?!

Несколько минут ожидания. Никакого ответа. Но мой голос не растаял в тишине, мой голос отдавался эхом, как будто я говорил в тоннеле. Малеско, конечно, не существует. Это сказочная страна, такая же, как Оз или Страна Чудес из детской книжки. Но внезапно у меня почему-то появилась твердая уверенность, что эхо вторило мне в Малеско.

— Лорна! — закричал я. — Лорна!

Крик призрачно и глухо отдавался в длинном невидимом тоннеле и замирал в его дальнем конце — в Малеско.

— Лорна!

Настойчивый звонок у входной двери прорезал эхо моего голоса. Полиция? Я обернулся, и в этот момент стены качнулись. Все закружилось, комната расползлась в стороны, или мне так показалось, но, падая, я уже ничего не соображал. Тонкие настойчивые призывы звонка уходили все дальше и дальше, а я проваливался куда-то.

Вдруг я увидел лицо мужчины, кружившее в темноте. Лицо под странным головным убором выражало удивление, даже ужас, рот был широко открыт. Человек направил на меня какое-то оружие, затем подался в сторону и исчез.

Я скользил вниз словно по звенящей нити звуков, цепляясь за нее, как за спасательный трос, падая, на мгновения задерживаясь и снова падая в страшную бездну. Нить звуков становилась все тоньше, она терялась и больше не удерживала меня.

Я проваливался все глубже и глубже.

Но скоро передо мной выросла горизонтальная черная полоса, а затем появились какие-то вертикальные брусья, в которые я вцепился обеими руками, медленно сползая вниз. Инстинкт уже послал красную предостерегающую вспышку всем мышцам тела: «Хватайся! Держись крепче!»

Наконец вернулось ощущение реальности. Меня уже не окружала звенящая пустота, но внизу зияла настоящая бездна, заканчивавшаяся, впрочем, ужасающе реальной мостовой, где-то в миллионе футов от меня. Я висел с наружной стороны балкона, держась обеими руками за перила и слегка раскачиваясь на высоте, о которой страшно было подумать.

В ту минуту меня мучил вопрос: единственный ли это способ проникнуть в Малеско? Ведь если Лорна прошла этим же путем, то я попусту трачу время: она лежит мертвая на этой ужасающе далекой и твердой мостовой в розовом свете заката.

Я видел только брусья, за которые держался, стену да тошнотворный откос этого проклятого строения, заканчивающегося мостовой далеко внизу. Города я не видел. Все самое нужное было здесь: реальные, жизненно важные, красивые вещи, такие, как, на-

пример, уступ в стене или карниз, о который я мог опереться ногой.

Если бы меня сразу тогда отправили обратно в Нью-Йорк, я бы именно это и мог рассказать о Малеско: первое — перила сделаны из какого-то твердого и гладкого металла. Они слишком тонкие и скользкие, чтобы можно было долго висеть, держась только за них. Второе: стены зданий — каменные (возможно — пластик или металл), похоже — изготовлены заводским способом, вероятно сборные, но нет стыков или трещин, а посему — это никуда не годный способ возводить стены.

Казалось, у меня не было никаких сил перебраться через балконные перила, и все-таки я сделал это. Мои обезьяноподобные предки послали мне сигнал по каналу инстинкта, и мои ступни вдруг обрели хватательные способности, даже несмотря на ботинки. Подстегнул меня и исконный страх перед высотой. Не хочется об этом думать даже теперь. Не знаю, как я умудрился все это проделать.

В конце концов я перебрался на балкон, с радостью ощутив под ногами пол. Мои обезьяньи способности вернулись туда, откуда пришли, — на миллионы лет в биологическое прошлое. Мой далекий предок Бандар-Лог Бартон ушел охотиться на допотопных блох, и теперь верх взял еще более древний его предшественник — шарик протоплазмы.

Я размяк, как студень. Протоплазма понесла меня, раскачивая, по балкону к открытой двери. Я оказался в комнате среднего размера в компании того самого малого, который пытался меня застрелить.

ГЛАВА 3

В комнате не было никого, кроме этого типа. Она была пуста, лишь во всех углах под потолком висели крупные чаши из поржавевшей стали или чугуна. Стены были голубовато-зеленые, пол, темно-зеленый, слегка пружинил под ногами. В розовом свете заката я увидел на стене свою тень.

В комнате было две двери. У одной из них стоял этот тип в замысловатом головном уборе, съехавшем ему на глаза. Он прижался ухом к двери и к чему-то

прислушивался, не обращая на меня никакого внимания.

Мне запомнилось худощавое лицо этого мужчины средних лет, необычайно настороженное; рубашка с кофейным пятном и длинные облегающие штаны красной фланели. Однако вскоре я понял, что малиновым оттенком они обязаны закатному солнцу.

Услышав мои шаги, этот тип повернулся и вдруг отчаянно заметался в нерешимости. Он пытался сделать несколько вещей одновременно: казалось, он хотел открыть дверь и бежать, и хотел позвать на помощь. Затем он решился все-таки вытащить свое оружие (последний довод полицейского) и убить меня.

В конце концов он подбежал ко мне, обхватил меня за пояс и вытолкал на балкон. Прежде чем я осознал, что происходит, мое тело опять повисло над бездной. Не думайте, что я не сопротивлялся. Но что может сделать амеба?

Он мог меня просто отпустить, и я бы упал, но он не делал этого. Казалось, я был для него чем-то вроде квадратной втулки или затычки, и он отчаянно пытался найти такое же квадратное отверстие, чтобы меня туда вогнать. Он пытался отправить меня в счастливую лузу.

Все это время он тревожно оглядывался вокруг, смотрел вниз, стараясь не выпустить меня из рук, бросал взгляды через плечо, вверх на небо и постоянно встряхивал головой, пытаясь поправить свой шлем, который съезжал ему на глаза.

Мне все это казалось ночным кошмаром. Впрочем, смешно было оставаться пассивным и ждать, пока мной заткнут ту самую квадратную дыру. «Может быть, ему и удастся ее найти, — подумал я. — Мне за тридцать с лишним лет не удалось. Попадались лишь круглые».

На этом философском витке я овладел собой, изловчился, схватил моего противника за горло и вернулся в безопасное положение. Мы оба не подходили для десятираундовой схватки. Я нанес удар. Он выхватил из-за пояса оружие, похожее на маленькую гантелю, и я ударил его опять.

Он сжал концы этой гантели в руках и резко дернул их в стороны. Бесшумная голубая вспышка сверкнула между его сжатыми кулаками. Из-под его сползшего полосатого шлема на меня уставился один

глаз, и тот выражал отчаяние. Тут он что-то увидел за моей спиной. На нас упала тень. Мой соперник замялся.

Я выбил оружие у него из рук. Два шарика упали и со щелчком соединились. Голубой свет погас. Мой противник, должно быть, сошел с ума: он нагнулся, чтобы подобрать эту штуковину, и тут я нанес ему быстрый короткий удар — у меня достало сил, чтобы он оказался действенным. Этот тип продолжал сгибаться, пока не рухнул лицом вниз.

Я оглянулся и увидел в небе некий воздушный корабль. Он был далеко и в тот миг напоминал галеон. На фоне красного полукруга он казался ажурным, словно сотканным из паутины.

А внизу лежал город с его куполами, разбегающимися улицами и шпилями. Бесконечные арки поддерживали колышущийся огненный шар.

Это был Малеско.

Я знал Малеско. Дядюшка Джим рассказывал о нем слишком часто, чтобы, увидев, я не узнал города.

Я с трепетом смотрел вниз на английский парк, ясный тенистый полумрак которого был подсвечен закатом, когда глубокий вздох поверженного врага заставил меня обернуться.

Он не шевелился, но я быстро вернулся в комнату и прислушался. Мне показалось, что снаружи слышны шаги, однако они стихли, и установилась тишина, нарушаемая время от времени дальним приглушенным рокотом голосов. Я приоткрыл дверь, у которой прислушивался этот кровожадный тип, и сквозь узкую щель увидел хорошо освещенный вестибюль.

Я закрыл эту дверь, открыл другую, что находилась в противоположном конце комнаты, и обнаружил там помещение примерно такое же, с ржавыми чашами под потолком в углах. Всю противоположную стену занимала какая-то машина. Во всяком случае, там на панелях были сплошь циферблаты, рычаги и тому подобное. Передняя часть машины была высотой примерно с мой рост. Я посмотрел на нее. Она, казалось, тоже посмотрела на меня. И ничего не случилось.

Кроме этого, я обнаружил в углу что-то вроде платяного шкафа, прикрытого занавеской. Посреди комнаты находился столик с остатками обеда: корка хлеба, чашка с зеленым осадком, а также какой-то

плод размером с редиску, с червоточиной на розовом боку.

На полу возле стола лежали мятые черные одежды. Подойдя ближе, я нашел рядом с коркой хлеба пластину; на ней были какие-то кружочки, большинство из которых соединялось прямыми линиями, и вся пластина была перечеркнута несколькими жирными штрихами. Мне почему-то вспомнилась игра в крестики-нолики.

Я ходил вокруг машины, рассматривая ее со всех сторон, но это мне ничего не дало, да и не могло дать, будь то хоть фордовский двигатель или пылесос. Я оставил затею и вернулся, чтобы посмотреть, не очнулся ли мой противник.

Он еще не пришел в себя. Я перевернул его и осмотрел. На нем была легкая туника, тяжелые коричневые сандалии, плотные, немного запачканные белые штаны до щиколоток и полосатый головной убор.

О, да, еще у него был браслет на левом запястье, соединенный с кольцом на среднем пальце гибкой лентой из того же металла — голубовато-зеленого. На поясе была закреплена небольшая сумочка, и стоило мне к ней потянуться, как она издала звук, похожий на тот, что издает гремучая змея, предупреждая противника, а затем прозвучали слова, которые я автоматически перевел и понял раньше, чем осознал, что это был за язык.

«Верховное управление Храма. От жреца ночи. Фалви!»

Две мысли завладели моим сознанием: одна из них крутилась вокруг полосатого головного убора моей жертвы, а другая заставляла мои губы беззвучно шевелиться, повторяя слова, которые я только что слышал. Один и один — будет два. Один и один — будет Малеско.

Я сразу вспомнил истории дядюшки Джима и ту роль, которую в них время от времени играли эти головные уборы. Те, кто носили их, являлись... Кем же?.. Жрецами. И это означало, что...

Нет. Я отверг это как невозможное. Я поднялся и сделал глубокий вдох. Наступил момент, которого я старательно избегал, момент, когда, перестав суетиться, начинаешь осмысливать создавшееся положение.

Я в другом мире. (Каком мире? О нет! Я еще не был готов в это поверить.)

Возможно еще одно объяснение: я сошел с ума и на самом-то деле лежу на койке в Беллеву, а доктора задумчиво смотрят на меня и говорят: «Явно безнадежный случай. Может, применить лечение электрошоком, или попробуем новый метод, который, правда, дает летальный исход у макак-резусов?»

У моих ног по-прежнему лежал без сознания один из жрецов, и за балконными перилами расстилался город, уже не радужно-красный, а сумеречный, вечерний. Зашло солнце. Здесь быстро наступает ночь. Я окинул взором этот до боли знакомый вид, которым так часто грезил в детстве.

У меня не было ощущения чуда, как не было и недоверия к происходящему. Любой из нас, очутившись в какой-нибудь знакомой, но вымышленной стране типа Оз, рано или поздно начинает испытывать подобное недоверие, обнаружив, что она вполне реальна. Но со мной ничего подобного не произошло. Сомнения в реальности существования Малеско были бессмысленными — он лежал передо мной. Я сказал себе, что удивляться начну потом и что сейчас у меня нет на это времени.

Больше всего меня тогда занимал сам дядюшка Джим, истории которого, как оказалось, вовсе не были сказками. Он действительно знал Малеско. Ну хорошо, а бывал ли он здесь сам?

Может быть, он просто нашел способ открывать дверь между мирами и таким образом обрел возможность наблюдать за другим миром и даже слышать его, раз уж он выучил язык Малеско. Не было времени все это обдумать как следует, события разворачивались слишком стремительно.

Одно было ясно: описание Малеско в рассказах дядюшки Джима явно сделано очевидцем. Тут действительно есть этот огромный колышущийся купол. Правда, дядя ничего не говорил об огнях, загорающихся по всему городу с наступлением темноты. Были среди них и цветные, а некоторые складывались в рекламные вывески, и я смог их прочитать.

«НИЧЕГО ЭТОГО НЕТ, МНЕ ПРОСТО СНИТСЯ СОН, И МНЕ СНОВА ДЕСЯТЬ ЛЕТ, А ВСЕ ЭТО ВЫДУМАЛ ДЯДЮШКА ДЖИМ», — твердил я себе.

Футляр на поясе жреца загудел, и снова послышался слабый голос:

— Falvi! Responde!

«Responde» произносится так же, как пишется. Это значит «отвечай». Слово Falvi я не знал. Это могло быть имя собственное. Возможно — имя моего противника. Если так, то Фалви не ответит, и я прикидывал, что за этим может последовать. Надо было уходить отсюда в город — там безопасней. Где есть огни, там найдется и темнота.

ГЛАВА 4

Из-за спешки меня всегда подводила логика. Я понапрасну суечусь. Ведь если этот жрец, лишь только увидев меня, попытался убить или хотя бы запихнуть туда, откуда я пришел, и его при этом не слишком волновало, не свалюсь ли я на мостовую, то, вероятно, можно ожидать подобного отношения и со стороны других жрецов. Во всяком случае, было неблагоразумно предполагать, что я от этого застрахован.

Я направился в комнату, где находилась машина, подобрал с пола черный плащ, встряхнул его и, накинув на плечи, застегнул вокруг шеи. Спереди, по всей длине, я обнаружил маленькие магнитные застежки, которые, стоило мне одернуть плащ, сами аккуратно застегнулись.

Меня внезапно охватила паника. Что же все-таки я здесь делаю? Какова вероятность найти Лорну в этом мире сказок и детских снов? Мое место там, в Нью-Йорке. Я быстро повернулся и рысью направился к балкону. Полы плаща хлопали меня по ботинкам.

Я перегнулся через перила и стал водить руками в воздухе. Нью-Йорка я не нащупал. Впрочем, я понятия не имел, какова на ощупь брешь в пространстве. Скорее всего, она похожа на дырку в пончике. Наивно, конечно, было надеяться, что я смогу ухватиться за что-нибудь устойчивое в своей квартире и таким образом втащить себя домой. Это было слишком похоже на попытку поднять самого себя за шнурки.

И все же я отдавал себе отчет в том, что мне отчаянно не хочется покидать этот балкон и выходить в мир, которого я совсем не знаю. Слишком странным образом я рожден в Малеско на этом балконе и еще очень молод и неопытен, чтобы отправиться на поиски славы и удачи в этом не обжитом мною мире.

Меня пугал этот чуждый мир, которого я не создавал...

Мое мироощущение — земное. Каждый из нас создает свой маленький мир, и в этом ему помогают предки, особенно родители. Поэтому людям, вероятно, понадобится долгое время, чтобы привыкнуть к жизни на Венере или на Марсе. Как бы то ни было, какое-то странное ощущение удерживало меня на балконе.

Я с горечью подумал о книгах, в которых описываются сверхъестественные истории, подобные моей, — о книгах Берроуза и Хаггарда. Но я находился не на Барзуме, и я не Джон Картер. Он был из того же теста, что и все легендарные герои. Он был несокрушим.

Я не чувствовал себя героем, хотя как знать... Героизм в глазах одного общества может обернуться малодушием в глазах другого. Этика Малеско, возможно, значительно отличается от земной. Я ни в чем не был уверен...

Меня не оставляло беспокойство за свою жизнь.

Дома подобные мысли не слишком часто приходили в голову. Не высовывайтесь слишком далеко из окна, не выбегайте на дорогу перед быстро идущим транспортом, не трогайте оголенных проводов (вы ведь знаете, что такое электричество?) — и все будет в порядке. В Малеско существует сила притяжения, и она показалась мне обычной. Это я мог учитывать. Но как быть с неизвестными силами типа электричества?

Житель Малеско в нью-йоркском метро мог бы запросто усесться на рельс, находящийся под напряжением, поскольку тот выглядит весьма безобидно. В Малеско я мог бы усесться на атомный реактор, не подозревая об этом. Оружие жреца, похожее на гантелю, указывало на существование какой-то неэлектрической энергии, а машина в соседней комнате, вероятно, приводилась в действие силой, о которой я и не слыхивал. К счастью, я мог читать по-малески-

ански и решил внимательно следить за надписями типа «CAVE», что значит — «берегись!». Нет, это по-латыни, на языке Малеско это будет «CAVEO».

Ощупывая воздух, я не слишком усердствовал. Жрец мог очнуться в любой момент, и тогда мне пришлось бы срочно решать, что предпринять — бежать, прятаться или сдаваться на милость, чем бы это ни грозило.

Я вернулся в комнату и задумчиво посмотрел на этого типа. Он начал слегка подергиваться. Даже в забытьи его лицо казалось слишком возбужденным, и я сказал себе, что самое лучшее сейчас — убежать или спрятаться, хорошо бы спрятаться — но где?

За занавеской находилась ниша с одеждой. Никакого другого укрытия здесь не было. Выйти в холл, где я рисковал нарваться на других жрецов с гантелями, выбрасывающими голубое пламя, я не осмелился.

Наступил момент, когда герои расхожих повестей творят чудеса доблести и отваги и одерживают верх с легкостью, добытой долгой практикой. Но мне все было в новинку. Я не чувствовал себя героем, и находчивость моя была не безгранична.

Я услышал, как в комнате, где лежал жрец, слабый голос опять позвал: «Фалви!» В ответ распростертый на полу жрец застонал и двинул рукой. Я понял, что влип. В подобной ситуации Джон Картер легко бы заскочил на десятифутовую стену, которая предусмотрительно не доходит до потолка, где бы и затаился, пока враги безуспешно ищут его.

В таких повестях врагу, конечно, не приходит мысль посмотреть вверх. Но здесь все стены доходили до потолка, а даже если бы и нет, то совсем не уверен, что я смог бы забраться на одну из них, подобно перепуганной кошке. Нет, я не так находчив и изобретателен, как Картер. Лучшее, что мне пришло в голову, — это нырнуть в нишу с одеждой и забиться в самый угол. А если присесть на корточки, то черный плащ скроет мои ботинки.

Наверное, это был не лучший вариант, но мне, как говорится, повезло. Если я не был находчивым героем, то и мой враг оказался не слишком изобретательным злодеем. Он был обычным малым, который очнулся после нокаута совершенно сбитым с толку.

В щель между сваленной одеждой и краем занавески я увидел, как он сел, тяжело вздохнул и сжал голову руками. Кисет на его поясе раздраженно произнес: «Фалви! Ответь!»

Он несколько раз тряхнул головой, окинул комнату мутным взглядом, затем пробормотал что-то и с трудом поднялся на ноги. На лице его был испуг, даже не просто испуг, — казалось, он находился в отчаянии, и виной тому был я.

Я понял это по его взгляду, блуждающему по комнате в поисках меня, и был очень рад, что спрятался. Мое убежище казалось не слишком подходящим, но менять его было поздно. К счастью, этот тип тоже оказался новичком в подобных делах.

Он выскочил на балкон и, перегнувшись через перила, с надеждой посмотрел вниз. А так как я не спускался по стене и не лежал распростертым на мостовой, он вернулся в комнату и на этот раз заметил приоткрытую дверь в холл.

По счастливой случайности я ее не закрыл. Он, должно быть, решил, что я сбежал, ведь он мог пролежать без сознания довольно долго, и у меня хватило времени для побега.

Я услышал, как он потоптался у двери, но уже через мгновение он плотно ее закрыл и вернулся обратно. По цвету его лица я понял, что у него язва. Он, похоже, из тех, у кого она всегда бывает.

Слабый голос на его поясе снова позвал. На этот раз жрец вытащил из футляра нечто, напоминающее белую вафлю, и поступил с этой штукой очень странно — он туда зевнул, то есть издал звук, подобно человеку, медленно отходящему от глубокого сна.

Я был несколько озадачен. Но тут мое внимание привлек яркий свет, вспыхнувший примерно в квартале от нас. Я был настолько изумлен изображением, увиденным на стене дома, что сделался слеп и глух ко всему остальному.

Передо мной был портрет Лорны. Гигантское изображение из моего укрытия казалось небольшим. Картина напоминала освещенный цветной витраж, хотя была лишена некоторых деталей, обычно присущих витражам. Я узнал Лорну, но долго не мог поверить своим глазам.

Да, это было несомненно лицо Лорны, но ему придали такое очарование, как будто сначала над

ним поработали Арден с Рубинштейном, а затем передали Ромни, этому религиозному идеалисту. Как Ромни на холсте наделил леди Гамильтон достоинствами, которыми эта женщина с куриными мозгами никогда не обладала, так и тут Лорну Максвелл превратили в очень красивую девушку с ангельской внешностью.

Над портретом возвышалась огромная золотая буква «А». Такие же таинственные знаки, как я заметил, сверкали по всему городу, и, очевидно, это было полно глубокого смысла. Под портретом Лорны сияла надпись — «CLIA».

— Фалви!

Я уже почти привык к этому тонкому настойчивому голосу. Мое внимание привлек ответ — сначала сонное встревоженное ворчанье, затем фальшиво бодрый голос неожиданно разбуженного человека:

— Во имя Феникса. Фалви — Иерарху. Все спокойно у Земных Врат.

— Ты спал?

— Я э-э-э-... я размышлял над таинствами.

— Тебе представится возможность подумать об этом в одиночестве, когда я доложу Иерарху.

После небольшой паузы голос продолжал:

— Фалви, если ты хочешь спать, я найду замену. Сейчас мое дежурство. Если что-нибудь случится, то Иерарх сожрет мой...

Последнего слова я не понял.

— Извини, — сказал Фалви, — не мог бы ты прислать кого-нибудь другого? Я... я, кажется, нездоров.

— Да, прямо сейчас, — согласился тонкий голос. В установившейся тишине раздавалось тяжелое дыхание Фалви.

Я замер в ожидании. Странно, хотя речь Фалви и его собеседника звучала совсем не так, как у дядюшки Джима, у меня появилось ощущение, что говорит именно он. Ведь малескианскую речь я ранее слышал только из его уст.

Конечно, я не понимал всех оттенков значений, однако интонации помогали безошибочно уловить смысл. Язык Малеско прост, хотя раньше я этого не осознавал. Я вообще никогда не задумывался над ним — ведь мы обычно не анализируем многое из того, что накрепко усвоили с самого детства.

Слова в этом языке произносились так же, как писались, или, по крайней мере, так, как писал дядюшка Джим. А он почти не делал ошибок, если судить по освещенным вывескам в городе. Язык Малеско похож на латинский, и каждый, кто помнит латынь со школы, легко угадает значение многих слов.

Фалви подошел к балкону, посмотрел на город и тихо выругался. Тут я понял, что в языке Малеско есть и англо-саксонские корни.

— Проклятый Нью-Йорк! — злобно сказал Фалви и, повернувшись, скрылся раньше, чем до меня дошел весь смысл его слов.

Нью-Йорк, он сказал — Нью-Йорк!

Я рассматривал преображенное красивое лицо Лорны Максвелл, сияющее на стене дома, и с грустью думал о Барзуме, таком безопасном и знакомом месте.

Фалви снова заговорил.

— Кориоул, — тихо позвал он, — Дом Кориоул!

Послышалось жужжание, и вскоре раздался скрипучий голос:

— ...хочет, чтобы я сшил для нее одежду. Я слишком добр, чтобы отказать, но где найти время для...

— Частный канал! — выпалил Фалви, хотя, возможно, он сказал «линия» или «круг». Я не мог перевести буквально и понял лишь общий смысл этих слов, тем более что воспринимал их как разговорно-бытовые, а не как термины, поскольку сам привык только к разговорному языку.

Наступила тишина. Фалви обвел комнату тяжелым взглядом. Я затаился среди плащей и скоро услышал вкрадчивое хихиканье.

— Меня просто трясет, — раздался тонкий голос, — да, определенно, трясет, как в судорогах. Пурделор рассказал мне самую забавную шутку из всех, которые я слышал. Я чуть не лопнул от смеха. Смеялся до слез. Ты помнишь Дом Фереса? Он всегда уверял...

— Кориоул, послушай! Это Фалви. Здесь прошел еще кто-то.

— ...уверял, что его имя следует произносить как Перес, не перебивай, я должен тебе это рассказать.

Фалви пытался назвать чье-то имя или позвать Иерарха.

— Не шуми, — сказал Кориоул с фальшивой веселостью. — Да, настаивал, что его имя следует произносить как Перес, понял? Так вот, как-то вечером, за ужином, Морандер и говорит: «Будьте любезны, Дом Перес, передайте мне, пожалуйста, paselae. Paselae! Ха-ха-ха!»

Послышалось развязное хихиканье.

— Проклятие! — воскликнул Фалви, у которого, по-видимому, было не больше поводов для шуток, чем у меня, и я почувствовал даже некоторую симпатию к этому озабоченному жрецу. А Кориоулу была нужна лишь благодарная аудитория. Впрочем, тогда я недооценил этого человека.

Сдерживая ярость, Фалви сказал:

— Вечером, когда я охранял Земные Врата, прошел еще один человек. На этот раз — мужчина. Он нокаутировал меня и сбежал. Ха, ха.

Кудахтанье Кориоула стихло.

— Ну, что ж... — заметил он. — Ты, наверно, развлекался с Земными Вратами...

— Я к ним даже не притронулся.

— Врать будешь Иерарху, если хочешь, а мне и не пытайся, Фалви. Ну и как выглядит этот человек, а?

Странное это ощущение — сидя в нише для одежды, услышать собственное точное описание. Мне даже на миг показалось, что я раскрыт, что яркий свет проник в мой угол, прогнав тени. Я посмотрел вдаль на портрет Лорны. Это вернуло мне душевное равновесие.

Очень часто в Малеско я нуждался в подобном успокоении, находясь на грани какого-то оцепенения, когда все кажется эфемерным, трудно двигаться и даже думать.

И вот мной вдруг овладела такая пассивность, и Фалви казался мне чем-то незначительным и нереальным, а тот факт, что он собирался найти и убить меня, приобрел чисто умозрительный интерес, не более того.

— Если ты с ним что-нибудь сделаешь, я тебе голову сверну, — сказал Кориоул. — Ты слышишь меня?

— Хорошо, я его не трону, — неубедительно произнес Фалви. — Может, кто-то из жрецов уже нашел его, тогда он, возможно, мертв. Откуда мне знать?

— По твоему описанию, он похож на человека, о котором рассказывала Клиа. Ну ладно, срочно встречаемся в Банях.

— Но ведь эта ночь...

— Благослови меня, я тоже думал в эту ночь оказаться на коне, — сказал Кориоул и снова хихикнул.

«Юморист», — отметил я какой-то частью сознания, так как голова была занята портретом Лорны и именем CLIA под ним. Итак, я похож на человека, которого описала Клиа. Это значит, что Клиа и Лорна — одно лицо, вывод напрашивался сам собой.

— Мне сейчас не до шуток, — сказал Фалви. — Иерарх не поверит, что я не трогал Земные Врата.

— Конечно, не поверит, — подтвердил Кориоул. — Он знает, что ты лжец. Срочно встречаемся в Банях. Поторапливайся. Человек, прошедший сквозь Врата, может оказаться именно тем, кто нам нужен. Если ты его тронешь, то я за тебя не ручаюсь.

— Послушай, если он бродит по Храму в своей одежде, то его остановят прежде, чем...

— Но ведь тревоги пока не было. Поторапливайся. Думать буду я. Это мое дело. И помни, никакой отсебятины. Ты не такой уж незаменимый.

— Ты тоже, возможно.

Тут Кориоул разразился смехом, похожим на кудахтанье домового.

— Вот уж воистину, горбатого могила исправит! Проще другого найти. Поторапливайся. Я тебе объясню, почему этот человек нужен нам живым. Было бы проще...

Смешки стихли.

— Проклятый комедиант, — процедил Фалви вполголоса, а затем громко сказал: — Твои шуточки дурно пахнут. Ты — дурак, Кориоул. Никто не считает тебя острословом. И если я найду того человека, то убью его, он не успеет и глазом моргнуть. Возможно, тебе наплевать, будут у меня неприятности или нет, но...

Далее речь стала невнятной. Я понял, что переговорное устройство было выключено раньше, чем Фалви начал свою обличительную речь. Это говорило о благоразумии и осторожности оратора.

Вскоре хлопнула дверь, и мне предстояло решить, что делать дальше.

ГЛАВА 5

Это было несложно. Вся проблема заключалась в том, как осуществить свои намерения. Любой шаг мог выдать меня, а я имел, согласитесь, веские причины подозревать, что этот храм, или дворец, или небоскреб, — полон потенциальных врагов, которые не упустят случая убить пришельца.

Значит, необходимо найти Лорну, чтобы действовать не вслепую. Мне не хватало информации, а больше всего хотелось узнать, как можно вернуться домой. Для начала нужно понять, что тут к чему. По-видимому, Лорна, под именем Клиа, нашла в Малеско безопасный приют. Трудно представить, как ей это удалось и насколько это место действительно безопасно. Но если Сезам можно открыть, то я хочу знать, как это сделать.

У меня было такое ощущение, что я нахожусь в темном лабиринте, полном ловушек и волчьих ям, и лишь где-то вдали мерцает слабый свет, а мне нужно до него добраться, чтобы получить информацию и возможную помощь.

В общем, ближайшая цель — найти Лорну, а что будет потом, я даже и не думал. Мне очень не хотелось покидать эту комнату, которая была как-то связана с моей нью-йоркской квартирой, но, похоже, лишь найдя Лорну, я мог рассчитывать на возвращение в наш мир.

Я быстро убедился, что комната пуста, и осторожно выбрался из ниши. Поразмыслив, я вернулся обратно и после недолгих поисков обнаружил головной убор, похожий на шлем, такой же, как у Фалви. Это был настоящий шлем, расписанный синими полосами. Водрузив его на голову, я убедился, что он надежно прикрывает лицо, подошел к двери и выглянул в коридор, в дальнем конце которого через несколько мгновений скрылся Фалви.

Больше там никого не было. Я смело вышел из комнаты и поспешил вслед за Фалви. По всему коридору под потолком висели металлические чаши, из которых лился мягкий дневной свет.

Некоторые из них прогорели, а одна, мерцая, угасала. По пути я заметил на дверях резную символику — схематичное изображение птицы и трезубца, а также римские цифры — XVI, XVII и так далее.

Там, где скрылся Фалви, я нашел в стене отверстие, размером с дверной проем, оказавшееся входом в шахту лифта, освещенную изнутри. Фалви медленно опускался в ней и был уже на расстоянии двадцати футов.

Я полагал, что это именно Фалви, хотя видел только шлем и носки сандалий. Сверху жрец напоминал раздавленного карлика. Он не поднимал головы, и я оперся рукой о стену и посмотрел вниз.

В шахте не было ни тросов, ни подъемных механизмов, хотя, конечно, Фалви мог стоять на какой-нибудь совершенно прозрачной платформе, медленно опускавшейся вниз. Я заметил только тень за спиной жреца, которая исчезала, по мере того как он опускался все ниже.

Я поднял глаза и увидел свою тень. Вид изуродованной головы поразил меня — я совсем забыл о шлеме. Фалви продолжал опускаться мимо выходов на другие этажи.

Я подался еще больше вперед и стал считать пятна света. Фалви миновал семь из них и наконец вышел. Шахта опустела, и я увидел, что она уходит на значительную глубину.

Я решил проэкспериментировать — бросить какой-нибудь предмет в шахту и посмотреть, упадет он или нет. Но в этот момент моя тень на стене слегка расплылась и внезапно удвоилась. Состояние моего рассудка было таково, что я всерьез задумался о том, не обзавелся ли второй головой, однако все же повернулся, чтобы посмотреть, откуда взялась вторая тень.

Я встретился глазами со жрецом, который беззвучно подошел ко мне сзади и теперь рассматривал меня с тем выжидающим выражением во взгляде, с каким кошка обычно смотрит на мышь. На лице его, обрамленном жреческим шлемом, одновременно читались необычайная настороженность и предвкушение триумфа. Он был молод и имел вид человека, проведшего накануне бурную ночь. Одет он был с той элегантной небрежностью, которая отнюдь не пристала духовному лицу.

Я с трудом скрыл свое потрясение. Сколько он уже следит за мной? От двери Фалви? И почему? Выражение его лица пугало меня. Судя по всему, он ждал от меня какого-то действия. Но какого? Из-за этого

пристального взгляда я готов был поверить, что он читает мои сокровенные мысли и находит их в целом довольно забавными.

Я понятия не имел, как приветствуют друг друга жрецы при встрече. Я так и не успел решить, как спасти свою шкуру, но этот тип меня выручил. Пробормотав «Pardaese», он протиснулся в шахту, не отводя от меня ироничного взгляда.

У меня создалось такое впечатление, будто он точно знает, что происходит, и просто ждет, когда я себя выдам. Его насмешливый взгляд из шахты, казалось, спрашивал: «Чего ты ждешь?»

И тут я решился. В конце концов, как бы на моем месте поступил Джон Картер? Этот тип уже опустился футов на десять, на его лице, по-прежнему обращенном ко мне, расплывалась ухмылка. Я глубоко вдохнул и шагнул в пустоту, доверчиво ожидая, что неведомая антигравитационная сила поддержит меня и мягко опустит по шахте.

Этого не случилось; я камнем полетел вниз, с ускорением, присущим свободно падающему телу, и налетел на спокойно стоявшего жреца: мы сплелись подобно группе Лаокоона, где за пифона был я.

Он обхватил меня, хотя в этом не было уже никакой необходимости, а я повис на нем, как обезумевший от страха кот. Со стороны это, должно быть, напоминало короткую схватку, которая, впрочем, скоро затихла. Вцепившись друг в друга, мы продолжали медленно опускаться.

Так мы оказались лицом к лицу. Физиономия жреца светилась торжеством. Я решил, что безнадежно выдал себя и тем самым оправдал ожидания этого типа. Казалось, он знает, что я из Нью-Йорка, что прошел сквозь запретные Земные Врата, что бы они из себя ни представляли, а это значит, что там, где мы остановимся, меня будет ждать взвод, укомплектованный стрелками из духовных лиц.

Надумав, видимо, окончательно решить для себя вопрос, этот тип заговорил со мной. Конечно, на языке Малеско и в общем-то — ни о чем. У меня звенело в ушах, меня трясло от нервного перенапряжения и совсем не героического страха. Тяжело дыша, я пристально глядел почти в упор в сияющие торжеством глаза.

Он повторил сказанное помедленнее, и на этот раз я все понял.

— Вам повезло, что я вас поймал, — сказал он. — На вас могли составить рапорт.

Я достаточно наслушался языка Малеско, чтобы правильно понимать интонации и ударения. Но я не был уверен, что моя речь будет звучать естественно. Однако нужно было постараться. Я сопровождал слова короткими вздохами — между прочим, прекрасный способ скрыть слабое знание языка.

— Я... задумался... о другом... — сказал я.

Моя реплика произвела на него потрясающее впечатление. Он чуть не уронил меня от изумления. На мгновение я подумал, что допустил в речи грубую ошибку, но скоро понял, в чем дело: он не ожидал, что я вообще говорю на языке Малеско. На некоторое время лицо жреца потеряло всякое выражение.

Он довольно скоро взял себя в руки, но перед этим тень разочарования успела промелькнуть на его лице. Взгляд жреца больше не был таким пристальным и злорадным.

— Что вы сказали? — вежливо спросил он.

— Я сказал, что задумался.

Он снова бросил на меня острый, полный подозрения взгляд, и я понял, что с моим знанием языка вряд ли смогу сойти за местного жителя.

— Ну что ж, в следующий раз лучше подумайте об Иерархе, — сказал жрец, не отводя от меня глаз. — А почему вы так странно говорите?

— Я прикусил язык, — поспешно сказал я.

— Прикусили нос? — спросил он. — Как это? А-а! Язык.

Я перехватил его быстрый взгляд и отвел глаза в сторону, на убегающие вверх стены. Может, он просто потешается надо мной? Или все-таки что-то подозревает, но никаких конкретных выводов сделать не может? Тот факт, что я сносно говорю на языке Малеско, кажется, выбил почву из-под всех его предположений относительно меня. И все же...

— Где вы хотите выйти? — по-прежнему вежливо спросил он, и тон составлял разительный контраст с выражением его лица.

— Я иду в Бани, — рискнул я.

— Тогда вам надо выходить на главном этаже. Мы ведь, кажется, не знакомы? Вы, должно быть, недавно из Крусибля.

Я кивнул.

— Нет? — уточнил жрец. — Но...

— То есть да, — поправил я, памятуя о разных значениях символических жестов в различных культурах. — Я совсем недавно из Крусибля.

— Да, похоже на то, — сказал он. — Вы, должно быть, из Фере. Не обижайтесь, но на ферейском диалекте только с собаками разговаривать. Меня зовут Дио, и я знаю лучший... — он произнес слово, которого я не понял — ...в этом городе, если вам нужен совет.

— Благодарю, — сказал я, размышляя, не следует ли и мне представиться. Нужно было выбрать себе nom-de-guerre, но ничего не приходило в голову. Я был недостаточно сведущ в их именах собственных и, по невежеству, мог назваться каким-нибудь Санта-Клаусом.

Я состроил гримасу и сказал, что болит язык.

Жрец, казалось, задумался.

— Это я укусил вас за нос? — неожиданно спросил он. — Я этого не помню. Но когда вы на меня свалились...

— Ничего страшного, — сказал я.

— Где ваш кошелек?

— Я забыл его.

— И чему вас только учат в этом Ферейском Крусибле? — он поднял голову. — Ну, вот и приехали.

Он вынес меня в огромную залу, размером с Гранд Сентраль и такую же шумную и многолюдную. Слева был проход под арку, а за ним — темнота. Оттуда дул свежий ветерок, и я понял, что это выход на улицу.

— Не стоит возвращаться за вашим кошельком, — сказал Дио, потянувшись к поясу. — Я могу вам одолжить, — он дал мне несколько монет. — Не забудьте вернуть. Меня зовут Дио, запомните, на двадцать третьем Гусе Гермогена, в пятом Херувиме.

— Ну, спасибо, — сказал я.

Он приветливо посмотрел на меня. Его лицо молодого повесы утратило былую настороженность и стало

немного сонным, как будто удовлетворенным. Видимо, за время нашего короткого разговора он пришел к какому-то заключению.

А я вообще ничего не понимал. Ведь, по словам Фалви, любой жрец, узнав во мне землянина, скорее выстрелит, чем будет задавать вопросы, хотя — почему, я еще не знал.

Поведение Дио озадачило меня. Если он понял, что я пришелец, то ему следовало доложить обо мне. А если нет, то почему он выглядит таким самодовольным? Дио напоминал кота, проглотившего канарейку.

— Я надеюсь, что вы получили представление о порядочности в Ферейском Крусибле, — сказал он.

Неужели он действительно даст мне уйти? Трудно было в это поверить. Тогда, возможно, я даже сумею догнать Фалви.

— Да я все верну, не беспокойся, — сказал я.

Он пожал плечами, а я повернулся и пошел прочь, едва веря в свою счастливую звезду. Или Фалви преувеличивал опасность, которая грозила мне со стороны жрецов, или...

— Послушайте, вы, — окликнул меня Дио, когда я сделал несколько шагов. Уже по одному тону я понял, что он ухмыляется. Наши глаза встретились, и я прочитал на его лице нескрываемое злорадство.

— Я полагаю, вам следует кое-что знать, — сказал он. — В Фере нет никаких Крусиблей уже тридцать лет, — он лучезарно улыбнулся. — Спокойной ночи.

Это было подобно удару в солнечное сплетение. Значит, опасность все же существовала. И теперь она предстала в лице Дио. Он знал обо мне все или достаточно много, чтобы погубить. Однако он улыбался, ожидая, пока я пойду.

Я сделал первый шаг, как только вернулось дыхание. Дио вполне может отпустить меня до дверей, а уж потом поднимет крик и натравит на меня свору. Похоже, открывался сезон охоты на земного человека, и Дио нравилась эта идея.

«Он даст мне минуту, а затем закричит», — подумал я и, повернувшись, пошел к дверям широким, твердым шагом. В лучшем случае, я успею скрыться

в темноте улиц, там все-таки безопасней, чем в этом многолюдном зале.

Я нервно оглядел толпу жрецов. Все они были одеты одинаково, лишь некоторые сняли плащи и головные уборы. Несмотря на свое состояние, я обратил внимание на их довольно странные прически.

У одного жреца грива рыжих волос торчала как петушиный гребень, у другого передняя часть головы была выбрита, а с затылка свисали длинные локоны. У третьего по центру головы была выбрита полоса больше дюйма шириной. Тогда все эти жрецы показались мне смешными, но если бы Дио в тот момент поднял тревогу, я бы, вероятно, воспринял все по-другому.

До дверей оставалось шесть шагов. Один шаг. Я уже встал на освещенные ступени. Я торопился, но не смог удержаться и оглянулся. Дио уже не смотрел на меня. Он поднял руку и небрежно кивнул какому-то проходящему мимо жрецу. Я остановился и развернулся. Дио снова смотрел на меня, нежно поглаживая свой подбородок.

Я направился к проходу под аркой, опять находясь в какой-то дурацкой растерянности. Была ли вообще какая-нибудь опасность? Знал ли Фалви, о чем говорил? Но ведь Кориоул, кто бы он ни был, серьезно воспринял грозящую мне опасность. Если бы я смог найти Фалви и проследовать за ним до Кориоула, то, возможно, узнал бы, в чем дело.

За аркой находился аккуратный сквер, переходящий в парк, окруженный высокой стеной. В стене были ворота, и туда вела мощеная дорога. У самих ворот выстроилась очередь. Я пошел в том направлении, постепенно привыкая к темноте.

Небольшая площадка у ворот тоже освещалась светом, льющимся из чаши. Я увидел жреца, стоявшего в небрежной позе у высокой хрустальной вазы, доходившей ему до пояса. По мере того как очередь продвигалась, каждый жрец подходил к вазе и бросал в нее монету. Кассир заметно тяготился своей работой, хотя и продолжал следить за этой процедурой вполглаза.

Я встал в очередь и оглянулся назад. Сквозь арку я видел в огромном зале движущиеся толпы жрецов, но Дио исчез. Впрочем, это ни о чем не говорило. Мне

не терпелось быстрее вырваться из стен храма. Что я буду делать дальше, я еще не знал, но...

Передо мной стояла еще дюжина жрецов, медленно продвигавшихся вперед. Я слышал звон монет. Сколько нужно бросить? Почему Дио дал мне эти монеты? А самое важное — кто он? Много ли он знает и какую игру ведет?

Кто-то грубо толкнул меня сзади. Я стал поворачиваться, шлем съехал мне на глаза, и в этот миг затмения раздался голос Фалви:

— Давай пошевеливайся!

Обратно я повернулся значительно быстрей — позади меня стоял Фалви. Я поспешно подвинулся вперед, сокращая разрыв в очереди. Сзади шаркал ногами Фалви.

Замечательно, просто чудесно! Какая удача, что я не потерял его. Ведь от него теперь зависит, найду я Лорну или нет. Однако мне было неуютно: я словно чувствовал на спине концентрические круги с яблочком мишени посередине, куда мог, скажем, войти нож. А между тем я с неизбежностью продвигался все ближе к освещенной площадке, где стоял кассир.

Передо мной уже шесть жрецов... пять... четыре. Я уставился вперед, плотно сжав монеты в горячей ладони. Я непроизвольно заметил размер и форму монет, которые бросали в вазу. Разжав кулак, я выбрал монету, показавшуюся подходящей. Передо мной уже только двое... один... никого.

Я наклонил голову вперед, надеясь, что мой профиль не будет виден Фалви, и бросил монету в вазу. Кассир пристально посмотрел на меня, обежал глазами с головы до ног. Наверное, он заметил мои ботинки и брюки!

— Подождите-ка! — воскликнул он, глядя мне в глаза. — Вы одеты не по форме.

Он выразился не совсем так, но смысл был тот же.

И тут Фалви пронзительно закричал прямо мне в ухо:

— Ну и черт с ним, Весто! Я очень спешу. Давай быстрее!

Он подтолкнул меня к воротам. Я быстро миновал их и отошел в сторону. Сзади разгорелась перепалка, которая, впрочем, скоро закончилась яростным криком Фалви. Затем он прошел в ворота и заспешил в темноту. Появившийся на мгновение Весто выругался

ему вслед, а я отошел немного в сторону. Когда Весто скрылся, я поспешил вдогонку за Фалви, проявляя удвоенную осторожность, пока мы проходили огромную, ярко освещенную площадь перед храмом.

ГЛАВА 6

Я оказался в положении не намного более трудном, чем житель Чикаго, внезапно очутившийся в Бомбее, Лхасе или Москве и одетый в соответствующий местный костюм. Однако парень из Штатов уже видел эти города на экране, читал о них и знает, что в Бомбее он встретит французов и англичан. К тому же не так велика принципиальная разница между такси и рикшей.

И тем не менее он будет чувствовать себя, что называется, не в своей тарелке, как и я в Малеско. Одна из причин заключалась в том, что я боялся выдать себя каким-нибудь поступком. Марсианин может спуститься с толпой в метро, и все будет в порядке, пока он не упрется в турникет, пропускающий пассажира лишь за монету. Вот тут он начнет отчаянно соображать, какой ритуал следует исполнить.

Он может догадаться о назначении разменных киосков; но если у него нет валюты США, то он влип. Даже если он говорит по-английски, все равно возникнут проблемы, так как никто из работающих в этих киосках по-человечески объясниться не может.

Какую пользу я мог извлечь из монет, которые мне одолжил Дио? Я достал их из кармана, чтобы по дороге рассмотреть. На них были римские цифры — I, II, V, XX и загадочные символы, такие же, что и на дверях в храме. Монеты были уже достаточно стертыми, поэтому деталей я не разобрал. Кромки монет были покрыты причудливым узором (у нас их тоже фрезеруют), я решил, что и в Малеско есть фальшивомонетчики.

Малеско действительно оказался радужно-красным городом. Но некоторые стены были исписаны словами, которых мой дядюшка не заносил в словарь; их значение легко угадывалось. И, кроме того, на улицах хватало грязи.

Город был немноголюден. Лишь однажды я встретил скопление народа. Галдящая толпа прижала мужчину в сером к стене, и я некоторое время раздумывал, не поспешить ли мне на помощь, ведь он мог оказаться принцем из какой-нибудь соседней страны и его благодарность в дальнейшем могла оказаться очень кстати.

Но тут поблизости приземлился летательный аппарат, и я поспешно присоединился к толпе и закричал вместе со всеми. Из аппарата, похожего на позолоченную колесницу, вышли люди в униформе. Полиция увела свою жертву, а я из разговоров понял, что «принц» — обыкновенный карманник. Так что все идет своим чередом.

Фалви, казалось, хорошо знал дорогу. Я старался не терять из виду его торопливую фигуру в полосатом шлеме. К тому же меня подталкивало воспоминание о Дио. Ведь он понял, кто я. А может быть, нет?

У меня не осталось цельного впечатления о городе, запомнились лишь отдельные штрихи: движущиеся огни над головой, сверкание драгоценностей, которые здесь носят и женщины и мужчины, порхающий в воздухе серпантин. Одна ленточка обвилась вокруг моей шеи; на ней было написано: «Приходите в Бани Божественной Воды».

Ну что ж, именно так я и собирался поступить, при условии, что найду эти Бани.

Некоторых аспектов жизни этого города я просто не мог предвидеть — например, странного отношения населения к жрецам. Впервые я столкнулся с этим, когда какой-то мужчина, увидев меня, сошел с тротуара в водосточный желоб и поклонился с таким самоуничижением, что я приостановился.

Сначала я подумал, что он меня раскусил и затеял эту игру, прежде чем ударить меня по голове и куда-нибудь утащить. Потом я догадался, в чем дело, однако понятия не имел, каково должно быть ответное приветствие.

Я поискал глазами Фалви и увидел лишь его головной убор, что покачивался впереди, быстро удаляясь. Если приветствовали меня, значит, должны были приветствовать и Фалви; он, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания. Поэтому я решил пройти мимо с надменным видом. Однако я не осмелился обернуться, чтобы увидеть ответную реакцию.

Ничего не произошло, значит, и на этот раз все в порядке. К счастью, не каждый прохожий был так благочестив, но мне уступали дорогу и провожали почтительными взглядами.

Я начал присматриваться к этим взглядам, пытаясь понять, как здесь относятся к жрецам. Большинство прохожих смотрело с уважением — глупо и благоговейно; были и сердитые взгляды, а в некоторых читалась откровенная ненависть.

Время от времени прохожие проявляли ко мне явно уничижительную почтительность — возможно, ими двигало раскаяние и, чувствуя за собой какие-то грехи, они замаливали их, ползая по сточному желобу.

Мне это не понравилось, как не понравилось и духовенство, которое поощряет подобное к себе отношение. Но, в конце концов, это не мое дело. Я хотел лишь выбраться оттуда, забрав с собой Лорну, если удастся ее найти.

Непросто рассказать вам обо всем, что я увидел за короткую прогулку по Малеско. Он не похож на Нью-Йорк, Чикаго или город из сказок «Тысяча и одной ночи». Мне попадались по дороге лавки, но их витрины были большей частью закрыты, а те, которые мне удалось рассмотреть, показались очень странными.

По улицам двигались повозки, о которых я могу сказать лишь то, что они перевозили пассажиров и, казалось, подчинялись каким-то правилам уличного движения. Один раз я заметил в небе движущиеся огни и вспомнил о том летательном аппарате, который уже видел.

Газет в Малеско не было. Вы не поверите, как не хватает такой обычной вещи, как пресса, пока не убедитесь, какую огромную роль играют газеты в повседневной городской жизни. Не видно обрывков печатных страниц в сточной канаве, не слышно шумных мальчишек-газетчиков на перекрестках, нет лотков с журналами и прохожих со свернутой газетой под мышкой.

Зато почти в каждом квартале я встречал то, что заменяет малескианцам газеты. Вдоль домов тянулись длинные стеллажи, на которых покоились пухлые тома форматом с многотиражку. Возле стеллажей

топталось обычно несколько человек, погруженных в чтение.

Платите монету — и вы узнаете свежие новости. Я пожалел, что нет времени остановиться и почитать, какие же новости в Малеско: Фалви быстро двигался вперед, вот мне и пришлось пройти мимо, снискав осуждающий взгляд торговца новостями.

Если бы я тогда знал права жреца, то мог просто взять этот том под мышку и уйти, — никто бы не осмелился возразить. Но я этого не знал, да и времени, повторяю, не было. Я преследовал Фалви.

Вокруг меня происходили странные вещи. Я уже начал привыкать к реакции прохожих, к их взглядам, полным то благоговейного трепета, то откровенной ненависти, но меня ждали еще и другие сюрпризы. Внезапно какой-то голос настойчиво прошептал мне на ухо: «Послушайте!»

Я остановился как вкопанный, оглянулся, однако поблизости никого не оказалось. Правда, за мной шел мужчина в одежде жреца, но он был слишком далеко, чтобы...

— Послушайте! — снова раздался шепот. — Это важно! Возможно, от этого зависит ваша жизнь!

На секунду я задрожал, как скелет на проволочках; поблизости по-прежнему не было никого, кто бы мог это сказать. Шепот постепенно затихал, словно раздался из радиоприемника в тот момент, когда вы крутили ручку настройки.

— Открою секрет, — голос зазвучал с новой силой. — Пейте эликсир, пейте освежающий тоник, который удлинит вашу жизнь. — Вдруг голос запел: — Эликсир, эликсир Матушки Цереры... — и опять снизился до заговорщицкого шепота: — Послушайте! Послушайте! Это важно...

Я тихо выругался и продолжил свой путь. Фалви как раз сворачивал за угол. Я пошел быстрее, время от времени попадая в полосу звуковой рекламы, которая незримо тянулась вдоль улицы, подобно ленте серпантина. Мое первое впечатление от Малеско не предвещало встречи с подобным феноменом.

Я свернул за угол и на безопасном расстоянии увидел Фалви. Он ни разу не оглянулся назад, спеша по темной кривой улице, освещаемой лишь огнями витрин.

Я вдруг подумал о жреце, который шел за мной, и, хотя в этом не было ничего необычного, на всякий случай оглянулся. Из-за угла появился Дио.

Он обошел группу подростков, которые шли взявшись за руки и занимали половину тротуара. Казалось, он не смотрел на меня. Я опять разглядел на его лице свирепую радость предвкушения победы, он даже не пытался это скрывать.

Вспомнив о Фалви, я отвернулся и подумал: «Какая часть этого злорадства относится к нему, а какая — ко мне?» Тощий жрец впереди опять скрывался за поворотом, и мне пришлось ускорить шаг. Я почувствовал, как концентрические круги снова собираются в мишень на моей спине. Сзади шел Дио, и это не предвещало ничего хорошего.

Что я мог поделать? Я не мог скрыться, не потеряв Фалви, а с ним и единственной надежды найти союзника. Я шел на встречу с Кориоулом, ведя за собой Дио.

Из подслушанного разговора я сделал вывод, что безопасность Кориоула зависит от конспирации. Разоблачение, похоже, представляет для него смертельную опасность. А какой мне прок от покойника? Тогда ведь и я не смогу вынуть голову из петли, в которую залез.

Итак, мы втроем устало тащились по радужно-красному городу, продолжая нашу маленькую игру под названием «гонка за лидером». Все это время я неустанно размышлял, как нарушить планы Дио и как, обойдя Фалви, объединить свои усилия с Кориоулом.

Хорошо было бы предупредить Фалви о нашем преследователе, он, несомненно, нашел бы способ разделаться с этим соглядатаем. Нужно только догнать Фалви, хлопнуть его по плечу и сказать:

— Послушай! Это важно! Пей эликсир...

Нет, это совершенно не годится. Мне показалось, что я слегка опьянел, — видимо, сделан не из того теста, что герои расхожих повестушек. Я устал, болела голова, в которую лезли мысли об ужине. Конечно, если я предупрежу Фалви о нашем преследователе, то он сможет довольно легко прикончить Дио. Но сначала разделается со мной, а это мне совсем ни к чему. Поэтому мы вдвоем старательно вели Дио прямо к Кориоулу.

Трижды свернув, Фалви вышел на широкую оживленную улицу, которая вела к знакомому мне зданию. Цветными огнями горела вывеска: «Бани Божественных Вод». Теперь уже заблудиться было невозможно. Эти «Божественные Воды» видны за многие мили — огромная сфера, наполненная огненной жидкостью, которую я впервые увидел из своей квартиры, когда Лорна провалилась в неведомый мир.

«Лорна, — задумался я, — Лорна Максвелл». Это из-за нее я очутился в Малеско, явился отыскать — нет, не прекрасную принцессу в роскошном наряде, усыпанном драгоценностями, не очаровательную наследницу древнего титулованного рода, чтобы защитить ее честь со шпагой и пистолетом в руках. Нет, я здесь, чтобы просто найти и вернуть в наш мир Лорну Максвелл, но боюсь, что эта драма не по мне, и я не хочу быть в ней героем.

Мы уже прошли половину улицы, ведущей к баням, когда произошло это маленькое чудо. Вдруг зазвучала музыка, сначала чуть слышно, затем все громче и громче, пока не заглушила все другие звуки города. Люди на улицах остановились и подняли головы.

Я тоже посмотрел вверх и увидел на облаке светлое пятно. К тому времени уже совсем стемнело. Ночь была безлунной, но звездной. Из-за городских огней были видны только самые яркие звезды.

Я с удивлением обнаружил Большую Медведицу, пожалуй, единственное созвездие, которое я знаю. Значит, перемены не так уж велики, как мне показалось, если все звезды на своих местах.

Светлое пятно на облаке постепенно приобретало форму человеческого лица. Единый вздох восхищения вырвался из тысяч уст вокруг меня, гигантский, но почти не слышный. Лицо на облаке стало четче, оно приобрело знакомые черты.

Еще через несколько секунд огромное, светящееся лицо Лорны Максвелл улыбалось мне с облака, лицо такое же идеально красивое, как и то, что я видел на стене дома. Она была красива, нежна, обаятельна, а улыбка ее — просто изысканна. Лорна, которую я знал, не могла быть такой.

Улыбка медленно угасла, и я понял, что смотрю не на плакат, а на реальное отражение этой женщины, кем бы она ни была.

Сияющие голубые глаза, огромные, как плавательные бассейны, дарили мягкий свет жителям Малеско. Музыка стихла, губы на облаке зашевелились, и над затаившим дыхание городом раздался голос Лорны.

Да, это была она. Голос, как и лицо, был сильно изменен, но не полностью — я узнал в нем прежние интонации Лорны. Над Малеско поплыла нежная музыка этого голоса.

— Наступил час моего ухода, — сообщала Лорна городу. — Я возвращаюсь к созерцанию, а вы, мои преданные друзья, выходите на вечерний моцион. Идите же с моим благословением, жители Малеско. Не забывайте ваших жрецов и их учение. Полностью внесите свою лепту в казну Храма, когда сегодня будете платить за вход. Будьте добродетельны, будьте счастливы. Вы должны заслужить своим поведением переход в высшую ипостась. Я буду ждать вас в Раю, друзья мои. Я буду ждать вас на священных дорогах Нью-Йорка.

Изображение начало гаснуть. По толпе прошел рокот ответных голосов. Я не мог поверить в то, что они говорили, но ошибиться тоже не мог. Все повторяли последние слова Лорны.

— Нью-Йорк! Нью-Йорк! — шептал весь Малеско, и огни над городом погасли.

ГЛАВА 7

Фалви быстро поднимался по широкой лестнице под куполом Бань. Разноцветные огни на вывеске «Бани Божественных Вод» отражались на мостовой и на стекле разменной будки у входа. Фалви бросил монету в стеклянную чашу, и мужчина, стоявший у дверей, щелкнув турникетом, пропустил жреца.

Я последовал за ним по лестнице, перебирая пальцами монеты, которые мне одолжил Дио. То, что я недавно увидел, придало мне бодрости и одновременно смутило. Я еще не во всем разобрался, но почувствовал себя гораздо более важной персоной, чем, скажем, четверть часа назад.

Конечно, все не так просто. Одна женщина попадает в Малеско с Земли, из нее делают этакую диву, возносят под облака, откуда она несет какую-то

полурелигиозную тарабарщину. Потом появляется еще один пришелец — я, — и на него набрасываются жрецы и преследуют по улицам, как преступника.

А нью-йоркский мотив здешней очень материалистической религии — это вообще нечто невообразимое. Может быть, позднее мне кто-нибудь и разъяснит, что это значит, а до того времени я даже предположений строить не буду. Подумать только: «священные дороги Нью-Йорка!»

Видение в облаках произвело на людей потрясающее впечатление. Когда оно исчезло, город наполнился благоговейным шепотом, и даже обычный городской шум, казалось, стал тише. По разговорам на улице я понял, что появление Лорны в облаках было воспринято как чудо. Никто, кажется, не понимал, что это можно сделать при помощи техники.

Это еще больше сбивало меня с толку. Странно, что при таком уровне развития техники в Малеско его жители с благоговейным трепетом относятся к кинопроекции и радио.

Естественно, я не знал, как жрецы все это сделали, но знал, как это можно сделать. Да, я тоже пережил некоторое потрясение, но оно вызвано только переменами, происшедшими в Лорне.

Пройдя под огромной аркой, Фалви скрылся в здании. Он был неумелым конспиратором, так как с первого взгляда было понятно, что он участник заговора, где вынашиваются планы свержения правительства.

Судорожные взгляды, которые он постоянно бросал через плечо, уже сами по себе выдавали его. А то, что, осмотревшись перед входом, он не заметил меня, красноречиво свидетельствовало о том, что Фалви как тайный агент — не удался.

Впрочем, и у меня самого не было оснований для излишней самоуверенности. К тому же меня беспокоили брюки и ботинки, торчавшие из-под плаща. Мне все время казалось, что они бросаются в глаза, словно подсвеченные неоном. Я боялся потерять Фалви, но не осмеливался подойти к будке у входа, а тем более попытаться проникнуть в здание.

Я дождался, пока подошла группа человек из пяти или шести, достаточно веселых и потому беззаботных. Когда они начали подниматься по лестнице, я при-

соединился к ним. Один из мужчин бросил несколько монет в стеклянную чашу у входа.

Мы уже подошли к турникету, когда человек, сидевший в будке, окликнул нас. Я не понял, что именно он крикнул, но тот, кто шел впереди всей группы, оглянулся, застенчиво улыбнулся и бросил еще одну монету в ящик на стене здания.

«Храмовый ящик, — подумал я, — священная кубышка, которую Лорна так назойливо рекламировала в телепередаче с облака». Я стал прикидывать, сколько монет нужно бросить в стеклянную вазу и этот ящик, и тут вспомнил, что Фалви вообще проигнорировал священную кубышку. Мой шлем, нижнюю кромку которого я чувствовал щекой, словно подсказал мне объяснение: жрецам не нужно жертвовать на свое собственное содержание.

Я небрежно бросил монету в стеклянную чашу и спокойно прошел вслед за той компанией. Никто не остановил меня. Никто не обратил на меня внимания. Я не выдержал и оглянулся — по лестнице следом за мной поднимался Дио.

Войдя в Бани, я очутился сначала в огромной ротонде; Фалви нигде не было видно. Я потерял его.

Какая ирония судьбы. С самого прихода в Малеско я не упускал этого жреца из виду, а тут, за пять минут до встречи с Кориоулом, — потерял. Большой круглый зал был многолюден. Всюду пестрели яркие цветные туники и короткие плащи. Если в Бани и допускались женщины, то для них, вероятно, имелся отдельный вход. В этом зале находились только мужчины.

Поскольку выбора у меня не было, я решил положиться на судьбу. Все вновь прибывшие направлялись непрерывным потоком в дальний конец зала. Я пошел вместе со всеми, надеясь там встретить Фалви. При иных обстоятельствах я, возможно, получил бы большое удовольствие, побывав в этих Банях.

В большом зале стояла приятная прохлада, играла музыка, над головами висел не то дым, не то туман, и, подсвеченный разноцветными огнями, он стелился розовым, зеленым, фиолетовым слоями.

Под самый купол ротонды ряд за рядом поднимались балконы; смех, музыка и звон стаканов доносились с высоты. То тут, то там сыпался дождь кон-

фетти, и узкие ленты серпантина появлялись спиралями из цветного тумана.

Странно, что дядюшка Джим никогда не рассказывал мне об этих Банях Божественных Вод, хотя рассказы о куполе этого здания я хорошо запомнил еще с той поры. Может быть, дядюшка никогда не бывал внутри? Или Бани здесь были устроены после того, как он был в Малеско?

Мне очень хотелось узнать, какова же роль дядюшки в истории Малеско, если он действительно здесь побывал. Хотя я понимал, что это напоминает прогулку по Стране Чудес в поисках носового платка, который уронила Алиса семьдесят лет назад, или следа от ее башмачка в том лесу, где на дереве сидел Чеширский Кот.

Бани были огромны. На случайную встречу с Фалви трудно надеяться, а без чужой помощи мне не найти Кориоула. Что оставалось делать? Я шел вместе со всеми, игнорируя любопытные взгляды, которые время от времени останавливались на мне.

На лицо упала узкая полоска фиолетовой бумаги с настоятельным предложением: «Попросите Алиет в Хрустальном Гроте». Хотел бы я знать, что такое Алиет — девушка, напиток, песня или какая-нибудь местная диковина, совершенно незнакомая мне.

Пройдя под арку, я очутился в длинном узком вестибюле, очень милом на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении оказавшемся обыкновенной раздевалкой. Вдоль стены тянулись шкафчики из блестящего зеленого камня в белую клетку, а вместо скамеек против каждого стоял мягкий табурет. Толпа разошлась, и посреди вестибюля я увидел знакомый шлем и озабоченный профиль Фалви.

Мне почти не верилось в такую удачу. Впрочем, если здесь все проходят через раздевалку, то нет ничего удивительного в том, что я встретил Фалви.

Я стал осторожно приближаться к нему. Он сидел на табурете и, закинув ногу на ногу, развязывал сандалии, горячо убеждая в чем-то своего соседа, завернувшегося в оранжевое полотенце, завязанное узлом на талии.

Этот тип был покрыт веснушками с головы до ног, словно татуирован ими. Короткие рыжие волосы неприятно перекликались с оранжевым полотенцем.

Конопатый издал знакомый мне тонкий смешок. Кориоул! Я не мог приблизиться, чтобы подслушать разговор. Шлем и плащ жреца — неподходящая маскировка, Фалви может узнать меня.

И тут меня осенила мысль: раз уж человека встречают, как говорится, по одежке, то нагота в общественной бане всех делает равными. Без одежды я стану таким же добрым малескианцем, как и любой другой, пока, конечно, буду держать рот на замке.

Решив делать то же, что и все, я пошел вдоль шкафчиков, пока не нашел свободный. На дверце был белый квадрат шириной в три дюйма. Я нажал на него большим пальцем, и шкафчик открылся, а на белом квадрате остался черный отпечаток моего пальца.

Я поспешно разделся, хотя это было не так-то просто, ведь плащ жреца пришлось снимать в последнюю очередь. А для того чтобы не поощрять любопытствующих, заметивших странности в моем одеянии, я придал своему лицу выражение крайней самоуверенности. Зато, раздевшись, я почувствовал себя наконец вне всяких подозрений.

В шкафчике я обнаружил большое полотенце, как все, завернулся в него и захлопнул дверцу. Раздался щелчок. Я понял, что смогу открыть ее, лишь приложив большой палец к белому квадрату. Мое полотенце оказалось голубым, то есть более удачного цвета, чем у Кориоула.

Я повернулся к Фалви. Он убирал в свой шкафчик головной убор. Худые плечи жреца были обтянуты пурпурным полотенцем; там, где оно кончалось, видны были тощие щиколотки. Фалви был один.

В панике я огляделся и вскоре увидел оранжевое полотенце и покрытую веснушками спину человека, удалявшегося к проходу, из которого то и дело выплывал ароматный пар. Теперь моя задача состояла в том, чтобы подойти к Кориоулу и представиться раньше, чем вмешается Фалви.

Ведь этот последний по своей бездарности способен погубить нас обоих. Я помнил, что у него есть смертоносное оружие, спрятанное либо в шкафчике, либо в складках пурпурного полотенца. Почему он стремился убить меня, я не знал, но намерение было очевидным. В тот момент мне было не до вопросов.

Понадеявшись на удачу, я собрался уже идти за Кориоулом, как вдруг заметил у входа в раздевалку полосатый головной убор и под ним — физиономию Дио, с вызовом рассматривавшего толпу. Я поспешно повернулся спиной, благодаря Бога за свою удачную маскировку в этом зале, среди общей наготы и цветных полотенец.

Я был уверен, что если не допущу какую-нибудь оплошность, то Дио не найдет меня. Но он, конечно же, отыщет Фалви. И тут мне в голову пришла прекрасная идея, как отделаться от них обоих разом.

Я пошлепал босиком по теплому кафельному полу за Фалви и нагнал его в соседнем помещении, заполненном сухим, пощипывающим паром или дымом, горячим и, вероятно, заряженным электричеством. Волосы на голове слегка шевелились, по телу бегали мурашки.

Сквозь туманную завесу были видны лишь нечеткие контуры фигур. Фалви превратился в тощую тень. Я должен был ему кое-что сказать и при этом не дать разглядеть себя.

Я подошел к нему сзади и прошептал прямо в ухо:

— Послушайте! Это важно! От этого может зависеть ваша жизнь!

Он продолжал идти как ни в чем не бывало — именно такой реакции на слова местной рекламы я и ожидал. Но перед тем как слиться с находившейся поблизости группой теней, я добавил:

— Дио преследует вас, Фалви!

Он замешкался, так как ожидал услышать совсем другое, и несколько секунд, похоже, осознавал, что речь идет не об эликсире. Затем Фалви остановился и резко обернулся.

Но к тому времени я надежно скрылся в туманной группе малескианцев. Я видел размытые очертания фигуры Фалви, а он просто не знал, куда смотреть: в этом тумане все были слишком похожи.

Сквозь клубы пара я наблюдал за Фалви. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился, взмахнул руками и поспешил назад к раздевалке. Я последовал за ним. Дио я не встретил, но Фалви уже поспешно одевался.

Я отправился обратно в парную, надеясь отыскать Кориоула — не так уж часто встречаются рыжие веснушчатые мужчины. По крайней мере, в анфиладе

комнат, наполненных паром, я нашел только одного, и это был Кориоул.

Я нашел его не сразу, долго плутая в тумане подобно призраку, пока не очутился в помещении, напоминавшем Елисейские поля, населенные привидениями. Я вспомнил Улисса, вскрывшего вену на руке, чтобы привлечь призраков. И вдруг неожиданно увидел пару ног, покрытых веснушками и рыжими волосами.

К счастью, пар здесь был еще гуще, чем везде. Кориоул, видимо, сидел откинувшись на кушетке. Я плотно запахнулся в полотенце. По телу прошла дрожь. Найдя наконец этого человека, я не знал, что делать дальше. Ведь, решив встретиться с ним, я исходил из довольно шатких предположений. Не лучше ли сначала прощупать Кориоула и выяснить его намерения, прежде чем раскрыться? Я заметил рядом с ним свободную кушетку, осторожно опустился на гладкую теплую поверхность и уставился на тень Кориоула, проигрывая в уме различные варианты начала разговора и отвергая их. Пауза затянулась. Затем Кориоул пошевелился.

— Фалви? — спросил он. — Это ты?

Именно этой реплики я и ждал. Я припомнил особенности речи Фалви: он говорил слабым, тусклым голосом и немного в нос. Наконец я отважился начать с одного короткого слова:

— Да.

Я затаил дыхание. Очевидно, дебют удался. Кориоул повернулся ко мне и сказал:

— Ложись сюда. Расслабься и расскажи мне, что случилось.

Я охотно откинулся на кушетке, так удобней было прятать лицо. Однако в мои планы не входило вести беседу самому, я хотел заставить говорить Кориоула.

— Ну что ж... — для начала произнес я.

Рядом с нами возник чей-то силуэт. Кориоул издал знакомый тонкий смешок и громко сказал:

— Ты слышал эту историю о Бландусе? Хвалили его лошадей. Он стал хвастаться, что хорошо их кормит, даже лучше, чем Иерарх своих, правда, это случается только по вторникам!

Я выдавил из себя вежливый смешок. Тот, чей силуэт мы видели, споткнулся, выругался и удалился.

Кориоул приподнялся, подобно призраку в оранжевом саване, и слегка толкнул меня локтем.

— В конце этой анфилады есть свободная комната. Здесь слишком людно. Пошли.

Пока мы пробирались сквозь клубы пара, я с трудом вошел в роль Фалви и сказал его голосом:

— Кориоул, что мне делать? — я постарался вложить немного отчаяния в этот вопрос.

— Делай то, что сделал Дом Корби, — сказал Кориоул с убийственной веселостью. — Назови это nolli secundo, и второго заезда сегодня не будет.

Я задумался: действительно ли я хорошо понимаю язык Малеско?

— Прежде всего я хочу, чтобы ты нашел этого человека из Нью-Йорка, — понизив голос, сказал мой собеседник. — И второе — перестань играть с огнем. Тебе незачем было соваться в Земные Врата, пора бы это понять. Для тебя это слишком большой риск.

— Я же хотел убить его, — сказал я, вспомнив аргументацию Фалви.

— Знаю, знаю. Но я намерен убить тебя, если ты это сделаешь. К моему счастью, он сбежал. Теперь надо его найти.

— Зачем? — спросил я.

— Ему нужен я, а мне нужен он, — назидательно сказал Кориоул, взяв меня под руку. Он помолчал, а затем добавил: — Проходи вот сюда. Осторожней!

Он споткнулся и повалился на меня, бормоча извинения.

— Простите, — автоматически произнес я, восстанавливая равновесие.

Кориоул замер на месте. Он молчал и не шевелился. Я даже не слышал его дыхания. В этой внезапной тишине было что-то пугающее. Я довольно долго не мог понять, в чем дело, а потом до меня наконец дошло. Эхо моей последней реплики все еще висело в воздухе — я извинился не на языке Малеско.

Я сказал это по-английски.

Кориоул тихо рассмеялся. От страха у меня помутилось в голове. Почему я это сделал? Я никак не мог понять, в чем дело, и, открыв рот, уставился на силуэт моего спутника. Впрочем, у меня была веская причина заговорить по-английски. Ведь «Осторожней!» Кориоул сказал именно так, по-английски, а не «Segarde», как это звучит на языке Малеско.

Кориоул продолжал беззвучно смеяться, потом спросил:

— Вас, случайно, не Бартоном зовут? — это было сказано по-малескиански.

Я понял, что не имеет смысла продолжать эту игру.

— Ну, допустим. А как вы догадались?

— Фалви беседовал с Клиа. И к тому же не все жрецы в восторге от Иерарха.

— Я знаком с Клиа?

— Вы знали ее как Лорну Максвелл.

— А-а, — сказал я. — Кто же научил вас говорить по-английски? Фалви?

— Нет, меня учил мой отец. Я не очень хорошо знаю английский, потому что отец исчез, когда мне было десять лет. Сюда, пожалуйста, здесь мы сможем хотя бы увидеть друг друга.

Он осторожно пошел вперед, ведя меня под руку.

— Мой Фалви оказался не слишком убедителен, правда? — спросил я, так как был несколько задет этим обстоятельством.

— Напротив, друг мой. Вам удавалось держать меня в заблуждении до тех пор, пока я не дотронулся до вашей руки, — он положил мне руку на плечо. — Если бы вы когда-нибудь брали Фалви под руку, вы бы заметили разницу. Фалви слишком беспокойный тип. И к тому же ваша рука в два раза толще. Вы могли оказаться шпионом Иерарха, но у меня были и другие предположения. Кажется, я не ошибся. Вот мы и пришли. Проходите.

Комната была маленькой. Пока Кориоул закрывал дверь на замок, я разглядывал обстановку. Здесь не было клубов пара, хотя воздух пощипывал тело так же, как и в других комнатах. Две низкие кушетки были обиты каким-то гладким материалом.

Между ними стоял стол. Под большим экраном на стене был целый ряд ручек настройки, с выбитыми на них позолоченными римскими цифрами. Тут я впервые обратил внимание на то, что нигде в Малеско не видел арабских цифр, а только угловатые римские.

Я обернулся и увидел лицо Кориоула. На мгновение я остолбенел.

— Дядюшка Джим? Дядюшка Джим? — вырвалось у меня непроизвольно.

Кориоул слабо улыбнулся, ничего не понимая. Конечно же, он не был дядюшкой Джимом, но сходство было так велико, что это не могло быть простым совпадением. В большинстве случаев рыжеволосые, веснушчатые мужчины похожи друг на друга, словно сделаны по какому-то стандарту. Однако в данном случае сходство было слишком близким, чтобы довольствоваться этим объяснением.

У Кориоула было столь знакомое мне худощавое лицо с вытянутой челюстью, те же бледно-голубые глаза, те же пряди рыжих волос, прикрывающие низкий лоб. Он выглядел моложе меня на несколько лет. Я быстро сделал в уме подсчеты. Догадка, которая в этом повествовании напрашивается сама собой, в тот момент сильно поразила меня.

— Как звали вашего отца? — спросил я.

— Джиммертон, — коротко ответил он. — Мой отец пришел из Рая.

Я тяжело опустился на ближайшую кушетку.

— Так вы говорите, что его звали Джим Бартон и он пришел из Нью-Йорка?

— Я сказал, что он прибыл из Рая, — утвердительно кивнул Кориоул. — Джим Бартон? Бартон? Но ведь вы...

— Все правильно, — произнес я в изумлении. — Это мой дядя.

Кориоул тоже тяжело опустился на кушетку, и мы уставились друг на друга в молчании. Некоторое время спустя он с сомнением покачал головой. Оснований для недоверия у него было больше, чем у меня. В конце концов, в своих выводах я опирался на внешнее сходство и на рассказы дядюшки Джима, Кориоулу приходилось верить мне на слово. Поэтому я рассказал ему все, что мог.

— Джим Бартон был очень похож на вас. Лет тридцать назад он исчез и появился спустя десять лет. По возвращении он несколько лет прожил в нашей семье и научил меня, тогда еще ребенка, языку Малеско. Как иначе я мог его выучить?

Дядюшка никогда много не рассказывал о тех местах, где побывал, но я полагаю, что ему там пришлось нелегко, так как по возвращении он довольно долго болел. Джим Бартон скончался три года назад, оставив мне свою квартиру. Вот так...

— Конечно же! — вырвалось у Кориоула. — Джиммертон прошел сквозь Земные Врата из своей библиотеки в Нью-Йорке. Я это помню. И тем же путем пришли вы и Клиа. Какой же я дурак! Я никогда не связывал факт ее появления с Джиммертоном. Она не знает этого имени, и я полагал, что за прошедшие годы проход между мирами сместился. Но этого не произошло! И вы... мы — двоюродные братья, не так ли?

— Полагаю, что так, — согласился я, изумленно глядя на Кориоула.

Теперь я, конечно, больше не сомневался, что Малеско существует на самом деле, а благодаря обретению здесь родственника, я почувствовал, что этот мир стал мне значительно ближе, чем можно было предполагать. Это было все равно что найти двоюродных братьев в Стране Чудес или в Зазеркалье. Кориоул не отрывал от меня удивленных глаз.

— Подумать только! — бормотал он, изучая мое лицо. — Нет, вы только подумайте! Кузен из Рая!

— Послушайте, — решительно сказал я. — Давайте сразу разберемся с этим вопросом. Кто внушил вам, что Нью-Йорк — это Рай? Поверьте мне, я лучше знаю!

Кориоул лукаво усмехнулся и посмотрел на закрытую дверь.

— Я тоже знаю. Но если кто-нибудь еще услышит эти ваши речи, то вы лишитесь головы раньше, чем успеете договорить. Иерарх, знаете ли, не поощряет ереси.

Я откинулся на кушетку, поправил свое голубое полотенце и скрестил ноги.

— Ничего я не знаю. Вы получите подробные объяснения. Но прежде всего я хочу есть. У меня хватит денег на ужин?

Я протянул ему полную горсть монет, которые мне одолжил Дио. Кориоул улыбнулся и, не поднимаясь, нажал на кнопку в стене.

— Закуски предусмотрены входной платой, — сказал он. — Я тоже хотел бы кое-что выяснить. Где, например, вы взяли эти монеты и, прежде всего, как вы нашли дорогу сюда. Я должен вас предупредить, что...

Пристальный взгляд его бледно-голубых глаз стал довольно холоден.

— Я не могу полностью доверять вашим словам, хотя полагаю, что вы говорите правду. Но даже если это так, у вас все равно нет доказательств. Вы меня одурачили в парной и заставили проговориться. Я сказал достаточно много, чтобы быть за это повешенным, окажись вы шпионом. Мне остается только верить, что вы им не являетесь. Давайте исходить из предположения, что мы доверяем друг другу.

— С этого и нужно было начинать, — сказал я. — Возможно, мне удастся найти какой-нибудь факт, который убедит вас. И, само собой, я не в праве обвинять вас в чем бы то ни было. Самое убедительное доказательство, которое я могу со своей стороны привести, — это знание языка.

— Да, меня, признаться, это озадачило. Но...

Раздался легкий стук в дверь, и Кориоул бросил на меня настороженный взгляд.

— Откройте, — сказал он.

— Я не знаю, как отпирается замок.

Он потянулся, сдвинул дверную ручку в сторону и опустился на кушетку. Я открыл дверь; в комнату хлынул туман. Передо мной стоял мужчина в розовых шортах, а рядом с ним — трехъярусная тележка.

— Закуски, сэр, — сказал он. — Вы звонили?

— О да, — ответил я, принимая от него поднос.

Кориоул тихо закрыл дверь и запер на замок.

Нам принесли корзинку с булочками, очень похожими на те, к которым я привык; блюдо вареных яиц, отличавшихся от земных лишь голубоватым узором на скорлупе. Кроме того, нам достался горшок с сыром, горшок дымящейся жидкости (по запаху — чай) и большая чаша с каким-то остро пахнущим крошевом.

На блюде красовались яблоки, персики, несколько гроздьев ярко-красного винограда и еще какие-то неизвестные фрукты. Это было не совсем то, что я заказал бы при возможности, но выглядело вполне аппетитно, а мне очень хотелось есть. Мы старательно зачавкали, время от времени настороженно поглядывая друг на друга с противоположных кушеток и продолжая нашу беседу.

Очень скоро я выяснил, при каких обстоятельствах Нью-Йорк можно считать Раем.

ГЛАВА 8

До того как я очутился в Малеско, он представлялся мне чем-то вроде Граустарка, Руритании, страны Оз или Утопий Платона, Аристотеля и сэра Томаса Мора. Я полагал, что все эти миры существуют только в человеческом воображении, но теперь очень усомнился в этом.

Возможно, каждый из них так же реален, как и Малеско, в свете того, что Кориоул называл «mundi mutabili»[1]. Он ссылался на ту же теорию под названием «orbis inconstans»[2] и «probabilitas — universitas — rerum»[3]. Но в случае с Малеско — это не теория, это — факт.

Я достаточно читал об альтернативных теориях будущего развития, чтобы понимать Кориоула без особого труда, хотя он несколько переоценивал мои знания по этому предмету. Мне приходилось его останавливать время от времени, чтобы получить более подробное объяснение. Но вот, вкратце, что произошло в момент раскола между Землей и Малеско во времена правления Клавдия в Риме первого века.

В годы царствия Калигулы Малеско еще не было. Как мир, он не существовал. У нас было общее прошлое. Однако после смерти Калигулы произошло нечто такое, в результате чего Малеско откололся от Земли. Вместо Клавдия на римский трон взошел некто Руфус Агрикола. После него какие-то люди с неведомыми именами правили Римом, пока тот не пал в результате их неумелой политики и нашествия варваров.

В нашем мире религия, которую преследовал Калигула, распространялась, пока не стала господствовать во всей Европе. А та религия, которую Калигула поощрял, распространилась в Малеско со сверхъестественной быстротой, вытеснив все другие верования. Это очень утилитарная религия, она зародилась в Египте и властвует в Малеско по настоящее время.

Называется она — Алхимия.

Алхимия превратила Малеско в мир утопии, а нет ничего хуже утопии, хотя, кажется, очень немногие

---

[1] Миры переменчивые (*лат.*).
[2] Непостоянство мироздания (*лат.*).
[3] Возможность (всеобщность) вещей (*лат.*).

это осознают. Лишь у Батлера в «Ерехоне» и у Хаксли в романе «О, дивный новый мир» утопия рассматривается как вариант ада.

А в мире утопий считается, как само собой разумеющееся, что целью человечества является стабильность общества. Простое человеческое счастье не считается ценностью, вводится жесткая кастовая система и наступает полный паралич общества — главное условие, без которого никакая утопия на продержится и получаса.

По-видимому, то, что Алхимия зародилась в Египте, повлияло на развитие Малеско, ведь Египет на протяжении двух тысячелетий оставался самой жесткой утопией в истории. Как и Египет, Малеско быстро достиг вершины развития, и, как и в Египте, духовенство здесь надежно прибрало к рукам всю власть. Хотя всякое развитие прекратилось давным-давно, общество продолжало существовать в каком-то трупном окоченении, зато значительно дольше любой нормальной цивилизации.

Последние пятьсот лет Малеско пребывал в полной неподвижности, словно был заморожен, и духовенство господствовало здесь во благо себе и тому узурпатору, который ненадолго захватывал власть. Время от времени по Малеско прокатывалась волна мятежей, приносившая на трон очередного правителя. И жрецы поддерживали его, пока не объявлялся преемник. Однако все нити управления находились в руках жрецов, и они никогда не оставались внакладе.

Противоречия между церковью и государством, конечно же, существовали, но в Малеско сила науки оставалась за церковью, так как Алхимия основывается на прикладной науке. В Малеско Галилей был бы жрецом, а не еретиком. Порох когда-то помог покорить огромные страны. В Малеско только жрецы могли с ним познакомиться: вся литература по химии находилась в храмах.

Как и в Египте, здесь долгое время не было даже намека на какие-то изменения в будущем. Только жрецы и короли могли рассчитывать на небесные блага.

Около трехсот лет назад, когда в нашем мире происходила колонизация Америки, Шекспир бражничал в таверне «Русалка», а восточная Европа по частям переходила в руки турок, в Малеско произош-

ла мировая революция. Тогда жрецы впервые оказались перед лицом реальной опасности.

Мир Малеско меньше, чем наш. Значительную его часть занимают океан и необжитые земли. Но в те дни все населенные континенты захлестнула волна терроризма: простые люди обезумели и дали волю своим чувствам. Они не хотели быть благоразумными — им этого никогда не позволяли.

Представлений о самоконтроле у них было не больше, чем у рассерженных детей, потому что их сознанию никогда не доверяли. И, дойдя до дикого состояния, они установили царство террора по всему Малеско, вымещая злобу и разочарование друг на друге, если под рукой не оказывалось жрецов.

Произошло именно то, чего и следовало ожидать (вспомните Французскую революцию) — пятно позора легло на историю Малеско. Конечно, ответственность за все это несло духовенство, но оно без труда сумело переложить ее на революционеров.

И жрецы, как обычно, нашли ловкий способ успокоить народ. То же самое было и в Египте. Глубокое социальное противоречие было умело переведено в религиозную плоскость и без труда разрешено в пределах реального человеческого бытия. Не произойди это в Египте, вы бы вряд ли поверили, что такое возможно вне страниц романа.

Жрецы просто пообещали людям, что если они будут хорошо себя вести и отправятся по домам, то могут надеяться увидеть Рай после смерти. Это сработало. Египтяне безропотно приняли культ Осириса и продолжили строительство пирамид. Малескианцы впряглись в тяжкое ярмо, предложенное духовенством, и уверовали в Нью-Йорк как свой грядущий Рай.

В этот момент рассказа я подавился ужином, и Кориоулу пришлось похлопать меня по спине. Это напомнило ему какой-то анекдот, и он собрался было его рассказать, но я воспротивился.

— Продолжайте, — настаивал я. — Мне хочется побольше узнать о Рае.

Кориоул ел яйцо, которому голубой узор на скорлупе придавал праздничный, пасхальный вид. Очевидно, скорлупа была тоже съедобна. Кориоул хрустел ею так, что у меня по коже бегали мурашки.

— Вы уверены, — с хрустом спросил он, — что никто в вашем мире не знает о Малеско? Мы ведь с

самого начала знали о Земле. Брешь между нашими мирами поначалу была невелика. Жрецы, ясновидящие, прорицатели и им подобные легко устанавливали контакт. Мы точно выяснили, что произошло в те незапамятные времена. Жрецы не переставая твердят людям, что Земля пошла по правильному пути, а мы — по неправильному и понесем наказание за свои грехи.

Он окунул остатки яйца в сахар и отправил себе в рот.

— Буква «А», — сказал Кориоул, — это символ изменчивых миров. Я полагаю, вы заметили ее в городе. Когда жрецы говорят о Нью-Йорке, они делают такой знак, складывая большой и указательный пальцы вот так. Вершина буквы символизирует точку раскола между Малеско и Землей. Две расходящиеся внизу вертикальные черты изображают разные пути наших миров. А поперечная черта — это мост, по которому праведники переходят в Рай. Этим мостом воспользовались вы, Клиа и Джиммертон, чтобы попасть в Малеско.

Он неожиданно улыбнулся:

— Вы хотите увидеть Рай?

— Хотелось бы.

Кориоул поднялся, стряхивая крошки со своего оранжевого полотенца, и, подойдя к экрану, покрутил одну из ручек с позолоченными цифрами.

На экране появилась большая светящаяся буква «А». Когда она исчезла, зазвучал какой-то текст, который произносился нараспев под торжественную музыку. Я не понял, о чем шла речь, видимо, это был архаичный язык, но я ясно слышал, что Нью-Йорк упоминался несколько раз.

Серебристые облака на экране рассеялись, и перед нами предстал сверкающий город. Я подался вперед. Мы видели Нью-Йорк с высоты нескольких тысяч футов.

Я различал Вэттери и причалы на окраине города, зеленый прямоугольник Центрального парка и высокие здания в центре, возвышающиеся монолитами над улицами, расчерченными, как по линейке.

Бродвей вырывался углом из городской неразберихи, а на островах возвышалась величественная группа ослепительно белых небоскребов, отбрасывающих искры золотого света.

Мне показалось странным соседство Эйфелевой башни с Чатам сквер, а кроме того, на подъезды к Бруклинскому мосту бросало огромную треугольную тень строение, в котором я узнал пирамиду Хеопса. Но, несмотря на это, город был узнаваем.

— Не припомню, — сказал я своему кузену с сомнением, — чтобы Сити Холл имел подобный ореол. Да и Эмпайр Стейт вовсе не покрыт золотом, знаете ли. А кроме того...

— Я вам верю, — сказал Кориоул. — Это ведь не настоящий Нью-Йорк, а так, подделка на потребу публике.

— Но как туда попала Эйфелева башня? — спросил я. — Ведь она в Париже.

— Осторожней в выражениях. Кощунственно подвергать сомнению алхимическую версию Рая.

— Собственно говоря, — заметил я, зачарованно всматриваясь в улицы Рая, — мне непонятно, почему они вообще выбрали Нью-Йорк. С точки зрения истории, это совсем молодой город. И к тому же триста лет назад, когда у вас произошло восстание, он еще не назывался Нью-Йорком.

— О, раньше нашим раем был Лондон, — объяснил Кориоул, — но после некоторых перестановок в духовенстве лучшие люди после смерти стали отправляться в Нью-Йорк. Новую жизнь в Раю обретают только жрецы. Я вам об этом говорил?

Реинкарнация — краеугольный камень этой религии. Она обязывает каждого вести добродетельную жизнь, чтобы в другой раз родиться уже жрецом. А умерший жрец уже через мгновение оказывается на Пятой авеню в золотой колеснице, запряженной драконами. Это — факт!

Я пристально посмотрел на него, пытаясь понять, не было ли это все очередной его ужасной шуткой.

— Вы хотели бы это увидеть? — спросил он, потянувшись к экрану.

— Нет, нет, не думаю, что способен это вынести, — поспешно ответил я.

— Ну что ж, — сказал Кориоул и замолчал. Усмешка исчезла с его лица. — Это забавно, когда смотришь на это со стороны. Но весьма трагично, если принять во внимание, сколько поколений жило и

умерло в рабстве, не имея никакой другой радости, кроме обещаний попасть в Рай за хорошее поведение. Конечно, это надежное средство держать народ в подчинении. Хотя в одном алхимики, возможно, правы. Земля не так сильно отклонилась от правильного пути, как мы, и ваше развитие, вероятно, в конце концов окажется лучшим.

— Сомневаюсь в этом, — сказал я. — Уже индустриальный век был достаточно плох, но атомный, из которого я прибыл, выглядит еще более мрачно.

Тут я вспомнил кое о чем.

— А как у вас в Малеско насчет индустриализации? — спросил я. — У вас механистическая цивилизация, но люди воспринимают некоторые технические достижения слишком уж серьезно. Та проекция Лорны на облаке, например...

— Вы знаете, как это делается? — Кориоул внезапно подался вперед, его бледно-голубые глаза засияли. — Вы знаете?

— Я знаю один способ. Возможны другие.

— Так это не было чудом?

Я хмыкнул. Веснушчатое лицо Кориоула расплылось в улыбке.

— Вы нужны нам, кузен, — сказал он. — Жрецы берут под контроль все технические новинки с момента их появления и объявляют их чудесами. Всякая вещь, которую человек не в состоянии сделать голыми руками или с помощью орудий, изготовленных самостоятельно из природных материалов, классифицируется ими как чудо.

Если вы нажимаете на кнопку и звенит спрятанный колокольчик — это чудо. Этот экран, на который из воздуха приносятся картинки, — тоже чудо. Никому, кроме жрецов, не позволено интересоваться, как все это работает. Вы понимаете?

Я попытался представить себе картину жизни Нью-Йорка, приводимую в движение чудесной подземкой, чудесным такси, чудесной электроэнергией, и не смог.

— И народ примирился с этим? — недоверчиво спросил я.

Кориоул пожал плечами.

— Люди со многим мирятся, — сказал он. — Время от времени они устраивают революции, и трон переходит в другие руки, но это никогда не подры-

вало основы — власти жрецов. То восстание, которое произошло триста лет назад, ближе всех подошло к этому, но вы уже знаете, что из этого получилось.

Народ слишком долго дурачили, чтобы он смог одолеть духовенство. Хотя с прошлым поколением произошло нечто, заставившее Иерарха поволноваться...

Он замолчал и лукаво посмотрел на меня.

— Что случилось?

— В Малеско появился мой отец, — сказал Кориоул. — Он, вероятно, был великим человеком, этот Джиммертон. Жаль, что я не узнал его получше.

Я молча смотрел на него и думал, как он рыжеволосым мальчуганом рос в Малеско, пока я рос в Колорадо, как мы оба изучали язык и обычаи Малеско, как бережно мы храним память о Джиме Бартоне, который так внезапно исчез и из его, и из моей жизни.

— Продолжайте, — попросил я. — Что же тогда произошло?

— Он появился во время одной из равноденственных Церемоний; шагнул через Земные Врата прямо в Храм, когда Иерарх славословил Нью-Йорк. Эмоциональный накал был так велик, что все были готовы принять Джиммертона за божество из другого мира. Имей Иерарх хоть каплю рассудка, он бы все так и обставил. Но он начал кричать о рыжеволосых дьяволах, и жрецы уволокли Джиммертона в тюрьму.

Я хотел бы перенестись в те дни, — сокрушенно продолжал Кориоул. — Жаль, что тогда не нашлось человека, который смог бы правильно воспользоваться представившейся возможностью. Народ был доведен до отчаяния. Если бы нашелся руководитель, то все поднялись бы, как один, на борьбу с духовенством. Но этого не случилось.

Однако среди тюремной охраны нашлись люди, которые не побоялись последствий того, на что они решились. Одним из них был мой дед. Такой же отчаянной была и моя мать. Они тайно переправили Джиммертона в один поселок у Восточного залива. Позднее люди совершали туда паломничество. О, это были великие дни!

Жрецам не удалось сохранить известие о побеге в тайне. Они не смогли поймать Джиммертона, хотя пытались сделать это в течение десяти лет. Поселив-

шись в горах, он начал собирать войско для решительного наступления на жрецов. Рассказывают, что Джиммертон месяцами не ночевал дважды в одном месте.

Моя мать скиталась вместе с ним и помогала ему во всем. Я родился в рыбачьей лодке на Гонви, на расстоянии выстрела от бивачных костров алхимиков. Это было в самый разгар их кампании против революционеров.

Кориоул замолчал, и его задумчивое лицо потемнело, совсем как у дядюшки Джима, когда тот размышлял о вещах, которые я и представить себе не мог. Теперь-то я кое-что узнал об этом. Выходит, все мои буйные фантазии о герое-землянине, сражающемся с врагом в неравной схватке, были не так уж далеки от истины.

Я просто представлял все несколько иначе. Подобные вещи происходят именно так, как о них рассказывал Кориоул. Конечно, в воображении перед нами предстает доблестный герой с потрясающей мускулатурой, занесший шестифутовый меч над головой непобедимого доселе противника, пока на заднем плане красиво дрожит от страха героиня, вдохновляя его на сверхчеловеческие подвиги... Это все отдает липой.

И людям с такой совершенно не романтической внешностью, какая была у Джима Бартона, в отчаянных ситуациях все же приходится играть героические роли. Я был рад, что героиней оказалась смелая и умная женщина, которая не тратила времени попусту, трусливо дрожа в каком-нибудь углу. И еще я подумал о том, что дядюшка Джим вряд ли находил большое удовольствие, разыгрывая из себя псевдогероя.

Наше время изобилует примерами, когда люди ведут партизанскую войну с обстоятельствами, не принимая при этом мелодраматических поз. Я не мог представить себе, чтобы дядюшка Джим оказался позером.

— А что было дальше? — снова спросил я.

— О, Джиммертон, конечно, потерпел поражение, — со вздохом сказал Кориоул. — Вы хотели услышать другое? Однажды они его настигли. Я был уже достаточно взрослым и все помню. Они с матерью отдыхали в горной деревушке после долгой кампании.

Как-то раз в полдень я дремал у родника за домом. Я и в самом деле очень хорошо это помню...

Кориоул снова вздохнул.

— Просто произошло одно из этих чудес, — с горечью сказал он. — Вся деревушка... А впрочем, нет смысла вдаваться в подробности. Настоящее чудо заключается, наверное, в том, что мы оба — Джиммертон и я — остались живы. Но он никогда больше не слышал обо мне. Я сильно обгорел и был заживо погребен под лавиной, сошедшей в результате взрыва. Через три дня меня откопал один старый пастух и вернул к жизни. Когда я смог задавать вопросы, выяснилось, что Джиммертон вернулся в Рай. А вы не знаете, что на самом деле произошло?

Я покачал головой.

— Он никогда не рассказывал об этом. У него я научился языку Малеско, узнал немного об этом городе и его жителях — совсем немного. Джиммертон долгое время проболел, возможно, это было последствием... чуда.

— Очень возможно. Моя мать погибла, и он, конечно, решил, что меня тоже нет в живых. После этого он, вероятно, махнул на все рукой. Если бы он вернулся...

Кориоул помолчал некоторое время, потом вдруг задумчиво сказал:

— Ну что ж, может быть, я завершу дело, которое он начал. Возможно, вы и я — мы вместе сумеем это сделать. Что вы на это скажете, Бартон?

Я бестолково заморгал:

— То есть как?

Он сделал нетерпеливый жест, его бесцветные глаза были холодны и решительны.

— Вы знаете многое из того, что нам необходимо знать. Вы тоже из Рая, как и Клиа, но вы не кукла, не марионетка, как она. Вы могли бы научить нас...

— Я актер, Кориоул, — твердо сказал я, — просто актер, только и всего. Я не знаю, как сделать ускоритель элементарных частиц из старого корыта и зажигалки. Я ничему не могу вас научить.

— Но ведь вы умеете считать? — с оттенком отчаяния в голосе спросил он. — Вы ведь знаете арабские цифры, которые начинаются с нуля, не так ли?

Я молча кивнул, внимательно глядя на него.

— А я не знаю, — сказал он. — Я не умею. Нам не разрешают пользоваться арабскими цифрами. Единственное, что у нас есть, — это римские цифры, но такая неуклюжая система счета позволяет решать лишь самые простые задачи. Вы понимаете, о чем я говорю?

Я понимал, хотя довольно смутно, и кивнул, вспоминая, что читал об изобретении нуля и о тех математических открытиях, к которым оно привело. Умножение и деление с римскими цифрами было очень нелегким делом. Используя арабские цифры, любой человек с улицы мог освоить такие арифметические премудрости, которые были доступны лишь немногим римским ученым, — и с той же затратой труда.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал я, — и хотя не очень разбираюсь в современной технике, но все же знаю, как тесно связано развитие, например, физики с математикой. Я понимаю ваши трудности. Эти алхимики — весьма ловкие ребята.

— Я создал крепкую организацию, — продолжал Кориоул все с тем же холодным пылом, который почему-то вызывал у меня неприязнь. — Расклад таков. Я не буду вдаваться в подробности, но я вошел в контакт со многими сподвижниками Джиммертона, и мы учли многие его ошибки. Например, мы поняли, что должны ударить в самое сердце духовенства — захватить Иерарха. Невозможно их одолеть, если начинать с периферии, как это пришлось делать Джиммертону. На всех ключевых постах я расставил своих людей, таких, как, например, Фалви. Ведь он — одна из крупнейших фигур в Алхимии.

Я с некоторым сомнением кивнул головой, так как считал, что на этого типа полагаться нельзя. Но мне ли было говорить об этом.

— Народ с нами, — продолжал Кориоул, и от его холодного пыла каждое слово, казалось, хрустело. — Появление Клиа оказалось для нас помехой. Некоторое время мы надеялись, что сможем использовать ее в своих целях, но жрецы опередили нас, эти хитрецы никогда своего не упустят Они хорошо усвоили уроки, преподанные им Джиммертоном.

— А что произошло с Лорной — Клиа? — спросил я.

— Сейчас покажу, — сказал Кориоул, потянувшись к позолоченному переключателю под экраном.

ГЛАВА 9

Вновь перед нами засветилась золотая буква «А». Торжественным речитативом зазвучал архаичный язык Малеско. Через мгновение экран затуманился, и заиграла, все усиливаясь, величественная музыка.

Музыка стихла, и ее сменил отдающий эхом гул голосов. Мы увидели огромный зал с высоким помостом в дальнем конце, наполненный народом. Верхняя часть стен и весь потолок были окутаны клубами дыма, который собравшиеся, несомненно, воспринимали как небольшое чудо, хотя было очевидно, что он время от времени выбрасывается спрятанными от взглядов трубами — можно было заметить завихрения дыма там, откуда он поступал.

Это придавало Храму потрясающую таинственность. Сквозь изменчивую пелену проглядывали изображения на стенах, разноцветные и позолоченные: стилизованные львы — красные, зеленые, желтые; черные и красные орлы, золотые саламандры и все планеты со светящимися надписями.

У меня были кое-какие туманные воспоминания об алхимической символике, и я понял, что эти фигуры представляют именно ее. Но для народа они, очевидно, являлись таинственными знаками секретов духовенства. Взоры собравшихся были обращены на помост.

За этим возвышением находилось большое круглое окно с видом на город; хорошо была видна огромная сфера, окруженная огненно красными фонтанами, а дальше за ней — крыши и улицы. Это был тот самый вид Малеско, который впервые предстал моим глазам в дрожащем воздухе дядюшкиной квартиры. Я наблюдал за происходящим с огромным интересом.

— Это часть обычной Церемонии Равноденствия, — заметил Кориоул, потянувшись за очередным яйцом. — Они дают народу мельком взглянуть на Рай и читают лекцию о том, как туда попасть. Только в тот раз не все получилось так гладко. Смотрите.

Торжественно гудели огромные, свернутые спиралями трубы. Жрецы в сверкающих одеждах исполняли перед окном некий ритуальный танец, широко размахивая руками, как вдруг вид за стеклом начал туманиться. Затем облако, появившееся за окном,

затрепетало и внезапно раскрылось, подобно кошачьему зрачку. Перед зрителями возникла картина Рая.

Это был настоящий Нью-Йорк, без Эйфелевой башни и пирамиды Хеопса. Камера как будто наплывала на Пятую авеню со значительной высоты. Над Манхэттеном стоял туманный вечер, эффектно подрагивали и мигали огни города.

Вдали за Центральным парком в тумане плавала усыпанная алмазами огней вершина многоквартирного дома, основание которого утопало в черных силуэтах деревьев. Под впечатлением от этого зрелища я почувствовал тоску по дому. Можно было себе представить, что думает о Рае человек, который не знает Нью-Йорка.

Городские улицы стали быстро удаляться. Огоньки автомашин оставляли в тумане яркие золотые полосы, — это попавшие в Рай жрецы вели огненных драконов по Пятой авеню. Я наконец понял значение этих слов.

— Это, знаете ли, — пояснил Кориоул, хрустя голубой яичной скорлупой, — всего лишь видение. Они думали, что это совершенно безопасно. Они не знали о трещине, сквозь которую прошел Джиммертон. Теперь смотрите — они наткнутся на нее через минуту. Вот! Видите?

Нью-Йорк на экране головокружительно закачался. На это страшно было смотреть. Люди, собравшиеся в Храме, пронзительно закричали и, казалось, тоже закачались. Рев труб превратился в дикую какофонию.

А Пятая авеню вдруг взмыла в небо и перевернулась, и теперь жрецы в Раю спокойно вели своих драконов по небесному своду. Затем город расплылся, словно его размыло дождем, и тут я с ужасом услышал голос Лорны, очень тонкий и слабый:

— Эдди, посмотри на меня! Эдди!

Откуда-то издалека я услышал свое собственное ворчанье, и это был потрясающий момент déjà vu. На экране закружились какие-то тени. Это был, вероятно, мимолетный взгляд на мою квартиру, а для меня — на мое прошлое, хотя из-за быстроты все показалось незначительным.

Из кружащихся теней вырвался крик, поначалу слабый и далекий, а затем превратившийся в вопль сирены. Я уже слышал этот вопль, когда Лорна

исчезла из моей квартиры, провалившись в брешь между мирами.

Тени заметались, на экране появилось искаженное ужасом лицо Лорны, которое медленно кружилось, пока растрепанные локоны не скрыли его. Потом раздался высокий вибрирующий звук, от которого заболели уши. И тут Лорна, вырвавшись из хаоса на экране, вдруг растянулась на помосте лицом вниз, ее волосы раскинулись веером по позолоченному настилу.

— Смотрите! — быстро сказал Кориоул. — Смотрите — сейчас все погаснет на мгновение. Вот — видите? Здесь жрецы вырезали немного пленки. Знаете почему? Не догадываетесь? Потому что все собравшиеся, все мужчины и женщины, увидев распластанную фигуру, выдохнули одно слово: «Джиммертон!»

Он вздохнул.

— Жаль, что жрецы не арестовали ее и не попытались как-нибудь избавиться от нее. Тогда нам было бы проще. Но Иерарх оказался слишком находчивым. Вот тот мужчина в золотых одеждах — это Иерарх. Смотрите.

Широкая, приземистая фигура, напоминающая монаха Тука или Санта-Клауса без бороды, вышла вперед и склонилась над Лорной. Затем Иерарх повернулся к народу и поднял обе руки. Мне показалось, что в усиливающемся ропоте толпы появились угрожающие нотки. Однако шум стих: все ждали, что скажет Иерарх.

— Ангел сошел к нам из Рая, — с важностью провозгласил он. Голос звучал так громко, что это наводило на мысль о микрофоне, спрятанном где-то на груди.

Лорна неподвижно лежала на помосте. Она, вероятно, ударилась головой при падении, так как это было совсем не похоже на нее — оставаться спокойной более пятнадцати минут подряд, особенно если ей представляется возможность единственный раз в жизни привлечь к себе внимание толпы.

— Потрясение от появления в нашем беспокойном и грешном мире, — елейно продолжал Иерарх, — оказалось слишком велико для утонченных чувств этой небожительницы. Мы должны молиться, чтобы

она благополучно перенесла грубый прием нашего мира...

Экран опять померк. Кориоул хрустнул яичной скорлупой и сказал:

— Тут еще кое-что вырезано. Собравшиеся в Храме начали роптать. Они помнили, что случилось с Джиммертоном. Вероятно, у Иерарха и на этот раз было нечто подобное на уме, но, услышав этот ропот, он пошел на попятную, не рискуя спровоцировать еще одно восстание. А теперь — смотрите.

Почти без паузы Иерарх продолжал:

— Кубом Великого Алхимика, — торжественно заявил он, — я клянусь, что об этом ангеле мы всячески позаботимся. Посмотрите, она зашевелилась.

Он сделал шаг назад, и я увидел, что Лорна слегка дернулась.

— Мы подготовим ее для временного пребывания в нашем убогом мире и во всем будем следовать ее приказам, — продолжал он. — Вы будете собраны снова, когда она сможет лицезреть вас. А теперь, мой правоверный народ, давайте вознесем благодарственную песнь за это посещение небожительницы.

Затрубили трубы, и люди, не без колебаний, запели.

— Ну, этого достаточно, — Кориоул вытер пальцы и выключил экран. — А теперь я покажу вам кое-что действительно интересное. Посмотрите вот это.

Он встал на колени перед экраном и пошарил рукой под панелью с переключателями, от напряжения даже скосив немного глаза. Раздался легкий скрежет металла, Кориоул ахнул и аккуратно снял панель управления. От нее тянулись провода к какому-то сложному устройству в стене. Кориоул положил панель на стол и начал осторожно скручивать оголенные медные провода. Я слегка поежился.

— Это нужно делать осторожно, — веско заметил Кориоул. — Если дотронуться до некоторых контактов, то невидимый огонь может спалить вас до костей. Но Фалви показал мне, как это делается, — совсем не сложно. Теперь нужно соединить эти провода с теми — вот так, и все готово. Превосходно. Сейчас вы кое-что увидите.

Оставив панель лежать на столе, Кориоул покрутил ручку, и экран мгновенно вспыхнул, на этот раз

без золотой буквы «А», без музыки и без монотонных песнопений. Это выглядело совсем по-деловому.

— Это — тайна, известная только духовенству, — сказал мне Кориоул. — Обычные говорящие экраны показывают только те картины, что отобраны духовенством. Но если вы знаете этот секрет, то можете с помощью тех же экранов заглянуть куда угодно и подслушать любой разговор в этом Храме. Это же чудо, — криво усмехнулся он. — Что вы хотите увидеть?

— Ту машину, — незамедлительно ответил я, — что открывает ворота между мирами.

Я рассчитывал с ее помощью в ближайшее время возвратиться домой, хотя, казалось, не имело смысла обсуждать это именно сейчас. И все же было бы полезно знать немного больше об этом жизненно важном звене в моих планах.

— Как же она все-таки работает? — спросил я.

Кориоул удрученно посмотрел на меня бесцветными глазами.

— Я даже не знаю, почему огни горят ночью, — сказал он угрюмо.

— И все же давайте посмотрим на эту машину. Можете вы показать мне ее в действии? Из-за кулис, конечно.

— Думаю, что да. В силу ряда причин они недавно создали картотеку, и на днях я случайно наткнулся на нее. Между прочим, там записана ваша знакомая.

Он осклабился и стал крутить переключатели.

На экране без фанфар появилась знакомая комната. Некоторое время изображение было размытым, но скоро приобрело четкость, и я стал свидетелем неожиданной сцены в комнате, которую покинул совсем недавно.

Все было знакомо: панели с приборами, которые мне ни о чем не говорили, занавеска в углу, за которой я прятался от Фалви, плоское лицо машины, казавшееся невыразительным на экране.

В маленькой комнате было многолюдно. Иллюзия присутствия была настолько полной, что казалось, будто мы с Кориоулом подсматриваем в какое-то окно, которого я не заметил, когда находился в этой комнате.

Разглядывая полосатые шлемы и спины собравшихся вокруг машины, я спросил:

— Как это работает? Я имею в виду...

— Это хорошо налаженная система соглядатайства. Верхушка духовенства пользуется этим для слежки за рядовыми жрецами и их слугами. С помощью этой системы можно заглянуть почти во все помещения Храма, за исключением личных покоев Иерарха и некоторых секретных комнат. Время от времени они делают запись, если хотят изучить что-то подробно — как это, например. Смотрите.

Кориоул подался вперед: толпа вокруг машины пришла в движение, что-то должно было произойти. Затем жрецы расступились, и по образовавшемуся проходу, как казалось, прямо на нас, шел некто, чье лицо было закрыто вуалью. Очевидно, скрытая камера находилась как раз над дверью.

Кориоул еще сильнее подался вперед, словно хотел заглянуть в каждый угол комнаты. Жрецы повернулись к вошедшему — ожидание и волнение было написано на лицах под полосатыми шлемами.

Вошедшая, а это была женщина, подняла руки и откинула с лица серебристую вуаль столь знакомым мне жестом. Я знал каждое движение ее рук, знал этот поворот головы... Но теперь все выглядело несколько иначе. В каждой линии знакомой фигуры появилась отработанная грация, некая театральная самоуверенность, несвойственная так хорошо известному мне оригиналу.

— Клиа, — заметил Кориоул бесцветным голосом, — я думаю, вы знакомы?

Я уставился на экран. Мне хотелось получше рассмотреть лицо, повернутое ко мне вполоборота. Она взглянула на машину, и в этот миг я успел заметить, что ресницы стали значительно длиннее, нос — просто точеным, а губы — таких губ прежде у нее не было.

Да, это была Лорна, но не та, которую я знал. Вернее, это была Клиа с того облака, с глазами, как голубые чаши плавательного бассейна.

— Откуда вы знаете, что я с ней знаком? — поинтересовался я.

— Ей устроили тщательный допрос, как только представилась возможность, — заверил меня Кориоул, всматриваясь в лицо Лорны на экране. Не отводя глаз, он продолжал: — Это было непросто, но в итоге они сумели обучить ее языку. Фалви рассказал мне,

как это происходило. Жрецы отобрали те слова, которые она, казалось, понимала, и создали что-то вроде упрощенного языка Малеско, специально для нее. Они хотели знать, как она попала сюда и не следует ли ждать других гостей. Вот тогда они и получили ваш портрет. Подождите.

Он поднял руку, призывая к молчанию. Я опять наклонился вперед. Лорна на экране наконец разобралась, что за машина находится перед ней. Я думаю, что опьянение от восторженных взглядов окружающих, вероятно, затормозило ее и без того замедленные реакции. Но, поняв, чем является эта стена из приборов, Лорна отпрянула назад и отчетливо произнесла:

— О, нет! Выпустите меня отсюда!

— Что она сказала? — заинтересованно спросил Кориоул.

Я перевел. Он кивнул, продолжая наблюдать. Кориоул не отводил глаз от экрана с того момента, как на нем появилась эта грациозная фигура с закрытым серебристой вуалью лицом. Теперь вокруг Лорны возникла некоторая суматоха, в несколько голосов ее пытались успокоить и уговорить.

— Что происходит? — поинтересовался я.

— Подождите, — больше Кориоул ничего не сказал.

Я ждал. Мы просмотрели запись этой сцены до конца. Там было совсем немного. Лорна отчаянно возражала против машины, и в ее новом мелодичном голосе я отчетливо услышал знакомые хриплые нотки, появлявшиеся у нее в минуту раздражения.

Жрецы тщетно пытались ее успокоить. Это продолжалось минуты две, после чего Лорна развернулась, широко взмахнув одеждами, и величественно удалилась из комнаты, пройдя прямо под скрытой камерой, — мы получили возможность разглядеть получше ее преображенный лик.

«Да, она превратилась в Прекрасную принцессу», — мрачно подумал я. Насколько я могу убедиться при беглом взгляде на нее, все соответствовало этому образу. Небесно-голубые глаза, точеные черты лица, мелодичный голос, который, правда, слегка портили жесткие металлические нотки, когда Лорна была в гневе.

Итак, я помимо воли становился романтическим героем. Я ищу прекрасную героиню. Без нее я не могу возвратиться. И группа заговорщиков тут как тут. Я присоединяюсь к ним, свергаю правительство, освобождаю принцессу и с триумфом возвращаюсь домой.

Мне стало не по себе.

Лорна исчезла, и Кориоул вздохнул у погасшего экрана.

— Что там происходило? — спросил я. — Почему они пытались...

— Для разнообразия я предложил бы вам ответить на несколько вопросов, — перебил мой кузен. — Что вы знаете о Клиа? Какие у вас с ней отношения? Она, кажется, прошла сквозь Земные Врата из вашей квартиры. Она, случаем, не ваша жена?

— Боже сохрани, — сказал я.

Он слегка улыбнулся.

— Ну, хорошо. Я вас понимаю. Она, конечно, дура, в этом трудно ошибиться. Но жрецам удалось кое-что изменить в ней. Фалви сказал мне, что вообще-то она была женщиной самой заурядной внешности. Она прошла курс волшебных процедур и превратилась в красавицу. Прекрасная работа. Вы видели, как на нее смотрели те жрецы?

Фалви рассказывал, как тщательно они подбирали Лорне такую внешность, которая среднему человеку представляется идеальной. Фалви называет это «визуальной семантикой». Имя Клиа ей было дано потому, что... — Кориоул замолчал и усмехнулся. — Это лишний раз показывает, насколько они умны. Они просмотрели списки умерших за последнее время и нашли женщину, внешне походившую на этого нового ангела. Вот так из покойной был создан некий идеальный образ, достойный Рая.

Старательно распространялись слухи о том, что покойная Клиа вела настолько добродетельную жизнь, что попала в Рай, минуя ряд перевоплощений и даже обязательное для всех перевоплощение в жреца. Было также объявлено о скором возвращении преображенной Клиа из Рая, а история, которую она всем поведает, должна послужить источником вдохновения для всего остального народа.

Кориоул улыбался, но мне казалось, что он всматривается в экран, словно все еще пытается разглядеть прекрасные черты ангельского лица. Очевидно, «ви-

зуальная семантика» приносит духовенству неплохие дивиденды.

Многие жители Малеско почти влюблены в ангелоподобную Клиа, или в тот идеальный образ, который им подают под этим именем. От этой мысли я внутренне усмехнулся. Их следовало бы познакомить с настоящей Лорной, тогда бы они избавились от своих романтических иллюзий.

Кориоул повернул ручку переключателя, и на экране появилось нечеткое изображение больничной палаты. Затем ее сменила комната, заполненная размытыми, полупрозрачными фигурками детей, чьи голоса доходили до нас негромким, назойливым шепотком.

«Если духовенство следит за больницами и детскими садами, — подумал я, — то оно все же проявляет заботу о благополучии народа, хотя, похоже, весьма своекорыстную».

Прежде чем принять сторону Кориоула, следовало бы выслушать и его оппонентов. Кориоул, естественно, представил себя и своих сторонников в самом выгодном свете, а для врагов не пожалел черной краски. Если бы я сначала встретился с духовенством, то, несомненно, услышал бы совсем другую историю, с совершенно противоположными оценками.

Я вспомнил, что моя первая встреча со жрецом была весьма неприятной. Фалви, конечно, пытался прикончить меня исключительно по личным соображениям: он хотел таким образом скрыть свои незаконные манипуляции с машиной. А вот Дио показался мне довольно интересным.

— Вы знаете жреца по имени Дио? — спросил я.

— Да, знаю, — голос Кориоула прозвучал довольно жестко. — А в чем дело?

Тут я ему рассказал маленькую историю о преследовании по улицам. Выслушав ее до конца, Кориоул задумался и пожал плечами.

— Ну что ж, я надеюсь, Фалви сумеет с ним разобраться. Дио непредсказуем. Мы уже думали о привлечении его на нашу сторону. Но он действует только наверняка и никогда не станет испытывать судьбу, если успех не гарантирован. А в нас он не уверен.

И все же, я думаю, он понимает, что будущее за нами. Но Дио прежде всего — сам за себя. Я полагаю,

что он будет держать язык за зубами, но вы разумно поступили, уводя его в сторону. Вы именно тот человек, кузен, который нам нужен. Я рад, что вы присоединяетесь к нам.

— Вот как? Вам кажется, что все уже решено. Какие планы вы связываете со мной, Кориоул?

— Все зависит от того, как вы вступаете в наши ряды — добровольно или нет, — он холодно посмотрел на меня. Затем на его лице мелькнула неожиданная усмешка, и на мгновение он снова стал таким, каким я впервые его увидел, Кориоулом в штатском обличье, так сказать.

— Очень мило, — неприязненно произнес я. — А если я не вступлю в ваши ряды?

— Тогда я выдам вас Фалви, — сказал мой кузен, без видимого усилия принимая боевое обличье. — Я предлагаю вам присоединиться. Тогда мы отправим вас в горы, обучим политике и стратегии. Вы слишком ценны для нас, мой дорогой кузен. Мы не хотим вас потерять. Например...

В дверь резко постучали.

Мы молча переглянулись. Стук, прозвучавший очень громко в этой маленькой комнате, повторился. Кориоул выключил экран, затем осторожно встал и пошел к двери. По дороге он босой ногой наступил на яичную скорлупу, шепотом выругался, пару раз подпрыгнул и, хромая, подошел к двери.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, Фалви, — послышался взволнованный шепот. — Впусти меня. За мной гонятся!

Я увидел гримасу Кориоула. Фалви есть Фалви; впустить его — означало впустить сюда полицию! Стоя на одной ноге и потирая ступню другой, Кориоул тихо спросил:

— В чем дело?

— Я, кажется, убил Дио.

Кориоул вздохнул и приоткрыл дверь. В щели появился тонкий нос Фалви.

— Впусти меня, Кориоул!

— Подожди минуту, — спокойно сказал тот, — я занят. С чего ты решил, что убил Дио? Ты стрелял в него?

— Нет, я ударил его по голове. Говорю тебе, за мной гонятся! Впусти.

— Чем ты его ударил?

— Сандалией. Кориоул, если ты не впустишь...

— В таком случае, я сомневаюсь в его смерти. Ты не настолько силен. Да успокойся, наконец. Кто за тобой гонится?

— Я думаю, что стража, — Фалви понемногу успокаивался.

— Здесь так же безопасно, как и там, — сказал ему Кориоул с неприязнью. — Подожди, я выйду через минуту.

Он закрыл дверь на замок и повернулся ко мне. Затем его взгляд упал на разобранный экран. Прихрамывая, Кориоул подошел к нему и начал быстро приводить все в порядок.

— Его нужно успокоить, — сказал Кориоул. — Даю вам пятнадцать минут на размышление. Хорошо?

— И что я должен ответить?

— Ничего, — сказал мой кузен с заученной усмешкой. — Ни слова. Сидите здесь и не поднимайте шума. Когда я вернусь, мы подумаем, что делать дальше. Я запру дверь снаружи, так что вас не будут беспокоить.

Закончив возню с проводами, он установил панель на прежнее место, выпрямился и поправил на себе оранжевое полотенце.

— Не пытайтесь отсюда выбраться, — предупредил он. — Помните, за дверью — Фалви.

— Разбирайтесь сами, — сказал я.

Кориоул открыл дверь, впустив клубы ароматного пара, и небрежно бросил через конопатое плечо:

— Клиа — наш козырь. Посидите и подумайте, как ее привлечь на нашу сторону. Нам, знаете ли, придется поторопиться. Ангелы из Рая тоже могут превратиться в залежалый товар, если затянуть с этим делом. Иерарх планирует на днях отправить ее назад, в Нью-Йорк. — Кориоул шагнул в клубящийся туман.

— До скорого свидания, — сказал он и закрыл дверь. Щелкнул замок.

ГЛАВА 10

В голове у меня тоже что-то щелкнуло. Лорна на днях возвращается в Нью-Йорк. «Так, так, — подумал я, рассеянно глядя на погасший экран. — Зна-

чит, все мои усилия напрасны». Я понял, что происходило там, у машины, когда Лорна появилась перед жрецами, и старался вспомнить, о чем именно шел разговор. Лорна резко протестовала, а жрецы уговаривали ее. Зачем?

Я разделял отвращение Лорны к этой машине. Путешествие между мирами, похоже, неприятная процедура. Жрецы почему-то хотели добиться от Лорны добровольного согласия на нее. Они, вероятно, планировали большую публичную церемонию возвращения ангела в Рай. И если будет заметно, что Лорна не хочет возвращаться, то это может сильно испортить впечатление.

Но она все же возвращается. В таком случае, чего же я здесь жду? Мне надо добраться до Иерарха, уговорить его отправить меня вместе с ней, и все в порядке. Но так ли это просто?

Я почесал ухо и призадумался. Происходи все это в мелодраме, я бы кинулся очертя голову в приключения, которые мне уготовил мой кузен, ведь это сулило неограниченные возможности помахать шпагой, поездить на разгоряченных клячах и покричать во весь голос. Но я чувствовал, что не создан для подобных героических ролей.

Прежде всего, герой никогда не задумывается о собственной выгоде, собираясь свергнуть правительство. И откуда мне знать, что большинство жителей Малеско действительно хочет свержения правительства? Ведь я могу полагаться только на слова Кориоула.

Даже если бы я целиком доверился его словам, то все равно явно не дотягивал до героя. Рассказ Кориоула о дядюшке Джиме глубоко запал мне в душу. Я понял тогда, каковы настоящие герои, и убедился, что я не из той породы.

Прежде всего — нужно быть отчаянным. На эту роль скорее всего подойдет неудачник, человек, не сумевший приспособиться в обычной жизни. Но я не являюсь неудачником. Я молодой, подающий надежды актер шоу-бизнеса. В том мире у меня есть к чему возвратиться, если я смогу забрать с собой Лорну и снять с себя обвинения.

Я подумал о том карманнике на улице. Нормальный герой кинулся бы его защищать, не выясняя, в чем дело.

Нет, прежде чем соваться в малескианские дела, мне нужно все хорошенько обдумать и взвесить. Я решительно сказал себе: «Эдди, не надо романтизировать ситуацию. С дядюшкой Джимом произошла совсем другая история. Во-первых, он был прирожденным искателем приключений. Во-вторых, он знал, за что сражается: в Малеско у него были жена и сын. А для тебя все это — чужая игра».

Я налил себе чашку холодной бурды, которая недавно была горячим чаем, и, помешивая его, рассматривал, в какие узоры складывается осадок. В общем — гадал на кофейной гуще, пытаясь представить свое будущее.

Дверь щелкнула. Из клубов пара появилось озабоченное лицо Кориоула.

— Мне нужно пойти и выяснить, что произошло с Дио, — сказал он. — Может быть, этот дурак действительно его убил. Вы посидите здесь полчаса.

Это был не вопрос, но утверждение.

— Вы так думаете? — спросил я.

— О да. Я оставил человека присматривать за вами. В самом деле. Понимаю, что это звучит как блеф, но это далеко не так.

— На что вы рассчитываете, набросив мне петлю на шею? — спросил я.

— О, у меня большие планы, — бодро заверил он. — Вы поможете мне избавиться от Иерарха.

— Конечно, конечно, — сказал я. — Ведь это так просто.

— По моим расчетам, — заявил Кориоул, — это не так уж сложно. Нашим ребятам это не под силу, но вы-то из Рая. Вы смогли бы добраться до него. Мы уже и преемника ему нашли — одного из наших. Многие жрецы поддерживают нас. Если мы поторопимся, то Иерарх не сумеет нам помешать. Все будет в порядке. Вы нам поможете.

— Я думаю, что вы — сумасшедший, — сказал я. — Еще раз — нет.

— Конечно же, да. Выше голову. Все не так страшно, как вам кажется. Народ с нами. Посидите здесь и посмотрите приятные картинки. Я зайду за вами через полчаса. Помните, за дверью человек с револьвером, так что делайте, что вам говорят.

Вместо слова «револьвер» он произнес малескианское слово, имеющее другое значение, но было ясно, что имеется в виду.

— До свидания, — сказал я и повернулся к Кориоулу спиной. Он хихикнул и щелкнул дверью. Я сел и уставился на пустой экран.

Некоторое время спустя я поднялся и, присев на корточки перед экраном, пошарил рукой за панелью управления, как это делал Кориоул. Там оказались гладкие штифты крепления. Я покрутил один из них, и через минуту он свалился мне в ладонь.

Просунув кончики пальцев под панель, я потянул ее на себя, и она беззвучно подалась — я едва успел подхватить ее, чтобы не упала. Я положил панель на стол и присел рядом, чтобы получше рассмотреть ее, еще не вполне осознавая, зачем я все это делаю.

«Духовенству, вероятно, тоже есть что сказать, — подумал я. — И прежде чем предпринимать какие-либо шаги, необходимо выслушать и противоположную сторону». Не бывает такого спора, где вся правда — на одной стороне. Мне с детства привили мысль о том, что если какой-либо народ терпит власть тиранов, то в конце концов именно это правительство его и устраивает. А если и не весь народ, то большинство. И я сказал себе: «А теперь, Эдди, разберись-ка с этой штуковиной».

На самом деле все было не так уж сложно, даже без знания того секрета, который Фалви передал главарю заговорщиков. Поскольку я знаком с «чудом» электричества, то обращался с малескианским аналогом телевизора весьма осторожно.

Я не специалист, но все же получил начальные знания по радиомонтажу, когда начинал работать в полулюбительских труппах. Кроме того, я был немного знаком с земным вариантом телевидения. Малескианский аналог, как я скоро убедился, не настолько отличался, чтобы не понять, что к чему.

Кориоул, несомненно, не знал, что он делает, выполняя монтаж чисто механически, не понимая сути дела. Каналы телевидения занимают полосу частот в 6000 килогерц, а радио — 10 килогерц. Таков нормальный диапазон частот. В Нью-Йорке, то есть в Раю, верхние частоты этого диапазона можно принимать с помощью адаптеров.

В данном аппарате был установлен такой адаптер. Кориоул просто переставлял контакты. Я проделал то же самое и поменял частоты, однако преуспел больше Кориоула, ведь он пропустил целую полосу высоких частот.

Конечно, все очень просто, — правда, только на первый взгляд. Надо принять во внимание склад ума малескианца.

В Малеско — религиозное общество, на Земле же — механистическое. Мышление у малескианцев сформировано так, что они подчас выпускают в цепи рассуждений очень важные связующие звенья, потому что не знают, насколько эти последние действительно важны. Жители Малеско верят духовенству, как мы верим в технику.

Но было бы нелепо утверждать, что мы сами не грешим тем же. Многие ли земляне имеют целостное представление о реальном процессе? Многие ли способны себе представить и точно определить процесс изготовления буханки хлеба? Или объяснить, как работает кинескоп с его мозаичными световыми ячейками — это настоящее чудо телевидения?

Я включил экран, и он по-деловому быстро засветился, без этой вздорной буквы алхимиков и без музыкального сопровождения. Я понятия не имел, как найти то, что мне нужно, и, более того, не представлял, что, собственно, я хочу увидеть.

Я покрутил ручку наугад. На экране появились горы, кое-где усыпанные дрожащими огнями, — вероятно, это были селения. В ночном небе сверкал знакомый рисунок звезд, а где-то на краю небосвода виднелось зарево над городом. Не там ли я нахожусь? Может быть, в этом мире существует только один город? Интересно, Малеско — это город, страна или целый мир? Что-нибудь одно из этого или все сразу? Я не знал ничего.

Я снова повернул ручку, и изображение на экране резко сменилось — в объективе камеры оказалось горное селение. Передо мной предстала центральная улица маленького городка, засаженная деревьями, сквозь их листву пробивался свет фонарей.

Подобных улиц немало у меня на родине, правда, здесь не было видно припаркованных автомобилей, да и подростки в странной одежде толпились не возле аптеки, а, кажется, вокруг храма. Я заметил на

стенах красных и желтых львов, сверкающих саламандр.

Повернув переключатель еще раз, я посмотрел на встречу малескианских женщин средних лет; по-моему, они читали там стихи. Я посетил и театр, где шла постановка «Медеи», чем сначала я был немало поражен, но скоро вспомнил, что творчество Эврипида принадлежит к тому периоду истории, который у нас с малескианцами общий.

Значительно позже Руфус Агрикола вытеснил Клавдия, и два мира разделились. Интересно, что же в действительности произошло в момент раскола? Ведь во времена Калигулы никаких особых чудес не отмечено. Видимо, этот космический раскол высвободил огромное количество энергии.

Мне показалось, что в Малеско нет уголка, куда нельзя было бы заглянуть при помощи этого телеэкрана, разумеется, при соответствующей настройке. Сам себе я напоминал паука, который с помощью хитроумных приспособлений следит за всеми обитателями Малеско.

Ничто не обошли жрецы своим вниманием. Удивительно, что они до сих пор не схватили Кориоула, — разве что не захотели. Возможно ли это? Может быть, он не такая уж важная фигура, какой представляется? И не так уж опасен? Или алхимики достаточно мудры, чтобы выпустить лишний пар?

Еще минут десять я парил над Малеско, кружился над чуждым мне миром, над головами ничего не подозревающих людей, которых я никогда больше не увижу и не узнаю. Я переключил экран на Нью-Йорк — каким странным было это ощущение присутствия в двух местах одновременно. Я почувствовал прилив тоски по дому, когда, сидя в чужой комнате, в чужом мире, рассматривал знакомые улицы недалеко от своего дома.

Я решил получше изучить экран, который представлял мне картины Нью-Йорка, и тут-то совершил какую-то ошибку.

Экран внезапно озарился ослепительным голубым светом, который исходил из правого нижнего угла, словно солнце вспыхнуло в двух футах от моего лица.

Свет был так силен, что на него немыслимо было смотреть, но одновременно так удивительно притяга-

телен, что невозможно было отвести глаз. Я сидел как в параличе, лишь боль зигзагами бороздила мозг.

Когда свет погас, я закрыл ладонями глаза и сжал лоб, чтобы он не раскололся пополам. В глазах плавали оранжевые амебы. Боль стала утихать, и ко мне вернулся слух. Незнакомый голос настойчиво и все более сердито повторял один и тот же вопрос:

— Что вы здесь делаете? Назовите мне код, прежде чем я...

Сквозь слезы я посмотрел на экран и увидел небритое лицо под жреческим шлемом, маленькие раскосые глаза-буравчики, а на уровне груди, в волосатом кулаке — стеклянный цилиндр, размером с пинтовую молочную бутылку, испускающий переменчивый свет, как большой рассерженный светлячок.

Я хотел крикнуть: «Не стреляй!», но что-то подсказало мне, что голос мой дрогнет, так как я испуган и не смогу этого скрыть. Казалось невероятным, что человек, находящийся на другом конце телевизионного кабеля, выстрелит и убьет меня через трансляционную сеть, однако я только что убедился в его способности причинить мне зло. Так вполне можно даже и убить.

Я вытер глаза углом голубого полотенца и постарался принять высокомерный вид, насколько это было возможно сделать с заплаканными глазами. Я еще не знал, что скажу, но понимал, что надо говорить быстро. Этот жрец поймал меня на чем-то запретном, раз чувствует себя вправе наказать меня. Он может включить свою молочную бутылку на полную мощность, если я не заговорю первым — и быстро.

В подобных ситуациях Алан Квартермайн и Джон Картер всегда перехватывали инициативу. Я глубоко вдохнул, сказал себе, что я герой, и решительным голосом задиристо произнес:

— Брось это, ты, дурак!

Щетинистая челюсть жреца отвисла. Тут я опять подумал, что полотенце, как единственная деталь туалета, имеет свои преимущества. Если бы я был одет как крестьянин или как клерк, то этот фокус не прошел бы. Человека встречают по манерам, когда отсутствует его одежда.

Как знать, может, я и сойду за высокопоставленного жреца, занимающегося инспекторской проверкой. А поскольку я орудовал в сверхсекретном диапазоне

частот, известном только узкому кругу духовенства, то вполне мог оказаться весьма важной птицей.

Он не бросил свою молочную бутылку, но опустил ее и, растерянно глядя на меня, заморгал.

— Назовите код, — сказал он чуть вежливее. — Вам нечего делать в этом диапазоне частот.

Мысли вихрем пронеслись у меня в голове. Я наконец понял, что́ так долго искал в телевизионной сети правителей Малеско. Я бессознательно искал какое-нибудь оправдание для духовенства, — чтобы довериться жрецам. Кориоул, естественно, выставил их в невыгодном свете, ведь ему нужна моя помощь.

Я мог присоединиться к Кориоулу и, если повезет, скинуть Иерарха, неоднократно рискуя головой, чтобы в итоге получить право вместе с Лорной вернуться на Землю, где мирно продолжать свое дело. А можно было тихонько вернуться в храм, который я недавно покинул, и доложить обо всем Иерарху. Наверняка тот, лишь бы отделаться от меня, отправил бы нас с Лорной туда, откуда мы пришли.

Иерарх, вероятно, не читал Барроуза и Хаггарда и поэтому не знает, что Верховному Жрецу надлежит быть злым и жестоким и проводить все свое время, преследуя героя и героиню. Иерарх прежде всего деловой человек, направляющий работу огромной организации. Он не станет тратить на меня дополнительных усилий, а просто отошлет обратно в Нью-Йорк, раз уж собрался отправить туда Лорну, если, конечно, Кориоул не солгал.

И все же я колебался в нерешительности. Что-то подтачивало основание этого логического построения. Может быть, нравственное начало, которое проникло в меня из огромного количества прочитанных мелодрам? Или я действительно обязан чем-то помочь Кориоулу и народу Малеско?

Жрец с молочной бутылкой вывел меня из этого затруднения.

— Уже выслана группа, чтобы арестовать вас, — отрывисто сказал он, очевидно приняв решение, пока я спорил сам с собой. — Они придут через десять минут. Не пытайтесь скрыться, или я превращу вас в обугленную корку.

Поначалу я почувствовал облегчение. Ну что ж, как уж есть. Решение принято не мной. Однако после нескольких секунд раздумий я понял, что не могу

принять его безропотно. Я одержал верх над жрецом с помощью блефа, но это ненадежная власть, и я потеряю ее, если позволю полиции утащить меня в участок для дальнейшего разбирательства.

Я с досадой стукнул по экрану, отчего изображение жреца потеряло былую четкость.

— Дурак! — вызывающе бросил я. — Я из Нью-Йорка.

Я сложил из пальцев букву «А» и высокомерно усмехнулся, давая понять, что не верю в святость Рая.

— Подключи меня к Иерарху, — приказал я, пока он еще не оправился от напора моего цинизма, о чем свидетельствовал его приоткрытый рот. Жрец все не мог решить, что ему делать: уничтожить меня на месте за кощунство либо отвесить земной поклон гостю из высоких иерархических кругов, если не из самого Рая.

Мой фокус удался, хотя этот жрец оказался недостаточно самоуверен, чтобы подключить меня напрямую к покоям Иерарха, однако он уже достаточно пообщался со мной и, видимо, поэтому счел за благо соединить меня последовательно с пятью или шестью высшими чинами, каждый из которых выказывал по отношению ко мне то замешательство, то гнев.

Наконец на экране появилась необычайно раболепная физиономия, пробормотала несколько предостерегающих банальностей о той высокой аудиенции, которой я удостаиваюсь, и с доброй порцией покашливаний, прочищающих горло, передо мной появился сам Иерарх.

Вблизи он меньше напоминал Санта-Клауса, чем мне показалось прежде, скорее он был похож на Джаггернаута. Можно допустить большую оплошность, если примерять к незнакомому миру стереотипы знакомого. Я все еще находился под впечатлением от того успеха, в котором раздул такой колоссальный блеф на весьма хилом основании. А ведь это можно было объяснить только низким уровнем самосознания рядовых жрецов. Получается, что обыкновенный человек здесь просто тварь дрожащая. Дома я бы такого не провернул. Здесь никто даже всерьез не задумался, могу ли я подтвердить свои грандиозные притязания.

Итак, глядя этому толстяку прямо в глаза, я рассказал ему чистую правду. Я не раболепствовал. Зная, что при разговоре с сильными мира сего лучше

сначала дать высказаться первыми им, я все же решил, что в данном случае этот вежливый метод не самый лучший.

— Вы — Иерарх, не так ли? — с вызовом начал я. — Надеюсь, что нас не подслушивают, это конфиденциальный разговор.

Впрочем, я не очень стремился к сохранению нашего разговора в тайне. Это проблема Иерарха, но не моя.

— Я из Нью-Йорка, — сказал я. — Девушка по имени Клиа известна там как Лорна Максвелл. Я хочу сообщить вам нечто важное о вашей организации, но сделаю это при личной встрече. Я знаю, что послан отряд, чтобы меня арестовать. Будьте же благоразумны и проследите, чтобы они выполнили роль моего эскорта. Пока это все. Что вы на это скажете?

Иерарх оказался умным человеком: он не раскрыл рот от изумления, не заморгал, как другие, не стал пыжиться от возмущения. Он задумчиво смотрел на меня маленькими, заплывшими жиром глазками. Затем он надул щеки и сказал сочным, довольно низким голосом:

— Очень интересно. В самом деле, очень интересно. Я отдам нужные распоряжения.

Он опустил подбородок в складки шеи, которых у него оказалось три; его взгляд стал бесстрастным. Я понятия не имел, о чем он думает. Да, это был замечательный персонаж. Он был довольно полным, но не страдал ожирением. Полнота здорового, энергичного человека не кажется неприятной. А он был энергичен и напоминал мне бульдозер.

В нем явно было что-то от бульдозера. Мне представилось, что если он встретится с препятствием, то остановится, сдаст назад, а потом мощно двинет вперед, и так — снова и снова, пока не снесет препятствие, не сровняет с землей.

Провести его будет непросто. Я не был даже уверен, что сумел произвести на него впечатление. Боюсь, эти маленькие задумчивые глазки разглядели весь хаос в моей голове. Так ли это? В тот момент я почувствовал, как самоуверенность покидает меня, и это лишний раз доказывало, что Иерарх опасен. Я глубоко вздохнул, напомнил себе о Джоне Картере и Алане Квартермайне и начал поспешно соображать.

— Послушайте, — сказал я по-прежнему громко и уверенно. — По ряду причин мне надо добраться до вас без шума, я хочу выйти отсюда незамеченным. Скажите своим людям, чтобы они тихонько постучали в дверь, а затем отошли и позволили мне выйти, не привлекая внимания. Здесь туман. Все это можно проделать, не поднимая суматохи. Вы поняли меня?

Иерарх молча кивнул, его глаза по-прежнему смотрели на меня без всякого выражения.

— Хорошо. Я пойду в раздевалку, оденусь и отправлюсь к Храму. Ваши люди могут идти за мной, но пусть они сохраняют дистанцию. У меня есть на то свои причины, но я изложу их вам лично.

Иерарх тщательно прочистил горло.

— Очень хорошо, — сказал он. — Ваши просьбы переданы. Все будет исполнено.

Его взгляд меня испугал. Впервые за время своего пребывания в Малеско я осознал, что это не игра, не мелодрама, читая которую я мог отпускать шутки, наталкиваясь на расхожие типажи. Этот Иерарх не подходил ни под одну известную мне классификацию. С ним шутки плохи. У него намного больше уверенности в себе, чем у меня, это и страшно.

Это все равно, что, играя в солдатики с четырехлетками, вдруг поднять голову и увидеть хмурого детину в полевой форме, который наводит на вас базуку. С появлением Иерарха игры кончились. Его невозможно дурачить долго. А может быть, мне и не удалось одурачить его вовсе.

ГЛАВА 11

Он выполнил свое обещание, а именно это мне и было нужно — мои приказы выполнялись точно. Я вернул телевизор к первоначальному его состоянию, поел красного винограда и значительно скорее, чем ожидал, услышал быстрый, легкий стук в дверь.

— Кто там? — тихо спросил я.

— По вашему приказу, сэр, — пробормотал незнакомый голос.

— Тогда откройте дверь, — сказал я, — я заперт.

Если это Кориоул, подумал я, то он этого не сделает. Но раздался скрип, затем щелчок, и дверь открылась, впустив клубы ароматного пара.

— Ждем ваших приказаний, сэр, — тихо сказал тот же голос.

— Хорошо. Слушайте.

Просунув голову в щель, я разглядел лицо мужчины, который почтительно смотрел на меня. Я шепотом сообщил ему:

— Возможно, кто-то поджидает меня в тумане, чтобы застрелить. Меня здесь держали под арестом. Соберите своих людей вокруг двери, чтобы они прикрыли меня, когда я буду выходить. В таком тумане меня никто не узнает. Держитесь поблизости, но не так, словно вы идете за мной. Проверьте, не следит ли за мной кто-нибудь. Я не хочу никому причинить вреда, мне нужно только выйти отсюда без неприятностей. Ясно?

— Да, сэр, — заверили меня.

Так я и выбрался из Божественных Бань.

Не спрашивайте меня, почему я так поступил. Я сам не знаю. Я мог устроить облаву на Кориоула и его банду, и их бы увели в наручниках. Но тогда мне хотелось одного — выбраться оттуда без лишних приключений.

Если бы Кориоул увидел, что я арестован, он бы, возможно, попытался освободить меня, а мне это было ни к чему. Я испытывал двойственное чувство к своему кузену и не хотел, чтобы именно тогда его убили или арестовали. Пусть все будет тихо и мирно, пока моя голова снова не начнет работать.

Так все и было на протяжении примерно двадцати минут.

Именно столько времени отняли у меня поиски раздевалки, облачение в костюм жреца и выход из Бани.

Проходя через огромную ротонду к центральному входу, я почувствовал себя совершенно другим человеком. В воздухе разносилась музыка, голоса, порхали конфетти и рекламный серпантин, плавал легкий туман. Народу, казалось, прибыло.

Малеско приближался к пику своего вечернего отдыха, и главное место развлечений находилось, кажется, под этим величественным куполом. Рекламный серпантин сыпался сверху целыми клубками. Тонкая

ленточка обвила мою шею, приглашая насладиться рогаликами в местной забегаловке.

Теперь я знал дорогу и уверенно прошел под сводами ротонды ко входной двери. Широкая лестница была заполнена людьми, идущими в обоих направлениях. Я спустился по ней, не оглядываясь. Я был уверен, что меня сопровождают, хотя и не заметил моих спутников, мельком оглянувшись. Кориоула я тоже не заметил, а Фалви и Дио — если Дио все еще жив — по счастью, не встретились мне по дороге.

Спустившись по лестнице, я повернул направо, в сторону Храма, что возвышался над крышами белым монолитом с цветными узорами в верхней части.

Мог ли я представить себе, что на полпути к Храму совершу поступок, который войдет в историю Малеско, изменив ее ход. Ни тогда, ни некоторое время спустя я об этом даже не подозревал.

Жаль, что я не могу назвать свой поступок подвигом. Хочется войти в историю, совершив что-нибудь действительно впечатляющее, — например, разогнать при помощи верного меча толпу в пятьдесят человек или обезглавить дракона на углу проспекта Иерарха и Ювелирного переулка, где, собственно, все и произошло. Но ничего героического я не совершил.

Я просто щелкнул зажигалкой.

Это может сделать каждый. Многие проделывают это ежедневно, не попадая при этом в анналы мировой истории. Если бы не моя рассеянность, всего этого вообще не произошло бы.

Я был на полпути к Храму. Улицы были многолюдны, и никто, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания. Я понимал, что любое мое лишнее движение вызовет целый водоворот событий, поэтому ничего не предпринимал. Моя задача — добраться до Иерарха, а от него — в Нью-Йорк, и чем быстрее, тем лучше.

Вся трудность заключалась в том, чтобы сочинить для Иерарха складную историю, в духе моего предварительного заявления по телевидению. Но ничего не приходило в голову. Я решил лишь по возможности не выдавать Кориоула.

Однако если мои пальцы будут загонять в тиски, то я, вероятно, заговорю. Кориоул не проявил ко мне нежных чувств, и я не обязан ради него терпеть допрос с пристрастием. Я ему нужен только для дела,

которому теоретически симпатизирую. Поэтому я постараюсь защитить Кориоула, но, конечно, не ценой собственной жизни.

Я пытался срочно придумать какую-нибудь правдоподобную историю для Иерарха, холодея при мысли о том, как нелегко будет ему лгать, когда заметил невысокого лысого человека, пробивающегося ко мне через толпу.

Я чуть отступил в сторону, чтобы дать ему пройти, с интересом разглядывая одежду незнакомца — голубой плащ с отложным воротником из пластин полированного металла. Воротник был гладким, как зеркало, и оттого казалось, что у его хозяина две головы, соединенные подбородками. Приблизившись, незнакомец посмотрел на меня исподлобья, и под его взглядом я слегка вздрогнул.

Он задел меня плечом и быстро сунул мне в руку что-то твердое, гладкое и плоское. Лишь оцепенение помешало мне сразу раскрыть ладонь и начать рассматривать этот предмет при свете витрин.

Я был настолько поражен, что не заметил мелодраматичности ситуации, — прямо как у Фу Манчу. Это произошло, наверное, потому, что незнакомец был начисто лишен романтических черт. Дама под вуалью полнее бы отвечала ситуации, чем этот плешатик с глазами посреди груди.

Он скрылся в толпе раньше, чем я успел что-то сообразить. Я сжимал в кулаке плоскую вещицу; ее передача произошла так ловко, как если бы моя голова в тот миг работала с четкостью счетчика Гейгера. Все началось тогда, когда я попытался рассмотреть эту вещицу.

Не разжимая ладони, я автоматически сунул руку в карман плаща, решив изучить этот подарок позже, когда останусь без свидетелей.

Определить на ощупь я ничего не смог. Предмет оказался гладким, квадратным, размером с содовое печенье. Это могло быть все что угодно. Я обратил внимание на то, что большинство моих сравнений в Малеско вертится вокруг продуктов. Это, вероятно, происходило потому, что я там все время чувствовал голод.

Улицы, по которым я шел, были очень хорошо освещены. Считают, что уличное освещение является признаком прогресса цивилизации. Но я полагаю, что это — признак зарождающегося беззакония, которое

пытаются еще держать в узде. То же самое касается и нового градостроительства. Ведь на широких и прямых проспектах очень удобно вести залповый оружейный огонь и палить из пушек, что совершенно невозможно на старых кривых улочках.

Улицы освещались при помощи трубок, скрученных петлями и спиралями, которые светились, как неоновые, на фасадах зданий. Перекрестки не освещались вообще.

У нас же — все наоборот. Проезжая часть залита светом, а здания погружены в темноту. Я думаю, что это можно объяснить малочисленностью транспорта в Малеско. Это страна пешеходов, или, во всяком случае, она была таковой.

Мне не терпелось взглянуть на таинственный предмет, зажатый в моем кулаке. Я сошел с тротуара на проезжую часть. Кругом шли люди. Некоторые почтительно уступали мне дорогу, когда замечали мои одежды.

Я достал этот загадочный предмет из кармана и попытался рассмотреть в бледном свете неона. Я успел заметить, что это белая пластина. На ней позолоченным шрифтом нанесена какая-то надпись. Прочесть текст мне не удалось, ибо неуклюжий прохожий толкнул меня в спину и пластина выскочила у меня из рук.

Я не задумываясь бросился за ней, путаясь под ногами прохожих. Мне казалось, что я не привлекаю внимания окружающих, что хорошо показывает состояние моего рассудка на тот момент.

Белый квадрат легко проскакал по мостовой и скрылся из виду у противоположного тротуара. Я машинально сунул руку в карман и достал зажигалку, благо она оказалась на обычном месте. Я чиркнул колесиком зажигалки, вспыхнуло пламя, и я склонился над темным бордюрным камнем.

Она была там, моя бело-золотая загадка. Я потянулся к ней, задел пальцем — и она скользнула в темное отверстие под тротуаром. Раздался слабый всплеск. Пластиковое печенье скрылось за канализационной решеткой, отправилось в долгое путешествие по таинственному подземелью Малеско.

Вот так.

Я думаю, вы не удивитесь, узнав, что это было послание от Кориоула. Белый квадратик являлся малескианским эквивалентом блокнота для записей

многоразового использования. Но тогда мне показалось, что я потерял, как минимум, секрет бессмертия.

Не обращая внимания на прохожих, я так и присел на корточки у края тротуара с горящей зажигалкой в руке. Ее пламя, как меня уверяли позднее, навсегда останется на скрижалях истории Малеско. Первым его заметил мужчина средних лет с глупым лицом. Он почтительно дотронулся до моего плеча, и я рассеянно поднял глаза.

Моей шеи коснулась вечерняя прохлада, и я понял, что в погоне за посланием от Кориоула потерял головной убор. Прическа у меня была не такая, как у других жрецов. А кроме того, мой плащ распахнулся, обнаружив экзотические — для Малеско — брюки, ботинки и аргилиевые носки. Подошедший мужчина разглядывал все это с большим интересом.

— Простите, — сказал он. — Вы — жрец?

— Нет, — ответил я. — А что?

Я мог бы сказать «да», но мой наряд был явно нездешним, а в дискуссии вступать не хотелось. Я быстро огляделся — где мой эскорт? Может быть, решили, что все это — часть моего таинственного плана? Хотелось бы верить.

— Дело в том, — продолжал мужчина, — что я видел, как вы зажигаете огонь. С помощью машины! Эта маленькая вещица — машина? Вы не покажете мне, как она работает?

Не думая о последствиях, я выполнил его просьбу: открыл клапан зажигалки и поворотом колесика вызвал появление искры. Мужчина подвинулся поближе и взволнованно засопел, втягивая носом неприятный запах зажигалки.

— Волшебный сок! — воскликнул он. — Я узнал его! Точно так же пахнет около насосных станций. Как она работает? Пожалуйста, объясните мне, как она работает?

— Кремень дает искру... — начал я и тут же замолчал: из-за плеча мужчины кто-то выглядывал, по бокам появилось еще двое. Все они рассматривали зажигалку с неуместным волнением, когда я ее гасил и снова зажигал, иллюстрируя свою простую лекцию. Как они соскучились по реальному процессу, когда что-то происходит последовательно, одно за другим! Это приводило их в восторг.

В Нью-Йорке факир своими чудесами ни за что не соберет такую огромную толпу, какую удалось собрать мне с помощью зажигалки в Малеско на углу проспекта Иерарха и Ювелирного переулка. Здешним жителям простенький механизм показался настоящим чудом.

— Покажите мне, как она работает! — раздался справа настойчивый голос. — Это маленькое колесико поворачивается... Для чего? А что дальше? Почему оно поворачивается?

— Дайте посмотреть! — перебил другой голос. — Осторожно, я хочу...

— Это маленькое колесико поворачивается, — авторитетно объяснял кто-то рядом стоящим, — и делает искры. Потом загорается волшебный сок, и этот человек извлекает пламя прямо из руки.

— Это машина! — раздалось в быстро растущей толпе. — Машина! Этот человек знает, как заставить ее работать! Посмотрите, это так просто, маленькое колесико поворачивается и...

— Святотатство! — прошипел кто-то. — Измена! Выпустите меня отсюда!

Это заявление толпа встретила сердитым ропотом, однако в шуме голосов появилась нотка испуга. Гул нарастал: каждый пытался объяснить соседу, как работает моя зажигалка.

Я распрямился, захлопнул крышку зажигалки и опустил ее в карман.

— Ну, все, этого достаточно, — сказал я бодрым голосом романтического героя. — Отойдите, дайте мне пройти. Этого достаточно, я сказал!

Толпа робко расступилась. На протяжении многих поколений этот народ учили подчиняться, и рефлекс срабатывает, едва зазвучит властный голос. Однако возбуждение по-прежнему оставалось на лицах людей. Я осмотрелся в поисках эскорта, но никого не увидел: они четко выполняли приказ не попадаться на глаза.

ГЛАВА 12

Повторно приказав смиренной толпе дать мне дорогу, я тронулся в путь. Плащ распахнулся, открыв взглядам горожан мой наряд. Брюки и аргилиевые

носки, казалось, привлекали внимание всех, кто шел навстречу. Я понимал, что представляю собой весьма экзотическое зрелище; наверно, это было равносильно появлению на нью-йоркских улицах в парче и бархате.

Толпа оказалась бессильна перед обаянием моих носков и моим потрясающим знанием механики. Пробираясь сквозь ряды поклонников, я слышал благоговейный шепот о маленьком колесике, выбрасывающем искру. На этом бы эпизод и закончился — в девяти случаях из десяти. Но на десятый раз...

Я прошел около пятнадцати футов и оглянулся: они шли за мной робко, почтительно, но решительно, как домашние собачки, которые не хотят идти домой, сколько на них ни кричи.

Я действительно прикрикнул на них: махнул рукой и твердо приказал оставить меня в покое и разойтись по своим делам. Они смотрели на меня испуганно, но не расходились. Где в это время был мой эскорт? Возможно, стражники влились в очарованную толпу. А может быть, наблюдали со стороны. В любом случае они мне никак не помогли.

Довольно скоро я оставил эти попытки, — слишком уж напоминал себе человека, пытающегося загнать домой свою собаку. Что мне оставалось делать? Я повернулся и пошел — этакий крысолов со свирелью в аргилиевых носках. Шум голосов за моей спиной усиливался по мере того, как к толпе присоединялись любопытствующие. Рассказ о маленьком колесике не сходил с уст. Искры, которые оно породило, обрастали легендами с каждым шагом.

Дальше — хуже. Кто-то внятно произнес:

— Он ведет нас к Храму. Он всех нас научит высекать пламя из маленького колесика.

Почувствовав прилив злобы, я развернулся. Тот, кто произнес это, теперь молчал. Глаза моих последователей горели воодушевлением. Что я мог поделать? Окрики не подействовали. Опровержение тоже не поможет. Они с решительной радостью приняли желаемое за действительное, и их решимость росла с каждой минутой. Я не мог совладать с этим голодом человеческого рассудка, лишенного представления о процессе.

Внезапно во мне проснулась жалость и уважение к этим людям. Насколько я знал, в любой момент

могла налететь стража и всех арестовать. И все же они шли, загипнотизированные видом машины, которой я открыто пользовался на улице, где ее каждый мог увидеть и понять, как она работает.

Итак, наш путь продолжался. Слухи росли, они догнали и перегнали меня, они стали просто фантастическими. Оказывается, я собираюсь объяснить жителям Малеско, как делаются все чудеса в этом городе, а затем, свергнув Иерарха, буду сам распоряжаться тайнами алхимии.

Да нет же, я действую рука об руку с Иерархом и веду их всех на верную гибель.

Последний слух не произвел никакого эффекта, видимо, любопытство было сильнее страха, да и толпа значительно выросла. Массовость похода укрепляла мужество людей — всех ведь не накажут.

К тому времени, когда мы достигли площади перед Храмом, ропот моих последователей перерос в низкий, назойливый гул, хотя никто не кричал, даже не повышал голоса. Но шум сотен голосов, слитых воедино, был настойчиво громким и заставлял сердце биться чаще.

Из ворот Храма, изо всех окон на площадь глядели изумленные жрецы. Из окон домов, мимо которых мы проходили, выглядывали женщины и дети, на лицах которых я заметил выражение робкого торжества; из каждой двери выходили мужчины и присоединялись к нам.

Я не торопился пересечь эту огромную, залитую светом площадь, хотя и чувствовал себя важной персоной. Здравый смысл подсказывал мне, что ничего выдающегося я не совершил, но обожание толпы — вещь коварная. Мне навязчиво лезли в голову мысли о том, насколько я образованнее этих людей, как они восхищаются моей мудростью, а также, возможно, моими носками.

Я предполагаю, что немного даже заважничал. Не каждый может увлечь за собой тысячи людей, не за каждым они безропотно пойдут, как дети за крысоловом, загипнотизированные его умением высекать искры при помощи колесика. Далеко не каждый...

И тут я понял, что происходит. На секунду я остановился как вкопанный. Я — герой! Я веду за собой огромную толпу воодушевленных последователей, послушных любому моему приказу. Я наступаю

на крепость Верховного Жреца, который держит в плену прекрасную героиню.

Я собираюсь вызволить Лорну и заставить Иерарха отправить нас обратно на Землю. Это стало возможным благодаря моей ловкости и знаниям, благодаря моей доблести в обращении с кремнем и сталью. Боже мой, все так и получается.

— Посторонись, Квартермайн! — пробормотал я сам себе и быстрым шагом пересек площадь. Мне показалось, что я стал выше ростом. Я даже расставил локти, чтобы плащ развевался на ветру. Все прекрасно. Мне не хватало только длинного сверкающего меча.

Зажигалка, правда, оказалась более могущественным оружием, но ей недоставало романтики. Впрочем, всегда чего-нибудь не хватает. И все же я имел больше, чем мне могло представиться в самых необузданных фантазиях.

Я подошел к лестнице, ведущей в Храм. Едва я поставил ногу на нижнюю ступень, как от толпы отделился мужчина в серой тунике и плаще. Внезапно появился и второй, в такой же униформе, затем еще двое и еще. Всего шесть человек — целое отделение, по малескианским представлениям. Почему они решили снять шапки-невидимки именно в тот момент, я не понял.

— Где вы были? — спросил я у ближайшего стражника, вспомнив, что уже видел его лицо в Банях. — Что случилось?

— Ничего, сэр. Мы действовали согласно приказу. Мы сопровождали вас до Храма.

Я молча смотрел на него. Что толку в таком объяснении? Он мог бы заявить, например: «Я уяснил задачу и выполнил ее», — так оно и было. А вот если бы он разогнал толпу, когда она начала выходить из-под контроля, как и следовало поступить всякому разумному полицейскому...

Впрочем, в тот момент я был рад, что он этого не сделал. Ему, наверно, придется оправдываться перед Иерархом, но я был доволен. Я знал, что сказать Иерарху. Мои доводы получили подкрепление. Я возвращаюсь на Землю, и меня провожают как героя.

Не без ущерба для самолюбия должен признаться, что у самого входа я оглянулся и мысленно попрощался с моими верными сторонниками.

Их были тысячи. Ночью трудно определить точнее. Они заполнили бóльшую часть площади перед Храмом.

Они стояли твердо, непоколебимо, и задние ряды не редели, хотя из всех окон на них сурово глядели жрецы. В этот момент меня одолело тщеславие, я, должно быть, напоминал Муссолини, приветствующего толпу со своего балкона.

И тут я поймал взгляд знакомых глаз — мне ободряюще улыбался Кориоул. Рядом с ним сверкал лысиной человек, передавший мне послание, с которого и началось это массовое движение. Удар по самомнению был тяжелым. Я понял, что стояло за этой демонстрацией.

Я ошибался, полагая, что события развиваются стихийно, что люди пошли за мной, воодушевленные лишь светом моей мудрости. Тут явно чувствовалась рука Кориоула — специалиста, умеющего обращаться с толпой.

И мне показалось тогда, что среди собравшихся немало людей со спокойными взглядами — мужчин и женщин, которые помогли раздуть зажженное мной пламя. Я решил, что это — люди Кориоула. Но на большинство людей непривычное возбуждение толпы действовало опьяняюще.

Итак, Кориоул перехитрил меня. С моей помощью он пробудил от спячки чернь, воспользовавшись маленьким недоразумением с зажигалкой. И то, что происходит теперь перед Храмом, очевидно, дело его рук.

Или — моих?

Кориоул пристально смотрел мне в глаза. Его улыбка исчезла. Как я мог сообщить ему, что собираюсь делать? Я кивнул ему и отвернулся. Стража плотно сомкнулась вокруг меня. Ворота открылись, за ними суетились жрецы.

В этот момент меня остановил голос Кориоула, слабый и тонкий в огромном пространстве площади, заполненной гудящей толпой. Он выкрикнул только одно слово, но оно всколыхнуло толпу. Это было самое опасное слово, которое только мог произнести человек на улицах Малеско.

— Джиммертон! — крикнул Кориоул. — Джиммертон!

Это имя, как эхо, прокатилось по толпе. Сначала — неразборчивым бормотанием, затем более внятно, пока наконец не превратилось в настоящий рев:

— Джиммертон, Джиммертон, Джиммертон!

Это слово заполнило собой всю площадь, оно отражалось от стен Храма. Толпа пришла в движение. Казалось, люди пытались этим именем выразить все свои чаяния.

— Джиммертон, Джиммертон!

Я заметил, как Кориоул толкнул своего лысого соседа локтем, и тот, выбравшись из толпы, проворно заспешил вверх по лестнице. Затем он повернулся лицом к собравшимся и взмахнул руками. Все люди на площади знали, какой смысл заложен в этом многократно повторенном имени. Но плешивый решил это конкретизировать.

— Не дайте этому повториться, люди! — пронзительно закричал он. — Вспомните Джиммертона! Если Иерарх заберет этого человека, то мы больше никогда его не увидим. — Голос его был слаб и ломался на высоких нотах. На шее у него вылезли жилы, но громче кричать он не мог. Мне кажется, его слова все равно дошли до каждого из собравшихся на площади.

Их подхватили стоявшие в первых рядах и разнесли по всей толпе с соответствующими добавлениями и обработкой, — если я правильно представляю себе эту толпу. Хотя, возможно, все делалось главным образом людьми Кориоула — распространителями самых нелепых слухов обо мне.

— Не дайте этому повториться! — пискляво, но храбро кричал мой горе-благодетель. — Не позволяйте им! Вспомните Джиммертона! Вспомните!

Ответный рев заглушил его голос. Они были пугающе единодушны по вопросу моего будущего: Иерарх не должен заполучить меня.

Меня это не устраивало. Я был тронут этим проявлением мужества перед самыми стенами Храма, хотя за последние несколько минут приобрел способность снова рассуждать здраво и понимал, что забота эта была направлена не на меня лично. Я сейчас был символом, а не человеком, я был функцией, процессом. Я был всей той зрелостью и взрослостью, которых они были лишены примерно две тысячи лет.

То есть они думали, что я таков.

Но мне это бремя было не по силам. Это воодушевление в ночи выглядело чудесно, но к чему оно могло привести? Чем я мог им помочь? Ничем. Если

Кориоул думал, что спасает меня от врагов, то он ошибался.

Стоя на вершине лестницы, я театрально поднял обе руки вверх. Возбужденная толпа колыхалась, и тишина понемногу охватывала ряд за рядом. Плешивый повернулся ко мне и в ожидании приоткрыл рот. Я прочистил горло. Мой голос обычно неплохо звучит в театре, но в огромном пространстве площади показался слабым и невыразительным.

— Дайте мне войти, — крикнул я. — Я должен поговорить с Иерархом. У меня есть план. Дайте мне войти, но ждите.

Кориоул, до того глядевший на меня с напряженным вниманием, вдруг вскочил на нижнюю ступень лестницы и закричал что было сил:

— Да, пусть он идет — и ждите! Он исполнит свой долг. Он будет говорить за всех нас. Но вспомните Джиммертона! Надо дождаться его возвращения! Всем вместе! Так вспомним же Джиммертона и подождем!

— Ждите! — толпа ревела так, что под нами дрожала лестница. — Ждите! Вспомните о Джиммертоне!

Я снова поднял руки.

— Дайте мне час, — сказал я. — Я вернусь к вам через час. Вы подождете?

Ответ толпы был подобен реву летней бури. Они будут ждать. Напоследок упоминание о Джиммертоне еще раз сотрясло площадь, рев снизился до ровного гула — они были намерены выполнить свое обещание.

ГЛАВА 13

Жрецы были страшно напуганы. Они встретили мое появление в Храме взглядами, полными ужаса и злобы. Свистящий шепот сопровождал меня всю дорогу. Кругом царила растерянность. Никто, кажется, не понимал, что происходит.

Сюда, вероятно, уже дошли и слухи о моем интересе к секретному диапазону частот местного телевидения, тем более что я не делал из этого тайны. И вдобавок к этому совершенно неожиданно я привел

за собой огромную толпу — согласитесь, это было похоже на ловко проведенную военную операцию.

Я невольно задумался о том, что ждет эту толпу. Сейчас это интересовало меня даже больше моего собственного будущего. У меня в руках оказалось мощное оружие, но смогу ли я умело им распорядиться? Я не знал, как Иерарх обычно поступает с подобными массовыми сборищами. Судя по тому, что я уже видел и слышал, ему не составит труда сотворить какое-нибудь чудо и уничтожить всех собравшихся на площади, и я не понимал только, почему он этого до сих пор не сделал.

Мы пересекли большой зал, полный изумленных жрецов. Все они смотрели на меня, напряженно прислушиваясь к монотонному шуму ожидающей толпы. Мы подошли к шахте подъемника, в которой я недавно чуть не разбился вдребезги.

Мы шагнули в пустоту шахты — она далеко протянулась в мрачную глубь подземелья — и, как херувимы, стали подниматься вверх. Я, признаться, так и не понял, как работает этот подъемник.

В молчании мы поднялись до конца шахты и дружно вышли на площадке верхнего этажа. Перед нами открылся широкий коридор, стены которого были позолочены и украшены изображениями саламандр. В конце коридора находились двустворчатые двери, прикрытые портьерами. Неподалеку стояла кучка жрецов, они шептались о чем-то, возбужденно потрясая своими шлемами. При нашем приближении глаза жрецов приняли недовольное выражение.

Двери распахнулись. Проходя в них, я заметил рассеянное лицо, по которому блуждала самодовольная ухмылка. Дио смотрел на меня.

Только этого и не хватало на мою бедную голову, где и так уже было тесно от мыслей — одна беспокойней другой.

Что он знает о моей беседе с Кориоулом? Не означает ли его присутствие здесь арест Фалви за попытку убийства? Теперь, по крайней мере, ясно, что Дио жив. А что будет со мной, если он раскроет рот в неподходящий момент?

В своем самодовольстве Дио напоминал человека, который уже принял сторону заведомого победителя и собирается насладиться зрелищем героических, но бесплодных усилий проигравшей стороны.

Героем я себя не чувствовал. Я тоже собирался примкнуть к победителям. Кориоул хитростью вынудил меня пообещать толпе отстаивать ее интересы. Но он упустил из виду одну деталь: я не собираюсь задерживаться здесь надолго и влезать во все эти игры.

Я хочу забрать Лорну и вместе с ней прорваться сквозь эту стену — между мирами, — чем быстрее, тем лучше, насколько это в человеческих силах. А потом — что ж, пусть эти две группировки сражаются между собой. Это их проблема.

За дверями оказалась приемная, в которой выстроились возбужденные жрецы. Мы прошли мимо них, не сбиваясь с ритма. По мере приближения к Иерарху напряжение у заинтересованных лиц заметно возрастало.

Жрецы, которых мы встретили на первом этаже, просто нервничали; те, что находились в коридоре, — почти кусали ногти; а от этих, в приемной, казалось, исходил звук натянутой струны. Я тоже не был спокоен. Иерарх внушал мне страх даже с телеэкрана.

Мои стражи распахнули последнюю дверь и отошли, пропуская меня. Я прошел один.

Иерарх сидел за большим письменным столом, сделанным из чистого золота. Это было отвратительно. Даже под страхом смерти на этом столе невозможно было найти место для еще одного кудрявого льва или дракона в завитушках. Королеве Виктории такой стол понравился бы.

Иерарх поднялся. Наши глаза встретились. Моя самоуверенность испарилась в мгновение ока. Все ироничные шуточки по поводу Малеско вылетели у меня из головы. Я был всего лишь второстепенным актером из небольшой бродвейской пьесы, который волею судьбы заброшен в чужой мир. Я понял, что с Иерархом шутки плохи.

Он был невысок, но дороден, и не пурпурные с золотом одежды прибавляли величия этому человеку — он смотрелся бы и в рубище. Его маленькие невыразительные глаза глядели холодно и бесстрастно.

Кроме нас в комнате находились еще трое нервных жрецов; один из них быстро отодвинул стул Иерарха, когда тот вставал.

Иерарх двинулся на меня, как бульдозер. На его пути стоял стул, однако Иерарх, казалось, не видит его. Один из жрецов, рискуя вывихнуть руку, вовремя удалил помеху.

Я подумал, что Иерарх скорее бы растоптал стул, чем обошел его, и опять вспомнил о королеве Виктории. Как известно, она никогда не смотрела, на месте ли стул, перед тем как на него сесть, она была уверена, что кто-нибудь его обязательно пододвинет. Она была настоящей королевой.

Иерарх остановился в шести футах от меня и с шумом выдохнул через нос. Голос его был низким и звучным. Он не тратил слов понапрасну.

— Я слушаю, — сказал он.

Глядя на него, я вспомнил о Дио, выжидающем за дверью удобного момента, чтобы вставить свое слово, вспомнил о толпе, ожидающей меня за стенами Храма, и ко мне отчасти вернулась уверенность. Совсем немного, примерно с чайную ложку, но это было больше, чем ничего.

— Вы, — начал я, входя в героическую роль, — отправите меня в Нью-Йорк вместе с Клиа. Сейчас.

Мы, сильные мира сего, не тратим слов понапрасну. Я стиснул челюсти и посмотрел на него сурово и самоуверенно.

Не сводя с меня глаз, Иерарх мягко щелкнул пальцами. К нему подошел жрец и направил на меня знакомое оружие. Оно напоминало светящуюся молочную бутылку. От одной предупредительной вспышки вся комната померкла в моих глазах.

Я без колебаний шагнул вперед и, прищурившись, одним ловким ударом ноги выбил эту бутылку из рук жреца; упав на ковер, она перестала светиться.

— Прекратите, — твердо сказал я Иерарху. — Я не наемный убийца. Я пришел сюда без оружия. Не стоит меня бояться. Но если я не выйду отсюда через час живым и невредимым, тогда... Вы давно не смотрели в окно?

Иерарх утопил подбородок в многочисленных складках шеи и исподлобья посмотрел на меня. Его тонкие губы, зажатые между плитами щек, изогнулись в мрачной усмешке.

— Так вот вы о чем, — сказал он. — Вы обещали объясниться при личной встрече.

Я растерянно заморгал, но скоро понял, в чем дело. Я обещал объясниться лично, и вот — лично привел толпу к его порогу. Это я ловко провернул. Мир потерял великого полководца, когда я занялся шоубизнесом.

— Правильно, — бодро заявил я. — Давайте не будем понапрасну тратить время. Пошлите за Клиа и начнем. Нам с ней нужно быть в Нью-Йорке до того, как истечет этот час.

— А ваши... последователи? — поинтересовался Иерарх.

Я стоял в нерешительности. Я мог пообещать, что разгоню их, но разойдутся ли они? Я им нужен как вождь, но не как фигура на экране, которая движется в сторону Манхэттена.

— С ними я разберусь, — сказал я Иерарху. — Пошлите за Клиа.

В течение долгих тридцати секунд он без всякого выражения смотрел на меня, затем щелкнул толстыми пальцами. Но жрецы не поняли приказа.

— Клиа! — злобно бросил Иерарх через расшитое золотом плечо. Один из жрецов раболепно поклонился и поспешил к ближайшей двери.

Я глубоко вздохнул, надеясь, что этого никто не заметит. Неужели победа близка? Я был уверен, что, имея дело с человеком такой сокрушительной силы, как Иерарх, нужно действовать быстро и решительно, иначе тебя растопчут. Казалось, это срабатывало, но я не позволял себе расслабляться — передо мной стояла одна неразрешимая проблема.

Предположим, что все пойдет хорошо до момента моего ухода через экран. Иерарх не дурак. Он не захочет оставаться один на один с толпой в несколько тысяч человек. Как он сможет объяснить мое отсутствие, когда они начнут крушить стены Храма? Может, он собирается уничтожить собравшихся при помощи очередного чуда? Если так, то зачем ждать? Отчего этого не сделать прямо сейчас и не устранить меня тем же способом?

Если он действительно пошел на уступки, то это значит, что он опасается толпы. Кориоул рассказывал мне о страхе жрецов перед восставшим народом. Лорну не оставят в живых, если толпа, памятуя о Джим-

мертоне, потребует ее выдачи. Сейчас народу нужен я, и Иерарх либо отдаст меня, либо нападет на них. Он, конечно, может стереть это сборище с лица земли, но Малеско не так мал, и после такого незначительного сокращения численности населения народ может выйти из-под контроля.

Я подумал, что ситуация парадоксальна, — чудо, которое может быть использовано для разгона толпы, способно вызвать и прямо противоположный эффект. Те, кто останется в живых, при их нынешнем интеллектуальном голоде, наверняка заинтересуются технологией этого чуда. В моем воображении возникла нелепая картина — большая пушка излучает волшебные лучи смерти, а тем временем любопытствующие облепили ее, заглядывают в жерло, крутят на ней все, что попалось под руку, взволнованно рассказывая о волшебном соке и результате после появления искры.

И тут я впервые пожалел этих людей. До того момента они были для меня неким абстрактным народом, ничего не значащим обобщением. Если доверять словам Кориоула, то все они — безропотная масса, попираемая тиранами в течение долгого-долгого времени.

И теперь, стоя лицом к лицу с одним из этих тиранов, я вдруг почувствовал, каково быть одним из его стада. Кто-то должен протянуть им руку помощи, но не я. Это не мои проблемы. Я не малескианец.

У меня достаточно собственных проблем. Да, я вывел их на опасный путь, но сделал это неумышленно. Развитие событий зависит от Иерарха.

ГЛАВА 14

С помощью простого механизма я сотворил чудо в понимании этих людей. Но если Иерарх для разгона толпы попробует воспользоваться каким-нибудь «волшебным» приспособлением, то люди, я думаю, заинтересуются еще больше этим механизмом, захотят его изучить и посмотреть, как он работает.

Я не думаю, что он дурак. Трудно сказать, кто он.

Из-за дверей раздался далекий неприятный шум. Иерарх поморщился, и я понял, что он чувствует

примерно то же, что и я. Лорну Максвелл слышно задолго до ее появления.

— В чем дело? — спрашивал ее далекий голос. — Прекратите толкаться! Отойдите, дайте пройти ангелу. Кто вы такой, в самом деле? Не толкайтесь. Я иду, иду. Только оставьте меня в покое.

Монолог был произнесен на смеси английского и плохого малескианского. Скорее всего, эти слова никак не относились к происходящему, и в этом — вся Лорна. Подобным образом она могла бы протестовать даже в самой деликатной компании, только бы лишний раз привлечь к себе внимание.

У меня за спиной открылась дверь. Иерарх шумно вздохнул, и вошла Лорна Максвелл, теперь — Клиа, преображенная малескианка.

Она представляла собой великолепное зрелище, пока, конечно, держала рот закрытым. Она была одета в серебряную парчу, покрытую изображениями львов, орлов и саламандр, украшенными драгоценными камнями, видимо, настоящими. Ей немного подправили фигуру — много и не нужно было. Зато ее лицо значительно изменили к лучшему, хотя оно было узнаваемо. В общем, оно оставалось лицом Лорны, но не тем смазливым, дешевым личиком, которое я знал на Земле. Казалось даже странным, до чего оно теперь стало красиво. Жрецы превратили ее лицо в набор превосходных клише.

Глаза стали небесно-голубыми, выразительными. Нос — изящный шедевр моделирования. А ее рот, пока он закрыт, — имей я под рукой книгу цитат Бартлета, я бы рассказал вам все про этот рот. Но стоило ей открыть его, и он снова превращался в рот Лорны Максвелл.

Она остановилась у дверей, внимательно разглядывая меня. На узнавание ушло несколько секунд, и еще несколько секунд ей потребовалось, чтобы решить: какой во всем этот прок для Лорны Максвелл.

Было очевидно, что она делает в голове нехитрые вычисления. Наконец она решилась и, взмахнув серебряными рукавами, распахнула объятия. Она запрокинула голову, глубоко вдохнула и воскликнула серебристым голосом:

— Эдди! Эдди, дорогой!

Она бросилась ко мне, сверкающая, с надушенными волосами.

И тут чуть было не произошел конфуз. Лорна тяжелее, чем кажется. Она буквально повисла на мне, и это выглядело бы гораздо романтичнее, если бы мы накануне как следует порепетировали.

Стараясь удержаться на ногах, я наступил на полы ее серебряного одеяния, и мы чуть не растянулись у ног Иерарха. Лорна крепко обхватила мою шею и всхлипывала мне на ухо о любви, воссоединении и разбитом сердце. Это были строчки из какой-то полузабытой пьесы.

Немного отодвинув ее от себя, чтобы получше рассмотреть, я заметил, как она косится на Иерарха, желая убедиться, что ее старания не пропали даром.

Лорна из тех людей, для которых всякое чувство будет недостаточно полным, если окружающие не удостоили его вниманием.

— Хорошо, Клиа, — помолчав, терпеливо произнес Иерарх. — Я вижу, ты знаешь этого человека. Он говорит, что пришел забрать тебя назад, в Нью-Йорк.

Лорна не поворачивала к нему головы, и я понял, что она демонстрирует ему свой профиль. Не стоило так стараться, Иерарха не увлечь роковыми чарами, которыми жрецы одарили гостью из Рая.

После некоторых размышлений Лорна взвизгнула и повернула голову, чтобы порадовать и меня видом этого безупречного лица в три четверти. Я не был потрясен, но убедился в том, что на тех, кто ее не знает, Лорна может произвести очень сильное впечатление.

— Эдди, не может быть! — воскликнула она. — Ты и в самом деле проделал весь этот путь для того, чтобы забрать меня домой? О, Эдди, я ужасно скучала по тебе. Я...

Я слегка тряхнул ее.

— Перед тобой Эдди Бартон, поняла? — начал я. — Просто старый добрый Эдди, а не голливудский разведчик. Ты действительно хочешь вернуться?

Я говорил по-английски, и Иерарх нахмурился, глядя на нас.

— Конечно, хочу, — заверила Лорна, сверкая улыбкой, обнажающей все зубы во рту. Жрецы, очевидно, избавили ее от страха перед той машиной.

— Устала быть ангелом? — полюбопытствовал я.

— До смерти. О, это было забавно, но они не выпускали меня из Храма. Я хочу вернуться и пока-

зать себя. О, Эдди, они сделали из меня красавицу, не правда ли?

— Да, конечно. По возвращении ты можешь рассчитывать на контракт в Голливуде. Ну и каково тебе быть красавицей?

Она неожиданно улыбнулась — неловко и неуверенно, как маленькая девочка, одетая в роскошный, но, как она знает, — чужой наряд. Лорна понимала, что эта внешность слишком хороша для нее.

Внезапно я почувствовал жалость к ней, увидев за прекрасным фасадом прежнюю Лорну — неуверенную в себе, шумную, честолюбивую, боящуюся провала и жаждущую успеха. Ну что ж, пусть на этот раз ей повезет.

— Сейчас мы возвращаемся назад, — важно заявил я по-малескиански — для Иерарха, надеясь, что это действительно так. Я чувствовал, что мой блеф проходит слишком легко, но не расслаблялся ни на мгновение.

Особенно настораживало отсутствие вопросов. Никто не спрашивал меня, как я попал в Малеско, что я делал в той комнате в Банях, откуда я знаю местный язык и, самое главное, — как и зачем я собрал эту толпу.

Иерарх посмотрел на Лорну, принимающую различные позы в моих объятиях, затем надул свои пухлые щеки, вздохнул и сказал:

— Вы действительно так думаете?

Последовал мягкий щелчок пальцев, и легкость, с которой проходил мой блеф, перестала меня беспокоить.

Плотная шелковая петля прижала мои руки к телу, в позвоночник уперся чей-то кулак, затягивающий узел на спине. В тот же момент другая веревка плотно стянула мои щиколотки, и я чуть не упал. Я понял, что мне не выйти сухим из воды.

Голубые сверкающие глаза Лорны расширились, она изумленно смотрела через мое плечо. Я повернул голову и увидел огромного жреца, на целый фут выше меня ростом. Он держал ту веревку, которой были связаны мои руки.

Немного поодаль стоял другой гигант, держа в руках конец веревки, обхватившей мои щиколотки. Стоило ему потянуть эту веревку, и я рухну на пол.

Сопротивляться было бесполезно. Любой из этих голиафов легким движением руки свернет мне шею.

Что мне оставалось? Я решил сохранять невозмутимый вид и не раздражать этих гигантов. Моя сила — в достойном спокойствии. Я отодвинул в сторону изумленную Лорну и устремил на Иерарха спокойный, мужественный взгляд.

Губы Иерарха слегка искривились в самодовольной усмешке.

— Обыщите его, — коротко приказал он.

На меня налетел целый рой жрецов. Я не видел, как они появились, потому что стоял спиной к двери. Множество рук тщательно обшарило мой экзотический костюм в поисках потайных карманов. Все было проделано добросовестно.

Возле Иерарха на отвратительном золотом столе быстро выросла небольшая кучка моих вещей. Каждый предмет рассматривали с глубоким подозрением, со всем обращались с крайней осторожностью, особенно с зажигалкой, которой я зажег прометеев огонь в нескольких кварталах отсюда.

В итоге я стоял с вывернутыми карманами, оставшись без личных вещей. Иерарх самодовольно посмотрел на Лорну, и я понял, почему это все проделывалось при ней. Он хотел показать ей свое могущество. Никому не провести Иерарха, даже гостю из Рая, и пусть другой гость знает об этом.

— А теперь, — удовлетворенно заявил Иерарх, — мы можем поговорить. Он неторопливо обошел стол, сел и начал перебирать пальцами мелочь, извлеченную из моих карманов. Потом он уставился на меня с видом человека, которому все известно.

— Вы явились сюда, — холодно начал он, — без приглашения. Вы доставили нам много хлопот, по каким-то своим причинам, которые меня в действительности не интересуют. Я знаю о вас все, что мне нужно. В Малеско все шло своим чередом, пока не появились вы, и я хочу, чтобы все вернулось на круги своя, прежде чем вы уйдете.

Я посмотрел на него с надеждой. Значит, я все-таки уйду? Интересно — куда?

— Я знаю, как вы пришли, — самодовольно продолжал он. — Фалви будет должным образом наказан за то, что сунулся в Земные Врата, как и за то,

что не доложил о вашем прибытии. Это ведь был Фалви, не так ли?

Я сохранял бесстрастный, геройский вид.

— Ну, хорошо, — сказал Иерарх. — Вас видели выходящим из комнаты, в которую вы могли войти только через Земные Врата. Вы вышли из нее через некоторое время после Фалви. Вам помогли спуститься по шахте, сами вы не знали, как это сделать.

Вы шли за Фалви до Бань. Там вы провели некоторое время в беседе с известным бунтовщиком. Выяснив, как пользоваться Святым Экраном, вы с его помощью сумели произвести определенное впечатление на некоторых моих людей, и я проявил к вам определенную терпимость, чтобы выяснить, каковы ваши планы.

Он сложил свои толстые пальцы в замок и рассматривал их с видом скромной гордости.

— Мудрость моей политики теперь очевидна.

Я в этом сомневался. Он рассказывал все это в расчете на аудиторию, но за стенами Храма меня все еще ждала толпа, от которой словами не отделаться. Я решил, что мой блеф удался в главном, и это меня спасет — Иерарх действительно не может ничего поделать.

Я знаю больше, чем он предполагает. Иерарх даже понятия не имеет о том, как далеко заходят мои знания. Позволить толпе двинуться к Храму было его серьезной ошибкой. Иерарх давно бы разогнал этих людей, если бы осмелился.

Этими рассуждениями я пытался вернуть себе уверенность. Потом я решил, что мне следует начать говорить раньше, чем она ослабнет.

— Мудрость вашей политики, — сказал я с тяжелой иронией, — подсказывает вам, что Лорну и меня следует отослать обратно в Нью-Йорк раньше, чем истечет час, который вам дали собравшиеся на площади. Кроме того, они вряд ли обрадуются, увидев меня связанным. Один час — не так уж много для всего, что нужно сделать, не правда ли? Время уходит.

Иерарх нахмурился. Он не привык идти на уступки. Мне пришло в голову, что он страдает той формой спеси, о которой когда-то читал в «Законах» Платона. Это результат несоответствия душевных качеств Иерарха и данной ему власти.

Эта болезнь присуща ему от природы, и выражается она в том, что его поступки продиктованы гордыней. Если бы человек, сидящий передо мной, не развил бы в себе эту болезнь, властвуя над целым миром, он был бы на голову выше простого смертного. Трону, который он занимает, две тысячи лет, и он скрипит под грузом накопленного величия.

Иерарх, несомненно, впадал и в другую классическую ошибку, смешивая себя со своим общественным положением. Он присвоил себе лично все величие, которое принадлежит институту иерархов. Одним словом, он был тщеславен.

Иерарх мрачно смотрел на меня. Уступки давались ему с трудом. Но за стенами Храма стояла такая толпа, с которой ему еще не приходилось иметь дело, и было заметно, что он помнит об этом. Он, как бы нехотя, опять щелкнул пальцами.

Я почувствовал, как веревки на мне ослабли. Они упали двумя петлями к моим ногам, и я шагнул в сторону, не глядя вниз.

— Вы поступите так, как вам прикажут, — сказал он, давая мне понять, что вовсе не идет на уступки. — Все не так просто. Вы правильно делаете, что полагаетесь на это сборище, но не переусердствуйте. Я всегда смогу разогнать их, если дело зайдет слишком далеко. Я бы предпочел этого не делать, но это в моих силах. Я воздержусь от крайних мер, пока это будет мне выгодно. Вы это понимаете?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — ответил я.

— Очень хорошо. Вы и Клиа возвращаетесь в Рай. Для этого мы организуем публичную церемонию. Вы сможете уйти при одном условии.

Он шумно выдохнул через нос.

— При одном условии, — повторил он. — Перед тем как уйти, вы выступите перед толпой. Для вас готовится короткая речь. Людям нужно сказать, чтобы они тихо разошлись. Им нужно объяснить, что они согрешили, позволив роковому любопытству одержать верх над собой, и что Великий Алхимик ими недоволен. Ваша речь будет дополнена несколькими сентенциями морального порядка о необходимости послушания жрецам и удвоения пожертвований Храму в знак искреннего раскаяния. Я верю, что после этого они тихо разойдутся.

Я смотрел на него в раздумье. Может быть, они и разойдутся. Так было бы лучше, но кто знает... А Иерарх довольно ловок. Такой ход поставит Кориоула на свое место. Он уготовил мне роль народного избавителя, а я на нее не согласен. Впрочем, теперь уж все кончится.

Но я все-таки чувствовал себя неловко. Меня нельзя упрекнуть в том, что я подстрекал толпу идти к Храму, напротив, я сделал все, пытаясь отделаться от нее. Правда, мне на руку то, что сейчас они здесь, но я не просил их следовать за мной.

Я им ничем не обязан. Меня поставили в это положение. Я оказался орудием Кориоула в его борьбе против Иерарха, и эта пассивная роль меня вполне устраивала.

Я вспомнил дядюшку Джима, и смущение мое усилилось. С ним произошла примерно такая же история. Попав в Малеско помимо своей воли, он сколотил банду из своих сторонников, заложников удачи, — этого я, по крайней мере, сумел избежать, — а затем бросил их, когда дело приняло слишком серьезный оборот. Теперь история повторяется.

— У вас нет выбора, — пояснил Иерарх. — Ваш отказ будет означать смерть этих людей. Мне не хотелось бы уничтожить ваших сбитых с толку последователей, но если обстоятельства вынудят меня, я это сделаю. Не забудьте, что это — моя страна, а не ваша. Здесь я хозяин.

Он втянул свои подбородки и надменно посмотрел на меня. Я поежился. Он был абсолютно прав. Это — его мир. Мне Малеско не нужен. Я хочу лишь вернуться в Нью-Йорк вместе с Лорной. И мне для этого предлагают самый простой путь.

«Пусть эти люди сами решают свои проблемы, — уверял я себя. — Почему они ждут, что появится некий волшебный избавитель и все за них сделает? Так они никогда ни к чему не придут. Для того чтобы добиться настоящего результата, нужно самому над ним как следует потрудиться, — это один из первых жизненных уроков».

— Если вы предполагаете напоследок разразиться вдохновенной речью, — сказал Иерарх, — то, пожалуйста, забудьте об этом.

Прищурившись, я посмотрел на него. Мне и в голову такого не приходило, он явно переоценивал мою озабоченность судьбой народа Малеско.

— Не забудьте, что весь технический потенциал этого мира находится в моих руках, — напомнил он мне. — Народу вряд ли удастся свергнуть меня. Так что не стоит даже поощрять подобные попытки. Вы, надеюсь, это понимаете.

Да, конечно, я это понимал. Я посмотрел на Лорну, которая была на удивление молчалива. Она вообще не следила за разговором. Как только из моих карманов достали пачку сигарет, одно страстное желание терзало ее, но она до того боялась Иерарха, что не могла вымолвить ни слова. От нее помощи не дождешься, она даже не знает, о чем мы говорим.

Я грустно вздохнул.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Давайте начнем. Я произнесу вашу речь.

И чтобы сделать хоть что-то, я начал вправлять свои пустые вывернутые карманы.

ГЛАВА 15

Я никогда не выступал на такой огромной сцене, перед такой громадной аудиторией. По сравнению с этим театры Нью-Йорка кажутся крохотными.

Этот огромный вытянутый зал мог вместить больше зрителей, чем собралось народу на площади. Я топтался на позолоченной сцене в предчувствии суровых испытаний.

Рядом стояла Лорна, нервно поправляя одежды. Иерарх сел на отвратительный золотой трон, перегруженный орнаментом еще больше, чем тот стол наверху. Куда бы я ни посмотрел, везде стояли жрецы, народ еще не впустили. Двери были закрыты.

Над помостом находился большой круглый экран, на котором некоторое время назад я видел Нью-Йорк. Но теперь это было просто окно. Сквозь него я увидел крыши, и над ними — огромный купол Бань, огненные фонтаны и портрет Лорны в цветных огнях на стене дома.

Этот вид мне знаком с первых минут появления в Малеско. Я не мог понять, как они откроют проход

между мирами здесь, внизу, если машина находится на верхнем этаже. Однако во время церемоний они делали это как-то.

Вверху за Земными Вратами постоянно следили жрецы типа Фалви, а здесь проход между мирами открывался в особых случаях, таких, как сейчас. В общем-то ничего загадочного в этом нет. Мы ведь тоже пользуемся дистанционным управлением, проводами и прочими хитроумными приспособлениями, которые кажутся пустяком по сравнению с этим чудесным явлением — Земными Вратами.

Уже с полчаса я зубрил подготовленную для меня речь. Мне суфлировали два жреца. Речь была несложной. Я воспользовался случаем, чтобы задать жрецам несколько вопросов о Земных Вратах. Мой интерес к ним был понятен, ведь это тот трамплин, с которого я скоро отправлюсь в пугающую бездну.

К моему удивлению, я получил ответы на поставленные вопросы, правда, не такие четкие и ясные, как хотелось бы, но все же мне удалось выяснить некоторые интересные подробности. Я начал понимать, почему именно в Малеско обнаружили Земные Врата, тогда как наши ученые пока только теоретизируют на этот счет.

Дело в том, что алхимия признает идею превращения полумистическим способом, который тем не менее основан на твердом знании физики. Несмотря на Ньютона и его яблоко, вера предшествует практическому опыту.

Люди жили и до Ньютона, но, узнав о законе притяжения, они получили возможность что-то создавать, а не просто использовать то, что было под рукой. Конечно, и малескианцы сумели построить Земные Врата не раньше, чем были открыты определенные сплавы, технологии и изотопы.

Мы передвигаемся с помощью кинетической энергии, которая дает нам возможность перемещаться далеко и быстро. Но есть и другая энергия — потенциальная. Мы помним о ней, когда строим мост. Ясно, что мы строим его так, чтобы он не рухнул, применяя для этого прочные материалы, выдерживающие давление и напряжение. Римляне использовали камень. Они не смогли бы построить мост через залив в Сан-Франциско. А мы сумели это сделать с помощью металлических сплавов.

Иногда кинетическая и потенциальная энергии работают вместе — это разводной мост.

Наподобие него и устроен малескианский аппарат для наведения моста между двумя мирами. Катод и анод могут быть из твердых металлов, но то, что проходит между ними, — есть энергия в чистом виде, электронная по своей природе. И Земные Врата появились в результате соединения кинетической и потенциальной энергий.

Углубляясь в теорию вероятности, можно заметить, что она не работает на атомном уровне. Пока наша наука затрудняется объяснить этот факт, подобно тому, как ученые во времена Галилея не могли объяснить в свете своих теорий, почему два шара, деревянный и чугунный, сброшенные с вершины башни, ведут себя так нелогично.

Малескианские ученые-алхимики тоже заметили недостатки теории вероятности, ведь они знают о Земле и о том пространственно-временном расколе, произошедшем еще во времена Древнего Рима. Они подумали, что, возможно, в этом и ключ, что где-то на атомном уровне и следует искать недостающее звено. Скажем, в Малеско — катод, а где-то на Земле — анод.

Оставалось только найти ту форму энергии, которая соединила бы края расширяющейся бреши.

И они сумели это сделать, хотя и потратили на это много времени. Сначала они познакомились с энергией атома, а потом нашли и то, что искали. Странно, но это оказалось не самой сложной частью работы.

Самая большая трудность, как мне объяснили жрецы, заключалась, во-первых, в создании потенциала, достаточного для преодоления пропасти между мирами, а во-вторых, в управлении этой громадной энергией. (Вспомните атомную бомбу. Создать-то мы ее создали, а вот как управлять ею...)

Мощность этой атомной энергии была так велика, что иногда Земные Врата выходили из-под контроля, и два мира самопроизвольно встречались на считанные секунды несколькими квадратными футами пространства. Но Врата всегда закрывались вновь.

В такой момент я и очутился в Малеско. Два мира соединились на короткое время, и, когда я звал Лорну, Фалви услышал мой голос, справедливо рассудив,

что все дело в Земных Вратах. Тут его и одолело любопытство. Возможно, этим же объясняется то, что Жанна д'Арк слышала голоса.

В Малеско существует легенда, что еще до постройки Земных Врат здесь неизвестно откуда появился человек, которого звали, кажется, Питер Рагг. Возможно, тогда брешь между мирами была меньше и переход был не так сложен.

Существует также рассказ о малескианце, бесследно исчезнувшем в открытом поле. (Не интересно ли вам будет узнать, что его имя, как мне удалось выяснить, звучит примерно как «Каспар Хаузер»?)

Теперь я жалею, что задал мало вопросов. Жаль, что жрецы отвечали на них так туманно. Ведь Земные Врата — величайшее из чудес науки. Но тогда я не мог ни на чем хорошенько сосредоточиться, меня охватило волнение перед грядущим спектаклем.

Я стоял лицом к залу, повторяя первые строки моей речи, раздумывая о том, где находится выход, и сожалея, что время тянется так медленно и мы с Лорной еще не дома. Но тут грянули трубы, и дальний конец зала скрылся в мерцающей дымке.

Я решил, что у меня рябит в глазах, однако вскоре разглядел, как сквозь дальнюю стену зала сочится бледный свет. Там загорелась огромная буква «А», и мне стало ясно, что это не стена, а громадный занавес.

Он вздрогнул и пополз вверх. Снова грянули трубы, и за первым поднялся второй занавес, свинцово-серый, потом — третий и четвертый, тонкий, расшитый золотом. Сквозь него проступали неясные очертания площади, на которой собрались мои преданные сторонники.

Занавес искажал картину, однако я покинул площадь полупустой, а теперь она вся была заполнена людьми. Я предполагал, что за это время толпа поредеет. Я ожидал даже худшего: что к тому моменту, когда настанет время положиться на поддержку этих людей, все разойдутся. Но Кориоул оказался умнее, чем я думал.

Поднялся последний позолоченный занавес, и с помоста мне стало видно, что площадь представляет собой одну сплошную бурлящую массу лиц, обращенных ко мне. Но это было еще не все.

Улицы, примыкающие к площади, были также заполнены народом. Казалось, здесь собрался весь

Малеско. Мои проводы обещали превратиться во внушительную церемонию. Люди стояли так плотно, что яблоку некуда было упасть.

Когда поднялся занавес, толпа хлынула в Храм так, что стены загудели, хотя люди не кричали; увидев меня, они вообще не издали ни звука. Похоже, я ошибся, полагая, что увижу нечто вроде демонстрации. Люди тихо переговаривались между собой, но вели себя весьма сдержанно.

Мне показалось, что толпа настроена серьезно.

Это меня испугало. Смогу ли я справиться с ней? Сможет ли Иерарх? Я не знал, какое оружие у него припасено, но мне подумалось, что всю эту массу людей не сможет уничтожить даже атомный взрыв, а случись такое, погибнет лишь головная часть этой толпы.

Мне казалось, что если это произойдет, то бесконечная, исчезающая в дали улиц толпа непременно хлынет вперед, найдет и уничтожит любое устройство, несущее смерть, раньше, чем все успеют погибнуть. Я не оглядывался на Иерарха, но чувствовал на помосте холодное дыхание... страха, пока жрецы готовились приветствовать собравшихся.

Быстрее, чем я рассчитывал, зал наполнился народом — мужчины и женщины плотно стояли плечом к плечу, внимательно глядя на помост и на меня. И вместе с ними Храм наполнила атмосфера необычайно напряженного ожидания, она все сгущалась и, казалось, давила на всех нас.

В передних рядах я заметил лицо Кориоула.

Он стоял примерно в двадцати футах от меня и смотрел, как кот на мышь, не сводя глаз. Мне был неприятен этот взгляд. Я отвел глаза и обнаружил другое знакомое лицо, еще ближе. Это был Дио.

Он по-прежнему выглядел сонным, как человек, который провел тяжелую ночь и плохо отдохнул. Но теперь к этому добавилось что-то еще, он был слишком мрачен. Я поневоле задумался о Дио.

Прежде я как-то не успел подумать о том, откуда Иерарх имеет такие подробные сведения о моем пребывании в Малеско. Теперь все стало ясно, это — работа Дио. Он, вероятно, толкался у дверей Фалви, надеясь на удачу, и ему повезло.

Возможно, он и раньше подозревал Фалви в связях с подпольной организацией, а теперь поймал его с

поличным благодаря моему появлению. Этим и объяснялось алчное выражение предвкушения триумфа на его лице, когда он помог мне спуститься в шахте и отправил в город на волю случая, в надежде, что я выведу его на что-нибудь интересное.

Такова политика Дио, об этом говорил и Кориоул, только что мне от этого? Дио — сам за себя, и ни за кого больше. И теперь он мрачен. Почему? Он, конечно, передал Иерарху ценную информацию. Но какую награду получил? Судя по выражению его лица, явно не ту, что ждал.

Его даже не пустили в кабинет Иерарха во время моего официального визита, он вынужден был толкаться в коридоре. Для Дио этого недостаточно, явно недостаточно. Я подумал о том, как жрецы продвигаются по служебной лестнице. Возможно, по старшинству. Дио молод. Очевидно, он не согласен ждать пятьдесят лет, пока признают его заслуги; он хочет получить все и сейчас.

А поскольку за донос на Кориоула его отблагодарили недостаточно, он постарается выкинуть что-нибудь более значительное. Мне не нравилось, что Дио стоит так близко ко мне. Я намеревался вести игру только с Иерархом. Пока у меня нет выбора, но если появится какая-нибудь лазейка, не хотелось бы видеть совсем рядом с собой Дио, который только и ждет момента, чтобы прыгнуть мне на спину, когда я отвернусь.

Вверху раздался низкий грохот. Я вместе со всеми поднял голову. Глухой ропот прошел по всему залу. В верхней части стен между изображениями животных находились золотые буквы «А». Вот за ними-то и появилось зловещее свечение.

Я со страхом понял, что такой же свет излучало оружие жрецов, похожее на молочную бутылку. У меня заболели глаза при воспоминании о тех ослепительных лучах.

Но те аппараты были размером с молочную бутылку, а эти достигали шести футов в диаметре. Стена ощерилась большим количеством этих пушек, чьи жерла прикрывали золотые буквы «А». Иерарх решил не испытывать судьбу, — одновременная вспышка из каждого жерла несомненно испепелит всю толпу.

Я надеялся — совсем не как герой, — что помост каким-то образом изолирован на случай подобных катаклизмов.

Собравшийся народ по-прежнему не проявлял никаких эмоций — не было на лицах ни страха, ни злобы. Они ждали. Тысячи поднятых к помосту лиц были преисполнены решимости. Все взоры были обращены на меня.

Моя речь была краткой. Я выучил ее достаточно легко. Текст лежал передо мной на маленьком столике из стекла и золота. Ожидая своего выступления, я пробежал глазами первые строчки.

«Народ Малеско...хм-хм...Великий Алхимик в Раю обеспокоен вашим греховным любопытством...хм-хм...послал меня, чтобы предупредить вас...хм-хм...о наказании за ваше своеволие...хм-хм...возвращаюсь в Рай и забираю Клиа назад из этого осквернённого... хм-хм...»

Раздался низкий звук спиралями изогнутых труб. Над толпой повисла мертвая тишина. Я знал, что у меня никогда больше не будет такой публики. Они были со мной, все до единого. Они любили меня. Ну что ж, через десять минут все закончится.

«Это не твоя игра, Эдди, — уверял я самого себя, ожидая, пока уляжется эхо рожков. — Ты просто актер. Ты и раньше играл злодеев. Это крохотный выход под занавес. Через десять минут ты будешь дома, в Нью-Йорке, а эти люди пусть дальше выясняют свои отношения».

Эхо смолкло. Я сделал глубокий вдох и заговорил. Поначалу мой голос дрожал, но я овладел им после первых же слов. Усилители работали отлично. Я убедился, что меня слышат даже в задних рядах.

Я прошел «Великого Алхимика в Раю» и далее попытался вложить в слова отеческий укор, входя в роль, которую играл. Что тут думать? Я не писал этой пьесы. Это не моя игра... это не моя игра... это не...

Это не пройдет.

Сомнений не осталось. В задних рядах начал подниматься ропот, когда я еще не одолел и двух строк своей речи. Я вытянул руки и стал говорить громче, немного импровизируя, чтобы дать им возможность успокоиться.

Это помогло на короткое время, и я продолжал говорить, чувствуя, как у меня холодеют ноги. Мне

это не нравилось. Мне это совсем не нравилось. Мне не нравилась моя речь и роль, которую я играю. Мне казалось, что Иерарх совершил большую тактическую ошибку.

Всегда нужно учитывать психологию. Нельзя отнимать у человека дорогую для него вещь, не дав что-нибудь взамен. Эти мужчины и женщины пришли сюда преисполненные решимости действовать, от них не отделаешься, заявив: «А теперь расходитесь по домам, как послушные дети».

Я недооценивал Иерарха. Он знал, что делает.

Ропот толпы угрожал вот-вот заглушить мою речь. Я почувствовал рядом с собой какое-то шевеление, отступил назад и, растягивая слова, оглянулся.

ГЛАВА 16

Это была Лорна. Она сделала вперед такой грациозный, плавный шаг, какого не знала в Нью-Йорке. Она протянула руки к толпе, и на серебристых рукавах огнем заиграл свет. Лорна заговорила воркующим, проникновенным голосом, без труда заполнившим весь зал.

— Вы разгневаны, — проговорила она на чистейшем языке Малеско. — У вас есть на то причины. С вами поступили несправедливо! — серебристые нотки негодования зазвенели в ее голосе. Меня смутили и ее слова, и великолепное владение языком — Лорна не способна на экспромты. И тут я понял, что́ Иерарх задумал. Последние полчаса не я один учил свою роль, Лорну, очевидно, тоже натаскивали, как раз на такой случай.

Озадаченная толпа хранила мертвую тишину. Я тоже был озадачен. Вдруг я увидел глаза Кориоула, горевшие злобой и ненавистью. Он понимал, что сейчас произойдет, как понимал это и я.

Таков был с самого начала план Иерарха, и он не собирался посвящать в него меня. Он сразу понял, с кем имеет дело, и знал, что я соглашусь произнести эту относительно безвредную речь, но ни за что не пойду на то, что сейчас делает Лорна.

— Этот человек заслужил ваш праведный гнев! — хрипло крикнула Лорна. — Он и его люди исподволь,

как змеи, пытались посеять раздор между вами и вашими любимыми жрецами. Он завидует вашей судьбе. Вы пройдете добродетельный жизненный путь и перевоплотитесь в Раю.

Но он никогда не попадет в Нью-Йорк, он пытался отнять и у вас это право. Народ Малеско, я отдаю вам этого человека, накажите его по своему усмотрению!

Театрально взмахнув серебристым рукавом, Лорна указала вниз прямо перед собой.

— Кориоул! — пронзительно закричала она. — Кориоул!

Люди Иерарха, находившиеся в толпе, мгновенно подхватили этот крик, — он позаботился обо всем. Его марионетки были расставлены по всему залу, и у них были сильные голоса.

— Кориоул! — кричали они с хорошо отрепетированным гневом. — Кориоул обманывал нас! Хватайте его! Держите Кориоула! Не дайте ему уйти!

Толпа бесновалась в нерешительности. А над ней все более зловеще светились золотые буквы «А»: притаившаяся за ними разрушительная сила ждала своего выхода.

«Схватить Кориоула! — раздалось несколько слабых нерешительных голосов. Наиболее внушаемые люди быстро присоединялись к тем, кто производил наибольший шум: — Держите его — держите Кориоула!»

На некоторое время в Храме установилось некое равновесие, из которого мог вывести только толчок в ту или иную сторону. Но никто, казалось, не способен был сделать этот толчок. Время работало на Иерарха.

Любая организованная группа, действующая строго по приказу, сумеет раскачать толпу в нужном направлении с помощью криков, это лишь вопрос времени. Кориоул попался в ловушку из-за своей наивности.

Либо он слишком положился на меня, либо ему внушили ложную уверенность неожиданные размеры собравшейся толпы. Но ведь именно из-за толпы он и оказался в ловушке. Он был окружен людьми так плотно, что при всем желании не смог бы убежать. Он что-то кричал — жилы вздулись у него на шее, вероятно, звал своих сообщников, но шум был слишком велик, и никто его не слышал.

Приспешники Иерарха делали успехи. В любой толпе всегда найдутся безмозглые дураки, готовые кричать то же, что кричит сосед. Многие из этих людей никогда не слышали о Кориоуле, но это не помешало им тявкать, требуя его крови.

Меня трясло так же, как и моего кузена, стиснутого со всех сторон людьми.

«Это не твоя игра, не твоя, — тщетно уговаривал я себя. — Этот народ поднялся против своего правительства, и ты с этим ничего не можешь поделать. Не вмешивайся. Держи язык за зубами и выберешься сухим из воды. Только держи язык за зубами!»

А на помосте события развивались своим чередом. Толпа перед нами ревела и бесновалась. Ее крики, как зараза, распространились по запруженным народом улицам. Однако жрецов, находившихся на помосте, это как будто не касалось, словно все происходило на другом конце света.

Иерарх неподвижно сидел на позолоченном троне. Лорна после своего выступления тихонько отступила ко мне и настойчиво зашептала:

— Эдди, у тебя не осталось сигарет?

Я не ответил. Я рассматривал жрецов. Они не все так умело скрывали свои чувства, как Иерарх. Жрецов, стоящих по краям помоста, похоже, терзали какие-то сомнения. Эти люди, обвитые изогнутыми трубами, затаили, казалось, глубокий вдох, готовый вырваться по первому слову Иерарха.

Они не сводили глаз с его лица. Я знал, что около орудий, светящихся в стенах, притаились жрецы, и они тоже не спускают глаз с Иерарха, а каждый из них держит палец на кнопке.

Мне показалось, что жрецы обеспокоены больше, чем следует, ведь они побеждали. Оставалось только еще немного подождать. Крики «Держите Кориоула!» неслись с разных сторон и нарастали с каждой секундой.

Тут я поймал на себе взгляд Дио, необыкновенно пристальный, словно он жадно ловил каждое мое движение, каждое слово, придавая им, видимо, огромное значение.

Выражение алчного предвкушения победы на его лице было знакомо мне с первой нашей встречи, когда он ждал, что я выдам себя. Не этого ли он ждал и

сейчас? Может быть, он боялся, что я попытаюсь направить гнев толпы на жрецов? Он думает, что мне это удастся? Возможно, он прав. Найди я тогда подходящие слова, у Кориоула появился бы шанс.

Но стоило ли соваться не в свое дело? Мне и так уже многое пришлось испытать, прежде чем я оказался на этом помосте — своеобразном преддверии Нью-Йорка. Через несколько мгновений толпа поглотит Кориоула, вся ее энергия обратится против человека, который ее и поднял. И церемония продолжится согласно намеченному плану.

Дио сунул руку под плащ; он явно что-то искал, не сводя с меня глаз. Вскоре он нашел и вытащил что-то, пряча этот маленький предмет в кулаке.

Кровожадная, волчья улыбка озарила его лицо, опять напомнив мне о светящихся жерлах пушек: там — сдерживаемое сияние, а здесь — контролируемая подлость.

Сверля меня взглядом, Дио слегка отвел руку назад и бросил что-то прямо в меня.

Мне показалось, что это мгновение растянулось на годы. Мозг лихорадочно заработал: «Что это? Бомба? Поймать ее? Увернуться? Что это? Какая муха его укусила? Что мне делать?»

Однако руки мои действовали независимо от терзаний рассудка: они машинально вытянулись вперед, и этот предмет шлепнулся мне на ладонь.

Еще не взглянув на него, я понял, что это — маленький плоский квадрат. Послание от Дио?

Я слегка разжал кулак. Нет, это был не маленький белый квадрат с позолоченной надписью. Дио вернул мне мою зажигалку.

Трудно представить, как быстро все это произошло. Кориоул по-прежнему отчаянно озирался в поисках своих сподвижников, толпа бесновалась в нерешимости, люди Иерарха надрывали свои луженые глотки. Но события готовились принять другой оборот.

Я был уверен, что жрецы одерживают победу, хотя это было еще не слишком ощутимо. Во всяком случае, недавно установившееся равновесие тяжеловесно склонялось на сторону Иерарха.

Наверное, это был великий момент в истории Малеско, сравнимый лишь с расколом между нашими мирами. Еще мгновение все находилось в равновесии.

Я держал зажигалку в руке и растерянно глядел на нее. Что Дио хотел этим сказать? С кем он — со жрецами или с толпой? «Ни то и ни другое, — быстро ответил я сам себе. — Дио на стороне Дио, и больше ни с кем. Он с победителями».

Почему же он дал мне в руки средство, способное отвратить удачу от жрецов? Что это значит? Очевидно, только одно: Дио считает, что у повстанцев больше шансов на победу. Он принимает сторону сильнейших, и выходит так, что жрецы значительно слабее, чем кажутся. Видимо, они ведут колоссальный блеф, и Дио знает об этом. И он рассчитывает, что я... что?

Голос рассудка твердил мне: «Не суйся! Это не твоя игра!» — но тело не слушалось, оно поступило по-своему. Ударом ноги я опрокинул столик из золота и стекла, стоявший передо мной, и вскинул руки над головой.

Страницы моей речи разлетелись по помосту, грохот опрокинутого стола был достаточно резким и высоким, чтобы привлечь внимание людей в первых рядах.

Я щелкнул зажигалкой, молясь, чтобы она не отказала.

Крики в передних рядах стихли. Вздох удивления легким ветерком прошел по залу. Я понял, что зажигалка загорелась.

Не сразу, но довольно быстро гвалт стих. Толпа на площади все еще шумела, однако в зале установилась тишина. Вскоре тишина охватила и толпу на улице, как за минуту до этого — в Храме.

Я стоял как статуя Свободы, и это совсем не так глупо, как может показаться. Я действительно символизировал свободу в тот момент, а пламя моей зажигалки было ее светом, если я, конечно, не ошибся в своих выводах.

Я сохранял эту театральную позу, пока не убедился, что все глаза прикованы к этому маленькому язычку пламени, к этому факелу мощностью в одну свечу, который оказался сильнее, могущественнее всех орудий Иерарха. Я знал, что, пока держу его, жрецы не посмеют тронуть меня. Но что мне делать дальше?

Не мог же я вечно стоять в такой мелодраматической позе.

Однако это был поистине мой час, и я просто не мог совершить неправильного поступка. Я закрыл зажигалку, отвел руку назад и с силой бросил этот сверкающий квадратик металла в толпу.

Он дважды перевернулся в воздухе, играя на свету, и мягко пропал среди запрокинутых голов. На мгновение все замерло. Потом там, где упала моя зажигалка, все забурлило и раздался пронзительный крик:

— Нашел! Нашел!

Все повернули головы. Даже Иерарх подался вперед на своем троне. Все увидели худенького лысоватого человека, подхватившего зажигалку, брошенную мной.

Этот человек средних лет был похож на мелкого служащего. Он был одет в поношенную тунику, остатки его волос на голове нуждались в стрижке. Он поднял зажигалку и держал в ладонях, сложенных лодочкой, как священную реликвию; его невзрачное лицо преобразил восторг.

И тут Иерарх потерял голову. Он был умным человеком, но даже он не мог предвидеть всего. И сейчас он не знал, как поступить, что делать с людьми, так решительно выходящими из-под контроля. Теперь все зависело от того, какое он примет решение, но прошлый опыт был тут плохим советчиком.

Такого он еще не видел. Появление Джиммертона отчасти напоминало эту ситуацию, но тогда жрецы быстро одержали победу над Джиммертоном, используя метод силового давления. Этим способом Иерарх хотел воспользоваться и теперь. Нельзя позволить этой опасной штуке разгуливать по городу, переходя из рук в руки, разжигая возмущение в каждом, кто видел ее.

— Принесите мне эту священную реликвию, — крикнул он, сопровождая слова царственным жестом. — Реликвия из Рая — слишком святая вещь для человеческих рук! Принесите ее мне!

Я поймал злобный взгляд его загадочных глаз, но в тот момент ему было не до меня. Он поднялся и ринулся вперед, оттолкнув нас с Лорной прочь.

— Принесите мне эту реликвию! — крикнул он так звучно, что его услышали даже сквозь шум толпы, и некоторые оглянулись.

Прежде всех его услышали стражники, расставленные в толпе, и они сразу обнаружили себя, рванувшись к человеку с зажигалкой.

Но не только они услышали приказ, и гневное рычание толпы подсказало Иерарху, что он совершил ошибку. Если так пойдет и дальше, то дело закончится применением тяжелой артиллерии — очень тяжелой. А возможно, у него не было оружия, способного утихомирить это гневное рычание, которое росло и крепло.

Толпа напоминала теперь единый организм. Любое слово, брошенное в нее, мгновенно подхватывалось и вихрем разносилось по улицам, по запруженным народом проспектам, порождая всюду неописуемое волнение.

Часть стражников уже подбиралась к человеку с зажигалкой, другие тоже были близко, но сопротивление толпы возросло. По мере продвижения к цели эти люди обрастали группами рассерженных мужчин и женщин, не дававших им сделать следующий шаг.

Толпа превратилась в единый организм, и клеточки этого организма окружали болезнетворные микробы, изолируя их, укрепленные гневной силой, необходимой, чтобы расправиться с ними, точно так же, как живой организм выявляет и уничтожает внутри себя всех самозванцев.

Никогда еще не знал такой толпы Малеско, не знал этого спаянного единства тысяч людей, действующих, как один. Это было сильнее Иерарха, сильнее всего духовенства.

Это была новая реалия. Ее создал я. Теперь я за нее отвечаю. Выходит, это — моя игра.

Дио смотрел на меня с напряженным ожиданием. В двадцати футах от меня, зажатый толпой, Кориоул тоже пристально смотрел мне в глаза. Я почувствовал на себе еще чей-то пристальный взгляд и, повернувшись, увидел, что Иерарх не спускает с меня своих непроницаемых глаз. Эти трое понимали, что следующий ход — за мной. Эти трое — нет, их было уже четверо.

Ясные глаза Лорны перехватили мой взгляд, она шагнула ко мне, и я почувствовал на руке пожатие ее холодных пальцев. Безошибочным чутьем Лорна Максвелл определила, что именно от меня все зависит. Что бы там ни было, она не намерена упускать своего.

Она тянулась ко мне бессознательно, как цветок к солнцу.

Я же понятия не имел, что делать дальше.

ГЛАВА 17

Прошло примерно полминуты с того момента, как я бросил зажигалку, а в толпе уже разгоралась битва вокруг того маленького человека, который ее поймал.

«Маленький человек», — с горечью подумал я. По-видимому, без избитых штампов не обойтись. Даже без этих тошнотворных слов, используемых для определения большой массы народа, которая обретала подлинную жизнь прямо у меня на глазах. Типичный представитель «маленьких людей» пронзительно кричал и отчаянно боролся за этот нелепый дар — зажигалку, а я ничем не мог помочь ему. Я не мог...

От внезапного грохота труб у меня потемнело в глазах. Вероятно, был включен какой-то мощный усилитель — весь зал задрожал от низкочастотной вибрации. Пока я стоял в раздумье, Иерарх не терял времени.

На несколько секунд движение в толпе прекратилось: от ужасного шума вибрировал каждый нерв. Единый организм толпы пронзала головная боль.

Трубы смолкли, и голос Иерарха, подобно грому, прокатился по залу. Он не тратил слов понапрасну, он даже не приказал прекратить драку, она прекратилась сама собой: дерущиеся были оглушены грохотом труб. Он сразу перешел к делу, то есть ко мне.

— Рай, — звучно прогремел он, — ждет своих чад. Тихо! Пусть же отворятся Земные Врата!

На секунду мне показалось, что никто не понял, о чем идет речь. Все были слишком заняты сиюминутными проблемами. Но вскоре я заметил, как в лицах, обращенных к нам, что-то изменилось. Все внимательно смотрели куда-то вверх. Помост озарился светом, и на его позолоченном полу я увидел свою нечеткую тень.

Я повернулся. Большое круглое окно, в которое обычно был виден город, подернулось сияющей опаловой дымкой. Сквозь нее теперь проступала светя-

щаяся буква «А», этот символ разделенных миров, с поперечиной — мостом между Раем и Малеско.

Довольно скоро буква «А» исчезла, и глазам всех предстал Рай. Горящие огнями улицы ночного Нью-Йорка раскинулись, казалось, в нескольких сотнях футов за этим большим круглым окном.

— Рай ждет, — провозгласил Иерарх неестественно громким голосом. — Эти двое, посетившие нас, теперь должны возвратиться в славный Нью-Йорк. Клиа! Бартон! Земные Врата открыты!

Тишина волной распространялась по толпе, хотя вдали еще звучали крики. Следом за этой волной от помоста пошла другая, и я знал, что она, подобно предыдущим, будет идти все дальше и дальше, пока не затихнет в дали улиц. Эта волна несла очень тихий звук, почти вздох, шепот. Они ничего не могли поделать. Они ждали.

Но оставлю ли я их на милость духовенства, как это сделал Джиммертон? Я и сам хотел это знать.

Вид Нью-Йорка покачнулся, как корабль, и понесся вверх с тошнотворной скоростью. Возникло ощущение, что мы падаем на его улицы. Четкость картины помутилась, и я понял, почему это сделано.

Ведь если это настоящий проход между мирами, то малескианцам никогда не позволят разглядеть улицы Нью-Йорка в подробностях. Сквозь золотистую дымку я видел мутные пятна автомашин, их огоньки вспыхивали радугами. Мы смотрели на райский город с высоты домов.

— Идите, — сказал Иерарх. — Рай ждет. Врата открыты. Клиа, Бартон — прощайте!

Нам оставалось сделать только шаг. За него я боролся все это долгое время в Малеско. Рука Лорны по-прежнему сжимала мою. Я получил то, за чем пришел. Прочь, лишние сомнения.

— Идите, — поторопил Иерарх обычным голосом, без усиления, позволявшего толпе слышать его. — Проходите. Теперь с вами все в порядке, убирайтесь отсюда и не причиняйте нам больше хлопот.

И все же я колебался. Он смотрел на меня, полузакрыв глаза. Никогда прежде он так не напоминал мне Джагтернаута. У меня возникло ощущение, что это — еще не все, что у него на уме что-то еще и он нетерпеливо дожидается моего следующего шага. Но это могло быть и игрой воображения.

— Идите, — снова зашептал он. — Убирайтесь! Или вам нужно помочь?

Раздался мягкий щелчок его пальцев, и пара дюжих жрецов с благочестивыми жестами подошла к нам. Один встал справа, другой — слева, и я понял, что через минуту-другую нас просто затолкают во Врата, если мы не пойдем добровольно.

Толпа хранила молчание. Казалось невозможным, чтобы такое количество людей стояло так тихо, едва дыша, ожидая, что их оставят на расправу жрецам. Джиммертон тоже их оставил, давным-давно.

Теперь ухожу я, и Иерарх ждет не дождется этого момента, чтобы арестовать Кориоула и того смешного Маленького Человека и приобщить мою зажигалку к другим реликвиям из Рая. А всякое размышление о том, зачем поворачивается колесико и почему вылетают искры, опять будет названо государственной изменой.

И я подумал, что, возможно, когда-нибудь сквозь Земные Врата пройдет другой человек из Нью-Йорка. Возможно, он еще не родился. Какую историю он услышит от потомков этих людей о том, как один землянин по имени Джиммертон и другой — по имени Бартон подняли их на восстание и бросили в самую трудную минуту.

Впрочем, не следует заблуждаться на счет Эдди Бартона. Все это — сентиментальная болтовня. Моя собственная шкура мне дороже всего в этом мире. Но если я сумел спасти Лорну и себя, то сияние некоего ореола славы тоже не помешает.

— Прощайте! — внезапно грянул Иерарх во всю мощность усилителей. — Прощайте!

Опять раздался щелчок его пальцев, и два здоровенных жреца, оставив свои благочестивые жесты, взяли каждого из нас с Лорной под руку и потащили с величавым видом к Вратам.

В этот момент, едва ли не последний, я сообразил, что нужно сделать для сохранения ореола своего величия.

— Подождите! — сказал я. — Одну секунду, я кое-что забыл.

Жрецы приостановились и посмотрели на Иерарха, ожидая, что он на это скажет. Он бросил на меня пронизывающий взгляд, его лицо оставалось непреклонно-жестким. Он знал, что все идет нормально, и

не собирался давать мне возможность устроить еще какую-нибудь неприятность.

И, кроме того, что-то странное было в его лице и глазах, — словно это не все, словно он еще чего-то ждал. Ареста Кориоула? Наказания Дио? Разгрома толпы? Всего этого и, может быть, еще чего-то. У меня не было времени раздумывать над этим.

— Лорна, — сказал я тихо по-английски, — твой усилитель включен? Я хочу, чтобы ты кое-что сказала этой толпе. Быстро!

Она ответила мне мелодичным нытьем:

— О, Эдди, я не хочу! Лучше пойдем! Я...

На уговоры времени не было. Крепко взяв ее за руку, я вывернул ей мизинец. Наверное, лучше было заломить руку за спину, но это — слишком заметно.

— Больно? — быстрым шепотом поинтересовался я. — Я выверну сильней, если ты не повторишь во весь голос то, что я тебе скажу. Поняла?

Она только взвизгнула от боли и злости, я не обратил на это внимания. Она попыталась вывернуться, но с другой стороны ее крепко держал жрец, который так и не понял, почему она вдруг начала дергаться изо всех сил. Мы крепко держали ее с обеих сторон: Лорна не смогла вырваться.

— Скажи: «Народ Малеско, — приказал я, переходя на малескианский. — Говори, пока я не открутил тебе палец. Народ Малеско!

— Народ Малеско! — яростно крикнула она, и я почти оглох. «Интересно, — подумал я, — где у нее находится усилитель? Спрятан в каком-нибудь зубе?»

— Народ Малеско!

Жрецы даже подпрыгнули от этого рева. Экран перед нами слегка задрожал, мощный звук отдавался эхом под сводами Храма. Лорна стояла спиной к толпе, но и на улицах было слышно, что она говорит.

Иерарх злобно посмотрел на нас, но ему пришлось уступить. Он сделал знак, и захват на моей руке ослаб. Не выпуская пальца Лорны, я повернул ее лицом к толпе.

— Это мое последнее обращение к вам, — диктовал я.

Лорна шепотом выругалась и заговорила по-малескиански тем сочным сладкозвучным голосом, который получила вместе с красивой внешностью.

— Ваш Иерарх — великий человек, — сказал я, не отпуская ее мизинца. Повторяя мои слова, она слегка всхлипнула от ярости и боли, что придало ее речи трогательный, убедительный оттенок.

— Он так много сделал для Малеско, — диктовал я.

— Пусти меня! — прошипела Лорна. — Он так много сделал для Малеско.

— Что Рай удостоил его награды.

— Эдди, я убью тебя! Пусти! Пусти! Что Рай удостоил его награды...

— Слушайте, я обращаюсь к вам, — шептал я. — Слушайте внимательно, так как это величайшая награда, какой когда-либо удостаивался человек. Вы слышите меня, люди Малеско?

Ее речь перемежалась гневным рычанием. Я заставил ее прерваться, и в этот момент раздался ответный рев толпы. Они были с нами. Они понимали — что-то происходит, и мне казалось, что они готовы поддержать все, что бы я ни предложил. Им нечего терять.

— Я была одной из смертных среди вас, — диктовал я, игнорируя рычание Лорны. — Я прожила добродетельную жизнь и после смерти попала прямо в Нью-Йорк. Но ваш Иерарх прожил такую прекрасную жизнь, что Великий Алхимик прислал меня сюда, с тем чтобы забрать его в Рай прямо сейчас!

В середине этой фразы Лорна перестала сопротивляться. Она, очевидно, нахваталась достаточно малескианских слов, чтобы понять, что говорит. Она вытаращила на меня глаза: «Я надеюсь, ты понимаешь, что ты делаешь?» — прошептала она в паузе, последовавшей за этими словами.

— Заткнись, — сказал я. — Подожди секунду. Пусть они повопят. Видишь, как им это понравилось?

Я смотрел на Кориоула. Его лицо засветилось от восторга, когда он понял, что я пытаюсь сделать.

— Ваш Иерарх возвращается в Рай вместе со мной, сейчас! — повторяла за мной Лорна. Затем она шепотом добавила: — О, Эдди, ты думаешь, он пойдет? Ты, должно быть, сошел с ума. Что мы будем делать с ним в Нью-Йорке?

— Заткнись, — опять сказал я. — Продолжай — укажи рукой на него. Приглашай его в Рай. Давай же, или я сломаю тебе руку!

С несравненной грацией Лорна протянула руку к Иерарху, ее серебряный рукав плыл, сверкая драгоценными камнями. Увы, ее игра отдавала дилетантизмом, но публика была не слишком взыскательной.

Потрясенный Иерарх просто окаменел у подножия своего золотого трона. Вокруг него стояли не менее пораженные жрецы. Такого никто не ожидал. На мгновение все застыло на помосте.

— Скажи: «Идите, Рай ожидает вас», — прошипел я.

— Идите, Рай ожидает вас, — проворковала Лорна, звуки ее голоса прокатились по залу и эхом вырвались наружу, в город.

Иерарх встретился со мной взглядом. Он слегка пожал своими полными плечами и прорычал на малескианском несколько фраз, которым дядюшка Джим никогда меня не учил. Но он пошел. У него не было выбора. Он не мог разоблачить Лорну перед всеми. Медленно и тяжело он двинулся к нам, Джаггернаут до последнего.

На его пути лежал опрокинутый стол, но он не обращал на него внимания, уверенный, что стол будет убран. И кто-то это действительно сделал. Иерарх даже не взглянул под ноги. Его застывшее лицо скрывало лихорадочную работу мысли, и я понял, что он не знает, как поступить.

А я знал. Теперь все казалось простым. Я оказал Кориоулу ту помощь, о которой он просил. У него есть друзья среди жрецов, и эти друзья состоят в его организации. Если Иерарх исчезнет, думал я, то у Кориоула появится возможность захватить власть и посадить на этот отвратительный золотой трон одного из своих ребят. Это все, что я мог для него сделать. И мне подумалось, что это — не так уж мало.

ГЛАВА 18

Стоя перед сияющими Земными Вратами, мы составляли небольшую живописную картинку. Лорна и я, с сопровождающими жрецами по обеим сторонам, готовыми схватить нас по первому же слову Иерарха, — и сам Иерарх, со всей своей мощью и величием,

совершенно бессильный спасти себя. Это был великолепный момент. Я был очень горд своей выдумкой.

Иерарх повел плечами, прочистил горло и заговорил вполголоса, никого больше не оглушая, но все отчетливо слышали каждое его слово.

— Я недостоин этой чести. — Ему, вероятно, было нелегко произнести подобное, но это было лучшее из того, что он смог придумать.

— В Раю полагают, что вы более чем достойны, — диктовал я, и Лорна разносила эти слова над толпой.

Он скрежетал зубами. Я действительно слышал их скрежет. Он окинул помост взглядом, в котором затаилась злоба и надежда. Никто не шевельнулся. Не нашлось, очевидно, никого сообразительнее его. Вдруг слабая надежда озарила его лицо.

— Ну, пойдемте, — сказал он. — Пойдемте вместе.

И он повел нас к Вратам. Сначала я не понял, в чем дело, но вскоре догадался, что он намерен пропустить нас вперед. Он был слишком, чересчур вежлив, пропуская нас вперед, и, несомненно, не собирался следовать за нами.

— О, нет! — решил я. — Скажи: Рай удостоил вашего Иерарха чести первым пройти через Земные Врата.

Лорна хихикнула и произнесла это вслух.

На помосте возникло неожиданное напряжение. Шепоток прошел по рядам жрецов, они в ужасе уставились на Иерарха.

Он словно окаменел. Опять произошло что-то такое, чего я не знал. Но он знал. И все жрецы знали. Я посмотрел на Дио. Тот кивнул. Значит, все в порядке. Я ждал.

Это было потрясающее зрелище: Иерарх посмотрел на Земные Врата и побледнел, а я все не понимал, в чем дело. Конечно, ему не хотелось покидать Малеско, но реакция явно не соответствовала тому, что ему предстояло сделать.

Я подумал: «Он ведь может просто повернуться лицом к толпе и отказаться идти». Нужно срочно придумать, что мне делать в таком случае. Я был уверен, что он так и поступит, а в одно мгновение даже подумал, что он решился на это. Я заметил, как он замешкался, собираясь с духом перед тем как повернуться.

Толпа, казалось, тоже это почувствовала. Она по-прежнему представляла собой единый организм, и колебание Иерарха скоро передалось и ей.

Они не хотели, чтобы он остался. Они не позволят ему остаться.

— Прощайте! — прокричал хриплый голос у самого помоста.

— Прощайте! — подхватили другие голоса, и потолок задрожал от дружных усилий этих людей поскорее распрощаться со своим властелином.

Он повел плечами под раззолоченными одеждами, по-бычьи повернул голову и окинул полным отчаяния взглядом ряды жрецов.

— Поправьте! — сказал он сквозь зубы, едва шевеля губами. — Поправьте, кто-нибудь! Фламманд, помоги мне! Гиперион, сделай что-нибудь! Гиперион, я тебя сожгу!

Никто не шевельнулся.

На помосте установилась вязкая тишина, а в зале набирали силу решительные крики прощания. Никто из стоящих на помосте не решался посмотреть Иерарху в глаза. «Фламманд! — свирепо шептал он. — Фламманд!»

В толпе жрецов рядом с Дио произошло почти незаметное движение. Кто-то сделал нерешительный шаг вперед, вероятно, это и был Фламманд. В тот же момент Дио, обнажив зубы в усмешке, сделал шаг вперед и оттолкнул плечом этого добровольца. Тот мог обойти его, но не стал. После секунды мучительных колебаний он сделал шаг назад и скрылся в толпе.

— Гиперион! — шепот Иерарха стал почти воплем.

Тишина на помосте казалась безжалостной, хотя я и не понимал, в чем дело.

Слева среди жрецов возникло движение. Гиперион пытался ответить на призыв, но ему не позволили. Гиперион, как и Фламманд, отступил. Жрецы, вслед за народом, твердо и окончательно отвергли своего Иерарха.

Он стоял, покачиваясь, опустив голову, с гневом и бессильной ненавистью глядя на жрецов, которые были в его власти еще мгновение назад, а теперь по какой-то таинственной причине одновременно продемонстрировали открытое неповиновение ему.

Этот момент был очень интересен. До сих пор Иерарх правил миром, но вот произошло что-то необъяснимое — и он стал беспомощен.

Его отчаянный взгляд скользил по знакомым лицам. Потом он втянул голову в плечи, и на какой-то миг показалось, что вот сейчас он тяжело, как бульдозер, двинется вперед, сокрушит оппозицию и силой заставит всех снова повиноваться. Но оппозиция была несокрушима, он не мог один одолеть целый мир. Оставалась лишь одна вещь, которую он мог растоптать в надежде сохранить свое лицо...

Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что у него не было реального выбора. Дело не только в том, что мир, которым он правил всю свою жизнь, вдруг решительно поднялся против него. У него была возможность открыто атаковать мятежников, пробить брешь в их рядах и выжить. Не думаю, чтобы он преуспел, но всякое бывает.

Иерарх имел более вескую причину для капитуляции. Чтобы победить оппозицию, ему пришлось бы открыть перед всеми свой собственный обман. Ему пришлось бы исповедоваться перед народом и жрецами как убийце, лжецу и богохульнику. На это он не мог пойти. В подобном случае высокомерие одинаково служит как силам добра, так и зла. Я, не подозревая об этом, предоставил ему выбор между смертью и славой или жизнью в бесчестье. И, осознав это, он не дрогнул.

Его поступок вызвал у меня уважение. Он выпрямился, расправив полные плечи, его позолоченные одежды величественно всколыхнулись. Толпа прощалась с ним, и ее крики напоминали травлю. Но когда он поднял голову, они стихли: все пытались понять, каков его следующий ход.

Он сухо и гордо поклонился им.

Этот маленький эпизод пропал даром для толпы, которая не могла его ни видеть, ни слышать. Но что-то в глазах Иерарха и жрецов указывало на то, что сейчас произойдет нечто неожиданное.

Тот оттенок травли больше не звучал в криках толпы, но шум не уменьшился. Они хотели, чтобы он ушел. Эти крики не стихнут, пока он стоит здесь, в их мире. В Малеско он больше не услышит иного звука, кроме рева толпы, торопящей его в Рай.

Ему ничего не оставалось, как принять эту честь и славу, обрушившиеся на него. Он повернулся, царственно взмахнув одеждами, и с неожиданной твердостью, гордо и уверенно пошел к Земным Вратам. Он знал, что делает. Он знал это лучше, чем любой из нас. Но он не дрогнул.

Он держался, как Джаггернаут. Он всегда сокрушал оппозицию. И теперь, когда на пути его гордого имени встала его собственная жизнь, он был готов сокрушить и ее. Он шел вперед с мрачной гордостью, покидая Малеско с тем достоинством, которое присуще его высокому положению. Он был по-своему великолепен.

Величественным шагом он подошел к Земным Вратам. Оттуда доносился шум уличного движения, отблески огней играли на лице Иерарха. Он не вздрогнул, не оглянулся. Он поднял руку в прощальном жесте и ступил за порог.

Последним звуком, который он услышал, был, должно быть, рев толпы, прогоняющей его из Малеско в Рай.

Толпа не могла увидеть того, что видели стоящие на помосте. Иерарх хорошо продумал и это. Он не хотел, что бы кто-то, кроме жрецов, увидел ловушку, которую он приготовил нам с Лорной. Нам не суждено было живыми вернуться в Нью-Йорк, он опасался, что мы откроем путь для новых ангелов из Рая. У него было с этим уже достаточно проблем. Поэтому Земные Врата были отрегулированы так, чтобы ни один живой человек не смог пройти между мирами.

Когда он коснулся поверхности экрана, тот озарился ярко-золотой вспышкой. Она была ослепительна. Стоящие в зале видели только верхнюю часть этой вспышки, но мне была видна вся фигура в сверкающих одеждах, остановившаяся на мгновение между двумя мирами, в знакомой мне звенящей пустоте. Он стоял на поперечине алхимической буквы «А».

Вдруг вокруг него вспыхнуло пламя.

Я увидел, как золоченые одежды занялись разноцветными языками пламени, видел, как вспыхнули его волосы и пламя объяло их, как корона. Но когда огонь охватил всего этого человека, сияние многократно усилилось, и Иерарх исчез в этой ослепительной вспышке, на которую невозможно было смотреть.

Я закрыл глаза, но перед глазами все еще стояли контуры этого человека на фоне яркого пламени, уничтожившего его. Я думаю, что Иерарх был испепелен раньше, чем этот образ стерся в моем сознании.

А вскоре мы очутились с Лорной Максвелл на углу Пятой авеню и Сорок второй улицы в три часа ночи, одетые в фантастические наряды. Громыхающие автобусы и каменные львы показались нам значительно менее реальными, чем тот мир, который мы только что покинули.

Размышляя об этом, следует отдавать себе отчет в том, что многие клише являются самодовлеющими. При некоторой ситуации и определенном воздействии следует ожидать некоего результата, заранее банального, потому что он — более или менее неизбежен. В Малеско еще не начало светать, когда мы, закончив с нашим собственным клише, закруглились с этой церемонией, отбыв с помпой сквозь Земные Врата назад в Рай.

Конечно, перед отправкой я мог бы выступить с речью. Я мог бы сказать: «Нет смысла устраивать из этого церемонию, ведь ваша религия основана на обмане. Нью-Йорк не больше похож на Рай, чем Малеско. Теория воскрешения — смехотворна, а Алхимия — несостоятельная религия, как ни старайтесь».

За такие слова они могли бы наброситься на меня. За одну ночь нельзя изменить стиль мышления целого мира, это долгий, деликатный процесс, если, конечно, он вообще будет происходить. Пусть этим займется Кориоул. А в ту ночь перед ним стояла другая насущная проблема — побыстрее отделаться от нас с Лорной.

Я сыграл Прометея, и моя роль закончена. Лорна слишком долго была орудием в руках Иерарха, чтобы оставаться желанной гостьей в Малеско. Чем раньше мы окажемся в Раю и закроем за собой Земные Врата, тем лучше.

И мы покинули Малеско. И Врата закрылись. Я сомневаюсь, что на протяжении нашей жизни они когда-нибудь откроются вновь. То, что сейчас происходит за ними в Малеско, вероятно, очень интересно и волнительно — для малескианцев, — но это не наше дело. Кориоул знает, чего хочет, и сношения с Землей не запланированы.

Мы оставили радужно-красный город в муках революции и вернулись домой в Рай.

ЭПИЛОГ

Теперь она звалась Малеска. Вы понимаете почему.

Да, она красива. Ее пресс-секретарь, вероятно, не кривит душой, когда уверяет, что она — самая красивая девушка в мире, — если вам нравится такой тип красоты. Он слащав. Себе бы я такого не пожелал.

И все же жрецы в Малеско знали, что они делают. Они были толковыми психологами. Они придали ей те черты, которые наиболее импонируют малескианцам, и эти черты — необычайно человечны.

Пигмалион влюбился в Галатею, хотя он и знал, что она всего лишь кусок камня, не так ли? Но форма, придавшая камню красоту, была неотразима.

Лорна говорит, что любит меня. Это началось давно, еще до эпизода в Малеско. Она говорит, что ничего не изменилось. Но это, конечно, не так. Малеско сильно изменил ее.

Как до этой перемены я не находил в ней ничего привлекательного, так и при всей ее теперешней красоте Лорна, по сути своей, осталась прежней. Я знаю это, и жаль, что не могу этого забыть. Бесполезно сопротивляться силам, которые движут человеком, нацией или целым миром. Я не могу бороться с ними. А хотелось бы.

Потому что — к черту все клише — я люблю ее по-своему. Я не мог бы жить с ней, вы уже знаете, какова она. И вот поэтому я никогда бы не пошел вечером в то заведение, если бы знал, что она там поет.

Но я сидел, позвякивая льдом в бокале, и слушал ее голос. Они дали ей красивый голос. Я твердил про себя избитые истины, пытаясь не замечать прелести той песни, которая гипнотизировала всех в зале. «С лица воды не пить, — повторял я. — Статен телом, а хорош ли делом. Синица в руках...»

Мои размышления были прерваны бурей аплодисментов. Я поднял глаза и увидел, как Малеска раскланивается. Каждое ее движение было преисполнено грации. Ее сияющие голубые глаза искали меня в полумраке, смущенные и решительные, какими они были всегда, когда она смотрела на меня.

Она не примет отказа. Она опять подойдет ко мне, как только смолкнут аплодисменты, сядет рядом и будет умолять красивым грудным голосом, мягким, как бархат, и сладким, как мед.

Я залпом допил коктейль, вскочил и направился к выходу. Позади стихли аплодисменты и раздался голос Малески: «Эдди! Эдди!»

У дверей я почти бежал.

РОМАН

МУТАНТ

ОДИН

Я должен был как-то оставаться в живых, пока меня не найдут. Они будут разыскивать обломки моего самолета и рано или поздно найдут их, а потом отыщут и меня. Но ждать было тяжело.

Голубая дневная пустота окутывала белые вершины; потом наступила сверкающая ночь, характерная для этой высоты, — и она была такой же пустой. Не слышно было ни звука, не видно было ни реактивного самолета, ни вертолета. Я находился в полном одиночестве.

Именно это и было настоящей бедой.

Несколько сот лет назад, когда не существовало телепатов, одиночество было привычно людям. Но с тех пор как сознание мое заключено в костную скорлупу черепа, я не помню такого времени, когда бы полностью, абсолютно был отрезан от всех людей. Даже оглохнуть или ослепнуть — не так страшно, это, собственно, вообще не имеет значения для телепата.

Поскольку мой самолет разбился за границей горных вершин, я полностью был оторван от всех других, а для нас в постоянной связи разумов есть нечто такое, что дает человеку жизнь. Ампутированная конечность погибает от недостатка кислорода. Я погибал от недостатка... нет такого слова, которым можно передать то, что делает всех телепатов единым целым. И без этого человек оказывается в одиночестве, а в одиночестве люди долго не живут.

Я прислушивался той частью разума, которая улавливает беззвучные голоса других разумов, но слышал только глухое завывание ветра. Я видел, как снег вздымается пушистыми брызгами, как резче становятся голубые тени. Я поднял глаза — уже заалела

восточная вершина, солнце заходило, а я по-прежнему был один.

Я мысленно прощупывал окружающее пространство. Небо темнело. Дрожала звезда, вспыхнувшая и замершая прямо надо мной. Повеяло холодом. В небе горели уже и другие звезды, катящиеся с востока на запад.

Вокруг меня было темно. В темноте были звезды и был я. Я лег на спину, больше уже не прислушиваясь. Никого из наших поблизости не было.

Я вглядывался в раскинувшуюся за звездами пустоту.

Ни вокруг меня, ни надо мной нет ничего живого, и почему, в сущности, я должен оставаться живым? Самым простым сейчас было бы погрузиться в то безмолвие, где нет одиночества, поскольку нет жизни. Я снова прощупал все кругом, и мой мозг не обнаружил никакого другого мыслящего разума. Я двинулся в глубь моей памяти, и это оказалось несколько более обнадеживающим.

Память телепата может проникнуть далеко, очень далеко, намного дальше момента его рождения.

Я могу четко видеть прошлое почти на двести лет, лишь глубже этого отчетливые, ясные телепатически переданные воспоминания начинают размываться и превращаться во вторичные воспоминания, почерпнутые из книг. Книги в своей истории восходят к Египту и Вавилону. Но это совсем не то, что первичные воспоминания, воспоминания полные — благодаря эмоциям, телепатически переданным старым человеком молодому, — и сохраняющиеся в памяти из поколения в поколение. Биографии телепатов не описаны в книгах, они хранятся в нашем сознании.

Особенно хорошо мы помним тех лысок, чьи судьбы ярче других рассказывают о самых напряженных моментах в истории всей нашей расы и чьи жизни мы зовем Ключевыми Жизнями.

Но они умерли, а я один.

Нет. Не совсем один. Со мною воспоминания. Буркхальтер и Бартон, Макней, Линк Коуди и Джеф Коуди — давно ушедшие, но по-прежнему полные жизни в моей памяти. Я могу воссоздать любую мысль, любое чувство, ощутить запах жухлой травы (где?), упругость земли под спешащими ногами (чьими?).

Как просто было бы расслабиться и умереть.

Нет. Подожди. Смотри. Они живы, Буркхальтер и Бартон; Ключевые Жизни остаются реальными, хотя люди, прожившие их когда-то, умерли. Эти люди с тобой. Ты не один.

Буркхальтер и Бартон, Макней и Линк с Джефом не умерли. Вспомни о них. Изучая их жизни, ты уже прожил их телепатически, как когда-то прожили они сами, и ты опять можешь сделать это. *Ты не один.*

Так что смотри. Пусть крутится пленка. Тогда ты вовсе не будешь один, ты будешь Эдом Буркхальтером, каким он был двести лет назад, почувствуешь холодный ветер, дующий в лицо с вершин горной гряды, ощутишь запах тимофеевки, станешь мысленно прощупывать мозг твоего сына... *сына волынщика...*

Началось.

Я был Эдом Буркхальтером.

Это было двести лет назад...

Сын волынщика

Зеленый Человек карабкался по хрустальным горам, а волосатые лица гномов глядели на него из расщелин. Это был лишь очередной эпизод в бесконечной, захватывающей одиссее Зеленого Человека. У него было уже немало приключений — и в Огненной стране, среди Изменяющих Измерения, и с Городскими Обезьянами, которые непрерывно смеялись, пока их толстые, неуклюжие пальцы возились с лучами смерти. С троллями, которые владели магией и пытались остановить Зеленого Человека при помощи колдовства. Маленькие силовые вихри крутились под ногами, пытаясь поймать Зеленого Человека — существо с изумительно развитой мускулатурой, божественно красивое, безволосое с головы до ног и с блестящей бледно-зеленой кожей. А силовые вихри вокруг образовывали пленительный узор. Если удастся проложить среди них путь — опасный путь, где особенно нужно избегать бледно-желтых завихрений, — можно пробраться.

Волосатые гномы внимательно и злобно наблюдали из своих трещин в хрустальных скалах.

Эл Буркхальтер, недавно достигший восьми лет, валялся под деревом и жевал травинку. Он был настолько поглощен своими грезами, что отцу пришлось легонько ткнуть его локтем в бок, чтобы в его полузакрытых глазах появилось осмысленное выражение. День, во всяком случае, был очень подходящим для грез: жаркое солнце и прохладный ветерок, долетавший сюда с белых горных вершин на востоке. В воздухе разливался слегка затхлый аромат тимофеевки.

Эд Буркхальтер был рад, что его сын принадлежит ко второму поколению телепатов со времени Взрыва. Сам он родился через десять лет после того, как была сброшена последняя бомба, и знал, насколько тяжелы даже вторичные воспоминания.

— Привет, Эл, — произнес он, и мальчик удостоил его терпеливого взгляда из-под полуприкрытых век.

— Салют, па.

— Хочешь со мной в центр?

— Не-а, — ответил Эл и тут же вновь погрузился в состояние отрешенности.

Буркхальтер мысленно удивился и полуобернулся. Затем, поддавшись внезапному порыву, он сделал то, что редко делал без молчаливого согласия другой стороны: использовал свои телепатические способности, чтобы прощупать разум Эла. Он признавался себе, что испытывает определенные сомнения, подсознательное нежелание делать это, хотя Эл давно вышел из состояния неприятной, неразумной бесформенности умственного младенчества. Было время, когда разум Эла был просто ужасен своей отчужденностью. Буркхальтер припомнил несколько неудачных попыток, предпринятых им до рождения Эла: мало кто из будущих отцов мог удержаться от соблазна исследовать мозг зародыша. Сделав это, Буркхальтер опять очутился в мире кошмаров, которых он не знал с юности. Он обнаружил там какие-то огромные перекатывающиеся массы, какую-то приводящую в ужас необозримость и многое другое и понял, что пренатальные воспоминания — дело очень щекотливое, уж лучше оставить их квалифицированным мнемопсихологам.

Но сейчас Эл повзрослел; он, как обычно, был погружен в яркие, красочные мечты. Убедившись в

этом, Буркхальтер решил, что исполнил свой родительский долг, и оставил сына по-прежнему погруженным в свои мысли и жующим травинку.

В глубине души он ощущал какую-то неожиданную нежность, и боль, и бессмысленную жалость, что часто испытывал к беззащитным существам, еще недостаточно готовым к столкновению с необычайно сложным процессом их существования. Конфликты, борьба не исчезли, когда прекратилась война; даже процесс приспособления к собственному окружению становился конфликтом, а разговор — поединком, и эта двойная проблема не миновала Эла. Да, разговорный язык, можно сказать, был неким барьером, и лыска осознавал это совершенно отчетливо, поскольку между лысками такого барьера не существовало.

Упруго шагая по дороге, ведущей к центру города, Буркхальтер криво ухмыльнулся и запустил тонкие пальцы в свой ухоженный парик. Незнакомые люди часто удивлялись, узнав, что он — лыска, телепат. Они смотрели на него любопытными глазами; вежливость не позволяла им спросить, каково это — быть ненормальным, но, безусловно, им это очень хотелось узнать. Буркхальтер, со свойственной ему дипломатичностью, всегда был готов начать такой разговор.

— Мои родители жили близ Чикаго после Взрыва. Так уж случилось.

— О... — Пристальный взгляд. — Я слышал, после взрыва было столько... — Напряженная пауза.

— Уродов и мутантов. Было и то, и другое. Я до сих пор не знаю, к кому из них принадлежу, — добавлял Буркхальтер с обезоруживающей искренностью.

— Вы вовсе не урод! — Возражение звучало слишком горячо.

— Знаете, из районов радиоактивного заражения появлялись весьма необычные создания. После бомбежки с зародышевой плазмой происходили забавные вещи. Большинство из этих созданий вымерло: они не могут размножаться. Но кое-кто еще находится в санаториях — с двумя, например, головами и другие подобные существа.

Тем не менее окружающим всегда было не по себе:

— Вы хотите сказать, что можете прочесть мои мысли, прямо сейчас?

— Мог бы, но не делаю этого. Это трудная вещь — кроме как с другим телепатом. И мы, лыски... ну, просто мы этого не делаем, вот и все.

Человек с хорошо развитой мускулатурой не станет бить окружающих, если не хочет, чтобы толпа разорвала его. Лыски в глубине души всегда знали о скрытой угрозе линчевания. А умные лыски вообще предпочитали помалкивать о том, что обладают еще одним чувством. Они просто говорили, что не такие, как все, — и делу конец.

Но один вопрос, хотя его и не задавали, всегда висел в воздухе: «Если б я был телепатом, я бы... А сколько вы зарабатываете в год?»

Ответ удивлял людей. Читающий мысли, безусловно, мог при желании сколотить состояние. Так почему Эд Буркхальтер остается экспертом по семантике в издательском городке Модоке, когда одна поездка в любой из научных городков дала бы ему возможность узнать секреты, которые принесли бы ему богатство?

У него были серьезные причины не делать этого. Хотя бы в целях самосохранения. Для этого же Буркхальтер, как и многие ему подобные, носил парик. Однако было немало лысок, пренебрегавших этим.

Модок был тесно связан с городом Пуэбло, расположенным за горной грядой к югу от пустыни, когда-то бывшей Денвером. В Пуэбло находилась типография, где прессы, фотолинотипы и станки превращали рукописи в книги после того, как их обрабатывали в Модоке. В Пуэбло же был вертолетный парк для распространения продукции, и последнюю неделю Олдфилд, управляющий, настойчиво требовал рукопись «Психоистории», представленную автором из Нью-Йелла, который крайне увлекся эмоциональными проблемами прошлого в ущерб литературной ясности. Суть же проблемы была в том, что писатель не доверял Буркхальтеру. И Буркхальтеру, не священнику и не психологу, пришлось стать и тем, и другим, не признаваясь в этом недоумевающему автору «Психоистории».

Здания издательства, раскинувшиеся внизу перед ним, напоминали скорее домики курортной зоны, чем нечто более утилитарное. Это было необходимо. Пи-

сатели — весьма своеобразные люди, и порой приходилось уговаривать их подвергнуться гидротермическому лечению, прежде чем они были в состоянии работать над своими книгами вместе со специалистами по семантике. Никто не собирался их обижать, но они не понимали этого и либо в ужасе прятались по углам, либо куражились, пользуясь языком, мало кому понятным. Джем Куэйл, автор «Психоистории», не принадлежал ни к той, ни к другой категории; он был просто сбит с толку интенсивностью своего исследования. Его собственная история слишком вовлекала Куэйла в изучение патологических процессов прошлого — а это довольно опасно, когда речь идет о написании работы подобного типа.

Доктор Мун, член Совета, сидел у южного входа и ел яблоко, тщательно очищая его от кожуры своим ножом с серебряной рукояткой. Мун был толстым, бесформенным коротышкой; у него сохранилось немного волос, но телепатом он не был: у лысок волос не было совсем. Проглотив кусок яблока, он помахал Буркхальтеру.

— Эд... — Мун рыгнул. — Надо поговорить.

— Конечно, — ответил Буркхальтер, с готовностью остановившись и повернувшись на каблуках. Укоренившаяся привычка заставила его сесть рядом с членом Совета: лыски, по понятным причинам, никогда не стояли, если нетелепаты сидели. Глаза их встретились.

— В чем дело? — спросил Буркхальтер.

— В магазин вчера привезли яблоки с Шасты. Посоветуй Этель взять их, пока не распродали. Вот. — Мун смотрел, как его собеседник съел ломтик, и кивнул.

— Отлично. Я скажу ей, чтоб купила. Правда, наш вертолет сегодня на приколе: Этель нажала не ту кнопку.

— Да, надежное оборудование, — раздраженно прокомментировал Мун. — На днях должно появиться несколько прекрасных моделей с Гурона; а я собираюсь взять себе новую с Мичигана... Слушай, мне утром звонили из Пуэбло по поводу книги Куэйла.

— Олдфилд?

— Он самый, — кивнул Мун. — Спрашивает, не мог бы ты прислать хоть несколько глав.

— Не думаю. — Буркхальтер покачал головой. — Там в самом начале есть место, которое просто необходимо прояснить, а Куэйл... — Он замялся.

— Что?

Буркхальтер подумал об эдиповом комплексе, обнаруженном им в сознании Куэйла, он не мог вмешаться, хотя понимал, что именно это мешало Куэйлу оценить Дария с холодной логикой.

— У него там много неясного. Я не могу это пропустить: вчера я дал прочесть это место трем читателям, и все они отреагировали по-разному. Пока что «Психоистория» для каждого означает свое. Критики разорвут нас, если мы выпустим книгу в таком виде. Не мог бы ты еще маленько поводить Олдфилда за нос?

— Попытаюсь, — ответил Мун неуверенно. — У меня есть одна новелла, с которой я мог бы поторопиться. Очень легкая и совершенно безвредная эротика. К тому же семантически одобренная. Мы придерживали ее для художника, но я могу привлечь Дьюмена. Да, так и сделаю. Отправлю рукопись в Пуэбло, а иллюстрации он сделает позже... Веселая у нас жизнь, Эд.

— Иногда даже слишком веселая, — сказал Буркхальтер. Он встал, кивнул Муну и отправился искать Куэйла, который принимал солнечные ванны в одном из соляриев.

Худой, высокий человек с беспокойным лицом и растерянным видом черепахи, оказавшейся без панциря, лежал на пластиковой кушетке, поджариваясь в прямых лучах солнечного света, падающих сверху, в то время как отраженные лучи освещали его снизу, сквозь прозрачное кварцевое стекло. Буркхальтер скинул рубашку и опустился в кресло рядом с Куэйлом. Писатель взглянул на его безволосую грудь, и в его мыслях возникло полуосознанное отвращение: «Лыска... никакого уединения... какое его дело... фальшивые брови и ресницы; все-таки он...» Дальше следовала гадость.

Буркхальтер дипломатично промолчал, нажал кнопку, и на экране перед ними возникла страница из «Психоистории», увеличенная, чтобы легко было читать. Куэйл просмотрел лист, на котором сохранились закодированные заметки, сделанные читателями

и определенные Буркхальтером как различные реакции на объяснения, должные быть, по его мнению, совершенно недвусмысленными. Если у трех читателей возникает столь различное понимание одного и того же абзаца, то что же хотел сказать Куэйл? Он осторожно заглянул в его мысли, ощущая бессмысленные барьеры, воздвигнутые против этого проникновения: песочные насыпи, которые его внутреннее испытующее око миновало подобно легкому ветерку. Ни один обычный человек не мог защитить свое сознание от лыски. Но сами лыски могли охранять свой разум от проникновения в него других телепатов, — взрослые лыски. Существовала психическая селекторная полоса...

Вот они, мысли Куэйла, правда, несколько путаные. *Дарий* — для него не просто слово, и не изображение; это, по сути дела, его вторая *жизнь*. Но отрывочная, фрагментарная. Отдельные запахи, и звуки, и воспоминания, и эмоциональные реакции. Восхищение и ненависть. Жгучее бессилие. Запах сосен, черный смерч, проносящийся по карте Европы и Азии. Запах сосен становится сильнее — и страшное чувство унижения, и воспоминание о боли... глаза... *Убирайся!*

Буркхальтер отложил диктофон и откинулся, глядя на Куэйла сквозь нацепленные черные очки.

— Я покинул ваш мозг, как только вы этого захотели, — сказал он. — Я по-прежнему вне его.

Куэйл лежал, тяжело дыша.

— Благодарю, — сказал он. — Извините. Почему вы не говорите о дуэли...

— Я не хочу драться с вами на дуэли, — ответил Буркхальтер. — За всю мою жизнь мой кинжал ни разу не был обагрен кровью. Кроме того, я хорошо понимаю вас. Поймите и вы, — это моя работа, мистер Куэйл, и я просто узнал некоторые вещи, о которых уже забыл.

— Я полагаю, дело во вторжении как таковом. Говорю себе, что это не имеет значения, но мои личные мысли — это для меня слишком важно.

— Мы можем продолжать работу, пробуя подойти с другой стороны, — терпеливо сказал Буркхальтер, — пока не найдем путь, который окажется не

слишком личным. Предположим, например, я спрошу вас, восхищаетесь ли вы Дарием.

Восхищение... запах сосен...

— Я не прослушиваю, — быстро сказал Буркхальтер. — Порядок?

— Спасибо, — пробурчал Куэйл. Он лег на бок, повернувшись спиной к собеседнику.

— Глупо, — произнес он через минуту. — Глупо отворачиваться, я имею в виду. Вам же не надо видеть моего лица, чтобы знать мои мысли.

— Вы должны пригласить меня, прежде чем я войду, — ответил Буркхальтер.

— Мне кажется, я верю этому. Однако я встречал лысок, которые были... которые мне не нравились.

— Да, безусловно, таких тоже много. Я знаю этот тип. Те, что не носят париков.

— Они любят читать мысли и приводить человека в смущение просто для забавы, — сказал Куэйл. — Их надо... учить лучше.

Буркхальтер, моргая, взглянул на солнце.

— Что ж, мистер Куэйл, дело вот в чем. У лыски тоже есть свои проблемы. Он должен приспособиться к миру, где далеко не все являются телепатами, и я полагаю, очень многие лыски чувствуют, что их особые способности вроде как пропадают втуне. Существуют работы, которые годятся для такого человека, как я...

«Человека!» — уловил он отрывочную мысль Куэйла, но никак не прореагировал, сохраняя на лице привычную уже для него подвижную маску.

— Семантика, — продолжал он, — всегда была проблемой, даже в тех странах, где все говорят на одном языке. Квалифицированный лыска — отличный переводчик. И хотя в сыскной полиции нет лысок, они часто сотрудничают с ней. Это почти то же, что быть автоматом, который может выполнять лишь определенные операции.

— Определенные операции, недоступные людям, — дополнил Куэйл.

«Конечно, — подумал Буркхальтер, — если бы мы могли соревноваться с нетелепатическим человечеством на основе равенства. Но разве слепые станут доверять зрячему? Сядут они с ним играть в покер? — Внезапно Буркхальтера охватило неприятное чувство горечи. — Где выход? Резервации для лысок? Изоля-

ция? А разве нация слепых относится к зрячим с достаточным доверием для этого? Или их сотрут с лица земли — верное средство в системе взаимозависимости и взаимоограничения, сделавшее невозможной войну».

Он помнил, как стерли с лица земли Ред-Бэнк, и, возможно, оправданно. Город становился слишком большим, а чувство собственного достоинства — существенный фактор: никто не хочет терпеть унижение, пока у него на поясе кинжал. Точно так же тысячи и тысячи маленьких городков, заполонивших Америку, каждый из которых специализировался на чем-либо, как-то: производство вертолетов в Гуроне и Мичигане, овощеводство в Коное и Диего, текстильное производство, образование, искусство, машиностроение, — все они зорко следили друг за другом. Научные и исследовательские центры были немного крупнее — никто не возражал против этого, поскольку их население почти никогда не воевало, разве только вынужденно; вообще же городов с населением больше, чем нескольких сотен семей, было мало. В этом принцип взаимозависимости и взаимоограничения проявлялся самым эффективным образом: как только появлялись признаки того, что маленький город стремится стать большим и, следовательно, столицей, а затем — империалистическим государством, — его убирали. Впрочем, такого давно не случалось. А Ред-Бэнк, возможно, был ошибкой.

С геополитической точки зрения, это было хорошее устройство; социологически оно тоже было приемлемо, но несло неизбежно стремление к изменениям, ведь подсознательное желание выделиться существовало всегда. Права личности ценились все выше по мере децентрализации. И люди учились.

Они научились финансовым отношениям, основанным в большей степени на товарообмене; научились летать — никто не пользовался наземными средствами передвижения. Люди научились многим вещам, но они не забыли Взрыв, и в потайных местах около каждого города были припрятаны бомбы, которые могли полностью, с фантастической эффективностью уничтожить небольшой городок — так же, как подобные бомбы уничтожили огромные города во время Взрыва.

И всем было известно, как изготовить такие бомбы. В простоте их устройства была своя ужасная красота. Ингредиенты можно было найти где угодно, а соединить их не представляло особого труда. Оставалось только поднять вертолет над городом, сбросить эту яйцеобразную форму — и города как не бывало.

За пределами пустыни недовольных, неприспособленных людей, которые встречаются в любой нации, никто не трогал. А бродячие племена никогда не совершали набегов и не собирались в слишком большие группы, боясь уничтожения.

Люди искусства в некоторой степени также являлись неприспособленными, но они не были асоциальными, поэтому жили где хочется, рисовали, писали литературные и музыкальные произведения, уходя в свой собственный мир. Ученые, тоже неприспособленные люди во многих отношениях, укрывались в своих более крупных городах, создавая там небольшие сообщества, и добивались выдающихся технических успехов.

А лыски — те искали работу где могли.

Ни один нетелепат не мог бы смотреть на окружающий мир так, как Буркхальтер. Он необыкновенно хорошо осознавал наличие различных слоев человеческого общества, придавая более глубокое, более прочувствованное значение их ценностям, — потому, безусловно, что видел людей в большем, чем обычно, количестве измерений. И кроме того, в некотором роде он — неизбежно — смотрел на человечество со стороны.

Однако он был человеком. Просто барьер, воздвигнутый телепатией, заставлял людей относиться к нему с подозрением — бóльшим, чем если бы у него было две головы: тогда его могли бы жалеть. А так...

А так он настроил сканирующее устройство, чтобы на экране засветились новые страницы рукописи.

— Скажите, когда начнем, — обратился он к Куэйлу.

Куэйл откинул рукой свои седые волосы.

— Я сплошной комок нервов, — возразил он. — В конце концов, приведение в порядок моих материалов потребовало немалого напряжения.

— Что ж, всегда можно отложить публикацию. — Буркхальтер предложил это как бы мимоходом и был рад, что Куэйл не клюнул. Он тоже не любил неудач.

— Нет-нет, я хочу, чтобы это было сделано сейчас.

— Психокатарсис...

— Что ж, возможно, при помощи психолога. Но не...

— Лыски. Вы знаете, что многие лыски оказывают помощь психологам. И, кстати сказать, довольно успешно.

Куэйл включил устройство для курения и медленно затянулся.

— Я думаю, что... я слишком мало имел контактов с лысками. Или, наоборот, слишком много, без разбору. Я видел кое-кого из них в сумасшедшем доме... Надеюсь, я не сказал ничего обидного?

— Нет, — ответил Буркхальтер. — Любая мутация может оказаться слишком близко к крайней черте. Было среди них множество неудачных. Жесткое излучение вызвало одну настоящую мутацию; появились безволосые телепаты, но не все они вполне нормальны. Мозг — любопытное устройство, вы, думаю, знаете. Это, образно говоря, коллоидное балансирование на острие иглы. Если что-то не в порядке, телепатия обычно это выявляет. Вам, должно быть, известно, что Взрыв вызвал до черта психических расстройств, не только среди лысок, но и среди других появившихся тогда мутантов. Добавлю к этому, что почти все лыски склонны к паранойе.

— А также к старческому слабоумию, — добавил Куэйл с облегчением, так как разговор перешел на Буркхальтера.

— И к слабоумию, да. Когда телепатическими способностями обладает противоречивый разум — наследственно испорченный разум, — он не может с этим справиться. Наступает дезориентация. Параноидальная группа уходит в свой собственный мир, а слабоумные просто не осознают, что существует *этот* мир. Есть, конечно, исключения, но мне кажется, я выделил то, что лежит в основе.

— В некотором роде, — сказал Куэйл, — это страшно. Я не помню исторической параллели.

— Ее нет.

— Чем, вы думаете, это кончится?

— Не знаю, — произнес Буркхальтер задумчиво. — Я полагаю, мы ассимилируемся, а пока для этого прошло недостаточно много времени. Пока мы специализированы определенным образом и полезны в определенного вида работах.

— Если вас это устраивает, но лыски, не желающие носить парики...

— В них столько злости, что, думаю, их всех понемногу убьют на дуэлях. — Буркхальтер улыбнулся. — Невелика потеря. Что касается других, — мы все же получаем то, что хотим, — признание. У нас нет ни рогов, ни крылышек.

Куэйл покачал головой.

— Мне кажется, я рад, что не телепат. Разум достаточно загадочен и так, и нет нужды открывать новые двери. Спасибо, что дали мне поговорить. Во всяком случае, я частично выговорился. Попробуем еще раз рукопись?

— Разумеется, — ответил Буркхальтер, и снова вверху на экране замелькали страница за страницей. Куэйл действительно казался более открытым: его мысли стали яснее, и Буркхальтеру удалось докопаться до истинного смысла прежде казавшихся туманными утверждений. Они работали в согласии, и только дважды пришлось им пробираться сквозь эмоциональную путаницу. В полдень они закончили, и Буркхальтер, дружески кивнув Куэйлу, добрался на подъемнике до своего кабинета, где его ждало несколько записанных визором сообщений. Он просмотрел запись, и в его голубых глазах появилось беспокойство.

За обедом он, сидя в отдельной кабинке, беседовал с доктором Муном. Разговор продолжался так долго, что кофе оставался горячим лишь благодаря электрочашкам, однако Буркхальтеру требовалось обсудить не одну проблему. А Мун был добрый малый. Толстяк, казалось, принадлежал к тем немногим, кого не отталкивал даже подсознательно тот факт, что Буркхальтер — лыска.

— Я никогда не дрался на дуэли, док. Я не могу себе этого позволить.

— Ты не можешь этого себе не позволить. Ты не можешь отклонить вызов, Эд. Так не делается.

— Но этот парень, Рэйли, — я даже не знаю его.

— Я слышал о нем, — сказал Мун. — Весьма неуживчивый. Много раз дрался на дуэли.

— Это просто смешно! — Буркхальтер хлопнул ладонью по столу. — Я не хочу!

— Что ж... — помолчав, Мун практически заметил: — Твоя жена не может с ним драться. А если Этель читала мысли миссис Рэйли и разболтала об этом, то у Рэйли есть все основания вызвать тебя.

— Ты что, думаешь, мы не знаем, как это опасно? — тихо спросил Буркхальтер. — Этель не шастает по знакомым, читая мысли, равно как и я. Это смертельно опасно для нас, как и для любого лыски.

— Только не для безволосых, не для тех, кто не носит париков. Они...

— Они дураки. И компрометируют всех лысок. Первое: Этель не читает мысли, она не читала мыслей миссис Рэйли. Второе: она не треплет языком.

— Ла Рэйли, безусловно, принадлежит к истерическому типу, — заметил Мун. — Ходили какие-то слухи об этом скандале, как бы там ни было, и миссис Рэйли вспомнила, что недавно видела Этель. Такой уж она человек, ей, так или иначе, обязательно нужен козел отпущения. Вполне может оказаться, что она сама где-нибудь сболтнула лишнее, а чтобы муж ее в этом не винил, решила найти прикрытие.

— Я не собираюсь принимать вызов Рэйли, — упрямо повторил Буркхальтер.

— Придется.

— Послушай, док, может быть...

— Что?

— Ничего. Так, одна мысль. Может, сработает. Забудь об этом. Кажется, я нашел верное решение. Как ни крути, другого выхода нет. Драться на дуэли я не могу, и все.

— Ты ведь не трус.

— Есть одна вещь, которой лыски все-таки боятся, — сказал Буркхальтер. — Общественное мнение. Я знаю, что, приняв вызов, убью Рэйли. Поэтому-то я никогда не дрался на дуэли.

— М-м-м... — Мун отхлебнул кофе. — Мне кажется...

— Не надо. Есть еще кое-что. Я вот думаю, не следует ли отправить Эла в специальную школу.

— А что такое с малышом?

— Он становится прекрасным малолетним преступником. Утром мне звонила учительница. Стоило ее послушать. Он странно разговаривает и ненормально себя ведет. Некрасиво шутит над друзьями — если, конечно, у него еще остались друзья.

— Все дети жестоки.

— Дети не ведают, что такое жестокость. Потому и жестоки: у них еще нет чувства сострадания. Но Эл становится... — Буркхальтер беспомощно развел руками. — Он превращается в юного тирана. И ему на все наплевать, по словам учительницы.

— На мой взгляд, это не выглядит слишком уж ненормальным.

— Но это не самое плохое. Он слишком сосредоточен на самом себе. Чересчур. Я не хочу, чтобы он превратился в одного из лысок без париков, о которых ты говорил. — Буркхальтер не упомянул о другом варианте: паранойя, сумасшествие.

— Где он всего этого набирается? Дома? Едва ли, Эд. Где он еще бывает?

— Где и все. У него нормальное окружение.

— Мне кажется, — сказал Мун, — что у лыски должны быть исключительные возможности для воспитания ребенка. Умственный контакт — вроде того.

— Да. Но... я не знаю. Беда в том, — Буркхальтер говорил тихо, еле слышно, — что я больше всего хотел бы ничем не отличаться. Нас не спрашивали, желаем ли мы быть телепатами. Возможно, это и замечательно — по большому счету, — но я всего лишь отдельная личность со своим микрокосмом. Людям, занимающимся долгосрочной социологией, свойственно забывать об этом. Они могут найти общие решения, но каждый отдельно взятый человек — или лыска — должен бороться сам, пока жив. И это не просто борьба. Это хуже: необходимость каждую секунду следить за собой, стараясь войти в мир, где ты не нужен.

Мун чувствовал себя неловко.

— Ты что, Эд, испытываешь жалость к себе?

— Да, док. — Буркхальтер встряхнулся. — Но я что-нибудь придумаю.

— Мы вместе придумаем, — сказал Мун, хотя Буркхальтер и не ждал от него особой помощи. Мун был бы рад помочь, но обычному человеку ужасно трудно понять, что лыска — такой же, как он. Люди всегда ищут различия — и находят их.

Во всяком случае, сейчас ему нужно было разобраться с делами прежде, чем он увидит Этель. Буркхальтер мог бы легко скрыть информацию, но она обнаружит ментальный барьер и удивится. Их брак был близок к идеалу благодаря дополнительному контакту, который в какой-то мере компенсировал неизбежное, полуосознанное отчуждение от остального мира.

— Как дела с «Психоисторией»? — помолчав, поинтересовался Мун.

— Лучше, чем я ожидал. Я нашел новый подход к Куэйлу. Когда я рассказываю о себе, он вроде как открывается, обретает некую уверенность, чтобы допустить меня в свои мысли. Может быть, несмотря ни на что, мы сумеем подготовить для Олдфилда эти первые главы.

— Прекрасно. Но все равно, лучше бы он не торопил нас. Если нам придется готовить книги с такой поспешностью, то проще уж вернуться к прежней семантической путанице. Но мы не вернемся к ней!

— Что ж, — сказал Буркхальтер, вставая. — Я пошел. Увидимся.

— А насчет Рэйли...

— Оставь это. — Буркхальтер вышел и направился по адресу, который записал его визор. Он потрогал кинжал у себя на поясе. Лыски не могут драться на дуэли, но...

Его мозг воспринял приветствие, и он остановился под аркой, ведущей на территорию городка, улыбнувшись Сэму Шейну, лыске из района Нового Орлеана, в ярко-рыжем парике. Они не стали тратить время на разговор.

Личный вопрос, касающийся умственного, морального и физического состояния.

Удовлетворенное сияние. А ты, Буркхальтер?

На мгновение Буркхальтер почти увидел, что символ его имени означает для Шейна.

Тень тревоги.

Теплое, доброе желание помочь.

Между лысками всегда существовала дружеская связь.

«Куда бы я ни шел, — подумал Буркхальтер, — всюду встречаю подозрительность. Мы уроды».

«В других местах еще труднее, — подумал Шейн. — В Модок-тауне нас хотя бы много. Люди всегда настроены более подозрительно, когда встречаются с нами не ежедневно».

«Мальчик...»

«У меня тоже неприятности, — подумал Шейн. — Меня это тоже тревожит. Мои две девочки...»

«Проступки?»

«Да».

«Общий знаменатель?»

«Не знаю. У многих из нас те же неприятности с детьми».

«Вторичные характеристики мутации? Проявление во втором поколении?»

«Сомнительно, — подумал Шейн, нахмурясь и прикрыв свое мысленное представление расплывчатым вопросом. — Подумаем после. Пора идти».

Буркхальтер вздохнул и отправился дальше. Дома тянулись вереницей вокруг центрального промышленного предприятия Модока, и он прошел к своей цели через парк. Однако в длинном изогнутом здании никого не было, поэтому Буркхальтер отложил встречу с Рэйли на потом и, взглянув на свой таймер, пошел по склону холма к школе. Как он и ожидал, было время отдыха, и он заметил Эла, разлегшегося под деревом, в некотором отдалении от своих товарищей, занятых захватывающей и жестокой игрой во Взрыв.

Он послал вперед мысль.

Зеленый Человек почти добрался до вершины горы. Волосатые гномы топали по его следу, нечестно преследуя свою жертву шипящими вспышками молний, но Зеленый Человек проворно увертывался. Скалы нависали...

— Эл.

...внутрь, под ударами гномов, готовые...

— Эл! — Буркхальтер послал мысль вместе со словом, толчком ворвавшись в мозг мальчика, — он очень редко применял этот прием, поскольку дети

были практически беспомощны против такого вторжения.

— Привет, пап, — невозмутимо сказал Эл. — В чем дело?

— Сообщение от твоей учительницы.

— Я ничего не сделал.

— Она все мне рассказала. Слушай, малыш. Не забивай себе голову разными глупыми мыслями.

— Я не забиваю.

— Как ты думаешь, лыска лучше или хуже, чем нелыска?

Эл встревоженно пошевелил ногами. Он ничего не ответил.

— Что ж, — сказал Буркхальтер, — ответ заключается в том, что ни то ни другое неверно. Лыска может общаться мысленно, но он живет в мире, где большинство людей не может этого.

— Они дураки.

— Не такие уж дураки, если они лучше приспособлены к окружающему миру, чем ты. С таким же успехом можно сказать, что лягушка лучше рыбы, поскольку она земноводная. — Буркхальтер кратко объяснил сказанное телепатически.

— Ну... а, я понял, ясно.

— Возможно, — медленно произнес Буркхальтер, — все, что тебе нужно, это хороший пинок под зад. Эта твоя мысль была не совсем ясной. Что это было?

Эл попытался скрыть ее, отгородившись от воздействия, Буркхальтер начал поднимать заслон — дело для него простое, — но остановился. Эл смотрел на отца отнюдь не по-сыновнему, скорее, как на какую-то рыбу без костей. Это было ясно.

— Если ты настолько самовлюблен, — заметил Буркхальтер, — то, может быть, поймешь другой пример. Ты знаешь, почему никто из лысок не занимает ответственных постов?

— Разумеется, — неожиданно ответил Эл. — Они боятся.

— Чего боятся?

— Ну... — Мысленная картина была очень любопытной, смешение чего-то, смутно знакомого Буркхальтеру. — Нелысок.

— Да, если бы мы занимали должности, где могли бы использовать преимущество своих телепатических способностей, нелыски весьма сильно завидовали бы — особенно в случае успешной деятельности. Даже если бы лыска всего лишь изобрел мышеловку лучшей конструкции, очень многие стали бы утверждать, что он украл идею из мыслей какого-нибудь нелыски. Соображаешь?

— Да, пап.

Но прежде он этого не понимал. Буркхальтер вздохнул и поднял глаза. Он узнал одну из девочек Шейна; она в одиночестве сидела неподалеку на склоне холма, прислонясь к большому камню. Там и тут виднелись другие одинокие фигуры. Далеко на востоке покрытые снегом крепостные валы Скалистых гор выступали неровным силуэтом на фоне голубого неба.

— Эл, — сказал Буркхальтер, — я не хочу, чтобы ты задирался и ввязывался в ссоры. Это прекрасный мир, и люди в целом — отличные ребята. Существует закон золотой середины. Для нас неразумно получать слишком большое богатство или власть, поскольку это обернется против нас, — да и нет в этом нужды. Бедных нет. Мы находим работу, выполняем ее, и мы относительно счастливы. У нас есть некоторые преимущества перед нелысками — например, в браке. Мысленная близость не менее важна, чем физическая. Но я не хочу, чтобы ты, будучи лыской, считал себя богом. Это совсем не так. Я все-таки могу, — добавил он задумчиво, — выбить из тебя эту дурь, если ты станешь развивать ту идею, что у тебя сейчас на уме.

— Извини. — Эл судорожно сглотнул и скомандовал отступление. — Я больше не буду.

— И никогда не снимай парика в классе. Пользуйся липкой массой, которая в шкафу в ванной.

— Да, но... Мистер Веннер не носит парика.

— Напомни мне, я дома расскажу тебе кое-что из истории хулиганов-стиляг, — сказал Буркхальтер. — То, что мистер Веннер не носит парика, — возможно, единственное его достоинство, если ты считаешь это достоинством.

— Он зарабатывает много денег.

— Любой заработал бы, имея универмаг. Но заметь: люди, если могут этого избежать, у него не

покупают. Вспомни, что я сказал тебе насчет задиристости. Он именно такой. Есть лыски вроде Веннера, Эл, но можешь как-нибудь спросить у него, счастлив ли он. А я, к твоему сведению, счастлив. Во всяком случае, больше Веннера. Уловил?

— Да, пап. — Эл изобразил покорность, но и только. Все еще встревоженный, Буркхальтер кивнул и отошел. Проходя мимо камня, возле которого сидела дочка Шейна, он услышал обрывок мысли:

...на вершине Хрустальных Гор, сбрасывая вниз обломки скалы на гномов, пока...

Он сразу перестал прислушиваться: прощупывание восприимчивых умов давно стало бессознательной привычкой, но по отношению к детям это было явно нечестно. Со взрослыми лысками это выглядело примерно как машинально приподнять шляпу в знак приветствия — либо ответят, либо нет. Можно было создать заслон, закрыться; ответом могло быть переключение на концентрированную мысль, сугубо личную и неприкосновенную.

С юга приближался вертолет с цепочкой планеров — судя по расцветке, грузовой состав с замороженными продуктами из Южной Америки. Буркхальтер сделал мысленную заметку: взять аргентинский бифштекс. У него был новый рецепт, который он хотел опробовать: жаренное на углях мясо с подливкой, — это будет приятным разнообразием после мясных блюд, приготовленных в коротковолновой плите, которые они ели всю неделю. Помидоры, красный перец... что еще? Ах, да: дуэль с Рэйли. Буркхальтер рассеянно потрогал рукоятку кинжала и негромко, насмешливо хмыкнул. Может быть, он прирожденный пацифист; трудновато воспринимать угрозу дуэли серьезно, когда на уме лишь прозаические детали обеда на открытом воздухе.

Обычное явление. Века цивилизации волнами прокатывались по континентам, и каждая отдельная волна, даже и сознавая себя частью прилива, была тем не менее более всего озабочена обедом. И если ты не тысячу футов ростом, не обладаешь мозгом и продолжительностью жизни бога, то какая разница? Люди многое теряют — такие люди, как Веннер, который, безусловно, не в себе. Он не сумасшедший, чтобы оказаться в дурдоме, но, совершенно очевидно,

потенциальный параноик. Отказ человека носить парик автоматически делает его индивидуалистом, но также и эксгибиционистом. Пусть он не стыдится отсутствия волос, только зачем же выставлять это напоказ? К тому же Веннер весьма раздражителен, и если люди обращаются с ним грубо, то это вызвано только его грубостью.

Что касается Эла, парень, похоже, действительно может стать малолетним преступником. Буркхальтер подумал, что это вряд ли является нормальным детским развитием. Он не считал себя специалистом, но был еще достаточно молод, чтобы помнить годы собственного созревания, — а ему было труднее, чем Элу: в те годы лыски вообще всем были внове и казались совершенно ненормальными, и звучало немало призывов изолировать, стерилизовать или даже уничтожить мутантов.

Буркхальтер вздохнул. Если бы он родился до Взрыва, все могло бы быть иначе. Впрочем, трудно сказать. Можно изучать историю, но нельзя прожить ее. В будущем, не исключено, появятся телепатические библиотеки, где это станет возможным. По сути дела, телепатия дает столько возможностей, и еще так мало из них мир готов использовать. Понемногу лысок перестанут считать уродами, и тогда наступит время, когда будет возможен их настоящий прогресс.

«Но не отдельные люди делают историю, — подумал Буркхальтер. — Ее делают народы, а не отдельные личности».

Он остановился у дома Рэйли. На этот раз тот отозвался — рослый, веснушчатый малый с раскосыми глазами, огромными ручищами и, как отметил Буркхальтер, отличной координацией движений. Он положил руку на створки двери и кивнул.

— Кто вы, мистер?

— Меня зовут Буркхальтер.

В глазах Рэйли появились понимание и настороженность.

— Понятно. Вы получили мой вызов?

— Да, — ответил Буркхальтер. — Я хочу поговорить с вами об этом. Можно войти?

— О'кей. — Рэйли отступил, давая дорогу в прихожую и просторную гостиную, стены которой, сде-

ланные из мозаичного стекла, пропускали рассеянный свет. — Хотите назначить время?

— Я хочу сказать вам, что вы ошибаетесь.

— Минуточку, — сказал Рэйли, взмахнув рукой. — Моей жены сейчас нет, но она мне все рассказала. Мне не нравится это лазанье в мозг человека — это некрасиво. Вам нужно было сказать *вашей* жене, чтобы она не лезла в чужие дела или держала язык за зубами.

— Даю вам слово, Рэйли, — терпеливо возразил Буркхальтер, — что Этель не читала мыслей вашей жены.

— Это она так сказала?

— Я... я ее не спрашивал.

— Ага, — произнес Рэйли с видом победителя.

— В этом нет необходимости. Я знаю ее достаточно хорошо. И... в общем, я сам лыска.

— Мне это известно, — сказал Рэйли. — Как я понимаю, вы и сейчас можете читать мои мысли. — Он заколебался. — Уходите из моего дома. Я хочу, чтоб мои мысли оставались при мне. Встретимся завтра на рассвете, если вас устраивает. А теперь уходите. — Казалось, у него в памяти возникло какое-то старое воспоминание, которым он не собирался делиться.

Буркхальтер с благородством отказался от соблазна.

— Ни один лыска не станет читать...

— Давай убирайся!

— Послушайте! Ведь у вас нет ни малейшего шанса на победу в поединке со мной!

— Да ты знаешь, сколько у меня уже зарубок? — спросил Рэйли.

— Вы когда-нибудь дрались с лыской?

— Завтра сделаю зарубку поглубже, и только-то. Убирайся, слышишь!

— Послушайте, — Буркхальтер закусил губу. — Вы понимаете, что во время дуэли я смогу читать ваши мысли?

— Мне плевать... Что?

— Я все время буду на одно движение впереди. Как бы ни были инстинктивны ваши действия, вы будете знать о них за долю секунды. И мне будут известны все ваши приемы, и все ваши слабости —

тоже. Ваша техника будет для меня открытой книгой. Что бы вы ни думали...

— Нет, — покачал головой Рэйли. — О нет. Вы хитрый парень, но все это выдумки.

Буркхальтер подумал, принял решение и, обернувшись, отодвинул в сторону стул.

— Достаньте ваш кинжал, — сказал он. — Ножны оставьте; я покажу, что имею в виду.

Рэйли широко открыл глаза:

— Если вы хотите сейчас...

— Нет, не хочу. — Буркхальтер отодвинул другой стул. Он отстегнул кинжал вместе с ножнами и проверил, зафиксирован ли маленький предохранитель. — Места достаточно. Давайте.

Рэйли хмуро достал свой кинжал. Ножны явно мешали, и держал он его довольно неуклюже; он сделал внезапный выпад. Буркхальтера, однако, на прежнем месте уже не было, так как он предвидел удар; кожаные ножны его собственного кинжала скользнули снизу вверх по животу Рэйли.

— Так, — сказал Буркхальтер, — закончилась бы схватка.

Вместо ответа Рэйли решил нанести сильный удар кинжалом сверху вниз; в последний момент его рука резко изменила направление — так, что кинжал должен был перерезать противнику горло. Свободной рукой Буркхальтер перехватил его руку и одновременно дважды «всадил» закрытый ножнами кинжал в сердце Рэйли. Тот побледнел, на лице ярко проступили веснушки. Но он все еще не хотел признать свое поражение. Он попробовал еще несколько выпадов — хитрых, прекрасно отработанных ударов, — но все они тоже не имели успеха, поскольку Буркхальтер их предвидел. Его левая рука всякий раз прикрывала то место, в которое Рэйли хотел нанести удар.

Рэйли медленно опустил руку, облизал пересохшие губы и сглотнул. Буркхальтер стал пристегивать на место свой кинжал.

— Буркхальтер, — сказал Рэйли, — ты дьявол.

— Вовсе нет. Я просто не хочу рисковать. Ты что, действительно думаешь, что быть лыской — простое дело?

— Но если ты можешь читать мысли...

— Сколько, как ты полагаешь, я протяну, если начну драться на дуэлях? Победы будут слишком легкими. Никто этого не потерпит, и вскоре мне придет конец. Я не могу драться на дуэли, потому что это будет просто убийством, и люди быстро поймут, что к чему. Я не обращаю внимания на грубости и сношу немало оскорблений именно по этой причине. Сейчас, если хочешь, я снесу еще одно и извинюсь. Я признаю все, что ты захочешь. Я не могу драться с тобой на дуэли, Рэйли.

— Да, я понимаю. И... я рад, что ты пришел. — Рэйли все еще был очень бледен. — Я бы угодил в хорошенькую западню.

— Не мной устроенную, — сказал Буркхальтер. — Я бы не стал драться. Лыски, знаешь, не такие уж счастливые. У них есть свои сложности — вот вроде этой. Поэтому мы не можем рисковать и выступать против людей, и поэтому мы никогда не читаем мысли, только разве если нас об этом просят.

— В этом есть какой-то смысл. — Рэйли задумался. — Слушай, я возьму вызов назад. О'кей?

— Спасибо, — сказал Буркхальтер, протягивая руку, которую другой пожал не слишком охотно. — На том и закончим, а?

— Да. — Рэйли, однако, по-прежнему не терпелось выпроводить гостя из дому.

Буркхальтер направился обратно к Издательскому Центру, что-то насвистывая. Теперь все можно рассказать Этель; в сущности, он все равно сделал бы это, ибо секреты между ними нарушили бы полноту их телепатической близости. И дело даже не в том, что их разумы открыты друг другу, а, скорее, в том, что именно поэтому каждый из них ощутил бы барьер, выставленный другим, и тогда совершенная гармония уже не была бы столь полной. Как ни удивительно, несмотря на эту полную близость, мужу и жене удавалось уважать право другого на личные мысли.

Возможно, Этель будет несколько расстроена, но неприятность уже позади; и она все правильно поймет — ведь его жена тоже лыска. Хотя по ее внешнему виду и не догадаешься об этом: голову прикрывает парик из пушистых каштановых волос, глаза обрамляют длинные ресницы. Ее родители жили в

местечке на востоке от Сиэтла и во время Взрыва, и после него, пока эффекты жесткой радиации не были досконально изучены.

Холодный ветер налетал на Модок с вершин и уносился на юг через долину Юты. Буркхальтер подумал, как хорошо было бы сейчас в его вертолете в небесной синеве. Только там можно обрести тот тихий, удивительный покой, которого лыски никогда не испытывают на земле, разве что где-нибудь в пустыне. Ведь вокруг всегда кружатся обрывки чьих-то мыслей, воспринимаемые подсознательно, никогда не затихающие, как чуть слышное шуршание иглы на грампластинке. Конечно же, именно поэтому почти все лыски любят летать и становятся отличными пилотами. Голубая воздушная пустыня была для них словно приют отшельника.

Тем не менее сейчас он находился в Модоке и опаздывал на встречу с Куэйлом. Буркхальтер прибавил шагу. В главном зале он встретил Муна, кратко и загадочно сообщил ему, что уладил дело с дуэлью, и прошел мимо, оставив толстяка в недоумении. Визор зафиксировал лишь один вызов — от Этель; воспроизведя его, он узнал, что та волнуется из-за Эла и хотела бы, чтобы он зашел в школу, если может. Что ж, он уже сделал это — если только мальчишка не ухитрился еще чего-нибудь натворить. Буркхальтер позвонил и успокоился: с Элом пока больше ничего не произошло.

Куэйла он застал все в том же отдельном солярии. Тот мучился жаждой, и Буркхальтер заказал пару спиртных коктейлей, так как не возражал против повышения активности Куэйла. Седовласый автор был погружен в изучение секционной исторической карты мира, поочередно показывавшей временные пласты, по мере того как он углублялся в прошлое.

— Посмотрите, — сказал он, пробежав пальцами по клавиатуре. — Видите, как колеблется граница Германии? И Португалии. Видите ее зону влияния? А теперь... — Зона непрерывно уменьшалась, начиная с 1600 года, в то время как вокруг других стран линии расширялись: эти страны приобретали власть на море.

Буркхальтер потягивал свой коктейль.

— Теперь от этого мало что осталось.

— Да, конечно, со времени... В чем дело?

— Что вы имеете в виду?

— На вас лица нет.

— Не думал, что это заметно, — поморщился Буркхальтер. — Я только что отвертелся от дуэли.

— Никогда не видел большого смысла в этом обычае, — сказал Куэйл. — Но что случилось? С каких пор от нее можно отвертеться?

Буркхальтер ему все объяснил. Писатель взял выпивку и сделал глоток.

— Ну и положение у вас. — Он фыркнул. — Да, сдается мне, не такое уж в конце концов преимущество — быть лыской.

— Иногда это определенно невыгодно. — Под влиянием момента Буркхальтер рассказал и о сыне. — Понимаете, о чем я? Я просто *не знаю*, с какими мерками подходить к юному лыске. Он, что ни говорите, мутант. А телепатическая мутация как следует еще не изучена, на это и времени-то не было. Мы не можем ею управлять. У морских свинок и кроликов телепатию не вызовешь, вы это знаете, опыты проводились. Ну и... словом, ребенок лыски требует особого воспитания, чтобы он мог справиться с проблемами половой зрелости.

— Но вы-то как будто достаточно хорошо приспособились.

— Я... я многому научился, как и большинство разумных лысок. Поэтому-то я и не богатый человек, и не политик. Мы, в сущности, покупаем безопасность для всех нас, поступаясь определенными индивидуальными преимуществами. Мы платим судьбе — и судьба щадит нас. Но нам она тоже платит, платит валютой будущих выгод — отрицательных выгод, по сути дела, так как мы просим только, чтобы нас не преследовали и приняли. По этой причине нам приходится отказываться от очень многих сиюминутных положительных выгод. Умиротворение судьбы.

— Плата волынщику, — кивнул Куэйл.

— Мы и есть волынщики — лыски как группа, я имею в виду. И наши дети тоже. Так что все в относительном равновесии: фактически мы платим сами себе. Если бы я захотел как-то несправедливо воспользоваться своими телепатическими способностями, мой сын прожил бы не слишком долго. Лысок

уничтожили бы. Элу важно понять это, а пока он становится все больше антисоциальным.

— Все дети антисоциальны, — заметил Куэйл. — Они законченные индивидуалисты. Мне кажется, единственное из-за чего следовало бы волноваться, это если бы отклонение мальчика от нормы было связано с его телепатическими способностями.

— В этом что-то есть. — Буркхальтер потихоньку и очень осторожно заглянул в мысли Куэйла, отметив, что его неприязнь значительно уменьшилась. Он внутренне улыбнулся и продолжал говорить о своих бедах:

— Так или иначе, из мальчика вырастает мужчина. А взрослый лыска должен быть очень хорошо приспособлен, иначе он погибнет.

— Окружение не менее важно, чем наследственность. Они дополняют друг друга. Когда ребенок воспитывается правильно, у него не будет особых неприятностей — если наследственность в порядке.

— А в порядке ли она? Так мало известно о телепатической мутации. Если отсутствие волос является вторичным признаком, то, может быть, в третьем или четвертом поколении проявится что-нибудь другое. Я вообще думаю о том, хороша ли телепатия для разума.

— Х-м-м, — произнес Куэйл. — Лично у меня она вызывает беспокойство...

— Как у Рэйли.

— Да, — согласился Куэйл, хотя ему и не слишком понравилось сравнение. — Что ж... как бы то ни было, а если мутация окажется неудачной, то мутанты вымрут. Они не смогут давать нормального потомства.

— А как насчет гемофилии?

— У скольких людей гемофилия? — спросил Куэйл. — Я стараюсь рассматривать проблему с точки зрения психоисторика. Если бы в прошлом были телепаты, все могло бы быть иначе.

— А откуда вы знаете, что их не было? — спросил Буркхальтер.

Куэйл заморгал.

— О... Что ж, тоже верно. В средние века их могли бы называть колдунами или святыми. Эксперименты Дьюк-Райна... Но единичные случаи не принесли пло-

дов. Природа валяет дурака, пытаясь... м-м-м... сорвать банк, и не всегда это у нее получается с первого раза.

— Возможно, это не удалось ей и сейчас. — Буркхальтер сказал это по привычке, давно приучив себя к осторожной скромности. — Телепатия может быть лишь наполовину удавшейся попыткой создания чего-то совсем невообразимого. Возможно, чего-нибудь типа четырехмерного чувственного восприятия.

— Это для меня чересчур абстрактно. — Куэйл был заинтересован, и его собственные сомнения почти исчезли: приняв Буркхальтера как телепата, он незаметно отбросил и свои возражения против телепатии per se[1]. — Древние германцы, равно как и японцы, всегда считали себя людьми исключительными. Они не сомневались в том, что являются высшей расой, поскольку полагали, что произошли непосредственно от богов. Они были низкорослыми — наследственность заставляла их стесняться при общении с нациями людей более высокого роста. Однако китайцы вовсе не высокие — южные китайцы, — но они не ощущали этого недостатка.

— Окружающая среда, вы хотите сказать?

— Среда, породившая определенную пропаганду. Японцы восприняли буддизм и полностью переделали его в синтоизм, более соответствующий их нуждам. Самураи, воины-рыцари, являлись идеалом, кодекс чести был до удивления искажен. Принцип синтоизма — преклонение перед более сильными и подавление более слабых. Вы когда-нибудь видели японские деревья из драгоценных камней?

— Не припомню. А что это такое?

— Сделанные из драгоценных камней миниатюрные копии деревьев, выращенных на шпалерах, со всякими безделушками на ветках, среди которых непременно есть зеркало. Первое дерево из драгоценных камней было сделано, чтобы выманить богиню Луны из пещеры, где она сидела в дурном настроении. Судя по всему, богиню так заинтересовали украшения и ее собственное отражение в зеркале, что она вышла из своего убежища. Все нравственные законы Японии всегда были облачены в красивые наряды — и этим притягивали к себе. Древние германцы занимались

[1] По существу (*лат.*).

чем-то вроде этого. А последний немецкий диктатор, Гитлер, воскресил древнюю легенду о Зигфриде. Я бы назвал это расовой паранойей. Немцы почитали не мать, а домашнего тирана, и их семейные связи были весьма прочными. Это распространилось на все государство. Гитлер символизировал для них Всеобщего отца; со временем это и привело нас к Взрыву, а как следствие — к мутациям.

— После потопа появился *я*, — пробормотал Буркхальтер, допивая свой коктейль.

Куэйл глядел в пустоту.

— Забавно, — сказал он, помолчав. — Эта штука со Всеобщим отцом...

— Да?

— Интересно, представляете ли вы, как сильно это может повлиять на человека?

Буркхальтер ничего не ответил. Куэйл пристально посмотрел на него.

— Да, — тихо произнес писатель, — в конце концов, вы тоже человек. Я, знаете ли, должен извиниться перед вами.

— Забудьте о том, что было. — Буркхальтер улыбнулся.

— Я предпочитаю не забывать, — сказал Куэйл. — Я только что понял, совершенно неожиданно, что телепатические способности не так уж и важны. То есть — вы от этого не стали *другим*. Я разговаривал с вами...

— Иногда людям требуются годы, чтобы понять то, что вы сейчас открыли для себя, — заметил Буркхальтер. — Годы жизни и совместной работы с тем, о ком они думают как о лыске.

— Вы знаете, что я о вас думал? — спросил Куэйл.

— Нет. Не знаю.

— Вы лжете, как джентльмен. Спасибо. Что ж, дело вот в чем — я открываюсь вам по собственной воле, потому что хочу этого. Мне все равно, получили ли вы уже эту информацию из моего мозга; я хочу рассказать вам сам, по собственному желанию. Мой отец... полагаю, я ненавидел его... он был тираном, и я помню, хотя был еще маленький, как однажды в горах он избил меня, и очень многие это видели. Я

долго пытался забыть об этом. Теперь, — Куэйл пожал плечами, — это не кажется таким уж важным.

— Я не психолог, — ответил Буркхальтер. — Если вас интересует мое личное мнение, то могу только сказать, что это не имеет значения. Вы уже давно не маленький мальчик; человек, с которым я говорю и работаю, — взрослый Куэйл.

— М-м-м... Д-да. Думаю, я все время понимал, как это, в действительности, несущественно. Просто вмешательство в мои личные воспоминания... Теперь я лучше знаю вас, Буркхальтер. Вы можете... войти.

— Наша работа пойдет быстрее, — сказал Буркхальтер, улыбаясь. — Особенно с Дарием.

— Я постараюсь не утаивать от вас свои мысли, — ответил Куэйл. — Честно говоря, я с удовольствием подскажу вам все ответы, даже если они коснутся вопросов личного характера.

— Оставьте это при себе. Хотите сейчас заняться Дарием?

— Хорошо, — сказал Куэйл. В его глазах больше не было осторожной подозрительности. — Дария я отождествляю со своим отцом...

Работа шла гладко и успешно. За этот день они сделали больше, чем за прошедшие две недели. Найдя удовлетворительные ответы по целому ряду вопросов, Буркхальтер сделал остановку, чтобы сообщить доктору Муну, что дело пошло на лад; затем, перекинувшись мыслями с парой сотрудников-лысок, тоже закончивших работу на этот день, он отправился домой. Скалистые горы казались кроваво-красными в закатном свете, ветер приятно холодил щеки Буркхальтера.

Приятно было чувствовать себя принятым. Сегодняшние события доказывали, что это возможно. А лыске нередко требовалось ободрение в этом мире, населенном подозрительными чужаками. Куэйл оказался крепким орешком, но... Буркхальтер улыбнулся.

Этель будет довольна. В каком-то отношении ей в свое время было еще труднее, чем ему, что и естественно, ведь она женщина. Мужчины всеми силами старались скрыть свои мысли от женщины. А что касается обычных женщин — что ж, то, что в конце концов Этель была принята клубами и женскими

группами Модока, делало честь ее яркому личному обаянию. Только Буркхальтер знал, какие страдания она испытывает от того, что лысая, и даже он, ее муж, никогда не видел Этель без парика.

Он послал мысль вперед, в приземистый, имеющий два крыла дом на склоне холма; она объединилась с его мыслями тепло и нежно. Это было нечто много большее, чем поцелуй. И, как всегда, он уловил волнующее чувство ожидания, растущее с каждым шагом, пока не открылась последняя дверь и они не обнялись. «Вот почему, — подумал он, — я родился лыской; ради этого все можно отдать».

За обедом их мысленный контакт расширился, включив в себя и мысли Эла. Это неосязаемое, непередаваемое общение было неотъемлемой частью их жизни, и еда, казалось, становилась вкуснее, а вода была как вино. Слово «дом» для телепатов имело значение, которое нелыски не могли до конца понять, так как оно включало в себя и эту связь, для обычных людей непостижимую. Были в ней и легкие, физически неощутимые ласки.

Зеленый Человек идет по Большому Красному Каналу; Косматые Карлики пытаются достать его баграми.

— Эл, — сказала Этель, — ты все еще занимаешься своим Зеленым Человеком?

Вдруг что-то полное ненависти, холода и опасности бесшумно затрепетало в воздухе — словно упавшая сосулька пробила золотистое хрупкое стекло. Буркхальтер, совершенно ошеломленный, уронил салфетку и взглянул вверх. Он почувствовал, как сознание Этель сжалось, быстро устремил к ней свою мысль, чтобы успокоить ее ментальным контактом. А по другую сторону стола маленький мальчик с еще по-детски пухлыми щеками сидел молча и настороженно: поняв, что совершил промах, он теперь затаился в полной неподвижности. Он знал, что его разум слишком слаб, чтобы сопротивляться чтению мыслей, и сидел не двигаясь, выжидая; в тишине как будто повисли отзвуки его ядовитой мысли.

— Пошли, Эл, — сказал Буркхальтер и встал.

Этель хотела что-то возразить.

— Подожди, дорогая. Подними барьер. Не слушай. — Он коснулся ее мыслей мягко и ласково,

затем взял Эла за руку и вывел мальчика во двор. Эл настороженно следил за отцом широко раскрытыми глазами.

Буркхальтер сел на скамейку и усадил Эла рядом. Сперва он говорил вслух — для ясности, а также по другой причине. Крайне неприятно было разрушать слабую защиту мальчика, но он понимал, что это необходимо.

— Очень странно думать так о своей матери, — сказал он. — Очень странно думать так обо мне.

Непристойность для ума телепата звучит еще непристойнее, брань кажется еще более грубой; однако здесь не было ни того, ни другого. Мысль Эла дышала холодом и злобой.

«И это плоть от плоти моей, — думал Буркхальтер, глядя на мальчика и вспоминая все восемь лет его постепенного взросления. — Неужели мутации предстоит превратиться в нечто дьявольское?»

Эл молчал.

Буркхальтер начал прощупывать его разум. Эл попробовал вывернуться и удрать, но сильные руки отца крепко сжали его. Попытка мальчика была продиктована инстинктом, а не рассудком, побег ничего бы не дал, ибо разумы могут общаться и на значительных расстояниях.

Ему было неприятно делать это, поскольку возросшая восприимчивость сопровождалась болезненной чувствительностью, а насилие — всегда насилие. Но сейчас от него требовалась безжалостность. Буркхальтер продолжал поиск. Время от времени он с силой посылал в мозг Эла подсказку, и волны воспоминаний вздымались в ответ.

В конце концов, измученный до тошноты, Буркхальтер отпустил Эла и остался на скамейке один, наблюдая, как гаснет зарево на снежных вершинах — на белом горели красные пятна. Но было еще не поздно. Этот парень был дураком, был им с самого начала, иначе он понимал бы невозможность попытки совершения такой вещи, как эта.

Обработка только началась. Эла можно спасти. Глаза Буркхальтера стали жесткими. И он будет спа-

сен. *Будет.* Но не сейчас, не раньше, чем нынешний гнев уступит место состраданию и пониманию.

Не сейчас.

Он вернулся в дом, кратко поговорил с Этель, затем связался по визору с десятком лысок, работавших вместе с ним в Издательском Центре. Почти у всех них были семьи, но уже через полчаса все собрались в задней комнате Языческой таверны в центре города. Сэм Шейн раньше всех воспринял часть того, что узнал Буркхальтер, и все собравшиеся могли читать его мысли. Сплоченные телепатическим чувством в единый духовный союз, они ждали, пока Буркхальтер будет готов.

Затем он все рассказал им. При мысленном общении это не заняло много времени. Он рассказал им о японском дереве из драгоценных камней с побрякушками на ветках, привлекающем своим блеском. Рассказал о расовой паранойе и пропаганде. И о том, что наиболее действенная пропаганда всегда облекалась в красивую оболочку, что скрывало ее истинные мотивы.

Зеленый Человек, безволосый, отважный, символизирующий лыску.

И страшные, увлекательные приключения — приманка для мелкой рыбешки, чьи податливые умы достаточно впечатлительны, чтобы их можно было вести по опасным дорогам безумия. Взрослые лыски могли это слушать, но не слушали; у юных телепатов порог ментального восприятия был выше; кроме того, взрослые обычно не читают книжек своих детей, разве только для того, чтобы убедиться, что на их страницах нет ничего вредного. И ни одному взрослому не взбрело в голову слушать мысленные передачи о Зеленом Человеке. Большинство воспринимало это как собственные грезы своих детей.

— Я думал именно так, — вставил Шейн. — Мои девочки...

— Проследите источник, — сказал Буркхальтер. — Я это сделал.

Десяток с лишним умов перешли на более высокую частоту, — на длину волны детей, и тотчас что-то отпрянуло, в испуге и беспокойстве.

— Это он, — кивнул Шейн.

Им не было нужды говорить. Плотной, зловеще выглядящей группой вышли они из Языческой таверны и перешли через улицу к универмагу. Дверь была заперта. Двое мужчин высадили ее, поднажав плечами.

Они миновали темный торговый зал и вошли в заднюю комнату, где возле перевернутого стула стоял человек. Его лысый череп поблескивал в падавшем сверху свете; беззвучно шевелились губы.

В его мысли, обращенной к ним, была мольба, но она натолкнулась на неумолимую, смертоносную стену отчуждения.

Буркхальтер достал свой кинжал, через несколько мгновений металлические лезвия сверкнули и в руках у других...

Сверкнули и погасли.

Крик Веннера давно затих, но его предсмертная, агонизирующая мысль не оставляла сознание Буркхальтера, пока он шел домой. Этот лыска, не носивший парика, не был сумасшедшим, но имел все признаки паранойи.

То, что он до самой смерти пытался скрыть, было страшно: огромное самомнение тирана, яростная ненависть к нетелепатам. Чувство самооправдания, свойственное, возможно, психически больному. И еще: *«Мы — это будущее! Лыски! Нам Богом предначертано править более слабыми людьми!»*

Вздрогнув, Буркхальтер с силой втянул в себя воздух. Похоже, мутация была не совсем удачной. Одна группа приспособилась — те лыски, которые носили парики и нашли свое место в окружающем мире. В другую группу входили душевнобольные, которых можно было не считать, так как они находились в психбольницах.

Но прослойка между этими группами состояла, судя по всему, из параноидных личностей. Они не были сумасшедшими, не были и нормальными. Они не носили париков.

Как Веннер.

А Веннер искал последователей. Его попытка была обречена на провал, но пока это попробовал сделать только один человек.

Один лыска — параноид.

Но были другие, много других.

Впереди, на темном склоне холма, приютилось бледное пятно — дом Буркхальтера. Он послал вперед мысль, которая, достигнув мозга Этель, должна была успокоить ее.

Затем его мысль рванулась дальше и проникла в мозг спящего мальчика. Эл, растерянный и несчастный, плакал, пока не заснул. Теперь в его сознании были только сны, несколько обесцвеченные, немного загрязненные, однако их можно было очистить.

И они будут очищены.

ДВА

Должно быть, я задремал. Я медленно просыпался от глухого, глубокого грома, явно услышав несколько его раскатов; когда я открыл тяжелые веки, снова стояла тишина. Тогда я понял, что слышал. Это ревели двигатели реактивного самолета, возможно, ищущего меня, поскольку снова наступил день и было светло. Наверное, кинокамера на борту самолета фиксировала местность, и, как только самолет вернется на базу, пленка будет проявлена и просмотрена. Обломки моего самолета обнаружат, если только они попали на пленку. Но пролетал ли поисковый самолет над этим узким ущельем между вершинами? Этого я не знал.

Я попробовал шевельнуться. Это было нелегко. Я чувствовал холод и вялость. Вокруг меня сомкнулась тишина. Я неуклюже поднялся на колени, потом на ноги. Единственным звуком было мое дыхание.

Я закричал — просто чтобы нарушить тишину одиночества.

Я стал ходить, чтобы восстановить кровообращение. Мне не хотелось этого — хотелось лечь и уснуть. Мое сознание продолжало проваливаться в темноту. Вдруг я понял, что стою на месте, и холод уже пробрал меня до костей.

Я снова начал ходить — и вспоминать. Бегать я не мог, но мог ходить, и лучше было не останавливаться — иначе я бы лег и умер. Что же было дальше, после того как убили Веннера? Следующая Ключевая Жизнь — жизнь Бартона, не так ли? Бартон и Три

Слепые Мыши. Я думал о Бартоне, продолжая ходить кругами; мне стало немного теплее. Время вновь начало раскручиваться назад, пока я не ощутил себя Бартоном, который жил в Конестоге чуть меньше двухсот лет назад; в то же самое время я оставался самим собой, наблюдающим за Бартоном.

Это было время, когда параноиды впервые начали объединяться.

Три слепые мыши

Внизу, под вертолетом, озеро, растревоженное нисходящим потоком вихревого ветра, было покрыто белой пеной. Мелькнуло и исчезло изогнутое темное очертание выпрыгнувшего из воды окуня. Парусная лодка, лавируя, направлялась к дальнему берегу. В мозгу Бартона на секунду вспыхнуло чувство дикого голода, а затем — по мере того как его мысль, все глубже прощупывавшая толщу воды, установила контакт с какой-то формой жизни, обладавшей лишь инстинктом, но не рассудком, — появилось ощущение сплошного восторга, жадная и яростная жажда жизни, которая теперь, после пятнадцати лет скитаний по лесам, была ему так хорошо знакома.

Никакой необходимости в этом чисто автоматическом ментальном зондировании озера не было. В этих спокойных американских водах нет ни акул, ни крокодилов, ни ядовитых морских змей. Он делал это просто по привычке, выработанной тренировкой бдительности, которая помогла ему, Дэвиду Бартону, стать специалистом в своей области, в одной из тех немногих профессий, что доступны меньшинству лысок. И после шести месяцев в Африке он больше всего стремился сейчас не установить какой-либо контакт, а найти что-то, что помогло бы снять психическое напряжение. В джунглях лыска мог достичь с природой такого единения, какое Торо и не снилось, но за это тоже приходилось платить. Под языческим духом первобытности чувствуется настойчивая пульсация сильного инстинкта самосохранения, инстинк-

та в чистом виде. Только глядя на картины Руссо, сохранившиеся после Взрыва, ощущал Бартон такую же яркую, почти безумную жажду жизни.

Где от зеленого вина устали люди,
Малиновое море надоело...

Что ж, он вернулся, он снова был неподалеку от места рождения своего деда, близ Чикаго, и он мог немного отдохнуть.

Его руки задвигались по сложному пульту управления, вертолет мягко набрал высоту, — как будто таким образом можно было избежать неизбежного. Люди обычные проводили большую часть жизни на земле. А в том, что он родился телепатом, были, разумеется, свои преимущества, как и недостатки. Конечно, теперь никто больше не призывает линчевать лысок. В достаточной безопасности, почти принятые обществом, осторожно стараясь держаться в тени — выделяясь лишь своими париками, которые они обязательно носили, — лыски могли найти работу, соответствующую их жизни. Очень специальную работу, естественно, которая никогда не могла дать ни слишком большой власти, ни больших денег. Работу, где их особые способности служили на благо общества. Бартон был натуралистом, он отлавливал животных для зоопарков. И в этой работе было его спасение.

Он помнил совещание, на которое много лет назад собрались его родители и еще несколько лысок, объединенных глубоким, благожелательным дружелюбием и пониманием, что всегда тесно связывали телепатов. В его памяти еще живы были беспокойные мысли, возникавшие и расходившиеся по комнате, — он помнил их гораздо лучше, чем лица присутствовавших. Неясные очертания какой-то опасности, и желание помочь.

...Выход для его энергии... не ученый... неприспособленный... если только не найти подходящую работу...

Он не помнил слов, только абсолютные понятия с характерной, много говорящей окраской и оттенками значений; это, и еще символ его имени, символ, определяющий в сознании других его самого. Он не был для них только Дэйвом Бартоном. Их мысленное восприятие его личности, хотя и различное у каждого,

всегда содержало ядро персонального обозначения, принадлежащее только ему, одному ему из всех людей на земле. Имя, которое могло бы иметь пламя свечи, — тайное и непроизнесенное. Только его имя.

Помня об этом, а также о том, что каждый лыска *должен* выжить и приспособиться ради конечного блага расовой мутации, они нашли решение. Что ж поделаешь, если обычным людям не хватает благоразумия: у всех теперь кинжалы на поясе. Но сами телепаты жили, так сказать, взаймы, они существовали лишь благодаря созданной и поддерживаемой ими доброй воле. И эта добрая воля должна быть сохранена, а этого не достичь, вызывая антипатию к себе. Никто не станет завидовать воспитанному и старательному специалисту по семантике, а вот д'Артаньяну — будут завидовать. Значит, нужно искать выход для странно переплетенной наследственности мальчика, в которой кровь отважных пионеров и следопытов смешалась с прирожденной осторожностью лысок.

Так они нашли решение, и Бартон занимался отловом животных в джунглях, противопоставляя разум борца дикому сознанию тигров и питонов. Если бы не это решение, Бартона, возможно, уже не было бы в живых, поскольку нелыски по-прежнему были так же подозрительны и нетерпимы.

Однако он вовсе не был экстравертом — не мог им быть. И неизбежно он в конце концов устал от непрерывного звучания мыслей, катившихся, подобно волнам, даже в пустынях и морях. Не спасал его и мысленный барьер: за этой защитной стеной бушевали потоки мысли, и он ощущал их. Лишь высоко в небе можно было на какое-то время избавиться от них.

Вертолет поднялся, слегка покачиваясь на ветру. Озеро внизу было размером с монету и такого же цвета. Вокруг него раскинулись Лимберлостские леса, более густые, чем пятьдесят лет назад; в этой болотистой незаселенной местности постоянно мигрировали бродячие группы недовольных, которые не могли приспособиться к общинной жизни в сотнях тысяч городков, усеявших Америку, но боялись объединить-

ся. Они были явно асоциальны и, вероятно, рано или поздно должны были просто вымереть.

Озеро стало величиной с булавочную головку и вскоре исчезло из виду. Западнее и ниже промелькнул грузовой вертолет с цепочкой планеров, возможно, доставляющий треску из городов Великобережья, а может, виноград с виноградников Новой Англии. Страна менялась, но названия менялись мало. Языковое наследие оказывало слишком сильное влияние. Однако уже не было городов, называвшихся Нью-Йорк, или Чикаго, или Сан-Франциско: здесь действовало психологическое табу, аналогичное тому, которое не давало называть маленькие городки по имени смертоносных, опустошенных Взрывом земель, когда-то называвшихся Новым Орлеаном или Денвером. Из американской и мировой истории пришли такие названия, как Модок и Лафитт, Линкольн, Рокси, Потомак, Моухассет, Американ-Ган и Конестога. Лафитт, расположенный на берегу Мексиканского залива, поставлял поргу, морского леща и другую приятную на вкус пищевую рыбу в Линкольн и Рокси, находящиеся в сельскохозяйственном поясе; в Американ-Гане производилось сельскохозяйственное оборудование, а Конестога, из которой только что прибыл Бартон, находилась в районе горнорудных выработок. Кроме того, там имелся зоопарк животных умеренной зоны — один из многих, от Пьюджета до Флорида-Энда, которые обслуживал Бартон.

Он закрыл глаза. Лыски поневоле лучше других видели картину социального плана, и когда мир раскинулся внизу, словно карта, трудно было не представить его усеянным разными булавочными головками: многими черными и очень немногими белыми. Обычными людьми и лысками. Все-таки кое-что несомненно говорит в защиту разума: в джунглях обезьяну в красной фланелевой тужурке неодетые обезьяны разорвали бы на части.

Сейчас Бартона окружала лишь голубая небесная пустота; всеобщий поток мысли превратился в слабую, почти неслышную пульсацию. Бартон закрыл кабину, включил подачу воздуха и обогрев и поднял вертолет еще выше. Он лежал, откинувшись в мягком кресле, и лишь какая-то часть мозга оставалась настороже, готовая немедленно привести руки в действие в случае, если вертолет начнет выкидывать свои непред-

сказуемые штучки. Пока же он отдыхал, совсем один, в абсолютной тишине и в полном покое.

Его разум был совершенно чист. Полное спокойствие, вроде нирваны, охватило его. Далеко внизу в бурлящем мире информации звенели вибрации на субэфирном уровне, но редкие волны, достигавшие этой высоты, не тревожили Бартона. С закрытыми глазами, полностью расслабившийся, он походил на человека, временно забывшего о том, что значит жить.

Это было панацеей для необычно чувствительных разумов телепатов. Впервые увидев, мало кто принимал Бартона за лыску: каштановые волосы его парика были коротко острижены, а годы, проведенные в джунглях, сделали его почти болезненно худым. Лыски, намеренно воздерживавшиеся от участия в атлетических соревнованиях — кроме как между собой, — были склонны к дряблости мышц; с Бартоном дело обстояло иначе. Необходимость перехитрить хищника всегда поддерживала его в хорошей форме. А здесь, высоко над землей, он расслабился, так же, как сотни других лысок давали отдых своему перегруженному мозгу в голубой тиши неба.

Когда он открыл глаза и взглянул вверх сквозь прозрачную верхнюю панель, небо уже совсем потемнело, кое-где виднелись звезды. Какое-то время он еще лежал, всматриваясь в высь. «Лыски, — подумалось ему, — первыми разработают технику для межпланетных путешествий. Там новые пустынные миры, а новой расе нужен новый мир».

Но это сейчас не главное, с этим можно было подождать. Бартону понадобилось немало времени, чтобы понять, что важно выживание его расы, а не его самого. Пока лыска не поймет это, он не может считаться достигшим настоящей зрелости. До этого момента он все время представляет собой потенциальную опасность. Теперь Бартон, однако, во всем разобрался и нашел, подобно большинству лысок, компромисс между своим существованием и существованием расы. И в первую очередь это влекло за собой развитие общественного инстинкта и дипломатичности.

Быстро пролетело несколько часов. В одном из шкафчиков Бартон нашел пакет пищевого концент-

рата, поморщился, глядя на него, и сунул обратно. Нет. Пока он опять в Америке, он хочет пользоваться благами цивилизации. В Африке он сожрал столько концентрата, что чуть не потерял способность воспринимать вкусовые ощущения. Отчасти это произошло потому, что некоторые виды дичи стали ему физически отвратительны после мысленного контакта с животными. Он не был вегетарианцем; логическим путем он мог избавиться от большинства ненужных эмоций, но, безусловно, никогда не смог бы съесть, например, обезьяну.

Однако он мог есть зубатку и уже предвкушал хрустящую слоистость белого, плотного мяса на зубах. В этих краях водилась хорошая зубатка. Бартон знал ресторан в центре Конестоги и направил вертолет к ближайшей посадочной площадке, обогнув городок так, чтобы, летя на малой высоте, не поднять там пыльную бурю.

Он чувствовал себя освеженным, готовым вновь занять свое место в мире. В Конестоге, насколько ему было известно, не жил ни один лыска, и для него было неожиданностью — приятной неожиданностью, — когда он почувствовал мысленный контакт. В чужой мысли содержался вопрос.

Это была мысль женщины, не знакомой с ним; он понял это по тому, как поверхностно она определила его личность. Похоже это было на то, как открытая ладонь осторожно тянется к другой ладони, чтобы слиться с нею в пожатии. Нет, она не знала его. Узнавание Бартона как личности полностью отсутствовало. Но, вероятно, она слышала о нем от... Дэнхема? Кортни? Ему показалось, что он уловил проскользнувшие в ее вопросе личностные символы Дэнхема и Кортни.

Он ответил на вопрос:

Доступен. Здесь. Учтивое дружеское приветствие, предполагающее — ты одна из Нас; искреннее желание помочь.

Ее имя Сью Коннот; он воспринял и те любопытные нюансы, дающие представление о том, как Сью Коннот воспринимает свою личность, — не поддающаяся описанию дескрипторная мысль, которую уже никогда впоследствии невозможно ни с чем другим спутать. Мысленная сущность чистого «я».

Она была биологом, жила в Аламо, она боялась...
Буду рад помочь.

Должна увидеть тебя { *Жизненно важная необходимость*
Опасность; глаза тайно следят
Кругом звери. Сью Коннот

Опасность — сейчас?
Сложная мысль смешалась и переплелась; он тем временем ускорил шаги.

Совершенно одна { *Лишь я во всем мире знаю*
Крайняя секретность
Звери. Я в зоопарке, жду

Спешу к тебе; мой разум с твоим; ты одна из нас, следовательно, никогда не одна.

Обмен мыслями шел быстрее обмена словами. Устно изложенные или написанные предложения значительно сложнее мысленных представлений, ибо оттенки значений передаются прилагательными и наречиями. Но телепаты обмениваются законченными мыслями со скоростью света. До появления разумного человека различными звуками передавались самые простые значения. С развитием языков стали возможны обобщения. При помощи же телепатии можно буквально создать — и передать — целый мир.

Однако и при таком общении необходимы общие знаменатели. Девушка явно избегала некоторых существенных определений, боясь даже мысленно представить их.

В чем дело? Я хочу помочь!

Осторожность { *Даже здесь, они опасны*
Притворяйся, что все нормально
Пользуйся устной речью, пока...

Ее разум закрылся. Озадаченный, Бартон автоматически поднял мысленный барьер. Конечно, никогда невозможно полностью закрыть свое сознание от настойчивого зондирования другого телепата. В лучшем случае, можно сделать мысленную волну нечеткой,

накладывая на нее другие волны или погрузив ясную мысль глубоко в хаос необработанных мыслей. Но мысли обладают упругостью. Даже тренированные лыски не могут держать их спрятанными слишком долго — уже благодаря самому факту сосредоточения на том, чтобы подавить их; они, хотя и весьма расплывчатые, все равно сохраняются в глубине сознания.

Таким образом, барьер, преднамеренно создающий неясность или путаницу, может быть поставлен, — одна из уловок заключается в мысленном повторении таблицы умножения, — но не очень надолго и не очень эффективно. Только почти инстинктивная вежливость, которой лыску учат раньше, чем читать, делает поднятие заслона равносильным отключению. Словом, подобный барьер оказывается действенным только при общении с телепатически порядочным человеком.

Бартон был им, как и большинство лысок; как только Сью Коннот прекратила мысленную связь, он сразу же «отвернулся». Но ему тем более захотелось встретиться с нею и, если удастся, прочесть по ее лицу, какая опасность воспрепятствовала откровенному общению между ними. Открытые ворота зоопарка были уже перед ним.

Пройдя в зоопарк, Бартон заметил небольшую толпу, состоящую большей частью из посетителей, прилетевших на вертолетах, чтобы посмотреть на привезенных им новых животных.

Несмотря на заслоны, он, как всегда, сразу почувствовал присутствие другого лыски и, доверясь инстинкту, подошел к стройной девушке в брюках и белой блузке, что стояла, чем-то привлеченная, у одной из загородок. Он послал мысль и встретил неожиданное, отчаянное предупреждение:

Барьер! Барьер!

Его реакция была мгновенной. Он как ни в чем не бывало встал рядом с девушкой и посмотрел за ограду, в огромный бассейн, где нехотя двигалось похожее на торпеду тело. Бартон понял, что Сью Коннот заглянула в мозг акулы и встретилась там с чем-то, что имело для нее громадное значение.

— Так вот что тебя испугало, — сказал он. Говорить вслух можно было совершенно спокойно: для телепата с поднятым барьером речь становится намного более условной, нежели мысль.

— Да, — ответила она. — Полагаю, тут требуется привычка.

— Но ты же биолог.

— Кролики и морские свинки. Даже с ними я порой краснею от стыда. Но это — хищники!

— Займись как-нибудь разумом ласки, — предложил он. — Это чистое безумие. Пойдем. — Он провел ее через толпу к террасе, где были расставлены столики под навесами.

— Коктейль?

— Благодарю.

Она оглянулась на бассейн с акулой. Бартон кивнул: конечно, такое неприятно — с непривычки. Но он-то привык к этому.

— Пойдем куда-нибудь в другое место? — спросил он, сделав паузу и выдвигая ей стул. — В зоопарке может быть весьма неприятно, если ты не...

— Нет. Здесь безопаснее. Нам надо поговорить, а в таком месте можно разговаривать свободно. Никто из лысок не придет сюда ради удовольствия. — Она мысленно «огляделась» вокруг, пробираясь сквозь сумасшедшую мешанину звериных сигналов, затем снова затуманила поверхность своего сознания, защищаясь, и умоляюще улыбнулась Бартону.

Как у всех лысок, их отношения с самой первой встречи стали почти близкими. Нетелепатам могут потребоваться недели дружеских отношений, чтобы узнать друг друга; у лысок такое узнавание происходит мгновенно, часто даже до встречи. В сущности, нередко представление, составленное при первом мысленном общении, оказывается более точным, нежели более поздние впечатления, окрашенные внешним видом и манерой поведения телепата. Если бы они не были лысками, то какое-то время оставались бы друг для друга мисс Коннот и мистером Бартоном. Будучи же телепатами, они невольно, можно сказать, бессознательно оценили один другого еще тогда, когда Бартон был в воздухе; уже при первом мысленном контакте они знали, что взаимно приятны друг другу. С самого начала она стала для него Сью, а он для

нее — Дэвид. Нелыска, подслушав их беседу, решил бы, что они давние друзья; было бы неестественно, если бы они вели себя иначе после того, как их сознания полностью приняли друг друга.

— Я выпью мартини, — вслух сказала Сью. — Не возражаешь, если я буду говорить? Это помогает. — Она оглядела, на этот раз в буквальном смысле, окружавшие их клетки. — Не знаю, как ты выносишь это, даже с твоей подготовкой. Мне кажется, лыска может просто свихнуться, оставь его на ночь в зоопарке.

Бартон ухмыльнулся, а его разум непроизвольно начал сортировать заполнившие все вокруг вибрации: обычные обезьяньи пустяки, прерванные истерическим всплеском эмоций, когда капуцин учуял запах ягуара; примитивные вибрации жестокости, исходящие от пантер и львов, окрашенные полутонами откровенной, гордой уверенности; мягкие, почти забавные радиации тюленей. Все это, конечно, нельзя было назвать разумными мыслями: их излучал примитивный мозг животных; однако в основе своей под шкурой или чешуей работало то же самое устройство, что и под каштановым париком Сью Коннот.

Спустя какое-то время, когда они пили мартини, она спросила:

— Ты когда-нибудь дрался на дуэли?

Бартон невольно оглянулся.

— Я лыска, Сью, — сказал он, потрогав маленький кинжал на поясе.

— Стало быть, нет.

— Естественно, нет. — Он не стал терять времени на объяснения: причина была известна ей не хуже, чем ему. Лыски не могли рисковать, не хотели лишний раз демонстрировать свои способности, если в этом не было большой необходимости. Телепат всегда мог победить на дуэли. Если бы Давид не убил Голиафа, филистимляне рано или поздно растерзали бы великана просто из зависти. Будь Голиаф поумнее, он ходил бы, согнув колени.

— Очень хорошо, — сказала Сью. — Я вынуждена быть очень осторожной. Это такой секрет, что я не знаю, кто... — Ее сознание по-прежнему окружал прочный заслон.

— Я полгода был в Африке. Возможно, я отстал от сегодняшних событий. — Оба они чувствовали неадекватность слов и испытывали нетерпение.

— Не сегодняшних... будущих. Дело обстоит... помощь от подходящих... — Она остановилась и заставила себя перейти на более медленную, грамматически оформленную речь. — Мне нужно где-то найти помощника, и он должен быть одним из нас. И это не все: он должен быть совершенно особым человеком. Ты подходишь.

— Почему?

— Потому что ты натуралист, — ответила она. — Я обдумала все варианты, но ты ведь знаешь, какие работы нам обычно достаются. Сидячие профессии. Эксперты по семантике, младшие врачи и психиатры, биологи вроде меня. Помощники в полиции — это уже ближе, но мне нужен человек, который... который мог бы обставить другого лыску.

Бартон уставился на нее, нахмурившись:

— Дуэль?

— Думаю, да, — сказала она. — Я еще не знаю точно. Но, похоже, другого выхода нет. Это должно держаться в полной тайне, Дэйв, в абсолютной тайне. Если что-то станет известно, будет... очень плохо для нас.

Он понял, что она имеет в виду, и беззвучно присвистнул. Тень этого всегда лежала на любом лыске.

— В чем дело?

Прямо она не ответила.

— Ты натуралист. Это хорошо. Мне нужен телепат, который мог бы встретиться с другим телепатом, имея небольшое преимущество. Ни один из нелысок не годится, даже если бы я могла говорить с ним об этом. Мне необходим человек, способный быстро принимать решения, к тому же развитый физически, умеющий реагировать более чем мгновенно.

— Угу.

— Таких среди нас мало, — продолжала она. — Даже когда мысли движутся с одинаковой скоростью, всегда существует незначительное различие в мышечной реакции. Мы ведь не слишком натренированы. Соревнования в умении...

— Я думал об этом, — сказал Бартон. — И не однажды. Любое соревнование, основанное на боевых действиях, для нас неприемлемо.

— Любое соревнование, где приходится сталкиваться лицом к лицу с противником. Я люблю гольф, но я не могу играть в теннис.

— Что ж, — сказал ей Бартон, — я не занимался ни боксом, ни борьбой. И в шахматы не играю, если уж на то пошло. Но скип-гандбол... Ты видела?

Она покачала головой.

— Щит очень сильно изогнут — никогда не знаешь, куда отскочит мяч. К тому же щит состоит из секций, двигающихся беспорядочно. Таков один из вариантов. Это нечто новое и, разумеется, не рекламируется, но у моего друга есть такая штука. Его зовут Дэнхем.

— Он рассказал мне о тебе.

— Я так и думал.

— Ну вот. В течение пятнадцати лет ты ловил всякую живность — от тигров до королевских кобр. Чтобы это делать, нужна хорошая синхронизация. Любой человек, который может перехитрить королевскую кобру...

— Следи за своим барьером, — перебил Бартон. — Я кое-что прочел. Дело настолько плохо?

Она порывисто вздохнула.

— У меня ослаб контроль. Давай уйдем отсюда.

Бартон повел ее через центральную часть зоопарка. Проходя мимо бассейна с акулой, он бросил быстрый взгляд вниз и с тревогой посмотрел в глаза девушки.

— Вроде этого, да?

— Да, — кивнула она. — Вроде этого. Но их в клетки не посадишь.

За зубаткой и белым вином из Шасты она рассказала ему...

Их нельзя посадить в клетки. Ловкие, опасные — к тому же теперь очень осторожные. Они представляли собой среднюю из трех существующих групп телепатов. Та же самая мутация, но... *Но!*

Жесткая радиация сработала прямо как динамит. Если вложить совершенно новую функцию в тонко устроенный человеческий мозг, непременно нарушится

прекрасное, давно установившееся равновесие. Не случайно появилось три группы мутантов. Одна представляла собой полную неудачу, ее члены находились на грани сумасшествия, слабоумия и паранойи. Телепаты из другой группы, к которой принадлежали Сью Коннот и Бартон и которых было большинство, могли приспособиться к окружающему их миру. Они носили парики.

А в среднюю группу входили личности параноидные — но не безумные.

Среди этих телепатов чаще всего встречались неприспособленные самовлюбленные индивидуалисты, люди, на протяжении долгого времени отказывавшиеся носить парики и кичившиеся своим превосходством. Они обладали хитростью и чувством полного самооправдания истинно параноидного типа и были принципиально антисоциальны. Но они не были сумасшедшими.

И их нельзя было посадить в клетки, ибо они были телепатами, а как можно заключить в клетку мысль?

Они завершили обед бразильским шоколадным тортом, черным кофе и ликером, приготовленным монахами из Лебединого монастыря, что на Миссисипи. Бартон прикурил сигарету от зажигательной бумажки на пачке и затянулся.

— Стало быть, это не слишком большой заговор.

— Такие вещи обычно и начинаются с малого. Всего несколько человек — но ты понимаешь, как это опасно.

— Понимаю, — кивнул Бартон, — вполне. Это очень дурное средство. Несколько лысок параноидного склада, разрабатывающих план безумной диверсии... Однако сперва расскажи мне побольше. Например, почему я? И почему ты?

Для нетелепата вопрос показался бы неясным. Сью подняла брови и сказала:

— Ты, потому что имеешь хорошие рефлексы, о которых я говорила, и потому, что мне повезло и я нашла тебя, прежде чем в отчаянии стала бы искать кого-то еще. Что же касается меня... — Она помолчала. — Это самая странная вещь. На них никак нельзя было натолкнуться, разве лишь случайно, по-

скольку телепатия не является направленным излучением, это транслирование. И передачу может принять любой восприимчивый разум. Как только достаточное количество людей собирается вместе, чтобы основать город, *это* становился заметным. И как только незначительное число лысок собирается вместе и создает организацию любого вида, это тоже заметно. Поэтому-то параноиды никогда не причиняли много хлопот, только единичные случаи. Объединиться в группу — все равно что поднять флаг, который видно за мили.

— Ну и?..

— По-видимому, они разработали особый способ общения. Это секретный, абсолютно не поддающийся расшифровке код. Но не просто код. В противном случае мы могли бы его обнаружить и определить источник, даже не имея возможности его расшифровать. Это телепатическая связь в совершенно иной полосе частот, которую мы не можем даже нащупать. Я не знаю, как они это делают. Может быть, отчасти механическим путем, может, нет. Дети обладают более высоким порогом восприимчивости, но мы можем уловить их мысли. А это, я бы сказала, ментальный ультрафиолет. Понимаешь, что это означает?

Бартон выпустил дым через нос.

— Да. Это может нарушить равновесие — полностью. До сих пор, благодаря децентрализации, сохранялся мир. Никто не осмеливался объединяться в чересчур большие группы, их могли обнаружить. Но эти середнячки носят плащи-невидимки. — Он сжал кулак. — Она может распространиться по всему миру — эта организация, с которой мы не знаем, как бороться!

— С ней необходимо бороться, — сказала она. — Ее необходимо уничтожить. И быстро, пока никто ничего не заподозрил. Если нелыски пронюхают о ней, подымется волна антилысизма, которая может нас смести. Если это допустить, люди не станут раздумывать, отделяя социальные группы от антисоциальных. «Мы пригрели змею у себя на груди, — скажут они, — и она показала зубы. Убить их всех».

За окном промелькнул всадник на лошади, цокот копыт отозвался в мозгу Бартона настоятельным призывом.

— Сколько их?

— Говорю тебе, это только начало. Пока — немного. Но это может распространиться. Я полагаю, что первостепенная трудность для них заключается в обучении новичков особым телепатическим приемам. Поэтому я думаю, что здесь должна иметь место самоиндукция. Устройства могут быть обнаружены. К тому же они не должны мешать передвижению: никто не может знать наверняка, в какой момент потребуется связаться друг с другом. Большое устройство не станешь таскать с собой.

— Его можно замаскировать, — возразил Бартон. — Или оно может быть достаточно маленьким.

— Верно, — согласилась Сью, — но есть еще эта маленькая девочка, Мелисса Карр — она перехватила их волну без всякого устройства. Вероятно, она — какой-то особый вариант мутации.

— Мелисса Карр? — переспросил Бартон. — При чем тут она?

— Ах да, я не рассказала тебе. Это моя связь. Я постоянно вступаю с ней в контакт примерно уже в течение недели, но только вчера она проговорилась, совершенно случайно, о том, что узнала на этой мысленной частоте.

— Значит, она не из них?

— Уверена, что нет. Тут все очень странно. Даже то, как она впервые вышла на связь со мной...

Сью одевалась, готовясь к вечеринке, когда в ее сознание проник короткий предварительный вопрос.

— В некотором роде она была похожа на Золушку. Я чувствовала, как ей нравится мое платье — модель из Мозамбика и карельская сумочка. Она мысленно была со мной весь вечер. А после этого... — После этого между нами и установилась связь. Но прошел не один день, прежде чем Мелисса рассказала о телепатических сигналах, которые она нечаянно уловила.

Она догадалась, что они означают, но на нее, по-моему, грозящая нам опасность не произвела особого впечатления. Я имею в виду, ей не пришло в голову, что необходимо что-то предпринимать. В Мелиссе есть нечто загадочное; порою мне казалось даже, что она была членом группы, а потом вышла из нее. Иногда она вовсе не отвечает на мои сигналы.

Но теперь, когда она рассказала мне об этом Фэйксе, — мне кажется, я убедила ее в том, что это опасно. Сэм Фэйкс опасен. Он один из параноидных типов, и, насколько я слышала, он старается помешать каким-то экспериментам в Галилео.

— Зачем?

— Вот этого я не знаю. Очевидно, эти параноиды настолько хорошо проработали свой основной план, что им даже незачем думать о нем. Все их мысли обращены на непосредственные действия. И всегда на особой длине волны, которую мы не улавливаем. Только Мелиссе, судя по всему, удается поймать ее, — она, вероятно, родилась очень восприимчивой.

— Такое бывает, — согласился Бартон. — Мутанты, безусловно, сильно отличаются друг от друга, куда больше, чем немутанты. Что касается этого долгосрочного плана, то ты же знаешь параноидный тип. Им кажется, что лыски были созданы, чтобы править миром. Они рассматривают обычных людей в качестве низших существ. И если они хотят сорвать какие-то эксперименты, это говорит о многом. Интересно, что там разрабатывают в Галилео?

— Не знаю, — сказала Сью. — Мелисса весьма слаба в точных науках.

— Можно выяснить через Дэнхема. Он живет в Галилео.

— Там я и встретилась с ним. Но, может быть, тебе удастся вытянуть из Мелиссы больше, чем мне. Неразумно, — она помедлила, подыскивая нужное слово вместо невообразимых ментальных терминов, — расспрашивать ее слишком много, но это, разумеется, необходимо. Если почувствуешь зондирование, сразу же уходи.

— Такое было?

— Нет. Пока нет. Но мы должны держаться в тени.

Сью не спрашивала Бартона, будет ли он помогать, — она уже знала, что будет. Чувство сохранения расы было заложено в каждом лыске, хотя у параноидных типов оно принимало ненормальные, извращенные формы. Теперь сознание Сью устремилось куда-то, ища, задавая вопросы, подбирая замок, к

которому подошел бы ее ключ. И почти немедленно пришел ответ, как будто одна рука соединила две других; Сью мысленно представила Бартону Мелиссу Карр. Поначалу он уловил какую-то робость, стеснительность и послал мысль, полную дружеского расположения и теплого ободрения. И сразу вслед за этим Бартон ощутил ярко выраженную женственность новой знакомой, это ощущение было близко к половому влечению. Наполовину ясно, наполовину смутно он осознал, что означает Мелисса Карр для самой себя: неуловимое осознание своего «я», разное у каждой личности, и мягкость вьющихся волос — волос? — парика; и мягкость губ под пальцами, легко поглаживающими их. Застенчивое отступление, имеющее свои оттенки, цвет и запах, а затем нечто, равноценное реверансу — чисто мысленному, — имеющему странный старомодный аромат. После этого он знал, что никогда уже не примет ее сознание за сознание какого-либо другого лыски.

Это Дэйв Бартон, Мелисса.

Узнавание, окрашенное удовольствием. Вопрос: доверие? Столько опасностей...

Полное доверие; да — сильное подтверждение.

Срочность
- *Много — (различных) — сообщений идет ясно*
- *Тень угрозы от Сэма Фэйкса*
- *Растущее взрывоопасное пятно в Галилео*
- *Не могу говорить — другой символ для «говорить» — долго*
- *Возможно, личная опасность*

Все эти мысли, все их вариации звучали одновременно, три разума слились в некий разноцветный круг, в центре которого — белое пятно раскрытия и истины. Не было никаких барьеров, возникающих при устной беседе. Мысли, как свет, смешивались и сплетались в вопросах, ответах и утверждениях, и, несмотря на сосредоточение на одной проблеме, они у каждого имели свои оттенки, заменяющие интонацию. Именно способность устанавливать такой многосторонний контакт делала обсуждение за круглым столом столь популярным среди лысок — логическая и эстетическая игра разумов, способных целиком рас-

твориться в экстазе полного общего понимания. Среди лысок не существовало полигамии в физическом смысле слова, но с психической точки зрения их социальная группа постоянно расширялась, придавая их жизни дополнительные глубину и богатство.

То, что происходило сейчас, было лишь намеком на настоящий контакт. Бартон искал нужную информацию в том, что сообщала Мелисса. Он тоже не был техником, поэтому подходил к проблеме с другой стороны — с точки зрения натуралиста, натренированного в распознавании защитной окраски, прекрасно умеющего разгадывать хитрости хищников.

Сколько их?

Трое.

Не больше?

Трое: образы Галилео и других городов, символы имен и личностей. Чувство смутной общности; звенья ненависти...

Неожиданно он обнаружил в ее сознании что-то странное, тревожно знакомое. Бартон не понял, что это такое, но на мгновение, пока он вел свой поиск, оно прорвалось сквозь плавный поток мысленной беседы.

Это ничего не давало; он снова сосредоточился.

Трое?

Символ { *Известен под именем Сэма Фэйкса*
Жажда власти
Глубокая летаргия

Возникали и дополнительные оттенки; теперь ему казалось, что он легко узнает Сэма Фэйкса.

Последовали другие символы, и он узнал описание Эда Варгана, смешанное с понятием диспропорции, и Бертрама Смита, в котором ощущалась злоба, родственная жестокости пьющих кровь хищников. Хотя была и разница: Бартону как-то довелось проникнуть в мозг пирующей ласки, и сплошной поток восторга почти напугал его. Смит же был разумен, хотя он, как и другие, обладал этим страшным качеством — каким?

Темнота. Извращение. Слепота.

Да, — подумала Сью, — *они слепые. Ослеплены паранойей. Они вовсе не способны видеть мир — каким он должен быть.*

И то, как Мелисса представляла всех троих: свирепые маленькие существа, бегущие, оскалив зубы, сквозь темноту. Бартон осознал, что она отождествляет их — с кем? — с мышами: она ужасно боялась мышей, которые для нее были значительно страшнее насекомых или змей. Что ж, он мог понять навязчивый страх — сам он необычайно боялся огня. Большинство лысок в той или иной степени страдало фобиями — плата за повышенную умственную восприимчивость.

Я должен действовать быстро, — подумал Бартон. — *Если они свяжутся, они могут спрятаться. Я должен уничтожить их одним ударом. Могут ли они читать твои мысли?*

Они не знают о существовании Мелиссы Карр.

Но если один будет убит, они будут предупреждены. Ты должна быть в безопасности. Где ты?

Отказ, определенный отказ.

Лучше сказать мне, чтобы...

Никто не может обнаружить меня, пока я не думаю о своем местонахождении. В телепатии нет радиопеленгаторов. — Выраженное ею понятие означало больше, чем телепатия; это был символ всей расы и ее единства.

Ты можешь определить местонахождение Варгана и Смита?

Конечно: на своей личной волне они разговаривают совершенно свободно. Варган в Райе, Смит в Гуроне.

Как случилось, что ты можешь прослушивать их длину волны?

Недоумение. Бессильное мысленное пожатие плечами. Врожденное?

Когда один из них умрет, — подумал Бартон, — *другие будут предупреждены. Слушай их внимательно. Ты непременно должна сообщить их планы. Они не должны уйти.*

Мелисса представила трех маленьких, серых, злобных существ, трусливо удирающих по полу. Бартон натянуто улыбнулся.

Смотри, как они бегут, — сказал он ей. — *Смотри, куда они бегут.*

Его рука потрогала кинжал. Это, конечно, не большой нож для разделки туш, но сойдет и он.

Других сведений, кроме этих, было немного. Мелисса передала некоторые из подслушанных ею мыслей параноидов, и убеждение Бартона в опасности, исходящей от них, усилилось. В конечном счете они несли гибель всей группе мутантов. Смерть отдельных людей значила не так уж много в эту эпоху дуэлей, но ставить на карту существование всей расы — это похоже на тактику бешеных псов. Не было даже никакого определенного мотива. Простая злоба? Но это нелогично, а параноиды всегда логичны, хотя их мировоззрение и построено на ложной основе. Никакой путеводной нити пока не было, и Бартон не мог найти ее только с помощью своей профессиональной подготовки натуралиста. Животные не занимаются саботажем. Точно так же, как птицы не гадят в собственном гнезде.

После того как Мелисса оставила их, Сью сказала с нетерпением, на этот раз вслух:

— Я хочу тебе помочь. Должен же быть какой-то способ.

— Его нет. Ты сама говорила, что здесь нужно особое умение. Ты биолог. У тебя нет мгновенной реакции, как у меня, и, находясь рядом, ты будешь только отвлекать мое внимание, когда мне необходимо будет сосредоточиться.

— Значит, ты убьешь их?

— Конечно, убью. К счастью, со слов Мелиссы, их всего трое. Она не врала, я это чувствовал.

— О да, она искренна, — согласилась Сью. — Но она, безусловно, что-то скрывает.

Бартон пожал плечами.

— Это не имеет значения. Что сейчас важно, так это быстрое действие. Я не могу особенно заниматься расследованием. Если я начну подбрасывать мысли и вопросы в головы нелысок, параноиды насторожатся. Я должен уничтожить этих подонков прежде, чем зараза распространится. Многие лыски присоединились бы к подобному движению, если бы смогли проникнуть в тайну волны этой длины.

— Так что же делать мне?

— Сейчас, — сказал Бартон, — это неважно. Твоя работа закончена. Теперь это мое дело.

Они встали из-за столика. На улице он оставил Сью, попрощавшись с ней рукопожатием, значение которого было понятно только им. Вокруг текла обычная жизнь ярко освещенного вечернего города, символизирующая собой широкую и запутанную систему взаимозависимости и взаимоограничения, благодаря которой не распадалась цивилизация. Цивилизация, что терпела лысок и пусть неохотно, но давала им возможность найти путь к своему спасению. Оба они думали об одном: как легко эти обычные мирные люди могут превратиться в жаждущую крови толпу. Такое случалось прежде, когда лыски были еще совсем внове для мира; опасность этого не исчезла окончательно.

Итак, Бартон отправился один; ответственность за выживание всей расы требовала от него сделать то, к чему его готовили с самого рождения. Только существование всей их расы имело смысл; жизнь отдельной личности не так важна. Его вертолет уже обслужили, и он вылетел в Галилео, находившийся на Атлантическом побережье, по-прежнему раздумывая о том, что ему предстоит сделать. Он был так поглощен своими мыслями, что только автоматические радиосигналы не давали ему столкнуться с другими вертолетами. Наконец на горизонте показались огни городка ученых.

Как и все сообщества, занимающиеся технологическими разработками, Галилео был крупнее большинства других городов и деревень. Ученые были миролюбивым народом, и ни один из научных городов не был еще уничтожен. В Ниагаре с ее огромным источником энергии жило больше людей, но Галилео занимал гораздо большую площадь. В связи с опасностью некоторых экспериментов город растянулся на много миль и не был похож на большинство современных американских поселений — довольно маленьких, словно сжатых.

Благодаря этому здесь действовал наземный автотранспорт — нечто весьма непривычное. Бартон направился к дому Дэйкема — в их мире обособленных, хотя и взаимозависимых, отношений такого понятия, как квартира, не существовало, — и очень удачно

застал его на месте. Дэнхем был лыской — круглолицым, с мягкими чертами; в его париках год от года появлялось все больше седины — в теперешнем виднелись уже и белые пряди. Он приветствовал Бартона тепло, но словами, поскольку на улице были люди, а лыски всегда тактично старались лишний раз не демонстрировать своих способностей.

— Я не знал, что ты вернулся, Дэйв, — сказал он. — Как было в Африке?

— Жарко. И я за шесть месяцев ни разу не играл в скип-гандбол. Боюсь, начинаю терять форму.

— По тебе не скажешь, — заметил Дэнхем, поглядев на него с завистью. — Заходи. Выпьешь?

Потягивая виски со льдом, они говорили о пустяках — точнее, обменивались мыслями в прямом смысле слова. У Бартона были свои планы; ему не хотелось рассказывать Дэнхему слишком много, тем более что Сэм Фэйкс был здесь, в Галилео, поэтому он ходил вокруг да около, ничего существенного не сообщая. Это оказалось не так-то просто. В конце концов они перешли в игровую комнату, раздевшись до трусов; перед ними была вертикальная стена с бесчисленными выпуклостями и углублениями, разделенная на секции, что во время игры приходили в хаотическое движение. Здесь они поиграли в скип-гандбол. Легко было предсказать, с какой силой Дэнхем пошлет мяч, но предугадать угол, под которым мяч отскочит, не было ни малейшей возможности. Обоим пришлось немало попрыгать — это было хорошее физическое упражнение; во время игры они продолжали мысленную беседу.

Дэнхем заявил, что его любимыми играми по-прежнему были кости и рулетка. И в ту, и в другую можно было играть с друзьями — нелысками, в то время как бридж или покер... Ну кто же сядет играть в покер с человеком, читающим мысли?

Бартон согласился, что игры, где все зависит от удачи или от развития мышц, вполне годятся, но последних было не слишком много. Борьба и бокс, скажем, включают мысленное планирование. С другой стороны, им подходили многие олимпийские виды: толкание ядра, прыжки в высоту, бег, — где не приходится сталкиваться с противником лицом к

лицу. Но любая игра с элементами сражения — например, шахматы — оказывалась для них невозможной.

«Что ж, — подумал Дэнхем, — твоя профессия имеет достаточно таких элементов и напоминает игру в войну».

Охота на дичь? Бартон позволил себе мысленно пробежаться по этой области и остановился на тигре, вялом после сытной еды, но сохраняющем глубокое осознание своей силы, — словно тихонько жужжащая динамо-машина. Бартон тонко увязал это состояние с голодом и с чем-то еще, смутным и неоформленным, аналогичным тому образу, как Мелисса представляла себе Сэма Фэйкса. Его мысль устремилась словно бы вдоль личности Фэйкса — как будто он брал один аккорд на разных октавах. Если Дэнхем знал Фэйкса, он вполне мог откликнуться.

И тот ответил. Чувство восторга охватило Бартона, когда он уловил случайный отдельный фрагмент и начал откидывать все несущественные детали, выделяя его из многочисленных переплетений мысли Дэнхема. То, что осталось, представляло собою толстого, не слишком компетентного переводчика, иногда выступавшего в качестве посредника между учеными, говорящими на разных языках. Бартон поспешил перейти к другим заботам, чтобы Дэнхем не придал никакого значения появлению этого конкретного мнемонического образа.

И, конечно, Бартону захотелось поскорее уйти. Он позволил Дэнхему выиграть партию, и тот от неожиданности так обрадовался, что принял извинения и объяснения насчет назначенной якобы встречи без всякого недоверия: человеку, только что вернувшемуся в Америку после полугода жизни в джунглях, вполне естественно желать чего-то более волнующего, чем скип-гандбол. Но замечательно все же, что Бартон зашел...

Шагая по гладкому покрытию обсаженных деревьями улиц, Бартон позволил своему восприимчивому разуму поглощать кипящие вокруг мысли. Теперь, когда он знал, кого нужно искать, это было нетрудно, хотя и требовало терпения. Лишь иногда в мешанине

мыслей попадались обрывки информации. И Бартон сделал то, к чему лыски прибегали очень редко: стал мысленно задавать нелыскам наводящие вопросы.

Бартон вынужден был пойти на это, поскольку мог читать только то, что находилось над порогом сознательного восприятия, а введение в обычное сознание даже легкого стимулирующего импульса требовало немалых усилий. С человеком, не обладающим телепатическими способностями, вступить в мысленный контакт так же трудно, как воткнуть иглу между двух плотно подогнанных плит. Он может, при определенных обстоятельствах, воспринимать мысли, но не осознает, что поступают импульсы из другого мозга.

Когда Бартон закончил это занятие, он был весь в поту. Тем не менее ему удалось собрать значительную информацию. Более того, он действовал так тонко, что сам Фэйкс, подключившись, наверняка ничего бы не заподозрил. Очень многие люди в этот вечер мимоходом думали о Фэйксе, и для них это были обычные мысли. А Бартон собирал сведения по кусочкам, чтобы составить для себя цельную картину. Немного здесь, немного там, и вот, наконец, перед ним описание деятельности Фэйкса: этот переводчик слегка изменял оттенки значений в разговоре между тибетцем и бенгальцем и еще немного позже, когда они оба обращаются к физиохимику — американцу. Ему помогало то, что ученые, поглощенные своей работой, как правило, не обращали внимания на особо тонкие нюансы человеческого общения; в результате Фэйксу удалось создать в Галилео механизм, который в конечном счете мог всех привести к беде.

Как именно, не знал, пожалуй, даже сам Фэйкс; однако его поверхностных научных познаний оказалось достаточно, чтобы дезорганизовать и потихоньку развалить всю работу. Какое-то значение изменено в сознании одного человека, слегка смещен его оттенок в уме другого, в то время как у обоих они должны в точности совпадать. Все, что Бартон узнал о Фэйксе, позволило ему сделать заключение, что Фэйкс — предал их расу.

Вдобавок он выяснил, где Фэйкс живет.

Теперь, стоя перед его домиком, он попробовал связаться с Мелиссой Карр. Почти сразу же их мысли соприкоснулись на обычном радиационном уровне.

Будь осторожна, — приказал он. — *Используй общие понятия.*

И вновь он почувствовал ее глубокую женственность, мягкость ее вьющихся волос и гладкую кожу ее щек. Прохладный, свежий вечерний воздух, казалось, донес даже легкий запах духов.

Согласна.

Ты можешь найти для меня других? Быстро и точно?

Да. За...

Оставайся настроенной на... ты знаешь, на что.

И снова согласие, и та же утонченная женская стеснительность, мягкая и удивительно привлекательная. Бартон ощутил, что она немного напугана, и испытал сильное желание ее защитить. В его мыслях начал складываться портрет Мелиссы Карр, хотя Бартон и понимал, что он — неизбежно — является предвзятым. Ментальные и визуальные образы могут значительно отличаться друг от друга. И все-таки ему казалось, что у нее небольшое, треугольное лицо с хрупкими и тонкими чертами, обрамленное блестящими, черными, как смоль, локонами. Он видел ее черты, можно сказать, *изнутри,* в противоположность тому, как лицо человека помогает составить представление о том, что прячется за его внешним обликом.

Как это ей удается? Переходя улицу, Бартон размышлял об этом счастливом стечении обстоятельств. Ведь из всех людей на земле только она смогла настроиться на специальную длину волны...

Барьер!

Он уже стоял на крыльце перед закрытой дверью. Через фанеру, выкрашенную под древесину, просочилась настороженная мысль, коснулась его мозга и вернулась назад. В тот же миг человек в доме поднял собственный барьер.

Отлично. Пока его мозг заслонен таким образом, Фэйкс никак не может использовать свою суперволну,

чтобы связаться с другими параноидами. Или... или может?

Бартон отступил чуть в сторону к круглому окну. Сквозь одностороннее стекло ничего не было видно. Предусмотрительно оглядевшись, он поднял ногу и разбил стекло сапогом. Бартон осторожно пролез через разбитое окно в хорошо обставленную комнату, где у стены, повернувшись к нему, стоял толстый человек. По тому, как обставлено помещение, Бартон понял, что Фэйкс, вероятнее всего, живет один, — это было и естественно для настоящего параноика, ведь ему требовалось бы от жены полное подчинение. Ни одна телепатка не стала бы его женой, да и любая обычная женщина не смогла бы с ним долго прожить.

Лет двадцать назад Фэйкс наверняка не носил бы парика, но лыски параноидного типа с тех пор научились осторожности. Его огненно-желтый парик странно сочетался с крупными чертами румяного лица.

Внезапно барьер в сознании Фэйкса исчез; его мозг был совсем пуст, гол, как земля под паром. Бартон мысленно услышал предупреждающий крик Мелиссы: *Он сообщает другим...*

Бартон выхватил из-за пояса кинжал и бросился вперед. Барьер Фэйкса мгновенно появился вновь, он так же быстро выхватил свой кинжал и сжал его в жирной ладони. На дуэли с другим телепатом главное держать свой мозг огражденным, чтобы противник не мог предвидеть твоих намерений. Покуда Фэйксу угрожает серьезная опасность, он не осмелится снять барьер.

Бартон приблизился, рассчитывая каждый шаг, готовясь к любым неожиданностям; так же он мог бы наблюдать за раскачивающейся головой кобры. Его пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала, который он держал на уровне бедра. Толстяк отошел от стены и напряженно ждал.

В сущности, все произошло слишком просто: не нужно было быть телепатом, чтобы предугадать удар неуклюжей руки. С хирургической точностью Бартон всадил кинжал в нужное место, затем проследил, чтобы Фэйкс не связался со своими единомышленниками — пока тот не умер. Потом, удовлетворенный,

он вышел из дома через парадную дверь и, не спеша, направился к ближайшей трамвайной остановке.

Одно дело сделано. Он попытался мысленно связаться с Мелиссой. Где-то далеко, в загадочной темноте, она услышала и ответила.

Они получили сообщение Фэйкса?

Нет. Ты действовал слишком быстро; они не ждали, что он выйдет с ними на связь.

Хорошо. Теперь Варган и Смит.

Сегодня?

Да.

Хорошо. Не думаю, что ты завтра сможешь со мной связаться.

Почему нет?

Увертка. Варган — в Райе.

Слушай. Это важно. Если их всего только трое — отлично. Но если они попробуют связаться с другими, дай мне знать — непременно!

На этом их связь прервалась, но Мелисса — такая, какой он ее себе представлял, все время была перед мысленным взором Бартона, когда он летел сквозь ночь на северо-запад. Его ничуть не тревожило то, что он совершил убийство. Да он и не считал это убийством: в том, как лыски воспринимали предательство, был, безусловно, некий налет фанатизма. А это предательство к тому же не было заурядным. Средство связи, открытое Фэйксом и его дружками, представляло собой самую страшную из опасностей, когда-либо грозивших расе, — более серьезную, чем суды Линча, которых опасались даже спустя несколько десятилетий после Взрыва.

У Бартона появилось такое настроение, какое у него бывало, когда он охотился. Теперь он преследовал людей, но гораздо более кровожадных, чем любой хищник из джунглей. Животные убивали ради пропитания, это элементарный дарвинизм, основной закон природы. А три параноида коренным образом нарушили другой закон — закон сохранения вида. Своим существованием они угрожали ему.

Глядя на тусклые огни далеко внизу — бесчисленные факелы городов, заполонивших Америку, Бартон думал о том, что конфликт неизбежен в развитии любой новой культуры. А лыски, безусловно, несли новую культуру. Пока еще она была почти в зароды-

ше — мутация, ведущая к неизвестному концу. Но это был первый серьезный шаг, сделанный человечеством за миллион лет. До сих пор мутации всегда были малозаметными, либо вообще оказывались неудачными. Теперь же, благодаря ускорению, приданному жесткой радиацией, перед истинной мутацией открылись тысячи возможностей, но и на ее пути таились подводные камни.

При любой мутации существуют доминантные и второстепенные, скрытые характеристики. Отсутствие волос было вторичным проявлением для лысок, но могли обнаружиться и другие, скрытые, характеристики — в третьем или четвертом поколении. Этот необычный способ субтелепатической связи — естественен ли он? В случае с Мелиссой — как будто так, а Фэйкс и его сообщники могли сами разработать какое-то устройство. А если нет, если они ничего не придумывали, то вполне возможно, что каждый лыска обладает этой способностью в латентном состоянии. И вот это действительно очень опасно.

Это могло оказаться в прямом смысле слова инфекционным очагом, способным заразить здоровые клетки. Секрет нетрудно передать другим; Бартон представил совершенно секретную подпольную сеть параноидов, общающихся между собой в полной тайне от других и планирующих все что угодно. Это была отнюдь не приятная мысль.

Интересно, лыски какой социальной ориентации смогли бы противостоять им? И сколько таких? Немного: они в большинстве своем не годились для военных действий. Война как таковая, благодаря атомным бомбам, стала невозможна; однако это могло быть сражением совсем иного типа. То, что наличие бомб делало неосуществимым, а именно — необходимость централизации для создания любой организации, — здесь не имело значения. Не было никакой необходимости в объединении, если параноиды могли общаться мгновенно и тайно. Слепой случай помог на этот раз через Мелиссу, но на случай рассчитывать нельзя.

Его сознания коснулась мысль Мелиссы.

Варган сигнализировал Смиту; Смит летит в Райю.

Что им известно?

Варган сказал, чтобы Смит прибыл немедленно. Больше ничего.

В Райю?

Это, должно быть, новое место встречи. Он объяснил, как добраться. — Она дала Бартону координаты.

О'кей. Продолжай слушать.

Удивленный и несколько встревоженный, Бартон увеличил скорость. Он повернул и летел теперь на север, в направлении озера Эри, мимо Конестоги. Путь до Райи не должен был занять много времени. Но... Неужели Фэйкс все-таки связался с ними? Телепатическое послание требует одного мгновения. Возможно, Варган принял сигнал бедствия от толстяка. А если Фэйкс сообщил своим сообщникам, что его убил лыска, и почему... Бартон пожал плечами. Так и так, они будут ждать его. Они должны знать, что Фэйкс мертв. Если даже он всего лишь послал им неопределенный призыв о помощи и сигнал достиг их разумов, — они должны знать. Нельзя не распознать эту потерю формы, когда жизнь неумолимо оставляет тело. Если они теперь попробуют связаться с ним, они обнаружат чистую пустоту, некий странный разрыв в эфире, как будто дыра еще не затянулась там, где час назад был человек. Тут нельзя ошибиться; ни один телепат не погружается добровольно в это наводящее трепет пустое пространство. Но обнаружат его все находящиеся поблизости восприимчивые разумы, и новость бесшумно распространится среди лысок, живущих в городе. *Один из нас умер.* Да, Варган и Смит уже знают. Но им неизвестно, по всей вероятности, как он умер. Это мог быть несчастный случай или органическое заболевание. А могло быть и убийство. И они будут действовать, имея в виду этот последний вариант. Они будут ждать.

Когда Бартон приземлился на аэродроме Райи, ближайшем к его цели, он был совершенно пуст, лишь мерцали автоматические посадочные огни. Указания, данные Мелиссой, были ясными. Он прошел полмили по дороге, свернул в узкий переулок, где листья трепетали в призрачном лунном свете, и остановился

у неосвещенного дома. Он подождал, и его мозга коснулась мысль:

Входи.

Это был Варган: восприятие диспропорции в скрытой форме сохранялось в его разуме, словно узор под текущей водой. *Входи.* Но Варган не знал Бартона, он посылал мысль вслепую, сознавая лишь, что какой-то лыска ждет на улице перед домом.

Зажегся свет. Открылась дверь. На пороге возник темный силуэт маленького человечка, чуть больше пяти футов ростом, с чересчур большой головой.

Ловушек нет?

Ловушка была, но она заключалась просто в количестве людей. Бартон почувствовал, что на его вопрос ответили. Варган отступил при его приближении, и Бартон оказался в комнате, разглядывая своего противника.

У Варгана было измученное, озабоченное лицо с глазами навыкате. Его парик коричневато-мышиного цвета был в беспорядке. На глазах его были линзы, которые, отражая свет, напоминали глаза ящерицы; секунду он оценивающе смотрел на Бартона, затем улыбнулся.

— Ладно, — произнес он вслух. — Заходи и садись.

Его слова сопровождались мысленным выражением презрения. Обращение к другому лыске вслух, когда не было необходимости соблюдать осторожность, свидетельствовало об оскорбительном отношении свысока, но Бартон не был удивлен. *Параноид,* — подумал он, и мозг Варгана отозвался: *Что значит — высший!*

Открылись створки двери на кухне, и вошел Бертрам Смит — красивый белокурый великан с бледно-голубыми глазами и невыразительным лицом. В руках у него был поднос с бутылками, бокалами и льдом. Он кивнул Бартону.

— Варган хотел поговорить с тобой, — сказал он. — Я не вижу смысла, но...

— Что случилось с Фэйксом? — спросил Варган. — Неважно. Выпей сперва.

Яд?

Искреннее отрицание. Мы сильнее, чем ты...

Бартон взял бокал и сел на жесткий кухонный стул: он не хотел слишком расслабляться. Его мозг был настороже, хотя он сознавал бессмысленность предостережений. Карликовая фигурка Варгана ссутулилась в мягком кресле; он сидел, потягивая ликер. Взгляд его был тверд.

— Так как насчет Фэйкса?

— Я убил его, — ответил Бартон.

— Он был самым слабым из всех нас...

Всех?

Нас троих...

Прекрасно. Теперь остаются только двое.

Варган усмехнулся.

— Ты уверен, что можешь убить нас, а мы уверены, что сможем убить тебя. А поскольку наше секретное оружие является неосязаемым, — безграничное чувство самоуверенности, — мы можем говорить на равных. Как ты узнал о нашем способе общения?

Он не сумел скрыть мысль о Мелиссе; мозг иногда проявляет слишком большую самостоятельность.

— Ее нам тоже придется убить, — сказал Смит. — И ту, другую женщину, о которой он подумал, — Сью Коннот.

Не было никакого толку пытаться что-то скрыть. Бартон направил мысль в мозг Мелиссы.

Они знают. Слушай. Если они воспользуются своей секретной длиной волны, сообщи мне сразу же.

— Сразу же — достаточно быстро, — заметил Варган.

— А мысли так и перемещаются.

— Ладно. Ты нас недооцениваешь. Фэйкс был новичком; он оказался слишком неповоротливым, и он стал для тебя легкой добычей. Мы же отлично натренированы, и наши разумы действуют быстрее твоего. — Это было лишь предположение: *знать* он, в действительности, не мог. В нем говорило непомерное самомнение.

— Вы думаете, — спросил Бартон, — вам все сойдет с рук, что бы вы там ни пытались сделать?

— Да, — сказал Смит; в его мозгу сверкал огонь фанатичной убежденности. — Так должно быть.

— Хорошо. А что вы хотите сделать?

— Сохранить расу, — ответил Варган. — Но активным, а не пассивным путем. Мы, не нелыски, — он все еще употреблял этот термин, хотя и носил парик, — не желаем склоняться перед низшей расой, homo sapiens.

— Старая уловка. Кто сказал, что лыски — homo superior?[1] Просто они обладают дополнительным чувством..

— Это как раз то, что отличает человека от зверя. Дополнительное чувство. Разум. А теперь появилась новая раса, раса телепатов. Следующая раса, в конце концов, может обладать... даром предвидения. Не знаю. Но я знаю, что лыски — это будущее мира. Господь не наделил бы нас этими способностями, если бы не хотел, чтобы мы ими пользовались.

Это был не только поединок разумов, но и нечто большее. Бартон испытывал сильное любопытство — по ряду причин.

— Вы пытаетесь убедить меня?

— Разумеется. Чем больше людей войдет в нашу организацию, тем быстрее она вырастет. Если ты откажешься, мы убьем тебя.

Только такие расплывчатые понятия делали возможной мысленную секретность. Семантика никогда не смогла бы так незаметно изменить расхождение в абсолютных точках зрения.

— Какие у вас планы?

— Экспансия. — Варган взъерошил свой неопрятный каштановый парик. — В абсолютной тайне, конечно. Что касается саботажа — мы еще только начинаем. Но в конечном счете это будет иметь большое значение. В настоящее время мы сосредоточили усилия на том, что мы *можем* сделать...

— Саботаж... А что можете вы предложить взамен?

На Бартона накатила волна неописуемого самомнения.

— Нас самих. Мы — homo superior. Когда наша раса освободится от рабства, сбросит иго обычных людей, мы сможем... достичь звезд, если захотим!

— Рабство. Мне это не кажется рабством.

---

[1] Homo superior — сверхчеловек.

— Тебе не кажется. Тебя приучили принимать манную кашу из рук трусов. Это нелогично. Это несправедливо и неестественно. Когда появляется новая раса, ей судьбой уготовано править.

— Помнишь линчевания прошлых лет? — спросил Бартон.

— Конечно, — кивнул Варган. — У людей есть то, чего нет у нас, — численное превосходство. И они организованы. Вся штука в том, чтобы разрушить их организацию. А при помощи каких средств она удерживается?

— При помощи связи.

— Которая основана на технических устройствах. Весь мир — вроде плавно катящейся машины, в которой человечество сидит за рулем. Если машина сломается...

— Вы так сильны? — Бартон рассмеялся.

В мозгу Смита вновь вспыхнуло пламя фанатического самомнения.

Сотня, тысяча обычных людей не могут сравниться ни с одним из нас!

— Что ж, — вслух Варган говорил более рассудительно, — десять человек по-прежнему могут линчевать лиску, но при условии, что они не разобщены, и пока сохраняется общественный порядок. А вот к чему, разумеется, мы и стремимся — к полному социальному беспорядку. Наша цель — разлад, нарушение связей. Мы тогда сможем взять власть, когда разрушим единство обычных людей.

— И сколько же это займет времени? Миллион лет?

— Возможно, и так, — сказал Варган, — если бы мы не были телепатами и если бы у нас не было секретной длины волны. Чтобы научиться пользоваться ею, кстати, нужно некоторое время, но на это способен почти каждый лиска. Однако мы соблюдаем осторожность; среди нас не будет предателей. Да и как они могут появиться?

Верно, не могут. Любое сомнение, любая мысль о предательстве будут прочитаны. Это будет надежная организация.

Варган кивнул.

— Понимаешь? Тысячи лисок тайно работают на разлад, саботируют, когда надо — убивают... И ни-

когда, никогда не возникает ни малейшего подозрения.

— По крайней мере, на это у тебя хватает ума, — сказал Бартон. — Даже малейшее подозрение будет иметь роковые последствия.

— Я знаю. — *Гнев.* — Люди терпят нас, и мы позволяем им это. Позволяем. Пришло время занять наше законное место.

— Мы и так к этому идем, пусть медленно. В конце концов, мы же в мире обычных людей вроде незваных гостей. Но люди понемногу принимают нас. Когда-нибудь мы завоюем их полное доверие и нормальное отношение.

— И что, вечно существовать благодаря терпимости, в качестве беспомощного меньшинства? Подбирать объедки, которые соизволят бросить нам те, кто ниже нас, — за то, что мы лижем их сапоги?

— Сколько лысок являются неприспособленными?

— До черта.

— Ладно. Они и на небесах были бы неприспособленными. Огромное большинство приспосабливается. У меня есть работа, которая мне нравится...

— Вот как? И тебя ни капельки не раздражает, когда люди узнают, что ты лыска, и таращатся на тебя?

— Никто не бывает совершенно счастлив. Конечно, в мире лысок жить было бы куда приятнее, но это придет. Есть множество миров, до которых мы когда-нибудь доберемся. Венера, например.

— Поэтому будем сидеть и ждать межпланетных путешествий, — насмешливо произнес Варган. — А дальше что? Появятся лозунги. Земля — людям. Никаких лысок на Венере. Ты просто дурак. Неужто тебе никогда не приходило в голову, что лыски — *действительно* новая раса? — Он взглянул на Бартона. — Вижу, что приходило. У любого из нас появлялась эта мысль. Но в нас с детства стараются эту мысль подавить. Слушай, как узнать, является ли новая раса доминирующей? Она должна быть способна господствовать. А мы это можем: у нас есть способности, получить которые нет надежды ни у кого из нелысок. Мы как боги, прикидывающиеся людьми, поскольку людям это приятно.

— Мы не боги.

— В сравнении с людьми мы — боги. Тебе доставляет удовольствие мысль о том, что нужно будет воспитывать детей в страхе, учить их никогда не обижать неполноценных по сравнению с ними, заставлять их носить парики? — Варган потянулся к своей голове рукой со скрюченными пальцами. — Это клеймо нашей трусости. В тот день, когда мы сможем без волос гулять по миру, где все будут безволосы, мы получим то, что нам причитается. Ладно. Спроси себя — можешь ты сказать, что я не прав?

— Нет, — ответил Бартон. — Может быть, ты и прав. Но нас — меньшинство; риск слишком велик. Раз уж ты заговорил о детях, можешь добавить постскриптум о линчевании. Это не слишком приятно. Возможно, тебе удастся выйти сухим из воды, но ты совершенно уверен в том, что неудача исключена. А это просто безумие. Ты не желаешь прислушаться к доводам, не желаешь знать, что может разрушить твои планы. Если до обычных людей дойдут хоть малейшие слухи об этом, все лыски в мире, в париках или без них, будут уничтожены. Никакие менее крутые меры не смогут обеспечить им — людям — защиту. И их ни в чем нельзя будет обвинить. Я признаю, что ты логичен — в некоторой степени. И ты опасен, поскольку владеешь секретной телепатической волной. Но ты — параноид, а это значит, что ты слеп. Мы, лыски, в целом получаем все, что нам нужно, и только потому что отдельные параноидные лыски недовольны, вы создаете организацию якобы для спасения всей расы. Если твоя идея распространится...

— Она попадет на благодатную почву, не так ли?

— Есть и другие неприспособленные лыски, — согласился Бартон. — Может быть, и я стал бы одним из них, если б не нашел подходящий мне образ жизни. — Он на минуту задумался. Работа в джунглях была увлекательной, но каково было бы, оставив ее, вернуться в общество, состоящее из одних лысок, в мир, к которому он принадлежал бы, как ни один телепат не мог по-настоящему принадлежать к миру, существующему в этом веке, сегодня.

Бартон отогнал видение. И в тот же самый миг предупреждающая мысль Мелиссы с силой проникла в его мозг — быстрее, чем крик. Бартон реагировал так же быстро, вскочив на ноги и подняв стул вместо

щита. Он не уловил команды Варгана: она была дана на секретной длине волны; брошенный Смитом нож со стуком ударился о пластиковое сиденье стула и отскочил к стене.

Варган нападет, пока Смит подбирает свое оружие.

Мелисса была напугана; она, как могла, уклонялась от кровожадных мыслей, заполнивших комнату, и все-таки ее подсказки вовремя проникали в мозг Бартона. В ту минуту, когда Варган бросился к нему, он прыгнул в ту сторону, куда упал кинжал. Двое нападавших вернулись на обычную телепатическую волну, однако это мало что изменило.

Бартон мог защититься от одного человека, даже от двоих, действующих вместе. Но эти двое условились заранее: Смит дрался сам по себе, Варган — тоже. В мозг Бартона проникали сразу два мысленных потока. Варган сосредоточился на поединке: влево, вправо, выпад, снова выпад. Бартон был достаточно искусен, чтобы противостоять одному противнику, но Смит уже поднял упавший стул и приближался, держа его в руках. К тому же мысли его были спутаны:

Стулом вперед, пониже — нет, повыше — нет...

Этот прием заключается в переплетении двух мысленных образов: основного и скрытого. Один из них является истинным. Вдобавок Варган и Смит пытались действовать совершенно импульсивно, нарочно запутывая свои мысли, чтобы сбить с толку Бартона. И это им, похоже, удавалось. Не раз они переходили на секретную волну, поэтому путаница усугублялась еще и мысленными предупреждениями Мелиссы.

В руке Смита снова был кинжал. С грохотом перевернулся стол. К несчастью, Бартон считал само собой разумеющимся, что враги будут действовать вместе, но допустил ошибку, и острие ножа вспороло рукав рубашки; из глубокого разреза потекла кровь. В джунглях, где эмоции, тропизм, инстинкт сильнее рассудка, Бартон, случалось, путался так же, но там его всегда выручала способность мыслить. Здесь же его противниками были отнюдь не безмозглые твари — эти хищники обладали высоким интеллектом.

Тяжелый, удушливый запах крови вызывал тошноту. Крадучись, осторожно Бартон продолжал от-

ступать, боясь оказаться между противниками. *Бросок!* — раздалось резкое мысленное предупреждение Мелиссы, и оба — Смит и Варган — бросились на него; лезвия их кинжалов сверкали — там, где на них не было крови.

Сердце... ключица... снизу вверх... выпад...

Он оказался в вихре яростных мыслей, спутанных и хаотичных. Бартон повернулся лицом к Смиту, понял свою ошибку и немного не успел увернуться — кинжал Варгана распорол его левый бицепс. После этого удара Бартон понял, что проиграл: теперь с двумя параноидами ему не справиться.

Он бросился к стулу, нарочно думая использовать его как щит, но в последний момент, прежде чем его мысли успели прочесть, швырнул стул в лампу дневного света. Зазвенело стекло, трубка раскололась. В темноте Бартон метнулся к двери. Противники уже знали о его намерении и предвосхитили его; они понимали, что в этот миг все зависит от скорости и силы, с которой он попытается пробиться наружу. Но они не смогли его остановить. Он поднял ногу на уровень своей челюсти и, совсем обалдев, стал размахивать ею вправо и влево, наполовину бессознательно. Возможно, это его и спасло.

Он прорвался и подумал о вертолете. Убежать, найти помощь. Бартон разобрал невольную мысль Варгана: *короткий путь.*

Спасибо, — послал он насмешливый ответ.

Короткий путь сокращал расстояние, ноги у него были длинные. Никаких планов Бартон не строил, он и не пытался ни о чем думать. Удрать и найти помощь; детали потом. Параноиды бежали за ним, но не долго.

Толку нет: он успеет. Взять мой вертолет.

Верно. Мы выследим его.

Они повернули в другую сторону. Мозг Бартона, однако, улавливал мысли, которыми они обменивались, и он прибавил ходу. Не так просто было скрыться от параноидов теперь, когда они его знали. И контакт с его мозгом они тоже прерывать не станут.

Посадочная площадка была по-прежнему пуста, если не считать его собственного вертолета. Он забрался внутрь и направил машину на юго-запад: им руководила смутная мысль о Сью Коннот. Мелисса

помочь не могла; он даже не знал, где она находится. А Сью была в Конестоге, и между ними двумя...

Кроме того, ее надо предупредить. Сквозь мили тьмы он попытался войти с ней в мысленный контакт.

Что случилось?

Он рассказал ей.

Достань оружие. Обеспечь защиту. Я лечу к тебе.

План...

Не старайся его продумать. Они узнают.

Появилась Мелисса — испуганная, с психически сильным ощущением страха в мыслях.

Чем я могу помочь?

Не сообщай, где ты находишься. Если нас постигнет неудача, расскажи правду другим лыскам. Этих параноидов необходимо уничтожить.

Сью: *Может, мне попробовать перехватить их вертолет?*

Нет. Не пытайся. Они следуют за мной, но пока не догоняют.

Вертолет преследователей, выглядевший фантастически в серебряном лунном свете, нагонял его. Бартон забинтовал раненую руку, потом, подумав, он обмотал левое предплечье несколькими слоями ткани. Щит — в случае, если...

Он не мог строить тактических планов: это имело бы роковые последствия. Телепаты не имеют возможности играть в шахматы или в военные игры, поскольку их намерения автоматически становятся известны противнику. Они могут играть в скип-гандбол, так как в этой игре присутствует элемент случайности. Если бы можно было ввести элемент случайности...

Какой, например? — Это Варган задал мысленный вопрос: он заинтересовался.

Бартон вздрогнул. Нужно каким-то образом ухитриться действовать импульсивно, без заранее намеченного плана. Иначе он, без сомнения, потерпит неудачу.

Он обратился к Мелиссе:

Они используют секретную частоту?

Нет.

Если нам не удастся, это будет твоей задачей. Варган и Смит должны умереть. Это более важно,

чем просто убить троих людей. Если их идея дойдет до других параноидов, если они тоже узнают, как пользоваться секретной длиной волны, это самоубийственное движение будет шириться. И лелыски когда-нибудь неизбежно узнают о нем. А это приведет к физическому уничтожению каждого лыски на земле, поскольку люди не могут позволить себе идти на риск. Если мы не сумеем остановить параноидов, это будет означать гибель всей расы.

Заблестели огни Конестоги. Никакого плана пока нет. И не надо о нем думать.

Должен быть какой-то план, — настаивал Варган. — *Какой?*

Я поднимаю свой вертолет, — вмешалась Сью.

Внизу был зоопарк, в это время неосвещенный, если не считать серебристого лунного света. В небо, ярко сверкая, поднялся еще один вертолет. *Я протараню их...* — донеслась мысль Сью.

«*Дура,* — подумал Бартон. — *Не предупреждай их!*» Тут его мозга внезапно достигла новая идея, и он мгновенно отреагировал. Механическое управление действует не столь быстро: приняв решение снизиться, чтобы избежать смертельного столкновения с аппаратом Сью, Варган вдруг оказался в опасной близости к вертолету Бартона. Руки Бартона вцепились в рычаги управления.

Варган прочел его мысль, едва она возникла, но его вертолет с такой же скоростью реагировать не мог. С треском столкнулись лопасти винтов, раздался скрежет раздираемого металла: вертолеты соприкоснулись бортами. Сработали автоматические защитные устройства, которые остались целы, — но только то, что они были на небольшой высоте, спасло Бартона и его врагов от гибели.

Они упали в центральной части зоопарка, неподалеку от бассейна с акулой. Варган прочитал очередную мысль Бартона и срочно телепатировал Смиту:

Убей его! Быстро!

Бартон выбрался из-под обломков; Сью была поблизости в зависшем над ними, готовом сесть вертолете, и он скомандовал:

Включи прожектора — локализованно. Максимальное освещение. Разбуди животных.

Он резко бросился в сторону от двух приближающихся к нему фигур, сорвав на бегу повязку с раненой руки — в воздухе распространился запах свежей крови. Бартон громко закричал, стараясь разбудить зверей.

От вертолета Сью исходили яркие лучи света, направленные вниз, проникающие в клетки.

«Убить его, — думал Варган. — *Быстрее!»*

Послышался астматический кашель льва. Бартон подскочил к бассейну и швырнул окровавленную повязку через ограду. Вспенилась вода: акула моментально пришла в активность.

И отовсюду — из клеток и бассейна, от всех зверей, разбуженных ослепительным светом, шумом и запахом крови, пошли переменные мозговые излучения.

Сью включила сирену, и ко всему еще оглушительный рев наполнил ночь. То там, то здесь вспыхивали огни. Бартон увидел, как Смит остановился и затряс головой. Варган, оскалив зубы, бежал вперед, но тоже был в шоке.

Мысли их теперь совсем смешались. Это была уже не погоня — это был скип-гандбол с вырвавшимся на свободу фактором непредсказуемости.

Ведь животные не обладают интеллектом в истинном его значении. У них есть инстинкты, тропизм, дикие, первобытно сильные страсти. Даже у нетелепатов рычание голодного льва вызывает тревожное ощущение. А для лыски...

То, что доносилось из бассейна, было страшнее всего. Даже у Бартона побежали мурашки по спине. Разумы параноидов больше не могли контактировать, они едва могли думать в этом ментальном водовороте звериного голода и ярости, заполнившем ночь.

Теперь они не могли также читать мысли Бартона, поскольку чувствовали себя как люди, оказавшиеся в ослепительном луче прожектора, направленном им в лицо: они были слепы телепатически.

Бартон же, опытный натуралист, владел своим мозгом много лучше, но даже для него все это было неприятно. И все-таки давнее знакомство с тиграми и акулами, волками и львами давало ему определенную защиту от мыслей хищников. Он почувствовал,

как мысленно отдалилась Мелисса — в ужасе, охваченная паникой; знал, что Сью, кусая губы, отчаянно старается держать себя в руках. Однако в радиусе полумили вокруг этого ментального Ниагарского водопада телепатическая связь была невозможна — кроме как для особого типа мозга.

Именно таким типом мозга обладал Бартон.

Поскольку он по-прежнему мог читать мысли Варгана и Смита, а они его мыслей читать не могли, дуэль заканчивалась его победой. Нужно было убить этих двоих раньше, чем подоспеет помощь. Тайна параноидов должна быть похоронена навсегда.

И он завершил свое дело острым лезвием кинжала. Смит умер молча. Угасающий разум Варгана издал отчаянный, страстный крик:

Ты идиот! Уничтожишь свою собственную расу...

Затем, после того как замолкла сирена вертолета и погасли лучи прожекторов, наступила тишина; кое-где слышался рев зверей да всплески воды в огромном бассейне.

— Они замнут дело, — сказал Бартон. — Я уже кое-что предпринял вчера. К счастью, в судопроизводстве есть несколько высокопоставленных лысок. Я даже им ничего лишнего не сказал, но суть они поняли. Дело будет рассматриваться как личная ссора. Как бы то ни было, дуэли разрешены законом.

Полуденное солнце играло на водах Огайо. Маленькая парусная лодка накренилась от порыва ветра, и Сью по мысленному указанию Бартона повернула румпель. Под килем мягко журчала вода.

— Но мне не удается связаться с Мелиссой, — добавил он.

Сью не ответила. Он посмотрел на нее.

— Ты устанавливала с нею контакт сегодня. Почему я не могу?

— Она... это сложно, — сказала Сью. — Лучше забыть об этом.

— Нет.

— Позже — через неделю или около того...

Он вспомнил застенчивость Мелиссы, ее нежную женственность, ее страх и как она внезапно отключилась накануне вечером.

— Я хочу убедиться, что с нею все в порядке.

— Нет... — произнесла Сью, пытаясь скрыть какую-то мысль. Это ей почти удалось, но не совсем. В ее мозгу появилось что-то вроде кода, какого-то узора.

— Измененная матрица? — Бартон взглянул на нее. — Как могла она...

— Дэйв, — сказала Сью, — пожалуйста, не трогай ее сейчас. Ей не хотелось бы...

Однако, имея в руках ключ, а перед собой — запертую дверь, готовую открыться, Бартон автоматически послал свою мысль, нащупывая, спрашивая. И где-то очень далеко ощутил какой-то отклик.

Мелисса?

Сью молча смотрела на румпель. Прошло много времени, прежде чем Бартон пошевелился. Лицо его было напряжено, у рта залегли новые морщины.

— Ты знала? — спросил он.

— До сегодняшнего дня — нет, — ответила Сью. Почему-то никому из них не хотелось в эту минуту общаться телепатически.

— Это... это, вероятно, вызвано происшедшим в зоопарке.

— Так вот почему ей удалось подключиться к секретной длине волны, — мрачно проговорил Бартон. — Эта мутация — иногда она подходит очень близко к черте. — Он взглянул на свою дрожащую руку. — Ее разум... *это* был ее разум!

— Она не всегда в таком состоянии, — тихо сказала Сью. — Что меня сейчас интересует — станет ли она рассказывать? Могут ли ее мысли прочитать...

— Опасаться нечего, — успокоил Бартон. — Я общался с нею достаточно долго, чтобы выяснить наверняка. Иначе я... вообще не оставался бы с нею. В таком состоянии она не помнит ничего из того, что происходило, когда она была... в здравом уме.

Сью пошевелила губами.

— Она не знает, что она сумасшедшая. Просто чувствует, что что-то не в порядке. Потому она и не хотела сообщить нам, где находится. Ах, Дэйв! Сколько наших, сколько мутантов сходят так или иначе с прямого пути! Какая ужасная цена.

Он медленно кивнул; глаза его были очень серьезны. Да, за все нужно как-то платить. И все-таки, если эта плата дает мутантам безопасность...

Однако, по сути дела, до этого еще далеко. Бартон сейчас отчетливо видел, что определенная эра в существовании расы лысок наконец закончилась. До вчерашнего дня казалось, что перед ними — ровная, прямая дорога. Но вчера зло, дотоле скрытое, обнаружилось в самом сердце их собственной расы, и это было такое зло, которое угрожало миру на земле, угрожало уничтожением какой-либо расы.

Ведь очевидно: то, на что уже натолкнулось несколько параноидов, будет в будущем обнаружено другими. Может быть, уже обнаружено. И так это оставлять нельзя.

Тебя, Сын Человеческий, поставил я сторожем в Доме Израилевом.

«Мы должны теперь быть начеку, — подумал Бартон. — Всегда начеку». Он внезапно понял, что за последние несколько лет сделал большой шаг вперед, к зрелости. Сперва у него не было цели, он был готов отворить двери своего разума любой возможности, которая стучалась громче других. Затем он нашел подходящую работу и, удобно устроившись, стал считать себя наконец зрелым человеком. Так было до вчерашнего, точнее, сегодняшнего дня.

Теперь ему нельзя оставаться только охотником на зверей. Расстилавшееся перед ним поле деятельности было настолько широким, что он пока не мог ясно разглядеть все, хотя очертания были весьма отчетливы. Это задача не для одного человека, многим и многим придется принять в ней участие. Эта работа потребует постоянной бдительности, наблюдения за всем миром, начиная буквально с настоящей минуты. Сегодня, возможно, впервые за без малого две тысячи лет, вновь рождалось племя крестоносцев.

«Странно, — думал он, — что первое предупреждение мы получили от сумасшедшей женщины. Выходит, даже сумасшедшие не так уж бесполезны в прогрессе расы. Странно, что три группы мутантов так тесно переплелись в сложившейся ситуации — сумасшедшие, здоровые и параноиды. И так случилось, что даже в смертельном бою три ветви оказались взаимозависимы».

Он посмотрел на Сью. Их разумы соприкоснулись, и в глубокой, теплой уверенности этой встречи не было места сомнениям или сожалениям. По крайней

мере, у них было это единство, и оно стоило любой цены, которую может потребовать будущее, — это уверенное единение, осознаваемое в любой темноте, на любом расстоянии. И этот огонь не погаснет в очаге, покуда жив хоть один лыска.

ТРИ

Шел снег.

Теперь не было ничего, кроме снега, мир скрыло пеленой кружащихся белых снежинок. До сих пор, хотя я и не мог связаться с людьми, вокруг меня все же была твердая земля, я видел над собой вздымавшиеся горные пики. Теперь казалось, что я отрезан от всего совсем и одинок — как никогда.

Я ничего не мог изменить, и, съежившись под своими одеялами, ждал. Воздух стал немного теплее; однако не холод убьет меня, а одиночество.

Мне начало казаться, что вся моя предыдущая жизнь была сном и ничего, кроме меня, на самом деле не существует.

Мысли мои начали кружиться, и я не мог их остановить. Я знал, что нахожусь на пределе. Вокруг меня бессмысленно кружился снег, кружились и мои мысли, и не было ничего, что могло бы их остановить. Зацепиться было не за что.

Кроме как в прошлом.

И я снова вернулся назад, пытаясь там найти какую-нибудь опору. Время после Бартона, но когда Бартон был еще жив. Время Макнея и Линкольна Коуди. Неподтвержденная история из Ключевых Жизней, поскольку в жизни Макнея был час, который не видел ни один другой телепат и который может быть восстановлен лишь предположительно. Правда, телепаты, знавшие Макнея очень долго и близко, вполне могли восполнить недостающие детали.

Она была полной, эта история Льва и Единорога. Я проник назад во времени в разум Макнея, снова ненадолго забыв и снег, и одиночество, найдя то, что мне было нужно, в прошлом, когда Макней ожидал у себя дома прихода параноида Сергея Коллахена...

Лучший способ сохранить секрет — это избегать даже намека на секретность. Макней насвистел несколько тактов из Грига, и вибрации привели тонкий механизм в действие. Тускло-янтарные стены и потолок стали прохладно-прозрачными. Поляроидный кристалл изменял красный свет солнца, заходящего над Кэтскилз. Глубокое и безоблачное голубое небо раскрылось над головой. В нем ничего не было видно; но вертолет Бартона уже прилетел, а скоро должен появиться и Коллахен.

То, что Коллахен осмелился прилететь, придавало опасности жуткую остроту. Двадцать лет назад проблема была бы решена кинжалом, но отнюдь не окончательно. Бартон пользовался своим клинком и, хотя полной неудачи не потерпел, не добился и успеха. С тех пор угроза возросла.

Макней, стоя у своего письменного стола, провел рукой по лбу и с любопытством поглядел на мокрую ладонь. Гипертензия. Результат этой отчаянной, напряженной попытки связаться с Коллахеном и удивления от того, что это оказалось так легко. А теперь еще Бартон в качестве катализатора — мангуста и змеи одновременно.

Но никакого столкновения быть не должно — пока. Как-то нужно удержать Бартона от убийства Коллахена. У гидры больше сотни голов, и она к тому же обладает особой способностью. В этом и заключалась главная опасность — в страшном секретном оружии параноидов.

Эти типы не были сумасшедшими, они пользовались холодной логикой и ненормальны были лишь в одном отношении — в слепой, извращенной ненависти к нетелепатам. За двадцать, а возможно, тридцать, сорок лет они не то чтобы выросли численно, но сумели организоваться; и вот теперь клетки этой злокачественной опухоли распространились по всем городам Америки, от Модока и Американ-Гана до Рокси и Флорида-Энда.

«Я стар, — подумал Макней. — Мне сорок два, но я чувствую себя старым. Светлые надежды, с которыми я вырос, гаснут, затмеваемые кошмаром».

Он взглянул в зеркало и присмотрелся к своему отражению. Человек он был ширококостный, но мягкотелый; и глаза слишком добрые — такие не годятся для битвы. Волосы парика, который носили все лыски, были пока еще темными, но скоро придется покупать парик с сединой.

Он устал.

Он был в отпуске и приехал сюда из Ниагары, — одного из научных городков; однако в его тайной работе никаких отпусков, конечно, не было. Этим делом сейчас занимались многие лыски, и ни один из нетелепатов об этом даже не подозревал; в их задачу входили контроль и уничтожение, ибо параноидным лыскам нельзя позволить безнаказанно творить зло, и это — аксиома.

За горной грядой лежал город. Макней перевел взгляд вниз, на ручей за сосновыми и сумаховыми рощами, на пруд чуть ниже по течению, где под темными нависшими скалами водилась форель. Он открыл часть стены, впустив прохладный воздух; рассеянно просвистел музыкальную фразу, включающую ультраакустику, которая заставляла комаров держаться подальше. На мощеной дорожке внизу он заметил тонкую стройную фигуру в светлых брюках и блузке и узнал Алексу, свою приемную дочь. Сильный семейный инстинкт лысок сделал усыновление и удочерение распространенным явлением.

Ее лощеный парик блестел в лучах заходящего солнца. Он послал вниз мысль:

Думал, ты в деревне. Мэриан в кино.

Она уловила в его уме нотку недовольства.

Посетители, Дэррил?

На час-другой...

О'кей. Там дурацкий американский фильм с продолжением, а я их терпеть не могу. Мэриан меня спрашивала... Пойду станцую пару раз в саду.

Он смотрел ей вслед, чувствуя себя отвратительно. В идеальном мире, где все были бы телепатами, пропала бы и нужда в секретах и увертках. Это и в самом деле было одним из достоинств системы параноидов — таинственная, неперехватываемая длина волны, на которой они могут общаться. То, что называется Способностью. Макней полагал, что это была вторичная характеристика самой мутации, как и

лысина, но проявившаяся в более редких случаях. Похоже было, что только лыски параноидного типа могут развить эту Способность, что говорило о возможности существования двух отдельных и различных мутаций. Учитывая хрупкость равновесия в мыслительном аппарате, такую возможность нельзя было исключать.

Но истинное взаимопонимание было совершенно необходимо для полноценной жизни. Телепаты были чувствительнее нетелепатов; их браки были совершеннее; дружба теплее; раса представляла из себя в некотором смысле единый живой блок, ведь практически ни одну мысль нельзя было скрыть от других. Нормальный лыска из вежливости воздерживался от прощупывания чужого сознания, когда контактирующий мозг сознательно затуманивался, но в конечном счете и это должно было стать ненужным. Да, когда-то в секретах не будет необходимости.

И Мэриан, и Алекса знали о связи Макнея с организацией и относились ко всему с молчаливым пониманием. Они знали без слов, когда Макнею не хотелось отвечать на вопросы, а благодаря глубокому доверию, основанному на телепатическом взаимопонимании, они и не задавали их, даже мысленно.

Алексе сейчас было двадцать. Она уже давно поняла, что является чужой в окружающем ее мире. До сих пор лыски на земле были незваными гостями, сколько бы ни придумывалось логических обоснований их появления. Огромное большинство человечества было нетелепатами, и страх, недоверие и ненависть хотя и в скрытой форме, но жили в сознании этого гигантского трибунала, ежедневно выносившего приговор мутации лысок.

Макней прекрасно знал, что вынесение смертного приговора зависит от того, опустят ли вниз большие пальцы те, от кого ждут решения. И если только когда-нибудь большие пальцы опустятся...

Если только нетелепаты узнают, чем занимаются параноиды...

По дорожке поднимался Бартон. Он шел пружинистым шагом, гибкий и стройный, как юноша, хотя ему было за шестьдесят. На нем был серо-стальной парик; Макней ощутил поток бдительности, исходящий из мозга охотника. Фактически Бартон считался

натуралистом, охотником на крупного зверя. Несмотря на это, иногда его добычей оказывались люди.

Наверх, Дэйв, — подумал Макней.

Ясно. Оно уже здесь?

Коллахен скоро будет.

Мысленные образы не совпадали. Семантический абсолютный символ для Коллахена в разуме Макнея был проще; у Бартона он был окрашен эмоциями, ассоциативно связанными с той половиной жизни, что охотник посвятил борьбе с группой, которую он ненавидел, — теперь уже почти патологически. Макней так и не смог узнать, что скрывается за этой страшной ненавистью. Раза два он улавливал мимолетные мысленные образы умершей девушки, которая когда-то помогла Бартону, но эти мысли всегда были нечеткими, словно отражение на зыбкой поверхности воды.

Бартон поднялся на подъемнике. Его смуглое лицо избороздили морщины; он улыбался, скривив губы в одну сторону, так что улыбка казалась, скорее, усмешкой. Бартон сел в мягкое кресло, передвинув немного кинжал, чтобы он был под рукой, и подумал о выпивке. Макней предложил виски с содовой. Солнце закатилось за гору, ветер стал холоднее. Автоматическое индукционное устройство переключилось на обогрев.

Удачно, что ты поймал меня, по пути на север. Неприятность.

Касается нас?

Как всегда.

Что на этот раз?

Диапазон мыслей Бартона расширился.

Угроза лыскам { *Лыска без парика с группой Бродячих Псов* / *Деревни подвергаются набегам* / *Тот, что без парика, телепатически не обучен*

Без парика? Параноид?

Мало сведений. Не могу установить связь.

Но... Бродячие Псы?

Усмешка Бартона отразилась в его мысли:

Дикари. Я проведу расследование. Недопустимо, чтобы люди связывали нас с совершающими набеги Бродячими Псами.

Макней замолчал, размышляя. Немало лет уже прошло после Взрыва, когда жесткая радиация впервые вызвала мутации и привела к децентрализации культуры. Те дни были свидетелями появления Бродячих Псов, этих недовольных, бродяг, отказавшихся войти в городские союзы, убежавших в леса и отдаленные уголки и живших дикой жизнью кочевников — правда, всегда маленькими группами, боясь вездесущих атомных бомб. Бродячих Псов видели не часто. С вертолета порой можно было различить фигурки, крадущиеся гуськом через Лимберлостские леса или по Флоридской низменности, словом, в любом месте, где остались старые лесные массивы. Кочевники вынуждены были жить в лесной глуши. Время от времени они совершали быстрые набеги на уединенные деревни — однако, это случалось так редко, что никто не видел в Бродячих Псах большой угрозы. Их рассматривали в лучшем случае как озорников, к тому же они и сами в основном держались подальше от городов.

Тот факт, что среди них оказался лыска, был не столько невозможным, сколько удивительным. Телепаты давно представляли собой расовое единство, разветвляющееся на семейные группы. Дети входили в него, когда подрастали.

Может быть это какая-то интрига параноидов. Не знаю, какого типа.

Макней сделал глоток. *Ты знаешь, нет смысла убивать Коллахена,* — высказал он свое мнение.

Тропизм, — мрачно прозвучала мысль Бартона. *— Таксис. Когда я выхожу на них, я их убиваю. Не...*

Для борьбы с ними я нашел определенные методы. Я использовал адреналин. Нельзя предвидеть действия обезумевшего человека в драке, потому что он сам их не предвидит. С ними нельзя драться так, словно играешь в шахматы, Дэррил. Нужно как-то вынудить их ограничить свои возможности. Я убил некоторых, заставив драться с машинами, у которых нет, в отличие от мозга, мгновенной реакции. Фактически — привкус горечи — мы не можем планировать действия наперед. Параноиды могут читать наши мысли. Почему не убить это?

Потому что нам, возможно, придется пойти на компромисс.

Взрывная волна горячей, страшной ярости заставила Макнея поморщиться. Несогласие Бартона было сокрушительно категоричным.

Макней повертел свой бокал, глядя, как на его стенках собираются капельки влаги.

Но параноиды расширяют сферу влияния.

Так найдите способ лишить их этой возможности!

Мы пытаемся. Такого способа нет.

Узнайте их секретную длину волны.

Мозг Макнея окутал туман. Бартон мысленно отвернулся. Но он все же уловил обрывок какой-то мысли и изо всех сил старался не задавать мучивший его вопрос.

— Пока нет, Дэйв, — сказал Макней вслух. — Я даже не должен об этом думать. Ты же знаешь.

Бартон кивнул. Он тоже понимал, как опасно строить планы заранее. Невозможно было воздвигнуть никакого эффективного заслона против зондирования параноидов.

Не убивай Коллахена, — взмолился Макней. *Позволь действовать мне.*

Бартон неохотно согласился.

Оно приближается. Сейчас.

Его более дисциплинированный ум, привыкший обнаруживать излучения, свидетельствующие об интеллекте, уловил вдалеке отдельные фрагменты мыслей. Макней вздохнул, поставил свой бокал и потер лоб.

Бартон подумал: *Этот лиска с Бродячими Псами. Можно привезти его сюда, если понадобится?*

Разумеется.

Тут их сознаний коснулась чужая мысль — уверенная, сильная, спокойная. Бартон тревожно пошевелился. Макней послал наружу ответ.

Минуту спустя Сергей Коллахен, выйдя из подъемника, стоял перед ними, с осторожностью разглядывал натуралиста. Это был стройный блондин с мягкими чертами лица; волосы его парика были такие длинные и густые, что напоминали гриву. Парики такого нестандартного типа параноиды носили толь-

ко из жеманства — да еще из-за своей врожденной неприспособленности.

Он не выглядел опасным, но у Макнея возникло такое чувство, как будто в комнате оказался дикий зверь. Что там символизировал лев в средние века? Плотский грех? Точнее он не мог вспомнить. В голове Бартона появилась аналогичная — словно эхо — мысль:

Плотоядное животное, которое надо бы зарезать!

— Добрый день, — сказал Коллахен, и, поскольку он заговорил вслух, Макней понял, что он, как и любой параноид, относится к ним, нормальным лыскам, как к низшим существам, со снисходительным презрением. Для параноидов это было весьма обычно.

Макней встал; Бартон нет.

— Не присядете ли?

— Конечно. — Коллахен опустился в кресло. — Вы — Макней. О Бартоне я слышал.

— Уж наверное, слышал, — произнес Бартон вкрадчивым тоном. Макней поспешно разлил выпивку. Бартон к своему бокалу не притронулся.

Несмотря на тишину, в комнате звучало что-то, напоминавшее звук в четвертом измерении. Никто не пробовал установить прямой телепатический контакт; однако ни один лыска не бывает в полной ментальной тишине — разве что в стратосфере. Подобно чуть слышной, далекой музыке, интроспективные мысли, как токкаты и фуги, смутно прорываются наружу. Мысленный ритм одного человека спонтанно подстраивается под ритм другого — так шагают солдаты, привыкшие держать шаг. Коллахен, правда, шагал не в ногу, и атмосфера, казалось, вибрирует от легкого диссонанса.

Их гостя переполняла огромная самоуверенность. Параноиды редко испытывали те сомнения, что время от времени вызывали у нормальных телепатов неотвязный, неизбежный вопрос: *аномалия или истинная мутация?* Хотя со времени Взрыва сменилось несколько поколений, рано еще было что-то утверждать. Биологи проводили исследования, но проверить выводы экспериментально не могли, поскольку у животных выработать телепатическую функцию было невозможно. Лишь специализирован-

ный коллоид человеческого мозга обладал этой скрытой способностью, даром, который по-прежнему оставался загадкой.

К настоящему времени ситуация стала понемногу проясняться. С самого начала существовало три различных типа мутантов; это признали лишь после того, как хаос, возникший после Взрыва, прошел, уступив место децентрализации. Итак, были психически нормальные лыски — к ним принадлежали Макней и Бартон. Но плодовитое космическое чрево произвело на свет также чудовищное потомство — это были существа с ужасающей патологией, появившиеся из пронизанной радиацией зародышевой плазмы, — двухголовые сросшиеся близнецы, циклопы, сиамские уроды. Надежду вселяло лишь то, что появление подобных чудовищ почти полностью прекратилось.

Между нормальными лысками и сумасшедшими телепатами находился мутационный вариант — параноиды с их навязчивой идеей превосходства. Вначале параноиды отказывались носить парики, и, если бы угрозу разглядели тогда, их уничтожение не составило бы труда. Теперь сделать это было сложно, они стали гораздо хитрее. По большей части параноида невозможно стало отличить от здорового лыски. Они научились хорошо маскироваться и находились в безопасности; лишь отдельные их промахи давали время от времени Бартону и его охотникам возможность пустить в ход кинжалы, висевшие на поясе каждого мужчины.

Война, по необходимости совершенно секретная, подпольная, велась в мире, ничего не знающем о смертельной битве, происходящей во тьме. Ни один из нетелепатов даже не подозревал ни о чем. Но все лыски знали об этом.

Знал об этом и Макней, и сердце его сжималось от чувства огромной ответственности. Обожествление собственной расы, отождествление себя, своей семьи и друзей со всеми телепатами — это была часть платы лысок за свое выживание. Сюда, однако, не входили параноиды — хищники, угрожающие безопасности живущих на земле лысок.

Наблюдая за Коллахеном, Макней подумал о том, чувствовал ли тот когда-нибудь неуверенность в себе. Вероятно, нет. Чувство неполноценности заставляло

параноидов боготворить свою группу. Девизом этих самовлюбленных людей было: *Мы сверхлюди! Все остальные виды существ — низшие.*

Они не были сверхлюдьми. Но недооценивать их было бы серьезной ошибкой, параноиды безжалостны, умны и сильны. Хотя, может быть, и не так сильны, как считают они сами. Лев может без труда загрызть дикую свинью, но стадо свиней вполне может убить льва.

— Если сможет его найти, — сказал с улыбкой Коллахен.

Макней поморщился.

— Даже лев оставляет следы. Вы не можете до бесконечности делать свои делишки так, чтобы люди ничего не заподозрили. Неужели не ясно?

Коллахен мысленно выразил презрение.

— Они не телепаты. И даже если бы ими были, у нас есть Способность. А с ней даже вы ничего не можете поделать.

— Тем не менее мы можем читать ваши мысли, — вставил Бартон. — И это уже помогло нам разрушить некоторые ваши планы.

— Случайности, — сказал Коллахен, махнув рукой. — Они никак не отражаются на долгосрочной программе. К тому же вы можете читать только то, что выше порога сознательного восприятия. Мы думаем и о других вещах, не только о завоевании. И едва мы готовы сделать очередной шаг, мы делаем его как можно быстрее, чтобы свести до минимума опасность прочтения деталей каким-нибудь предателем.

— Значит, мы теперь предатели, — сказал Бартон.

Коллахен посмотрел на него.

— Вы предаете судьбу нашей расы. Мы разберемся с вами после завоевания.

— А что, — спросил Макней, — будут тем временем делать люди?

— Умирать, — ответил Коллахен.

Макней потер лоб.

— Вы слепы. Если лыска убьет хоть одного человека и об этом станет известно, начнутся неприятности. Но это еще может сойти с рук. Если же произойдут две-три таких смерти, у людей появятся

вопросы разные и разные предположения. Лысок не линчуют уже много лет, но стоит какому-нибудь умному парню сообразить, что́ происходит, будет разработана программа уничтожения всех лысок на земле. Не забывайте, что нас легко опознать. — Он потрогал свой парик.

— Этого не случится.

— Вы недооцениваете людей. Всегда недооценивали.

— Нет, — сказал Коллахен, — это не так. А вот вы всегда недооценивали нас. Вы не знаете даже собственных возможностей.

— Люди не становятся сверхлюдьми благодаря развитию телепатических способностей.

— А мы думаем, становятся.

— Ну ладно, — сказал Макней, — тут нам не договориться. Возможно, мы сможем договориться по другим вопросам.

Бартон что-то сердито буркнул. Коллахен взглянул на него.

— Вы говорите, что понимаете наш план. Если так, то вам должно быть ясно, что нам нельзя помешать. У людей, которых вы так боитесь, только два козыря: численность и техника. Если разрушить технику, мы сможем централизоваться, а это все, что нам требуется. Сейчас, конечно, мы не можем этого сделать из-за атомных бомб. Как только мы соберемся в группу и заявим о себе — *бах!* Так что...

— Взрыв был последней войной, — сказал Макней. — Должен быть последней. Планета не выдержит еще одной.

— Планета выдержит. Мы тоже. А вот люди — нет.

— В Галилео нет секретного оружия, — сказал Бартон.

— А, так вы проверили и эти слухи? — Коллахен ухмыльнулся. — Однако очень многие начинают думать, что Галилео становится опасным городком. Не за горами тот день, когда Модок или Сьерра снесут яичко прямо на Галилео. И мы тут будем ни при чем. Бомбить будут люди, а не лыски.

— Кто пустил этот слух? — спросил Бартон.

— Будут и еще, будет много слухов. Мы посеем недоверие между городами — долгосрочная программа продуманной диверсии. И закончится это еще

одним Взрывом. Тот факт, что люди верят всякой ерунде, доказывает, что они, по сути своей, неспособны править. Такое не может случиться в мире лысок.

— Новая война, — сказал Макней, — приведет к развалу коммуникационных систем. Это, конечно, вам на руку. Старый закон разрушения и гибели. До тех пор, пока радио, телевидение, вертолетный и скоростной самолетный транспорт связывают людей, они остаются, некоторым образом, централизованными.

— Верно мыслите, — сказал Коллахен. — Когда человечество окажется в худшем, более уязвимом положении, централизоваться сможем мы, вот тогда и выйдем на сцену. По-настоящему творческих технических умов, знаете ли, не так уж много. Мы их уничтожаем с большой осторожностью. И нам это удается, потому что мы можем мысленно объединиться, благодаря Способности, и остаемся неуязвимы физически.

— Кроме как для нас, — мягко проговорил Бартон.

Коллахен медленно покачал головой.

— Вы не можете убить нас всех. Если бы вы сейчас прирезали меня, это не имело бы значения. Я, кстати, координатор, и не единственный. Вы можете выследить кое-кого из наших, безусловно, но вы не можете найти всех нас, и вы не можете разгадать наш код. Именно здесь у вас ничего не получается, и именно поэтому никогда ничего не получится.

Бартон раздраженно погасил сигарету.

— Да. Может, и не получается. Но вам все равно не победить. Это невозможно. Я давно чувствую приближающийся погром. Если это произойдет, то будет вполне оправданно, и я ни о чем не пожалею, ведь и вас всех тоже уничтожат. Конечно, и мы погибнем. Вы, что же, будете чувствовать удовлетворение, зная, что погубили весь вид своим идиотским эгоизмом?

— Я не обижаюсь, — сказал Коллахен. — Я всегда утверждал, что ваша группа — неудачная ветвь мутации. Мы — настоящие сверхлюди, не боящиеся занять в мире подобающее нам место, в то время как вы согласны жить объедками со стола людей.

— Коллахен, — внезапно заговорил Макней, — это самоубийство. Мы не можем...

Бартон вскочил со стула и встал, расставив ноги и злобно глядя исподлобья.

— Дэррил! Не упрашивай эту свинью! Моему терпению тоже есть предел!

— Прошу тебя, — сказал Макней, чувствуя себя совершенно бессильным и беспомощным. — Не надо забывать, что мы тоже не сверхлюди.

— Никаких компромиссов, — огрызнулся Бартон. — Не может быть мира с этими волками. Волки! Гиены!

— Никакого компромисса не будет, — заверил Коллахен. Он встал; его голова с львиной гривой выделялась темным силуэтом на фоне фиолетового неба. — Я приехал повидаться с вами, Макней, с одной единственной целью: вы так же хорошо, как я, понимаете, что люди не должны знать о существовании нашего плана. Оставьте нас в покое, и они ничего не заподозрят. А пытаясь помешать нам, вы только увеличиваете опасность раскрытия. Подпольная война не может вечно оставаться подпольной.

— Значит, вы все-таки сознаете опасность, — сказал Макней.

— Глупец, — ответил Коллахен; в его голосе звучало чуть ли не нетерпение. — Неужели вы не видите, что мы боремся и за вас тоже? Оставьте нас. Когда люди будут уничтожены, этот мир будет миром лысок, и вы тоже найдете в нем свое место. Не говорите мне, что никогда не думали о цивилизации лысок, полной и совершенной.

— Верно, думал, — признал Макней. — Но этого не достичь вашими методами. Решение — в постепенной ассимиляции.

— Значит, мы будем ассимилированы снова человеческой породой? И наши дети деградируют и опять станут волосатыми? Нет, Макней. Вы не сознаете своей силы, но и своей слабости, похоже, вы также не сознаете. Оставьте нас в покое. Если не оставите, то именно вы будете виновниками любого будущего погрома.

Макней взглянул на Бартона, плечи его опустились, он забрался поглубже в кресло.

— Ты все-таки прав, Дэйв, — прошептал он. — Никакого компромисса быть не может. Это параноиды.

Злобная усмешка Бартона стала еще злее.

— Убирайся, — проговорил он. — Я не стану убивать тебя сейчас. Но я знаю, кто ты. Думай об этом почаще. Тебе не долго осталось жить, даю слово.

— Ты можешь умереть первым, — мягко ответил Коллахен.

— Убирайся.

Параноид повернулся и вошел в подъемник. Вскоре его фигура уже виднелась внизу; он шагал по дорожке. Бартон налил себе глоток крепкого алкоголя и выпил, не разбавляя.

— Словно в грязи извалялся, — сказал он. — Может, это снимет мерзкий привкус во рту.

Макней сидел неподвижно в своем кресле. Бартон пристально посмотрел на смутно видневшуюся фигуру.

Какая муха тебя укусила? — подумал он.

Мне жаль... жаль, что мы живем не в мире лысок. Не обязательно на Земле. Пусть на Венере, на Марсе. Даже Каллисто — где угодно. Мир, где мы могли бы жить мирно. Война — не для телепатов, Дэйв.

А может, она им как раз на пользу.

Ты считаешь, что я слабохарактерный. Что ж, так и есть. Я не герой. Не крестоносец. Микрокосм все-таки важнее всего. О какой верности расе можно говорить, если член семьи, индивид должен жертвовать всем, что означает для него домашний очаг?

Подонки должны быть уничтожены. Наши дети будут жить в более счастливом мире.

То же говорили наши отцы. И где мы сейчас?

По крайней мере, нас пока не линчуют. Бартон положил руку на плечо Макнея. *Продолжай работу. Найди решение. Код параноидов должен быть разгадан. Тогда я смогу уничтожить их — всех до одного!*

Мысли Макнея потемнели. *Я чувствую, что будет погром. Я не знаю, когда. Но наша раса еще не пережила свой величайший кризис. Он придет. Придет.*

Решение тоже придет, — подумал Бартон. — *Мне пора. Нужно найти того лиску среди Бродячих Псов.*

Счастливо, Дэйв.

Макней долго глядел вслед Бартону. Когда тот скрылся и дорожка опустела, он с беспокойством стал ждать возвращения Мэриан и Алексы из города и впервые в жизни не был уверен в том, что они вернутся.

Они были среди врагов, потенциальных врагов, которые по первому слову могли обратиться к петле и огню. Безопасность, за которую лыски мирно боролись на протяжении поколений, уходила сейчас, как почва из-под ног. В недалеком будущем лыски могут оказаться без крова и без друзей — как Бродячие Псы...

Слишком эластичная цивилизация неминуемо приводит к анархии, а слишком жесткая — разваливается под ураганным ветром перемен. Нормы человеческого бытия произвольны, потому существуют и произвольные демаркационные линии. В децентрализованной культуре общественному животному легче было найти свое законное место, чем когда-либо за тысячи лет истории. Денежная система была основана на товарообмене, который, в свою очередь, основывался на мастерстве, склонности к чему-либо и человеко-часах. Одному человеку нравилась непринужденная жизнь рыбака на Калифорнийском побережье; за свой улов он мог получить телевизор, созданный жителем Галилео, интересующимся электроникой и, кроме того, любящим рыбу.

Это была эластичная культура, однако она имела свою жесткость — в ней существовали неприспособившиеся люди. После Взрыва они оставили растущую сеть городов, постепенно заполняющих Америку, и направились в леса, где им проще было оставаться самими собой. Там собирались люди разных типов: бродяги и сезонные рабочие, пьяницы и нищие, деревенские бедняки и городские бездельники, все недовольные, антисоциально настроенные, а также те, кто просто не мог приспособиться к какому бы то ни было виду городской жизни, даже к наполовину сельским условиям теперешних городов. Кто-то разъезжал по дорогам, другие ходили пешком — в мире, еще зависевшем от наземного транспорта; встречались также звероловы и охотники, поскольку даже после Взрыва

на Североамериканском континенте еще оставались обширные лесные массивы.

Они направились в леса. Те из них, что и прежде были лесными жителями, достаточно хорошо знали, как там выжить; они умели ловить птиц, ставить капканы и ловушки на оленей и кроликов. Знали, какие можно собирать ягоды и какие следует выкапывать коренья. Другие же...

В конечном счете, они либо учились, либо умирали. Но начинали они с того, что казалось им самым простым — становились разбойниками, совершали быстрые налеты на объединяющиеся города и возвращались с добычей: едой, алкоголем и женщинами. Они ошибочно принимали рождение новой цивилизации за ее конец. Они собирались в банды, но атомные бомбы рано или поздно находили свою цель и уничтожали их.

Вскоре не осталось ни одной большой группы Бродячих Псов. Объединение стало опасным. Лишь несколько десятков людей могло собраться вместе; в северных умеренных зонах они перемещались в зависимости от времени года; в более жаркой местности держались в глуши.

Их существование сочетало в себе жизнь первопроходцев западной Америки и американских индейцев. Они постоянно мигрировали; вновь научились стрелять из лука и метать копье, поскольку не поддерживали контактов с городами, и им нелегко было раздобыть огнестрельное оружие. Они плыли по мелководью в реке прогресса, эти крепкие, загорелые лесные жители со своими женами, гордясь своей независимостью и способностью вырвать право на жизнь у дикой природы.

Они не нуждались в письменности, зато много говорили, а по вечерам, собравшись вокруг костра, пели старые песни: «Барбара Аллен», «Два ворона», «О, Сюзанна» и народные баллады, которые живут дольше, чем сенаты и парламенты. Если б они ездили верхом, они бы пели песни, рожденные под ритм лошадиного аллюра; но вышло так, что они ходили пешком и знали маршевые песни.

Джесс Джеймс Хартвелл, вожак небольшой группы Бродячих Псов, смотрел, как поджаривается на костре медвежатина; по лесу покатился его бас, при-

глушенный и смягченный стеной сосен, отделявших лагерь от ручья. Его скво Мэри тоже запела; к ним присоединились и другие охотники и их жены — слово «скво» больше не имело оскорбительного оттенка, как это было когда-то. Отношение Бродячих Псов к своим женам напоминало скорее отношение к женщинам рыцарей средневековья.

«Ребята, принесите мне
Мой добрый старый горн,
И мы споем другую песню...»

У ручья было темно. Сегодня вечером они поздно нашли место для стоянки: их задержала охота на медведя, а после этого не сразу удалось найти свежую воду. Как всегда, когда люди были раздражены, отовсюду сыпались полусерьезные, полубеззлобные насмешки в адрес Линкольна Коуди. Возможно, для любой группы обычных людей было естественно, чувствуя ментальное превосходство лыски, издеваться, для успокоения, над его очевидными физическими отличиями.

Тем не менее они никогда не связывали Линка с городскими лысками, ведь уже не одно поколение телепатов носило парики. И даже сам Линк не сознавал, что он — лыска. Он знал, что не такой, как другие, и все. В его памяти не осталось воспоминаний о крушении вертолета, из которого его младенческое тельце вытащила мать Джесса Джеймса Хартвелла; став приемным сыном племени, он рос как Бродячий Пес, так его все и воспринимали. Но хотя остальные и считали его одним из своих, они всегда готовы были обозвать его «плешивым» — и не только в шутку.

«Пойте ее так, как пели,
Когда пятидесятитысячным отрядом
Мы проходили маршем через Джорджию...»

В группе Хартвелла было двадцать три человека. Много лет назад один из его предков был воином Республиканской армии и принимал участие в походе северян под командованием генерала Шермана. Другой его современник, чья кровь также текла в жилах Хартвелла, носил серую форму конфедератов и погиб

на Потомаке. Теперь же под водительством их потомка двадцать три отверженных Бродячих Пса, отбросы цивилизации, скрывались в лесах. Они теснились у костра и жарили медведя, которого убили копьями и стрелами.

«Ура! Ура! Мы праздник принесли,
Ура! Ура! Наш флаг несет свободу, —
Так хор звучал наш от Атланты и до моря,
Когда мы маршем проходили через Джорджию».

Там, где когда-то была Атланта, остался серый рубец опустошения. Светлые, чистые городки усеяли Джорджию; вертолеты, жужжа, проносились к морю и обратно. Великая Война между штатами стала воспоминанием, затененным еще более серьезными конфликтами, имевшими место позднее. И все же в этом тихом североамериканском лесу бодрые голоса воскрешали прошлое.

Линк потерся плечами о грубую кору дерева и зевнул. Он жевал табак и радовался своему кратковременному одиночеству. Однако он непроизвольно воспринимал — чувствовал — понимал разрозненные обрывки мыслей, доносившихся до него от бивуачного костра. Он не знал, что воспринимает чужие мысли, «слышит» их, поскольку считал, что Хартвелл и остальные так же все время слышат друг друга. Тем не менее эта взаимосвязь, как всегда, доставляла ему некоторое неудовольствие, так что он был благодарен чему-то — неизвестно чему, — давшему ему знать о приближении Кэсси.

Она неслышно вышла из тени и опустилась рядом с ним — стройная, красивая шестнадцатилетняя девушка, она была моложе его на год. Они поженились не так давно, и Линк все еще поражался тому, что Кэсси полюбила его, лысого, отличающегося от всех своим блестящим черепом. Он запустил пальцы в глянцевитые черные волосы Кэсси; ему доставляло чувственное удовольствие ощущать, как они струятся по его ладони.

— Устала, дорогая?

— Не-а. Тебе плохо, Линк?

— Пустяки, — сказал он.

— Ты странно себя ведешь после набега на город, — пробормотала Кэсси, взяв его загорелую руку и выводя указательным пальцем узор на его мозолистой ладони. — Может, ты считаешь, нам не стоило этого делать?

— Не знаю, Кэсси, — вздохнул он, обняв ее рукой за талию. — Это третий набег за год...

— Ты что, сомневаешься в Джессе Джеймсе Хартвелле?

— А если да?

— Что ж, — серьезно ответила Кэсси, — тогда лучше подумай, как нам двоим побыстрее смыться отсюда. Джесс возражений не любит.

— Я тоже, — сказал Линк. — Может, больше не будет набегов, ведь мы идем к югу.

— По крайней мере, здесь у нас брюхо сыто, за канадской границей было хуже. Я не помню такой зимы, Линк.

— Холодно было, — признал он. — А здесь прожить можно. Вот только...

— Что?

— Жаль, что ты не участвуешь в налетах. Я больше ни с кем не могу об этом говорить. Странное было чувство. Вроде как голоса у меня в голове.

— Это безумие. Или колдовство.

— Меня никто не сглазил. Ты это знаешь, Кэсси.

— И травку ты не курил. — Она имела в виду марихуану, свободно росшую в глухих местах. — Расскажи мне, на что это похоже, — попросила она Линка, стараясь встретиться с ним глазами. — Худо?

— Это и не худо, и не хорошо. Все смешано. Что-то вроде сна, только я не сплю. Вижу картинки.

— Какие картинки, Линк?

— Не знаю, — ответил он, глядя в темноту, где журчал и плескался ручей. — Потому что половину времени, когда это бывает, я — это не я. Внутри то жарко, то холодно. Иногда — словно музыка в голове. Но во время последнего набега, милая моя Кэсси, это было хуже некуда. — Он поднял с земли щепку и отбросил ее в сторону. — Все равно как эту щепку станет швырять в воде. Все кругом тянуло в разные стороны.

Кэсси ласково поцеловала его.

— Не бери в голову. Все иногда путаются. Вот заберемся дальше на юг, будет хорошая охота, и ты забудешь свои фантазии.

— Я и сейчас могу их забыть. С тобой я чувствую себя лучше, просто рядом с тобой. Я люблю запах твоих волос, милая. — Линк зарылся лицом в прохладную, блаженную тьму девушкиных кос.

— Что ж, тогда я не буду их стричь.

— Да, лучше не надо. Твоих волос должно хватать на нас двоих.

— Думаешь, для меня это важно, Линк? Бун Кэрзон лысый, а красавец.

— Бун старый, ему около сорока, поэтому и лысый. В молодости у него были волосы.

Кэсси собрала мох вокруг себя и уложила на голове Линка в форме парика.

— Ну как? — Она улыбнулась ему чуть насмешливо. — Нигде ни у кого нет зеленых волос. Чувствуешь себя лучше?

Смахнув мох, он вытер череп, притянул жену к себе и поцеловал ее.

— Хотел бы я всегда быть рядом с тобой. Когда ты рядом, я не тревожусь. Только эти набеги меня раздражают.

— Думаю, их больше не будет.

Его взгляд был обращен в полумрак; юное лицо, темное от загара и с морщинами от суровой жизни, внезапно помрачнело. Он резко поднялся на ноги.

— У меня предчувствие, что Джесс Джеймс Хартвелл замышляет еще один.

— Предчувствие? — Она глядела на него с тревогой. — Может, это не так.

— Может, — с сомнением проговорил Линк. — Только мои предчувствия чаще всего попадают в точку. — Он бросил взгляд в сторону костра. Плечи его расправились.

— Линк?

— Он рассчитывает на него, Кэсси. Сидит там и думает о жратве, которую мы взяли в последнем городке. Это брюхо его подзуживает. Я не собираюсь идти у него на поводу.

— Лучше не затевай ничего такого.

— Я должен... поговорить с ним, — произнес Линк едва слышно и скрылся в тени деревьев. Когда он

приблизился к кругу света, образованного костром, кто-то вопросительно окликнул его жутким уханьем совы, скорбным и рыдающим. Линк понял интонацию и ответил вороньим карканьем. У каждого племени Бродячих Псов был свой язык, которым они пользовались, находясь на опасной территории, ибо между племенами не было единства, и кое-какие группы Бродячих Псов снимали скальпы. Было даже несколько групп людоедов, но этих выродков остальные ненавидели и убивали при первой возможности.

Линк вошел в лагерь. Широкая грудь его большой, крепкой, мускулистой фигуры колесом выгибалась под курткой из оленьей шкуры с бахромой; лысину сейчас скрывала беличья шапка. На месте стоянки наспех были сооружены временные жилища; крытые листьями пристройки обеспечивали минимум уединения, и несколько женщин занимались там шитьем. У котла для приготовления пищи Бетшеба Хартвелл раздавала бифштексы из медвежатины. Джесс Джеймс Хартвелл, огромный как бык, с горбатым носом, шрамом на щеке и наполовину седой бородой, с наслаждением ел мясо и печенье, запивая их зеленым черепаховым супом, — это была часть добычи последнего набега. На безукоризненно чистом куске белой ткани перед ним были икра, сардины, улитки, пикули и другие лакомства, которые он брал понемногу крошечной серебряной вилочкой, целиком скрывавшейся в его большой волосатой руке.

— Подходи и поешь, плешивый, — пророкотал Хартвелл. — А где твоя скво? Она, наверное, здорово проголодалась.

— Она скоро придет, — ответил Линк. Он не знал, что Кэсси притаилась в подлеске с обнаженным метательным ножом в руке. Его мысли были сконцентрированы на вожде, и он все еще ощущал то, что назвал предчувствием и что на самом деле являлось неразвитым телепатическим восприятием. Да, Хартвелл думал о новом набеге.

Линк взял у Бетшебы бифштекс, хотя и горячий, но не обжегший его загрубелых рук, присел на корточки рядом с Хартвеллом и впился зубами в сочное,

вкусное мясо. Он не сводил взгляда с бородатого лица вожака.

— Мы теперь за пределами Канады, — сказал он наконец. — Помаленьку теплеет. Идем дальше на юг?

— Конечно, — кивнул Хартвелл. — Мне неохота обморозить и потерять еще один палец. Даже здесь слишком холодно.

— Стало быть, будет охота. И дикая кукуруза скоро поспеет. Еды будет вдоволь.

— Передай печенье, Бетшеба. — Он рыгнул. — Чем больше мы будем есть, Линк, тем больше жиру нагуляем к следующей зиме.

Линк кивнул на белую «скатерть».

— От этого жиру не нагуляешь.

— Зато вкусно. Попробуй вот эту икорку.

— Ага... Тьфу! Где вода?

Хартвелл рассмеялся.

— А летом пойдем на север? — спросил Линк.

— Мы еще не голосовали. Я бы сказал, нет. По мне, лучше двигаться к югу.

— Больше городов. Продолжать набеги небезопасно, Джесс.

— Никому нас не найти, когда мы возвращаемся в лес.

— У них есть оружие.

— Боишься?

— Ничего я не боюсь, — сказал Линк. — Только я вроде как знаю, что ты думаешь о новом рейде. И хочу сказать, чтоб ты на меня не рассчитывал.

Широкие плечи Хартвелла опустились. Он подцепил сардину, съел ее, потом повернулся к юноше и посмотрел на него из-под полуприкрытых век.

— Струсил? — Это прозвучало, как вопрос, так что лезть в драку было необязательно.

— Ты видел, как я выходил с ножом на гризли.

— Я знаю, — сказал Хартвелл, почесывая белую прядь в бороде. — Однако, парень, любой может струсить. Пойми, я не утверждаю этого. Но все-таки никто другой-то не пытается выйти из игры.

— Во время того, первого, налета мы подыхали с голоду. Когда был второй... что ж, его тоже можно как-то объяснить. Но я не вижу никакой пользы в налетах только ради того, чтобы ты мог есть икру и червяков.

— Не только ради этого, Линк. Мы также достали одеяла. Такие вещи нам были нужны. Как только нам в руки попадет несколько ружей...

— Становишься слишком ленивым, чтоб натягивать лук?

— Если ты ищешь драки, — медленно проговорил Хартвелл, — могу доставить тебе это удовольствие. Если нет — заткнись.

— О'кей, — сказал Линк. — Но я сказал, что не буду больше участвовать ни в каких набегах.

Кэсси, затаившаяся в тени кустов, крепче сжала рукоятку кинжала. Но Хартвелл неожиданно рассмеялся и запустил обглоданной костью в голову Линка. Юноша увернулся и исподлобья посмотрел на него.

— Вот придет день, когда придется потуже затянуть пояса, тогда ты изменишь свое мнение, — сказал Хартвелл. — А сейчас забудь об этом. Позови свою скво и заставь поесть: она слишком тощая. — Он повернулся к лесу. — Кэсси! Иди сюда и поешь рыбного супу.

Линк смотрел в другую сторону, поправляя свою шапку. Его лицо было уже не таким мрачным, хотя по-прежнему оставалось задумчивым. Кэсси вложила кинжал в ножны и вышла к костру. Хартвелл поманил ее.

— Садись, поешь, — сказал он.

Атмосфера вновь была мирной; хотя волнение улеглось, Кэсси знала, что Линк все еще находится в дурном расположении духа. Однако хорошее настроение Хартвелла было гарантией, что не возникнет никакого скандала, если ему не нанесут прямого оскорбления. Он пустил по кругу бутылку виски — свою добычу; выпивка была редким угощением, поскольку племя могло гнать самогон, только длительное время оставаясь на одном месте, а это случалось не часто. Линк много не пил. Еще долго после того, как потушили костер и из-под навесов вокруг послышался храп, он лежал без сна, обеспокоенный и напряженный.

Что-то или кто-то — звал его.

Это было похоже на его предчувствие, на то, что он ощущал во время набегов, и на ощущение прибли-

жения Кэсси, однако в этом было какое-то странное, волнующее отличие. В непонятном призыве звучало дружеское участие, которого он никогда прежде не чувствовал.

Смутный и неопределенный образ обитателя, спрятавшегося глубоко в его сознании, проснулся и отозвался на этот зов родственного существа.

Через какое-то время Линк приподнялся на локте и посмотрел на Кэсси, лицо которой было частично скрыто глубокой чернотой ее разметавшихся волос. Он мягко коснулся девушки и ощутил нежное, живое тепло. Затем он бесшумно выскользнул из-под навеса и встал во весь рост, оглядываясь вокруг.

Слышались только шелест листьев и плеск ручья, больше ничего. Там и тут на земле лежали пятна лунного света. Негромко прошуршала в траве древесная крыса. Холодный, бодрящий воздух обжег свежестью щеки и глаза Линка.

Внезапно ему стало страшно, почему-то вспомнились старые народные сказки. Он припомнил рассказы своей приемной матери о людях, которые могли превращаться в волков, о Вендиго, летавшем, подобно сильному ветру, над одинокими лесами, о Черном Человеке, покупавшем души; бесформенные, темные страхи детства, казалось, ожили, воплотились в кошмарной реальности. Он убил ножом гризли, он не трус, но ему никогда еще не приходилось стоять вот так, среди ночи, одному в лесу; а беззвучный Зов все шелестел в его сознании, заставляя сильнее биться сердце в некоем страстном ответе.

Ему было страшно, но соблазн был слишком велик. Линк повернулся на юг и вышел из лагеря. Долгие годы жизни в лесу научили его двигаться бесшумно. Легко переступая с камня на камень, он перешел ручей и поднялся по склону. Там, ожидая его, на пне сидел человек.

Он сидел спиной к Линку, и видны были лишь ссутулившиеся плечи и лысая, поблескивающая в лунном свете, голова. На мгновение Линк почувствовал леденящий страх: вдруг, когда человек обернется, он увидит свое собственное лицо. Он нащупал нож. Недоуменное волнение все поднималось в нем, приводя мысли в смятение.

— Здравствуй, Линк, — произнес низкий голос.

Линк двигался бесшумно — и знал это. Каким образом темная фигура почувствовала его приближение? Черный Человек?..

— Я выгляжу черным? — спросил человек, встал и обернулся. Он усмехался — нет, улыбался, — и его лицо было темным и морщинистым. На нем была городская одежда.

Нет, он не был Черным Человеком — у него не было раздвоенных копыт. А теплое, искреннее дружелюбие, исходящее от него, действовало на Линка успокаивающе, несмотря на все его подозрения.

— Ты звал меня, — сказал Линк. — Я хочу в этом разобраться. — Его глаза остановились на лысом черепе.

— Меня зовут Бартон, — сказал мужчина. — Дэйв Бартон. — Он поднял что-то серое — скальп? — и аккуратно укрепил на своей голове, удовлетворенно усмехнувшись.

— Я чувствую себя голым без парика. Но я должен был показать тебе, что я... э-э... — Он пытался найти слово, соответствующее телепатическому символу. — Что ты один из нас, — закончил он.

— Я не...

— Ты лыска, — сказал Бартон, — но не знаешь об этом. Я уже прочитал это в твоих мыслях.

— Прочитал в мыслях? — Линк сделал шаг назад.

— Ты знаешь, кто такие лыски? Телепаты?

— Конечно, — сказал Линк неуверенно. — Я слыхал рассказы про них. Нам не слишком много известно о городской жизни. Послушай, — у него вновь возникли подозрения. — Как ты здесь оказался? Как...

— Я искал тебя.

— Меня? Зачем?

— Потому что ты — один из нас, — терпеливо повторил Бартон. — Я вижу, мне многое придется объяснять. Возможно, с самого начала. Итак...

Он рассказывал; объясниться было бы еще труднее, не будь они лысками. Хотя Линк не был телепатически обучен, но тем не менее воспринимал достаточно хорошо те мысленные утверждения, что помогали прояснить вопросы, возникающие в его разуме. И Бартон говорил о Взрыве, о жесткой радиации — для Линка это было китайской грамотой, пока Бартон не воспользовался телепатической символикой, —

и прежде всего о том невероятном факте, что Линк не был всего лишь безволосым уродом в своем племени, что есть и другие лыски, и их очень много.

Это было существенно, ибо Линк уловил скрытое значение информации. Он в какой-то мере ощутил теплое, глубокое взаимопонимание между телепатами, тесное единство расы, чувство *принадлежности* к ней, которого у него никогда не было. Уже сейчас, в лесу, наедине с Бартоном, он чувствовал более искреннюю близость, чем ему когда-либо приходилось испытывать.

Он был понятлив. Задавал вопросы. А через некоторое время это стал делать и Бартон.

— Набеги организует Джесс Джеймс Хартвелл. Да, я участвовал в них. Значит, вы все носите эти парики?

— Естественно. Телепатов много, и всех нас объединяют общие заботы.

— И... и никто не смеется над вами из-за того, что вы лысые?

— Я похож на лысого? — спросил Бартон. — Конечно, есть свои неудобства, но и преимуществ немало.

— Еще бы! — Линк глубоко вздохнул. — Люди... того же вида... твоего вида... — Речь его стала нечленораздельной.

— Нелыски не всегда предоставляли нам равные возможности. Они боялись нас — немного. Поэтому нас с детства учат никогда не пользоваться преимуществами наших телепатических способностей при людях.

— Да, я понимаю. В этом есть смысл.

— Теперь ты понял, почему я появился, не так ли?

— Вроде я могу понять, — медленно произнес Линк. — Эти набеги... люди могут подумать, что это связано с лыской... Я ведь лыска!

Бартон кивнул.

— Бродячие Псы никого особо не беспокоят. Несколько набегов — мы с этим можем разобраться. Но чтобы с ними был связан один из телепатов — такого нельзя допускать.

— Сегодня вечером я сказал Джессу Джеймсу Хартвеллу, что больше не буду принимать участия в набегах, — сообщил Линк. — Он не станет меня заставлять.

— Да... Это хорошо. Послушай, Линк. Почему бы тебе не поехать со мной?

Годы тренировки заставили Линка сделать паузу.

— Мне? Отправиться в город? Мы этого не делаем.

— *Вы?*

— Ну... Бродячие Псы. Я не Бродячий Пес, да? Господи, это... — Он потер челюсть. — У меня все перепуталось, Бартон!

— Вот что. Поехали сейчас со мной, посмотришь, может, тебе и понравится наша жизнь. Тебя никогда не учили пользоваться телепатическими способностями, так что ты вроде как полуслепой. Увидишь все своими глазами, а потом решишь, что тебе больше по душе.

Линк хотел было сказать о Кэсси, но промолчал, опасаясь, что, если расскажет о ней, Бартон может взять свое предложение назад. К тому же, в конце концов, он ведь не собирался оставлять ее навсегда. Всего-то на неделю-другую, а там он вернется.

Если только он не возьмет Кэсси с собой сейчас...

Нет. Почему-то ему было стыдно признаться, что он, лыска, женился на девушке из племени Бродячих Псов. Хотя он весьма гордился самой Кэсси. Он никогда ее не бросит. Просто...

Он был одинок. Страшно, отвратительно одинок, и то, что ему удалось понять из мыслей и слов Бартона, влекло его с неодолимой силой. Где-то есть мир, к которому он принадлежит, где никто не станет называть его плешивым, где он никогда не будет чувствовать себя неполноценным рядом с бородатыми мужчинами. Собственный парик.

Всего лишь несколько недель. Он не мог упустить возможность. Не мог! Кэсси будет ждать его, будет ждать, когда он вернется.

— Я поеду с тобой, — сказал он. — Я готов прямо сейчас. О'кей?

Однако Бартон, читавший мысли Линка, заколебался, прежде чем ответить.

— О'кей, — сказал он наконец. — Поехали.

Три недели спустя Бартон сидел в солярии Макнея, устало прикрыв глаза рукой.

— Ты же знаешь, — сказал он, — Линк женат на девушке из племени Бродячих Псов. Он понятия не имеет, что нам это известно.

— Это что-то меняет? — спросил Макней. Он выглядел усталым и встревоженным.

— Полагаю, что нет. Но я решил упомянуть об этом из-за Алексы.

— Она разберется в собственных чувствах. Вероятно, девочка уже знает, что Линк женат, сколько недель она натаскивает его в телепатии.

— Я заметил это, когда вошел.

— Да, — проговорил Макней, потерев лоб. — Поэтому мы и пользуемся речью. Телепатические беседы сбивают Линка с толку, если собеседников больше одного: он все еще учится селективности.

— Как тебе нравится парень?

— Он мне нравится. Хотя он не... не совсем такой, как я ожидал.

— Он вырос с Бродячими Псами.

— Он один из нас, — сказал Макней с нажимом.

— Никаких симптомов параноидных тенденций?

— Определенно, нет. Алекса согласна со мной.

— Прекрасно, — сказал Бартон. — Это меня успокаивает. Именно этого я больше всего боялся. Что же касается девушки из племени Бродячих Псов, она не из нас, и мы не можем допустить ослабления расы путем смешанных браков с людьми. Это является аксиомой почти с самого Взрыва. Мне лично кажется, что, если Линк женится на Алексе или еще на какой-нибудь девушке из наших, это только к лучшему, а о предыдущих связях можно забыть.

— Это ей решать, — сказал Макней. — Были еще налеты Бродячих Псов?

— Нет. Но они меня заботят меньше всего. Сергей Коллахен ушел в подполье. Я не могу выяснить его местонахождение, а я этого очень хочу.

— Только чтобы убить его?

— Нет. Он должен знать других параноидов, занимающих ключевые позиции в их цепочке. Я хочу вытянуть из него эту информацию. Он не может затуманить свой мозг навечно, и когда все сложится так, как нужно, у него останется не слишком много секретов.

— Вряд ли мы сможем выиграть эту битву.

— Вот как?

— Я пока ничего не могу сказать, — произнес Макней со скрытой силой. — Я даже не могу позволить себе думать о проблеме. Я... получается так, в общем, суть в том, что существует единственное уравнение, которое должно быть решено. Но еще не сейчас. Поскольку, как только я решу его, мои мысли сразу можно будет прочесть. Сперва необходимо разработать все мелкие детали. Потом...

— Да?

— Я не знаю. — Улыбка Макнея была горькой. — Я найду ответ. Я не сидел сложа руки.

— Если б мы смогли раскрыть тайну Способности, — сказал Бартон, — если бы мы могли перехватывать код параноидов...

— Или, — добавил Макней, — если бы у нас был свой код...

— Не поддающийся дешифровке.

— Что невозможно сделать при помощи механических средств. Никакой шифратор не годится, потому что мы должны будем знать ключ, а параноиды могут читать наши мысли. Я не хочу некоторое время думать об этом, Дэйв. Детали — да. Но не сама проблема. Я... вдруг я решу ее прежде, чем буду готов.

— Параноиды тоже не сидят без дела, — сказал Бартон. — Их дезинформация распространяется. Эти разговоры о секретном оружии Галилео все еще продолжаются.

— И Галилео не выступил с опровержением?

— Откровенно об этом никто не говорит. А как выступить против клеветнической кампании? Именно это, Дэррил, может в конечном счете привести к скандалу. Можно сражаться с человеком или с вещью, но нельзя сражаться с ветром. Ветром клеветы.

— Но атомные бомбы! В конце концов...

— Я знаю. И тем не менее какая-нибудь горячая голова в любое время может достаточно испугаться, чтобы перейти к действию. «В Галилео есть секретное оружие, — скажет он. — Это небезопасно. Они собираются напасть на нас». И возьмет фальстарт. После этого будут и другие инциденты.

— И мы окажемся в самом центре. Мы не можем оставаться нейтральными. Я думаю, Дэйв, рано или поздно будет погром.

— Мы переживем его.

— Ты так думаешь? Когда рука каждого нелиски готова будет ударить телепата — будь то мужчина, женщина или ребенок? Пощады никому не будет. Нам нужен другой мир, новый мир...

— С этим придется подождать, пока у нас появятся межзвездные корабли.

— А тем временем мы, значит, живем взаймы. Может быть, лучше всего было бы, если бы мы снова смешались с расой обычных людей.

— Регресс?

— Положим, что так. Мы сейчас в положении единорога в табуне лошадей. Мы не смеем использовать свой рог для собственной защиты, просто должны прикидываться лошадьми.

— Лев и единорог, — сказал Бартон, — сражались за корону. Что ж, Коллахен с его параноидами — это лев, вполне подходяще. Но корона?

— Это неизбежно должно быть правление, — ответил Макней. — Два господствующих вида не могут существовать на одной планете или даже в одной системе. Люди и телепаты не могут поровну разделить господство. В настоящий момент мы подчиняемся. Рано или поздно мы достигнем цели Коллахена, только другим путем. Но не посредством унижения или порабощения людей! Наше оружие — естественный отбор. Биология на нашей стороне. Если только нам удастся сохранить с людьми мир до тех пор, пока...

— И изгнать их из города, — вставил Бартон.

— Поэтому люди не должны подозревать ни о том, что между львом и единорогом идет битва, ни о том, за что они сражаются. Если люди узнают, мы не переживем погрома, а укрыться будет негде. Наша раса слишком податливая, благодаря окружению и адаптации.

— Меня волнует Коллахен, — неожиданно сказал Бартон. — Я не знаю, что он затевает. Когда узнаю, возможно, будет слишком поздно. Если он приведет в действие что-нибудь такое, что нельзя остановить...

— Я буду продолжать работать, — пообещал Макней. — Возможно, скоро смогу тебе кое-что дать.

— Надеюсь. Ну что ж, сегодня вечером я лечу в Сент-Ник. Якобы для того, чтобы инспектировать

местный зоопарк. На самом деле, может быть, там мне удастся напасть на след Коллахена.

— Я провожу тебя до деревни. — Макней вошел в подъемник вместе с Бартоном. Они вышли на теплый весенний воздух, глядя сквозь прозрачную стену в комнату, где Алекса сидела с Линком перед телевизором.

— Во всяком случае, они, — сказал Бартон, — никакой тревоги, похоже, не чувствуют.

Макней рассмеялся.

— Она отправляет свою колонку в «Рекордер». Алекса — специалист по сердечным вопросам. Надеюсь, у нее никогда не будет проблем с ее собственным сердцем.

— ...Если вы любите его, — сказала Алекса в микрофон, — выходите за него замуж. А если он любит вас, он не будет возражать против прохождения психорейтингового теста и сравнения балансных карт ИД. Вы обдумываете пожизненное партнерство, и вам обоим следует прочитать контракт, прежде чем подписать его. — Она улыбалась и вообще выглядела как кошка, у которой усы в сметане. — Но никогда не забывайте, что любовь — самая важная вещь в мире. Если вы откроете это для себя, в ваших сердцах всегда будет весна. Удачи вам, интересующиеся!

Она нажала на кнопку.

— Тридцать, Линк. На сегодня моя работа закончена. Это один из видов работы, которую может найти лыска, — редактор телегазеты по сердечным проблемам. Как ты думаешь, тебе бы понравилось?

— Нет, — сказал Линк. — Это... это не про... не для меня.

На нем были шелковая голубая рубашка и темно-синие шорты; его череп закрывал аккуратный каштановый парик. Он еще не успел привыкнуть к этому и постоянно с беспокойством теребил парик.

— «Про» ничем не хуже, чем «для», — сказала Алекса. — Я поняла, что ты хотел сказать, а это важнее грамматических конструкций. Еще урок?

— Чуть позже. Я быстро устаю. Говорить мне по-прежнему кажется как-то более естественным.

— Потом это станет казаться тебе обременительным. Личные окончания: ты говоришь, он говорит, parlons, parlez, parlent — для телепатического общения — это рудименты, они не употребляются.

— Рудименты?

— Именно, — сказала Алекса. — Латинского языка. Римляне не употребляли местоимений. Просто amo, amas, amant, — она дала мысленные разъяснения, — и окончания заменяли нужные местоимения. Nous, vous и ils употребляются теперь вместо них, множественное число — *мы, вы* и *они*. Так что окончания не нужны. Если ты мысленно разговариваешь со швейцарским телепатом, тебя, конечно, может удивить, почему для него девушка всегда *оно*, но вскоре ты поймешь, что для него означает это *оно*, а если бы ты владел только устной речью, то не смог бы этого сделать.

— Это все очень трудно, — заметил Линк. — Однако я понимаю разные точки зрения. Этот вопрос о круговой системе, который мы обсуждали вчера вечером, был... — Он пытался подобрать слово, но Алекса уловила значение в его мыслях.

— Я знаю. Существует поистине удивительная близость. Ты знаешь, я никогда не чувствовала себя несчастной оттого, что я приемная дочь. Я *знала*, какое место занимаю в жизни Мэриан и Дэррила, знала их чувства ко мне. Я знала, что мое место — здесь.

— Это, должно быть, замечательное ощущение, — сказал Линк. — Впрочем, я и сам, кажется, начинаю его в некотором роде испытывать.

— Конечно. Ты один из нас. После того как ты вполне овладеешь телепатической функцией, у тебя не останется никаких сомнений.

Линк смотрел, как солнечный свет играет на бронзовых кудрях Алексы.

— Полагаю, мое место действительно среди людей вашего вида.

— Рад, что прилетел с Дэйвом?

Он взглянул на свои руки.

— Передать не могу, Алекса, как это прекрасно. Я всю жизнь жил в темноте, думал, что я ненормальный, никогда не чувствовал уверенности в себе. А

потом все это... — Он показал на телевизор. — Волшебство, чудеса, вот что. И вообще...

Алекса понимала, что с ним творится, она чувствовала опьяняющий восторг изгнанника, обретшего наконец таких же, как он. Даже визор, давно ставший символом ее работы, приобрел вдруг новое очарование для нее, хотя это была стандартная двухэкранная модель: верхний экран — для новостей и кратких сообщений, нижний — для круглосуточной газеты, которая принималась, записывалась на пленку и потом, при необходимости, могла использоваться для справок. Нажатием кнопок выбиралась публикация, а ручка настройки давала возможность обращаться к страницам, держа в фокусе либо движущиеся изображения, либо печатный текст. Техническое оформление, разумеется, было так же важно, как и актуальность новостей. Большой скрытый стенной экран в одном конце комнаты использовался для демонстрации пьес, концертов, кинофильмов и диснеевских мультфильмов. Однако чтобы получить добавочные чувственные ощущения запаха, вкуса, а также осязательные ощущения, приходилось ходить в театры: такое специальное оборудование было слишком дорогим для среднего дома.

— Да, — сказала Алекса, — ты один из нас. И ты должен помнить, что будущее расы — очень важно. Если ты останешься, ты никогда не должен делать ничего, что может ему повредить.

— Я помню, что ты рассказывала мне о п-параноидах, — кивнул Линк. — Мне кажется, они что-то вроде людоедских племен среди Бродячих Псов. Это честная добыча для всех. — Он потрогал свой парик, подошел к зеркалу и поправил его.

— Там снаружи Мэриан, — сказала Алекса. — Я хочу повидать ее. Подожди меня, Линк, я сейчас вернусь.

Она вышла. Линкольн, неловко пробуя свои вновь осознанные способности, почувствовал, как ее мысль мягко коснулась симпатичной пухленькой женщины, которая двигалась среди цветов, вооруженная перчатками и распылителем.

Линк подошел к клавилюксу и одним пальцем подобрал мотив. Он играл:

Это было в веселом месяце мае,
Когда набухали зеленые почки.
Лежал на смертном одре Джемми Гроув
Из-за любви своей к Барбаре Аллен.

Нахлынули воспоминания о Кэсси, и он с трудом загнал их обратно в тень, вместе с Бродячими Псами и кочевой жизнью, которую он прежде вел. Это больше не была его жизнь. А Кэсси — с нею все будет в порядке. В ближайшее время он отправится за ней и привезет сюда, чтобы она жила с ним среди лысок. Только... только она не была лыской. Она была не такая, как, например, Алекса. Она не менее красива — безусловно; однако здесь столько разговоров о будущем расы. Если бы сейчас он женился на лыске и у него были бы лысые сыновья и дочери...

Но он уже был женат. Что толку думать об этом? Конечно, женитьба на девушке из племени Бродячих Псов может и гроша ломаного не стоит для городских жителей; вдобавок, так или иначе, эта мысленная круговая система похожа на многоженство.

Ладно, он разберется во всем, когда придет время. Сперва нужно как следует освоить приемы этой телепатической функции. Навыки развивались, но медленно, ведь его не воспитывали соответствующим образом с младенчества, как других лысок. Скрытую силу необходимо было разбудить и направить, но не так, как обычно учили детей, а учитывая зрелость Линка и его способность схватывать все на лету и понимать конечную цель.

Мэриан вошла вместе с Алексой. Старшая женщина стащила суконные перчатки и вытерла капли пота со своих румяных щек.

— Привет, Линк, — сказала она. — Как дела?

— Отлично, Мэриан. Ты бы сказала, что тебе нужно помочь в саду.

— Мне полезны физические упражнения. Я прибавила три фунта сегодня утром, пока спорила с этим дураком-вымогателем Гэтсоном в городском магазине. Знаешь, сколько он просит за плоды хлебного дерева?

— А что это?

— Схватывай. — Мэриан сформировала мысленные образы, включающие внешний вид плодов, ощущение на ощупь и вкус. Алекса вступила в мысленную

беседу, представив запах плодов. У Линка были свои произвольные представления для сравнений, и в течение секунды он усвоил абсолютное значение: с этой минуты он всегда сможет узнать плоды хлебного дерева. Мэриан подбросила быстрый мысленный вопрос. Линк ответил.

В город (Дэррил Макней) у окна (десять минут назад).

— Немного путано, — заметила Мэриан, — но суть я поняла. Он должен скоро вернуться. Мне хочется поплавать. Что, если я приготовлю несколько бутербродов?

— Чудно, — ответила Алекса. — Я помогу. Линк разбирается в ловле форели лучше, чем кто бы то ни было; только он не знает, что такое сухая наживка.

— У меня цель — просто поймать рыбу, — сказал Линк. — Достаточно, чтобы хватило поесть. Очень часто, чтобы не остаться голодным, мне приходилось ловить рыбу через проруби во льду.

Позже, растянувшись своим крепким, загорелым телом на песчаном берегу пруда, чуть выше по течению ручья, он нежился в лучах теплого солнца и смотрел на Алексу. Стройная и привлекательная в белых шортах и купальной шапочке, она неумело забрасывала удочку, в то время как Макней с трубкой в зубах забрался в уютное местечко под ветвями, нависавшими над ручьем и касавшимися воды. Мэриан безмятежно жевала бутерброды и с видимым интересом наблюдала за деятельностью колонии муравьев. В воздухе разлилось неуловимое, глубокое, несказанное чувство товарищества, единой семьи, расы, это ощущение расширялось, оно захватило Линка и втянуло его в свой дружелюбный центр.

Вот оно как, — подумал он. — *Мое место здесь.*

И разум Алексы ответил ему со спокойной уверенностью:

Ты один из нас.

Месяцы летели для Линка незаметно, жизнь разнообразили разве что редкие посещения Дэйва Бартона, казавшегося раз от разу все более озабоченным, да появление зелени, покрывшей деревья, кусты и землю по мере того, как лето пришло на смену весне. А затем и лето стало клониться к закату: не за горами была осень. Линк теперь редко вспоминал о

Бродячих Псах. Маленькая группа окружающих его людей молчаливо приняла сложившуюся ситуацию; он чувствовал, в сущности не задумываясь об этом специально, что Алекса знает очень многое о его прошлом и что она не станет поднимать вопроса о Кэсси, если он сам этого не сделает. Не было сомнения, что она начинает испытывать к нему любовь. В том, что он ее любит, Линк тоже почти не сомневался. В конце концов, Алекса ведь принадлежала к его виду, в отличие от Кэсси.

Тем не менее Кэсси снилась ему. Иногда он чувствовал себя одиноким даже среди собственного народа. В таких случаях ему очень хотелось скорее завершить телепатическое обучение и присоединиться к борьбе Бартона против параноидов. Бартон с радостью готов был принять его в свою группу, но предупреждал против опасности спешки.

— Параноиды не дураки, Линк, — сказал он както. — Нельзя их недооценивать. Я до сих пор жив только потому, что я опытный охотник на крупную дичь. Мои реакции чуть-чуть быстрее, чем их, и я всегда стремлюсь поставить их в положение, где телепатия не может им помочь. Если параноид находится на дне колодца, он может прочитать ваше намерение сбросить ему на голову кучу камней, но он мало что может сделать для предотвращения этого.

— Есть какие-нибудь известия о Коллахене?

— Ни слова уже несколько месяцев. Существует какой-то план — может, что-то серьезное в области дезинформации, может, убийство ведущих ученых. Не знаю, что. Я не сталкивался с сознаниями людей, которые бы знали хоть что-то об этом. Но я думаю, скоро что-то должно произойти: это я выяснил. Мы должны быть готовы ко всему. Нужно обязательно расшифровать их код — или создать собственный. Та же песня, Дэррил.

— Я знаю, — сказал Макней, взглянув на чистое голубое небо. — Я по-прежнему мало что могу сказать или даже подумать. Та же песня, совершенно верно.

— Но ты не потерял надежду? Через несколько недель тебе нужно возвращаться в Ниагару.

— Послушайте, насчет этого кода, — сказал Линк. — Я подумал, что ведь и у Бродячих Псов

есть что-то вроде того. Вот, например. — Он сымитировал несколько птичьих и звериных криков. — Мы знаем, что они означают, а больше никто не знает.

— Бродячие Псы не телепаты. А были бы телепатами, ваш код не долго оставался бы тайной.

— Вероятно, ты прав. Но все-таки мне хотелось бы попробовать свои силы против параноидов.

— У тебя еще будет такая возможность, — ответил Бартон. — Но пока что это дело Дэррила, — нам нужно найти новое оружие.

— Все это я знаю, — устало сказал Макней. — Пожалуйста, Дэйв, не нужно больше накачек.

Бартон встал, хмурясь.

— Мне необходимо кое-что сделать на юге. Увидимся, когда вернусь, Дэррил. Будь осторожен. Если эта штука — что бы она из себя ни представляла — откроется скоро, — не рискуй без надобности. Ты нам нужен — гораздо больше, чем я.

Кивнув Линку, он вышел. Макней глядел в пустоту. Поколебавшись, Линк направил ему вопросительную мысль и встретил рассеянный отпор. Он спустился вниз по лестнице.

Линк долго не мог отыскать Алексу. В конце концов он вышел в парк и направился к ручью, его внимание привлекло какое-то цветное пятно на берегу.

Алекса сидела на камне. Молния ее пляжного костюма была расстегнута, чтобы ветерок нес прохладу разгоряченному телу. Было так жарко, что она сняла парик, и ее лысина сверкала на солнце, несообразная и несовместимая с ее искусственными ресницами и бровями. Линк видел ее без парика впервые.

Мгновенно, почувствовав его мысль, она повернулась и начала надевать парик, но ее рука вдруг застыла. Она смотрела на него, сначала вопросительно, а затем с болью и растущим пониманием в глазах.

— Надень его, Алекса, — сказал Линк.

Она не сводила с него глаз.

— Зачем... теперь?

— Я... это не...

Пожав плечами, Алекса пристроила парик на место.

— Это было... странно, — сказала она, намеренно пользуясь речью, словно стремилась не дать своему

разуму вновь войти в русло телепатического контакта, где боль может настигнуть так безошибочно, так остро. — Я сама настолько привыкла к тому, что лыски — лысые, и мне никогда не приходило в голову, что их вид может... — Она замолчала. А через секунду продолжала: — Ты, наверное, был очень несчастен среди Бродячих Псов, Линк. Даже более несчастен, чем ты думаешь. Тебе неприятен вид — лысины до... до *такой* степени...

— Это не так, — торопливо возразил Линк. — Я не... ты не думай...

— Все нормально. Ты ничего не можешь сделать со столь глубоко укоренившейся реакцией. Когда-нибудь понятие о внешней красоте изменится. Отсутствие волос будет считаться обычным делом. Сегодня это не так, во всяком случае для человека с твоим психологическим складом. Твое прежнее окружение поневоле заставило тебя очень остро ощущать свою неполноценность из-за этой лысины...

Линк стоял, чувствуя себя крайне неловко; он не мог отрицать мысль, так ярко вспыхнувшую в его сознании; его жгли стыд и смущение от сознания того, что она так же ясно, как он, увидела уродливую картину своей лысины в его мыслях. Как будто он поднес к ее лицу кривое зеркало и сказал: «Вот такой ты кажешься мне», словно дал оскорбительную пощечину насмешкой над ее ненормальностью.

— Ничего, — с улыбкой, но несколько неуверенно проговорила Алекса. — Ты ничего не можешь поделать, если лысина вызывает у тебя отв... расстраивает тебя. Забудь это. Мы ведь с тобой не... не женаты, и ничего... такого.

Они молча смотрели друг на друга. Их разумы соприкоснулись и словно отскочили друг от друга, потом снова сблизились, пытаясь войти в контакт с помощью легких мыслей, прыгающих с предмета на предмет, так осторожно, будто это были плавучие льдины, которые могли затонуть под полным весом сосредоточенного сознания.

Я думал, что люблю тебя... возможно, так и было... да, я тоже... но теперь не может быть... (резкое, мятежное возражение)... нет, это правда, между нами никогда уже не будет понимания... не так, как если бы мы были обыкновенными людьми...

мы всегда будем помнить эту картину, как я выглядела (быстрый отскок от воспоминания)... (мучительное отречение от него)... нет, ничего не поделаешь... всегда между нами... слишком глубокие корни... и, так или иначе, Кэс... (внезапное закрытие обоих разумов, прежде чем успел сформироваться даже мысленный образ).

— Я иду в город, — сказала Алекса, поднимаясь. — Мэриан в парикмахерской. Я... я сделаю завивку или еще что-нибудь.

Он беспомощно смотрел на нее; какая-то часть его сознания не хотела ее отпускать, хотя он знал так же хорошо, как она, сколько всего было обсуждено, и взвешено, и отринуто за прошедшую минуту безмолвного разговора.

— Счастливо, Алекса, — сказал он.

— Счастливо, Линк.

Линк долго стоял, глядя на дорожку и после того, как она скрылась. Ему придется уехать. Его место не здесь. Даже если после этого еще возможны близкие отношения с Алексой, он знал, что все равно не может остаться. Их отношения... не могли стать нормальными. Теперь он все время будет видеть ее лысину; лысину, вызывающую презрение и смех, лысину, которую он так ненавидел у самого себя; он будет видеть ее яснее, чем парики, которые носят лыски. Так случилось, что до этой минуты он почему-то никогда полностью не осознавал...

Что ж, во всяком случае он не может покинуть их, не сказав об этом Дэррилу. Медленно, слегка волоча ноги, он направился назад к дому. Подойдя к боковой лужайке, он неумело послал вопросительную мысль.

Кто-то ответил ему из подвальной лаборатории — странная, необычная, тревожная вибрация, кратко прикоснувшаяся к его мозгу и отступившая. Это был не Макней. Это был — незваный гость.

Линк по лестнице спустился в подвал. Внизу он остановился, пытаясь разобрать путаницу, возникшую в уме, когда он направил вперед зондирующие ментальные щупы. Дверь была открыта. Макней лежал

на полу; мозг его был пуст; из красного пятна на боку сочилась кровь.

Незваный гость?

Кто...

Сергей Коллахен.

Где...

Спрятан. И вооружен.

Я тоже, — подумал Линк, выхватывая кинжал.

Ты телепатически нетренирован. Ты не можешь победить меня в поединке.

Вероятно, это было именно так. Телепатия являлась сильным оружием лысок в схватке. Любой телепат мог предугадать действия нелыски и победить его, а Линк еще не закончил обучение использования телепатической функции.

Он неумело продолжал прощупывание и неожиданно понял, где находится Коллахен.

Он за дверью, там, откуда сможет нанести удар в спину, когда юноша войдет в лабораторию. Коллахен не ожидал, что плохо тренированный лыска обнаружит место его засады, пока не будет слишком поздно, но, как только Линк выяснил это, Коллахен рванулся было, чтобы выскочить из укрытия.

Всем своим весом Линк навалился на панель, так что дверь хлопнула о стену — он поймал противника в ловушку. Зажатый между двумя металлическими плоскостями — двери и стены, — тот попытался собраться с силами и как-то освободиться. Из-за двери змеей выползла его рука, сжимающая кинжал. Линк бросил свое оружие и, прочно расставив ноги, уперся спиной в дверь. Дверная рама давала ему хорошую точку опоры. Он толкал, давил, жал дверь назад изо всех своих сил, так, что вены вздулись у него на лбу.

Как это говорил Дэйв Бартон? «Убивать их при помощи машин...»

Вот он и использовал один из древнейших механизмов — рычаг.

Внезапно Коллахен пронзительно закричал. Его мысль мучительно молила о пощаде. Вот-вот его силы иссякнут... *Не надо — не дави меня!*

Его силы иссякли.

Линк расправил могучие плечи. Раздался страшный мысленный вопль Коллахена, в котором было еще больше муки, чем в обычном крике; Линк медленно

отпустил дверь, потянул на себя, и к его ногам упало безжизненное тело. Линк поднял свой кинжал, использовал его по назначению, добив умирающего, потом повернулся к Макнею.

На полу растекалась лужа крови, но Макней был еще жив. У Коллахена не хватило времени закончить начатое.

Линк занялся оказанием первой помощи.

Вот оно.

Было уже за полночь. В своей подвальной лаборатории Макней откинулся на стуле и поморщился, ощутив давление обернутых вокруг ребер бинтов. Моргая, он взглянул на лампы дневного света, вздохнул и потер лоб.

Его рука повисла над блокнотом. Уравнение отсутствовало. Сию минуту он еще не был готов думать о нем.

Но работа была почти закончена. Она даст наконец лыскам оружие против параноидов. Они не могут прослушивать секретную длину волны параноидов, но они могут...

Нет, еще не время. Не думай об этом пока.

Даже Линк ему помог, сам того не зная, заговорив об имитации, мимикрии. Да, это было то, что нужно. Параноиды даже не заподозрят...

Еще не время.

Что ж, Линк вернулся к своему племени Бродячих Псов и своей скво. По-видимому, психологически навязанная с детства идея так глубоко засела в разуме юноши, что это оказалось сильнее расовых уз. Очень жаль, ибо Линк обладал тем, что было присуще лишь немногим лыскам, — врожденной твердостью, находчивостью, которые могли бы принести большую пользу в наступавшие черные дни.

Черные дни, наступление которых еще можно немного отсрочить, если...

Мэриан спала. Макней не позволил своей мысли коснуться ее. После стольких лет супружества они достигли такого взаимопонимания, что ее могла разбудить даже случайная мысль. И до тех пор, пока она не уснула, он не разрешал себе закончить работу,

от которой зависит так много. Между лысками в принципе не может быть секретов.

Но это будет тайной — той, которая даст Дэйву Бартону оружие против параноидов. Недешифруемый код, который Макней искал вот уже два года.

Секретный метод связи для лысок.

Час настал. Работай быстро.

Работай быстро!

Быстро задвигалась игла в руке Макнея. Он произвел небольшую регулировку устройства, которое было перед ним, тщательно проверил его крепления и стал следить, как возрастает поток энергии. Через некоторое время из маленького отверстия с одного бока устройства появилась тонкая сетка проводов с несколькими плоско изогнутыми приспособлениями. Макней снял свой парик, подогнал эту проволочную сетку к своей голове и вновь натянул сверху парик. Взглянув в зеркало, он удовлетворенно кивнул.

Его автомат был настроен на поточное производство этих коммуникационных колпаков при введении в него сырьевых материалов. В устройство была встроена светокопия матричной схемы и схемы коммуникационного приспособления, которое легко спрятать под париком, которое в скором времени станут носить все нормальные лыски. Что же до природы приспособления...

Проблема заключалась в том, чтобы найти секретное средство связи, аналогичное неперехватываемой длине волны параноидов. А сама телепатия — просто трехфазовое колебание электромагнитно-гравитационной энергии, исходящее от специализированного коллоида человеческого мозга. Но телепатия, per se, может восприниматься любым чувствительным разумом, имеющим обратную связь с тем, кто послал мысль.

Поэтому вся штука была в том, чтобы отыскать метод искусственной передачи. Мозг, соответствующим образом стимулированный электроэнергией, будет выдавать электромагнитно-гравитационную энергию, не обнаруживаемую никем, кроме телепатов, поскольку не существует приборов, чувствительных к ней. Когда же параноиды будут воспринимать такие излучения, они ничего не смогут понять без расшиф-

ровки с помощью одной из сеточек Макнея, даже не будут подозревать, что это код.

Одним словом, они будут слышать — воспринимать — только помехи.

Это был вопрос маскировки. В маскараде участвовали волны, волны того диапазона, которым никто не пользовался, поскольку он находился слишком близко от диапазона волн радиопередатчиков, находящихся в тысячах личных вертолетов. Для радиопередатчиков нормальными были пять тысяч герц; пятнадцать тысяч проявлялись безобидными гармоническими помехами, к которым устройство Макнея просто добавляло еще какое-то количество струек.

Правда, радиопеленгаторы могли принимать сигналы и определять местоположение их источников, но вертолеты, как и лыски, были рассеяны по всей стране, к тому же раса немало путешествовала, как по необходимости, так и по желанию. Параноиды могли запеленговать источник силой в пятнадцать тысяч мегагерц, испускаемых проволочными колпаками, — но зачем им это делать?

На эту мысль его натолкнули условные сигналы Бродячих Псов, имитирующие крики птиц и животных. Новичок в лесу не подумает искать какое-либо сообщение в уханье совы; параноиды не будут выискивать секретные сообщения в том, что совершенно очевидно представляет собой обычные радиопомехи.

Так что эти невесомые, легко прячущиеся сетевые шлемы являлись долгожданным решением проблемы. Питание они должны были получать автоматическим перехватом свободной энергии, при любой незаметной ее утечке из находящегося поблизости электроисточника, а само устройство, изготовляющее эти шлемы, и стоявшее перед ним, было навсегда закрыто. Никто, кроме самого Макнея, не был знаком даже с принципами его системы. И, поскольку машина будет хорошо охраняться, параноиды никогда не узнают — как, впрочем, этого не узнает и сам Бартон, — что́ заставляет приспособление работать. Бартон оценит его эффективность, и все. Список необходимых сырьевых материалов был выгравирован на податочно-загрузочном бункере автомата; больше ничего не требовалось. Таким образом, Бартон не сможет нечаянно выдать параноидам никаких секретов, ибо все секре-

ты находились внутри закрытого автомата, больше нигде.

Макней снял с головы проволочную сетку и положил ее на стол. Он выключил машину, затем как можно быстрее уничтожил формулы и все записи, касающиеся сырьевых материалов. Напоследок он написал краткую записку Бартону, объяснив в ней все, что было необходимо.

После этого времени не оставалось уже ни на что. Макней устроился поглубже в кресле. Его усталое лицо ничего не выражало. Он не был похож на героя. И в эту минуту он не думал о будущем расы лысок или о том, что еще одно место, кроме машины, где спрятан секрет, — это его мозг.

Его руки машинально разматывали повязку, а он думал о Мэриан. Когда жизнь начала уходить из него вместе с кровью из вновь открывшейся раны, он подумал: *«Жаль, что я не могу попрощаться с тобой, Мэриан. Но я не должен трогать тебя, даже мысленно. Мы слишком близки. Ты проснулась бы, и...*

Я надеюсь, что тебе не будет слишком одиноко, дорогая моя...»

Он возвращался. Бродячие Псы не были его народом, но Кэсси была его женой. И поэтому он предал собственную расу, предал, может быть, само будущее и следовал за кочующим племенем через три штата, пока не настал конец его поискам в те дни, когда холодные осенние ветры срывали листья с деревьев. Она была там, она ждала. Там, за этой грядой холмов. Он почувствовал это, ощутил, и сердце его забилось от радости возвращения домой.

Пусть предательство. Один человек не может иметь большого значения в жизни расы. Будет несколькими детьми-лысками меньше, чем если бы он женился на Алексе. Лыскам придется самим позаботиться о своем спасении...

Но он и не думал об этом, когда, преодолев последнее препятствие, побежал к тому месту, где у костра сидела Кэсси. Он думал о ней, и о темном глянце ее волос, и нежном изгибе ее щек. Он позвал ее по имени, и еще раз, и еще.

Сперва она не поверила. Он увидел сомнение в ее глазах и мыслях. Но сомнение сразу исчезло, когда он опустился рядом с ней — странная фигура в экзотической городской одежде — и обхватил ее руками.

— Линк, — сказала она, — ты вернулся.

— Я вернулся, — только и смог он ответить, а затем на какое-то время потерял способность и говорить, и думать. Прошло немало времени, прежде чем Кэсси решила показать ему нечто такое, что, по ее мнению, могло вызвать у него интерес.

Ее мнение оказалось верным. Его глаза раскрывались все шире и шире, пока Кэсси не сказала, рассмеявшись, что это не первый в мире ребенок.

— Я... мы... ты хочешь сказать...

— Конечно. Мы. Это Линк младший. Как он тебе нравится? Он, кстати, пошел в своего папу.

— Что?

— Возьми его. — Когда Кэсси передала ему ребенка, Линк понял, что она имела в виду: головка ребенка была абсолютно безволосой, как не было и ни намека на ресницы или брови.

— Но... ты ведь не лысая, Кэсси. Как...

— Зато ты, безусловно, лысый, Линк. Поэтому.

Линк обнял ее свободной рукой и притянул к себе. Он не пытался видеть будущее, не осознавал все значение этой первой попытки смешения рас. Он только чувствовал глубокое и невыразимое словами облегчение от того, что его ребенок — такой же, как он. Это было глубже естественного человеческого желания увековечить свой род. Это было как отсрочка приведения в исполнение смертного приговора. В конечном счете, он не совсем изменил своей расе. У Алексы никогда не будет от него детей, но, несмотря на это, его дети совсем не обязательно должны быть чужими его расе.

Его ребенок не должен пострадать от всего того, что так глубоко изменило самого Линка, пока он жил среди Бродячих Псов. *«Я буду воспитывать его,* — подумал он. — *Сын будет знать с самого начала, будет гордиться тем, что он лыска. И потом, если он им когда-нибудь понадобится... нет, если он нам понадобится... он будет там, где я не оправдал надежд».*

Раса будет жить. Это было так хорошо, так справедливо, что от союза между лыской и обычным человеком могли быть дети-лыски. Линия не обязательно должна прерываться, если лыска-мужчина женится на женщине нетелепате. Мужчина должен следовать своему инстинкту — как Линк. Приятно принадлежать к расе, которая позволяет даже такую измену — измену своим традициям, не налагая никакого серьезного наказания. Линия слишком сильна, чтобы прерваться. Господствующий вид будет продолжаться.

Возможно, изобретение Макнея сможет отсрочить день погрома. Возможно, нет. Но даже если этот день настанет, лыски все равно останутся. В подполье, прячась, преследуемые, они все же должны выжить. И, может быть, именно у Бродячих Псов им можно будет найти самое безопасное убежище. Ведь теперь у них там есть свой человек...

«*Может быть, все правильно,* — думал Линк, обнимая Кэсси и ребенка. — *Когда-то мое место было здесь. Теперь — нет. Я уже никогда не буду счастлив, живя, как прежде. Я знаю слишком много... Но я, похоже, являюсь связующим звеном между городской жизнью и потаенной жизнью беженцев. Может, в один прекрасный день это звено нам понадобится*». Он подумал о том, что по-английски слово «звено» — «линк» — звучит так же, как его имя, и улыбнулся.

В отдалении послышались раскатистые голоса, поющие песню: это мужчины племени возвращались с дневной охоты. Он был слегка удивлен, осознав, что не испытывает к ним прежнего глубокого, неосознанного недоверия. Вдруг он понял, что теперь знает их так, как они сами никогда не смогут узнать себя; за прошедшие месяцы он постиг очень многое, чтобы оценить это знание. Бродячие Псы, как он понимал сейчас, не были просто недовольными или неприспособленными к цивилизации людьми. Они были потомками тех американцев, тех искателей приключений, что первыми оставили Старый Свет и отправились на поиски Нового. В этих людях кипела кровь первопроходцев. Бродячие Псы сейчас были кочевниками, лесными жителями, это так; вообще же они были воинами — всегда, как и первые американцы. Стой-

кий, закаленный народ, который — кто знает? — может, когда-нибудь вновь даст убежище угнетенным и преследуемым.

Все громче доносилась из-за деревьев песня. Вел ее рокочущий бас Джесса Джеймса Хартвелла.

«Ура! Ура! Мы праздник принесли,
Ура! Ура! Наш флаг несет свободу...»

ЧЕТЫРЕ

Снова наступила ночь. Я лежал, глядя вверх на холодно сверкающие звезды, и чувствовал, как мое сознание проваливается в бескрайнюю пустоту бесконечности.

Мне казалось, что мой разум совершенно ясен.

Я уже много времени лежал здесь, не двигаясь, глядя на звезды. Снегопад прекратился какое-то время назад, и лунный свет блестел на синеватых сугробах.

Не было смысла ждать дальше. Я потянулся к поясу, вытащил свой нож, приложил острие к левому запястью, но подумал, что это может слишком затянуться. Существуют места, где тело более уязвимо, и все может произойти гораздо быстрее.

Но я слишком устал, чтобы двигаться. Через мгновение я проведу ножом по запястью — нажав посильнее. И все будет кончено, поскольку ждать спасения уже нет никакого смысла; я слеп, глух и нем — здесь, за горной грядой. Жизнь, казалось, полностью покинула мир. Крошечные искорки светящегося тепла, которыми обладают даже насекомые, странный пульс жизни, захлестывающий вселенную, подобно приливам и отливам, исходящий, возможно, от существующих везде микроорганизмов, — даже эти свет и тепло исчезли. Казалось, моя душа иссушена до конца, что в ней ничего не осталось.

Должно быть, я бессознательно послал мысль с просьбой о помощи, поскольку услышал вдруг ответ. Я чуть не закричал, не сообразив сразу, что отклик этот пришел из моей же памяти, благодаря какому-то воспоминанию, вызванному ассоциациями.

Ты один из нас, — так прозвучала мысль.

Зачем мне вспоминать это? Это напоминало мне о Хобсоне. О Хобсоне и Нищих в Бархате. Ибо изобретение Макнея не решило проблему, как надеялись.

Следующая битва этой войны произошла в Секвойе.

Стоит ли вспоминать?

Холодная сталь лезвия ножа была прижата к запястью. Умереть можно очень просто. Куда проще, чем продолжать жить — слепым, глухим, в полнейшем одиночестве.

Ты один из нас, — снова прозвучала мысль.

И мой разум отправился назад, в ясное утро, в городок возле старой канадской границы, к холодному воздуху, остро пахнущему соснами, к размеренному стуку мужских шагов по Редвуд-стрит, — это было сто лет назад.

Нищие в бархате

I

Это было то же самое, что наступить на змею. Гадина, спрятавшаяся в молодой зеленой траве, начинает извиваться под ногой, поворачивается и наносит ядовитый укус. Однако мысль принадлежала не пресмыкающемуся или другому зверю; только человек был способен на такую злобность, являющуюся, в сущности, интеллектуальным извращением.

Темное лицо Буркхальтера не изменилось, легкий его шаг остался прежним. Но его разум сразу отступил от этой слепой злобы и был настороже и в готовности, а лыски всюду в деревне сделали незаметную паузу в работе или беседе, и их мысли коснулись разума Буркхальтера.

Ни один обычный человек этого не заметил.

В ярком утреннем солнечном свете Редвуд-стрит весело и дружелюбно изгибалась перед Буркхальтером. Но он ощутил над ней порыв беспокойства — все тот же холодный, опасный ветер, который много дней чувствовал каждый телепат в Секвойе. Впереди виднелось несколько ранних покупателей, детишки

шли в школу, группа людей собралась у парикмахерской; среди них был врач из больницы.

Где он?

Ответ пришел быстро:

Не могу определить местонахождение. Рядом с тобой, однако...

Кто-то — женщина, судя по обертону ее мысли, — послал сообщение с оттенком эмоционального смятения, почти истерическое:

Это один из пациентов больницы...

Моментально мысли других, содержащие тепло дружеского участия и утешения, ободряюще сомкнулись вокруг нее. Даже Буркхальтер нашел время направить ясную мысль единства. Среди других он узнал спокойную, авторитетную личность Дьюка Хита, врача-священника из лысок, с ее тонкими психологическими оттенками, доступными восприятию только другого телепата.

Это Селфридж, — сообщил Хит женщине; остальные лыски слушали. *Просто он напился. Думаю, я ближе всех, Буркхальтер. Иду.*

Над головой Буркхальтера, поворачивая, пролетел вертолет; за ним покачивались грузовые планеры, поддерживаемые гидростабилизаторами. Он проплыл над западной горной грядой и скрылся в направлении Тихого океана. Когда затихло его жужжание, Буркхальтер расслышал приглушенный гул водопада на севере долины. Он живо представил белую пену, низвергающуюся со скалы, склоны гор вокруг городка, поросшие соснами, елями и секвойями, далекий шум перерабатывающих древесину станков. Он сосредоточился на этих чистых, знакомых вещах, чтобы избавиться от отвратительной мерзости, попадавшей в его мозг с мыслями Селфриджа. Восприимчивость и чувствительность существуют у лысок рука об руку, и Буркхальтер не раз удивлялся, как удается Дьюку Хиту сохранять душевное равновесие, работая с психически больными пациентами. Раса лысок появилась слишком рано; они не были агрессивными, однако за выживание их расы нужно было бороться.

Он в кабаке, — промелькнула мысль женщины. Буркхальтер невольно как бы отпрянул от этого сообщения: он знал, кем оно послано. Логика подсказывала ему, что сейчас это не имеет значения. И все

же Барбара Пелл была параноидом, а следовательно, врагом. Но и параноиды, и лыски отчаянно стремились избежать любого открытого столкновения. Хотя их конечные цели были совершенно разными, все же их дороги иногда шли параллельно.

Сообщение пришло слишком поздно. Фред Селфридж вышел из кабака, заморгал глазами от яркого солнца и увидел Буркхальтера. Худое, со впалыми щеками лицо торговца исказила злобная усмешка. Он приближался к Буркхальтеру, и размытые очертания его злости двигались впереди него. Одна рука его подергивалась, словно ей не терпелось выхватить висевший на поясе кинжал.

Он остановился перед Буркхальтером, перегородив лыске дорогу, и усмехнулся еще шире.

Буркхальтер остановился чуть раньше. Сухим комом встала в его горле паника. Он боялся — не за себя, а за свою расу, и это знали все лыски в Секвойе, следившие за происходящим.

— Доброе утро, Фред, — сказал он.

Селфридж не побрился этим утром. Он потер щетинистый подбородок и прищурил глаза.

— Мистер Буркхальтер, — сказал он. — *Консул* Буркхальтер. Хорошо, что вы не забыли надеть шапочку нынче утром. Плешивые очень легко простужаются.

Тяни время, — дал указание Дьюк Хит. — *Я иду. Я все устрою.*

— Я не нажимал ни на какие тайные пружины, чтобы получить эту должность, Фред, — заметил Буркхальтер. — Меня назначили консулом города. Чем же я виноват?

— Еще как нажимал, — возразил Селфридж. — Я подкуп за версту чую. Ты был школьным учителем в Модоке или какой-то деревне. Какого хрена ты знаешь о Бродячих Псах?

— Не так много, как ты, — признал Буркхальтер. — У тебя давний опыт.

— Конечно. Конечно, давний. Поэтому они берут неопытного учителя и делают его консулом для Бродячих Псов. Зеленого новичка, который не знает даже, что у этих подонков есть людоедские племена. Я торговал с лесовиками тридцать лет и знаю, как с

ними обращаться. Ты собираешься читать им миленькие рассказики из книжек?

— Я буду делать то, что мне велят. Я не начальник.

— Ты — нет. Но, может, твои друзья — начальники. Связи! Если бы у меня были такие связи, как у тебя, я бы тоже, как ты, сидел себе да загребал кредиты за ту же работу. Только я делал бы эту работу лучше, намного лучше.

— Я не мешаю твоему делу, — сказал Буркхальтер. — Ты по-прежнему торгуешь, разве нет? Я занимаюсь своими собственными делами.

— Вот как? Откуда я знаю, что ты говоришь Бродячим Псам?

— Мои записи открыты для всех.

— Да?

— Безусловно. Моя задача — просто способствовать мирным отношениям с Бродячими Псами. Ничем не торговать, кроме того, что *им* нужно, — и в таких случаях я направляю их к тебе.

— Звучит все здорово, — заметил Селфридж. — Кроме одного. Ты можешь читать мои мысли и рассказывать Бродячим Псам о моем частном бизнесе.

Щит Буркхальтера скользнул в сторону; он ничего не мог поделать. Он терпел ментальную близость этого человека сколько хватило сил, хотя это было все равно что дышать затхлым воздухом.

— Тебя это пугает? — спросил он и тут же пожалел о своих словах.

Осторожно! — раздались в его мозгу голоса.

Селфридж вспыхнул.

— Значит, ты все-таки этим занимаешься, да? Вся эта болтовня насчет того, что вы, плешивые, уважаете личную мысленную жизнь, — ну, ясно! Не удивительно, что ты получил консульство! Читая мысли...

— Обожди, — прервал его Буркхальтер. — Я никогда в жизни не читал мыслей нелыски. Это правда.

— Правда? — усмехнулся торговец. — Каким, к черту, образом я могу знать, врешь ты или нет? Зато ты можешь залезть мне в голову и посмотреть, правду ли говорю я. Что вам, лыскам, нужно, так это знать свое место, и за пару монет я бы...

У Буркхальтера свело губы.

— Я не дерусь на дуэли, — произнес он с усилием. — Я не буду драться.

— Трус, — сказал Селфридж. Он ждал; его рука была на рукоятке кинжала.

Подобное затруднительное положение было обычным: ни один телепат не мог проиграть дуэль с нелыской, если только не стремился к самоубийству. Но и выиграть он тоже не осмеливался. Лыскам приходилось сносить унижения и оскорбления: меньшинство, живущее из милости, не должно обнаруживать свое превосходство — иначе ему не выжить. Один такой инцидент мог бы прорвать плотину, которую телепаты с мучительным трудом воздвигли для защиты от приливной волны нетерпимости.

И плотина эта была слишком длинной, она охватывала все человечество, невозможно было уследить за каждым дюймом этой невероятной дамбы из обычаев, ориентации и убеждения, хотя основополагающие установки закладывались в каждом лыске с младенчества. Когда-нибудь плотина не выдержит, но каждый час отсрочки давал возможность накопить еще немножко сил...

— Такой парень, как ты, Селфридж, — раздался голос Дьюка Хита, — лучше всего чувствовал бы себя мертвым.

Буркхальтер от неожиданности вздрогнул. Он перевел взгляд на врача-священника, вспоминая едва заметное напряжение, которое недавно ощутил под глубоким спокойствием Хита, и подумал о том, не прорвалось ли оно сейчас наружу. Затем он уловил ответную мысль в разуме Хита и расслабился, хотя и с осторожностью.

Рядом с лыской стоял Ральф Селфридж — уменьшенный и, можно сказать, облегченный вариант Фреда. Он улыбался несколько застенчиво.

Фред Селфридж оскалил зубы.

— Послушай, Хит, — огрызнулся он, — не старайся соответствовать своему положению. У тебя его нет. Ты заместитель. Ни один плешивый не может быть настоящим священником или врачом.

— Они могут быть ими, — возразил Хит, — но не хотят. — Его круглое, моложавое лицо стало хмурым. — Послушай меня...

— Я не слушаю...

— *Заткнись!*

Селфридж задохнулся от удивления. Он был застигнут врасплох и не знал, чем воспользоваться: своим кинжалом или кулаками; пока он колебался, Хит сердито продолжал:

— Я сказал, что тебе лучше всего было бы быть мертвым, и так оно и есть! Только этот мальчишка, твой брат, считает, что ты такой молодец, и во всем тебе подражает. Ты погляди на него! Если эпидемия захватит Секвойю, у него не хватит силенок, чтобы справиться с инфекцией, а этот малолетний идиот не дает мне сделать ему профилактические прививки. Полагаю, он думает, что сможет выжить на одном виски, как ты!

Фред Селфридж бросил хмурый взгляд на Хита, пристально посмотрел на своего младшего брата и опять перевел глаза на врача-священника. Потом он потряс головой, пытаясь прояснить ее.

— Оставь Ральфа в покое. С ним все в порядке.

— Что ж, начинай откладывать деньги на его похороны, — сказал Хит грубо. — Как заместитель врача, я дам прогноз прямо сейчас: rigor mortis[1].

— Подожди минутку. — Селфридж облизал губы. — Малыш ведь не болен, правда?

— В районе Колумбийского переезда — эпидемия, — сказал Хит. — Одна из новых вирусных мутаций. Если она дойдет до нас, будут неприятности. Она немного напоминает столбняк. После того как затрагиваются нервные центры, ничего сделать нельзя. Профилактические прививки могут здорово помочь, в особенности если у человека такая восприимчивая группа крови, как у Ральфа.

Буркхальтер уловил мысленную команду Хита.

— Тебе и самому не помешали бы прививки, Фред, — продолжал врач-священник. — Но у тебя все-таки вторая группа крови, так ведь? И ты достаточно выносливый, чтобы справиться с инфекцией.

---

[1] Трупное окоченение (*лат.*).

Этот вирус — что-то новое, мутация старого микроба гриппа...

Он продолжал говорить. Кто-то окликнул Буркхальтера по имени с другой стороны улицы, и консул потихоньку отошел; никто не обратил внимания, лишь Селфридж проводил его свирепым взглядом.

На углу, под деревом, его ждала стройная рыжеволосая девушка. Буркхальтер внутренне поморщился, увидев, что не может избежать встречи с нею. Он никогда не мог полностью контролировать то, что начиналось в нем при одном только виде Барбары Пелл или мысли о ней. Он встретил взгляд ее ярких узких глаз, в которых плясали точечки света. Когда он видел ее округлое стройное тело, которое выглядело таким нежным, то думал, что на ощупь оно может оказаться таким же упругим, каким оказался ее ум при мысленном прикосновении. Ее ярко-рыжий парик был чересчур пышным; когда Барбара Пелл поворачивала голову, густые локоны, окаймлявшие квадратное настороженное лицо, струились по ее плечам, словно красные волосы-змеи горгоны Медузы. Удивительно, но у нее было типичное лицо рыжей: с широкими скулами, угрожающе полное жизни. У рыжеволосых есть неразличимые на первый взгляд общие черты, более важные, нежели цвет волос, — поскольку Барбара Пелл, естественно, родилась такой же безволосой, как и любой другой лыска.

— Ты дурак, — сказала она, когда Буркхальтер проходил мимо нее. — Почему ты не избавишься от Селфриджа?

— Нет, — покачал он головой. — И не вздумай сама что-нибудь делать.

— Я предупредила тебя, что он в кабаке. И оказалась здесь раньше всех, кроме Хита. Если бы мы могли работать вместе...

— Мы не можем.

— Мы десятки раз спасали вас, предателей, — горько сказала женщина. — Вы будете ждать, пока люди истребят вас всех...

Буркхальтер, продолжая свой путь, свернул к тропинке, поднимавшейся по крутому склону, выводящей из Секвойи. Он живо ощущал, как Барбара Пелл

смотрит ему вслед, казалось, он видел ее так же ясно, как если бы у него были глаза на затылке, — ее яркое, опасное лицо, ее красивое тело, ее безумные, красивые, сумасшедшие мысли...

Ибо, несмотря на всю их омерзительность, мечты параноидов были столь же красивы и соблазнительны, как красота Барбары Пелл. Опасно соблазнительны. Свободный мир, где лыски могут ходить, и жить, и думать в полной безопасности, не втискивая возможности своего разума в искусственные, тесные рамки, что напоминало то, как когда-то люди сгибались в поклоне в знак подчинения своим господам. Согнутая в поклоне спина унизительна, но даже у крепостного разум свободен и может блуждать где хочет. Ограничивать сознание — значит, ограничивать душу, и никакое унижение не сравнится с этим.

Но такого мира, как тот, о котором мечтали параноиды, не могло существовать сейчас. Цена была бы слишком высокой. «Что за польза человеку, — разочарованно думал Буркхальтер, — если он обретет весь мир и потеряет собственную душу?» Должно быть, впервые это было сказано именно в этой связи, настолько точно подходили слова к их настоящему положению. Платой должно быть убийство, и кто бы ни заплатил эту цену, мир, купленный такой ценой, будет запятнан кровью. И всякое нормальное существо будет помнить об этом и никогда не сможет получать удовольствие от того, за что заплачено так дорого. Буркхальтер вспомнил отрывок из стихотворения и ощутил всю горечь и тоску написавшего его поэта — возможно, более полно, чем мог мечтать автор.

Я вижу страну, далеко-далеко,
Где ноги не ступят мои.
Лишь сердце в пределы проникнет легко
Обетованной земли.

Разум Барбары Пелл послал ему вслед злобный, дурной мысленный луч презрения и ненависти. «Ты дурак, все вы дураки, телепатия не для вас, вы недостойны ее. Если б вы только присоединились к нам в...» Ее мысли начали метаться, утратили ясность; они двигались скачками, передавая злорадство от

вида пролитой крови, ее тошнотворный соленый запах, — как будто весь разум женщины наслаждался, купаясь в крови всех обычных людей.

Буркхальтер с отвращением увел свои мысли от контакта с ее мозгом. «Они уже не просто стремятся к конечной цели — свободной жизни, — сказал он себе, внезапно поняв правду. — Они теперь жаждут применения средств для ее достижения. Они забыли о своей мечте жить в свободном мире. Все, чего им хочется, это убивать».

«Дурак, дурак, дурак! — мысленно кричала вслед ему Барбара Пелл. — Вот подожди, увидишь! Подожди, пока... одиножды два — два, дважды два — четыре, трижды два...»

«Они что-то затевают», — мрачно подумал Буркхальтер и вновь направил свою мысль в ее сознание, осторожно зондируя за внезапно поставленным искусственным барьером, которым она стремилась скрыть то, что даже ей показалось опрометчивым. Она яростно сопротивлялась прощупыванию. Буркхальтер воспринимал только смутные кровавые образы, беспорядочно кружащиеся в ее голове. Затем она беззвучно рассмеялась и кинула ему отчетливую, страшную, параноидную мысль, картину отвратительной ясности, от которой вся кровь бросилась ему в лицо.

Его разум отпрянул с чисто рефлекторной быстротой. Прощупывать ее мысли — все равно что касаться огня. Она применила один из способов, которым любой параноид при необходимости мог избавиться от прощупывания любопытного непараноида. И, конечно же, при нормальных обстоятельствах никакому лыске не придет в голову проводить непрошеное зондирование в другом разуме. Буркхальтер содрогнулся.

Они что-то затевают, это точно. Он должен сообщить об эпизоде тем, в чьи обязанности входит сбор информации о параноидах. В любом случае разум Барбары Пелл вряд ли мог дать много сведений о секретных планах, так как она не планировала, а только исполняла. Он выбросил ее из мыслей, встряхнулся, освобождаясь от грязи, как кошка отряхивает воду со своих лап.

Буркхальтер поднимался по крутому склону, ведущему из Секвойи к его дому, намеренно закрыв свое сознание от всего оставшегося позади. Через пятнадцать минут он оказался у деревенского бревенчато-пластикового дома, выстроенного неподалеку от темного Западноканадского леса. Это было его консульство, и только хижина братьев Селфридж располагалась еще дальше в глубь пустыни, простиравшейся на север до моря Бофорта, смешивающего свои воды с Северным Ледовитым океаном.

У его письменного стола горела красная лампочка, и это означало, что на терминале пневмопровода, протянувшегося на шесть миль в глубину леса, принято сообщение. Он внимательно прочитал его. Скоро прибудет делегация Бродячих Псов, представители трех племен. Что ж...

Он проверил свои запасы, связался по видеосвязи с универмагом и уселся за стол в ожидании. Скоро должен прийти Хит. Пока же он закрыл глаза и сконцентрировался на свежем запахе сосен, проникающем через открытые окна. Но этот свежий, чистый запах портили примешивающиеся к нему свободно разгуливающие мысленные потоки.

Буркхальтера передернуло.

II

Секвойя была расположена недалеко от границы старой Канады, теперь представлявшей собой громадную пустыню, значительную часть которой вновь отвоевали леса. Ее производство давало продукты переработки целлюлозы; кроме того, здесь находилась огромная психиатрическая больница, этим объяснялся и высокий процент лысок в городке. И еще Секвойя выделялась из сотен тысяч других городов, заполнивших Америку, недавним открытием здесь дипломатической службы, консульства, которому предстояло стать средством официального контакта с кочевыми племенами, отступавшими в лес по мере того, как цивилизация расширяла свои владения. Городок располагался в долине, его окружали крутые горные склоны, заросшие громадными хвойными деревьями;

со снежных вершин низвергались пенисто-белые водопады. Немного к западу, за Джорджийским проливом и островом Ванкувером, лежал Тихий океан. Однако дорог было мало: использовался воздушный транспорт. Связь же в основном осуществлялась по телерадио.

Около четырехсот человек жило в Секвойе, компактном, маленьком полунезависимом поселении, меняющем свои специализированные изделия на креветок и трахинотуса из Лафитта, книги из Модока, бериллиево-стальные кинжалы и автоплуги из Американ-Гана, одежду из Демпси и Джи-Ая. Бостонские текстильные фабрики канули в Лету вместе с Бостоном — эта дымящаяся, серая пустошь не изменилась со времени Взрыва. Но в Америке все еще оставалось сколько угодно места, каким бы быстрым ни был рост населения: война уменьшила его весьма значительно. По мере развития техники совершенствовались и методы мелиорации засушливых и неплодородных земель, и более стойкие породы растения кудзу уже открыли для сельского хозяйства обширные новые пространства. Однако сельское хозяйство было не единственным занятием. Поселения специализировались, никогда не перерастая в большие города, зато распространяя споры, которым предстояло превратиться в новые маленькие городки, — или, скорее, они тянулись, подобно малиновым лозам, чтобы пустить корни в местах соприкосновения с землей.

Буркхальтер умышленно не думал о рыжеволосой женщине, когда вошел Дьюк Хит. Врач-священник уловил напряженный, отрицательный мысленный образ и кивнул.

— Барбара Пелл, — сказал он. — Я видел ее.

Мужчины затуманили поверхность своих разумов. Это не могло скрыть их мысли, но если бы какой-нибудь другой мозг начал прощупывание, последовало бы мгновенное предупреждение и они успели бы принять меры. По необходимости, однако, беседа оставалась в основном устной, а не телепатической.

— Они чувствуют, что надвигаются неприятности, — сказал Буркхальтер. — Параноиды в послед-

нее время постоянно просачиваются в Секвойю, верно ведь?

— Да. Они начали появляться, как только ты получил это консульство. — Хит покусывал костяшки пальцев. — За сорок лет параноиды создали вполне солидную организацию.

— Шестьдесят лет, — поправил Буркхальтер. — Мой дед видел ее зарождение еще в восемьдесят втором году. В Модоке был параноид — одинокий волк в то время, — но это был один из первых симптомов. И с тех пор...

— Что ж, они выросли не только количественно, но и качественно. В настоящее время истинных лысок больше, чем параноидов. С психологической точки зрения они дефективны. Параноиды ненавидят смешанные браки с нелысками, а мы *вступаем* в такие браки, это не мешает господствующему виду сохраняться и распространяться.

— До поры до времени, — сказал Буркхальтер.

Хит нахмурился.

— В Колумбийском переезде нет никакой эпидемии. Мне нужно было сказать что-то, чтобы Селфридж отвязался от тебя, а он по отношению к брату проявляет сильный отеческий инстинкт. Это решило проблему, но не навсегда. У этого типа часть равняется целому. Ты получил консульство; он занимался своим славным маленьким рэкетом, обманывая Бродячих Псов; теперь он ненавидит тебя — поэтому бьет по самому твоему уязвимому месту. К тому же он оправдывает себя: говорит себе, что, если бы не твое несправедливое преимущество, заключающееся в том, что ты лыска, ты бы никогда не получил консульства.

— Это и было несправедливо.

— Мы должны были это сделать, — сказал Хит. — Нелыски не должны узнать, что мы хотим от Бродячих Псов. Когда-нибудь хижины лесных жителей могут оказаться нашим единственным прибежищем. Если бы консульство получил нелыска...

— Я работаю вслепую, — сказал Буркхальтер. — Я знаю только, что должен делать то, что велят Немые.

— И я знаю столько же, сколько ты. У параноидов есть их Способность — этот секретный диапазон свя-

зи, которую мы не можем прослушивать, а среди нас только Немые владеют методом борьбы с этим оружием. Хотя мы не можем читать мысли Немого, не забывай, что параноиды тоже не могут. Если бы ты знал секрет Немых, твой мозг был бы подобен открытой книге, — любой телепат мог бы прочесть все.

Буркхальтер не ответил. Хит вздохнул и перевел взгляд на сосновые иголки, блестящие на солнце за окнами.

— Мне тоже не так-то легко быть заместителем, — признался он. — Ни одному нелыске не приходится быть одновременно и священником, и врачом, а мне вот приходится. Врачи в больнице убеждены в необходимости этого более твердо, чем я. Они знают, сколько психических больных было вылечено благодаря тому, что мы можем читать мысли. А между тем... — Он пожал плечами.

Буркхальтер посмотрел на север.

— Что нам нужно, так это новая земля.

— Нам нужен новый мир. Когда-нибудь он у нас будет.

Тень закрыла дверной проем, оба обернулись. Там стоял толстый, маленький человечек с кудрявыми волосами и мягкими голубыми глазами. Кинжал у него на поясе был несообразно большим, казалось, его пухлые пальцы едва могут обхватить рукоятку.

Никакой лыска не станет намеренно читать мысли нетелепата, но между лысками существует инстинктивное взаимоузнавание. Поэтому Буркхальтер и Хит в то же мгновение знали, что незнакомец — телепат, а затем вслед за этой мыслью пришло внезапное, поражающее осознание — там, где должны быть мысли, была пустота. Это было похоже на ощущение, как если бы, ступив на чистый лед, обнаружить, что это вода. Очень немногие телепаты могли таким образом полностью ограждать свой разум, это и были Немые.

— Привет, — произнес незнакомец, заходя и присаживаясь на край стола. — Я вижу, вы знаете, кто я. Мы будем пользоваться речью, если не возражаете. Я могу читать ваши мысли, но вы мои читать не можете. — Он ухмыльнулся. — Нет смысла думать, почему, Буркхальтер. Если бы *вы* знали, параноиды

узнали бы тоже. Итак. Меня зовут Бен Хобсон. — Он помолчал. — Неприятности, да? Ладно, мы займемся этим позднее. Сперва позвольте высказаться мне.

Буркхальтер быстро взглянул на Хита.

— В городе есть параноиды. Не говорите мне слишком много, если не...

— Не беспокойся, — усмехнулся Хобсон, — не скажу. Что тебе известно о Бродячих Псах?

— Потомки кочевых племен, которые не присоединились к городам после Взрыва. Цыгане. Лесные жители. Достаточно дружески настроены.

— Правильно, — сказал Хобсон. — А то, что я теперь скажу, известно даже параноидам. Вы тоже должны это знать. Среди Бродячих Псов живут несколько лысок. Мы выявили это случайно, сорок лет назад, когда лыска по имени Линк Коуди был усыновлен Бродячими Псами и воспитывался, не зная о своих способностях. Позднее он узнал о них. Он попрежнему живет с Бродячими Псами, и его сыновья тоже.

— Коуди? — медленно произнес Буркхальтер. — Я слышал истории о Коуди...

— Психологическая пропаганда. Бродячие Псы — варвары. Но мы хотим быть с ними в дружбе и хотим подготовить путь для соединения с ними, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость. Двадцать лет назад мы начали готовить в лесах номинального главу, живой символ, который внешне был бы для них шаманом, а на деле — нашим представителем. Мы использовали Мумбо-Юмбо — идола. Линк Коуди оделся в соответствующий костюм, мы снабдили его всеми необходимыми приспособлениями, и в конце концов Бродячие Псы создали легенду о Коуди — он для них что-то вроде доброго лесного духа, выступающего в качестве некоего сверхъестественного существа. Они любят, слушаются и боятся его. Особенный эффект на них производит то, что он может появляться в четырех местах одновременно.

— Что? — переспросил Буркхальтер.

— У Коуди три сына. — Хобсон улыбнулся. — Сегодня вы увидите как раз одного из них. Ваш друг Селфридж организовал маленький заговор. Когда здесь появится делегация вождей Бродячих Псов, один из них должен тебя убить. Я не могу вмешаться

лично, но Коуди вмешается. Тебе придется сыграть роль. Ничем не показывай, что ожидаешь неприятностей. Когда на сцену выйдет Коуди, это произведет на вождей весьма сильное впечатление.

— Не лучше ли было бы не сообщать Буркхальтеру, чего ждать? — спросил Хит.

— Нет. По двум причинам. Он может читать мысли Бродячих Псов — предоставляю ему в этом отношении полную свободу — и должен доверять Коуди. О'кей, Буркхальтер?

— О'кей, — кивнул консул.

— Тогда я пошел. — Хобсон поднялся, по-прежнему улыбаясь. — Удачи.

— Подожди минутку, — сказал Хит. — Как насчет Селфриджа?

— Не убивайте его. Ни один из вас. Вы знаете, что лыска никогда не должен драться на дуэли с нелыской.

Буркхальтер едва слушал. Он понимал, что должен рассказать о том, что он неожиданно уловил в мыслях Барбары Пелл, и все откладывал момент, когда ему придется произнести ее ненавистное имя, открыть ворота в мозг достаточно широко, чтобы туда вновь мог проскользнуть ее образ, прекрасный образ, прекрасное стройное тело, яркий, опасный, сумасшедший разум...

— Не так давно я видел в городе одного параноида, — сказал он, — Барбару Пелл. Мерзкая, надо сказать, баба. У нее промелькнуло что-то насчет их планов. Закрылась слишком быстро, я мало что успел уловить, но, может, вам стоит подумать об этом. Я так понял, что они что-то замышляют в ближайшем будущем.

— Спасибо, — Хобсон улыбнулся ему. — Мы следим за ними. Женщину тоже будем держать под наблюдением. Что ж, ладно. Счастливо.

Он вышел. Буркхальтер и Хит посмотрели друг на друга.

Немой медленно шел по тропинке в направлении городка. Он насвистывал, сложив губы трубочкой. Колыхались его пухлые щеки. Проходя мимо высокой сосны, он резко выхватил свой кинжал и метнулся

за дерево. Притаившийся там человек был захвачен врасплох; сталь безошибочно нашла цель. Параноид умер, успев испустить лишь отчаянный мысленный крик.

Хобсон обтер клинок и двинулся дальше. Под коротко подстриженным каштановым париком у него был спрятан аппарат, по форме напоминающий тюбетейку; теперь он начал работать. Ни лыска, ни параноид не могли уловить сигналов, которые посылал и принимал Хобсон.

«Им известно, что я здесь».

«Иногда они знают, — ответил беззвучный голос. — Они не могут перехватить модулированную частоту, которую используют шлемы, но они могут заметить щит. Однако покуда никто из них не знает, почему...»

«Я только что убил одного».

«Одним подонком меньше». — В ответе прозвучало холодное удовлетворение.

«Думаю, мне лучше какое-то время побыть здесь. Сюда усиленно стекаются параноиды. Так думают и Хит, и Буркхальтер. Есть какой-то предполагаемый план, о котором я пока ничего не смог узнать: параноиды думают о нем только в своем диапазоне».

«Тогда оставайся. Держи связь. Как насчет Буркхальтера?»

«Как мы подозревали. Он влюблен в параноидную женщину Барбару Пелл. Но не сознает этого».

Ответная мысль содержала возмущение, отвращение и в то же время бессознательное сочувствие: «Не могу припомнить ни одного подобного случая в прошлом. Он может читать ее мысли, ему известно, что она параноид...»

Хобсон улыбнулся.

«Он был бы ужасно расстроен и потрясен, Джерри, если бы разобрался в своих истинных чувствах. Вероятно, ты выбрал неподходящего человека для этой работы».

«По его характеристике этого не скажешь. Он всегда вел весьма уединенную жизнь, его личность безупречна. Высокий показатель эмпатии. И шесть лет он преподавал социологию в Нью-Йелле».

«Он преподавал ее, но, мне кажется, она была сама по себе, далеко от него. Он знаком с Барбарой Пелл шесть недель, и он влюблен в нее».

«Но как — даже подсознательно? Лыски инстинктивно ненавидят параноидов и не верят им».

Хобсон был уже на окраине Секвойи и шел мимо площади, где располагалась массивная изолированная электростанция.

«Выходит, это извращение, — сказал он другому Немому. — Некоторых мужчин привлекают лишь уродливые женщины. С этим ничего не поделаешь. Буркхальтер влюбился в женщину-параноида, и я молю Бога, чтобы он никогда этого не осознал. Он может совершить самоубийство. Все может случиться. Это... — Его мысль двигалась подчеркнуто медленно. — Это самая опасная ситуация из всех, с которыми лыскам приходилось сталкиваться. По всей видимости, никто не обратил особого внимания на болтовню Селфриджа, но вред она причинила. Люди *слушали*. А нелыски всегда нам не доверяли. Если что-нибудь произойдет, мы автоматически окажемся козлами отпущения».

«Так худо, Бен?»

«Погром может начаться в Секвойе».

После того как шахматная партия началась, остановить ее было уже невозможно. Параноиды, нездоровая параллельная ветвь телепатической мутации, не были сумасшедшими: они страдали лишь психоневротической патологией, они все были одержимы одной маниакальной идеей, будто бы являются высшей расой. На этом фундаменте они строили здание всепланетного саботажа.

Нелыски превосходили их численно, вдобавок параноиды не могли выстоять против их техники, переживавшей расцвет в дни децентрализации. Но если бы культура нелысок была ослаблена, разрушена...

Убийства, ловко выдаваемые за дуэли или несчастные случаи; тайное вредительство в десятках отраслей, от инженерного дела до издательской деятельности; пропаганда, семена которой осторожно разбрасывались в нужных местах, — и цивилизация

пришла бы к своему развалу, если бы не один сдерживающий фактор.

Лыски, истинная, непараноидная мутация, сражались на стороне старой расы. Они не могли иначе. Они понимали, в отличие от ослепленных манией параноидов, что рано или поздно нелыски узнают о шахматной партии, и тогда ничто не сможет остановить всемирный погром.

В течение какого-то времени параноиды имели одно преимущество — специализированный диапазон, в котором они могли телепатически общаться, длину волны, которую невозможно было перехватить. Затем ученый из лысок сконструировал шлемы-шифраторы с высокочастотной модуляцией, также неперехватываемой. Пока у лыски под париком был такой шлем, его мысли мог читать только другой Немой.

Именно так их стали называть — маленькую, сплоченную группу лысок, поклявшихся полностью истребить параноидов; по существу, они были вроде полицейских, действующих втайне и никогда не снимающих шлемы, отсутствие которых лишало их возможности полного двустороннего контакта, играющего столь важную роль в духовной жизни лысок.

Они добровольно отказались от существенной части своего наследия. Любопытный парадокс заключался в том, что, только жестко ограничив свои телепатические возможности, могли эти немногие лыски пользоваться своим оружием против параноидов. А боролись они за наступление времени окончательного объединения, когда доминантная мутация станет настолько могучей численно, что во всем мире не будет нужды в ментальных барьерах и психических запретах.

Пока же, оставаясь самыми могущественными среди расы лысок, они не могли испытывать, кроме как в очень ограниченных масштабах, всепоглощающего удовлетворения от мысленных круговых бесед, когда сотня или даже тысяча разумов встречались и, слившись, погружались в глубокий, бесконечный покой, доступный только телепатам.

Они тоже были нищими в бархате.

III

— Что с тобой, Дьюк? — вдруг спросил Буркхальтер.

— Ничего. — Хит остался неподвижным.

— Не надо сказок. У тебя мысли плывут.

— Может, и так, — сказал Хит. — Дело в том, что мне нужно отдохнуть. Я люблю свою работу, но иногда она меня очень расстраивает.

— Что ж, возьми отпуск.

— Не могу. Слишком много дел. У нас такая высокая репутация, что пациенты идут отовсюду. Наш психологический санаторий — один из первых, где лыски начали проводить всесторонний психоанализ. Конечно, это продолжается много лет, но более или менее sub rosa[1]. Людям не нравится, что лыски копаются в их мыслях или в мыслях их родственников. Однако поскольку эффективность нашего обследования бесспорна... — У Хита загорелись глаза. — Мы можем оказать большую помощь даже при психосоматических заболеваниях, а все незначительные расстройства — это наш хлеб. Понимаешь, главный для пациента вопрос — *почему*? Почему ему добавляют яд в пищу, как он считает, почему за ним следят, и так далее. Если найти полный ответ на этот вопрос, то, как правило, необходимые путеводные нити — в наших руках. А средний пациент чаще всего закрывается в своей раковине, когда его начинает расспрашивать психиатр. Но... — Возбуждение Хита росло. — Но это величайшее достижение в истории медицины. Лыски существуют со времени Взрыва, и только сейчас врачи открывают нам двери. Критическое сопереживание. Психотический больной скрывает мысли, поэтому его трудно лечить. А у *нас* есть ключи...

— Чего ты боишься? — тихо спросил Буркхальтер.

Хит остановился на полуслове. Он молчал, разглядывая свои ногти.

— Это не страх, — сказал он наконец. — Это профессиональное беспокойство. Да ну, к черту ничего не значащие слова. На самом деле звучит все гораздо проще: нельзя вываляться в грязи и не запачкаться.

---

[1] В строгом секрете (*лат.*).

— Понимаю.

— Правда, Гарри? Суть вот в чем. Моя работа заключается в прощупывании мыслей ненормальных. Не так, как это делает обычный психиатр. Я проникаю в сознание, и вижу, и чувствую их мировосприятие, знаю их страхи. Невидимый страх, который поджидает их в темноте, — это для меня не просто слово. Я нормальный, и я смотрю глазами сотен ненормальных людей. Оставь мой мозг на минутку, Гарри. — Он отвернулся.

Буркхальтер не знал, как быть.

— Хорошо, — сказал Хит, — оглядываясь вокруг. — Я все-таки рад, что ты заговорил об этом. Очень часто я замечаю, что испытываю слишком большое сострадание. В таких случаях я либо поднимаюсь в вертолете, либо присоединяюсь к круговой беседе. Попробую организовать такую сегодня вечером. Примешь участие?

— Непременно, — ответил Буркхальтер.

Хит небрежно кивнул и вышел. Донеслась его мысль:

Лучше, если меня здесь не будет, когда появятся Бродячие Псы. Если только ты...

Нет, — подумал Буркхальтер, — *со мной все будет в порядке.*

О'кей. Тут к тебе доставка.

Буркхальтер открыл дверь как раз вовремя, чтобы впустить мальчика-рассыльного от бакалейщика, приехавшего на электрокаре с прицепом. Он помог убрать продукты, проследил, чтобы пиво было достаточно охлажденным, затем нажал несколько кнопок, чтобы обеспечить запас угощений, приготовленных в скороварке. Бродячие Псы были не дураки поесть.

После этого он, оставив дверь открытой, откинулся в ожидании за своим столом. В офисе было жарко; он расстегнул воротник и сделал прозрачными стены. Кондиционеры начали охлаждать комнату, но вид широкой долины внизу был не менее освежающим. Ветви высоких сосен колыхались на ветру.

Это было не похоже на Нью-Йелл, один из самых больших городов, который почти целиком специализировался на образовании. Секвойя, с ее огромной

больницей и ее целлюлозной промышленностью, была близка к полной самостоятельности. Связанная с остальным миром только воздушным транспортом и телевидением, она лежала чистая и привлекательная, раскинувшись белым, зеленым и пастельным пластиком вокруг быстрых вод бегущей к морю реки.

Буркхальтер сцепил руки сзади на шее и зевнул. Он чувствовал необъяснимую усталость — это бывало с ним время от времени вот уже несколько недель. Не то чтобы работа была тяжелой — наоборот. Но переориентация на новую должность оказалась не такой простой, как он думал. Первоначально он даже не подозревал о наличии всех этих сложных взаимосвязей.

Барбара Пелл, например. Она явно представляла опасность. Возможно, больше, чем кто-либо, она была духовным вождем секвойских параноидов. Нет, не в отношении планируемых действий. Но она зажигала, как огонь. Она — прирожденный лидер. А сейчас здесь собралось слишком много параноидов. Они прибывали сюда якобы по вполне объяснимым причинам: кто по делам, кто по поручению, кто на отдых; но город уже был забит ими, грубо говоря. Нетелепаты по-прежнему численно превосходили как лысок, так и параноидов; примерно такая же картина имела место и во всем мире...

Он вспомнил своего деда, Эда Буркхальтера. Если кто из лысок ненавидел параноидов, так это он. И, надо полагать, были на то причины, поскольку один из первых заговоров параноидов — в то время это была попытка одного маньяка — непосредственно коснулся разума сына Эда, то есть его отца, Гарри Буркхальтера. Как ни странно, Буркхальтер помнил худое, суровое лицо своего деда отчетливее, чем более мягкое лицо отца.

Он снова зевнул, стараясь погрузиться в покой открывающегося за окнами вида. Другой мир? Возможно, лишь в глубоком космосе лыска мог когда-нибудь совершенно освободиться от этих раздражающих мысленных фрагментов, которые он ощущал даже сейчас. А без этих постоянных отвлечений, когда разум не имеет никаких преград... Он блаженно потянулся, пытаясь представить свое тело в невесомости

и провести параллель к мозгу. Но это было невозможно.

Безусловно, лыски родились раньше времени, это искусственно ускоренная мутация, вызванная воздействием радиоактивности на человеческие гены и хромосомы. Поэтому и было неподходящим их теперешнее окружение. От нечего делать Буркхальтер поразмышлял над перспективой жизни их расы в глубоком космосе, где бы каждый отдельный разум был столь тонко настроен, что даже ближайшая из любых чужеродных личностей не нарушала бы гладко текущие процессы совершенного мышления. Приятно, но непрактично. Это был бы тупик. Телепаты не были сверхлюдьми, как это утверждали параноиды. В лучшем случае, они обладали одним фатально чудесным чувством — фатальным, поскольку оно было смешано с самой обычной глиной. У настоящего сверхчеловека телепатия была бы всего лишь одним чувством среди десятка других, которые трудно даже вообразить.

Между тем Барбара Пелл — в его мыслях снова возникли ее имя, и лицо, и красивое тело, опасное и завораживающее, как огонь, — между тем Барбара Пелл, например, ничуть не сомневается в том, что она высшее существо, подобно всем извращенным телепатам ее вида.

Он думал о горящем взгляде ее узких глаз, и о красных, раздвинутых в усмешке губах. Он думал о рыжих локонах, ползущих,словно змеи, по ее плечам. И о кровавых мыслях, извивающихся, опять же как змеи, в ее сознании. Буркхальтер прекратил думать о ней.

Он очень устал. Чувство утомления, не соответствующее затраченной энергии, росло, охватывая его всего. Если бы не предстоящий визит вождей Бродячих Псов, он с удовольствием бы поднял в небо вертолет. Эти скалистые стены остались бы внизу, по мере того как машина взлетала бы все выше и выше, погружаясь в голубую пустоту, пока не повисла бы в воздухе над туманным, бесформенным пейзажем, наполовину скрытым проплывающими облаками. Буркхальтер подумал о том, как выглядела бы земля, — затуманенная, полная мечты иллюстрация Сима; в своих грезах он медленно протянул руку к панели управления. Вертолет начал скользить вниз, все круче

и круче, и вот он уже мчится навстречу завораживающему миру, раскинувшемуся внизу, словно волшебный ковер.

Кто-то приближался. Буркхальтер немедленно закрыл свой мозг туманным экраном и встал. За открытой дверью виднелся лишь густой лес, но теперь он мог разобрать чуть слышные, но становящиеся все громче звуки песни. Бродячие Псы, будучи кочевниками, пели при ходьбе — старые напевы и баллады замечательной простоты, дошедшие почти без изменения со времен, предшествующих Взрыву, хотя первоначальный их смысл и был забыт.

«Зеленые лилии сверкают росой;
И я одинок, дорогая, расставшись с тобой...»

Предки Бродячих Псов напевали эту песню вдоль всей границы Древней Мексики задолго до того, как война перестала казаться чем-то далеким и романтичным. Дед одного из нынешних исполнителей был мексиканцем, который путешествовал по Калифорнийскому побережью, обходя деревни и лениво следуя своей страсти к странствиям, в конце концов приведшей его в леса Канады. Его имя было Рамон Альварес, но внука его звали Кит Карсон Алверс; он пел, и в такт словам шевелилась его черная борода.

«Но к следующей встрече зеленые лилии
Сменю на красные, белые, синие...»

Среди Бродячих Псов особых менестрелей не было: они все были менестрелями; именно благодаря этому продолжали жить народные песни. С песней они спустились по тропинке и замолчали, увидев дом консула.

Буркхальтер наблюдал за ними. Перед его глазами разворачивалось прошлое. Он читал о Бродячих Псах, но лишь шесть недель назад довелось ему встретиться с этими пионерами нового времени. Их диковинные костюмы по-прежнему производили на него впечатление.

Их одежда сочетала функциональность и декоративность. Куртки из оленьей кожи, которые сливались с цветовой гаммой леса, украшала бахрома из свя-

занных узлами кисточек; на голове Алверса была енотовая шапка; все трое были в сандалиях из мягкой, но прочной лайки. На поясе у них были зачехленные ножи — охотничьи ножи, более простые и короткие, чем кинжалы городских жителей. На их лицах была написана отчаянная решимость; худощавые и загорелые, они, казалось, были представителями самой независимости, и это делало их братьями. Уже не одно поколение Бродячих Псов завоевывало у пустынь право на жизнь, пользуясь лишь примитивным оружием, таким, как лук, закинутый за спину одного из них; они понятия не имели о дуэльной этике, они убивали, когда убийство казалось необходимым, — ради выживания.

Буркхальтер вышел на порог.

— Заходите, — пригласил он. — Я консул, Гарри Буркхальтер.

— Ты получил наше сообщение? — спросил высокий, похожий на шотландца вождь с густой рыжей бородой. — Она, кажется, с норовом, эта штука, что вы установили в лесу.

— Передатчик? Он вполне нормально работает.

— Согласен. Я — Кобб Мэттун. Это вот Кит Карсон Алверс, а это — Арбитр Вайн.

Вайн, чисто выбритый здоровяк, похожий на медведя, настороженно осматривался вокруг внимательными карими глазами. Ничего не сказав, он что-то хрюкнул в знак приветствия и пожал Буркхальтеру руку. Остальные последовали его примеру. Когда в руке лыски оказалась ладонь Алверса, он понял, что это тот самый человек, который собирается его убить, но не подал виду, что знает об этом.

— Рад, что вы пришли. Присаживайтесь и выпейте с дороги. Что вы будете?

— Виски, — буркнул Вайн. Бокал целиком скрылся в его огромных лапах. Он с ухмылкой взглянул на сифон, покачал головой и залпом выпил такое количество виски, что горло Буркхальтера сочувственно сжалось.

Алверс также предпочел виски; Мэттун выпил джина с лимоном.

— У тебя недурной выбор выпивки, — сказал он, глядя на выдвинутый Буркхальтером бар. — Я могу разобрать некоторые этикетки, но — это что такое?

— Драмби. Попробуешь?

— Конечно, — ответил Мэттун; его заросший рыжими волосами кадык задвигался. — Отличная штука. Лучше, чем кукурузная водка, которую мы делаем в лесу.

— Если вы шли издалека, то, должно быть, проголодались, — сказал Буркхальтер. Он выдвинул овальный стол, выбрал закрытые тарелки с ленты конвейера и предложил гостям угощаться. Они без церемоний принялись за еду.

Алверс взглянул через стол.

— Ты один из этих лысок? — неожиданно спросил он.

— Да, — кивнул Буркхальтер. — А что?

— Значит, ты один из них, — сказал Мэттун, откровенно разглядывая его. — Никогда не видел лыску так близко. Впрочем, может, и видел, но ведь в париках не разберешь.

Буркхальтер усмехнулся, когда тот подавил столь знакомое ему чувство болезненного отвращения. Его и прежде не раз разглядывали, и по той же причине.

— Я что, похож на урода, мистер Мэттун?

— Сколько времени ты был консулом? — спросил Мэттун.

— Шесть недель.

— О'кей, — сказал здоровяк; его голос был достаточно дружелюбным, хотя тон резким. — Ты должен запомнить, что у Бродячих Псов нет никаких мистеров. Я — Кобб Мэттун. Кобб для друзей, Мэттун для остальных. Нет, ты вовсе не похож на урода. Что, люди смеются над вами?

— Очень многие, — сказал Буркхальтер.

— Одно скажу. — Мэттун принялся за кость. — Мы в лесах не обращаем внимания на эти вещи. Если человек рождается странным, мы не насмехаемся над ним из-за этого. Во всяком случае, если он держится племени и ведет себя честно. Среди нас нет лысок, но кабы они были, то, я почему-то думаю, отношение к ним было бы лучше, чем здесь.

Вайн что-то пробурчал и налил еще виски. Алверс не сводил своих черных глаз с Буркхальтера.

— Ты читаешь мои мысли? — требовательно спросил Мэттун. Алверс сделал резкий вдох.

— Нет, — ответил Буркхальтер, не глядя на него. — Лыски не читают мыслей. Это небезопасно.

— Верно. Не лезть в чужие дела — очень хорошее правило. Я понимаю, к чему это могло бы привести. Послушай. Мы здесь впервые, Алверс, Вайн и я. Ты нас раньше не видел. Мы слышали слухи об этом консульстве... — Он с трудом выговорил непривычное слово. — До сегодняшнего дня мы иногда торговали с Селфриджем, но не имели отношений с жителями города. Ты знаешь, почему.

Буркхальтер знал. Бродячие Псы были изгнанниками, сторонившимися городков, а иногда совершавшими на них набеги. Они были вне закона.

— Но теперь наступает новое время. Мы не можем жить в городах: мы не хотим. Но места достаточно всем. Мы по-прежнему не понимаем, зачем создавать эти кон... консульства; и все же мы верим вам. И мы получили указание.

Буркхальтер знал и об этом. Это было указание Коуди, прозвучавшее во всех племенах Бродячих Псов, — указание, которого они не ослушаются.

— Некоторые племена Бродячих Псов должны быть уничтожены, — сказал он. — Немногие. Вы сами убиваете их, когда только они попадаются...

— Людоеды, — вставил Мэттун. — Да. Мы убиваем их.

— Но их меньшинство. У основной массы Бродячих Псов нет повода к вражде с городскими жителями. И наоборот. Мы хотим прекратить набеги.

— Как вы рассчитываете это сделать?

— Если выпала тяжелая зима, это не значит, что племени придется голодать. В городах есть способы изготовления продуктов, дешевые способы. Мы вполне можем позволить себе обеспечить вас питанием в случае голода.

С рычанием Вайн стукнул бокалом с виски по столу. Мэттун сделал успокаивающий жест своей большой ладонью.

— Полегче, Арбитр. Он не знает... Слушай, Буркхальтер. Бродячие Псы совершают иногда набеги, это верно. Они охотятся; чтобы жить, приходится бороться. Но они не просят милостыни.

— Я говорю об обмене, — сказал Буркхальтер, — честном обмене. Мы не можем окружить каждый городок энергетическим щитом. И не можем исполь-

зовать бомбы против кочевников. Многочисленные набеги были бы просто досадным фактом. Пока что набегов было немного; с каждым годом все меньше. Но почему они вообще должны быть? Если избавиться от побудительных мотивов, не будет и следствия.

Бессознательно он прощупал мозг Алверса и обнаружил мысль — хитрую, нечистую, голодную мысль, алчную настороженность хищника; и еще — образ спрятанного оружия. Буркхальтер прекратил зондирование. Он не желал знать. Он должен был дождаться действий Коуди, несмотря на весьма сильный соблазн спровоцировать открытое столкновение с Алверсом. Этим, однако, он мог восстановить против себя остальных Бродячих Псов: они ведь, в отличие от Буркхальтера, не могли читать мыслей Вайна.

— А что менять? — проворчал Вайн.

Ответ у Буркхальтера был готов.

— Шкуры. Они пользуются спросом, они в моде. — Он не добавил, что это модное поветрие было вызвано искусственно. — Прежде всего меха. И...

— Мы не краснокожие индейцы, — сказал Мэттун. — Вспомни, что с ними стало! Нам ничего не нужно от городских жителей, разве только когда мы голодаем. А в таком случае, что ж, мы могли бы меняться.

— Если бы Бродячие Псы объединились...

Алверс усмехнулся.

— В прошлые времена, — произнес он высоким, тонким голосом, — объединившиеся племена были уничтожены бомбами. Нет, приятель, мы не собираемся объединяться!

— Он, однако, верно говорит, — заметил Мэттун. — В этом есть смысл. Это наши деды враждовали с городами. А мы совсем неплохо приспособились. Мое племя не голодало уже семь зим. Мы кочуем, двигаемся туда, где есть чем поживиться, и сводим концы с концами.

— Мое племя не совершает набегов, — проворчал Вайн, наливая себе еще виски.

Мэттун и Алверс выпили лишь по две порции; Вайн же продолжал пить, но его возможности казались неограниченными.

— Все как будто честно, — сказал Алверс. — Мне только одно не нравится: этот парень — лыска.

Вайн развернулся всем своим огромным туловищем и пристально посмотрел на Алверса.

— Что ты имеешь против лысок? — сурово спросил он.

— Мы ничего о них не знаем. Я слыхал рассказы...

Вайн оборвал его какой-то грубостью; Мэттун рассмеялся.

— Ты не слишком вежлив, Кит Карсон. Мы в гостях у Буркхальтера. Не стоит бросаться словами.

Алверс пожал плечами, отвернулся и потянулся. Затем он полез рукой под рубашку — почесаться; неожиданно, словно пущенный из рогатки камень, Буркхальтера ударила мысль об убийстве. Ему потребовалась вся его сила воли, до последней капли, чтобы остаться неподвижным, когда вновь показалась рука Алверса — уже с пистолетом.

Вайн и Мэттун успели увидеть оружие, но у них не было времени вмешаться. Мысль о смерти предвосхитила пулю. Вдруг комнату осветила вспышка ослепительного багрового света. Что-то блестело, двигаясь между ними подобно невидимому вихрю. Наконец их глаза привыкли к сияющему свету; они стояли там, где вскочили со стульев, с удивлением глядя на представшую перед ними фигуру.

На нем был алый костюм в обтяжку, с широким черным поясом, лицо закрывала безучастная серебряная маска. Торчавшая из-под нее иссиня-черная борода ниспадала на грудь. Под обтягивающей одеждой проступала необычайно развитая мускулатура.

Он подбросил в воздух и снова поймал пистолет Алверса. Затем, с глубоким довольным смехом, взял оружие обеими руками и разломал его, превратив в груду искривленных, покоробленных обломков.

— Хочешь сорвать договор, да? — сказал он. — Ты, мерзкое ничтожество. Вполне заслуживаешь, чтоб тебе как следует морду начистили.

Он шагнул вперед и ударил Алверса ладонью в бок. Звук удара показался оглушительным. Алверс взлетел в воздух и врезался в дальнюю стену. Вскрикнув, он свалился на пол безжизненной грудой.

— Вставай, — сказал Коуди. — Ничего с тобой не случилось. Может, разве ребро сломано, вот и все.

Шлепни я тебя по башке, шею бы свернул напрочь. Вставай!

Алверс с трудом поднялся на ноги; на его побледневшем лице выступили капли пота. Двое других его товарищей наблюдали за происходящим безучастно, но настороженно.

— Разберусь с тобой чуть позже. Мэттун! Вайн! Какое вы к этому имеете отношение?

— Никакого, — ответил Мэттун. — Никакого, Коуди. Ты это знаешь.

Серебряная маска оставалась бесстрастной.

— Ваше счастье, что знаю. Теперь слушайте. Что я сказал, остается в силе. Скажите племени Алверса, что им придется найти другого вожака. Все.

Он сделал несколько шагов вперед. Руки его обхватили Алверса; тот завопил в неописуемом ужасе. Затем снова вспыхнул красный огонь, а когда свет погас, обеих фигур уже не было в комнате.

— Есть еще виски, Буркхальтер? — поинтересовался Вайн.

IV

Коуди вышел на телепатическую связь с Немым, Хобсоном. Как и трое других Коуди, он носил такой же, использующий модулированную частоту, шлем, как Немые; никакой лыска или параноид не мог настроиться на эту замаскированную длину волны.

Это было через два часа после захода солнца.

Алверс мертв, Хобсон.

При телепатическом общении не пользуются сложными оборотами обычной разговорной речи.

Необходимость?

Да. Абсолютное подчинение Коуди, — причудливое сочетание четверых Коуди в одном образе, — *необходимо. Нельзя допустить, чтобы кто-либо ослушался приказа Коуди и остался безнаказанным.*

Какие-нибудь неприятные последствия?

Никаких. Мэттун и Вайн оказались сговорчивыми. С Буркхальтером они поладили. Что с ним такое, Хобсон?

Едва задав вопрос, он уже знал ответ. У телепатов не было секретов, кроме как в подсознании, а шлем Немого давал возможность немного проникать даже в потаенную часть разума.

Влюблен в параноида? Коуди был потрясен.

Он не сознает этого. Он не должен пока догадаться об этом. Ему пришлось бы переориентироваться, а это требует времени; мы сейчас не можем позволить ему заниматься чем-то посторонним. Предвидятся неприятности.

Какие?

Фред Селфридж. Он пьян. Узнал, что вожди Бродячих Псов были сегодня у Буркхальтера. Он боится, что его лишат возможности торгового рэкета. Я сказал Буркхальтеру, чтобы он держался от него подальше.

В таком случае, я остаюсь поблизости, мало ли что. Домой пока не буду возвращаться.

Хобсон уловил мимолетный образ того, что означало для Коуди дом: сохраняемая в секрете долина в Канадской пустыне, местоположение которой знали только те, кто носил шлем и не мог его нечаянно выдать. Именно туда техники и ученые из лысок отправляли через Немых очень специализированную продукцию, продукцию, благодаря которой удалось создать тщательно оборудованную лабораторию в глубине леса; действительно, это означало централизацию, однако ее координаты тщательнейшим образом охранялись как от друзей, так и от врагов. В лаборатории, расположенной в долине посреди леса, были созданы устройства, сделавшие Коуди легендарной фигурой среди Бродячих Псов — Полом Баньяном, в котором невероятное физическое развитие сочеталось с настоящим волшебством. Лишь такая личность могла добиться уважения и послушания лесных кочевников.

Буркхальтер надежно прикрыт, а Хобсон? Или, может, я...

Он спрятан. Идет круговая беседа, но тут Селфридж не может его выследить.

Хорошо. Я подожду.

Коуди отключился. Хобсон направил короткую мысль через многие мили окутанного мраком пространства десятку других Немых, рассеянных по ма-

терику от Ниагары до Солтона. Все они были готовы к подпольной мобилизации, необходимость в которой могла теперь возникнуть в любой момент.

Девяносто лет понадобилось, чтобы собралась гроза; если бы она разразилась, последствия были бы катастрофическими.

Внутри круга, в который слились разумы, царил тихий и полный покой, доступный только лыскам. Буркхальтер позволил себе занять место среди остальных; устраиваясь в замкнутой телепатической сети, он узнавал своих друзей и кратко мысленно приветствовал их. Он уловил легкое беспокойство в мыслях Дьюка Хита; затем оба они погрузились в глубокое спокойствие взаимосвязи.

Сперва по краям этого психического водоема возникали рябь и течения, вызванные разного рода тревогами и огорчениями, свойственными любому живущему обособленно обществу, а сверхчувствительным лыскам в особенности. Однако древняя традиция очищающей исповеди очень скоро дала эффект. Между лысками нет и не может быть барьеров. Даже семья у них является намного более совершенной, чем у нетелепатов, а вся группа лысок, путем расширения, оказывается объединенной не менее прочными связями, несмотря на их неосязаемость и тонкость.

Доверие и дружба — в этих вещах сомнения не было. После уничтожения естественных барьеров языка недоверию не осталось места. Издревле существовавшее одиночество любого высокоорганизованного, разумного организма было смягчено единственным возможным путем — родством более близким, чем брачные узы, и превосходящим их.

Любая группа, представляющая собой меньшинство, пока она сохраняет свою ограниченную цельность, автоматически оказывается в невыгодном положении. Она вызывает подозрение. Лишь лыски, во всей истории общества, смогли общаться на равных с группой большинства и все-таки сохранить тесную родственную связь. Это было парадоксально, ибо лыски, возможно, были единственными, кто желал расовой ассимиляции. Они могли ее себе позволить, поскольку телепатическая мутация была доминантной: у отца-

лыски и матери-нетелепата — или наоборот — дети рождались лысками.

Но ободрение круговых контактов было необходимо: они являлись символом пассивной борьбы, которую лыски вели в течение нескольких поколений. В таких контактах телепаты обретали полное единение. Они не уничтожали, и не должны были уничтожить важный состязательный инстинкт, скорее, они способствовали его развитию. Это был обмен мнениями. А также религия в самом чистом виде.

Вначале ощущениями, которые нетелепат не может до конца понять, лыска тонко и мягко касался сознания своих друзей. Для него было место, и ему были рады. Медленно, по мере распространения покоя, лыска достигал центра, этого совершенно неописуемого положения в пространстве-времени, являющегося синтезом интеллектуальных, живых разумов. Даже предположительно говорить о нем можно лишь с помощью аналогии.

Это наполовину сон. Это — как тот момент, когда сознание возвращается в достаточной мере, чтобы вы знали, что не бодрствуете, и могли оценить полное, спокойное расслабление сна. Если бы сознание сохранилось во время сна — это, вероятно, было бы похоже.

Наркотики здесь не применялись. Шестое чувство настраивалось на максимальную мощность, оно смешивалось с другими чувствами и черпало из них. Каждый лыска вносил свою лепту. Сначала тревоги и огорчения, эмоциональная неуравновешенность и проблемы выбрасываются на поверхность, изучаются и растворяются в кристально чистой воде взаимопонимания. Затем, очистившись и получив новые силы, лыски приближаются к центру, где музыка разумов сливается в одну симфонию. Нюансы цвета, ценимые одним из членов группы, оттенки звука, света и ощущений, — все являлось частью общей орнаментики оркестровки. И каждая нота была трехмерна, ибо несла в себе личную, индивидуальную реакцию лыски на раздражитель.

Вот женщина вспомнила чувственное ощущение мягкого бархата на своей ладони, вместе с соответствующим ментальным восприятием. Вот мужчина привнес острую, как кристалл, радость от решения трудного математического уравнения — интеллекту-

альный контрапункт к более низкой тональности ощущения бархата. Шаг за шагом росло взаимопонимание, пока все разумы не стали казаться единым разумом, действующим в совершенном согласии, гармонией без малейших фальшивых нот.

Затем этот единый разум стал строить — он начал думать. Он представлял собой психический коллоид, в сущности, интеллектуального гиганта, получившего силу и рассудок от очень человеческих эмоций, чувств и желаний.

Вдруг в это светлое единство ворвалось мысленное сообщение, заставившее разумы на мгновение сцепиться вместе в последнем отчаянном объятии, где переплелись страх, надежда, дружеские чувства. Круговой контакт распался. Каждый лыска был теперь в ожидании, вспоминая содержание мысли Хобсона:

Погром начался.

Он передал сообщение не прямо. Мысли Немого, если у него на голове шлем, не может прочитать никто, кроме другого Немого. Это Дьюк Хит, сидевший с Хобсоном в залитом лунным светом парке у больницы, получил устное предупреждение и передал его остальным лыскам. Его мысли продолжали разноситься по Секвойе.

Идите к больнице. Избегайте нелысок. Если вас увидят, то могут линчевать.

В десятках домов сейчас можно было увидеть глаза, в которых мгновенно, полным цветом расцвел ужас. В эту минуту по всему миру нечто, подобное электрическим разрядам, искрясь, с невыносимым напряжением перелетало от одного восприимчивого разума к другому. Никто из нелысок ничего не заметил. Однако известие со скоростью мысли облетело планету кругом.

От тысяч лысок, разбросанных по городкам, с вертолетов и другого надземного транспорта шла мысль ободрения:

Мы — одно целое. Мы с вами.

Это посылали лыски. От параноидов же шло сообщение, полное ненависти и торжества:

Убить волосатых!

Однако ни один нетелепат за пределами Секвойи не знал, что происходит.

На окраине города стоял старый пластиковый дом, где скрывался Буркхальтер. Сейчас он выскользнул через боковую дверь в прохладную ночную тишину. Над ним светила полная желтая луна. Вдалеке, над Редвуд-стрит, веером поднимался вверх рассеянный свет; более тусклые световые дорожки обозначали другие улицы. Мышцы Буркхальтера были сведены. Он чувствовал, как горло его сжимает страх. Годы ожидания этого дня выработали в каждом лыске невольный ужас перед тем, что могло произойти, и теперь, когда день настал...

В его мыслях ослепительной вспышкой возникла Барбара Пелл, и, как только он вспомнил ее, мысли этой женщины — буйные и горячие, полные злорадного отвратительного торжества, коснулись его сознания; тем не менее по непонятной причине что-то как будто заставило его принять ее сообщение.

Он мертв, Буркхальтер, он мертв! Я убила Фреда Селфриджа!

В речи употребляется слово «убить», однако в мозгу параноида звучит не слово и не мысль, а скорее омерзительное ощущение торжества, залитое кровью, пронзительное чувство, от которого здравому разуму хочется убраться подальше.

Идиотка! — мысленно крикнул ей Буркхальтер через разделяющие их улицы; его мозг как будто охватило ее буйным огнем, и он не мог держать себя в руках. — *Ты, сумасшедшая идиотка, это ты все начала?*

Он собирался идти тебя убивать. Он был опасен. Его болтовня так и так привела бы к погрому: люди начали думать...

Это должно быть остановлено!

Будет! — Ее мысль прозвучала с ужасающей уверенностью. — *У нас есть план.*

Что произошло?

Кто-то видел, как я убила Селфриджа. Его брат, Ральф, запустил механизм — старый закон Линча. Послушай. — У нее явно голова шла кругом от торжества.

Тут он услышал пронзительные вопли толпы, пока еще далекие, но становящиеся все громче. Мысли Барбары Пелл словно подливали масла в огонь. Он уловил ее ужас, но ужас извращенный, жаждущий того, чего человек боится. Одинаковая кровожадная ярость была в криках толпы и в красном пламени сумасшедшего разума Барбары Пелл. Они приближались к ней, все ближе, ближе...

На минуту Буркхальтер стал этой женщиной, бегущей по тускло освещенной улице, спотыкаясь, поднимаясь, мчась дальше; ее с воплями преследовала толпа линчевателей.

Какой-то человек — лыска — выскочил на дорогу перед толпой, сорвал свой парик и начал им размахивать. Ральф Селфридж, по лицу которого градом катился пот, заорал что-то с непередаваемой яростью и повернул всю свору в погоню за этой новой добычей. Женщина скрылась в темноте.

Они догнали мужчину. Когда лыска умирает, в эфире внезапно образуется брешь, мертвая пустота, которую ни один телепат не станет добровольно прощупывать. Но прежде чем возникла пустота, агонизирующая мысль лыски пронеслась по Секвойе, нанося ошеломляющий удар, заставивший покачнуться тысячу разумов.

Убить волосатых! — мысленно кричала Барбара Пелл, хищная и совсем обезумевшая. Таковы были фурии. Если дать волю разуму женщины, он упадет в бездну такой дикости, которой никогда не достигает разум мужчины. Женщина с незапамятных времен была ближе к бездне, чем мужчина, вынужденно, ради защиты своего потомства. Примитивная женщина понятия не имеет об угрызениях совести. Сумасшествие Барбары Пелл превратилось в кровавое, распространяющееся безумие, от огня которого что-то вспыхивало в каждом соприкоснувшемся с ним разуме. Буркхальтер почувствовал, как языки пламени охватили его мысли, вздрогнул всем телом, всем своим существом, и отпрянул. Но он ощущал, как другие разумы — ненормальные параноидные разумы — тянулись к ней и в экстазе бросались в это бушующее пламя.

Убить их, убить, убить! — твердил ее мозг, как в бреду.

Везде? — поинтересовался Буркхальтер, испытывая головокружение от сопротивления вихрю торжества ненависти, пытавшемуся затянуть и его в свою воронку. — *Во всем мире, сегодня? Что, параноиды везде поднялись или только в Секвойе?*

И тут он внезапно ощутил всю омерзительную сущность Барбары Пелл; она ответила на его мысль, и по тому, как она ответила, он понял, насколько глубоко эта рыжая женщина погрязла во зле. Если бы она наконец затерялась в этом пылающем возбуждении толпы, он, как ему казалось, по-прежнему ненавидел бы ее, но мог хотя бы не испытывать презрения.

Она ответила ему совершенно спокойно; часть ее разума была вне той бешеной ярости, черпающей огонь в рычащей толпе и разносящей его, словно факел, от которого разжигалась ненависть других параноидов.

Барбара Пелл была поразительной и сложной женщиной. Она обладала необычной зажигательной способностью, которой, возможно, не пользовалась так полно ни одна женщина со времен Жанны д'Арк. Но ее не поглотило целиком то пламя, которое вспыхнуло в ней при мысли о крови и ее запахе. Она сознательно бросилась в эту кровавую бойню, сознательно погрузилась в исступленное безумие. Но, даже, казалось бы, утонув в нем, она по-прежнему могла отвечать с таким хладнокровием, которое было еще ужаснее, чем ее огонь.

Нет, только в Секвойе, — ответил разум, еще мгновение назад ослепленно и буйно звавший к убийству. — *Ни один человек не должен остаться в живых и рассказать об этом,* — сообщила она мысленно, и мысли ее источали холодный яд, обжигающий более, чем горячая жажда крови в ее широко транслируемых мыслях. — *Секвойя в наших руках. Мы захватили аэродромы и электростанцию. Мы вооружены. Секвойя изолирована от остального мира. Погром разразился здесь — только здесь. Он как раковая опухоль. Его надо остановить здесь.*

Как?

Как избавляются от рака? — Мысль ее была полна клокочущей злобы.

«Радий, — подумал Буркхальтер. — Радиоактивность. Атомные бомбы...»

Полное уничтожение? — поинтересовался он.

Ответом ему был обжигающий лед подтверждения.

Ни один человек не должен выжить и рассказать об этом. Города уничтожались целиком и прежде. На этот раз могут обвинить Пайнвуд: между ним и Секвойей существовало соперничество.

Но это невозможно. Если прекратят работать телерадиоустановки Секвойи...

Мы посылаем фальсифицированные сообщения. Все летящие сюда вертолеты будут задерживаться. Мы должны быстро все закончить. Если ускользнет хоть один человек... — Ее мысли растворились в нечеловеческом, нечленораздельном крике, страстно подхваченном вторящим ей хором других разумов.

Буркхальтер резко прервал контакт. Он немного удивился, обнаружив, что во время этого мысленного обмена он двигался по направлению к больнице через окраины Секвойи. Теперь его сознание уловило отдаленные вопли; они стали громче, затем почти полностью затихли; вдруг гул вновь усилился. Этого обезумевшего зверя, мчавшегося по улицам городка нынешней ночью могли ощутить даже нетелепаты.

Какое-то время он неслышно двигался в темноте, расстроенный и потрясенный контактом с параноидным мозгом не меньше, чем всем случившимся и тем, что еще могло произойти.

Он подумал о Жанне д'Арк. У нее, конечно, тоже была эта способность воспламенять умы. Она тоже слышала — «голоса»? Может быть, она была, не осознавая этого, телепатом, родившимся задолго до своего времени? Но если она и пользовалась своими способностями, то, во всяком случае, ими управлял здоровый рассудок. А у Барбары Пелл...

Как только ее образ возник в его сознании, ее мысль снова коснулась его мозга, настойчивая, отталкивающе холодная и сдержанная, идущая откуда-то из самой гущи развязанной ею резни. Очевидно, произошло что-то, расстроившее их планы, ибо...

Буркхальтер, — позвала она беззвучно. — *Буркхальтер, послушай. Нам нужно договориться с вами. Мы не собирались, но... Где Немой, Хобсон?*

Не знаю.

Тайник с оружием перенесен в другое место. Мы не можем найти бомбы. Перевозка по воздуху нового груза бомб из ближайшего города займет несколько часов. Они уже в пути. Но каждая потерянная секунда увеличивает опасность раскрытия. Найди Хобсона. Его мозг — единственный в Секвойе, который мы не можем прощупать. Мы знаем, что никто другой бомбы не прятал. Убеди Хобсона сообщить нам, где они. Заставь его понять, Буркхальтер. Это касается не только нас. Если о случившемся станет известно, любой телепат на земле будет в опасности. Опухоль нужно вырезать, чтобы болезнь не распространилась.

Буркхальтер почувствовал приближение потока кровожадных мыслей. Он свернул к неосвещенному дому, спрятался за кустом и переждал, пока мимо прокатилась толпа людей с горящими факелами. Его охватили слабость и безнадежность. То, что он прочитал на лицах людей, было ужасно. Неужели эта ненависть, эта злоба на протяжении поколений таились в глубине — эта безумная жестокость толпы, которой, чтобы выплеснуться наружу, оказалось достаточно столь незначительного повода?

Здравый смысл подсказывал ему, что повод был достаточно серьезным. Если телепат убивает нетелепата, это уже не дуэль, это просто убийство. Нечестное использование полученного от природы преимущества. Кроме того, в Секвойе уже не одну неделю параноидами велась психологическая подготовка.

Нелыски не просто убивали представителей иной расы, они стремились уничтожить в их лице самого дьявола, ибо им уже внушили к этому времени, что лыски — потенциальные завоеватели мира. «Пока еще никто не пытался утверждать, что телепаты едят детей, но вполне возможно, — с горечью подумал Буркхальтер, — что и этого уже недолго осталось ждать».

Параноиды не все предусмотрели. Децентрализация помогала лыскам, поскольку давала возможность временного нарушения связи. Синапсы, соединяющие

Секвойю с остальным миром, были заблокированы; но они не могли быть закрыты навсегда.

Он прошел двором, перелез через забор и оказался среди сосен. Ему вдруг захотелось пойти дальше, прямо на север, в голую пустыню, где он мог бы избавиться от всех волнений, от смятения и злобы. Но вместо этого он повернул к югу, направляясь к далекой больнице. Хорошо, что ему не нужно было переходить реку: мосты наверняка охранялись.

Послышался новый звук, нестройный и истерический, — лай собак. Животные, как правило, не воспринимали телепатически мысли людей, однако буря ментальных потоков, бушующая сейчас в Секвойе, достигла значительно более высокого частотного — или силового — уровня. Вдобавок и мысли тысяч телепатов во всем мире были обращены к деревушке на Тихоокеанском побережье.

Гав, гав! Лают собаки!

Нищие в город идут...

«Но есть же другое стихотворение, — подумал Буркхальтер, пытаясь его вспомнить. — Другое — даже более подходящее. Как там... „Надежды и страхи всех этих лет..."»

V

Бессмысленный собачий лай был хуже всего. Казалось, он задавал тон всей гавкающей, безумной дикости, подкатывающей к больнице, словно вздымающиеся волны прилива. Пациенты больницы тоже обладали повышенной восприимчивостью: чтобы успокоить некоторых из них, пришлось применить влажное обертывание и гидротерапию, а в ряде случаев и смирительные рубашки.

Хобсон внимательно посмотрел через одностороннее стекло на лежащий далеко внизу городок.

— Они не могут сюда проникнуть, — сказал он.

Хит, осунувшийся и бледный, но с каким-то новым светом в глазах, кивнул на Буркхальтера.

— Ты прибыл одним из последних. Семеро наших убиты. Один ребенок. Еще десять человек в пути. Остальные уже здесь, в безопасности.

— Насколько в безопасности? — спросил Буркхальтер. Он пил кофе, приготовленный Хитом.

— Здесь безопаснее, чем в любом другом месте. Больница строилась с таким расчетом, чтобы психически больные пациенты не могли удрать. Окна непробиваемые — со всех сторон. Толпа не сможет влезть сюда, во всяком случае без труда. Все материалы, естественно, огнестойкие.

— А как насчет персонала? Я имею в виду нелысок.

Седой человек, сидевший неподалеку за письменным столом, отложил график, который заполнял, и криво улыбнулся Буркхальтеру. Консул узнал его: это был доктор Вэйланд, главный психиатр.

— Врачи работают вместе с лысками уже долгое время, — сказал тот. — Особенно с психологами. Если кто из нелысок и может понять точку зрения телепатов, так это мы. Мы, Гарри, мирное население.

— Работа в больнице должна продолжаться, — сказал Хит, — что бы ни происходило. Мы сделали, однако, нечто небывалое: прочли мысли каждого нелыски, находящегося в этих стенах. Трое людей в штате были предвзято настроены против лысок и одобрительно относились к суду Линча. Мы попросили их оставить больницу. Никакой опасности действия здесь пятой колонны теперь нет.

— Был еще другой человек — доктор Уилсон, — медленно проговорил Хобсон. — Он спустился в деревню и попытался урезонить толпу.

— Он снова здесь, — добавил Хит. — Ему сейчас вводят плазму.

Буркхальтер поставил чашку.

— Хорошо. Хобсон, ты можешь читать мои мысли. Что скажешь?

Круглое лицо Немого ничего не выражало.

— У нас тоже были свои планы. Разумеется, это я перепрятал бомбы. Теперь параноиды их не найдут.

— Сюда направлены новые, Секвойя будет стерта с лица земли, и этого вам не остановить.

Прозвучал зуммер; доктор Вэйланд выслушал краткое сообщение, переданное по радио, и вышел, прихватив с собой несколько графиков. Буркхальтер ткнул большим пальцем в сторону двери.

— Как насчет него? И остального персонала? Они ведь теперь знают.

Хит поморщился.

— Им известно больше, чем нам хотелось бы. До сегодняшнего вечера ни один нетелепат даже не подозревал о существовании группы параноидов. Мы, к сожалению, не можем рассчитывать, что Вэйланд будет молчать об этом. Параноиды *действительно* представляют угрозу для нелысок. Вся беда в том, что средний человек не станет делать различия между параноидами и нормальными лысками. Вот эти люди, там, — он взглянул в окно, — они как, делают различие?

— Это проблема, — признал Хобсон. — Чистая логика убеждает нас, что ни один нелыска не должен уйти живым, — чтобы не мог ничего рассказать. Но единственный ли это выход?

— Я не вижу другого, — сказал Буркхальтер с несчастным видом. Внезапно он подумал о Барбаре Пелл; Немой проницательно посмотрел на него.

— Что ты об этом думаешь, Хит?

Врач-священник подошел к письменному столу и стал листать истории болезни.

— Командуешь ты, Хобсон. Я не знаю. Я думаю о своих больных. Вот Энди Пелл. У него болезнь Альцгеймера — ранний старческий психоз. Все у него перепуталось. Многое забывает. Славный старик. Роняет еду на рубашку, болтает без умолку, заигрывает с медсестрами. Когда его не будет, мир, я думаю, ничего не потеряет. Так чего ради делать выбор? Если уж мы начнем убивать, никаких исключений быть не может. Здешний персонал из нелысок тоже не может остаться в живых.

— Ты так считаешь?

— Нет! — Хит сделал резкое, раздраженное движение. — Я так не считаю! Массовое убийство сведет на нет работу девяти десятков лет, с тех пор как родился первый лыска. Оно поставит нас в один ряд с параноидами. Лыски не убивают.

— Мы убиваем параноидов.

— Тут есть разница. Параноиды выступают с нами на равных. И... ох, не знаю, Хобсон. Мотивация вроде одна и та же — спасение нашей расы. Но нелысок как-то не принято убивать.

— Даже толпу линчевателей?

— Они не могут иначе, — тихо сказал Хит. — Может быть, различать параноидов и нелысок — это казуистика, но разница *есть*. Для всех нас это будет громадная разница. Мы не убийцы.

Голова Буркхальтера поникла, он вновь ощутил невыносимую усталость. Он заставил себя встретить спокойный взгляд Хобсона.

— Ты знаешь какую-нибудь другую возможность?

— Нет, — ответил Немой. — Но я поддерживаю связь. Мы пытаемся найти иной путь.

— Еще шестеро добрались сюда благополучно, — сказал Хит. — Один был убит. Трое других — в пути.

— Толпа еще не выследила, где мы прячемся, — сказал Хобсон. — Что ж, подумаем. В Секвойю проникли значительные силы параноидов, они хорошо вооружены. У них в руках аэродромы и электростанция. Они посылают фальсифицированные телерадиосообщения, чтобы за пределами города не возникло никаких подозрений. Они применяют выжидательную тактику; как только груз с новыми бомбами будет здесь, параноиды смоются из Секвойи и уничтожат город. Вместе с нами, естественно.

— Разве мы не можем убить параноидов? Тебя ведь не будет мучить совесть, если их уничтожат, а, Дьюк?

Хит покачал головой и улыбнулся.

— Это не поможет, — возразил Хобсон. — Проблема останется. Кстати сказать, мы могли бы перехватить вертолет, везущий сюда бомбы, но это означало бы всего лишь отсрочку. Бомбы погрузят на сотню других вертолетов и направят в Секвойю; некоторые из них наверняка пробьются. Даже пятьдесят грузов бомб представляли бы слишком большую опасность. Вы же знаете, что это такое.

Буркхальтер прекрасно знал: одной бомбы было вполне достаточно, чтобы на карте мира от Секвойи осталось одно воспоминание.

— Оправданное убийство меня не беспокоит, — сказал Хит. — Но убивать нелысок... Если бы я принял в этом какое-то участие, печать Каина стала бы для меня не просто символом. Она была бы оттиснута у меня на лбу — или, скорее, в голове, где ее мог бы увидеть любой лыска. Если бы эту толпу можно было остановить внушением...

— Нет времени. — Буркхальтер покачал головой. — И даже если бы нам удалось успокоить линчевателей, это не предотвратило бы рассказов о том, что здесь произошло. Ты слышал лозунги, Дьюк?

— Толпы?

— Да. Они уже придумали этакого милого дьявола во плоти. Мы никогда не делали тайны из наших круговых собраний, и вот какой-то умник сообразил назвать нас полигамистами. Правда, чисто ментальные полигамисты, но они выкрикивают это сейчас внизу, в деревне.

— Что ж, — сказал Хит, — полагаю, они правы. Норма — вещь произвольная, она автоматически устанавливается группой, стоящей у власти. Лыски отличаются от этой нормы.

— Нормы меняются.

— Только при кризисах. Чтобы началась децентрализация, понадобился Взрыв. Кроме того, у всех своя шкала ценностей. То, что хорошо для обычных людей, не всегда хорошо для телепатов.

— Есть основополагающие моральные нормы...

— Пустые слова. — Хит снова начал перебирать истории болезни. — Кто-то когда-то сказал, что сумасшедшие дома будут выполнять свою настоящую функцию лишь тогда, когда девяносто процентов населения земли будут составлять сумасшедшие. В этом случае группа нормальных сможет спокойно перебраться в психбольницы. — Он отрывисто рассмеялся. — Но в психозах тем более нельзя найти основополагающей нормы. Случаев шизофрении со времени Взрыва стало намного меньше; большей частью теперь встречается старческое слабоумие. Вообще, чем больше я работаю с психбольными, тем менее готов принимать произвольные стандарты в качестве истинных. У этого человека, — он поднял одну из папок, — прекрасно всем известное заблуждение: он утверждает, что вместе с его смертью наступит конец света. Что ж... может, так оно и есть — в этом отдельном, частном случае.

— Ты сам говоришь, как больной, — резко сказал Буркхальтер.

Хобсон поднял руку.

— Хит, мне кажется, тебе стоит дать успокаивающее находящимся здесь лыскам. Включая нас. Вы не чувствуете, как растет напряжение?

Все трое ненадолго замолчали, телепатически прислушиваясь. Постепенно Буркхальтер смог разобрать индивидуальные аккорды в нестройной мысленной мелодии, сконцентрированной на больнице.

— Больные, — сказал он. — Как?

Хит, нахмурившись, нажал кнопку.

— Фернальд? Раздай успокаивающие средства... — Он дал краткие указания, выключил коммуникатор и встал. — Многие психбольные слишком чувствительны, — сказал он Хобсону. — Вполне может возникнуть паника. Ты уловил ту депрессивную мысль... — Он быстро сформировал ментальный образ. — Я думаю, лучше сделать укол. И еще надо проверить буйных пациентов. — Однако он чего-то ждал.

Хобсон, не двигаясь, глядел в окно. Спустя какое-то время он кивнул.

— Это последний. Теперь мы все здесь, все наши. В Секвойе не осталось никого, кроме параноидов и нелысок.

Буркхальтер беспокойно передернул плечами.

— Уже нашел решение?

— Если даже и так, ты же знаешь, я не могу тебе сказать. Параноиды могут прочитать твои мысли.

Это верно. Буркхальтер подумал о Барбаре Пелл, находящейся где-то в городе, — возможно, укрылась на электростанции или на одном из аэродромов. В нем всколыхнулись какие-то смутные, неопределенные эмоции. Он встретился взглядом с проницательными глазами Хобсона.

— Среди лысок нет добровольцев, — сказал Немой. — Ты не по своей воле оказался втянутым в этот кризис, как, в сущности, и я. Но с самого дня своего рождения лыска волей-неволей берет на себя нелегкие обязательства и всегда готов к немедленной мобилизации. Так уж случилось, что кризис начался в Секвойе.

— Он бы все равно где-нибудь начался, рано или поздно.

— Верно. Быть Немым — тоже не так легко. Мы отрезаны от других. Не можем полноценно участво-

вать в круговых встречах. По-настоящему общаться мы можем только с другими Немыми. И работу мы бросить не можем. — Даже другому лыске Немой не мог рассказать о существовании шлема.

— Мне кажется, — сказал Буркхальтер, — наша мутация должна была появиться не раньше, чем через тысячу лет. Мы пришли слишком рано.

— Это неизвестно. За все приходится платить. Бомбы — в известном смысле — плоды знания. Если бы человечество не использовало атомную энергию таким образом, как оно это сделало, телепатические мутации прошли бы весь цикл развития и не проявились бы до тех пор, пока планета не была бы к ним готова. Ну, даже если не совсем готова, — сделал он оговорку, — но в такой переплет мы, во всяком случае, не попали бы.

— Это вина параноидов, — сказал Буркхальтер. — И... в какой-то мере... моя.

— Ты ни в чем не виноват.

Буркхальтер поморщился.

— Думаю, виноват, Хобсон. Кто вызвал кризис?

— Селфридж... — Хобсон наблюдал.

— Барбара Пелл, — сказал Буркхальтер. — Она убила Фреда Селфриджа. И она издевалась надо мной с тех самых пор, как я появился в Секвойе.

— Выходит, она убила Селфриджа, чтобы досадить тебе? Это же бессмыслица.

— Полагаю, это ненароком совпало с их общим планом. Но и она сама тоже этого хотела. Она не могла тронуть меня, пока я был консулом. А где консульство теперь?

Круглое лицо Хобсона было мрачнее тучи. Вошел лыска-интерн с успокаивающими средствами и водой; оба молча проглотили барбитураты. Хобсон подошел к окну — он следил за перемещающимися в стороне городка огнями факелов.

— Они поднимаются сюда, — сказал он. — Слушай. — Голос его звучал глухо.

Они застыли в молчании; далекие крики становились отчетливее, все ближе и все громче. Буркхальтер подошел и встал рядом с Хобсоном. Весь город пестрел

сверкающими факелами; ручеек света тек, извиваясь вверх по дороге, ведущей к больнице.

— Они смогут ворваться? — спросил чей-то приглушенный голос.

— Рано или поздно. — Хит пожал плечами.

— Что же нам *делать*? — несколько истерично задал вопрос интерн.

— Они, безусловно, рассчитывают на численное превосходство, — ответил Хобсон. — Народу действительно хватает. Полагаю, они не вооружены, разве только кинжалами, — но им и не нужно оружие для того, что они, как они полагают, собираются сделать.

На секунду в комнате повисла тишина, затем раздался тонкий голос Хита:

— Как они *полагают*?..

— Смотрите. — Немой кивнул в сторону окна.

Все бросились туда. Заглядывая друг другу через плечо, они вглядывались в поднимавшуюся по склону толпу. Передние ряды виднелись уже так хорошо, что можно было различить в свете факелов искаженные лица орущих что-то, вырвавшихся вперед людей. Уродливые, ослепленные ненавистью и жаждой крови лица.

— Видите ли, мы нашли выход на данный момент, — заговорил Хобсон. Голос его звучал бесстрастно, как будто надвигающийся ужас был уже позади. — Но возникает другая проблема, которую я пока не могу решить. Возможно, самая важная из всех. — Он остановил взгляд на затылке Буркхальтера, наблюдавшего за дорогой. Внезапно тот наклонился вперед.

— Смотрите! — воскликнул он. — Там, в лесу, — что это? Что-то движется... Люди? Слушайте, что это?

Все расслышали лишь его первые слова, поскольку и сами уже увидели. Все произошло очень быстро. Толпа беспрепятственно катилась по дороге, как вдруг из-за деревьев хлынула встречная волна, состоящая из темных фигур, движущихся целеустремленно и организованно. Хриплые вопли толпы перекрыл жуткий, леденящий кровь крик.

Пронзительным фальцетом звучал стародавний Мятежный Клич. Два столетия назад разносился он над залитыми кровью полями сражений Гражданской войны. Вместе с побежденными мятежниками он по-

пал на Запад и стал кличем ковбоев, а после Взрыва двигался и распространялся вместе с жителями Запада, высоким, отчаянным народом, не способным подчиняться строгой дисциплине городов. Теперь это был клич Бродячих Псов.

Из окна больницы все было прекрасно видно, как будто действие разворачивалось на хорошо освещенной сцене.

Из темноты появились люди в оленьих шкурах. Отсветы огня плясали на длинных клинках, на наконечниках стрел в натянутых луках. То громче, то тише звучал их дикий, пронзительный, страшный клич, заглушая беспорядочные крики толпы.

Ряды людей в оленьих шкурах сомкнулись вокруг толпы. Городские жители начали боязливо жаться друг к другу, и вскоре растянувшаяся в длину, неорганизованная толпа сбилась в тесную кучку, зажатую в кольце лесных жителей. Слышались крики городских: «Убить их! Убить их всех!»; сквозь волнообразно вздымающийся клич Бродячих Псов прорывались отрывочные бессвязные выкрики; но уже через несколько минут не осталось сомнений в том, кто взял верх.

Не то чтобы все прошло совсем гладко. Те, кто возглавлял толпу, чувствовали себя обязанными что-то сделать и завязали было обычную драку с окружившими их лесовиками, но их быстро угомонили.

— Видите ли, они всего лишь городские жители, — сказал Хобсон спокойным тоном, словно лектор, объясняющий некую сцену из старой кинохроники. — Вы когда-нибудь задумывались над тем, что профессия воина практически полностью исчезла после Взрыва? Единственные в мире организованные воины, еще сохранившиеся, — они сейчас там. — Он кивнул в сторону рядов Бродячих Псов, но никто не заметил этого движения. Недоверчиво и жадно, словно люди, чудом спасшиеся от смерти, они наблюдали за действиями Бродячих Псов. Толпа, сплоченная безымянным, но сильным злым духом, внезапно обуявшим их, а теперь столь же необъяснимо покинувшим, быстро превращалась в неорганизованный, разрозненный сброд.

Для этого потребовалась всего лишь бóльшая сила, бóльшая уверенность, угроза оружия в более привыч-

ных к нему руках. Уже четыре поколения они были городскими жителями, чьи предки не знали, что такое война. А четыре поколения Бродячих Псов выжили только благодаря непрекращающейся битве за свое выживание.

Со знанием дела они окружали и сгоняли вместе толпу.

— Это ничего не решает, — сказал наконец Буркхальтер, неохотно отрываясь от окна. Затем он замолчал, продолжив свою мысль в безмолвном монологе, которого не могли слышать нетелепаты. — *Разве нам не нужно сохранить все в тайне? Предстоит ли еще принимать решение — о поголовном их убийстве? Мы свои шеи спасли — но как насчет остального мира?*

Хобсон улыбнулся натянутой, суровой улыбкой, странно выглядевшей на его пухлом лице. Он ответил вслух, чтобы слышали все в комнате:

— Приготовьтесь. Мы оставляем больницу. Все мы. Персонал из нелысок тоже.

У Хита, по измученному лицу которого катились капли пота, перехватило дыхание.

— Минутку! Я понимаю, ты, конечно, командир, но... Я не брошу своих больных!

— Они тоже отправятся с нами, — ответил Хобсон. В его голосе звучала уверенность, которой не было в его глазах. Он смотрел на Буркхальтера. С последней и самой трудной проблемой еще предстояло столкнуться.

Мозг Хобсона принял мысленное сообщение Коуди:

Все готово.

Бродячих Псов достаточно?

Четыре племени. Они все были у тропы Фрэйзера. С севера их привело создание нового консульства. Любопытство.

Сообщение для группы.

Рассеянные по материку Немые слушали.

Мы очистили Секвойю. Смертельных случаев нет. Многие получили серьезные травмы, но все могут передвигаться. (Чувство неясного удовольствия.) *Ваши городские не умеют драться.*

Они готовы к переходу?

Готовы. Все — мужчины, женщины и дети — собраны в северной долине. За этот сектор отвечает Арбитр Вайн.

Начинайте переход. Как с параноидами, какие-нибудь сложности?

Никаких сложностей. Они еще не поняли всего. По-прежнему в городе, выжидают. Тем не менее надо двигаться быстро. Всех, кто попытается выбраться из Секвойи, мои люди будут убивать. — И после небольшой паузы: — *Переход начат.*

Прекрасно. Где необходимо, завязывайте им глаза.

Из-под земли звезд не видать, — прозвучала мрачная мысль Коуди.

Ни один нелиска не должен умереть. Помни, это дело чести. Наше решение, может быть, не самое лучшее, но...

Никто не умрет.

Мы эвакуируем больницу. Мэттун готов?

Готов. Эвакуируйте.

Буркхальтер потер рубец на челюсти.

— Что случилось? — спросил он заплетающимся языком, вглядываясь в окружающую темноту, полную шепота сосен.

Тень скользнула среди стволов.

— Мы готовили больных к транспортировке, помнишь? Ты получил удар кулаком. Этот буйный...

— Я помню. — Буркхальтер испытывал неловкость. — Я должен был внимательнее следить за его мыслями. Но не мог. Он не *думал*... — По его телу пробежала легкая дрожь. Затем он сел. — Где мы?

— На порядочном расстоянии к северу от Секвойи.

— У меня что-то с головой. — Буркхальтер поправил свой парик. Он встал, держась за дерево, и окинул окружающее мутным взглядом. Вскоре он сориентировался. Это, должно быть, пик Николс, поднимающийся над окружающими Секвойю горами. Вдали, за грядой менее высоких вершин, он различил тусклый свет, исходивший из городка.

Внизу, тремя сотнями футов ниже того места, где он был, через теснину двигался людской поток. Люди вышли на залитое лунным светом пространство, ускорили шаг и быстро скрылись среди деревьев.

Он приметил санитаров-носильщиков, тащивших тяжелые носилки с неподвижно лежащими людьми; некоторых вели под руку; были там и высокие люди в куртках из оленьей кожи и меховых шапках; луки их были закинуты за плечи, и они тоже помогали. Процессия двигалась в глубь дикого, непроходимого леса.

— Лыски из Секвойи, — сказал Хобсон. — И персонал больницы из нелысок. И больные. Мы не могли их оставить.

— Но...

— Это было для нас единственно возможное решение, Буркхальтер. Выслушай меня. Мы готовились двадцать лет — не к этому, а вообще к погрому. В глубине леса, в месте, о котором известно только Немым, есть пещеры, связанные между собой и оборудованные всем необходимым. Нечто вроде подземного города. Города без жителей. Коуди — их, на самом деле, четверо — до сих пор использовали его в качестве лаборатории и тайника. Там созданы условия для гидропоники, есть искусственный солнечный свет — словом, все, в чем нуждается культура. Пещеры недостаточно велики, чтобы укрыть расу лысок, но население Секвойи там поместится.

Буркхальтер уставился на Хобсона.

— Нелыски?

— Да. Мы вынуждены изолировать их на какое-то время; пока они не будут готовы узнать правду, они будут узниками — от этого никуда не уйдешь. Мы выбирали из двух вариантов: либо убить их, либо лишить возможности связи. В пещерах они приспособятся. Секвойя была довольно тесной, независимой общиной. Семьи не будут разрушены, все смогут продолжать привычную социальную жизнь, только — под землей, в искусственной культуре.

— Но ведь их могут обнаружить параноиды.

— Под землей нету звезд. Параноиды могут читать мысли жителей Секвойи, но нельзя узнать местонахождение человека при помощи телепатической триангуляции. Только Немым известно, где находятся пещеры, а никто из параноидов не может читать мысли Немых. Многие Немые сейчас направились сюда, они должны соединиться с нами, чтобы сопровож-

дать секвойцев на последнем отрезке пути. Даже Бродячие Псы не будут знать, куда они идут.

— Значит, секрет будет в безопасности среди телепатов. А Бродячие Псы? Что, если они начнут болтать?

— Не начнут. По многим причинам. Во-первых, у них нет такой связи с внешним миром, о которой стоило бы говорить. Кроме того, у них есть свой властелин. А Коуди знают, как заставить их слушаться. И еще: ты не подумал о том, что́ сделают города, если узнают, что Бродячие Псы опустошили целое поселение? Поэтому они будут молчать, чтобы сохранить собственные жизни. Конечно, что-то *может* просочиться; здесь замешано столько разных людей, и ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Но я думаю, что для плана, разработанного экспромтом, он срабатывает достаточно хорошо. — Хобсон замолчал; с остротой быстрого взгляда его разум коснулся разума Буркхальтера. — В чем дело, Бурк? По-прежнему что-то тревожит?

— Люди, я думаю, — признался тот. — Нетелепаты. Ты знаешь, по-моему, это не совсем справедливо. Мне было бы очень тяжело лишиться связи со всем остальным миром. Они...

Мысленно Хобсон разразился ругательством — куда более грубым, чем произнесенное вслух.

— Несправедливо! — воскликнул он. — Конечно, это несправедливо! Ты, Бурк, видел толпу, которая поднималась по дороге, — у них на уме была что, справедливость? Если кто и заслуживает наказания, так именно эта толпа! — Голос его стал мягче. — Знаешь, мы все время упускаем из виду одну вещь. Мы вырастаем с мыслью о необходимости потворствовать обычным людям, эта мысль так прочно вбивается в нас, что мы в конце концов почти забываем, что они тоже должны отвечать за свои поступки. Погром — самое непростительное совместное действие, в котором группа людей может быть виновна. Это всегда нападение значительного большинства на беззащитное меньшинство. Эти люди убили бы всех нас без зазрения совести, если б смогли. Им повезло, что мы не такие злобные, как они. На мой взгляд, они заслуживают куда худшего, чем то, что они получают. Мы не просили ставить нас в такое поло-

жение. Несправедливость существует повсюду, но я думаю, что найденное решение — наилучшее при сложившихся обстоятельствах.

Они смотрели, как внизу, в лунном свете, двигается процессия. Вскоре Хобсон продолжил:

— После того как мы начали осуществлять этот план, всплыл еще один аспект. И весьма важный. Благодаря чистой случайности будет проведен замечательный лабораторный эксперимент, затрагивающий человеческие отношения. Община в пещерах не будет бесперспективной. Мы полагаем, что в конечном счете лыски и нелыски, живущие там, станут заключать смешанные браки. Больничный персонал — это, можно сказать, послы доброй воли. Подземное существование потребует тщательно продуманного управления, но, я думаю, благодаря нашей способности читать мысли и при помощи соответствующей пропаганды все получится как надо. Это может стать основой для окончательного решения всей проблемы отношений между обычными людьми и лысками.

Видишь ли, мы постараемся создать микромир, дающий представление о том, каким должен быть весь мир, и был бы, если бы Взрыв не породил нас, телепатов, раньше времени. Это будет сообщество людей, в котором телепаты будут господствовать и благожелательно других контролировать. Мы научимся регулировать отношения с людьми, а пока мы учимся, никакой опасности не будет. Это будет метод проб и ошибок, без наказания за ошибки. Возможно, это несколько несправедливо по отношению к обычным людям, но не хуже, чем то, что пришлось испытывать поколениям находящихся в меньшинстве лысок во всем мире. Возможно, наш эксперимент окажется настолько удачным, что, даже если через несколько лет об этом станет известно в мире, члены общины предпочтут остаться в пещерах. Что ж, поживем — увидим. Мы не знаем пока лучшего пути для решения проблемы. *Нет* другого пути, кроме приспосабливания рас друг к другу. Если бы сейчас все лыски на земле добровольно покончили жизнь самоубийством, телепаты все равно рождались бы. Этот процесс не

остановить. За это в ответе Взрыв, а не мы. Мы... подожди минутку.

Хобсон резко повернул голову; в шуршащей тишине ночного леса, нарушаемой лишь приглушенными звуками происходящего далеко внизу, они прислушивались к тому, что не воспринималось на слух.

Буркхальтер ничего не услышал, но Хобсон вскоре кивнул:

— Город вот-вот будет уничтожен.

Буркхальтер нахмурился.

— Ведь есть еще одна неувязка, а? Что, если вину за уничтожение Секвойи взвалят на Пайнвуд?

— Не будет никаких доказательств, ни за, ни против. Мы решили распространить слухи, указывающие на два-три других города, наряду с Пайнвудом, как на виновников уничтожения, — достаточно, чтобы запутать вопрос. Может быть, удастся подбросить версию, что взрыв — результат несчастного случая на складе оружия. Такое бывало. Пайнвуду и другим городам придется какое-то время жить под подозрением. За ними будут следить, и если они еще как-то проявят свою агрессивность... но ничего такого, конечно же, не произойдет. Я думаю... Смотри, Буркхальтер! Начинается!

Далеко внизу мерцающая огнями Секвойя лежала, словно озеро света, в чаше, образованной горами. Все изменилось на глазах. В раскаленном великолепии вспыхнула новая звезда, высветив белые в ее лучах лица мужчин и контрастно черные силуэты сосен.

На мгновение эфир заполнил оглушительный, безумный крик, потрясший мозг каждого телепата в пределах досягаемости. Затем образовалась эта ужасная брешь, эта пустота, говорящая о прекращении существования, куда ни одному лыске не хочется заглядывать. Сейчас это был огромный водоворот пустоты, ибо очень многие телепаты-параноиды погибли при образовании этой новой звезды. Этот водоворот притягивал, заставлял мозг каждого телепата кружиться в опасной близости к краю страшной, засасывающей воронки. Хотя погибшие и были параноидами, но они были также и телепатами, и их смерть вызвала содрогание в каждом разуме, способном воспринять их конец.

Мозг Буркхальтера заполнило какое-то кружащееся ослепление. «*Барбара*, — думал он, — *Барбара...*»

Это имя вырвалось совершенно непроизвольно, он даже не пытался скрыть его от восприятия Хобсона.

Хобсон сделал вид, что ничего не слышал.

— Вот и все, — сказал он. — Двое Немых сбросили бомбы с вертолетов. Они сейчас наблюдают. Никого в живых не осталось. Буркхальтер...

Он подождал. Буркхальтер медленно выкарабкивался из той глухой бездны, в которой исчез прекрасный, страшный, смертоносный образ Барбары Пелл, канувший в вечность. Понемногу окружающий мир принимал свои нормальные очертания.

— Да?

— Гляди: проходят последние из секвойцев. И нам с тобой здесь незачем больше оставаться, Бурк.

В этом утверждении был скрыт глубокий смысл. Буркхальтер мысленно встряхнулся и проговорил в болезненной растерянности:

— Я не... я не совсем понимаю. Почему ты притащил меня сюда, наверх? Я... — Он был в нерешительности. — Я что, не отправляюсь вместе с другими?

— Ты не можешь отправиться с ними, — тихо сказал Немой. Последовало недолгое молчание; прохладный ветер шуршал в сосновых иглах. Острые запахи леса и ночная свежесть овевали двух телепатов. — Подумай, Буркхальтер, — добавил Хобсон. — Подумай.

— Я любил ее, — сказал Буркхальтер. — Теперь я знаю это. — Он чувствовал потрясение и отвращение к самому себе, но был чересчур ошеломлен сделанным открытием, чтобы испытывать слишком сильные эмоции.

— Тебе известно, что это означает, Буркхальтер? Ты — не истинный лыска. Не совсем. — Хобсон помолчал. — Ты скрытый параноид, Бурк.

Целую минуту между ними не было обмена мыслями. Затем Буркхальтер внезапно опустился на покрывающий лесную землю ковер из сосновых иголок.

— Это неправда, — сказал он. Деревья закружились у него перед глазами.

— Это правда, Бурк. — И в голосе, и в мыслях Хобсона была бесконечная мягкость. — Подумай. По-

любил бы... смог бы ты полюбить параноидную женщину, да еще такую, если бы ты был нормальным телепатом?

Буркхальтер молча покачал головой. Он знал, что это правда. Любви между телепатами не свойственны ошибки, присущие любви слепых, бредущих на ощупь обычных людей. Телепат не может заблуждаться относительно качеств любимой личности. Не мог бы, даже при желании. Ни один нормальный лыска не мог бы чувствовать к такому созданию, каким являлась Барбара Пелл, ничего, кроме отвращения. Ни один *нормальный* лыска...

— Ты должен был ненавидеть ее. И ты ненавидел. Но было и нечто большее, чем ненависть. Это параноидное качество, Бурк, — чувствовать влечение к тому, что презираешь. Если б ты был нормальным, ты полюбил бы какую-нибудь нормальную женщину-телепата, такую же, как ты. Но этого не случилось. Тебе нужно было найти женщину, на которую ты мог бы смотреть свысока. Презирая которую, ты мог бы возвысить свое «я». Ни один параноид не может признать кого-либо равным себе. Прости, Бурк. Мне очень неприятно все это говорить.

Слова Хобсона были словно нож, безжалостный и в то же время милосердный, вырезающий зараженную ткань. Буркхальтер слышал его; он подавил скрытую ненависть, которую правда — а он знал, что это правда, — пробудила в его раздвоенном разуме.

— У твоего отца, Бурк, тоже было извращенное сознание, — продолжал Хобсон. — Он оказался слишком восприимчивым к параноидной обработке...

— Один из них пробовал на нем свои штуки, когда отец был еще совсем ребенком, — вставил Буркхальтер хриплым голосом. — Я помню это.

— Мы сперва не были уверены, что тебя беспокоит. Симптомы не проявлялись, пока ты не принял консульство. Тогда мы начали прогнозировать, что-то вроде того. Ты действительно не хотел этой должности, Буркхальтер. Подсознательно. Эти приступы сильной усталости были защитой. Я уловил сегодня твою мысль — не первую у тебя. Мысли, связанные с самоубийством, — еще один симптом, еще один «путь» к спасению. А Барбара Пелл — это была развязка. Ты не мог признаться себе в своих истинных

чувствах, поэтому и старался вытянуть на поверхность другое — ненависть. Тебе казалось, что женщина преследует тебя, и ты дал своей ненависти полную волю. Но это была не ненависть, Бурк.

— Да. Это была не ненависть. Она... она была ужасной, Хобсон! Она была ужасной!

— Я знаю.

В голове Буркхальтера все кипело, мысли слишком перепутались, чтобы их можно было отделить друг от друга. Ненависть, невыносимая боль, яркие видения параноидного восприятия мира, воспоминания о диком разуме Барбары Пелл, трепещущие, словно пламя на ветру.

— Если ты прав, Хобсон, — с усилием произнес он, — ты должен меня убить. Я знаю слишком много. Если я действительно скрытый параноид, в один прекрасный день я могу предать — нас.

— Скрытый, — сказал Хобсон. — Это огромная разница, если ты можешь быть честным перед собой.

— Я не безопасен живой. Я чувствую... прямо сейчас... болезнь снова в моем мозгу. Я... ненавижу тебя, Хобсон. Ненавижу за то, что ты показал мне самого себя. Когда-нибудь эта ненависть может перекинуться на всех Немых и всех лысок. Как я могу теперь доверять себе?

— Потрогай свой парик, Бурк, — сказал Хобсон.

Недоумевая, Буркхальтер ощупал свою голову дрожащей рукой. Ничего необычного он не почувствовал и взглянул на Хобсона в полной растерянности.

— Сними его, Бурк.

Буркхальтер поднял парик. Снимался он с трудом: неохотно отпускали присоски, удерживающие его на месте. Освободившись от парика, Буркхальтер был очень удивлен, когда почувствовал, что на голове у него осталось еще что-то. Он поднял свободную руку и неуверенно нащупал на голове сеточку из тонкой, словно шелковистой, проволоки. Он поднял глаза навстречу лунному свету и встретился взглядом с Хобсоном. В уголках глаз Немого лежали тонкие морщинки, его круглое лицо выражало доброту и сострадание. На мгновение Буркхальтер позабыл даже о загадочной сеточке на своей голове.

Помоги мне, Хобсон! — закричал он мысленно. — *Не дай мне ненавидеть тебя!*

В то же мгновение его мозг пронизал твердый, сильный, сочувственный поток мыслей из многих, многих разумов. Это было единение более близкое и качественно иное, чем что-либо испытанное им прежде. И для его разума это было то же, что прикосновение многих доброжелательных рук к телу, уставшему и бесконечно нуждающемуся в помощи.

Теперь ты один из нас, Буркхальтер. Ты носишь шлем. Ты — Немой. Никакой параноид никогда не сможет прочитать твои мысли.

Это была обращенная к нему мысль Хобсона, но за нею стояли мысли многих других, мысли здоровых, сильных разумов сотен Немых; все они звучали вместе, словно хор, повторяющий и усиливающий сказанное Хобсоном.

Но я... я скрытый...

Сотни разумов слились в единый сплоченный организм, духовный коллоид круговой системы; однако это был иной, более прочный союз, превращенный в нечто новое сеточками, фильтрующими их мысли. Несколько разумов соединились в один — сильный, здоровый и дружелюбный, приветствующий нового члена. Он не нашел там чудесного исцеления; он нашел нечто большее.

Правду. Честность.

Теперь извращение в его мозге, параноидный выверт с его симптомами и нелогичностью стали очень ясными. Это был высший тип психоанализа, доступный только лыске.

На это потребуется время, — подумал он. — *На лечение потребуется...*

Хобсон стоял рядом с ним.

Я буду с тобой. Пока ты не сможешь остаться один. Но и тогда — мы все будем с тобой. Ты один из нас. Ни один лыска никогда не бывает один.

ПЯТЬ

Думаю, что я умираю.

Я уже долго лежу здесь. Иногда я прихожу в сознание, но не часто. Двигаться я совсем не могу.

Я хотел перерезать артерию на запястье, чтобы умереть, но теперь я даже этого не могу сделать, да и незачем. Пальцы мои онемели. Я не могу двигаться, и я больше не чувствую холода. Свет и тепло пульсируют и слабеют, понемножку слабеют с каждым разом. Думаю, это приближение смерти. Я знáю, что это так.

Надо мной повис вертолет. Опоздали. Он растет, но я проваливаюсь в небытие быстрее, чем вертолет опускается в эту расщелину между горными пиками. Они нашли меня, но слишком поздно.

Жизнь и смерть не имеют значения.

Мои мысли затягивает в черный водоворот. Меня затянет на глубину в одиночестве, и это будет конец.

Есть одна вещь, одна мысль, о которой я не могу перестать думать. Весьма странная мысль для человека, который умирает.

Шалтай-Болтай сидел на стене.

Это была мысль Джефа Коуди, не так ли?

Если б только я мог думать о Джефе Коуди, возможно, я...

Теперь слишком поздно.

Коуди и операция «Апокалипсис», там, в Пещерах... вспоминаю... вспоминаю...

...умираю в одиночестве...

Шалтай-Болтай

И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями...

Джеф Коуди стоял под каменным сводом, сцепив руки за спиной. Он пытался прочитать мысли электронно-вычислительной машины, стараясь, чтобы не были прочитаны его собственные мысли со всей их ожесточенностью. Всеми возможными барьерами и экранами он окружил свое отчаяние, настойчиво подавляя ту мысль, с которой он сам боялся столкнуться лицом к лицу. Он загнал ее вниз, пытаясь утопить под поверхностной сумятицей своего разума. На широком, спокойном, зеркальном лбу компьютера мигали

огоньки и их отблески. Где-то внутри вычислительной машины находилась тонкая кристальная пластинка, с помощью которой можно уничтожить всю человеческую популяцию на планете. Не жизнь Джефа Коуди, и не жизнь его народа. Нет. Жизнь всех обычных людей, нетелепатов. И ответственность за кристалл лежала на одном человеке — на Джефе Коуди.

Позади него Элленби переступал с ноги на ногу; на блестящей поверхности центральной панели электронно-вычислительной машины виднелось его расплывчатое отражение. Коуди заговорил, не оборачиваясь:

«Но если с индуктором вышла неудача, нам придется...» — Его мысли, словно тучей, заволокло образом смерти, умирания.

Он произнес это не вслух. Элленби сразу же прервал его; он тоже не говорил вслух — его мысль врезалась в мысль Коуди, остановив ее прежде, чем образ разрушения успел целиком оформиться в разуме Коуди.

«Нет. Произошла очередная осечка. Мы попробуем снова. Мы будем продолжать работу. Надеюсь, нам никогда не придется применить... это». — Его мозг нарисовал тонкий кристалл, спрятанный в машине, пластину, заключающую в себе смерть большей части человеческой расы.

«Как ни назови, это просто неудача, — прозвучали слова Коуди в тишине его разума. — Цель слишком высоко. Никто не знает, что делает человека телепатом. Никому никогда не удастся пробудить телепатию механическим путем. Индуктор никогда не сработает. Ты это знаешь».

«Я этого не знаю, — ответил спокойной мыслью Элленби. — Думаю, что это возможно. Джеф, это сказывается сильное перенапряжение».

Коуди коротко рассмеялся.

«Мериам оставался на этой работе три месяца, — сказал он. — Брустер выдержал дольше всех — восемь месяцев. У меня идет шестой месяц. В чем же дело? Боишься, что я все брошу, как Брустер?»

«Нет, — сказал Элленби. — Но...»

«Ладно, — раздраженно прервал его Коуди. — Забудь об этом». — Он ощутил, как мысли Элленби касаются его мозга быстрыми и легкими, беспокой-

Я хотел перерезать артерию на запястье, чтобы умереть, но теперь я даже этого не могу сделать, да и незачем. Пальцы мои онемели. Я не могу двигаться, и я больше не чувствую холода. Свет и тепло пульсируют и слабеют, понемножку слабеют с каждым разом. Думаю, это приближение смерти. Я знаю, что это так.

Надо мной повис вертолет. Опоздали. Он растет, но я проваливаюсь в небытие быстрее, чем вертолет опускается в эту расщелину между горными пиками. Они нашли меня, но слишком поздно.

Жизнь и смерть не имеют значения.

Мои мысли затягивает в черный водоворот. Меня затянет на глубину в одиночестве, и это будет конец.

Есть одна вещь, одна мысль, о которой я не могу перестать думать. Весьма странная мысль для человека, который умирает.

Шалтай-Болтай сидел на стене.

Это была мысль Джефа Коуди, не так ли?

Если б только я мог думать о Джефе Коуди, возможно, я...

Теперь слишком поздно.

Коуди и операция «Апокалипсис», там, в Пещерах... вспоминаю... вспоминаю...

...умираю в одиночестве...

Шалтай-Болтай

И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями...

Джеф Коуди стоял под каменным сводом, сцепив руки за спиной. Он пытался прочитать мысли электронно-вычислительной машины, стараясь, чтобы не были прочитаны его собственные мысли со всей их ожесточенностью. Всеми возможными барьерами и экранами он окружил свое отчаяние, настойчиво подавляя ту мысль, с которой он сам боялся столкнуться лицом к лицу. Он загнал ее вниз, пытаясь утопить под поверхностной сумятицей своего разума. На широком, спокойном, зеркальном лбу компьютера мигали

огоньки и их отблески. Где-то внутри вычислительной машины находилась тонкая кристальная пластинка, с помощью которой можно уничтожить всю человеческую популяцию на планете. Не жизнь Джефа Коуди, и не жизнь его народа. Нет. Жизнь всех обычных людей, нетелепатов. И ответственность за кристалл лежала на одном человеке — на Джефе Коуди.

Позади него Элленби переступал с ноги на ногу; на блестящей поверхности центральной панели электронно-вычислительной машины виднелось его расплывчатое отражение. Коуди заговорил, не оборачиваясь:

«Но если с индуктором вышла неудача, нам придется...» — Его мысли, словно тучей, заволокло образом смерти, умирания.

Он произнес это не вслух. Элленби сразу же прервал его; он тоже не говорил вслух — его мысль врезалась в мысль Коуди, остановив ее прежде, чем образ разрушения успел целиком оформиться в разуме Коуди.

«Нет. Произошла очередная осечка. Мы попробуем снова. Мы будем продолжать работу. Надеюсь, нам никогда не придется применить... это». — Его мозг нарисовал тонкий кристалл, спрятанный в машине, пластину, заключающую в себе смерть большей части человеческой расы.

«Как ни назови, это просто неудача, — прозвучали слова Коуди в тишине его разума. — Цель слишком высоко. Никто не знает, что делает человека телепатом. Никому никогда не удастся пробудить телепатию механическим путем. Индуктор никогда не сработает. Ты это знаешь».

«Я этого не знаю, — ответил спокойной мыслью Элленби. — Думаю, что это возможно. Джеф, это сказывается сильное перенапряжение».

Коуди коротко рассмеялся.

«Мериам оставался на этой работе три месяца, — сказал он. — Брустер выдержал дольше всех — восемь месяцев. У меня идет шестой месяц. В чем же дело? Боишься, что я все брошу, как Брустер?»

«Нет, — сказал Элленби. — Но...»

«Ладно, — раздраженно прервал его Коуди. — Забудь об этом». — Он ощутил, как мысли Элленби касаются его мозга быстрыми и легкими, беспокой-

ными движениями. Элленби был психологом. И Коуди, само собой, побаивался его. В настоящий момент ему не хотелось возбуждать излишнее внимание к себе опытного специалиста. Под его мыслями, находящимися на поверхности, пряталось нечто, внушающее ужас и тем не менее влекущее, и он не желал, чтобы об этом кто-то знал. Усилием воли он вызвал приятные мерцающие мысленные образы, чтобы отгородиться ими, как дымовой завесой, от прощупывания Элленби. Сосны, купающиеся в теплом дожде, — в четверти мили над их головами, над известняковым небосводом. Тишина и покой чистого неба, нарушаемые лишь жужжанием вертолета и свистом рассекающих воздух лопастей. Лицо жены, ее нежный смех в минуты хорошего настроения.

Он почувствовал, как беспокойство Элленби улеглось, услышал, как тот переступил с ноги на ногу, но не обернулся.

«В таком случае я ухожу, — мысленно сообщил Элленби. — Я просто хотел видеть тебя после сообщения о том, что мы снова зашли в тупик. Все в порядке, Джеф?»

«Отлично, — ответил Коуди. — Не буду тебя задерживать».

Элленби вышел.

Коуди прислушивался к удаляющемуся звуку шагов, потом услышал, как закрылась дверь и щелкнул замок. Он остался один — в физическом смысле, хотя в пещере в непрерывном движении находился изменчивый узор переплетенных между собой мыслей телепатов, касающихся его мозга и устремляющихся дальше. Даже Элленби, уходя, послал назад смутное ощущение беспокойства. Поэтому Коуди оставил на поверхности сознания образы соснового леса, и безоблачного неба, и смеющейся женщины. Не поворачивая головы, он покосился в сторону, и на краю рабочего стола, до которого он мог дотянуться рукой, увидел ту вещь, мысль о которой не допускал в свой разум вплоть до этой минуты. За ним следило слишком много других разумов.

Он смотрел на нож с массивным, узким лезвием и острым концом, забытый каким-то рассеянным работником, и думал о человеке, который был на этой должности до него, и о том, как Брустер оставил ее

через восемь месяцев. Брустер воспользовался револьвером. Но и нож тоже годится. За ключицей, у шеи, есть такое место... стоит всадить в него нож, сознание, словно задутая свеча, угаснет почти мгновенно. Когда ноша, взваленная на плечи, оказывается слишком тяжелой, непосильной — как у Мериама, и у Брустера... И у него, Джефа Коуди.

В окружающем его пространстве, словно взгляды невидимых глаз, кружились мысли обеспокоенных телепатов. По пещере пробегала незримая рябь паники. Где-то что-то было не в порядке. Однако Коуди умело контролировал свои внешние мысли. До этого момента он не позволял себе по-настоящему увидеть нож, по-настоящему отчетливо подумать о том месте за ключицей.

Теперь же он глубоко вздохнул и, с чувством огромного облегчения, дал своей мысли ярко и ясно сверкнуть в сознании. Его не смогут остановить. Поблизости нет никого, кто бы мог сделать это. Он был свободен.

— Итак, индуктор работать не хочет, — произнес он вслух. — Так что стимулировать развитие телепатии в человеческом мозге невозможно. Но зато есть способ избавиться от телепатии!

Он сделал шаг, и нож оказался у него в руке. Двумя пальцами Коуди нащупал ключичный гребень, определяя место, куда вонзить нож.

«Пусть ничего не выходит с индуктором, — подумал он. — Пусть начинается погром. Пусть вымрет раса. Пусть наступит конец света. Меня это теперь не касается!»

Много поколений назад эту проблему создал Взрыв, путем мутации породивший подвид телепатов. Было время, когда лыски надеялись, что евгеника сможет справиться с этой проблемой. Но теперь надежда угасла. Слишком мало было времени.

Хотя носителем телепатической функции был доминантный ген, лысок было слишком мало. При наличии времени и при достаточном количестве смешанных браков все люди земли могли бы стать телепатами. Но времени прошло слишком мало. Единственным решением к настоящему моменту бы-

ло создание механического устройства, индуктора, пробуждающего телепатические способности в нетелепате.

Теоретически это было возможно. Умы всех величайших ученых мира были открыты для лысок. И здесь, в пещерах, проблема могла бы быть разрешена электронным компьютером, если предоставить ему все необходимые данные. Но машина не смогла разрешить проблему, поскольку данных было недостаточно, несмотря на огромное количество бесценных знаний, позаимствованных из сотен блестящих, пытливых умов нелысок.

И все же, выход был в этом. Если бы любой мужчина и любая женщина в мире могли стать телепатами, просто нося компактное механическое приспособление, чудо могло бы произойти, рухнули бы все преграды. Исчезли бы страх и ненависть к лыскам, испытываемые нетелепатами, — не сразу, но они понемногу растворились бы в огромном океане взаимодействующих разумов. Исчезли бы стены, исчезло бы *различие* и вместе с ними — ужас, с которым лыски ждали приближение погрома.

Однако такой индуктор по-прежнему оставался всего лишь теорией. Электронно-вычислительная машина пока не решила проблемы — если вообще сможет ее когда-нибудь решить. Вместо ответа, которого ждали, машина неожиданно выдала холодно-механическое и ужасающе логичное решение, заявив, что проблема может быть разрешена уничтожением всех людей-нетелепатов. Каким образом? Он порылся в своей богатой памяти и нашел...

Операция «Апокалипсис».

Существовал вирус, который посредством определенных раздражителей мог быть видоизменен и превращен в вариант, переносимый по воздуху и быстро размножающийся. Он разрушал нервную ткань человека. И лишь на один вид нервной ткани он не оказывал вредного воздействия.

Телепаты обладали к видоизмененному вирусу врожденным иммунитетом.

Никто из лысок не знал, что это за вирус и каков механизм мутации. Это было известно лишь машине,

а нечеловеческий мозг электронного устройства нельзя прощупать. Где-то в огромной машине находился крошечный кристалл титаната бария, содержащий ряд застывших энергоэлементов в двоично-цифровом коде. И этот код хранил секрет смертоносного вируса.

Если бы Коуди сделал три шага вперед и сел в мягкое кресло оператора перед приборной панелью, и нажал определенную кнопку, контрольное устройство проверило бы электронное строение его мозга и идентифицировало бы его так же непогрешимо, как отпечатки пальцев. Только один человек на свете удовлетворял сейчас этим условиям, заложенным в беззвучном вопросе контрольного устройства.

Затем на приборной панели загорелась бы лампочка, а под ней был бы номер, и, видя этот номер, Коуди мог бы заставить машину открыть свой секрет. До Коуди эта тяжелейшая ноша лежала на плечах Брустера. А до Брустера ее нес Мериам. И после Коуди еще кто-то взвалит на себя невыносимую тяжесть ответственности за принятие решения о том, сказать или нет: *Конец всякой плоти пришел пред лице Мое... и вот, я истреблю их с земли.*

Удар протестующих разумов своим напором проломил защитную броню, которой Коуди, взяв в руку нож, защитил собственное сознание. По всей пещере, живущей напряженной жизнью, телепаты побросали все дела и направили свои сильные, настойчивые мысли к заблокированному центру, какой представлял собой сейчас Коуди.

Воздействие было ошеломляющим. Он никогда не испытывал воздействия такой силы. Он не собирался сдаваться, но давление их протеста было ощутимо почти физически. Коуди чуть не пошатнулся, как под неимоверной тяжестью. Он услышал даже мысль, пришедшую с поверхности земли, почувствовал ее резкий толчок. На четверть мили выше известнякового небосвода, над скалами и почвой, пронизанной тянущимися вниз корнями сосен, охотник в поношенной одежде из оленьих шкур остановился среди деревьев и, потрясенный, мысленно выразил полный сочувствия протест. Его мысль дошла до Коуди сквозь разделяющую их каменную толщу и была усыпана малень-

кими, сверкающими, бездумными мыслями роющих норы зверьков, живущих в верхнем слое земли.

Кто-то из вертолета, парящего высоко в жарком голубом небе, установил контакт с подземной группой, слабый из-за отдаленности, но такой же моментальный, как у человека в соседней с Коуди пещере, за запертой дверью...

«*Нет, нет,* — звучали в его мозгу голоса, — *ты не можешь этого сделать! Ты — все мы. Ты не можешь! Ты — все мы!*»

Он знал, что это так в самом деле. Выход был близко, похожий на глубокий, темный колодец, и головокружение затягивало его туда; но он знал, что, убивая себя, он — пусть косвенно — убивает всех людей своей расы. Конечно, телепаты не умрут в буквальном смысле слова. Но каждый раз, когда умирает какой-либо телепат, все остальные в пределах досягаемости мозговых излучений чувствуют, как темнота затягивает угасший разум, и их разумы тоже теряют часть своей энергии.

Все произошло очень быстро: Коуди еще ощупывал двумя пальцами свою ключицу, нож еще не был крепко сжат у него в кулаке, когда на него накатила волна мучительного протеста сотни объединившихся, взаимосвязанных, говорящих от имени всех лысок разумов. Он мог выдержать борьбу с ними достаточно долго. Задуманное им заняло бы одну секунду. Дверь была заперта, а сейчас только физическая сила, как он думал, могла его остановить.

И вдруг, находясь под этим настойчивым нажимом мыслей, он почувствовал беспокойство: разум Элленби не звучал вместе с остальными. Почему?

Теперь нож был твердо зажат в его руке. Он знал, куда нанести удар, и слегка раздвинул пальцы, освобождая место для ножа. Чувствовал ли Брустер то же, что и он, когда шесть месяцев назад, стоя здесь, решил сбросить с себя невыносимое бремя решения? Трудно ли было спустить курок? Или легко, как поднять нож и...

Взрыв ослепительного белого света вспыхнул в центре его мозга, словно падающая звезда врезалась в саму структуру его разума и разлетелась осколками. В последнюю долю секунды перед потерей сознания Коуди подумал, что он нанес себе смертельный

удар и что так воспринимается смерть самим умирающим.

И тут же понял, что источником взрыва был мощный, направленный сокрушительный удар, нанесенный мозгом Элленби. Коуди почувствовал, как выскользнул из его руки нож, как подогнулись у него колени, а потом он долго, бесконечно долго не испытывал никаких ощущений.

Когда он снова пришел в себя, Элленби стоял рядом с ним на коленях; блестящая поверхность электронно-вычислительной машины отражала свет под непривычным углом: окружающее воспринималось так, как мог бы видеть ребенок с высоты своего маленького роста. Дверь была настежь распахнута. Все казалось странным.

«Все в порядке, Джеф?» — спросил Элленби.

Коуди поднял на него глаза и почувствовал, как затаенное и не нашедшее выхода напряжение, закипая, прорывается наружу во вспышке гнева, настолько сильной, что окружившие его сочувствующие разумы других телепатов отпрянули, как от огня.

«Извини, — сказал Элленби. — Я только два раза в жизни делал это прежде. Я был вынужден, Джеф».

Коуди сбросил его руку со своего плеча. Хмурясь, он подтянул ноги и попытался встать. Комната, качаясь, поплыла перед ним.

«Кто-то должен быть на этом месте, — сказал Элленби. — Шансы были равны у всех, Джеф. Это несправедливо по отношению к тебе, и Брустеру, и Мериаму, и другим, но...»

Яростным движением Коуди прервал его мысль.

«Хорошо, — согласился Элленби. — Но не убивай себя, Джеф. Убей кого-нибудь другого. Убей Джаспера Хорна».

Мозг Коуди испытал не сильное, но жгучее потрясение. Он стоял неподвижно; прекратилась даже суматоха в голове; неожиданно новая мысль сверкнула в центре сознания.

Убей Джаспера Хорна.

О, Элленби был умным человеком. Теперь он смотрел на Коуди и улыбался, его круглое, румяное лицо еще было напряжено, но уже начинало вновь обретать свое счастливое выражение.

«Чувствуешь себя лучше? Действие, вот что тебе нужно, Джеф, — действие, направленная деятельность. Все, что ты мог делать в течение месяцев, — это ждать и волноваться. Некоторые обязанности невозможно исполнять, если не действовать. Что ж, испробуй свой нож на Хорне, а не на себе».

В мозгу Коуди блеснул огонек сомнения.

«Да, тебя может постигнуть неудача, — сказал Элленби. — Он может убить тебя».

— Этого не будет, — произнес Коуди вслух; собственный голос показался ему незнакомым.

«Это может случиться. Тебе придется рискнуть. Прикончи его, если сможешь. Тебе хотелось именно этого, но ты не понимал этого до конца. Тебе необходимо кого-то убить. Хорн сейчас — наша важнейшая проблема. Это наш настоящий враг. Так что убей Хорна. А не себя».

Коуди молча кивнул.

«Отлично. Мы выясним, где он находится. Я подготовлю для тебя вертолет. Хочешь сперва повидать Люси?»

Легкая волна беспокойства прокатилась по сознанию Коуди. Элленби заметил ее, но не позволил своему разуму отозваться. Бесчисленные разумы других телепатов, собравшиеся вокруг них, тихонько отодвинулись, выжидая.

«Да, — сказал Коуди. — Я сперва повидаю Люси». — Он повернулся к двери пещеры.

Джаспер Хорн — и те, кого он представлял, — являлся причиной того, что лыски не могли позволить даже самим себе узнать метод проведения операции «Апокалипсис» и природу смертельного селективного вируса у компьютера. Секрет нужно было охранять от Джаспера Хорна и его товарищей-параноидов, поскольку они придерживались вполне определенных взглядов: *Почему не убить всех людей? Почему нет, прежде чем они убьют нас? Почему не нанести удар первыми и не спасти самих себя?*

На эти вопросы было нелегко ответить, и Джаспер Хорн изучал такую возможность с большим тщанием. Если можно было говорить о каком-либо руководителе в группе телепатов, то им, безусловно, был имен-

но Джаспер Хорн. Как много ему было известно о пещерах, никто точно не мог сказать. Он знал, что они существуют, но не знал, где. Знал кое-что о происходящем там, несмотря на то что все лыски, живущие в пещерах, носили шлемы Немых, увеличивающие частоту. Если бы он знал, где находится индуктор, он бы — будь такая возможность — с величайшей радостью сбросил на него бомбу и наблюдал за поднимающимися клубами дыма. Безусловно, он знал и об операции «Апокалипсис», ибо делал все возможное, что бы спровоцировало лысок выпустить на волю вирус, способный уничтожить всех нетелепатов.

Коуди открыл дверь. Гостиная выглядела довольно приятно: три стены занимала широкая, мягкая тахта темного мшисто-зеленого цвета с разбросанными по ней разноцветными подушками; над нею располагались полки с книжными кассетами; струился неяркий свет. Электрический камин горел за готическим переплетением решетки, словно маленький собор, внутри которого начался пожар. Через большое окно в четвертой стене виднелись отражающиеся на улице огни гостиной Ральфа, жившего в соседней квартире, а через дорогу Коуди видел Джун и Хью Бартонов, пьющих послеобеденный коктейль перед электрокамином в своей комнате. На них было приятно смотреть.

А здесь все светлые, чистые тона и свет были окутаны тяжелыми испарениями отчаяния, которым была окрашена вся жизнь жены Коуди вот уже... Сколько это продолжалось? Ребенку было три месяца.

— Люси? — позвал он.

Никто не ответил. Но по квартире прокатилась волна еще более глубокого страдания, а в следующую секунду он услышал, как заскрипела кровать в соседней комнате. Послышался вздох. Раздался несколько невнятный голос Люси: «Джеф». На какое-то мгновение наступила тишина, и он уже повернулся, собираясь пойти на кухню, когда она снова заговорила:

— Будь добр, сходи, пожалуйста, на кухню и принеси мне еще немного виски, а?

— Сейчас, — ответил он.

«Виски ей не слишком повредит, — подумал он. — Все на пользу, что только может помочь ей пережить

ближайшие несколько месяцев. Несколько месяцев?.. Нет, развязка наступит гораздо скорее».

Он хорошо знал, как заставить их принять такое решение. Если начнется глобальный погром, вирус будет выпущен в мир и придет конец света. Выбора уже не будет. Когда жизнь человека зависит от убийства врага, он не колеблется. Но если враг — его брат...

В этом и заключалась разница между ними. Нормальные лыски считали людей — представителей расы нетелепатов — близкими родственниками. Для параноидов они были волосатыми неполноценными существами, заслуживающими лишь того, чтобы быть уничтоженными. Поэтому Джаспер Хорн делал все от него зависящее, чтобы накалить обстановку на поверхности земли и спровоцировать погром. Он не сомневался, что в этом случае лыски выпустят вирус, который погубит волосатых людей.

И Хорн работал в децентрализованном поствзрывном обществе, основанном на страхе, когда-то бывшем вполне реальным и обоснованным. В настоящее время никакие дальнейшие изменения не казались возможными. Общество колебалось между новым сокращением и дальнейшим расширением, и каждый человек, каждый город следил за другими. Ибо как можно кому-то верить, не зная его мыслей.

Американ-Ган и Суитуотер, Дженсенский переезд и Сантаклер, и все остальные, прямо за изгибом материка. Мужчины и женщины в городах, занимающиеся своими делами, воспитывающие детей, ухаживающие за своими садами и заботящиеся о своих магазинах и фабриках. Большинство из них было обычными людьми. Но в каждом городе жили также и лыски, воспитывающие *своих* детей, заботящиеся о *своих* магазинах. В большинстве случаев атмосфера была достаточно благожелательной. Но не всегда, далеко не всегда.

И вот уже несколько недель, как большая часть нации оказалась захлестнутой волной влажной, томительной жары, под действием которой агрессивные настроения неуклонно усиливались. Пока, если не считать отдельных дуэлей на ножах, никто не осмеливался нанести первый удар. Другие люди тоже были вооружены, и у каждого города был тайный

склад оружия, где хранились атомные бомбы, и ответный удар мог быть нанесен со смертельной точностью.

В общем, настало самое что ни на есть подходящее время для погрома. Никакой банды убийц пока не было, потенциальные линчеватели еще не имели цели.

Но лыски оставались меньшинством.

Нужен был всего лишь провоцирующий фактор — и параноиды изо всех сил старались его обеспечить.

Коуди взглянул вверх, на серый каменный небосвод пещеры, и достал ключ к двери в комнату своей жены. Уже вставив ключ в замочную скважину, он задумался — на этот раз не из-за нерешительности, а представив, что, скорее всего, ожидает его внутри. Между бровей у него пролегла складка: морщины давно появились у него на лице, да так и застыли благодаря постоянному напряжению, не отпускающему всех лысок с той минуты, как они переступили порог пещер.

Каменное небо прижимало к земле и удерживало такие сложные лабиринты мыслей, отражающихся от стен, переплетающихся и сцепляющихся, напоминающих вавилонское столпотворение. «Вавилонская Пещера», — мысленно усмехнулся Коуди и, решившись, повернул ключ в замке. Внутри одно вавилонское столпотворение сменится для него другим. Стены плохо укрывают от облаков застарелой, угрюмой обиды, идущих снаружи, но внутри было нечто, что ему нравилось еще меньше. Однако он понимал, что не может отправиться, не повидав Люси и ребенка.

— Джеф? — послышался жалобный голос Люси.

Он отнес бутылку виски в спальню. Она лежала на спине поперек кровати, рыжеватые волосы ее были распущены, ноги в чулках упирались в стену. На щеке, ближе к уху, виднелись следы высохших слез, но ресницы сейчас не были влажными. В углу спал ребенок в коконе своих бессвязных, как у животного, мыслей. Ему снились тепло и огромная, всеобъемлющая, медленно шевелящаяся мягкость — сны, не имеющие формы, только настроение и эмоции. Его пропорциональная головка была покрыта светло-рыжим пушком волос.

Коуди посмотрел на Люси.

— Как ты себя чувствуешь? — услышал он собственный бессмысленный вопрос.

Не сделав ни малейшего движения, она скосила глаза и взглянула на него из-под полуприкрытых век — каменным, страдающим, ненавидящим взглядом. Пустой стакан стоял на столике у кровати, до которого она могла дотянуться своей безвольной, нетвердой рукой. Коуди шагнул вперед, откупорил бутылку, и в стакан потекла янтарная струя. Два дюйма, три. Она не говорила, когда хватит. Он остановился на трех и поставил бутылку.

— Тебе незачем спрашивать, как кто-то себя чувствует, — сказала Люси тусклым голосом.

— Я не читаю твоих мыслей, Люси.

— Ну, как же. — Лежа на покрывале, Люси пожала плечами.

Коуди не ответил, повернувшись опять к спящему ребенку. Но Люси села с такой стремительностью, что кровать застонала, а Коуди вздрогнул: движение было настолько внезапным, что он даже не уловил в ее мозгу намерений.

«Он не твой. Он мой. Целиком мой, такой, как я, моя раса. Никакой... — Она продолжила мысль: — Никакой примеси в его крови. Не урод. Не лыска. Красивый, нормальный, здоровый, чудесный ребенок...» — Она не произнесла этого вслух, но в этом и не было нужды. Люси остановилась было посередине мысли, но затем сознательно позволила ей течь свободно, зная, что это то же самое, что говорить вслух. Под конец она добавила бесцветным голосом:

— Надо полагать, ты и *этого* не слышал.

Молча он протянул ей стакан с виски.

Прошло уже пять лет с того дня, когда на Секвойю была сброшена бомба. Пять лет с тех пор, как пещерная колония видела дневной свет — возможно, последний раз в жизни. Люди, согнанные из Секвойи в пещеры, угрюмо устроились на новом месте, кто покорно, кто с обидой — в зависимости от темперамента. У них были все удобства, возможные в подземной жизни, которые могли предоставить хозяева пещер. Они были удовлетворены настолько, насколько этого могли добиться квалифицированные психологи,

которые читали их мысли и узнавали их нужды чуть ли не прежде, чем они принимали конкретную форму. Но они были пленниками.

Смешанные браки появились уже через несколько месяцев после пленения. Это был один из широкомасштабных экспериментов, который мог быть проведен лишь в пещерах при таких контролируемых условиях. Отчасти он служил и для того, чтобы продемонстрировать людям добрые намерения, чтобы они не чувствовали себя такими уж пленниками.

Ни один телепат, в сущности, не стремился к браку с нетелепатом. Процент привлекательных партнеров среди нетелепатов не ниже, чем среди лысок, однако люди, не обладающие телепатическими способностями, лыскам представляются ущербными, как если бы симпатичная молодая девушка, прекрасная душой и телом, была слепой и глухонемой. Она может общаться с другими посредством какого-либо специально разработанного языка, но стена между ней и другими все равно остается почти непреодолимой.

И еще один дополнительный фактор: каждого человека, начавшего свою жизнь с прекрасной наследственностью и в благоприятном окружении, неизбежно, хотя и медленно, окутывает мрак тюремного одиночества, являющийся следствием жизненных проблем, которые обычному человеку, даже не сознающему этого, не удается разрешить. С лысками все иначе. У них всегда есть готовые прийти на помощь друзья, всегда есть разумы, на которые можно опереться в минуты кризиса и неуверенности. Постоянно действует принцип взаимоограничения и взаимозависимости, так что ни один лыска не страдает от внутренних затруднений, от тех едва заметных облаков растерянности и недоумения, которые омрачают счастье всех остальных людей. В телепатическом сознании сравнительно мало невыметенных уголков, загроможденных старым мусором сомнений и страхов, а это способствует гармонизации личности, недостижимой для нетелепата.

Безусловно, у телепата может развиться психоз — но только в том случае, когда он в течение долгого времени испытывает такой стресс, который нетелепат способен выдержать лишь очень короткое время. (Параноиды принадлежали к другой категории: наследственность играла здесь важную роль.)

Поэтому брак между лыской и нетелепатом является, в лучшем случае, браком между человеком сметливым, восприимчивым, полностью отдающим себе во всем отчет, и человеком, чьи мысли неясны и спутаны, неспособны к полноценному общению и где-то внутри, на каком-то уровне, всегда таящим скрытую, неосознанную обиду.

К настоящему времени, тем не менее, почти все достигшие брачного возраста женщины нетелепаты в пещерах успели получить свою долю ухаживания и выйти замуж за лысок. Конечно, при этом они неизбежно оказались замужем за шпионом, услужливым, но не всегда принимаемым ими психоаналитиком, и, что самое главное, за потенциальным отцом других лысок.

Их ген был доминантным, и это означало, что дети чаще всего рождались телепатами. Только в том случае, когда супруг-лыска наряду с доминантным телепатическим геном имел и рецессивный нетелепатический ген, ребенок мог оказаться нетелепатом.

Именно это произошло с ребенком Люси и Джефа Коуди...

Ни один человек не должен был когда-либо покинуть пещеры. О пленниках не должен был узнать ни один телепат, не носящий шлема Немых, ибо, если бы о пленных стало известно в мире, давно ожидаемый погром вспыхнул бы моментально. Ни один ребенок не мог оставить пещеры, разве только в грудном возрасте, когда он был еще слишком мал, чтобы что-либо запомнить и рассказать. Но ребенок-телепат уже с рождения зачислялся в ряды лысок, охраняющих пленных. Надежда была на то, что через одно-два поколения пленники полностью смешаются с лысками или покинут пещеры в младенчестве и колония, таким образом, снова вернется к своему изначальному состоянию, когда все население составляли исключительно телепаты.

Таков был исходный план, но все усложняющиеся обстоятельства быстро сделали его устаревшим.

Люси вытерла губы тыльной стороной ладони и протянула Коуди пустой стакан. Она подождала не-

много, пока виски, обжигая, проникнет внутрь и затянет стенки желудка приятной, теплой пленкой.

— Выпей глоточек, — сказала она. — Это помогает.

Коуди не хотелось, но он плеснул в стакан на полдюйма виски и послушно выпил. Через некоторое время Люси коротко вздохнула и села на кровати, скрестив ноги.

— Извини, — сказала она, откинув упавшие на глаза волосы. — Это глупо.

Она положила свою загорелую руку на покрывало, ладонью вверх, он накрыл ее своей ладонью, глядя на Люси с грустной улыбкой.

— У меня дело на поверхности, — сказал он. — Мне надо идти через несколько минут.

Она бросила беззащитный взгляд на детскую кроватку в углу. Словно флаг, развернулась ее мысль, одновременно затуманенная и ставшая более ясной под действием алкоголя. Коуди чуть не поморщился от этой мысли, но он, будучи мужем нелиски, владел собой значительно лучше, чем большинство лысок, и не показал виду.

— Нет. Не за тем, — только и сказал он. — Я не возьму его, пока ты не скажешь.

Неожиданно она посмотрела на него с испугом:

— Слишком поздно?

— Нет, — поспешно ответил Коуди. — Конечно, нет. Он еще недостаточно большой, чтобы помнить все это.

Люси беспокойно пошевелилась.

— Я не хочу, чтобы он остался здесь. Ты знаешь, что не хочу. Мне и так достаточно тяжело, а если еще знать, что мой сын никогда... — Она прогнала мысли о солнечном свете, прозрачном воздухе, голубой дали. — Но не сейчас, — сказала она, спуская ноги с постели. Несколько неуверенно она встала, взглянула на ребенка невидящими глазами и в одних чулках пошла на кухню, то и дело опираясь о стену. Мысль Коуди автоматически коснулась ее мозга, но он не стал его прощупывать, а встал и пошел за ней. Она стояла у раковины, наливая в стакан воду. Пила она с жадностью; зрачки ее глаз были расширены.

— Мне надо идти, — сказал Коуди. — Не волнуйся, Люси.

— Какая-то... женщина. — Люси говорила невнятно: стакан все еще был у ее губ. — У тебя есть... кто-то. Я знаю.

— Люси...

— Кто-то *твоего* вида. — Она швырнула стакан в раковину; он покатился, блестя и разбрызгивая воду.

Он только беспомощно смотрел на нее, сказать ничего он не мог. Не мог объяснить, что отправляется, чтобы попытаться убить Джаспера Хорна. Не мог рассказать об операции «Апокалипсис», или об индукторе, или о страшной ответственности, которая лежит на нем. Он не мог сказать: «Если мы успеем усовершенствовать индуктор, Люси, ты будешь свободна -- и ты, и наш ребенок». Точно так же не мог он сказать: «Может быть, мне придется убить тебя — тебя, и нашего сына, и всех нетелепатов на земле, — если начнется операция „Апокалипсис"».

Нет, он ничего не мог сказать.

Она провела мокрой рукой по лицу, откидывая волосы, и посмотрела на него мутными глазами; затем, неуверенно ступая, подошла к нему, прижалась щекой к его плечу и обняла, просунув руки ему под мышки.

— Прости, — сказала она. — Я... я сошла с ума. Тебе тоже тяжело, Джеф.

— Да.

— Мы отправим ребенка на следующей неделе, — пообещала она. — И я снова стану нормальной. Я... я *ненавижу* виски. Просто...

— Я понимаю. — Он мягко отодвинул волосы с ее мокрого лица и попытался найти слова, чтобы передать сложное сочетание любви, жалости, раскаяния, страха и боли, постоянно заполнявших его разум, когда он был со своей женой или думал о ней. Интересно, что телепаты часто бывают почти беспомощны, когда необходимо выразить оттенки чувств словами, возможно потому, что с себе подобными им не приходится пользоваться словами в таких случаях.

— Потерпи немножко, Люси, — сказал он наконец. — Приближается несчастье. Времени мало, и меня может постигнуть неудача. Я... я вернусь домой, как только смогу.

— Я знаю, дорогой. Жаль, что я не могу... ничего сделать.

Он обнял ее.

— Я привезу что-нибудь такое, что тебе понравится. Сюрприз. Еще не знаю что, но что-нибудь приятное. И знаешь, Люси, после... следующей недели — если ты говоришь серьезно, мы переедем, если хочешь. Найдем новую квартиру в Седьмой Пещере. Ты сможешь заказать новую мебель, и мы... — Он сам едва понимал, что говорит. В голове слишком перемешались иллюзии и реальность.

— Мы что-нибудь придумаем, дорогой, — сказала Люси. — Все будет хорошо.

— Ну, я пошел, — сказал Коуди.

Она кивнула.

— Я буду скучать без тебя. Возвращайся скорее.

Коуди закрыл за собой решетку лифта и прижался головой к стальной стене; плечи его устало опустились. Он сформировал в уме кодовый сигнал, необходимый для включения механизма. Какой-то погруженный в свои мысли разум отозвался откуда-то другой частью шифра, а третий мозг (кого-то, быстро проходившего мимо, опаздывавшего к обеду) выдал остальные нужные символы. Чтобы воспользоваться лифтом, требовалось одновременное воспроизведение трех мысленных образов. Это была предосторожность. Запасными выходами могли управлять только телепаты.

Он открыл наклонную дверь и оказался в хаосе мокрых листьев и острого, сладкого запаха сырых сосен и дождя. Испуганный кролик выскочил из подлеска. Коуди закрыл замаскированный вход и взглянул вверх, щурясь под падающими на его лицо дождевыми каплями. Откуда-то сверху донеслось мысленное приветствие, зажужжал мотор, из серой пелены появился темный канат. Коуди поставил ногу в стремя и опустился на плетеное сиденье, в то же мгновение ощутив начало подъема. Через единственное открытое отверстие он попал внутрь висящего над землей вертолета.

Арн Фридман не оторвался от панели управления. В этом не было необходимости. Короткий, коренастый, с серьезным и невыразительным лицом и такими же манерами, он наклонил голову в темной шапке вперед,

вглядываясь в дождь; однако его разум смог оторваться от непосредственного своего занятия настолько, чтобы поздороваться — мысленно.

На какое-то время Коуди откинулся в кресле и позволил прохладной, ничем не нарушаемой тишине открытого неба очистить его мозг. Это было не менее приятно, чем дать наконец отдых долго бывшим в напряжении мышцам. Пещера была настолько забита зажатыми в ее стенах обидами, страхами, напряжением и чувством вины, что телепату вскоре даже воздух начинал казаться тяжелым.

Фридман хотел сообщить что-то важное: Коуди краем сознания ощутил прикосновение его мысли. Он ждал, пока его пассажир хоть немного подышит свежим воздухом. Мысли Фридмана, казалось, зависли, как висел над землей вертолет, терпеливо ожидая сигнала.

Внизу уносились назад сосновые леса, колышущиеся и расплывающиеся за стеной дождя. По оконным стеклам стекала вода. Мотор приятно жужжал в прохладном воздухе. Люси. Вот уже пять лет она не видела ни дождя, ни деревьев, ни неба. И впереди у нее — целая жизнь без них, или — быстрая смерть, или — индуктор.

«Нам нужно больше времени, — прозвучала мысль Фридмана. — Если погром начнется сейчас, он быстро распространится. Я думаю, параноиды на это и рассчитывают. Они стекаются в города, где особенно велика вероятность начала бунта. Такие, например, как Американ-Ган. Джаспер Хорн там».

«С какого времени?»

«Недели три или около того. И он времени не теряет. Ты знаешь, как действуют параноиды. Читают мысли и подбрасывают провокационное словечко в подходящий момент, чтобы накалить обстановку. Вполне вероятно, что уже сейчас Хорн может вызвать бунт в Американ-Гане, если захочет».

«Не сможет, если будет мертв», — подумал Коуди с мрачным нетерпением. Он откинулся, глядя, как проплывает мимо туман, и думая об Американ-Гане. Это был игорный город. Во всяком случае, приезжали туда чаще всего для этого. Еще в городе находилась знаменитая исследовательская лаборатория и жил известный создатель изделий из пластмассы. Но в

основном люди приезжали в Американ-Ган, чтобы играть в азартные игры.

«Именно это мне и предстоит», — подумал Коуди. Он наблюдал, как под солнечными лучами понемногу высыхают капли дождя на окне рядом с ним.

Фридман высадил Коуди на окраине Американ-Гана и быстро полетел на восток. У него было собственное задание в городе Блидинг-Канзасе, находящемся за пятьсот миль отсюда. Коуди следил за вертолетом, поднимающимся в совершенно пустынное голубое небо.

Американ-Ган лежал в долине, по форме напоминавшей половину огромной тарелки, окруженной холмами: широкая, медленная река пересекала ее и служила границей. Вдалеке на берегу виднелись похожие на зубочистки фигурки людей; на воде покачивались разнообразные лодки, прозрачные пластиковые каноэ и ялики сверкали на солнце. Темные точки на зеленоватом фоне воды были, очевидно, пловцами. Со стороны реки дул жаркий ветер.

Коуди стоял на нижнем предгорье, глядя вниз на Американ-Ган. Теперь, когда он шел прямо к ясно видимой цели, его напряжение сменилось каким-то спокойствием. В городе было, пожалуй, около сотни зданий; большие почти не встречались, и все они стояли в отдалении друг от друга. Цвели деревья — точнее, цвели бы, если бы не бессильно повисшие листья, у всех, кроме тех, что росли вдоль берега реки. Быстро двигались только дети. Коуди заметил маленькую группу, устроившую пикник, — люди собрались вокруг разостланной прямоугольной белой скатерти, на которой виднелись красно-зеленые арбузы.

Мимо него не спеша протрусила маленькая белая собачонка с высунутым языком. Она окинула его скучающим, но осторожным взглядом. В ее мозгу возник смутный образ страшного зверя, чуть больше тигра, из пасти которого капала слюна. С некоторым трудом Коуди узнал в этом чудовище таксу, которой очень боялась белая собачонка.

Немного развлекшись, Коуди начал спускаться по склону к Американ-Гану. Он не спешил. Влажный,

теплый воздух вызвал приятные ощущения. Ни о чем не думая, лишь воспринимая, позволив не связанным друг с другом потокам мыслей проходить через его мозг, словно шуму морского прибоя, он двигался в полугипнотическом ритме к длинному зданию в византийском стиле, приближавшемуся с каждым шагом.

...На земле достаточно места. И, безусловно, достаточно врагов, помимо людей. Человек вел войну с тех самых пор, как стал ходить на двух ногах и освободил руки, и никогда не заключалось перемирие с самым старым его врагом — врагом, который горел в раскаленном голубом небе, прятался в форме микробной палочки, ядовитой и невидимой, в почве; который сейчас слабо колыхался в реке, но мог подняться и выйти из берегов; врагом, нападавшим на несведущего и невнимательного человека; врагом, чья древняя сила всегда билась о заслон, воздвигнутый человеческим интеллектом.

Враг и — в то же время — друг: дар богов. Без него, без физических и химических сил, которые создали этот воздух, эту воду, эту плоскую долину с ее плодородным суглинком, не было бы вообще никакой жизни. Волшебный дар — эта планета. Охраняйте ее, берегите, следите за ней — научитесь предвидеть ее действия и управлять ими, — и она будет служить вам. Забудьте о ней, сражаясь между собой, и горячее солнце, и разливы рек, и лютый холод, и быстро размножающиеся микроорганизмы займут свое место, как было всегда, когда человека не было еще и в помине. Как похоже на Бога!

Коуди уже был в небольшом парке перед длинным византийским зданием. Чахлые деревья высились над жухлыми лужайками. В мелком прямоугольном бассейне плавали золотые рыбки, они в надежде открывали рты, поднимаясь на поверхность, и снова уходили в глубину. Коуди шел мимо бассейна, и крошечные умишки рыбок были открыты для него — сознания, так же лишенные мыслей, как яркие, маленькие, спокойные огоньки миниатюрных свечей, зажигаемых в день рождения.

Он не вошел в византийского вида здания. Он и не собирался этого делать — в физическом смысле. Вместо этого он повернул к неровному ряду тумб

высотой по плечо человеку, расставленных вдоль фасада здания, и остановился у одной из них, в этот момент свободной. Несколько мужчин и женщин склонились над тумбами, глядя в окуляры. Их было немного: даже здесь, в тени, было слишком жарко.

Коуди наклонился над окуляром своей тумбы, нашарил в кармане монетку и опустил ее в прорезь. Темнота, в которую он смотрел, засветилась яркими буквами: *Радио-кобальт*. Затем появилось несколько рядов чисел. Коуди нажал первую попавшуюся кнопку, определяя свой выбор. Заработал механизм. Он смотрел в увеличенную диффузионную камеру Вильсона, в которой вспыхивали следы субатомной активности. Чуть выше изображения счетчик отмечал количество столкновений электронов. Если его выбор окажется достаточно точным, он может сорвать банк и доказать...

Ничего. Абсолютно ничего. Его мысли начали блуждать, но тут он почувствовал страстное, тревожное ожидание в разумах людей вокруг него и понял, что для большинства из них выигрыш докажет очень многое.

Ибо в основе своей эти разумы не имели никакой уверенности. Над всеми ними нависла тяжкая угроза, отбрасывающая, со времени Взрыва, тень на весь мир, вложившая в каждую руку неотразимое оружие и заставившая каждый город создать тайный склад атомных бомб. Вместо стен, разделяющих народы, теперь каждый город был окружен стеной — и каждый человек тоже. Выживание по-прежнему зависело от удачи, от слепого случая.

И поэтому игорные города вроде Американ-Гана процветали. Здесь, в казино, у игорного автомата, за рулеткой, игрой в кости и фараоном, люди могли доказать себе, что слепая богиня благоволит им и что они все еще в безопасности. Социальное ощущение неопределенности сменялось механической неопределенностью выпадания костей или поворота колеса, а личная ответственность передавалась в руки богини, которую древние греки называли Тихе и римляне — Фортуной.

Коуди ощущал, как люди проходят мимо него, входя в казино и выходя оттуда. Его чувствительному мозгу жаркий воздух казался искрящимся. Возможно,

это происходило благодаря неуклонно нараставшему напряжению, исходящему из источника, который ни один обычный человек не мог определить, но не мог и игнорировать. Коуди, однако, был известен этот источник. Джаспер Хорн провел несколько недель в Американ-Гане не просто так.

Здесь скорее, чем где бы то ни было, мог начаться погром.

И здесь, в Американ-Гане, была та сила, которая поставила беспомощного Коуди перед дилеммой, неотступно толкала его к выбору, который ни один человек не может обдумывать слишком долго, не ища какого-либо более простого ответа. Отсюда исходило то давление, которое подвело его руку к ножу, а нож — к шее. И именно здесь находился человек, который был в ответе за это.

«*Джаспер Хорн*», — думал Коуди, глядя на сверкающие полосы диффузионной камеры. Все напряженное внимание его разума сосредоточилось на этой цели. Элленби, там, в пещерах, был прав. Настоящей целью для Коуди было убить не себя, а Хорна: при этом он рисковал только собственной жизнью, не предавал свой народ, снимая с себя ответственность, бремя которой он нес ради всех них. Параноиды были врагами с самого начала. Они всегда старались помешать принятию лысок остальным человечеством. Именно они стали причиной уничтожения Секвойи и вызвали необходимость содержания пленников в пещерах. Если бы этого не случилось, он, скорее всего, никогда не встретил бы Люси, и она была бы сейчас счастливее, да и он тоже. Теперь, как бы они оба ни старались, они не смогут найти настоящего решения — ни для себя, ни для своего сына. Выхода не было. Что бы ни произошло, останутся раны, которые никогда не затянутся.

Сама земля была и врагом, и другом. Но все параноиды были только врагами, и один из них, Джаспер Хорн, находился где-то здесь, в Американ-Гане, где Джеф Коуди мог до него добраться, добраться, чтобы убить, хотя бы за то, что он и родственные ему параноиды сделали из лысок убийц.

Сверкающие полосы света в диффузионной камере погасли. Просмотровое устройство было темным. Коуди ничего не выиграл. Он бросил в прорезь еще одну

монетку и снова стал наблюдать за электронной бомбардировкой; его ум блуждал, смыкая кольцо вокруг намеченной жертвы.

Внутри византийского здания возбужденные мысли кружились, словно рулеточный круг. Это был центр сплетен Американ-Гана. То и дело Коуди улавливал образы, имеющие отношение к Хорну. Он постепенно анализировал эти мысли, улавливая их, словно направленная антенна, пока у него не начало создаваться представление о привычках Хорна. Вместе с этим прояснялось и другое — усиление воздействия на происходящие в городе события, которые ни один нетелепат не связывал с присутствием параноидов.

Никто в Американ-Гане не брился уже двадцать четыре часа. То есть некоторые брились — но очень немногие. Лыскам нечего было брить, и, конечно, были достаточно храбрые люди, не боявшиеся вызвать подозрение. В расположенных неподалеку исследовательских лабораториях движение небреющихся не получило распространения. Были и другие, хотя и мало, — и людей с чисто выбритыми подбородками часто провожали подозрительными взглядами, враждебный шепот звучал им вслед.

Так что убить Хорна было трудно вдвойне. Насилие могло стать тем действием, которое вызовет погром, — как раз то, что Коуди надеялся предотвратить, убрав параноида. Это значило, что Хорна необходимо убить наедине, самое главное — подальше от потенциальных вожаков, могущих поднять бунт. (Такие люди в Американ-Гане были — Хорн их уже нашел. Они будут теми, кто поведет за собой толпу, когда придет время.)

...он в «Последнем шансе».

Коуди поднял голову, и на мгновение его ослепили глубокая небесная синева и яркий солнечный свет. На основании собранных сведений его мозг нарисовал картину Американ-Гана. «Последний шанс» находился в северном конце города, поблизости от исследовательских лабораторий. Может быть, Хорн все еще там, может, нет, но напасть на его след не составит труда.

Коуди обогнул бассейн с золотыми рыбками, пройдя мимо крошечных мерцающих огоньков их маленьких разумов, и пошел по дороге, ведущей через город на север. Мысли его продолжали блуждать. Несколько раз он уловил мысли других лысок. С их помощью он мог бы моментально выяснить, где находится Хорн, но они не носили шлема Немых и их разумы могли быть поочередно прощупаны параноидом. А Хорн не должен быть предупрежден. Коуди потрогал тонкое переплетение волокон, спрятанное под париком. Пока на нем был шлем Немых, Хорн не мог читать его мысли.

Людей становилось больше. В знойном воздухе, словно зарницы, мягко мерцали слухи, на своем пути обрастая подкрепляющими их подробностями. Кто-то (мозг Коуди уловил шепот) прошлой ночью сорвал банк в «Золотой подкове» и ушел с двумя мешками денег. В дверях у счастливчика по неосторожности слетел парик, и все увидели его лысую голову. Да, лыски теперь сбрасывают маски и выколачивают кредиты всеми доступными им способами, готовясь к решительному часу, когда они захватят власть...

Коуди слегка ускорил шаги. Он слышал и шепот осторожных мыслей лысок из Американ-Гана. *Ситуация выходит из-под контроля.* Это известие беззвучно передавалось от одного разума к другому, от одной озабоченной группы к другой, от лысок, стоически занимающихся своим делом в окружении людей и сохраняющих невозмутимые лица, в то время как их разумы касались друг друга и соединялись на грани паники. Сегодня матери не выпускали детей из дому; наготове стояли заправленные вертолеты.

Коуди увидел над толпой сверкающую вывеску «Последнего шанса». Он продолжал путь, а его мозг пытался нащупать присутствие Хорна. И, несмотря на тревогу и напряжение, витающие повсюду в раскаленном воздухе, он осознал, что чувствует себя до странности счастливым. Впервые за много месяцев все казалось легким и простым. *Убей Хорна.* Вот и все; этого было достаточно. Его разум говорил: *Убей Хорна,* и не было никаких сомнений и неуверенности, терзавших его в последние месяцы и годы.

Перед старомодными фотоэлектрическими дверями «Последнего шанса» он остановился, пытаясь оты-

скать своего врага. Мимо него пролетали слухи, свежие, как будто никто раньше их не передавал. Тихие голоса рассказывали о цепочке грузовых вертолетов, севших на окраине города из-за утечки горючего, о мастере, который, работая рядом с грузом, нечаянно сломал планку у ящика с апельсинами. Под слоем апельсинов оказались необычного вида ружья — атомные? Три бомбы, тщательно упакованные в губчатую резину? Люди, в бессознательном состоянии отправляемые в секретную вивисекционную лабораторию лысок?

Затем Коуди показалось, будто чье-то невидимое дыхание пронеслось сквозь жаркий, неподвижный воздух.

Это была параноидная аура. Как при эпилепсии припадку предшествует неопределенное ощущение надвигающегося несчастья, так физическое приближение параноида сопровождается следующим впереди него смутным ореолом, исходящим из извращенного разума. Коуди и раньше приходилось это испытывать, но каждый раз он заново переживал какое-то чуть заметное напряжение, как будто на мгновение становился тоньше и рвался его контакт с окружающим светлым, жарким, зеленым миром.

Он медленно повернулся и перешел улицу, пробираясь между беспокойными, перешептывающимися группами небритых мужчин, под их враждебными взглядами. Впереди был маленький ресторанчик — закусочная «Крыло вертолета». Аура стала плотнее. Коуди остановился перед дверью ресторана и начал телепатическое зондирование.

Вокруг него носились слухи. Какой-то человек знал другого человека, у которого был сосед — лыска; месяц назад он потерял на дуэли три пальца, а теперь у него новые пальцы, ничуть не хуже прежних: ему пересадили их в частной лысковой больнице. (Но лыски не дерутся на дуэли — это неважно!) *Они* уже сейчас могут творить в медицине чудеса, но ты когда-нибудь видел, чтобы они это делали для нормальных людей? Кто знает, что может произойти дальше, если их вовремя не остановить?!

Полный надменности, осторожности и подозрительности разум Джаспера Хорна, находившегося в ресторане, тоже излучал свои мутные мысли — эго-

истичные, спесивые, обиженные и непреклонные. А в глубине его затуманенного мозга, словно уголек под слоем пепла, поблескивала, то пропадая, то вновь смутно проступая, неясная мысль, заставившая Коуди остановиться у входа в ресторан и неподвижно застыть в страхе, что телепат-параноид может почувствовать его присутствие.

Хорн прибыл в Американ-Ган не для того, чтобы начать погром.

Его истинная цель была гораздо страшнее. Она заключалась...

В чем?

Как раз этого Коуди не знал — пока. Перед ним промелькнула тень мысли, и этого мимолетного видения было достаточно, чтобы в его мозгу вспыхнуло яркое, отчетливое предостережение, сигнал огромной срочности и важности. Настоящая цель Хорна была глубоко спрятана. Но ее нужно непременно выяснить. В этом Коуди был абсолютно уверен.

Он отступил в сторону, прислонился к стене дома и с праздным видом огляделся вокруг; в это время его мозг из-под шлема Немого осторожно и чутко прощупывал сознание Хорна.

Спокойно... спокойно.

Параноид один сидел в кабинке в глубине ресторана. Его мысли были сознательно затуманены и подавлены. И он сосредоточился на еде, не думая о том, что, так удачно для Коуди, на какой-то момент всплыло на поверхность его разума. Пока этот образ не будет извлечен из подсознания, Коуди не может прочитать его без глубокого зондирования, которое Хорн немедленно почувствует.

Но способ все-таки был. Правильно рассчитанные намеки в любом сознании вызывают соответствующие отклики. Но эти намеки следовало вводить в мысли Хорна с чрезвычайной осторожностью, чтобы подсказки казались ему совершенно естественными, возникшими в его собственном мозге. Коуди взглянул через улицу, заполненную гудящими кучками людей, на «Последний шанс». Хорн был там полчаса тому назад. Это была хорошая подсказка. Как можно мягче он послал образ — «Последний шанс» — в разум Хорна.

И разум того слегка вздрогнул, на всякий случай прощупал мысленно окружение, ничего не нашел

(Коуди защищал шлем Немого), и тогда послышалась мысль, спровоцированная подсказкой:

«Последний шанс»... игра... но это я действительно играю с ними со всеми... их жизни... я могу убить их всех, если вовремя...

Ресторан заполнила видеомузыка, и мысленная цепочка прервалась. Хорн поднял вилку и снова принялся за еду.

Коуди подогнал ритм своей мысли к музыкальному ритму и направил Хорну послание:

Убей их всех, убей их всех, убей их всех.

Выпустить вирус. — Это был ответ Хорна на импульс, который, как он полагал, возник в его собственном мозге. — *Померанс все ближе с каждым днем, контроль за резонансом, мутация вируса, убить их всех, убить их всех, УБИТЬ ИХ ВСЕХ!*

Коуди напрягся, сопротивляясь хлынувшему от параноида потоку бешеной ярости.

Померанс, — подумал он. — *Померанс.*

Померанс в лаборатории, — подумал в ответ Хорн и сформировал сенсорный образ. Недалеко — в двух кварталах — находились исследовательские лаборатории Американ-Гана, и в них работал человек по имени Померанс, биохимик, нетелепат. Он занимался проведением некоего эксперимента, который — в случае успеха — позволил бы параноидам вывести вирус такой же смертоносный и такой же избирательный, как вирус операции «Апокалипсис».

Это и была настоящая причина пребывания Хорна в Американ-Гане. План погрома был только ширмой, маскировкой, предназначенной для введения лысок в заблуждение, пока Хорн занимался своим основным делом — следил за экспериментами Померанса, ведущими к цели — осуществление операции «Апокалипсис» самими параноидами.

Померанс, разумеется, к этому не стремился. Он был биохимиком; его целью было создание более эффективного бактериофага — но метод, которым он пользовался для этого, мог быть применен и для достижения куда более страшных целей.

Очень осторожно Коуди манипулировал разумом параноида. Он выяснил еще кое-что. Померанса может постигнуть неудача — Хорн понимал это. Но в этом случае можно спровоцировать погром. Конечно, лучше

найти и использовать вирус, убивающий людей, поскольку в погроме могут погибнуть и некоторые параноиды, но, если не найдется ничего лучшего, пусть будет погром. Условия для этого созрели. Хорн создал в Американ-Гане напряженность; он выявил потенциальных вожаков; он мог начать погром, когда пожелает, в любое время, — и это будет сигналом для остальных параноидов в других городах сделать то же самое. Всеобщий погром наверняка заставит лысок начать операцию «Апокалипсис» — так что конечный результат будет тот же. Но все-таки лучше немного выждать, совсем немного, внимательно следя за опытами Померанса. Похоже, что он совсем близок к цели.

Слишком близок, — подумал Коуди, чуть-чуть подвинувшись ко входу в ресторан. Он попусту терял время. *Убей Хорна, убей его прямо сейчас*, — говорил он себе — но все же колебался, ибо в голове телепата было еще что-то, вызывающее недоумение. Слишком прочная уверенность была воздвигнута на кривом и шатком фундаменте параноидной личности. Должна быть какая-то причина для удивительного отсутствия беспокойства.

Коуди опять прощупал его мозг, мягко вводя в него осторожные намеки-подсказки. Да, причина была. В лаборатории Померанса спрятана бомба.

Зачем?

Хорну это было известно, и Коуди незаметно извлек интересующую его информацию. Нельзя было позволить биохимику живым попасть в руки лысок. Бомба взорвется в том случае, если Хорн вызовет в своем сознании определенный набор символов, — мысль параноида быстро отдалилась от этого опасного сравнения; взорвалась бы она также в том случае, если бы мозг Хорна *перестал* мыслить.

То есть если бы Хорн умер.

Подобно системе охранной сигнализации, прекращение энерготока, излучений, непрерывно испускаемых мозгом Хорна, спящим или бодрствующим, разомкнет цепь и включит сигнал тревоги; бомба взорвется, и Померанс погибнет. Коуди совершенно отчетливо увидел, где находится бомба, в возникшем у Хорна мысленном образе лаборатории.

Итак, если он убьет Хорна, Померанс тоже умрет. Но почему это так важно для параноида?

Коуди продолжал зондирование и вдруг понял, почему.

В центре исследований Померанса находилось применение резонансного дифференциала к нуклеопротеинам, являющимся вирусами. Однако существовали и другие виды нуклепротеинов в человеческом мозге. Если эксперименты Померанса увенчаются успехом, это будет означать...

Это будет означать, что телепатию можно возбудить и в нетелепате!

Это было решение проблемы индуктора, ответ, который мог наконец объединить расколотый мир. В руках параноидов открытие Померанса могло уничтожить всех людей. В руках лысок оно могло сделать человечество единым целым. Оно могло...

Внезапно Коуди осознал, что Хорн обнаружил его присутствие.

В тот же момент Хорн начал воспроизводить в своем уме уравнение, которое должно было взорвать бомбу в лаборатории Померанса. Коуди мысленно заглянул в будущее. Он мог убить Хорна прежде, чем тот закончит создание смертоносного образа, но, если он это сделает, смерть параноида так же верно приведет к взрыву. Померанс умрет — а этого ни в коем случае нельзя допустить. От деятельности биохимика зависело больше, чем просто жизнь.

Был только один способ прервать мысли Хорна. В ходе зондирования Коуди многое узнал об этой гордой, непреклонной, неуверенной личности. Ему теперь было о нем известно больше, чем самому Хорну. И он обнаружил один важный пункт. Хорн не страдал психозом, он не потерял ощущения реальности, однако у него, подобно многим параноидам, наблюдались психопатологические симптомы, один из которых представлял собой сильную предрасположенность к тому, что Элленби назвал бы гипногогическими галлюцинациями, — живым сенсорным образам, возникающим в дремотном состоянии перед самым засыпанием. И такие галлюцинации могли быть легко вызваны при помощи гипноза.

Коуди нужно было лишь убедить Хорна, что у него возникли кратковременные галлюцинации. Убедить в этом и еще кое в чем... еще очень много в чем.

По крайней мере, Коуди хорошо представлял себе, какие формы такая образность должна принять у параноида, страдающего маниями преследования и величия. Поэтому Коуди внушил мысль, что он, представитель лысок, явился к Хорну, чтобы предложить примирение, заключить пакт с параноидами против обычных людей, — яркие фантазии с осуществлением желаний как раз такого типа должны были быть хорошо знакомы Хорну. Одновременно с этим он вызвал мысленный образ Джаспера Хорна и дал Хорну его увидеть.

Это видение было достаточно естественным, даже в рамках галлюцинации. Когда вы общаетесь с другим, в вашем уме выстраивается его образ — не только в зрительных измерениях, но и во многих других. Ваше представление о его эмоциональных особенностях, воспоминаниях, мыслях, сложный образ всей его личности, как вы ее воспринимаете, вызываются в качестве субъективного коррелята всего объективного человека, с которым вы общаетесь. Ярким огнем пылал этот сатанинский образ между встретившимися разумами — ослепительно живой и ясный, такой, каким мутный ум параноида никогда его не видел.

Древним грекам ведомо было значение механизма отождествления — они придумали историю Нарцисса. И Джаспер Хорн, способный отождествить себя лишь с самим собой или с богом в его облике, клюнул на приманку. Самовлюбленность параноида отразилась в этом «я»-образе, была отражена снова, и еще раз, и так до бесконечности; Коуди в это время осторожно обследовал и прощупывал его мысли, ожидая первых признаков ослабления сознания.

Наконец Хорн прервал свое мысленное выстраивание образа, который должен был уничтожить Померанса. Однако параноид был в чем-то не уверен, колебался: его понимание реальности подсказывало ему, что лыски не могут, не станут посылать эмиссара с согласием капитулировать; следовательно, его чувства, предупредившие его о присутствии Коуди, обманули его. Такие штуки были Хорну знакомы. Поэ-

тому он мог принять — условно — гипотезу о том, что чувства подвели его.

Очень, очень осторожно, по-прежнему поддерживая этот сверкающий «я»-образ Джаспера Хорна — он был, как блестящая наживка на крючке, — Коуди стал подбрасывать сомневающемуся уму мысли-подсказки. Сперва это были явно истинные мысли, истинные, во всяком случае, с точки зрения параноидной системы понятий. Это были приятные, успокаивающие мысли. Умиротворенный, Хорн рассматривал образ своего «я» — он сам часто вызывал его и прежде, но никогда еще он не казался таким ясным и ослепительно ярким. Нарцисс любовался своим отражением в чистом, глубоком источнике разума Коуди.

Понемногу, сидя в одиночестве в ресторанной кабинке, Хорн позволил своей бдительности несколько ослабнуть, и неуловимый натиск Коуди передвинулся в новую область. Мысли, которые он теперь посылал, были не совсем истинными, но все же недостаточно ложными, чтобы встревожить параноида, считавшего их своими собственными.

У меня и прежде бывали такие галлюцинации. Обычно перед самым засыпанием. Я их вижу сейчас. Выходит, я засыпаю. Мне хочется спать. Веки кажутся тяжелыми...

Монотонные, убаюкивающие мысли начали поглощать сознание Хорна. Гипноз постепенно усиливался. Нарцисс любовался Нарциссом...

Спи, спи, — шептал разум Коуди. — *Ты не проснешься, пока я не дам команду. Ничто другое тебя не разбудит. Спи крепко... спи.*

Параноид спал.

Коуди бросился бежать по улице со всей скоростью, на какую был способен. Никто из лысок в Американ-Гане не был ближе него к лаборатории, и если Померанс будет спасен, то только благодаря действиям самого Коуди. А он вполне может потерпеть неудачу. Джаспер Хорн сидел в гипнотическом сне в ресторане, полном народу, и в любой момент кто-нибудь мог заговорить с ним или встряхнуть, приводя в сознание. Гипноз не был глубоким. Он мог

продержаться, но мог и прерваться в любую минуту. Несмотря на заключительное внушение, сделанное Коуди параноиду, разбудить его мог любой, и без всякого труда.

Коуди бежал. Допустим, ему удастся увести Померанса из лаборатории вовремя. Успеет ли он вернуться в ресторан прежде, чем Хорн проснется?

«Нет, — думал Коуди, — гипноз недостаточно глубок. Будет чудом, если Хорн останется в этом состоянии больше нескольких минут. Сейчас важнее спасти Померанса, уже это будет немалым чудом.

Но, как только Хорн поймет, что произошло, он не станет ждать. И начнется погром. Здесь, в Американ-Гане, все готово — Хорн заложил динамит, и ему остается всего лишь воспользоваться детонатором. Ладно. Я не могу быть уверен, что то, что я делаю, — правильно. Думаю, что так. Но я не могу быть уверен. Если я спасу Померанса, Хорн вполне может начать погром прежде, чем я смогу вернуться и убить его. Но я не могу позволить Померансу умереть: он способен решить проблему индуктора».

Быстрее!

Он побежал к группе длинных, приземистых строений. Дорогу Коуди знал: видел ее в уме Хорна. Он подбежал к одному из зданий, распахнул дверь и оказался в лаборатории.

Изможденный седой человек в перепачканном халате обернулся и уставился на него. Это был Померанс: телепаты узнают людей безошибочно. Коуди знал, что перед ним Померанс, но он почувствовал также, как в двух кварталах от него, в «Крыле вертолета», Джаспер Хорн пошевелился, проснулся и, встревоженный, немедленно начал прощупывать мозг Померанса.

Коуди уже мчался через длинное помещение лаборатории. Позади Померанса всю стену занимали окна, за которыми виднелись жаркое солнце, голубое небо и иссохшая бурая трава. Если успеть добраться до окон...

Коуди показалось, что он пересек комнату за какую-то долю секунды, не затратив времени совсем, но он ощущал и другое, тянущееся мучительно долго время — в котором он чувствовал мысль параноида, выстраивающую уравнение, которое включит меха-

низм бомбы. Уравнение было уже закончено. Время должно было вот-вот остановиться навсегда, вспыхнув мгновением смерти.

Но все же было еще какое-то мгновение. Коуди послал обращение без слов, призыв, набатным колоколом прозвучавший в голове каждого лыски в Американ-Гане. В тот же миг он оказался рядом с Померансом, подхватил его и, не останавливаясь, с разгону бросился к окну. Вздыбился пол под ногами, и рванулся наружу поток воздуха перед первой беззвучной волной сжатия, двигающейся впереди взрыва.

Перед ним выросло огромное окно, высокое, сверкающее, состоящее из маленьких стекол. Коуди налетел на него плечом, почувствовал, как бьется стекло и трещит дерево, но звука не услышал из-за страшного, оглушительного грохота взрыва.

Вокруг него вспыхнула ослепительная белизна, а за разбивающимся стеклом перед ним открывалась бездна.

Вместе с Померансом они летели сквозь горячий, сухой воздух и темноту — темноту, наступившую при пылающем солнце; они падали, кувыркаясь, а вокруг них дождем сыпались осколки, и бесконечно продолжался рев взрыва...

Перед закусочной «Крыло вертолета» подрались двое прохожих. Джаспер Хорн, стоявший в окружившей их толпе, сказал что-то — едва слышно. Кто-то повторил его слова, уже громче. (Это была провокационная фраза — она так же верно должна была пробудить в человеке агрессивность, как уравнение вызвало взрыв бомбы.) В тот же миг кинжал был вытащен из ножен, и внутри шумного кольца зевак началась настоящая дуэль. Победителем вышел человек с заросшим щетиной лицом, волосатой грудью и наполовину лысой головой. Ножом он действовал весьма искусно и уверенно. «Слишком уверенно», — сказал Джаспер Хорн громким шепотом. Перешептывания пошли по всему кольцу зрителей. Каждый сумеет победить на дуэли, если может читать мысли противника. Если *они* умеют выращивать новые пальцы, то, возможно, они могут и волосы отрастить.

Джаспер Хорн опять сказал что-то — именно то, что требовалось, — потенциальному вожаку линчевателей, стоявшему рядом с ним.

Тот сдвинул брови, выругался и шагнул вперед. Находясь за спиной победителя, вкладывавшего кинжал обратно в ножны, он ловко свалил его с ног подножкой. Крутясь, отлетел на тротуар нож. Лысый еще не успел упасть, как на него набросились трое. Двое держали его, а третий потянул за волосы, окружавшие облысевшую макушку; они были настоящие. Подвергшийся нападению взревел от ярости и неожиданно оказал такое сильное сопротивление, что четверо или пятеро из стоявших поблизости отлетели в сторону. У одного из них свалился парик...

Это не было ни сном, ни бодрствованием. Это была Неопределенность. Он плыл во чреве не-себя; это была единственная возможность уединения для телепата, и у него было лишь одно желание — оставаться там вечно. Но он был телепатом. Он не мог врать даже в собственных стремительно мелькавших тайных мыслях, ибо его разум был полностью открыт — во всяком случае для тех, кто, как и он, носил шлемы Немых.

Тем не менее просыпаться было тяжело. Трудно было заставить себя по своей собственной воле наклониться и снова взвалить на себя бремя старых и новых забот. Если бы его жизнь могла идти так, как он прожил последнюю сохранившуюся в его памяти минуту, без нерешительности и неуверенности, с одной лишь совершенно определенной необходимостью физического действия (*Жив ли Померанс?* — возник откуда-то вопрос в его пробуждающемся разуме), тогда было бы действительно легко оставить эту теплую, сумрачную тишину, где ощущался бесконечный покой, не было даже снов (*но как Померанс?*).

И, как всегда при мысли о других, что-то собралось в Коуди с силами и поднялось с усталым упорством. Он мгновенно сориентировался. Ему не было необходимости полагаться лишь на свои спутанные сном чувства. По всем пещерам, и над ним, в зависших в вышине вертолетах, — повсюду разливалось беспокойное и недоуменное ощущение безотлагательности

и тревожного движения, и в каждом разуме, независимо от того, какие мысли занимали его поверхностные слои, билась одна и та же мысль.

Мысль эта была — *погром.*

Коуди задал вопрос: *Не следовало ли мне убить Хорна, вместо того, чтобы пытаться спасти Померанса?* Но он не стал ждать ответа. В конце концов, это было его собственное решение. Он открыл глаза (уже зная, на какой больничной койке и в каком секторе пещер лежит) и увидел над собой круглое, румяное лицо Элленби.

«Померанс?» — спросил Коуди.

«Жив, — мысленно ответил психолог. — Кое-кто из лысок Американ-Гана оказался рядом с тобой сразу после взрыва. Им пришлось действовать быстро. Хорн начал погром. Но у них был наготове быстрый вертолет, а по пути они оказали тебе и Померансу первую помощь. Это было два дня назад».

«Два дня?»

«Померанс был без сознания всего несколько часов. А тебя мы держали в бессознательном состоянии вплоть до этого момента: тебе это было необходимо. Думаю, однако, что ты будешь жить, — если тебя это волнует».

«Сколько всем нам осталось жить?» — мысленно прошептал Коуди.

«Вставай и одевайся, — приказал Элленби. — Работы много. Вот твоя одежда. Сколько нам осталось? Не знаю. Погром буйствует два дня. Параноиды все очень ловко спланировали. На этот раз, Джеф, похоже на всеобщий погром. Но у нас есть Померанс. И, полагаю, у нас есть индуктор».

«Но Померанс — не один из нас».

«Однако он с нами. Не все люди против лысок, слава Богу. Как только Померанс разобрался в ситуации, он добровольно предложил помочь, чем сможет. Так что пошли. Мы собираемся опробовать индуктор. Я хочу, чтобы ты был там. Можешь идти?»

Коуди кивнул. Двигаться было трудно, он очень ослаб, во многих местах, под наложенными при помощи пульверизатора пластиковыми повязками, чувствовалась то острая, то ноющая боль; и все же приятно было встать и идти своими ногами. Он последовал за Элленби; они вышли в коридор, и он

ощутил, как вокруг повсюду кипят тревожные, настойчивые мысли. Коуди вспомнил Люси. *Не все люди — против лысок.* «И не все лыски — против людей», — добавил он, думая о том, что сделали с людьми вроде Люси, обреченными на пожизненное заключение в пещерах.

«Она будет там, в лаборатории, — сообщил ему Элленби. — Она вызвалась быть одной из подопытных. Мы в срочном порядке перестроили индуктор в соответствии с теорией Померанса — во всяком случае, мы взяли ее за основу и пошли дальше, все наши ученые до единого. Поработать пришлось изрядно. Надеюсь...» — В голове Элленби промелькнула и была им подавлена мысль о погроме.

Я найду время, Кассий, — подумал Коуди, — *я найду время.*

«Да, — согласился психолог. — Но позже, Джеф. Позже. В настоящий момент наша цель — индуктор. Ничего другого. Ты ведь не думал о Джаспере Хорне после того, как проснулся, так?»

Коуди осознал, что, действительно, практически не думал о нем. Теперь, когда он вспомнил о Хорне, предводитель параноидов предстал перед его мысленным взором как нечто отдаленное и обезличенное, движущаяся фигура в сложном комплексе действий, а не как эмоционально заряженный объект его ненависти.

«Кажется, я не чувствую необходимости убивать его, — согласился Коуди. — Он уже не имеет по-настоящему большого значения. Худшее, что он мог сделать, это начать погром, и он сделал это. Я бы убил его, если бы подвернулась возможность, но теперь по другой причине. — Он взглянул на Элленби. — Сработает ли индуктор?»

«Именно это мы и собираемся выяснить. Но он должен... обязан». — Элленби открыл дверь в стене коридора. Вслед за психологом Коуди вошел в одну из пещер, оборудованную под экспериментальную лабораторию.

В пещере происходило очень многое, но внешние чувственные впечатления не отвлекали Коуди — он сразу же повернулся в ту сторону, где, с ребенком на руках, стояла Люси. Быстро подойдя к ней, он начал было прощупывать ее мозг, но тут же остано-

вился. Возможно, в нем таилось слишком много такого, о чем он не хотел бы знать — ни сейчас, ни вообще когда-либо.

— Эти повязки ничего не значат, — сказал Коуди. — Я чувствую себя отлично.

— Мне об этом сказали, — ответила Люси. — В кои-то веки я была рада телепатии. Я знаю, что они действительно могут сказать, все ли у тебя в порядке, — даже если ты без сознания.

Он обнял ее и взглянул на спящего младенца.

— Глядя на тебя, я ровным счетом ничего не могла сказать, — продолжала Люси. — Я не знала: может быть, ты умер. И так было здорово, что Элленби и другие могли заглянуть в твой мозг и убедиться, что с тобой все в порядке. Я хотела как-нибудь помочь, но не знала, чем. Кроме... этого. Элленби сказал, что ему нужны добровольцы для экспериментов с индуктором. И я вызвалась. Хотя бы этим я *могу* помочь — и хочу.

Итак, Люси теперь было известно об индукторе. Что ж, время и необходимость секретности миновали. Больше не имело значения, насколько много или насколько мало знали пленники пещер. Теперь, когда начался погром, это было неважно.

— На этот раз всеобщий погром, да? — спросила она, и на секунду он почувствовал удивление *(телепатия?)*, прежде чем сообразил, что Люси просто реагирует на подсказки, понятные ей благодаря долгому знакомству с его манерой поведения. У всех женатых пар бывали проблески этого вида псевдотелепатии, если между ними существовало искреннее взаимное понимание. И, несмотря ни на что, такое взаимопонимание существовало. Странно было сознавать это сейчас, быть уверенным в нем и испытывать восторг, когда, возможно, оставалось так мало времени. Погром мог уничтожить все, несмотря на Индуктор.

— Люси, — сказал Коуди, — если будет неудача... Мы позаботимся, чтобы ты благополучно выбралась из пещер, назад, домой...

Она посмотрела на ребенка, затем отвернулась от Коуди. И, как случается со многими мужчинами, он неожиданно осознал, что никогда — даже со своими

телепатическими способностями — не сможет по-настоящему понять реакции женщин — даже Люси.

— Вы уже готовы? — обратилась она к Элленби.

— Думаю, да, — ответил тот. — Дай кому-нибудь подержать ребенка.

Она вновь повернулась к Коуди, улыбнулась ему и передала малыша в его руки. Затем она подошла за Элленби к изолированному креслу, временно оснащенному переплетениями проводов, соединенных со сложной панелью управления.

В уме ребенка горел маленький огонек — вроде тех, которые Коуди видел у золотых рыбок в прудике. Но между ними была огромная разница. Он не мог точно сказать, в чем тут дело, но он не чувствовал ни жалости, ни страха, когда прощупывал сверкающие умишки рыбок. В уме его ребенка — его и Люси — маленький огонек горел с увер ностью, забавной для такого крохотного, беспомощного существа; тем не менее любой, самый маленький, раздражитель — укачивающие движения рук Коуди, легкие сокращения мышц голодного желудка ребенка — заставлял нежный язычок пламени трепетать и менять направление, прежде чем огонек возвращался к своему прежнему, устойчивому горению. «Столько разных вещей будет колебать это пламя — даже в лучшем из всех миров, но, — подумал он с неожиданной ясностью, — личность ребенка закалится в этом пламени и обретет силу».

Коуди взглянул в сторону Люси. Она уже сидела в кресле, и к ее вискам и основанию черепа прикрепляли электроды. Возле нее, мешая экспериментаторам, суетился худой человек с седыми волосами, в котором он узнал Померанса. В его уме Коуди ощутил легкое раздражение, которое тот очень старался подавить. *Это наложение, это соединение — не понимаю, как они укладываются в теорию. О Господи, если б только я был телепатом! Но, если индуктор заработает, я смогу им стать. Так, а как же эта схема расположения вписывается в...* — дальше его мысли переключились на индуктивные абстракции: биохимик пытался разобраться в проблеме.

Пещерная лаборатория была переполнена. Здесь были ученые-Немые, было и десятка два пленников из пещер. «Добровольцы», — с теплым чувством по-

думал Коуди. Несмотря ни на что, они, как и Люси, хотели помочь.

Испытание началось. Люси расслабилась в кресле, ее нервные мысли сосредоточились на давлении закрепленных у нее на голове электродов. Разум Коуди отступил от ее мозга. Он тоже нервничал. Мысленно оглядывая собравшихся, он нашел восприимчивый ум и узнал Элленби.

«Допустим, индуктор будет работать, — без слов произнес Коуди. — Как это остановит погром?»

«Мы предложим телепатию всем, — ответил ему Элленби. — У нас готова видеопередача, которая может быть показана одновременно на всех экранах всех городов. Думаю, даже толпа линчевателей остановилась бы послушать, если бы им предложили телепатию».

«Не уверен».

«Кроме того, очень многие люди — на нашей стороне, как Померанс. У нас есть...» — Мысль прервалась.

Что-то происходило с разумом Люси. Словно волна или поток чего-то не поддающегося объяснению, как абстрактная музыка, затопила мысли Люси, когда стали изменяться нуклеопротеины ее мозга. *Она становится телепатом, одной из нас,* — подумал Коуди.

— Отключить энергию! — неожиданно сказал Элленби. Он наклонился вперед и снял электроды. — Теперь, Люси, подожди минутку. — Он замолчал, но его мысль настоятельно звучала в тишине:

Пошевели своей правой рукой, Люси. Пошевели своей правой рукой.

Ни один из лысок не смотрел на руки Люси: не должно было быть никаких бессознательных сигналов.

Люси не двигалась. Ее разум, открытый для Коуди, внезапно и пугающе напомнил ему окруженный заслонами мозг Джаспера Хорна. Он не знал, почему, но у него возникло легкое ощущение страха.

Пошевели своей правой рукой.

Никакого отклика.

Попробуй другую команду, — предложил кто-то. — *Люси — встань. Встань.*

Люси не двигалась.

Может, нужно время, — в отчаянии предположил один из лысок. — *Может, ей нужно время, чтобы научиться...*

Возможно, — подумал Элленби. — *Но лучше попробовать другого добровольца.*

— Ладно, Люси, — сказал Коуди. — Иди сюда ко мне. Мы собираемся попробовать еще кого-нибудь.

— Не получилось? — спросила она. Затем подошла, пристально глядя ему в глаза, словно стараясь насильно установить взаимодействие между его умом и своим.

— Мы не можем пока сказать, — ответил Коуди. — Смотри, там Джун.

Теперь в кресле сидела Джун Бартон. Она слегка вздрагивала, когда на ее голове закрепляли электроды.

В мозгу Коуди зашевелилась беспокойная мысль — она не приходила ему в голову после того, как он проснулся. Если с индуктором ничего не выйдет, он снова окажется перед проблемой, той же старой проблемой, которую он не мог разрешить. Перед дилеммой, заставившей его отправиться убивать Джаспера Хорна. На нем вновь будет лежать ответственность, слишком большая, чтобы человек, по прошествии недолгого времени, мог нести ее в одиночку. Операция «Апокалипсис». *Конец всего живого...*

Коуди поспешно удалил эту мысль из своего сознания. Крепко обняв Люси одной рукой, испытывая чувство паники, он мысленно обратился к окружающим. *(Придется ли ему убить ее — ее и их ребенка? До этого может не дойти. Не думай об этом!)* Он искал какое-нибудь понятие, достаточно сложное, чтобы отвлечь мысли от навязчивого ужаса. *Индуктор,* — спросил он наобум. *В чем заключается теория? Как он работает?*

Один из разумов с благодарностью ухватился за вопрос. Это был Кунаши, физик. Из-под шлема Немого исходили быстрые и ясные мысли, которые, однако, не могли целиком скрыть охватившее и его волнение. Ведь Кунаши тоже был женат на обычной женщине.

«Ты помнишь, когда мы дали компьютеру задание решить нашу проблему? — (С головы Джун Бартон уже откреплялись электроды.) — Мы собрали все сведения, какие могли, чтобы ввести в машину. Мы повсюду читали умы людей-ученых и кодировали все

данные, которые могли иметь к проблеме хоть какое-то отношение. Так вот, часть сведений была получена из мозга Померанса, больше года назад. Тогда он еще не слишком продвинулся в разработке своей теории, но основополагающие идеи были сформулированы — гипотеза о резонансной мутации нуклеопротеинов. Компьютер объединил ее с остальными данными и выдал самый простой ответ — вирус. У него было недостаточно информации, чтобы довести теорию до индуктора, хотя обе идеи имеют одну основу — резонанс».

(Новый доброволец садился в кресло. Прикреплялись электроды. Коуди чувствовал нарастающие в каждом уме тревогу и разочарование.)

«Померанс — биохимик, — упорно продолжал Кунаши. — Он работал с вирусом „А" комариного энцефалита, пытаясь видоизменить его до избирательного бактериофага. — Мысль на мгновение прервалась, потом начала развиваться дальше: — Воспроизведение вируса — или гена — зависит от высокого внутреннего резонанса: это нуклеопротеин. Теоретически все что угодно в конце концов может превратиться во что угодно другое. Однако физическая вероятность такого изменения зависит от относительного резонанса показателя двух состояний — высокого, например, для аминокислот-протеиновой цепочки, и двух состояний бензольного кольца».

(В кресло усаживалась жена Кунаши.)

«Изменение, воспроизведение также связано с высокой специфичностью имеющих к этому отношение химических веществ. По этой причине телепаты обладают иммунитетом к вирусу операции „Апокалипсис", что бы он собой ни представлял. И... и специфичность может варьировать не только от вида к виду, но и внутри вида. Наш иммунитет — врожденный. *(Сработает? Сработает?)* Нуклеопротеин вируса операции „Апокалипсис" должен иметь сильное влечение к определенным высокорезонансным частицам в центральной нервной системе нетелепатического мозга.

Это влечение зависит от резонансного дифференциала — и опыты Померанса были направлены на отыскание пути изменения этого дифференциала. Такой метод сделал бы возможной мутацию вирусных штаммов с высокой предсказуемостью и под контро-

лем. И он также может быть использован для индуцирования телепатии. Телепатия зависит от высокого резонанса нуклеопротеинов в мозговых информационных центрах, и, при помощи искусственного повышения специфичности, телепатическая функция может быть возбуждена в... в...»

Поток мысли прекратился. Жена Кунаши вставала с экспериментального кресла, и мозг физика затуманился сомнением, страданием и безнадежностью. Мысли Коуди соединились с мыслями Кунаши; он направил тому теплое одобрение — не разумную надежду: у него самого ее почти не осталось, — а глубокое эмоциональное понимание и сочувствие. Это вроде бы немножко помогло. И самому Коуди тоже. Он видел, как жена Кунаши быстрыми шагами подошла к нему они взялись за руки и теперь стояли в ожидании.

— Я хочу попробовать еще раз, — вдруг сказала Люси.

— Ты что, чувствуешь... — начал было Коуди, но тут же понял, что никакого изменения не произошло. Ее ум был все так же окружен стеной.

Тем не менее Элленби кивнул из другого конца комнаты.

— Попробовать стоит, — сказал он. — Сделаем на этот раз со включенной энергией. Резонансный эффект должен сохраняться в течение нескольких минут после отсоединения электродов, но будем действовать наверняка. — Коуди снова взял ребенка, Люси устраивалась в кресле. — В идеале, все эти приспособления будут заключаться в маленьком источнике питания, его можно будет носить и использовать постоянно... Все в порядке, Люси? Включить подачу энергии.

Вновь мозг за мозгом пробовали коснуться разума Люси. Снова Коуди ощутил в нем, как еще раньше ощущал в разумах и других подопытных, этот странный заслон, напоминавший ему о Джаспере Хорне. Но Люси не была параноидной!

И все же мозг ее не раскрылся. Стало быть, это была неудача — не механическая, поскольку гипотеза Померанса была проверена всеми способами, кроме этой заключительной экспериментальной проверки. Тем не менее без этого последнего доказательства неистовство погрома не остановить, он будет шириться, неся уничтожение.

«Она не параноидная!» — подумал Коуди. Ребенок пошевелился в его руках. Он прощупал его теплый, бесформенный разум и не почувствовал в нем ничего, что хоть как-то напомнило бы ему о Джаспере Хорне.

«Ребенок, — долетела до него неожиданная мысль Элленби. — *Надо попробовать на ребенке».*

На психолога посыпались мысленные вопросы, на которые тот не отвечал. Он не знал ответов. У него было предчувствие, вот и все.

Пробовать на ребенке.

Элленби вырубил энергию и снял электроды с головы Люси. На кресло, с которого она только что встала, бережно уложили ребенка, укутанного одеялами. Осторожно закрепили электроды. Малыш спал.

Включить энергию, — приказал Элленби.

Его мысли потянулись к ребенку.

Ребенок продолжал спать.

...Поражение, окончательное поражение. Коуди знал это. Все-таки между телепатами и нетелепатами были коренные различия. Эту стенку никогда не удастся сломать. Никакого перемирия не будет. Погром невозможно остановить.

Параноиды оказались правы. Телепаты не могут существовать рядом с нетелепатами.

Внезапно в мозгу Коуди сверкнула вспышка и раздался грохот взрывающейся бомбы, ослепляющий громовой удар, которому предстояло поглотить теперь весь мир...

Ребенок в кресле зашевелился, открыл глаза, рот и закричал.

В мягком, плавающем тумане его разума возникли бесформенные очертания страха: внезапная вспышка, и рев, и собственное воспоминание Коуди о беспомощном падении через пространство — самые древние страхи из всех, единственные страхи, являющиеся врожденными.

Впервые в истории была индуцирована телепатия.

Коуди в одиночестве сидел за пультом управления электронно-вычислительной машины. Времени уже не было совсем. С минуты на минуту должна была начаться экстренная телепередача — последний призыв ко всем обычным людям. Им будет предложен индук-

тор — условно. Ибо они не смогут им воспользоваться, только их дети.

Если они будут готовы принять индуктор и прекратить погром, лыски узнают об этом очень быстро: самые потаенные мысли обычных людей не могут быть спрятаны от телепатов.

Но если они не примут предложение, лыски будут знать и об этом, и тогда Коуди придется нажать некую кнопку на панели перед ним. И начнется операция «Апокалипсис». Через шесть часов вирус будет готов. Через одну-две недели девяносто процентов населения земли будут мертвы или при смерти. Погром может продолжаться до самого конца, но телепаты имеют возможность спрятаться, и прятаться слишком долго им не придется. Решать предстояло людям.

Коуди почувствовал, как в комнату вошел Элленби.

«Что ты думаешь?» — спросил он.

«Я не знаю. Это зависит от эготизма, тоже параноии в каком-то смысле. Возможно, человек научился быть общественным животным; возможно, нет. Скоро узнаем».

«Да. Скоро. Это конец — конец того, что началось со Взрывом».

«Нет, — сказал Элленби, — это началось задолго до него. Это началось, когда люди впервые стали жить группами, и группы начали расширяться. Но прежде чем произошло какое-то окончательное объединение, случился Взрыв. Дальше была децентрализация, и это было неверное решение. Она вела к окончательному разъединению и контролю через страх. Она сделала стены между людьми выше, чем когда-либо. Агрессия теперь карается очень строго, а в подозрительном, тревожном, децентрализованном мире — уйма агрессии, готовой прорваться. Однако она подавляется сознанием — криминальным сознанием управляемого страхом общества, с детства заложенным в каждом человеке. Вот почему ни один взрослый нетелепат нашего времени не может воспринимать мысли, не может Люси, не могут другие».

«Она... никогда не сможет?»

«Никогда, — тихо подтвердил Элленби. — Это функциональная истерическая глухота — телепати-

ческая глухота. Нетелепаты не знают, что думают другие люди, но им кажется, что они знают. И они боятся этого. Они приписывают другим свою подавляемую агрессивность; бессознательно они считают всех других потенциальными врагами — и поэтому не осмеливаются стать телепатами. Они могут хотеть этого сознательно, но в подсознании у них слишком много страха».

«Однако дети...»

«Если они достаточно маленькие, они могут стать телепатами, Джеф, как твой ребенок. Его сверх-я еще не сформировалось. Он может узнавать новое, и узнавать реально — все умы для него открыты, он будет расти и учиться, не запертый ни в каких стенах».

Коуди вспомнились слова одного поэта из прошлого: *Что-то есть такое, что не любит стен.* Слишком много стен выстраивалось, в течение слишком долгого времени, стен, отделявших человека от его соседа. В младенчестве, может быть, в раннем детстве каждый был способен воспринимать телепатические мысли благодаря индуктору. В младенчестве ум ребенка был цельным, здоровым и полным, способным научиться как речевому, так и мысленному общению. Но скоро, фатально скоро, вместе с ростом и обучением ребенка вокруг него вырастали стены.

Потом человек взбирался на свою стену и сидел на ней, как Шалтай-Болтай; и как-то, где-то, в долгом процессе взросления и познания разум портился навсегда. Это было падение — не только Шалтая-Болтая, а вечное падение самого человека. А потом...

Вся королевская конница, вся королевская рать не могут Шалтая-Болтая собрать.

Для Люси это было безвозвратно поздно.

«Как насчет параноидов? — спросил чуть погодя Коуди. — Они были телепатами в детстве. Что случилось с ними?»

Элленби покачал головой.

«На этот вопрос, Джеф, я не знаю ответа. Может быть, это наследственная дисфункция. Но они теперь не имеют значения: они являются меньшинством среди телепатов — очень незначительным меньшинством. Они были опасны только потому, что мы были

меньшинством среди нетелепатов, и легко могли превратиться в козлов отпущения. Этого не будет, если...»

«Как насчет секретного волнового диапазона?»

«Можно сделать так, что индуктор будет способен настраиваться на волну любой длины, излучаемой человеческим мозгом. Никаких стен больше не будет».

«Если наше предложение будет принято. Если нет... если погром будет продолжаться... тогда на мне по-прежнему лежит ответственность за операцию „Апокалипсис"».

«Разве это твоя ответственность? — спросил Элленби. — Даже наша ли это ответственность? Нетелепаты сами сделают выбор».

«Передача начинается, — сказал Коуди. — Интересно, многие ли ее прослушают».

Толпа, волной катившаяся через город Истердэй под тайным управлением параноида, вихрем закружилась перед большим домом с широкой террасой. При виде нескольких мужчин, стоявших в ожидании на террасе, толпа разразилась криками. Параноид, однако, был в нерешительности.

Зато мужчина рядом с ним не колебался, — он с ревом бросился вперед. Раздался резкий треск, и под его ногами взметнулась пыль.

— У них есть оружие! — закричал кто-то.

— *Взять их!*

— Линчевать!

Толпа подалась вперед. Снова щелкнула винтовка.

Предводитель толпы — не параноид, а номинальный вожак — выругался и упал на землю, обхватив руками ногу.

На веранде выступил вперед человек.

— Убирайтесь отсюда, — решительно сказал он. — Убирайтесь — быстро.

Предводитель смотрел на него в изумлении.

— Док! — произнес он. — Ты же не лыска. Какого черта ты здесь делаешь?

Доктор медленно покачивал винтовкой.

— Среди нас здесь много нелысок, — ответил он, оглядев стоявших молча людей. Тут были представители нескольких рас, но в настоящий момент это не интересовало толпу. Линчеватели старались разгля-

деть на крыльце людей, которые, как они знали, были лысками; оказалось, что каждый из них окружен вооруженными нетелепатами, выжидающими с холодной решимостью.

Однако их было не так много, этих защитников.

Это пришло в голову и предводителю. Он поднялся, разглядывая свою легкую рану на икре, и бросил взгляд через плечо.

— Мы можем взять их! — крикнул он. — Нас десять против одного. Пойдем и убьем их всех!

Он повел толпу за собой.

Он умер первым. На террасе низенький человечек в очках и со щетинистыми усами вздрогнул и на мгновение опустил ружье. Но он не сдвинулся со своего места, оставаясь в ряду решительно настроенных людей.

Толпа отхлынула.

Последовала долгая пауза.

— Сколько, по-твоему, времени вы сможете нас сдерживать, док? — выкрикнул кто-то.

Убитый лежал на земле между двумя группами.

Воздух колыхался от зноя. Солнце незаметно двигалось к западу. Толпа сдвинулась теснее, — плотная, готовая к убийству масса выжидала, стоя в солнечном свете.

Вдруг внутри дома зажегся телеэкран и раздался голос Элленби, обращающегося ко всему миру.

Видеопередача закончилась.

Разумы лысок были заняты прощупыванием, выяснением, поисками ответа в разумах, которые не могли скрыть от них свои истинные желания. Это был опрос, гарантировавший достоверность результатов. И через несколько минут опрос будет закончен. Будет дан ответ. От этого ответа зависели жизни всех тех, кто не был телепатом.

Джеф Коуди в одиночестве сидел перед электронной машиной в ожидании ответа.

Нормальный человек, нормальные люди могли дать лишь один ответ. Ибо индуктор, впервые в человеческой истории, означал единство, основанное на реальности. Он открывал дверь настоящим и величайшим приключениям, проникновению в загадки науки,

искусства и философии. Он возвещал последний и решительный бой против Илиона самой природы — широкой, огромной, неведомой Вселенной, в которой человек боролся и сражался и каким-то образом выжил.

Любой из ныне живущих взрослых мог дожить лишь до начала этого грандиозного предприятия, но их дети увидят все.

Нормальные люди могли дать лишь один ответ. Нормальные люди.

Коуди посмотрел на панель, блестевшую перед ним.

Земля наполнилась от них злодеяниями.

Да, мог быть и другой ответ. И если этот ответ будет получен... *Конец всякой плоти пришел пред лице Мое.*

Я истреблю их с земли!

Коуди мысленно заглянул в будущее. Он увидел себя, нажимающего кнопку на панели; увидел, как операция «Апокалипсис» захлестывает землю, подобно новому потопу; как тонет в разрушительном приливе и вымирает раса людей, и на всей планете, а может быть, и во всей Вселенной, в живых остаются только телепаты. Он вспомнил жуткую боль одиночества, которую испытывают лыски, когда умирает кто-то из них.

И он знал, что ни один телепат не сможет защитить свой мозг от апокалипсического убийства всего обычного человечества.

Останется незаживающая рана, рана, которая никогда не сможет затянуться в разумах телепатов, чьи воспоминания будут сохраняться, не теряя своей остроты, передаваясь из поколения в поколение. Пусть пройдет хоть сто миллионов лет, но и тогда древняя рана будет жечь так же, как в тот день, когда она была нанесена.

Выходит, операция «Апокалипсис» уничтожит также и лысок, ибо они почувствуют эту огромную всеобщую смерть, ощутят ее с роковой восприимчивостью телепата, и, хотя физически они смогут жить дальше, боль и чувство вины будет передаваться от одного искалеченного поколения к другому.

Внезапно Коуди сделал движение.

Его палец надавил на кнопку. Мгновенно заработало контрольное устройство. Меньше, чем на секунду, послышалось тихое жужжание. Затем на панели управления вспыхнул яркий свет, а под ним был номер.

Коуди нажал другую кнопку. Селекторы безошибочно отыскали в компьютере кусочек кристалла, содержащий код операции «Апокалипсис». Кристалл, с его шифром из застывших энергоэлементов, был передним.

Тысячи разумов, уловив мысль Коуди, направились к нему, коснулись его, заговорили с ним.

Он замер на секунду и узнал, что человечество еще не приняло решения.

Голоса в его мозге слились в беспорядочный гул. Но окончательное решение должны были принять не люди, и не лыски; ответственность за это решение лежало на нем, и Коуди не стал больше ждать.

Он быстро протянул руку вперед и почувствовал, как холодный, гладкий пластик рычага с абсолютной окончательностью опускается под его пальцами.

Шифрованная энергетическая структура на кусочке ферроэлектрического кристалла, ожидающего в калькуляторе, задрожала, померкла и исчезла полностью.

Операции «Апокалипсис» пришел конец.

Но пальцы Коуди продолжали двигаться. Одно запоминающее устройство за другим выходило из строя в громадной машине. Их обширнейшие банки данных возвращали свою энергию в бескрайний океан Вселенной и исчезали. И вот наконец мозг машины был пуст. Возродить «Апокалипсис» не было никакой возможности — ни возможности, ни времени.

Оставалось только ждать.

Он распахнул свой разум. Всюду вокруг него, по всему свету, соединенные мысли лысок образовали огромную, запутанную сеть — возможно, последнюю и самую мощную структуру из созданных человеком. Коуди был втянут в ее глубину и стал с ней одним целым. Не было никаких барьеров. Они не судили. Они понимали — все они, — и он был частью их в теплом, полном единстве, являвшемся источником достаточной силы и мужества, чтобы встретить принятое человечеством решение, каким бы оно ни было. Это могло быть последним случаем такой связи между

людьми. Возможно, погром будет продолжаться, пока не будет убит последний лыска. Но до тех пор ни одному лыске не придется ни жить, ни умирать в одиночестве.

Поэтому они ждали, все вместе, ответа, который должно было дать человечество.

ШЕСТЬ

Веротолет приземлился. Ко мне бегут люди. Я их не знаю. Я не могу читать их мысли, я не могу отчетливо их видеть: все тускло, все гаснет в колышущейся, сумрачной ряби.

Мне что-то накидывают на шею. Что-то давит мне на затылок.

Это индуктор.

Рядом со мной опускается на колени человек. Доктор. У него средство для подкожных инъекций.

Но инъекция — во вторую очередь. Индуктор прежде всего. Ибо никто из нас не должен умирать в одиночестве. Никто из нас больше не живет в одиночестве. Мы либо лыски, либо носим индуктор, сделавший всех людей телепатами.

Индуктор начинает работать.

Я собираюсь спросить доктора, останусь ли я жив, но теперь понимаю, что это не имеет значения. Я осознаю это, а тем временем во Вселенную возвращаются тепло и жизнь, и я больше не один. Важно то, что мой разум, я сам, больше не отрезан и не полон; он расширяется, соединяясь с моими людьми, со всей жизнью, — я встаю из одинокой могилы, в которой лежал, и я...

Мы...

Мы — одно целое. Мы — человечество. Долгая, долгая война закончена, и ответ был получен. Мечта была очищена, и огонь на земле охраняется.

Теперь он не погаснет, пока не умрет последний человек.

РАССКАЗЫ

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Эта история закончилась вот так. Джеймс Келвин сосредоточил все мысли на рыжеусом химике, который пообещал ему миллион долларов. Для этого просто-напросто следовало настроить свой мозг на волну мозга того ученого и поймать нужный сигнал. Недавно Келвин уже такое проделал. Однако сейчас, когда он собирался установить этот контакт в последний раз, добиться успеха было во сто крат важней, чем прежде. Он нажал на кнопку устройства, которое дал ему робот, и напряженно задумался.

На невообразимо огромном от себя расстоянии Келвин уловил сигнал.

Он принял его.

И тот унес его вдаль...

Рыжеусый мужчина поднял на него взгляд, ахнул и радостно улыбнулся.

— Наконец-то вы явились! — воскликнул он. — А я и не слышал, как вы вошли. Черт побери, я ведь разыскиваю вас уже две недели.

— Скажите мне ваше имя, да побыстрее, — выпалил Келвин.

— Джордж Бейли. Кстати, а вас как зовут?

Но Келвин не ответил. Он вдруг вспомнил кое-что еще из того, что говорил ему робот об этом устройстве, с помощью которого, нажимая на кнопку, он устанавливал раппорт. Келвин тут же нажал на нее — и ничего не произошло. Устройство бездействовало. Видимо, свою задачу оно выполнило, а это означало, что он обретет наконец здоровье, славу и богатство. Робот же предупредил его, что это устройство запрограммировано на выполнение одного-единственного задания. Как только Келвин получит желаемое, оно перестанет функционировать.

И Келвин получил свой миллион долларов.

А потом жил счастливо, не ведая ни горя, ни забот...

Вот вам середина этой истории.

Когда он откинул холщовый занавес, какой-то предмет — кажется, небрежно повешенная веревка — мазнул его по лицу, сбив набок очки в роговой оправе. В тот же миг ослепительный голубоватый свет ударил ему в незащищенные глаза.

Он почувствовал, что теряет ориентацию и все внутри и вне его как-то странно сместилось, но это ощущение почти сразу же прошло.

Предметы стали на свои места. Он отпустил занавес, который свободно повис, и на нем снова можно было прочесть выведенную масляной краской надпись: «Гороскопы. Загляните в свое будущее». А сам он оказался лицом к лицу с удивительнейшим хиромантом.

Это был... О, да ведь такое невозможно!

— Вы — Джеймс Келвин, — ровным голосом отчеканил робот. — Вы репортер. Вам тридцать лет, вы холосты, а в Лос-Анджелес приехали сегодня из Чикаго, следуя совету своего врача. Правильно?

Изумленный Келвин чертыхнулся, поправил на переносице очки и попытался вспомнить некогда написанное им expose[1] о шарлатанах. Есть же какой-то простой способ, которым они пользуются, творя подобные «чудеса».

Робот бесстрастно взирал на него своими фасеточными глазами.

— Прочтя ваши мысли, — педантично продолжал он, — я понял, что год сейчас 1949-й. Мне придется несколько изменить свои планы. Дело в том, что в мои намерения входило прибыть в год 1970-й. Я попрошу вас помочь мне.

Келвин сунул руки в карманы и осклабился.

— Разумеется, деньгами, так? — сказал он. — На минуту вам удалось задурить мне голову. Кстати, как вы это проделываете?

---

[1] Expose (фр.) — разоблачение, разоблачительная статья. (Примеч. пер.)

— Я не машина и не оптический обман, — заверил его робот. — Я живой организм, созданный искусственным путем в далеком будущем вашей цивилизации.

— А я не такой уж лопух, как вам кажется, — любезно заметил Келвин. — Я зашел сюда, чтобы...

— Вы потеряли квитанцию на свой багаж, — сказал робот. — А пока размышляли над тем, как быть дальше, немного приложились к спиртному и ровно... ровно в восемь тридцать пять вечера сели в автобус, направлявшийся в Уилшайр.

— Чтение мыслей оставьте при себе, — сказал Келвин. — И не пытайтесь убедить меня в том, что свой притон с этакой вывеской вы содержите с незапамятных времен. За вас давно бы уже взялись фараоны. Если, конечно, вы настоящий робот. Ха, ха!

— Этот притон, — сказал робот, — я содержу примерно минут пять. Мой предшественник в бессознательном состоянии лежит в углу, вон за тем шкафом. Ваш приход сюда — случайное совпадение.

Он на миг умолк, и у Келвина создалось странное впечатление, будто робот вглядывается в него, словно желая убедиться, удачно ли он пока справляется с изложением своей истории.

— Я тоже появился здесь совершенно случайно, — продолжал робот. — По ряду причин теперь требуется внести кое-какие изменения в мою аппаратуру. Придется заменить некоторые детали. А для этого, как я понял, прочтя ваши мысли, мне необходимо приноровиться к вашей весьма необычной экономической системе, основанной на товарообмене. Словом, мне нужны так называемые монеты либо свидетельство о наличии у меня золота или серебра. Вот почему я на время стал хиромантом.

— Как же, как же, — сказал Келвин. — А почему бы вам попросту не заняться грабежом? Если вы робот, совершить ограбление века для вас, что раз плюнуть: крутанете какой-нибудь там диск — и дело в шляпе.

— Это привлекло бы ко мне внимание, а для меня превыше всего полная секретность. Честно вам признаюсь, я... — робот порылся в мозгу Келвина, отыскивая нужное выражение, и закончил фразу: — Я в бегах. В мою эпоху наложен строгий запрет на

перемещения во времени; даже случайность не служит оправданием. Такие перемещения осуществляют только по особому заданию правительства.

«А ведь он загибает», — подумал Келвин, но так и не сумел определить, какая именно неувязка навела его на эту мысль. Прищурившись, он вгляделся в робота, вид которого отнюдь не развеял его сомнений.

— Какие вам нужны доказательства? — спросило стоявшее перед ним существо. — Ведь стоило вам войти, и я сразу прочел ваши мысли, не правда ли? Вы не могли не почувствовать, что на секунду утратили память, когда я изъял из вашего мозга всю информацию, а потом тут же вернул ее на место.

— Так вот что тогда произошло, — промолвил Келвин. Он осторожно сделал шаг назад: — Пожалуй, мне пора.

— Погодите! — скомандовал робот. — Я вижу, вы теряете ко мне доверие. Вы явно сожалеете, что посоветовали мне заняться грабежом. Боитесь, что я претворю эту идею в жизнь. Позвольте вас разубедить. Мне действительно ничего не стоит отнять у вас ваши деньги, а потом, чтобы замести следы, вас убить. Но мне запрещено убивать людей. Остается одно — приспособиться к вашей системе товарообмена. Исходя из этого я могу предложить вам что-нибудь достаточно ценное в обмен на небольшое количество золота. Дайте подумать. — Взгляд фасеточных глаз обежал палатку, на миг впился в Келвина. — К примеру, возьмем гороскоп. Считается, что он обеспечивает человеку здоровье, славу и богатство. Однако я не астролог, и в моем распоряжении всего лишь разумный научно обоснованный метод, с помощью которого мы могли бы достичь тех же результатов.

— Угу, — скептическим тоном произнес Келвин. — И сколько вы с меня сдерете? Между прочим, почему бы вам самому не воспользоваться этим методом?

— Я стремлюсь к иной цели, — туманно ответил робот. — Вот, возьмите.

Раздался щелчок. На груди робота откинулась створка. Из скрывавшейся за ней ниши он извлек небольшую плоскую коробочку и вручил ее Келвину, и, когда этот кусок холодного металла оказался у него на ладони, он машинально сомкнул пальцы.

— Осторожнее! Не нажимайте на кнопку, пока...

Но Келвин нажал...

И вдруг словно бы оказался за рулем некоей воображаемой машины, которая вышла из-под контроля, и кто-то чужой расположился у него в голове. Локомотив-шизофреник, окончательно свихнувшись, неудержимо несся по рельсам, а рука Келвина, вцепившись в дроссель, ни на секунду не могла умерить скорость этого взбесившегося механизма. И штурвал его мозга сломался.

За него уже думал кто-то другой!

Существо не человеческое в полном смысле слова. Вероятно, не совсем здоровое психически, если исходить из представлений Келвина о норме. Но более чем в здравом уме по его собственным меркам. Достаточно высокоразвитое интеллектуально, чтобы еще в детстве понять и усвоить самые сложные принципы неевклидовой геометрии.

Из взаимодействия ощущений в мозгу Келвина синтезировался своего рода язык, причем язык усовершенствованный. Одна его часть была рассчитана на слуховое восприятие, другая состояла из образов, и еще в него входили запахи, вкусовые и осязательные ощущения — порой знакомые, а иногда с совершенно чуждым оттенком. И в языке этом царил хаос.

Вот, например...

«В этом сезоне развелось слишком много Больших Ящериц... однако у ручных треварсов такие же глаза вовсе не на Каллисто... скоро отпуск... лучше галактический... солнечная система стимулирует клаустрофобию... скоростну завтра, если квадратный корник и воскользящая тройка...»

Но то был всего лишь словесный символизм. При субъективном восприятии этот язык был намного сложней и внушал ужас. К счастью, пальцы Келвина, повинуясь рефлексу, почти мгновенно отпустили кнопку, а сам он вновь оказался в палатке. Его била мелкая дрожь.

Теперь он перепугался не на шутку.

Робот произнес:

— Вам не следовало устанавливать раппорт, пока я вас не проинструктирую. Теперь вам грозит опасность. Постойте-ка. — Его глаза изменили цвет. — Да... точно... это Тарн. Берегитесь Тарна.

— Я не желаю с этим связываться, — быстро сказал Келвин. — Возьмите свою коробочку назад.

— Тогда ничто не защитит вас от Тарна. Оставьте это устройство себе. Оно, как я обещал, обеспечит вам здоровье, славу и богатство с большей гарантией, чем... какой-нибудь там гороскоп.

— Нет уж, благодарю. Не знаю, как вам удалось проделать такой фокус, — может, с помощью инфразвука... но я не...

— Не спешите, — сказал робот. — Нажав на эту кнопку, вы мгновенно проникли в сознание одного человека, который живет в очень далеком будущем, и возникла межвременная связь. Эту связь вы можете восстановить в любое время, стоит только нажать на кнопку.

— Избави Бог, — произнес Келвин, все еще слегка потея.

— Вы только подумайте, какие это сулит возможности... Попробуйте представить, что какой-нибудь троглодит из далекого прошлого получил бы доступ к вашему сознанию. Да он смог бы удовлетворить все свои желания.

У Келвина почему-то возникло убеждение, что очень важно выдвинуть против доводов робота какое-нибудь логически обоснованное опровержение. Подобно Святому Антонию — или то был Лютер? — словом, подобно тому из них, что ввязался в спор с дьяволом, Келвин, преодолевая головокружение, попытался собрать разбегающиеся мысли.

Голова у него разболелась пуще прежнего, и он заподозрил, что перебрал спиртного. И только промямлил:

— А как смог бы троглодит понять мои мысли? Ведь без соответствующей подготовки и моего образования ему не удалось бы использовать полученную информацию в своих интересах.

— Вам в голову когда-нибудь вдруг приходили идеи, явно лишенные всякой логики? Словно кто-то извне заставляет вас думать о каких-то неведомых вещах, что-то вычислять, решать чуждые вам проблемы? Так вот, тот человек из будущего, на котором сфокусировано мое устройство, — он не знает, что между ним и вами, Келвин, теперь установлена связь. Но он очень чувствителен и живо реагирует, если его

к чему-нибудь принуждают. Вам нужно только мысленно сосредоточиться на той или иной проблеме, а затем нажать на кнопку. И тот человек решит вашу проблему, каким бы нелогичным ни было это решение, с его точки зрения. А вы тем временем прочтете его мысли. Вы сами потом разберетесь, как пользоваться этим устройством. Возможности его не безграничны — это вы тоже поймете. Но оно обеспечит вам здоровье, богатство и славу.

— Если б ваше устройство работало так на самом деле, оно б обеспечило мне все что угодно, я стал бы всемогущим. Поэтому-то я отказываюсь его купить!

— Я же сказал, что его возможности ограниченны. Как только вы успешно достигнете цели — обретете здоровье, славу и богатство, оно перестанет функционировать. Но до того, как это произойдет, вы сможете пользоваться им для решения всех своих проблем, потихоньку выуживая нужную информацию из сознания человека будущего с более высоким интеллектом. Но учтите, что крайне важно сосредоточить свои мысли на той или иной проблеме перед тем, как вы нажмете на кнопку. Иначе за вами увяжется кое-кто почище Тарна.

— Тарна? А кто...

— Мне думается, это... это андроид, — произнес робот, устремив взгляд в пространство. — Человеческое существо, созданное искусственным путем... Однако пора заняться моей собственной проблемой. Мне нужно небольшое количество золота.

— Так вот где собака зарыта, — проговорил Келвин, почувствовав странное облегчение. — Нет у меня никакого золота.

— А ваши часы?

Келвин резким движением поднял руку, из-под рукава пиджака показались часы.

— Ну нет. Эти часы стоят очень дорого.

— Мне нужна только позолота, — сказал робот и стрельнул из глаза бурого цвета лучом. — Благодарю вас.

Металлический корпус часов стал тускло-серым.

— Эй, вы! — вскричал Келвин.

— Если вы воспользуетесь этим устройством, предназначенным для установления контакта с человеком из будущего, вам обеспечены здоровье, слава и день-

ги, — быстро произнес робот. — Вы будете счастливы, насколько может быть счастлив человек этой эпохи. С помощью моего устройства вы решите все свои проблемы... включая ваши отношения с Тарном. Минуточку.

Существо попятилось и исчезло за висевшим в палатке азиатским ковром, которому никогда не пришлось побывать восточнее Пеории.[1]

Стало тихо.

Келвин перевел взгляд со своих облинявших часов на загадочный плоский предмет, лежавший у него на ладони. Размером он был примерно в четыре квадратных дюйма (два на два) и не толще изящной дамской сумочки, а на одной из его боковых сторон находилось углубление с утопленной в нем кнопкой.

Он опустил этот предмет в карман и, сделав два шага вперед, заглянул за псевдоазиатский ковер, но ничего не обнаружил, кроме пустого пространства и хлопающих на ветру краев разреза в холщовой стенке палатки. Судя по всему, робот улизнул. Келвин выглянул через прорезь. Снаружи на ярко освещенной пристани Приморского парка шумела толпа гуляющих, а за пристанью, вся в серебристых искорках, колыхалась черная поверхность Тихого океана, простираясь вдаль, где за невидимым сейчас изгибом прибрежных скал мерцали огоньки Малибу.

Келвин вернулся на середину палатки и огляделся. За украшенным резьбой шкафом, на который ему несколько минут назад указал робот, спал крепким сном какой-то толстяк в костюме свами[2].

Он был мертвецки пьян.

Не зная, чем еще заняться, Келвин снова чертыхнулся. Но вдруг обнаружил, что думает о ком-то по имени Тарн, который был андроидом.

Хиромантия... перемещение во времени... межвременная связь... Нет, этого быть не может! Защитное неверие словно одело его сознание в непроницаемую броню. Такого робота, с которым он только что разговаривал, создать невозможно.

---

[1] Пеория — небольшой город в штате Иллинойс (США). (Примеч. пер.)

[2] Свами — ученый индус, брамин. (Примеч. пер.)

Уж это Келвин знал точно. Это не прошло бы мимо его ушей... Он же репортер, верно?

Разумеется.

Затосковав по шуму и людской суете, он отправился в тир и сбил несколько уток.

Плоская коробочка жгла ему карман. Матово-серый металлический корпус его часов жег память. Воспоминание о том, как ему сперва опустошили мозг, а затем изъятую информацию вернули на место, огнем пылало в сознании.

Вскоре выпитое в баре виски обожгло ему желудок.

Он покинул Чикаго из-за назойливого рецидивирующего синусита. Самого что ни на есть обыкновенного синусита. А вовсе не потому, что страдал галлюцинаторной шизофренией, не под влиянием исходящих из стен голосов, которые его за что-то укоряли. Не потому, что ему мерещились летучие мыши и роботы. То существо не было роботом. У всего этого есть какое-то наипростейшее объяснение. О, несомненно.

Здоровье, слава и богатство. И если...

«ТАРН»!

Эта мысль молнией пронзила его мозг.

А за ней сразу же последовала другая: «Я схожу с ума!»

Ему в уши забормотал чей-то голос, настойчиво повторяя одно лишь слово: «Тарн... Тарн... Тарн... Тарн...»

Но голос рассудка полностью заглушил это бормотание.

Келвин тихой скороговоркой произнес:

— Я — Джеймс Келвин. Я репортер, пишу статьи на оригинальные темы, собираю и обрабатываю информацию. Мне тридцать лет, я не женат. Сегодня я приехал в Лос-Анджелес и потерял квитанцию на свой багаж... Я... я собираюсь еще немного выпить чего покрепче и потом снять номер в каком-нибудь отеле. Как бы там ни было, а здешний климат, кажется, уже немного подлечил мой синусит.

«ТАРН», — приглушенной барабанной дробью прозвучало почти за порогом его сознания. «ТАРН, ТАРН».

«Тарн».

Он заказал еще выпивку и полез в карман за мелочью. Его рука коснулась металлической коробочки. И он тут же почувствовал, как что-то слегка сдавило ему плечо.

Он инстинктивно оглянулся.

Его плечо сжимала семипалая паукообразная рука... без единого волоска и без ногтей... белая и гладкая, как слоновая кость.

Единственной, но всепоглощающей потребностью Келвина стало страстное желание до предела увеличить расстояние между собой и обладателем этой омерзительной руки.

Но как это сделать?

Он смутно сознавал, что стискивает пальцами лежащую у него в кармане плоскую коробочку, как будто бы в ней — его единственное спасение. А в мозгу билась лишь одна мысль: «Я должен отсюда бежать». И он нажал на кнопку.

Чудовищные, невыносимо чуждые мысли того существа из будущего, бешено закрутив его, вовлекли в свое течение. Не прошло и секунды, как могучий отточенный ум блестящего эрудита из невообразимо далекого будущего столь необычным способом был принужден решить эту внезапно возникшую у него в мозгу проблему.

Келвин получил сведения сразу о трех способах транспортировки. От двух, как неприемлемых, он отказался: авиамотокресло человечеству, видимо, еще только предстояло изобрести, а квирление, для которого требовался сенсорный шлем с антенной, вообще оказалось выше его понимания. Но третий способ...

Суть его уже начала стираться из памяти. А та рука продолжала сжимать ему плечо. Келвин мысленно ухватился за полученную информацию, которая грозила бесследно исчезнуть, и отчаянным усилием воли заставил свое сознание и тело двинуться по тому неправдоподобному пути, который подсказало ему воображение человека из будущего.

И он, обдуваемый холодным ветром, очутился на улице, по-прежнему в сидячей позе, а между его спиной и тротуаром была пустота.

Он шлепнулся на землю.

Прохожие на углу Голливудского бульвара и Кауэнги не очень удивились, узрев сидевшего на краю

тротуара смуглого худощавого мужчину. Из всех только одна женщина заметила, каким образом здесь появился Келвин, да и то полностью осознала это, когда уже была далеко.

Она сразу же поспешила домой.

С хохотом, в котором звучали истерические нотки, Келвин поднялся на ноги.

— Телепортация, — проговорил он, — И как мне удалось это проделать? Забыл... Трудновато вспомнить, когда все позади, верно? Придется снова таскать с собой записную книжку. — И чуть погодя: — А как же Тарн?

Он в страхе огляделся. Уверенность в том, что ему нечего бояться, он обрел лишь по истечении получаса, за которые больше не произошло ни одного чуда. Келвин, бдительно ко всему присматриваясь, прошелся по бульвару. Тарна нигде не было.

Он случайно сунул руку в карман и коснулся холодного металла коробочки. Здоровье, слава и богатство. Так он мог бы...

Но он не нажал на кнопку. Слишком уж свежо было воспоминание о потрясшем его и таком чуждом человеческому естеству ощущении полной дезориентации. Иная плоскость мышления, колоссальный объем знаний и навыки существа из далекого будущего действовали подавляюще. Он как-нибудь снова прибегнет к помощи этой коробочки — о да, непременно. Но незачем спешить. Сперва нужно продумать кое-какие стороны этого вопроса.

От его скептицизма не осталось и следа.

Тарн появился на следующий вечер. Репортер так и не нашел квитанций на свой багаж, и ему пришлось удовольствоваться двумя сотнями долларов, которые оказались в его бумажнике. Заплатив вперед, он снял номер в средней руки отеле и принялся обдумывать, как выкачать побольше пользы из этой скважины в будущее. Он принял разумное решение вести свой обычный образ жизни, пока не подвернется что-нибудь, заслуживающее внимания. В любом случае ему не мешает наладить связь с прессой. Он копнул «Таймс», «Икземинер», «Ньюс» и ряд других периодических изданий. Но дела такого рода требуют времени — репортеры быстро добиваются успеха только в кинофильмах.

В тот вечер, когда его посетил незваный гость, Келвин находился у себя в номере.

И разумеется, этим гостем был Тарн.

На нем был огромный белый тюрбан, примерно вдвое больше его головы. У него были щегольские черные усы с опущенными вниз концами, как у китайского мандарина или сома. И он в упор глядел на Келвина из зеркала в ванной комнате.

Келвин колебался, нужно ли ему побриться перед тем, как выйти куда-нибудь пообедать. Он в раздумье потирал подбородок, когда перед ним возник Тарн, и факт его появления дошел до сознания Келвина со значительным опозданием, потому что ему вначале показалось, что это у него самого вдруг непонятным образом выросли длинные усы. Он потрогал кожу над верхней губой. Никакой растительности. Но черные волоски в зеркальце затрепетали, когда Тарн приблизил лицо к поверхности стекла.

Это настолько потрясло Келвина, что у него из головы вылетели все мысли. Он быстро попятился и уперся ногами в край ванны, что мгновенно отвлекло его и вернуло способность мыслить — к счастью для его психики. Когда он снова посмотрел в сторону зеркала, висевшего над раковиной умывальника, он увидел в нем только отражение своего испуганного лица. Однако через две-три секунды вокруг его головы начало проявляться облачко белого тюрбана и штрихами наметились усы китайского мандарина.

Келвин прикрыл рукой глаза и быстро отвернулся. Секунд через пятнадцать он немного раздвинул пальцы, чтобы сквозь щелку украдкой взглянуть на зеркало. Ладонь он с силой прижал к верхней губе в отчаянной надежде воспрепятствовать этим внезапному росту усов. Некто, тоже украдкой посматривавший на него из зеркала, вроде бы походил на него. Во всяком случае, тот, другой, был без тюрбана и в таких же, как у него, очках. Келвин отважился на миг убрать с лица руку, но тут же шлепком вернул ее на место — и как раз вовремя, — чтобы помешать физиономии Тарна вновь возникнуть в зеркале.

По-прежнему прикрывая лицо, он нетвердой походкой прошел в спальню и вынул из кармана пиджака плоскую коробочку. Но он не нажал на кнопку, ибо вновь возникла бы связь между мозговыми клетками двух человек из разных эпох с несовместимым

образом мышления. Он понял, что внутренне противится этому. Мысль о проникновении в столь чуждое ему сознание почему-то пугала его больше, чем то, что с ними сейчас происходило.

Он стоял перед письменным столом, а из зеркала в щель между отраженными в нем пальцами на него смотрел один глаз. У глаза, глядящего сквозь поблескивающее стекло очков, было безумное выражение, но Келвину показалось, что все-таки это его глаз. В порядке эксперимента он убрал с лица руку...

Зеркало над столом показало Тарна почти во весь рост. Келвин предпочел бы обойтись без этого. На ногах у Тарна были высокие, до колен, белые сапожки из какого-то блестящего пластика, а между ними и тюрбаном одежда отсутствовала, если не считать клочка такого же блестящего пластика в виде набедренной повязки. Тарн был очень худ, но, видно, шустрый малый. Достаточно шустрый, чтобы запросто выпрыгнуть из зеркала в номер отеля. Кожа у него была белее тюрбана, на каждой руке по семь пальцев. Все сходилось.

Келвин стремительно отвернулся, но Тарн был находчив. Поверхности темного оконного стекла вполне хватило, чтобы отразить тощую фигуру в набедренной повязке. Оказалось, что ступни у Тарна босые и их строение еще дальше от нормы, чем его руки. А с полированного медного основания лампы на Келвина смотрело маленькое искаженное отражение лица, отнюдь не его собственного.

«Чудненько, — с горечью подумал он. — Куда ни сунешься, а он уж тут как тут. Чего хорошего ждать от этого устройства, если Тарн собирается посещать меня ежедневно? Впрочем, может, я просто-напросто свихнулся. Надеюсь, что так оно и есть».

Возникла острая необходимость что-то предпринять, иначе Келвину было уготовано прожить жизнь с закрытым руками лицом. Но самое ужасное — он не мог отделаться от ощущения, будто облик Тарна ему знаком. Келвин отверг не меньше дюжины предположений, начиная с перевоплощения и кончая феноменом deja vu[1], однако...

---

[1] Феномен deja vu (фр.) — иногда возникающее у человека ощущение, будто он уже когда-то видел какой-то предмет, местность, интерьер и т. п. (Примеч. пер.)

Он незаметно посмотрел в просвет между руками — и вовремя: Тарн поднял какой-то предмет цилиндрической формы и навел на него, точно это был револьвер. Этот жест Тарна заставил Келвина принять решение. Он должен что-то сделать, да побыстрее. И, сосредоточившись на мысли: «Я хочу выбраться из этого помещения», он нажал на кнопку плоской коробочки.

Начисто забытый им метод телепортации мгновенно прояснился в его сознании до малейших подробностей. Однако другие особенности того чужеродного мышления он воспринял сейчас более спокойно. Например, запахи — ведь тот, из будущего, думал — они как бы дополняли... словами не выразишь, что именно... некое поразительное звуко-зрительное мышление, которое вызвало у Келвина сильное головокружение. Но оно не помешало ему узнать, что кто-то по имени Три Миллиона Девяносто Совершенств написал свой новый плоскостник. И еще было ощущение, будто он лижет двадцатичетырехдолларовую марку и наклеивает ее на почтовую открытку.

Но что самое важное — человек из будущего был (или будет?) вынужден подумать о методе телепортации, и, как только Келвин вернулся в свое время и стал мыслить самостоятельно, он тут же им воспользовался...

Он падал.

Ледяная вода встретила его враждебно. Каким-то чудом он не выпустил из пальцев плоской коробочки. Перед его глазами в ночном небе закружились звезды, сливаясь с серебристым отблеском лунного света на фосфоресцирующей поверхности моря. А морская вода жгучей струей хлынула в ноздри.

Келвин не умел плавать.

Когда он, пытаясь крикнуть и вместо этого пуская пузыри, в последний раз пошел ко дну, он буквально ухватился за соломинку: его палец снова нажал на кнопку.

Пузырьки воздуха плыли вверх мимо его лица. Келвин их не видел, только ощущал. И со всех сторон его окружала эта алчная, страшная масса холодной соленой воды...

Но он уже познал некий метод и понял механизм его действия. Мысли его заработали в том направле-

нии, которое указал человек из будущего. Его мозг испустил какое-то излучение — для его определения более всего подошло бы слово «радиация», — и оно удивительным образом воздействовало на его легочную ткань. Кровяные клетки приспособились к окружающей среде...

Он дышал водой — она больше не душила его.

Но Келвин знал также, что эта вызванная чрезвычайными обстоятельствами адаптация продлится недолго. Оставалось одно — снова прибегнуть к телепортации. Теперь-то он должен вспомнить, как это делается. Ведь, удирая от Тарна, он воспользовался этим методом всего несколько минут назад.

Но он не вспомнил. Информация бесследно исчезла из его памяти. Единственный выход — снова нажать на кнопку, и Келвин крайне неохотно подчинился этой необходимости.

Промокший до нитки, он стоял на какой-то незнакомой улице. И хотя он не знал этой улицы, по всей видимости, она была на его планете и время соответствовало тому, в котором он жил. К счастью, судя по всему, телепортация имела свои границы. Дул холодный ветер. Келвин стоял в быстро увеличивающейся вокруг его ног луже. Он огляделся по сторонам.

Тут он увидел на улице вывеску, приглашавшую посетить турецкие бани, и пошлепал в том направлении. Размышлял он в основном на отвлеченные темы...

Выходит, его занесло в Нью-Орлеан. Надо же! И, не теряя времени, он здорово надрался в этом Нью-Орлеане. Его мысли разбегались кругами, а виски действовало, как универсальный бальзам, как идеальный тормоз. Необходимо подчинить их своей власти. Ведь он обладает почти сверхъестественным могуществом и хочет получить от этого реальную пользу, пока ему вновь не помешает какое-нибудь неожиданное событие. Тарн...

Келвин сидел в номере отеля и потягивал виски. Надо бы подсобраться с мыслями!

Он чихнул.

Беда в том, конечно, что очень уж мало общего между его мышлением и мышлением того человека из будущего. Да и на связь с ним он выходил только тогда, когда его припирало к стенке. А это все равно,

что получать доступ к рукописям Александрийской библиотеки на пять секунд в день. За пять секунд и начать-то перевод не успеешь.

Здоровье, слава и богатство. Он снова чихнул. Робот все наврал. Его здоровье явно ухудшилось. Кстати, а что такое этот робот? Откуда он взялся? Если принять на веру его слова, он вроде как свалился в эту эпоху из будущего, но ведь роботы отъявленные лгуны. Ох, подсобраться бы с мыслями.

Видно, будущее населено существами немногим симпатичнее героев фильмов о Франкенштейне[1]. Всякими там андроидами, роботами и так называемыми людьми, которые мыслят настолько по-иному, что оторопь берет... Апчхи! Еще добрый глоток виски.

Робот сказал, что коробочка перестанет функционировать, когда Келвин обретет здоровье, славу и богатство. А что если *после того*, как он успешно достигнет столь завидной цели и обнаружит, что кнопка бездействует, вновь объявится Тарн? Нет, лучше не думать. Надо еще выпить.

В трезвом состоянии немыслимо решить вопрос, столь же безумный, как бред при белой горячке, хотя Келвин и понимал, что научные открытия, с которыми он столкнулся, вполне можно сделать. Но не сегодня и не в этом веке. Апчхи!

Вся штука в том, чтобы суметь правильно сформулировать вопрос и использовать для его решения коробочку в такое время, когда ты не тонешь в морской пучине и тебе не угрожает усатый андроид с семипалыми руками и зловещим, похожим на жезл, оружием. Итак, продумаем вопрос.

Но до чего отвратительное мышление у того человека из будущего.

И тут Келвин в каком-то алкогольном просветлении вдруг осознал, как глубоко он погрузился в этот едва просматривающийся затененный мир будущего.

Он не мог представить себе его модель полностью, но почему-то воспринимал этот мир эмоционально.

---

[1] Франкенштейн — герой философско-фантастического романа английской писательницы Мэри Шелли (1797—1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей», искусственным путем создавший человеческое существо, злодеяния которого впоследствии стали темой многих «фильмов ужасов». (Примеч. пер.)

Неведомо откуда, но он знал, что то был мир правильный, куда лучше нынешнего, в котором он жил. Если б он стал этим незнакомцем из будущего и оказался в том времени, все бы наладилось.

«Смиряться должно пред судьбы веленьем», — скривив рот, подумал он. «А, да ладно». Он встряхнул бутылку. Сколько же он принял? Чувствовал он себя превосходно.

Надо бы подсобраться с мыслями.

Уличные огни за окном то вспыхивали, то гасли. Неоновые сполохи разрисовали ночную тьму какими-то колдовскими письменами. Келвину это показалось чем-то чуждым, непривычным, как, впрочем, и его собственное тело. Он было захохотал, но чихнул и поперхнулся.

«Мне нужны только здоровье, слава и богатство, — подумал он. — Тогда я угомонюсь и заживу счастливо, не зная ни горя, ни забот. И мне больше не понадобится эта волшебная коробочка. Ведь все мои желания сразу исполнятся».

Повинуясь внезапному порыву, он вынул из кармана коробочку и внимательно ее осмотрел. Попытался открыть ее, но безуспешно. Его палец в нерешительности повис над кнопкой.

«Сумею ли я...» — подумал он, и палец опустился на полдюйма...

Сейчас, когда он был пьян, все уже не казалось ему таким чуждым и страшным.

Того человека из будущего звали Куарра Ви. Удивительно, что он не узнал этого раньше, хотя часто ли человек вспоминает свое имя?

Куарра Ви играл в какую-то игру, чем-то напоминающую шахматы, но его противник находился в некотором отдалении — на одной из планет Сириуса. Все фигуры на доске были иной, незнакомой формы. Келвин, подключившись, слушал, как в мозгу Куарра Ви молниеносно сменяли друг друга головокружительные пространственно-временные гамбиты. Но тут в его мысли ворвалась проблема Келвина и, подобно удару, вынудила его.

Получилась некоторая путаница. На самом-то деле проблем было две. Как вылечиться от простуды, в частности от насморка. И как стать здоровым, бога-

тым и прославиться в почти доисторическую — с точки зрения Куарра Ви — эпоху.

Но для Куарра Ви такая проблема — сущий пустяк. Он с ходу решил ее и продолжил игру с сирианином.

А Келвин снова оказался в номере отеля в Нью-Орлеане.

Не будь он пьян, он бы на такое не решился. Подсказанный ему метод заключался в настройке его мозга на мозговые волны другого человека, живущего в том же двадцатом веке, что и он сам, причем мозг этого человека должен был испускать волны определенной, нужной ему длины.

Она зависела от множества разнообразных факторов, как-то: от профессиональной квалификации, умения использовать благоприятные обстоятельства, взгляда на окружающее, эрудиции, богатства воображения, честности; но в конце концов Келвин нашел то, что ему было нужно.

После некоторого колебания он выбрал один мозг из трех — все три по сумме показателей почти полностью отвечали требованиям. Но сумма показателей одного была чуть больше — на три тысячных доли единицы.

Келвину удалось настроить свой мозг на волну этого выбранного им мозга, поймать нужный сигнал, ухватиться за него, и методом телепортации он перенесся через всю Америку в прекрасно оборудованную лабораторию, где, читая книгу, сидел неизвестный ему мужчина.

Он был лыс, на лице его топорщились жесткие рыжие усы.

При появлении Келвина он раздраженно вскинул голову.

— Эй! — воскликнул он. — Как вы сюда попали?

— Спросите у Куарра Ви, — ответил Келвин.

— У кого???

Незнакомец отложил книгу в сторону.

Келвин призвал на помощь свою память. Оказалось, что недавно полученная информация уже частично стерлась. Он на миг еще раз воспользовался коробочкой и восстановил ее. Сейчас контакт с будущим был не столь неприятен, как прежде. Он уже

начал немного понимать мир Куарра Ви. И этот мир ему нравился. Впрочем, он полагал, что забудет и это.

— Усовершенствование белковых аналогов Вудворда, — сказал он рыжеусому. — С помощью простого синтеза.

— Кто вы такой, черт бы вас побрал?

— Зовите меня просто Джим, — ответил Келвин. — А теперь заткнитесь и слушайте. — И начал объяснять, словно имел дело с малолетним тупицей. (Перед ним был один из самых именитых химиков Америки.) — Белки состоят из аминокислот. А их — тридцать три вида...

— Нет, меньше.

— Тридцать три. Заткнитесь. Из аминокислот можно создать множество комбинаций. Таким образом, мы получаем почти бесконечное число разнообразных белковых соединений. А все живое является той или иной формой этих соединений. Полный синтез белка предполагает создание цепи из взаимосвязанных аминокислот, достаточно длинной, чтобы ее можно было признать молекулой белка. В этом-то вся трудность.

Рыжеусый явно заинтересовался.

— Фишер получил такую цепочку из восемнадцати аминокислот, — мигнув, произнес он. — Абдергальден — из девятнадцати, а Вудворд, как известно, создал цепи длиной в десять тысяч единиц. Но что касается контрольных тестов...

— Полная молекула белка состоит из последовательного набора аминокислот. Но если подвергнуть тестированию лишь один или два отрезка цепи аналога, нельзя поручиться за остальные. Минуточку, — Келвин снова прибегнул к помощи коробочки. — Ага, ясно. Итак, из синтезированного белка можно изготовить почти все. Шелк, шерсть, волосы, но что самое главное... — он чихнул, — лекарство от насморка.

— Послушайте... — начал было рыжеусый.

— Некоторые вирусы помимо прочего содержат цепи аминокислот, верно? Так измените их структуру. Сделайте их безвредными. А заодно займитесь бактериями. И синтезируйте все антибиотики.

— О, если б я мог. Однако, мистер, э...

— Зовите меня просто Джим.

— Хорошо. Однако все это не ново.

— Хватайте карандаш, — сказал Келвин. — Отныне это будет научно обоснованно и обретет реальность. Метод синтеза и экспериментальной проверки заключается в следующем...

И он подробно и четко объяснил, в чем именно. Ему только дважды понадобилось посредством той коробочки связаться с Куарра Ви. А когда он кончил, рыжеусый отложил в сторону карандаш и изумленно уставился на него.

— Невероятно, — проговорил он. — Если из этого что-нибудь получится...

— Мне нужно стать здоровым, богатым и прославиться, — упрямо заявил Келвин. — Значит, получится.

— Да, но... дорогой мой...

Однако Келвин настоял на своем.

К счастью для него, краткое обследование сознания рыжеусого выявило у того честность и умение пользоваться благоприятными обстоятельствами, так что в конце концов химик согласился подписать документ о совместном сотрудничестве с Келвином. С коммерческой точки зрения новый метод синтеза белковых соединений сулил безграничные возможности. Фирмы «Дюпон» или «Дженерал моторс» будут счастливы купить патент на это открытие.

— Мне нужно много денег. Целое состояние.

— Вы заработаете на этом миллион долларов, — ровным голосом сказал ему рыжеусый.

— В таком случае я желаю получить расписку. Черным по белому. Если только вы не отдадите мне мой миллион долларов прямо сейчас.

Нахмурившись, химик отрицательно покачал головой.

— Это невозможно. Мне ведь следует сперва провести ряд экспериментов, все проверить, потом начать переговоры с фирмами... но вы не беспокойтесь. Ваше открытие безусловно стоит миллион. Вдобавок вы прославитесь.

— И стану здоровым?

— Через некоторое время исчезнут все болезни, — спокойно объяснил ему химик. — Вот в чем истинное чудо.

— Пишите расписку, — потребовал Келвин, повысив голос.

— Ладно. Официальный документ о нашем сотрудничестве можно будет оформить завтра. А пока сойдет и это. Я понимаю, что на самом-то деле честь этого открытия принадлежит вам.

— Расписка должна быть написана чернилами. Карандаш не годится.

— Тогда вам придется с минуту подождать, — сказал рыжеусый и отправился на поиски чернил.

Келвин, сияя от радости, окинул взглядом лабораторию.

Тарн материализовался от него в трех футах.

В руке Тарн держал свое жезлоподобное оружие. Он поднял его...

Келвин тут же схватился за коробочку. Он показал Тарну нос и телепортировался на значительное расстояние.

Он мгновенно очутился неведомо где, на каком-то кукурузном поле, но зерно, не прошедшее соответствующей обработки, не представляло для него никакого интереса. Он сделал еще одну попытку. Теперь его занесло в Сиэтл.

С этого начался незабываемый двухнедельный период — запои вперемежку с бегством от охотившегося на него Тарна.

Его одолели безрадостные мысли.

Он был в состоянии ужасного похмелья, а в кармане — неоплаченный счет за номер в отеле и десять центов. Две недели непрерывных усилий обогнать Тарна с помощью телепортации на один прыжок в пространстве истощили его нервную систему.

Келвин застонал и тоскливо заморгал глазами. Он снял очки, протер их, но легче ему не стало.

Ну и болван.

Ведь он даже не знал имени того химика!

Здоровье, богатство и слава ждали его буквально за углом, но за каким? Быть может, в один прекрасный день, когда в прессе появится сообщение об открытии нового метода синтеза белков, он это узнает, но сколько времени ему придется ждать? А пока это произойдет, как быть с Тарном?

Да и сам химик тоже не может его разыскать. Он знает только, что Келвина якобы зовут Джим. Тогда эта выдумка показалась ему удачной, а теперь...

Келвин вытащил из кармана ту самую коробочку — устройство для связи с будущим — и уставился на нее покрасневшими глазами. Куарра Ви, да? Пожалуй, сейчас он испытывал к этому Куарра Ви теплые чувства. Но вот беда — через полчаса после сеанса связи, а то и раньше, он, как правило, забывал всю полученную им информацию.

На этот раз он нажал на кнопку почти в тот же миг, как Тарн принял телесное обличье и возник в нескольких от него футах.

Снова телепортация.

Теперь он очутился в какой-то пустыне. Пейзаж оживляли только кактусы и кусты юкки.

Вдали отливала багрянцем горная цепь.

Но зато не было Тарна.

Келвина начала мучить жажда. А вдруг коробочка уже не функционирует? Нет, так больше продолжаться не может. Некая идея, которая уже с неделю вызревала в его сознании, наконец оформилась, и он принял решение, настолько простое, что ему захотелось выдрать себя за промедление. Это же проще простого!

Почему он не додумался до этого в самом начале?

Он сосредоточил мысли на вопросе: «Как мне избавиться от Тарна?» И нажал на кнопку...

Спустя секунду он получил ответ. Оказывается, это и в самом деле несложно.

Гнетущее ощущение необходимости все время быть начеку вмиг исчезло. Это освежило его мышление. Все прояснилось.

Он ждал Тарна.

Ждать пришлось недолго. Задрожал раскаленный воздух, и белая фигура в тюрбане стала осязаемой реальностью.

На Келвина нацелилось жезлоподобное оружие.

Не желая рисковать, Келвин повторил в уме свой вопрос, нажал на кнопку и сразу убедился в том, что хорошо усвоил подсказанный ему способ. Он просто перестроил свое мышление, стал думать по-иному, на особый манер — так, как научил его Куарра Ви.

Тарна отбросило назад на несколько футов. Из его обрамленного усами широко разинутого рта вырвался крик.

— Не делайте этого! — завопил он. — Я же хотел...

Келвин еще больше сосредоточился на своей мысли. Он чувствовал, как энергия его мозга, изливаясь наружу, струей бьет в андроида.

Тарн захрипел:

— Я пытался... вы... не дали мне... возможность...

Тарн уже лежал на горячем песке, глядя вверх невидящими глазами.

Семипалые руки судорожно дернулись и застыли. Жизнь, которая стимулировала деятельность этого созданного искусственным путем существа, покинула андроида. Навсегда.

Келвин повернулся к нему спиной и глубоко, прерывисто втянул в легкие воздух.

Опасность миновала.

Он выбросил из головы все мысли, кроме одной, все проблемы, кроме той, единственной.

Как найти рыжеусого?

Он нажал на кнопку.

* * *

Началась же эта история вот с чего.

Куарра Ви и его андроид Тарн сидели в изгибе времени и проверяли, все ли до конца отлажено.

— Как я выгляжу? — спросил Куарра Ви.

— Сойдете за своего, — ответил Тарн. — В эпохе, в которой вы объявитесь, никто ничего не заподозрит. Кстати, на синтезирование вашего снаряжения ушло совсем немного времени.

— Верно. Надеюсь, что материал, из которого сделаны предметы моего одеяния, достаточно похож на шерстяную ткань и льняное полотно. Наручные часы, деньги — все в полном порядке. Часы... странно, не правда ли? Только представь, что есть люди, которые, чтобы определить время суток, нуждаются в каком-то механизме!

— Не забудьте очки, — сказал Тарн.

Куарра Ви надел их:

— Ух ты! Однако мне думается...

— С ними безопаснее. Оптические свойства линз предохранят вас от мозговых излучений, а это вам пригодится. Не снимайте их: ведь робот может попытаться каким-нибудь хитрым способом надуть вас.

— Пусть лучше не пробует, — сказал Куарра Ви. — Этот беглый робот, так его разэтак. Хотел бы

я знать, что он задумал? Он всегда был чем-то недоволен, но по крайней мере знал свое место. Как жаль, что я его создал. И не предугадаешь, что он может вытворить в эту почти доисторическую эпоху, если мы его не поймаем и не вернем в наше время.

— Он сейчас вон в той палатке хироманта, — сказал Тарн, выглянув из изгиба времени. — Только что прибыл. Вы должны захвтить его врасплох. И вам понадобится вся ваша смекалка. Постарайтесь не впадать в то ваше состояние, когда, углубившись в свои мысли, вы полностью отключаетесь от действительности. Эти приступы могут навлечь на вас беду. Стоит зазеваться, и ваш робот не преминет воспользоваться одной из своих уловок. Не знаю, какие еще способности он развил в себе самостоятельно, но мне доподлинно известно, что сейчас он уже первоклассный гипнотизер и специалист по стиранию памяти. Если вы не примете мер предосторожности, он в мгновение ока уберет из вашего мозга всю информацию и заменит ее ложной. В случае нежелательного развития событий я подправлю вас реабилитационным лучом, хорошо?

И он показал небольшой, похожий на жезл, лучемет.

Куарра Ви кивнул:

— Не беспокойся. Я мигом вернусь. Ведь я обещал тому сирианину, что сегодня вечером мы доиграем партию.

Это обещание он так никогда и не выполнил.

Куарра Ви вылез из изгиба времени и зашагал по дощатому настилу к палатке. Одежда казалась ему тесной, неудобной, ткань — грубой. Из-за этого он на ходу слегка поеживался. И вот уже перед ним палатка с выведенным на ней масляной краской призывом заглянуть в свое будущее.

Он откинул холщовый занавес, и какой-то предмет — кажется, небрежно повешенная веревка — мазнул его по лицу, сбив набок очки в роговой оправе.

В тот же миг ослепительный голубоватый свет ударил ему в незащищенные глаза.

Он почувствовал, что теряет ориентацию и все внутри и вне его как-то странно сместилось, но это ощущение почти сразу же прошло.

— Вы — Джеймс Келвин, — сказал робот.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Тор был первым роботом, не потерявшим рассудка. Впрочем, лучше бы он последовал примеру своих предшественников. Труднее всего, конечно, создать достаточно сложную мыслящую машину, и в то же время не слишком сложную. Робот Болдер 4 удовлетворял этому требованию, но не прошло и трех месяцев, как начал вести себя загадочно: отвечал невпопад и почти все время тупо глядел в пространство. Когда он действительно стал опасен для окружающих, Компания решила принять свои меры. Разумеется, невозможно было уничтожить робота, сделанного из дюралоя: Болдера 4 похоронили в цементе. Прежде чем цементная масса застыла, пришлось бросить в нее и Марса II.

Роботы действовали, это бесспорно. Но только ограниченное время. Потом у них в мозгу что-то портилось, и они выходили из строя. Компания даже не могла использовать их детали: размягчить затвердевший сплав из пластиков было невозможно и при помощи автогена. И вот двадцать восемь обезумевших роботов покоились в цементных ямах, напоминавших главному инженеру Харнаану о Рэдингской тюрьме.

— И безыменны их могилы! — торжественно воскликнул Харнаан, растянувшись в своем кабинете на диване и выпуская кольца дыма.

Харнаан был высокий человек с усталыми глазами, вечно нахмуренный. И это неудивительно в эпоху гигантских трестов, всегда готовых перегрызть друг другу горло ради экономического господства. Борьба трестов кое-чем даже напоминала времена феодальных распрей. Если какая-нибудь компания терпела поражение, победительница присоединяла ее к себе — и «горе побежденным!».

Ван Дамм, которого, скорее всего, можно было назвать инженером аварийной службы, кусал ногти, сидя на краю стола. Он был похож на гнома — низенький, темнокожий, с умным морщинистым лицом, таким же бесстрастным, как у робота Тора, который неподвижно стоял у стены.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Ван Дамм, взглянув на робота. — Твой мозг еще не испортился?

— Мозг у меня в полном порядке, — ответил Тор. — Готов решить любую задачу.

Харнаан повернулся на живот.

— О'кэй. Тогда реши вот такую: Лаксингэмская компания увела у нас доктора Сэлдера вместе с его формулой увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа. Этот негодяй держался за нас, потому что здесь ему больше платили. Они надбавили ему, и он перекинулся в Лаксингэм.

Тор кивнул.

— У него был здесь контракт?

— Четырнадцать Х-семь. Обычный контракт металлургов. Практически нерасторжимый.

— Суд станет на нашу сторону. Но лаксингэмские хирурги, специалисты по пластическим операциям, поторопятся изменить внешность Сэдлера и отпечатки его пальцев. Дело будет тянуться... два года. За это время Лаксингэм выжмет все, что возможно, из его формулы увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

Ван Дамм состроил страшную гримасу.

— Реши эту задачу, Тор.

Он бросил беглый взгляд на Харнаана. Оба они знали, что должно сейчас произойти. Они не зря возлагали надежды на Тора.

— Придется применить силу, — сказал Тор. — Вам нужна формула. Робот не отвечает перед законом — так было до сих пор. Я побываю в Лаксингэме.

Не успел Харнаан неохотно процедить: «О'кэй», как Тора уже и след простыл.

Главный инженер нахмурился.

— Да, я знаю, — кивнул Ван Дамм. — Он просто войдет и стащит формулу. А нас опять привлекут к ответственности за то, что мы выпускаем машины, которыми невозможно управлять.

— Разве грубая сила — это лучшее логическое решение?

— Вероятно, самое простое. Тору нет надобности изобретать сложные методы, не противоречащие законам. Ведь это неразрушимый робот. Он просто войдет в Лаксингэм и возьмет формулу. Если суд признает Тора опасным, мы можем похоронить его в цементе и сделать новых роботов. У него ведь нет своего «я», вы же знаете. Для него это не имеет значения.

— Мы ожидали большего, — проворчал Харнаан. — Мыслящая машина должна придумать многое.

— Тор может придумать многое. Пока что он не потерял рассудка, как другие. Он решал любую задачу, какую бы мы ему ни предлагали, даже эту кривую тенденций развития, которая поставила в тупик всех остальных.

Харнаан кивнул.

— Да. Он предсказал, что выберут Сноумэни... это выручило компанию из беды. Он способен думать, это бесспорно. Держу пари, что нет такой задачи, которую он не смог бы решить. И все-таки Тор недостаточно изобретателен.

— Если представится случай... — Ван Дамм вдруг отклонился от темы. — Ведь у нас монополия на роботов. А это уже кое-что. Пожалуй, пришло время поставить на конвейер новых роботов типа Тора.

— Лучше немного подождем. Посмотрим, потеряет ли Тор рассудок. Пока что он самый сложный из всех, какие у нас были.

Видеотелефон, стоявший на столе, вдруг ожил. Послышались крики и ругань.

— Харнаан! Ах ты, вшивый негодяй! Бесчестный убийца! Ты...

— Я записываю ваши слова, Блейк! — крикнул инженер, вставая. — Не пройдет и часа, как против вас будет возбуждено обвинение в клевете.

— Возбуждай и будь проклят! — завопил Блейк из Лаксингэмской компании. — Я сам приду и разобью твою обезьянью челюсть! Клянусь Богом, я сожгу тебя и наплюю на твой пепел!

— Теперь, он угрожает убить меня, — громко сказал Харнаан Ван Дамму. — Счастье, что я записываю все это на пленку.

Багровое лицо Блейка на экране стало размываться. Однако прежде чем оно окончательно исчезло, на его месте появилось другое — гладко выбритая, вежливая физиономия Йэйла, начальника полицейского участка. Йэйл, видимо, был озабочен.

— Послушайте, мистер Харнаан, — печально произнес он, — так не годится. Давайте рассуждать здраво, идет? В конце концов я тут блюститель закона...

— Гм! — вполголоса хмыкнул Харнаан.

— ...и не могу допускать членовредительство. Может быть, ваш робот лишился рассудка? — с надеждой спросил он.

— Робот? — повторил Харнаан с удивлением. — Я не понимаю. О каком роботе вы говорите?

Йэйл вздохнул.

— О Торе. Конечно, о Торе. О ком же еще? Теперь я понял, что вы ничего об этом не знаете. — Он даже осмелился сказать это слегка саркастическим тоном. — Тор явился в Лаксингэм и все там перевернул вверх дном.

— Неужели?

— Ну да. Он прямо прошел в здание. Охрана пыталась его задержать, но он просто всех растолкал и продолжал идти. На него направили струю огнемета, но это его не остановило. В Лаксингэме достали все защитное оружие, какое только было в арсенале, а этот ваш дьявольский робот все шел и шел. Он схватил Блейка за шиворот, заставил его отпереть дверь лаборатории и отобрал формулу у одного из сотрудников.

— Удивительно, — заметил пораженный Харнаан. — Кстати, кто этот сотрудник? Его фамилия не Сэдлер?

— Не знаю... подождите минутку. Да, Сэдлер.

— Так ведь Сэдлер работает на нас, — объяснил инженер. — У нас с ним железный контракт. Любая формула, какую бы он ни вывел, принадлежит нам.

Йэйл вытер платком блестевшие от пота щеки.

— Мистер Харнаан, прошу вас! — проговорил он в отчаянии. — Подумайте только, каково мое положение! По закону я обязан что-то предпринять. Вы не должны позволять своему роботу совершать подобные насилия. Это слишком... слишком...

— Бьет в глаза? — подсказал Харнаан. — Так я же вам объяснил, что все это для меня новость. Я проверю и позвоню вам. Между прочим, я возбуждаю обвинение против Блейка. Клевета и угроза убийства.

— О Господи, — вздохнул Йэйл и отключил аппарат.

Ван Дамм и Харнаан обменялись восхищенными взглядами.

— Прекрасно, — захихикал похожий на гнома инженер аварийной службы. — Это порочный круг. Блейк не станет бомбардировать нас — и у нас и у них слишком сильная противовоздушная оборона. Так что дело пойдет в суд. В суд!

Он криво усмехнулся.

Харнаан снова улегся на диван.

— Лучшее, что мы когда-либо сделали, — это наше решение бросить все силы на таких роботов. Через десять лет Компания будет господствовать над всем миром. И над другими мирами тоже. Мы сможем запускать космические корабли, управляемые роботами.

Дверь отворилась, и появился Тор. Вид у него был обычный. Он положил на стол тонкую металлическую пластинку.

— Формула увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

— У тебя нет повреждений?

— Нет, это невозможно.

Тор подошел к картотеке, вынул оттуда конверт и снова исчез.

Харнаан встал и начал рассматривать пластинку.

— Да. Это она. — Он опустил ее в щель движущейся ленты. — Иногда все разрешается совсем просто. Пожалуй, на сегодня я кончил. Послушайте! А что это Тор сейчас замышляет?

Ван Дамм посмотрел на него.

— А?

— Зачем он полез в картотеку? Что у него на уме? — Харнаан порылся в регистраторе. — Какая-то статья по электронике — не знаю, зачем она ему понадобилась. Наверное, собирается заняться какими-то самостоятельными исследованиями.

— Возможно, — сказал Ван Дамм. — Посмотрим.

Они спустились на лифте в подвальный этаж, в мастерскую робота, но там никого не было. Харнаан включил телевизор.

— Проверка. Где Тор?

— Одну минуту, сэр... В седьмой литейной. Соединить вас с мастером?

— Да. Айвер? Чем занимается Тор?

Айвер почесал затылок.

— Ну и дьявол! Он вбежал сюда, схватил таблицу пределов прочности на разрыв и снова выбежал. Подождите минутку. Вот он опять здесь.

— Дайте мне поговорить с ним, — попросил Харнаан.

— Пожалуйста... — Резко очерченное лицо Айвера исчезло, но тут же вновь появилось. — Не успел. Он взял кусок синтоплата и вышел.

— Гм-гм, — промычал Ван Дамм. — Вы не думаете...

— Что он лишился рассудка, как и остальные? — проворчал Харнаан. — Они себя так не вели. Но, впрочем, все возможно.

Как раз в эту минуту появился Тор. В своих резиновых руках он держал кучу всевозможных предметов.

Не замечая Харнаана и Ван Дамма, он положил все это на скамью и начал раскладывать, работая быстро и точно.

— Он в своем уме, — заметил Харнаан. — Лампочка горит.

Во лбу Тора светился красный сигнальный огонек — он зажигался, когда робот был занят решением задачи. Это новое усовершенствование позволяло проверить, не лишился ли робот рассудка. Если бы огонек мигал, это означало бы, что нужно кое о чем позаботиться — приготовить свежую порцию цемента, чтобы устроить могилу для обезумевшего робота.

— Тор! — грубо обратился к нему Ван Дамм.

Робот не ответил.

— Должно быть, трудная задача. — Харнаан нахмурился. — Интересно, что это такое?

— Любопытно, что навело его на эту мысль, — сказал инженер аварийной службы. — Наверняка какие-то недавние события. Может, он занимается

усовершенствованием процесса производства заменителя железа?

— Возможно. Гм-гм...

Несколько минут они смотрели, как трудится робот, но ни о чем не могли догадаться. В конце концов, вернувшись в кабинет Харнаана, они выпили по рюмке, рассуждая о том, что мог затеять Тор. Ван Дамм стоял на своем, считая, что это, вероятно, усовершенствование процесса производства заменителя железа, а Харнаан не соглашался с ним, но не мог придумать ничего более правдоподобного.

Они все еще спорили, когда увидели в телевизоре, что в подвальном помещении произошел взрыв.

— Атомная энергия! — одним прыжком вскочив с дивана, крикнул Харнаан. Он бросился к лифту; Ван Дамм поспешил за ним. В подвале кучка людей собралась у двери в мастерскую Тора.

Харнаан пробился к ней и, переступив порог, вошел в облако цементной пыли. Когда оно рассеялось, он увидел у своих ног разбросанные куски сплава. Это были остатки Тора. Робота, по-видимому, уже нельзя было отремонтировать.

— Забавно, — пробормотал Харнаан. — Взрыв был не очень сильный. Но если он разрушил Тора, то должен был разрушить и весь завод, во всяком случае подвал. Ведь дюралой почти расплавился.

Ван Дамм не ответил. Харнаан взглянул на него и увидел, что инженер аварийной службы смотрит на какой-то прибор, парящий в пыльном воздухе на расстоянии нескольких метров от них.

Несомненно, это был прибор. Харнаан узнал некоторые детали из тех, что Тор принес в свою мастерскую. Но разгадать, что это за агрегат и для какой цели он предназначается, было нелегко. Он походил на игрушку, составленную каким-то странным ребенком из деталей набора «Конструктор».

Это было нечто вроде цилиндра длиной сантиметров шестьдесят, диаметром — тридцать, с линзой, движущимися частями и проволочной катушкой. Прибор гудел.

Вот и все, что можно было о нем сказать.

— Что это за штука, черт побери? — спросил Харнаан.

Ван Дамм осторожно отступил к обломкам двери. Он отдал порывистые торопливые приказания. Стенные панели плотно сдвинулись, и человек в синей форменной куртке поспешно подошел к инженеру аварийной службы.

— Все задержаны, начальник.

— Хорошо, — сказал Ван Дамм. — Загипнотизируйте этих ребят.

Он кивнул в сторону рабочих. Их было человек двадцать. Они беспокойно задвигались.

— Хотим знать причину, сэр! — крикнул кто-то из них.

Ван Дамм улыбнулся.

— Причина ясна. Вы видели, что осталось от Тора. Если распространится слух, что один из наших неразрушимых роботов может быть разрушен, другие компании начнут нам пакостить. Помните, что произошло со стальными роботами, которые мы выпускали? Их портили.

Вот почему мы стали производить роботов из дюралоя. Это единственный практически применимый тип. Мы только уберем из вашего мозга представление о том, что Тор сгорел. Тогда ни Лаксингэм, ни другие компании не смогут получить этой информации, даже если применят к вам действие скополамина.

Удовлетворенные его ответом, рабочие стали выходить один за другим.

Харнаан по-прежнему смотрел на прибор непонимающим взглядом.

— На нем нет выключателя, — заметил он. — Интересно, что приводит его в движение?

— Может быть, мысль, — предположил Ван Дамм. — Но будьте осторожны. Нельзя запускать прибор, пока мы не узнаем его назначения.

— Что ж, логично, — кивнул Харнаан и вдруг изменился в лице.

— Я только сейчас начинаю понимать, зачем создана эта машина. Предполагалось, что Тор неразрушим.

— Нет ничего абсолютно неразрушимого.

— Знаю. Но дюралой... гм-гм-гм. Посмотрите, там линза. Может быть, она здесь для того, чтобы фокусировать какие-то мощные лучи, разрушающие атомную структуру сплавов? Нет. Ведь от Тора-то

остался дюралой! Значит, не в этом дело. А все-таки... Берегись!

Он пригнулся и быстро отскочил в сторону, потому что прибор, висевший в воздухе, начал медленно вращаться.

Ван Дамм нырнул в дверь.

— Вы привели его в действие! Уйдем отсюда!

Но он опоздал. Прибор пронесся у него над головой, выдернув на лету клок седых волос, и стукнулся о металлическую перегородку, разделявшую помещения подвала. Харнаан и Ван Дамм стояли в проеме двери, которая вела в мастерскую робота, и смотрели, как прибор медленно прогрызал себе путь сквозь твердую сталь.

И вот он исчез.

Харнаан взглянул на телевизор, стоявший позади него. Экран был разбит взрывной волной. Главный инженер вздрогнул.

— Нам лучше пойти вслед за ним. Не думаете ли вы... — Он осекся.

Ван Дамм испытующе посмотрел на него.

— Что?

— Нет, ничего. Пожалуй. Но... Я думаю о механической мутации.

— Вы сошли с ума, как наши роботы, — убежденно заявил Ван Дамм. — Механическая чушь!

— А все же подумайте! Когда жизнь достигает какого-то кульминационного пункта, происходит мутация. Это биологический закон. Предположите, что Тор создал робота еще более совершенного, чем он сам, и... и...

— Эта штука, — сказал Ван Дамм, указывая на дыру в стене, — может быть чем угодно, но только не роботом. Это машина. И машина мыслящая. Но она обладает силой, огромной силой. Наше дело — выяснить, как применять эту силу. — Он помолчал.

— Могли бы мы записать мысли Тора?

Харнаан покачал головой.

— Не выйдет. Его мозг сгорел. Я это проверил.

— А роботы не оставляют записей. Но ведь можем же мы как-то выяснить назначение этого прибора.

— Пока что мы знаем, что он прожигает отверстия в стали, — заметил Харнаан.

— И останавливает часы, — добавил Ван Дамм, посмотрев на свой ручной хронометр. — Мы должны поставить себя на место робота и понять, что ему могло прийти в голову.

Харнаан взглянул на инженера аварийной службы и поспешно вышел в соседнюю комнату. Там не было никаких признаков машины. Но дыра в потолке объясняла все, что здесь произошло.

Они поднялись по лестнице и на экране телевизора, стоявшего в холле, увидели, что прибор висит неподвижно в одном из цехов. Он оставался в том же положении, когда Ван Дамм и Харнаан вошли в цех. Пятьдесят металлических станков были выстроены в ряд; рабочие с удивлением смотрели на плавающий в воздухе предмет.

Подошел мастер.

— Что это такое? — спросил он. — Новая выдумка Лаксингэма? Может быть, бомба?

— Как она действует?

— Никак. Только станки не работают.

Ван Дамм взял длинный шест с металлическим наконечником и приблизился к загадочной машине. Она медленно поплыла прочь. Загнав ее в угол, он ткнул в нее шестом — никакого результата. Тон гудения не изменился.

— Теперь попробуйте включить станки, — предложил Харнаан.

Они по-прежнему не работали. Но прибор, будто почуяв, что может завоевать новые миры, скользнул к двери, прожег себе путь сквозь нее и исчез.

Теперь он вырвался из большого здания. С балкона, выступавшего над высокой, как утес, стеной, Харнаан и Ван Дамм могли, глядя вверх, видеть, как прибор плавно поднимается к небу. Он исчез где-то в вышине; на голову им полетели осколки плексигласа. Они едва успели спрятаться.

— Он наверху, — кратко сказал Харнаан. — Чует мое сердце, что в кабинете Туилла.

Все было ясно. Джозеф Туилл был одним из совладельцев Компании, богоподобным существом, пребывавшим в разреженной атмосфере, в самых высоких башнях.

Встревоженная охрана впустила их в служебные апартаменты Туилла. Как и предполагал Харнаан,

случилось самое худшее. Загадочно гудящий прибор опустился на стол к магнату. Сам Туилл, оцепенев от ужаса, скорчился в своем кресле и тупо уставился на машину.

Он то вздрагивал и бледнел как полотно, то снова приходил в себя с интервалами примерно в три минуты.

Ван Дамм выхватил пистолет.

— Дайте мне ацетиленовый резак! — крикнул он и решительно направился к прибору, который поплыл к Туиллу. Инженер аварийной службы, быстро повернувшись, выстрелил. Он промахнулся. Прибор поднялся вверх, помедлил, а потом пошел вниз сквозь письменный стол со всеми его ящиками, сквозь ковер и пол — и исчез. Гудение постепенно утихло.

Туилл вытер лицо.

— Что это было? — выговорил он. — Лаксингэм? Я думал...

Ван Дамм посмотрел на Харнаана. Тот перевел дух и сообщил шефу все, что они знали.

— Теперь мы уничтожим его, — закончил он. — Ацетиленовый резак быстро его расплавит — ведь это не дюралой.

Туилл снова напустил на себя важный вид.

— Стойте, — приказал он, когда Харнаан уже повернулся к двери. — Не уничтожайте его без надобности. Может, это все равно что взорвать алмазные россыпи. Эта штука, должно быть, стоящая, даже если это оружие.

— Она вам не причинила вреда? — спросил Ван Дамм.

— Собственно говоря, нет. Сердце у меня то сжималось и замирало, то опять начинало биться правильно.

— На меня она так не действовала, — заметил Харнаан.

— Нет? Может, и придется ее уничтожить, но помните — только в случае крайней необходимости. Тор был толковым роботом. Если мы узнаем назначение этой штуки...

Выйдя из кабинета, Ван Дамм и Харнаан посмотрели друг на друга. Разумеется, Туилл был совершенно прав. Если бы только можно было изучить возможности этого прибора! Вероятно, они неограничен-

ны. По внешнему виду ничего нельзя было сказать. Он прожег металлическую стену, но это можно было сделать с помощью ацетилена или термита. Его неуловимое излучение подействовало на сердце Туилла. Но это тоже ни о чем не говорило. Не был же прибор создан только для того, чтобы испортить Туиллу самочувствие.

Прибором никто не управлял, но это не значило, что им нельзя было управлять. И все-таки только Тор мог сказать, для чего он так поспешно построил эту машину.

— Попробуем проследить, какие она дает побочные эффекты; может быть, это позволит установить ее назначение, — предложил Харнаан.

Ван Дамм возился в холле с телевизором.

— Подождите минутку. Я хочу выяснить...

Он резко заговорил в микрофон. Потом охнул с искренним огорчением.

Все часы на заводе остановились. Все точные инструменты пришли в негодность. Если верить показаниям сейсмографа, происходило сильное землетрясение. Если верить барометру, бушевал ураган. А если судить по действию атомного ускорителя, вся материя стала до невозможности инертной.

— Планк, — наугад сказал Харнаан, хватаясь за соломинку. — Коэффициент невероятности. Он переворачивает законы вероятности.

— Возьмите себя в руки, — посоветовал Ван Дамм. — Вы скоро начнете считать по пальцам. Мы имеем дело с логичной, лишенной эмоций наукой. Стоит только найти ключ, и все станет ясным, как дважды два.

— Но мы не знаем всех возможностей робота. Он мог создать что угодно... нечто выходящее за пределы нашего понимания.

— Вряд ли, — с присущим ему здравым смыслом заметил Ван Дамм. — До сих пор с точки зрения современной науки прибор не совершил ничего невозможного.

Телевизор истерически застрекотал. На глазах у них все сотрудники Исследовательского отдела В-14 превратились в скелеты, а потом и вовсе исчезли. Разумеется, там побывал прибор.

— Х-лучи, — произнес Ван Дамм немного хриплым голосом. — Я все-таки схожу за резаком. Так мне будет спокойнее.

Пока они доставали это оружие, оказалось, что исчезнувшие сотрудники появились снова, причем загадочный эксперимент нисколько им не повредил. Тем временем прибор посетил Отдел личного состава, до истерики испугал секретаршу, засветил пленки и привел в состояние невесомости огромный сейф, так что тот повис на потолке, среди кусков раздавленного пластика.

— Теперь он уничтожает силу тяжести, — с горечью констатировал Харнаан. — Попробуйте свести воедино все, что нам о нем известно. До сих пор мы знали, что прибор уничтожает силу тяжести, делает людей невидимыми, выключает электроэнергию и вызывает у Туилла сердечные приступы. Все говорит только о том, что это машина разрушения.

— Она ведет себя все хуже и хуже, — согласился Ван Дам. — Но нужно еще поймать ее, прежде чем мы сможем направить шланг на эту проклятую штуковину.

Он пошел было к лифту, но передумал и включил ближайший телевизор. Новости были отнюдь не обнадеживающие. Прибор забрался в продуктовый склад, и там скисло все молоко.

— Хотел бы я напустить его на Лаксингэм, — заметил Харнаан. — Ну и натворил бы он там делишек... Бог свидетель, нам-то он изо всех сил старается навредить! Если бы мы только знали, как им управлять!

— Телепатическим способом, — во второй раз подсказал Ван Дамм. — Но нам нельзя пробовать. Судя по тому, что он уже натворил, он расщепит на нейтроны весь округ, если мы... ха-ха!.. попытаемся управлять им.

— Может быть, только робот способен им управлять, — произнес Харнаан и вдруг, просияв, щелкнул пальцами.

— Ну, что?

— Нам нужен второй робот, построенный по образцу Тора. Он совсем готов, закончен, и в его электронную память вложена целая библиотека. Остается только снабдить его энергией. Да, вот это идея. Мы

не можем представить себе назначение этого прибора, но другой робот, такой же, как Тор, сможет. Ведь он обладает совершенной логикой, не так ли?

— Даже с некоторым избытком, — нерешительно сказал Ван Дамм. — А вдруг он направит прибор на нас? А что если этот агрегат создан для того, чтобы превратить роботов в господствующую расу?

— Теперь вы рассуждаете так, будто сами спятили, — съязвил Харнаан.

Он передал по телевизору какие-то распоряжения и, улыбаясь, отошел от него. Через пятнадцать минут должен был явиться Тор II в состоянии рабочей готовности, мыслящий и способный разрешать любые задачи.

Однако эти четверть часа прошли в тревоге и волнениях. Прибор, словно подстрекаемый каким-то демоном, стремился забраться в каждый отдел гигантского предприятия. Он превратил ценную партию золотых слитков в почти ничего не стоящий свинец. Он аккуратно, полосками снял одежду с важного клиента в верхней башне. Потом снова пустил в ход все часы, но только в обратную сторону. И еще раз нанес визит несчастному мистеру Туиллу, вызвав у него новый сердечный приступ, после чего от босса стало исходить неясное красноватое сияние, которое окончательно исчезло только через месяц после этого происшествия.

За эти пятнадцать минут нервы у всех были взвинчены еще больше, чем в последний раз, когда бомбардировщики Лаксингэма кружили над башнями Компании. Туилл пытался что-то объяснить своим компаньонам в Нью-Йорке и Чикаго и выкрикивал проклятия. Техники и аварийные монтеры налетали друг на друга в холлах. Над зданием парил вертолет, готовый сбить прибор, как только тот попытается ускользнуть. Акционеры Компании молили небеса, чтобы прибор в конце концов оставил их в покое.

А загадочный нервирующий прибор, который всегда появлялся неожиданно, весело плыл своей дорогой, пока что причинив не так уж много вреда, если не считать того, что он дезорганизовал всю Компанию. Пока подготавливали Тора II, Харнаан грыз ногти. Затем он помог быстро смонтировать робота и вместе с ним спустился в лифте, чтобы присоединиться к

Ван Дамму, который запасся резаком и ожидал Харнаана на одном из нижних этажей, где в последний раз видели прибор.

Ван Дамм окинул робота испытующим взглядом.

— Ему заданы условия и он может действовать?

— Да, — кивнул Харнаан. — Ты знаешь, чего мы хотим, Тор II, не так ли?

— Да, — ответил робот. — Но, не видя аппарата, я не могу определить его назначение.

— Спору нет, — проворчал Ван Дамм, когда мимо него с визгом пронеслась какая-то блондинка. — Наверное, он в этой конторе.

Ван Дамм пошел впереди. Из конторы, конечно, все убежали, а прибор, слабо жужжа, висел в воздухе посреди комнаты. Тор II прошел вслед за Харнааном и остановился, пристально разглядывая загадочную машину.

— Он живой? — тихо спросил Харнаан.

— Нет.

— Его назначение?

— Подождите. Он создан для того, чтобы решить определенную задачу... Это несомненно. Но я не знаю, решит ли он задачу, для которой он был создан. Есть только один способ получить ответ.

Тор II шагнул вперед. Прибор плавал, и линза была нацелена на робота. Какой-то инстинкт предостерег Харнаана. Он услышал, как гудение усилилось, и в тот же миг бросился к Ван Дамму. Оба они повалились под стол, причем портативный резак, выскользнув из рук инженера аварийной службы, тяжело стукнулся о стену и ушиб ногу Харнаана.

Но он почти не почувствовал боли, так как был поглощен более важными событиями. От прибора протянулся яркий розовый луч и осветил Тора II. В то же время гудение усилилось и перешло в пронзительный, действующий на нервы вой. Он длился недолго — затем раздался взрыв, который ослепил и оглушил обоих людей. На них обрушился стол.

Харнаан надрывно закашлялся и что-то пробормотал. Он почувствовал, что остался жив, и даже слегка удивился этому. Поднимаясь, он успел заметить, как Ван Дамм выскочил вперед, держа в руке

резак и направляя воющее пламя на прибор, который не сделал никакой попытки ускользнуть. Он накалился докрасна и затем начал плавиться. Капли металла потекли на пол. Прибор, или, вернее, то, что от него осталось, упал с глухим стуком, теперь уже безвредный и лишенный смысла.

Ван Дамм отвел шланг. Тихое гудение прекратилось.

— Опасная штука, — сказал он, глядя на Харнаана блуждающим взглядом. — Успел как раз вовремя. Вы ранены?

Как раз вовремя! — повторил Харнаан, указывая на робота. — Взгляните сюда!

Ван Дамм увидел Тора II, которого постигла та же участь, что и Тора I. Разбитый, расплавленный робот лежал возле двери.

Харнаан провел рукой по щеке и посмотел на почерневший металл. Он прислонился к столу; постепенно лицо его прояснилось, и он улыбнулся. Ван Дамм в изумлении глядел на него.

— Какого черта...

Но Харнааном овладел почти истерический смех.

— Он... он выполнил свое назначение, — наконец выговорил главный инженер. — Какой... какой удар для Компании! Прибор сработал!

Ван Дамм схватил его за плечо и начал трясти. Харнаан успокоился, хотя губы его все еще кривились в улыбке.

— О'кэй, — произнес он наконец. — Я... я ничего не мог с собой поделать. Очень уж забавно!

— Что? — спросил Ван Дамм. — Если вы видите здесь что-то забавное...

Харнаан перевел дух.

— Этот... ну, этот порочный круг. Разве вы еще не догадались, зачем был создан этот прибор?

— Лучи смерти или что-нибудь в этом роде?

— Вы упустили из виду, что сказал Тор II: есть только один способ узнать, может ли прибор сделать то, ради чего он был создан.

— Ну, так какой же это способ?

Харнаан фыркнул.

— Логика. Рассуждайте логически. Помните первых роботов, которых мы изготовляли? Их всех портили, и потому мы стали выпускать роботов из дю-

ралоя, которых, по идее, нельзя было разрушить. А роботы создавались для того, чтобы решать задачи, — в этом был смысл их существования. Все шло хорошо до тех пор, пока они не теряли рассудка.

— Я это знаю, — нетерпеливо произнес Ван Дамм. — Но при чем тут прибор?

— Они теряли рассудок, — сказал Харнаан, — когда перед ними вставала неразрешимая задача. Это элементарная психология. Перед Тором встала та же задача, но он разрешил ее.

По лицу Ван Дамма стало видно, что он постепенно начинает догадываться.

— Неразрушимый он или нет!

— Ну, конечно! Рано или поздно все роботы задумывались над задачей, неизбежно вставшей перед ними: как они сами могут быть разрушены. Мы конструировали их таким образом, чтобы они в большей или меньшей степени могли думать самопроизвольно. Это был единственный способ сделать их хорошими мыслящими машинами. Перед роботами, похороненными в цементе, вставала задача: каким образом разрушить самих себя; не в силах ее решить, они теряли рассудок. Тор I оказался умнее. Он нашел ответ. Но у него был единственный способ проверить правильность решения — на себе самом!

— Но... Тор II...

— То же самое. Он знал, что прибор подействовал на Тора I, но не знал, подействует ли на него самого. Роботы обладают холодной логикой. У них нет инстинкта самосохранения. Тор II просто испытал прибор, чтобы посмотреть, сможет ли он решить ту же задачу. — Харнаан перевел дух. — Прибор решил ее.

— Что мы скажем Туиллу? — безучастно спросил Ван Дамм.

— Что мы можем ему сказать? Правду, — что мы зашли в тупик. Единственные роботы, которых нам стоит производить, — это мыслящие машины из дюралоя, а они будут уничтожать самих себя, как только начнут задавать себе вопрос, в самом ли деле их нельзя разрушить. Каждый из выпущенных нами роботов дойдет до последнего испытания — саморазрушения.

Если мы сделаем их не такими разумными, их нельзя будет применять. Если мы перестанем приме-

нять дюралой, Лаксингэм или другая компания начнет их портить. Роботы, конечно, замечательная вещь, но они родятся со стремлением к самоубийству. Ван Дамм, я боюсь, нам придется сказать Туиллу, что Компания зашла в тупик.

— Так в этом состояло истинное назначение прибора, а? — пробормотал инженер аварийной службы. — А все остальные его проделки — это лишь побочные явления, результаты действия неуправляемой машины?

— Да...

Харнаан направился к двери, обойдя полурасплавленные останки робота. Он с грустью взглянул на свое погибшее создание и вздохнул.

— Когда-нибудь, возможно, мы и найдем выход. Но сейчас, по-видимому, получился порочный круг. Нам не следовало называть его Тором, — добавил Харнаан, выходя в холл. — Я думаю, правильнее было бы назвать его Ахиллом.

Дьявол выжал из себя улыбку.

— Знаете, — сказал он, — это как-то не принято... Я даже и не уверен...

— Короче, нужна вам моя душа или нет? — напрямик спросил Джеймс Фенвик.

— Нужна, конечно, — был ответ. — Но придется еще подумать. При данных обстоятельствах я что-то не представляю, как я ее получу...

— Ну, разве я так уж много прошу? — заметил Фенвик, потирая руки. — Всего-навсего бессмертия. Ума не приложу, почему раньше никто не додумался. По-моему, дело верное. Ну, смелей же, смелей решайтесь. Или захотелось на попятную?

— Да нет, — поспешил заверить дьявол. — Просто... знаете, Фенвик, я не уверен, отдаете ли вы себе отчет... Ведь бессмертие — это довольно долго...

— Вот именно. И весь вопрос — будет ему конец или нет. Если да, вы получаете мою душу. Если нет... — Фенвик легонько махнул рукой. — Тогда выигрываю я.

— О, конец-то будет, — заявил дьявол мрачно, даже зловеще. — Просто в настоящее время я как-то не хотел бы брать на себя такое долгосрочное обязательство. Ведь вам не понравится быть бессмертным, Фенвик, поверьте мне...

— Ха, — сказал Фенвик.

— Не понимаю. И чего вам так приспичило с этим бессмертием?.. — Дьявол раздраженно постукивал кончиком хвоста по ковру.

— Мне? Ничуть, — изрек Фенвик. — По сути дела, бессмертие — это просто попутно... Главное, мне хотелось бы кое-что предпринять, не опасаясь последствий...

— Я мог бы это для вас устроить, — тут же нашелся дьявол.

— Но тогда, — Фенвик поднял руку, чтобы его не перебили, — договор на том, естественно, и кончался бы. А так я приобретаю не только запас всевозможных иммунитетов, но вдобавок еще и бессмертие. Принимаете мои условия — хорошо, не хотите — не надо...

Дьявол встал и принялся, нахмурившись, мерить комнату шагами. Прошло какое-то время, прежде чем он поднял голову.

— Ладно, — сказал он деловым тоном. — Я согласен.

— Правда?.. — Фенвик вдруг почувствовал известное разочарование. Час пробил, пора ставить точку, но, может статься... Он посмотрел неуверенно на зашторенное окно. — А как... как же вы это сделаете?..

— Биохимия, — сказал дьявол. Теперь он решился и, казалось, был совершенно уверен в себе. — И квантовая механика. Ваш организм получит способность к регенерации, а кроме того, придется осуществить кое-какие пространственно-временные изменения. Вы приобретаете полную независимость от внешней среды. Среда — нередко самый фатальный фактор...

— А я? Я останусь таким же, как был, видимым, осязаемым, без обмана?

— Какой еще обман! — дьявол принял оскорбленный вид. — Если уж говорить об обмане, так, мне сдается, это вы пытаетесь надуть меня, а не наоборот. Нет, нет, Фенвик! Обещаю вам, вы получите по договору сполна. Станете закрытой системой, как Ахилл. Совсем закрытой, за исключением пятки. Понимаете сами, должна же быть какая-то уязвимая точка...

— Нет, — быстро вставил Фенвик, — так я не согласен.

— Боюсь, тут уж ничего не попишешь. Закрытая система обезопасит вас от любых внешних воздействий. А внутри системы будете только вы. Система — это же и есть вы. И это в ваших собственных интересах оставаться хотя бы чуточку уязвимым... — Дьявол махнул хвостом по ковру. Фенвик встревожился и пристально глядел на него. — Ведь если со временем вы сами решите прекратить свою жизнь, даже я

не смогу защитить вас. Подумайте, в самом деле, ведь через несколько миллионов лет вам, может, и захочется умереть.

— Как не вспомнить Титона! — воскликнул Фенвик. — Я сохраню и молодость, и здоровье, и внешность, и все способности...

— Конечно, конечно. Я сам не заинтересован в том, чтобы вас обманывать, условия меня устраивают. Я имел в виду, что вас, быть может, одолеет самая обыкновенная скука...

— А вы — вы скучаете?

— Бывало, — признался дьявол.

— Вы бессмертны?

— Естественно.

— Тогда почему же вы себя не убили? Или не смогли?

— Смог, — ответил дьявол уныло, — в том-то и дело, что смог... Давайте лучше поговорим об условиях нашего контракта. Бессмертие, молодость, здоровье... неуязвимость во всем, за единственным исключением самоубийства. В обмен я получу вашу душу после вашей смерти.

— Зачем? — неожиданно полюбопытствовал Фенвик.

Дьявол взглянул на него угрюмо.

— Ваше падение, как и падение каждой новой души, заставляет меня на минутку забыть о своей... — Он сделал нетерпеливое движение. — Однако все это софистика. Вот... — Он выхватил из воздуха свиток пергамента и гусиное перо. — Вот наше соглашение.

Фенвик прочел весь свиток с полным вниманием. В одном месте он поневоле остановился и поднял глаза на дьявола.

— Это еще что? — спросил он. — Я не знал, что надо оставлять залог...

— Разумеется, мне нужен своего рода залог. Или вы представите поручителя?

— Нет, конечно, — признался Фенвик. — Боюсь, такого не сыщешь даже в камере смертников. Какой же это залог?

— Кое-что из ваших воспоминаний. Все они, к вашему сведению, подсознательные.

Фенвик задумался.

— Стало быть, амнезия... А если мне нужны мои воспоминания?

— Но не эти. Амнезия — это когда исчезают сознательные воспоминания. А отсутствие той их части, которую я хочу, вы даже и не заметите...

— Это душа?

— Нет, — хладнокровно ответил дьявол. — Это лишь часть души, нужная часть, конечно, иначе она не представляла бы для меня никакой ценности. Но основная часть души останется при вас до той поры, пока вы сами не пожелаете передать мне ее посмертно. Вот тогда я соединю все вместе и завладею вашей душой. Однако это, безусловно, будет очень не скоро, а вы тем временем не испытаете никаких неудобств...

— Если я внесу оговорку такого рода в контракт, вы его подпишете?

Дьявол кивнул.

Фенвик сделал на полях небрежную приписку и сразу же, покуда на острие пера не просохла кровь, поставил под договором свое имя.

— Вот, готово...

Дьявол изобразил на лице бесконечное долготерпение и подписался сам. Потом он взмахнул свитком, и тот растворился в воздухе.

— Ну что ж, — сказал дьявол, — превосходно. Теперь, пожалуйста, встаньте. Нужно произвести некоторые изменения в железах... — Лапы его безболезненно вошли Фенвику в грудь и совершили одно за другим несколько мелких быстрых движений. — Щитовидка... другие эндокринные... все эти железы можно переустроить так, чтобы ваш организм бесконечно регенерировал. Повернитесь, пожалуйста...

В зеркале над камином Фенвик увидел, как лапа страшного гостя тихонько влезла ему в затылок. На мгновение закружилась голова.

— Зрительный бугор, шишковидное тело... — бормотал дьявол. — Пространственно-временное восприятие субъективно... Так... Вот вы уже и независимы от внешней среды... Нет, еще минуточку. Осталось только...

Он крутанул кистью и быстро выдернул лапу — нет, кулак, плотно сжатый кулак, — из головы Фенвика. В ту же секунду Фенвик ощутил странную приподнятость.

— Что это вы сделали? — спросил он, оборачиваясь.

Рядом никого не было. Дьявол исчез?

А вдруг — а вдруг это был просто-напросто сон? Что ж тут удивительного — после таких событий кто угодно засомневается, не бредит ли он наяву. Галлюцинации редки, но ведь случаются... Выходит, он теперь бессмертен и неуязвим. Однако если верить здравому смыслу, все это психоз, да и только. Доказательства — какие у него доказательства?

Ну а сомнения — какие есть основания для сомнений? Бессмертие — это же не пустяк, это ощутимо. Внутренняя уверенность в безграничном благополучии. Переустройство желез, вот так штука! Мой организм теперь функционирует как никогда раньше, как никогда еще не функционировал ничей организм. Я теперь закрытая, самовосстанавливающаяся система, над которой ничто не властно, даже время...

Им овладело неведомое, все нарастающее ощущение счастья. Он закрыл глаза и вызвал в памяти самые ранние, самые первые свои впечатления. Солнечный зайчик дрожит на полу веранды... Муха жужжит... А его, утонувшего в тепле, качает, качает... Память не осознавала потери, мысль свободно путешествовала в прошлом. Равномерные взмахи и скрип качелей на детской площадке, а в церкви — гулкая, пугающая тишина. Дощатый ящик сельского клуба. Шершавая мокрая губка, обтирающая ему лицо, и голос матери...

Неуязвимый и бессмертный, он пересек комнату, открыл дверь, прошел по короткому коридору. Каждое движение наполняло его чувством удивительной легкости, полнейшей радости бытия. Он приоткрыл тихонько другую дверь и заглянул за нее. Мать спала, откинувшись на груду подушек.

Фенвик был так счастлив, так счастлив...

Он подошел поближе, обогнул на цыпочках кресло-каталку, постоял у кровати, глядя на мать. Потом осторожно высвободил одну подушку, поднял ее и прижал — сперва легонько — двумя руками к лицу спящей.

Поскольку этот рассказ — отнюдь не хроника грехов Джеймса Фенвика, очевидно, нет и необходимости во всех деталях расписывать, по каким ступеням он прошагал, чтобы за какие-нибудь пять лет

добиться звания Худшего Человека на Земле. Желтые газеты упивались им. Были, конечно, люди и похуже его, но все они были смертны, уязвимы, а потому скрытны.

В основе его поведения лежала и крепла с каждым днем уверенность, что он, Фенвик, есть единственная постоянная в этом скоротечном мире. «Дни их как трава», — размышлял он, наблюдая за людьми — своими братьями во сатане, когда те собирались толпами у алтарей, таких отталкивающе-никчемных. Это было еще на заре его карьеры, он тогда исследовал собственные ощущения, следуя традиционным представлениям и предрассудкам; позже он отверг подобное занятие как мальчишество.

Он был свободен в своих поступках, идеально свободен, его наполняла непрестанная и восхитительная уверенность в собственном благополучии, и он экспериментировал со многими сторонами бытия. Путь его был устлан посрамленными присяжными и недоумевающими адвокатами. «Современный Калигула! — восклицала газета „Нью-Йорк ньюс", объясняя своим читателям на примерах, кто такой был Калигула. — Неужели ужасные обвинения, выдвинутые против Джеймса Фенвика, реальны?»

Но по той ли, по другой ли причине осудить его никогда не удавалось. Обвинения проваливались одно за другим. Дьявол не обманывал — Фенвик действительно представлял собой закрытую систему, независимую от окружающей среды, и свою независимость он продемонстрировал на множестве процессов. Сам он так и не сумел понять, каким же образом дьявол всякий раз добивается успеха. Надобность в настоящем чуде если и являлась, то чрезвычайно редко.

Однажды некий разорившийся банкир, полагавший — и на редкость справедливо, — что виновник краха Фенвик, выпустил пять пуль прямехонько ему в сердце. Пули срикошетировали. Свидетелей этому было только двое — Фенвик и банкир. Тот решил, наверное, что противник невредим благодаря какой-нибудь стальной жилетке, и последнюю, шестую пулю направил Фенвику в голову. Результат был тот же. Банкир попробовал еще раз, теперь ножом. Фенвика заело любопытство — он решил не защищаться: что

получится? Получилось то, что банкир в конце концов сошел с ума.

Прямо и недвусмысленно присвоив подвернувшееся состояние, Фенвик принялся приумножать его. Обвинения, как и прежде, сыпались со всех сторон, но из этого по-прежнему ничего не выходило. Требовались особые усилия, чтобы каждое очередное преступление непременно относилось к разряду караемых смертной казнью, но не так уж сложно оказалось разработать на сей счет свою методику, и богатство Фенвика и власть умножались час от часу.

Слава про него шла самая дурная. Однако вскоре он решил, что славы еще мало, и возжаждал восхищения. Добиться восхищения было несколько труднее — Фенвик не собрал еще таких богатств, которые поставили бы их владельца вне морали, сделали бы его неподсудным общественному мнению. Впрочем, это было поправимо. Через десять лет после сделки с дьяволом Фенвик, может, и не был еще могущественнейшим человеком на Земле, но, безусловно, был могущественнейшим в Соединенных Штатах. Он добился того восхищения и той известности, о которых, как ему казалось, мечтал.

И все-таки чего-то недоставало. Высказывал же дьявол предположение, что через несколько миллионов лет Фенвику самому захочется умереть со скуки. Но прошло всего десять лет, и в один прекрасный летний день Фенвик был слегка шокирован открытием — он не знал, он просто не знал, что же ему делать дальше.

Со всей возможной тщательностью он исследовал свое состояние. «Это и есть скука?» — спросил он себя. Если так, то даже скука не была неприятной. Проступала в ней некая восхитительная расслабленность, словно он лежал на плаву в теплой океанской воде. Пожалуй, расслабленность была даже слишком явной.

«Если это и все, что дает бессмертие, — говорил он себе, — стоило ли копья ломать? Состояние, конечно, приятное, но продать ради него душу?.. Должно же найтись что-нибудь такое, что вывело бы меня из этой дремоты!..»

Он опять экспериментировал. Не прошло и пяти лет, как он опять лишился благосклонности общества,

растерял ее оттого, что все более и более судорожно пытался выкарабкаться из удушливой безмятежности. Пытался — и не мог. Самые чудовищные, ужасающие ситуации не производили на него ровно никакого впечатления. Других они обратили бы в камень, повергли бы в трепет — Фенвик не ощущал ничего, кроме полного безразличия.

С чувством глухого отчаяния — но и оно не могло нарушить его спокойствия — Фенвик обнаруживал, что начинает терять контакт с родом человеческим. Люди были смертны, и они, казалось, уходят от него в какую-то нереальную даль. Ведь даже земля под ногами уже не была для него незыблемой — со временем, думал он, ему придется наблюдать движение геологических приливов...

Наконец он обратился к области интеллекта. Он стал рисовать и пописывать и помаленьку заниматься науками. Это было интересно, но лишь до известного предела. Рано или поздно он неизбежно наталкивался на некий барьер, на запертую в сознании дверь, и за ней, за дверью, не было ничего, кроме все того же убаюкивающего спокойствия, и в этом спокойствии растворялся без следа былой интерес. В нем, в нем самом чего-то явно не хватало.

Постепенно зрело подозрение. Оно то всплывало к самой поверхности, то опять, под нажимом нового увлечения, пряталось в глубине. Но в конце концов оно прорвалось из подсознания в сознание.

Однажды утром Фенвик очнулся от сна и сразу же сел в кровати, будто его подтолкнула чья-то невидимая рука.

— Чего-то во мне не хватает, — сказал он про себя. — Это факт. Но чего?..

Он задумался.

Как давно не хватает этого — того, чего не хватает? Ответа не было — сперва не было. Глубокая неодолимая безмятежность не отпускала, укачивала его, не давала сосредоточиться. Эта-то безмятежность и была важной частью его беды. Как давно она владела им? Очевидно, со дня заключения договора. Чем она вызвана? Ну, все эти годы он считал, что просто-напросто благополучием в каждом уголке, в каждой клеточке его организма, функционирующего идеально и вечно. А если это на самом деле нечто

большее? Если его сознание нарочито притуплено, чтобы он и не заподозрил, что совершена кража?..

Кража?.. Сидя в кровати среди тяжелых шелковых простыней, глядя на бледный июньский рассвет за окном, Джеймс Фенвик вдруг узрел всю возмутительную правду. Под одеялом он звонко стукнул себя по колену.

— Моя душа! — крикнул он невозмутимому восходу. — Он обманул меня! Он украл у меня душу!

Стоило лишь ухватиться за эту мысль, и она показалась Фенвику настолько очевидной, что оставалось диву даваться, как же он не заметил подвоха сразу. Дьявол хитер и бесчестен, он предвосхитил расплату — и отнял у Фенвика душу немедля. Если и не всю, то, по крайней мере, главную ее часть. И Фенвик, стоя перед зеркалом, сам наблюдал за тем, как дьявол это проделал. Тут не могло оставаться, видимо, и тени сомнения. Ибо в нем определенно чего-то недоставало. Сколько раз он будто останавливался перед запертой в сознании дверью, и дверь не могла перед ним открыться потому лишь, что в нем не хватало главного — утраченной, украденной души...

Какой же прок в бессмертии без этого загадочного нечто, которое и придает бессмертию самый смак? Он не в силах вкусить от возможностей вечной жизни по той причине, что у него отобрали самый ключ к бытию...

— Кое-что из воспоминаний, а? — усмехнулся он, осмысливая заново, что сказал тогда дьявол и как подчеркнуто небрежен был, когда дошло до залога. — И я даже не замечу их отсутствия, а?.. А на деле-то это самая что ни на есть сердцевина моей души!..

Он стал припоминать фольклор и мифологию, персонажей, у которых не было души. Маленькая русалочка, девушка-тюлень, кто-то там из «Сна в летнюю ночь» — оказывается, в мифологии это было вполне обыкновенное явление. И те, кто лишился души, страстно желали заполучить ее снова любой ценой. Дело тут, понимал теперь Фенвик, вовсе не в пережитках язычества в сознании ряда авторов. Нынешнее его положение было, что ни говори, уникально — он-то узнал, что по душе можно искренне тосковать.

Теперь он понял, как много потерял, и им завладело мучительное, непереносимое чувство утраты. Такое же, наверное, чувство мучило русалочку и всех остальных. Как и он, все они были бессмертны. Людьми они, правда, не были, но, по-видимому, тоже познали этот странный мир полнейшей свободы, легкомысленной и беспечной; ведь даже сейчас между Фенвиком и его потерей иной раз вырастала стена крайнего ко всему безразличия... Разве боги, по преданию, не проводили дни свои в нескончаемом бездумном веселье? Они смеялись и пели, танцевали и пили — и никогда не ведали ни усталости, ни тоски...

До каких-то пор это было просто замечательно. Но раз уже заподозрил неладное, то теряешь вкус к олимпийской жизни и жаждешь заполучить свою душу обратно, чего бы это ни стоило. Почему? Дать логичное объяснение Фенвик не смог бы. Он знал, что не ошибается, знал — и все...

В тот же миг прохладный летний восход всколыхнулся, и между Фенвиком и окном вырос дьявол. Фенвик поневоле вздрогнул.

— Договор был на вечность, — сказал он.

— Да, был, — сказал дьявол. — Но этот пункт можно и аннулировать...

— Я ничего аннулировать не намерен, — заявил Фенвик резко. — И как это, собственно, получилось, что вы объявились именно здесь и сейчас?

— Мне показалось, вы меня звали, — сказал дьявол. — Вы хотели поговорить со мной? Мне показалось, я уловил в вашем сознании нотку отчаяния. Как вы себя чувствуете? Скука не одолела еще? Не хотите ли разом все прекратить?..

— Конечно нет. А если бы и хотел, так разве потому, что вы меня обманули. Не откажитесь объяснить: что вы забрали у меня из головы в день нашего договора?

— Мне не хотелось бы вдаваться в подробности, — ответил дьявол, слегка помахивая хвостом.

— А мне хотелось бы! — вскричал Фенвик. — Вы мне сказали, что это только воспоминания, отсутствия которых я и не замечу...

— Так оно и было, — усмехнулся дьявол.

— Это была душа! Моя душа!.. — Фенвик зло хватил рукой по одеялам. — Вы надули меня. Забрали у меня душу авансом, и я не могу теперь наслаждаться бессмертием, которое я за нее купил. Вопиющее нарушение контракта!..

— Что же вас беспокоит? — спросил дьявол.

— Мне кажется, есть довольно много вещей, которые принесли бы мне удовольствие, заполучи я обратно душу. Будь у меня душа, я мог бы заняться музыкой и стать великим музыкантом. Музыку я всегда любил, а теперь передо мной вечность... Или, допустим, я мог бы взяться за математику. Или заняться ядерной физикой — с моими-то возможностями в смысле времени и денег, и все ученые мира к моим услугам; пожалуй, нет и предела тому, чего бы я мог достигнуть. Мог бы даже взорвать весь мир и лишить вас всех будущих душ. Как бы вам это понравилось?..

Дьявол хмыкнул и почистил когти о рукав.

— Не смейтесь, — продолжал Фенвик. — Это сущая правда. Я мог бы изучить медицину и продлить человеческую жизнь. Мог бы изучить политику и экономику и положить конец всем войнам и страданиям. Мог бы изучить криминалистику и заполнить ад новообращенными душам. Мог бы сделать все что угодно, обладай я вновь своей душой. А без нее, без души, ну... все слишком... слишком спокойно. — Он печально опустил плечи. — Словно я отрезан от человечества. Что я ни делаю — ни к чему. А я все равно спокоен и беззаботен. Я даже не несчастлив. И все же не представляю себе, что делать дальше. Я...

— Другими словами, вас одолела скука, — сказал дьявол. — Извините, что не могу вам по этому случаю посочувствовать...

— Другими словами, вы надули меня, — сказал Фенвик. — Отдайте мне мою душу!

— Я ведь сказал вам, что я у вас взял, и сказал совершенно точно...

— Мою душу!

— Вовсе нет, — заверил его дьявол. — Боюсь, что сейчас мне придется вас оставить...

— Мошенник! Отдай мне мою душу!..

— Попробуйте заставьте меня, — осклабился дьявол. Первый луч восходящего солнца ворвался в прохладу спальни, и дьявол, будто того и ждал, растворился в нем и исчез.

— Ну хорошо, — сказал Фенвик в пространство. — Очень хорошо. Я попробую.

Он не стал терять времени. Во всяком случае потерял его не больше, чем заставляло это нелепое, не признающее забот спокойствие.

«Как же мне на него нажать? — спрашивал себя Фенвик. — Устроить ему обструкцию? Не вижу как. Тогда, быть может, лишить его чего-то, что он ценит? Что же он ценит? Души. Всякие души. Мою вот, в частности. Гм-м... — Он задумчиво нахмурился. — Я бы мог, например, покаяться...»

Фенвик размышлял об этом весь день. Мысль увлекала его, но в то же время она каким-то образом сама себя опровергала. Предсказать последствия подобного поступка было совершенно невозможно. Да и неясно было, как приняться за дело. Уж слишком скучной представлялась идея посвятить всю жизнь свою добрым делам.

Вечером он вышел из дому и бродил один по сумеречным улицам, погруженный в тяжкие раздумья. Прохожие скользили мимо зыбкими тенями, отраженными на экране времени. Воздух был покоен и свеж, и если бы не эта гнетущая несправедливость, если бы не бесцельность, не никчемность бессмертия, за которое он так дорого заплатил, он, наверное, ощутил бы полное умиротворение.

Но вот звуки музыки вторглись в сознание, он поднял голову и увидел себя у входа в собор. Призрачные люди поднимались и спускались по ступеням. Изнутри накатывались, волна за волной, звуки органа, слышалось пение, и в воздухе носился слабый запах ладана. Все это, бесспорно, производило впечатление.

«Я мог бы зайти туда, пасть перед алтарем и во всеуслышание крикнуть, что каюсь», — подумал Фенвик. Он поставил даже ногу на ступеньку, но затем помедлил, рассудив, что все равно не решится. Собор

был слишком уж впечатляющим. Он бы чувствовал себя круглым идиотом. И все же...

В нерешительности он побрел дальше. Он брел и брел, покуда его размышления опять не прервала музыка. На сей раз он оказался у незастроенного участка, где раскинула свои крылья палатка странствующего проповедника. Изнутри доносился изрядный шум. Музыка неистово билась в парусиновые стенки. В нее вплеталось пение, крики мужчин и женщин...

Фенвик остановился, подчиняясь вспыхнувшей вдруг надежде. Здесь его покаяние, надо полагать, не привлечет к себе почти ничьего внимания. Он помедлил секунду и вошел.

В палатке было шумно, тесно и суматошно. Но прямо перед Фенвиком меж скамейками тянулся проход к подобию алтаря, у подножия которого толпились люди, взвинченные, казалось, до предела. Над толпой распростер свои руки оратор, он стоял за импровизированной кафедрой, взвинченный еще сильнее, чем его паства.

Фенвик бросил взгляд вдоль прохода.

«Как же мне это сформулировать? — думал он, потихоньку продвигаясь вперед. — Просто: я каюсь? Или что-нибудь вроде: я продал душу дьяволу и настоящим расторгаю договор? Нужна ли тут какая-нибудь специальная терминология?..»

Он почти уже добрался до алтаря, когда перед ним возникло слабое мерцание и сквозь мерцание проступили красноватые контуры дьявола — этакий трехмерный набросок в пыльном воздухе.

— Я на вашем месте не стал бы этого делать, — вымолвило видение.

Фенвик усмехнулся и пошел прочь сквозь него. Тогда, собравшись с духом, дьявол явился перед Фенвиком в истинном своем обличье и загородил собой дорогу.

— Ну зачем устраивать такие сцены? — сказал он раздраженно. — Не могу вам передать, насколько мне здесь неуютно. Будьте любезны, Фенвик, не валяйте дурака...

Несколько человек в толпе глянули на дьявола с любопытством, но никто из них не выказал чрезмерного интереса. Большинство, вероятно, приняли его за

переодетого служителя, а те, кому доводилось видывать его во плоти, то ли попривыкли к зрелищу, то ли посчитали данное явление при данных обстоятельствах вполне уместным. Никого оно в общем-то особенно не взволновало.

— Прочь с дороги! — сказал Фенвик. — Я решился.

— Вы мухлюете, — жалостно пробормотал дьявол. — Я вам этого позволить не могу.

— Сам смухлевал, — напомнил ему Фенвик. — Попробуй останови меня...

— И остановлю, — заявил дьявол, вытянув свои когтистые лапы.

Фенвик расхохотался.

— Я же теперь закрытая система. Ты мне ничего не можешь сделать. Вспоминаешь?..

Дьявол заскрежетал зубами. Фенвик оттолкнул зловещую фигуру и двинулся вперед. За своей спиной он услышал:

— Ну ладно, Фенвик. Вы победили.

Фенвик обернулся и облегченно вздохнул:

— Так вы вернете мне мою душу?

— Я верну вам то, что взял в качестве залога, только вам это наверняка не понравится...

— Давайте ее сюда, — сказал Фенвик. — Я не верю ни единому вашему слову.

— Я отец лжи, — заметил дьявол, — но на этот раз...

— Нечего, нечего, — перебил его Фенвик. — Отдавайте мою душу!

— Только не здесь. Здесь мне очень неудобно. Следуйте за мной. Да не бойтесь вы, я просто хочу перенести вас в вашу собственную квартиру. Мы должны остаться одни...

Он поднял лапы и очертил вокруг себя и Фенвика коробочку — четыре стены в эскизе. В тот же миг исчезли напирающая толпа, шум, крики и вокруг поднялись стены роскошной квартиры. Слегка запыхавшись, Фенвик пересек знакомую комнату и выглянул в окно. Не оставалось сомнений, он был дома.

— Это ловко, — поздравил он дьявола. — А теперь отдавайте мою душу...

— Я отдам лишь то, что забрал. Никакого нарушения контракта не было, но раз уж мы условились...

Но предупреждаю вас по чести: вам это вовсе не понравится.

— Нечего тут темнить, — отрезал Фенвик. — Вы же нипочем не сознаетесь, что смухлевали...

— Я вас предупредил, — сказал дьявол.

— Давайте ее сюда!

Дьявол пожал плечами. Потом он засунул лапу себе в грудь, пошарил там, приговаривая: «Я эту штуку спрятал, чтоб не испортилась», вынул плотно сжатый кулак.

— Повернитесь, — приказал дьявол.

Фенвик повернулся. Он почувствовал, будто прохладный ветерок повеял от затылка через голову...

— Стойте спокойно! — прикрикнул дьявол у него за спиной. — Это займет минуту-другую. Знаете, Фенвик, вы дурак. Я рассчитывал на лучшее развлечение, а то ни за что не стал бы тратить время на этот фарс. Мой бедный глупенький друг, не душу я у вас забрал, а, как и говорил вам, лишь некоторые подсознательные воспоминания.

— Тогда почему же, — спросил раздраженно Фенвик, — я не в состоянии наслаждаться своим бессмертием? Что же это за капкан, останавливающий меня на пороге всего, что бы я ни задумал? Мне надоело быть божеством, если бессмертие остается единственным моим достоянием, если я не получаю настоящего от него удовольствия...

— Да не шевелитесь вы! — сказал дьявол. — Ну так вот. Дорогой мой Фенвик, никакой вы не бог. Вы самый обыкновенный ограниченный человек. Собственная ограниченность — вот и все, что стоит у вас на пути. Да вы и за миллион лет не стали бы ни великим музыкантом, ни великим политиком и никаким другим великим из ваших грез! Нету в вас этого, просто нет, и бессмертие тут совершенно ни при чем. Как ни странно... — Дьявол сокрушенно вздохнул. — Как ни странно, те, кто заключает сделки со мной, никогда не способны воспользоваться тем, что я им даю. Наверное, все дело в том, что это свойство посредственности — надеяться получить что-нибудь за так, задаром. Вы, дорогой мой, совершеннейшая посредственность...

Прохладный ветерок прекратился.

— Ну вот и все, — заметил дьявол. — Вот я и вернул вам все, что взял. По фрейдистской терминологии, это всего лишь ваше супер-эго, ваше «сверх-я»...

— Мое «сверх-я»? — откликнулся Фенвик, оборачиваясь. — Я что-то не...

— Не понимаю? — закончил за него дьявол и вдруг широко осклабился. — Еще поймете. Это структура раннего познания, встроенная в ваше подсознание. Она направляет ваши импульсы по каналам, приемлемым для общества. Другими словами, мой бедный Фенвик, я только что вернул вам вашу совесть. Отчего же, как вы считаете, вам было так легко и беспечно все эти годы?..

Фенвик сделал вдох, собирался ответить — и не успел.

Дьявол испарился. Он, Фенвик, был в комнате один.

Впрочем, нет, не совсем один. Над камином висело зеркало, и в этом зеркале он увидел свои испуганные глаза. Какое-то мгновение — и «сверх-я» возобновило в его сознании прерванную на многие годы работу.

Подобно карающей деснице, на Фенвика обрушилась, потрясая и сокрушая, память обо всем, что он совершил. Он вспомнил все свои преступления. Все до единого. Каждый свой непростительный шаг за последние двадцать лет.

Ноги под ним подкосились. Мир померк с заунывным воем. Вина свалилась ему на плечи грузом, под которым он еле мог устоять. Все, что он наблюдал, все, что совершил за годы, когда беззаботно сеял зло, собралось в жуткие образы, сокрушало мозг громами, испепеляло молниями. Нестерпимые муки совести клокотали в душе, разрывали ее на части. Он поднял руки к глазам, чтобы отогнать видения, но не мог, не мог отогнать память...

Он повернулся и, шатаясь, ринулся к дверям спальни. Рванул их на себя. Чуть не падая, вбежал в комнату, сунул руку в ящик. Вытащил пистолет. Поднял к виску...

И за его спиной вырос дьявол.

ДО СКОРОГО!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечишка во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, — много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической закавыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси

страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе, травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему Бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли попрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылка, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутся как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мута-

цию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в **настоящем** Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слыхал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястить, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни

дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его. Он меня отчехвостил.

— А я-то при чем, — возразил я.

— Кровь Христова! — воскликнул он, разъяренный. — И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», — повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечишка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка — плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси, не глядя, поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся, — сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси, — ответил я с облегчением и совсем было собрался. Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси, — заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. — Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк[1] или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку — уж не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случалось в жизни, — сказал Енси.

— Это не так уж трудно, — объяснил я. — Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

— А?

— Вот эта штука, — повторил я. — Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то, — ответил я. — Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси. — Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Отку-

---

[1] Джордж Крукшенк — иллюстратор Диккенса. (Примеч. пер.)

сить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, — сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно, — провозгласил он. — Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. — Он умолк, почесал в баках и вздохнул. — Все, кроме одного, — прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр, — ответил я. — Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи, — оборвал меня старый Енси. — Так вот, и повеселился же я! — Он слизнул жвачку с усов. — Слыхал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку, вроде меня, противно умирать, не разделавшись с долгами.

— А у ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слыхал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и

кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю. — Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси. Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я немного, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох, и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чуйствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчувственный.

Не прошло и получасу, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь.

Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросила мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала Сонк? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину — пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, не важно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, — мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

— У меня семья могла быть еще больше, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это-то я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у нас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но, пожалуй, мы будем квиты, если вы

окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все что угодно, — сказала мамуля, — лишь бы это было в наших силах.

— Сущая безделица, — заявляет старый Енси. — Пусть меня на время превратят в целую толпу.

— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масленые.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там, — вставил папуля из своего угла. — Мы уже давно не колдуем.

— Колдуны, — упорствовал Енси. — Я слыхал всякие истории. Даже видал, как он, — и в дядю Леса пальцем тычет, — летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю. — Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете, — продолжал Енси. — А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три, — сказала мамуля. — Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все

досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот, — заключил Енси, откладывая журнал, — где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать, — говорю.

— Тогда...

— Стойте, — говорю, — теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

— Мальчик или девочка? — полюбопытствовала мамуля.

— Мальчик, — говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

— Есть у меня забота, — ответил он. — Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет, как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, — похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа, — сказал он. — Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгинули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух, ты! — сказал он, отхлебнув здоровенную порцию. — На вкус — прямо адов огонь. Ух, ты! — Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

— Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно, так, — согласилась мамуля. — Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-что получше, — сказал Енси. — Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но, по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда, — подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк, — говорю.

— Уж тогда бы, — сказал Енси, — я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. — Он шмыгнул носом. — Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно, — сморщилась мамуля. — Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он. — Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний, — говорю. — Я же объяснял, нужен только металлолом да умывальник. Это недолго.

— Я скоро вернусь. — Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть

ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове, — сказала мамуля. — Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля, — говорю, а сам застыл на месте, думаю. Мамуля взяла в руку метлу.

— Знаешь, мамуля...

— Ну?

— Нет, ничего. — Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: «Готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становилось как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя.

По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие. Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси. — А сатану вы не призовете?

— Незачем, — отрезал дядя Лес. — И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков, — откликнулся он. — Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, — ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм, — заговорил папуля важно-преважно, — представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

— Но-но! — взвыл Енси.

— ...на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов. Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, — продолжал папуля как заведенный. — Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве — времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник, — сказал он. — В жизни не слыхал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну, и малыш подсобил — никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

— Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля. — Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому дивиться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

— Полно, дедуля, — мысленно сказала мамуля, — что такого натворил Сонк?

— Все вы хороши! — завопил дедуля. — Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в

нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

— Мистер Енси, — спрашиваю, — что у вас в кармане штанов?

— А? — Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. — Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. — А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

— Не стану скрывать, — говорит. — Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи помилуй, — только и сказала мамуля.

— Вот так! — прыснул Енси. — Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю. — Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил, — огрызнулся Енси. — Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивился папуля. — Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно, — согласился Енси. — Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох, и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу.

Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это не важно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа:

— Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах, — одернул я его. — Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино, — буркнул Енси. — Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... это из священного писания. Дам раза всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите, — заявила мамуля. — Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмите миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю, — ответил упрямый Енси. — Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание, — начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

— Слово Хогбенов свято, — сказал он. — На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему. — В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом.

— Вы превратите меня ровно в стольких людей, сколько жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

— Да я и не пытаюсь, — говорю. — Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

— Чего?

— Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровым, — говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота, — говорю. — Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.

— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

— И верно. — Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. — Пяти секунд с лихвой хватит.

— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо, — говорит. — Ох, и размозжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда, — скомандовал я и показал, куда именно. — Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стояло у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, — он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова.

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... в общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят тысяч девятьсот шешнадцать по-

леньев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, — сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмущался. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне.

В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясниться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго.

Я заерзал на месте.

— Все устроилось, — сказал я. — Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... — я остановился и посмотрел на машинку, — что получил, — закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в священном писании! — возгласила она исступленно. — Слушай ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

— Воистину, точно, — поддакнул дедуля с мезонина.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крякнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками. — Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнитесь. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слыхать, — сказала мамуля.

— Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл;

люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы все стоите, как истуканы? — разревелся Енси. — Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох, и особливое же чуйство юмора у почтенного старикана.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, — признался я. — Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

— Истинно так, клянусь Богом, — выговорил дедуля сквозь смех. — Сонку следует искать убежище. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси. — Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, — обозлилась мамуля. — Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами —

прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк, — потребовала она. — Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

— Да нет пока, — сказал он. Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал, — говорю. — Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

— Вот те на! — сказала мамуля. — Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля, — говорю. — Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк, — сказала мамуля. — Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать — это все население Земли!

Все население! По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ГЛАВА 1

Последний из рода Пу

Каждый раз теперь, лишь вспомню о Пу-младшем, так меня озноб прошибает. Ну и уродится же такое, доложу я вам. Сложением напоминал гориллу. Жирный, рожа плоская, взгляд тупой, а глаза так близко один от другого сидят, что одним пальцем сразу в оба можно попасть. Однако же папаша евонный души в нем не чаял. Да и что удивляться, ведь сынок похож был на него, как две капли воды.

— Наше будущее, — любил говорить папаша, выпячивая грудь и тыча пальцем в эту молодую гориллу. — Молодость, молодость.

А у меня кровь стыла в жилах, когда я видел их обоих. Были же счастливые денечки, когда я еще их не знал. Короче, хотите верьте, хотите нет, а только эта парочка ублюдков решила промеж собой завоевать весь мир.

Мы, Хогбены, народ мирный. Живем-поживаем тихо в нашей маленькой долине. Только не трогай нас, и мы тебя не тронем. Соседи наши и деревенские, те так и поступают. Привыкли к нам. Они знают, что мы, Хогбены, из кожи вон лезем, лишь бы выглядеть как все. И со своей стороны тоже не шибко вредничают. Понимают.

Когда Па надерется, как это было на той неделе, и летает над их деревенской Главной Улицей в своих красных подштанниках, люди делают вид, что ничего не замечают. Это чтобы не ставить лишний раз Ма в неловкое положение. Ведь известно же, что Па, когда трезв, ходит по земле, как наихристианнейший из христиан.

В тот, последний раз Па накушался из-за Малыша Сэма. Сэм — это наш младшенький. Мы его держим в подвале, в цистерне с тех пор, как у него опять пошли резаться зубки. До этого они у него последний раз резались аккурат во время Гражданской войны. Ну все думали тогда, прорезались. Ан нет. С Малышом

Сэмом никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Тот еще парень растет.

Прохвессор, ну который у нас в бутылке сидит, так тот болтает, что-де Малыш Сэм, оря, испускает чего-то там басисто-беззвучное. Ну да, это его манера изъясняться. Неважно. Но по нервам Малыш Сэм бьет здорово, точно. Па, так тот вообще не может выносить сэмовых воплей. В последний раз он даже Деда разбудил. Дед на чердаке спит, и с самого Рождества хош раз бы пошевелился. Стоило ему глаз открыть, он ка-ак напустится на Па:

— Увы мне, увы! — завывал он. — Зрю я и вижу презренного пса, предо мною стоящего. Отвечай мне, ничтожный, ужели опять в небесах ты болтался, толпе на потеху средь белого дня? О позор, о позор! Р-раздавлю тебя, червь!!!

Вслед за этим последовал могучий пинок, отправивший Па вниз, в долину.

— Эй, из-за тебя я сверзился с высоты в добрый десяток футов! — донесся снизу вопль Па. — Нельзя же так! Этак недолго и свернуть в себе чего-нибудь!

— Хуже чем есть ты вряд ли станешь, — ответствовал Дед, — нечего тебе терять. Ибо все Дары ты уже во хмелю расточил. Подумать только! Летать средь бела дня на глазах у соседей! Да раньше и не за то на костер отправляли. Или желаешь ты, чтоб любопытный род людской проведал наши тайны? Заткнись и дай мне успокоить Малыша.

Дед как никто умеет успокаивать нашего крошку. Вот и теперь он спел ему какую-то песенку на санскрите и вскоре они уже похрапывали оба и на пару.

Так вот в тот день я трудился над устройством, которое сквашивало бы сливки для сливочного печенья. Материалов под рукой, в общем-то, было не много. Так, старые сани да несколько кусков проволоки, — да тут ничего особенного и не надобно было. Как раз я нацеливал верхний конец проволоки точно на норд-норд-ост, когда явилось мне видение пары клетчатых штанин, прущих по лесу.

Это был дядюшка Лем. Я слышал, как он думает. «Меня нет! — громко сказал он словами в своей голове. — Давай, трудись дальше, Сонк. Меня нет на целую милю вокруг тебя. Ты же знаешь, твой дядюш-

ка Лем славный парень и не станет тебе лгать. Уж не думаешь ли ты, Сонки, мальчик, что я собираюсь тебя облапошить?»

«Как пить дать, — подумал я в ответ, — если только сможешь. Так что там у тебя, дядюшка Лем?»

Тут он замедлил свой шаг и начал меня обхаживать и так и эдак.

«Да видишь ли, я просто подумал, что твоя Ма обрадуется, набредя на место, где прорва черники, — думал он мне, с невиннейшим видом пиная ногой камушек. — Если кто-нибудь спросит, отвечай, что в глаза меня не видел. Ведь это правда. Ты же меня не видишь?»

«Дядя Лем, — громко подумал я, — я дал Ма честное-пречестное слово, что глаз с тебя не спущу, если ты здесь появишься, после того последнего случая, когда ты стянул...»

«Ну, ну, мальчик, — дядюшка Лем быстро перебил мою мысль, — кто старое помянет, тому глаз вон».

«Ты ведь не откажешь своему старому другу Сонку, дядюшка Лем, — подумал я, ловя его на слове, одновременно кладя последний виток проволоки на бегунок. — Так что, будь добр, подожди пока сквашу я эти сливки, а потом мы с тобой пойдем куда захочешь».

Меж кустов мелькнули клетчатые штаны и вот он, наконец, вышел на открытое место и одарил меня смиренно-виноватой улыбкой. Славный маленький толстячок, дядюшка Лем. Человек он хороший, только вот слишком уж внушаемый. Любой, кому не лень, может внушить ему все, что только ни пожелает. Вот и приходится присматривать за ним.

— Как дела? — спросил он меня, глядя на мое изобретение. — Гоняешь маленьких зверюшек до седьмого пота?

— Что ты, дядюшка Лем, — сказал я. — Ты же прекрасно знаешь, что это не так. Чего-чего, а жестокости по отношению к бессловесным тварям я не выношу. Они и так работают изо всех сил, заставляя сливки прокисать. А уж такие крохотулечки, что

иногда прям слеза наворачивается, как посмотришь на них. Их даже не разглядишь, как следует. Такие крошки, что глаза собираются в кучку, как глядишь, да так потом и остаются. Па говорит, что они, эта, одноклеточные растения. Какие они растения! Слишком уж они маленькие.

— Маленькие да удаленькие, — сказал дядюшка Лем. — А как эта штука у тебя работает?

— Вот это приспособление, — я был очень горд собой, — сунет сливки в следующую неделю. При такой погоде они здесь будут скисать дня два, не меньше. Зато на будущей неделе пусть они себе стоят сколько угодно, пока не скиснет. Затем я доставляю их обратно — рраз — и все готово. — Я установил крынку на салазки.

— В жизни не видел такой бездарной настройки, — сказал, подходя, дядюшка Лем. — Надо вот так, — он согнул два проволочных конца крестом. — Сливки как пить дать скиснут во время грозы в следующий четверг. Давай, Сонк!

Я отправил крынку в следующий четверг. Когда она вернулась, простокваша, понятное дело, вышла такая, что по ней могла бегать мышь. По краю крынки полз шершень из следующей недели. Дай, думаю, сгоню. Это была моя ошибка. Я осознал ее, едва коснулся крынки. Ну и задница же этот дядюшка Лем!

Он кинулся назад в кусты, визжа от радости, в восторге от своей выдумки.

— Я снова нагрел тебя, мелочь вонючая, — крикнул он мне. — Пойду посмотрю, как твой палец торчит посреди той недели!

И как я сразу не догадался. Это же была временна́я распорка. Когда он согнул проволоки, он и думать не думал о какой-то там грозе в будущий четверг, он попросту устроил временно́е короткое замыкание. Мне понадобилось минут десять, чтобы вытащить палец из будущей недели и все из-за этой Инерции, так ее зовут. Когда вы балуетесь со временем, непременно нужно держать ухо востро, иначе эта Инерция тут как тут. На редкость приставучая. Я, по правде говоря, не очень-то понимаю, что это такое. Я же еще, извините, не взрослый. Дядюшка

Лем говорит, что уже успел забыть больше, чем я вообще знаю.

Кстати о нем. Дядюшка Лем уже почти скрылся из виду, когда я наконец освободился. Вне себя от ярости я бросился за ним. Поверите, я готов был убить его на месте. Я побежал за ним, как есть, не успев даже переодеться по-людски в одежду. Дядюшка-то передо мной бежал весь из себя расфуфыренный. Не иначе собрался куда-нибудь искать себе приключений на голову.

Однако же знает кошка, чье мясо съела. Дядюшка Лем, похоже, начал раскаиваться в содеянном. Я догонял, и навстречу мне неслись обрывки его мыслей, шлейф которых тянулся за ним. Мысли были вроде таких:

«Ох... и зачем я в это ввязался... Небеса, помогите мне, если Дед пронюхает о чем-нибудь... чтоб этим Пу пусто было... так дать себя околпачить!.. Ох... бедный, наивный Сонк, такая чистая душа... Никому... Никогда... Никакого вреда... А я... я...

Этот Сонк, он слишком мал для своих штанов... Ха-ха-ха... Ох, ну да ничего, бедный мой мальчик, все утрясется... Лемюэль, Лемюэль, ты заслуживаешь лучшей доли... Дед ничего не узнает».

А я все бежал за ним. Сперва его клетчатые брюки мелькали меж деревьев передо мной, затем я потерял его из виду. Вновь увидел я дядюшку Лема, когда он уже спустился с холма и пер через лужайки, где обычно пикники устраивают. Ну те, которые сразу за городом. Со всего разгона дядюшка Лем влетел в помещение железнодорожной кассы, держа в руке серебряный испанский дублон, который стырил из дедова сундука.

Меня совершенно не удивило, что он просит билет до столицы штата. Пусть, думаю, считает, что я отстал. А дядюшка тем временем яростно препирался с кассиром, потом залез в карман штанов и вынул серебряный доллар. Тот, в кассе, вроде как поуспокоился.

Паровоз уже дымил где-то за станцией, когда дядюшка Лем вылетел из-за угла. Времени не оставалось. Я кинулся за ним. И признаюсь вам, что

последнюю дюжину-другую ярдов я пролетел, ну да никто вроде этого не заметил.

Когда-то, когда я был еще сосунком, в Лондоне, где мы тогда жили, случилась Великая Чума и нам, Хогбенам, пришлось живенько выметаться подобру-поздорову. Я помню гвалт, который стоял при этом в том самом Лондоне. Так вот, доложу я вам, он ни в какое сравнение не шел с тем, что творилось на улицах столицы штата, когда наш поезд, наконец, прибыл туда. Времена меняются, я полагаю.

Свистки свистят, гудки гудят, радио орет, аки оглашенный. Вот уже действительно, каждое новое изобретение рода человеческого за последние два века оказывалось громче предыдущего. У меня тут же голова разболелась, прежде чем я догадался, ну как там Па это называет, — во, повысить порог слухового... чего-то там. Попросту отключить уши.

Дядюшка Лем и не догадывался, что я был рядом. Я принимал, конечно, меры предосторожности, чтобы оставаться незамеченным, но он сам был так озабочен, что ничего не замечал вокруг. Я проследовал за ним сквозь толпу на вокзале, а потом вдоль широкой улицы, полной автомобилей. Это было таким для меня облегчением — убраться подальше хотя бы от этих поездов.

Мне всегда было неприятно представлять, что же происходит внутри чайника, когда он закипает. Те самые крошечные зверушки, которых и видно-то еле-еле, носятся там, должно быть, как угорелые, сталкиваясь лбами. А вокруг все горячее и горячее. Жуть!

А уж о том, что творится внутри автомобилей, которые проносятся мимо, и вовсе думать не хочется.

Дядюшка Лем, похоже, хорошо знал дорогу. Он несся по улице с такой скоростью, что мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы топать ногами, а не полететь ненароком. Я все думал: а может стоит связаться с кем-нибудь из наших, на всякий случай, если случится какая пакость, но связаться-то было вроде как не с кем. Ма сейчас была в церкви, и я очень хорошо помню взбучку, которую она мне учинила после того, как воздух перед лицом преподобного

Джонса заговорил вдруг моим голосом. Этот преподобный еще к нам не привык.

Па сейчас лежит в дымину пьяный. От него никакого толку не добьешься. Если попробовать обратиться к Деду, можно ненароком разбудить Малыша Сэмми, а этого я боялся пуще смерти.

Дядюшка несся вперед как угорелый. Только ноги мелькали в клетчатых штанах. Он тоже был обеспокоен, доложу я вам, до крайности. Почище меня. Вот он заметил на углу толпу, которая сгрудилась вокруг большого грузовика, и почесал прямиком туда.

На грузовике какой-то человек потрясал бутылками в обеих руках и держал речь к толпе.

Кажется, он толковал что-то насчет головной боли. Я слышал его еще от угла. Над кузовом было протянуто полотнище, а на нем написано:

«ПУ ЛЕЧАТ ГОЛОВНУЮ БОЛЬ».

«Ох, — причитал дядюшка Лем про себя. — Ох, что же, что же мне делать? Ведь я никогда ни сном ни духом и помыслить не мог, что кто-нибудь женится на Лили Лу Муц. О горе мне несчастному!»

Признаться, все мы были порядком удивлены, когда Лили Лу Муц сыскала себе муженька, — было это лет этак десять назад, как мне помнится. Но убей, не пойму, какое отношение к этому имеет дядюшка Лем. Лили Лу была страхолюдиной, какой еще поискать. Нет, «страхолюдина» — это слишком мягкое слово для бедной девочки.

Дед сказал как-то, что она родом из семейства Горгонов, что ли, которых он некогда знавал. Хорошо еще, характером вышла покладистая. Деревенские проходу ей не давали, чтоб не поизмываться как-нибудь, — не все, конечно, — а она ничего, терпела, да и только.

Жила она сама по себе, в маленькой хижине в горах. Было ей под сорок, когда в один прекрасный день заявился с того берега реки какой-то хмырь и предложил ей выйти за него замуж. Вся наша долина аж на задницу села со смеху. Сам я этого дурня не видал, но говорят, что и он не с конкурса красоты явился.

«И вот в чем загвоздка-то, — думал я, глядя как тот тип на грузовике делает свой бизнес, — звали-то женишка не иначе, как Пу».

ГЛАВА 2

Золотое сердце

Как я понял в следующий миг, дядюшка Лем усек кого-то возле фонарного столба на тротуаре, с краю от толпы, и тут же почесал туда. Оказалось, что это была парочка гориллов: горилла-папа и горилла-сын. Две образины стояли и смотрели, как бойко идет торговля.

— Подходи! — завывал тот тип. — Налетай! Старинный и проверенный рецепт! Лучшее средство от головной боли — микстура Пу! Спешите купить, пока еще осталось!

— Эй, Пу, а вот и я, — сказал дядюшка Лем, глядя на гориллу. — Привет, наследник, — добавил он вслед за этим, глянув на младшую гориллу. Могу поклясться, его передернуло.

Не стоит его осуждать за это. Больших ублюдков в мире людей, нежели эта парочка, я за всю свою жизнь не видал. Со своими плоскими рожами и здоровенными пузами они в точности походили на двух отожравшихся обезьян, одна побольше, другая поменьше. Папаша вырядился в воскресный костюм и прицепил себе поперек груди золотую цепочку от часов. А уж посмотреть, как он вышагивал, так сразу станет ясно, что ни разу не видел он себя в зеркале.

— Здорово, Лем, — процедил он сквозь зубы. — Вовремя поспел, как я погляжу. Сынок, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Ты многим обязан, сынок, этому мистеру. — И тут он премерзко заржал.

Младшему, похоже, было на это наплевать. Его крохотные, близко посаженные глазки неотрывно смотрели на толпу на той стороне улицы. Было ему на вид годков семь и вел он себя соответственно.

— Па, можно еще разок? — спросил он скрипучим голосом. — Па, можно я еще разок покажу им, а? Ну, па?.. — по выражению его лица, по словам и тону я заключил, что дай ему пулемет — и он тут же пустит его в дело.

— Хорош мужик растет, а, Лем? — с гордостью сказал папа Пу. — Горжусь им. Жаль, что дедушка не дожил, а то бы полюбовался. Мы ведь из старинного рода. Нас почти и не осталось. Одна беда —

этот юноша последний из Пу. Теперь усек, Лем, что мне от тебя нужно?

Дядюшку Лема снова передернуло.

— Н-да, — сказал он, — все ясно. Только, Пу, напрасно ты сотрясаешь воздух. Я — пас.

Пу-младший повернулся на каблуках:

— Уделать его, па, а? Прямо сейчас, а? Давай я его уделаю, па.

— Заткнись, сынок, — изрек старший Пу и дал отпрыску затрещину. А уж лапища у папаши была, что твой молот. Вот уж горилла и горилла.

Судя по размаху могучей отцовской длани можно было предположить, что сынок отлетит на противоположную сторону улицы, однако Пу-младший лишь покачнулся. Лицо его покраснело, он потряс головой и завизжал-заскрипел:

— Па, я тебя предупреждал! Помнишь? Теперь пеняй на себя. Счас я буду тебя уделывать!

Он набрал полную грудь воздуха и так выпучил глаза, что я могу поклясться, они встретились на переносице. Широкое и плоское лицо его стало ярко-пунцовым.

— О'кей, сынок, — быстро сыграл назад папаша, — вон толпа созрела. Не стоит попусту тратить силы на меня.

Я в этот момент стоял с краю толпы, слушая и наблюдая за дядюшкой Лемом. И именно в этот момент кто-то трогает меня за рукав и вкрадчиво так, вежливо говорит:

— Не соблаговолите ли вы ответить на один вопросик?

Я обернулся. За мной стоял тощий человек с приветливым выражением на лице. В руке у него был блокнот.

— Валяйте, мистер, — я ему, значит, отвечаю, — давайте, мистер, спрашивайте.

— Я всего лишь хотел узнать, как вы себя чувствуете? — спросил меня тощий и приготовился что-то записать у себя в блокнотике.

— Спасибо, сэр, — отвечаю, — очень любезно с вашей стороны. Надеюсь у вас тоже все в полном порядке, мистер?

Он потряс головой. Вид у него был какой-то ошарашенный.

— В том-то и вся загвоздка, — отвечает он мне. — Ничего не понимаю. Дело в том, что я в самом деле чувствую себя хорошо.

— А почему бы и нет? — спрашиваю. — Денек-то вон какой чудесный.

— Все здесь себя чувствуют хорошо, — гнул он свое, будто и не слыша меня. — Если пренебречь нормальным процентом отклонений, в этой толпе все здоровы. Но через пять минут или даже меньше, как следует из наблюдений... — Он посмотрел на часы.

И тут будто докрасна раскаленный кузнечный молот саданул меня по голове.

У нас, Хогбенов, будьте спокойны, головы что надо, крепкие. Коли не боитесь, можете проверить. Вот и тогда у меня маленько подогнулись колени — и все. Уже через пару секунд я был в полном порядке и стал вертеть головой в поисках обидчика.

Шиш я его отыскал. Но толпа, — послушали бы вы как она стонала и стенала. Люди шатались, хватали себя за головы, цеплялись друг за друга, чтобы не упасть, и тащились к грузовику, где малый знай себе брал доллары и протягивал бутыли.

Тощий с блокнотиком закатил глаза, будто утка в грозу.

— О моя голова! — простонал он. — Что я вам говорил? О моя голова! — и он побрел, вытаскивая из кармана деньги.

У нас в семействе я всегда слыл за тугодума, но тут уж нужно быть воистину кретином, чтобы не сообразить, что дело нечисто. И что бы там Ма ни утверждала, я не такое уж наивное дитя. Я повернулся и глянул на крошку Пу.

Конечно, он стоял там. Жирная рожа его была цвета киновари, а глаза сверкали, что твои угли. Весь он раздулся — вот-вот лопнет.

«Сонк, а ведь это колдовство, — сказал я сам себе как-то очень спокойно. — Ни за что бы не поверил, но это самое настоящее колдовство. Только как?..»

И тут я вспомнил про Лили Лу Муц и слова и мысли дядюшки Лема. И начал я, так сказать, прозревать.

Толпа окончательно сошла с катушек. Теперь люди дрались за снадобье. Я едва пробился наружу к дядюшке Лему. Проталкиваясь сквозь толпу, я твердо

решил: все, хватит мне вытаскивать его из разных историй. Тоже мне, доброе сердце. Если уж своей головы на плечах нет, этому ничем не поможешь...

— Нет, любезный, увольте, — говорил между тем дядюшка Лем Пу-старшему, — нет, я не стану этого делать. Ни за что.

— Дядя Лем, — говорю я ему.

Бьюсь об заклад, он подпрыгнул на добрый ярд.

— Сонк, — выдавил он, покраснел и виновато улыбнулся, а затем напустил на себя свирепый вид, хотя я и заметил, что у него от сердца отлегло. — Я же говорил тебе: не ходи за мной, — сказал он.

— Ма велела мне не спускать с тебя глаз, — сказал я ему, — я ей обещал, а Хогбены держат слово. Что здесь происходит, дядя Лем?

— Ох, Сонк, все — хуже некуда! — удрученно сказал дядюшка Лем. — Вот стою я, а сердце-то у меня золотое, но лучше бы мне и на свет не родиться! Познакомься, Сонк. Это мистер Эд Пу. Мистер Эд Пу требует от меня невозможного.

— Ну-ну, Лем, — сказал Эд Пу, — вы же знаете, что все обстоит не так. Я просто требую то, что принадлежит мне по праву, и все. Рад познакомиться, молодой человек. Еще один Хогбен. Может быть, вы объясните своему дядюшке...

— Извините, что перебиваю вас, мистер Пу, — вежливенько так заявляю я ему, — но может быть вы лучше объясните мне, что же здесь, в конце концов, происходит? Пока для меня это все — сплошная загадка.

Он прочистил глотку и выпятил грудь для пущей важности. Явно, он приготовился говорить на любимую тему. Он возвышался при этом в собственных глазах. Это было видно.

— Не знаю, были ли вы знакомы с моей безвременно почившей женой Лили Лу Муц, — начал он. — Вот наш маленький сын. Славный парнишка, правда? Но он один. А мне так хотелось бы, чтобы было их восемь-десять. Вот таких пацанов, — он прочувствованно вздохнул. — М-да, такова жизнь. Надеялся я рано жениться и обзавестись кучей сыновей. Я ведь, знаете ли, был последним из славного рода Пу. Не хотелось, чтобы столь достославная ветвь оборва-

лась. — Тут он выразительно посмотрел на дядюшку Лема. Тот прямо-таки передернулся весь.

— Я сказал уже, нет! — взвизгнул он. — Вам меня не заставить.

— Посмотрим, — угрожающе произнес Пу. — Быть может, ваш молодой родственник окажется более рассудительным. Кстати, имейте в виду, что в этом штате я обладаю определенным влиянием и с моим мнением здесь считаются.

— Па, — встрял тут Пу-младший, — они там, кажись, очухиваются. Можно я закачу им теперь двойную дозу, а, па? Спорим, что я смогу уложить парочку-другую, если ты разрешишь. Эй, па, ты слышишь?..

Эд Пу собрался было снова влепить сынку затрещину, но вовремя одумался.

— Не перебивай старших, парень, — сказал он. — Па занят. Занимайся своим делом и не встревай. — Он посмотрел на стонущую толпу. — Что-то там торговля плоховато идет. Можешь слегка им подбавить, но двойную дозу давать не смей. Не транжирь энергию понапрасну. У тебя растущий организм.

Он снова повернулся ко мне.

— Талантливый малец, — сказал он, сияя гордостью. — Да вы и сами видите. Он унаследовал это от своей дорогой и незабвенной, столь безвременно от нас ушедшей матушки Лили Лу. Я рассказывал вам о Лили Лу? Как я уже сказал, я надеялся рано жениться, но судьба распорядилась иначе и, когда я вступил в брак, я был уже далеко не молод.

Тут он надулся, как жаба, и с уважением оглядел собственный живот. В жизни не видывал, чтоб человек так за себя радовался.

— Все никак не мог найти для себя достойной пары, пока, наконец, в один прекрасный день не повстречал Лили Лу Муц.

— О! Я понимаю, — вежливо поддакиваю я ему.

В самом деле, долго поди ему пришлось искать, пока не нашелся кто-то, кто не сбежал, едва его увидев. Даже Лили Лу, бедняжка, небось крепко подумала, прежде чем согласилась выйти за этакую образину.

— И вот тут-то и пересеклись дорожки, моя и вашего дражайшего дядюшки. Оказалось, что давным-давно он передал Лили Лу некий Дар...

— Не давал я его! — завопил дядюшка Лем, — а если бы даже и дал, то откуда я знал, что она выйдет замуж и передаст его своему ребенку? Вы что, думаете, Лили Лу...

— Он дал ей Дар. Она молчала и поведала мне об этом лишь на смертном одре. Ох и досталось бы ей от меня, признайся она раньше. Лемюэль дал ей Дар, который унаследовал ее сын.

— Я всего лишь хотел защитить ее, — зачастил-заоправдывался дядюшка Лем. — Ты же знаешь, Сонки, мальчик, что я говорю правду. Бедная Лили Лу была столь страшна, что люди кидали в нее чем ни попадя, как только она попадалась им на глаза. Как автоматы. И их нельзя винить. Я сам частенько боролся с собой, чтобы подавить искушение.

Но бедная Лили Лу, как мне было ее жалко. Ты не знаешь, Сонки, сколь долго боролся я с собственными благими побуждениями. Но увы мне, увы! Мое золотое сердце опять подложило мне свинью. Однажды я так расчувствовался из-за судьбы этого существа, что пошел и передал ей Дар. Всякий бы на моем месте поступил также, а, Сонк?

— Как тебе это удалось? — спросил я, не на шутку заинтересованный. Кто его знает, что может пригодится в жизни. Я еще молод и мне нужно учиться.

И тогда он стал объяснять мне и мгновенно все до невозможности запутал. Тем не менее я понял, что все дельце было обтяпано с помощью какого-то чудного приятели дядюшки Лема по имени Ген Хромосом. Когда я въехал в суть и стал напирать, как да что, дядюшка Лем стал распространяться про какие-то альфа-волны в мозгу.

Ну об этих-то волнах я и так знал. Всякий поди видел эти волны над головой, когда кто-нибудь думает. Вон Дед наш бывает сразу думает шестьсот разных дум, все они бегают друг за другом по извилинам. Когда близко смотришь, так глаза натрудить можно.

— Такая вот история, Сонк, — подвел дядюшка Лем итог. — И теперь все унаследовал этот змееныш.

— А почему бы тебе не попросить этого Гена Хромосома избавить Пу-младшего от этой способности и не сделать его обычным человеком? Ты же это раз плюнуть, дядюшка Лем. Смотри, — и я сфокусировал свое зрение на Крошке Пу, как будто бы захотел заглянуть внутрь его, ну вы небось сами знаете, как это делается.

Посмотрел я своими глазами и сразу мне ясно стало, что же дядюшка Лем все тщился мне объяснить. Были там такие смешные цепочечки из этих Ген-Хромосомов и какие-то палочки, которые мельтешили в таких, знаете, маленьких клетках, из которых мы все состоим. Кроме, пожалуй, Крошки Сэма, нашего младшенького.

— Гляди-ка, дядюшка Лем, — говорю я ему, — все, что ты сделал с Лили Лу, так это поменял местами вон те палочки и связал их в цепочки вот так. Почему бы тебе не вернуть их на свои места. Тогда Дар уйдет из Пу-младшего.

— Эх, если бы все было так просто, — вздыхает дядюшка Лем. — Сонк, чем ты меня слушал? Если я их начну переставлять, я тут же убью Крошку Пу.

— Мир станет только чище, — отвечаю.

— Так-то оно так. Но вспомни, что мы обещали Деду? Никаких больше убийств.

— Но дядюшка Лем, страх ведь что получается. Выходит, этот гаденыш и дальше будет насылать порчу?

— Это еще полбеды, — ответствовал он, чуть не плача. — Он же передаст Дар своим потомкам, как Лили Лу передала ему.

В течение минуты будущее рода человеческого и в самом деле виделось мне довольно-таки мрачным. Потом я рассмеялся.

— Спокойно, дядюшка Лем, — говорю я ему. — Уж об этом-то беспокоиться нечего. Ты посмотри только на это жабье отродье. Покажи мне хоть одну женскую особь, которая подойдет к нему на милю. Он уже в красоте не уступает папочке. А вспомни, в нем течет еще и кровь Лили Лу. Может быть он станет еще уродливее, когда вырастет. Что-что, а женитьба ему не грозит, вот что я скажу.

— А вот здесь вы и заблуждаетесь, — встревает вдруг в разговор Эд Пу. Он весь побагровел, от злости

его аж трясло. — Что, думаете, я не слышу? Думаете, что можете трепать языками о моем сыне, что хотите? Это вам с рук не сойдет. В этом городе власть — это я, запомните. И учтите, у нас с Крошкой большие планы. С его-то талантом! Я уже вхожу в совет олдерменов, а на той неделе открывается вакансия в Сенате штата — если только один старый дурак — я знаю о ком говорю, — не окажется крепче, чем выглядит. Так что берегись, юный Хогбен, ты и твоя семейка еще заплатите мне за оскорбления.

— Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, — парирую, — а Крошка ваш и взаправду омерзителен.

— Ничего, скоро он поймет, что не это главное. Мы, из рода Пу, вообще трудны для понимания. Слишком глубоки, наверное, хотя вряд ли вам это что-нибудь говорит. А на мне лежит ответственность за то, чтобы род наш никогда не угас. Никогда. Вы слышите, Лемюэль?

Дядюшка Лем зажмурил изо всех сил глаза и головой замотал быстро-быстро:

— Нет, нет и нет. Никогда я не сделаю этого. Никогда, никогда, никогда.

— Лемюэль, — говорит тогда Эд Пу этаким тихим и проникновенным голосом, — может быть вы хотите, чтобы малец испытал *на вас свой* дар, а?

— Бесполезно, мистер, — отвечаю я ему. — Вы же пытались заколдовать меня там, вместе с толпой. И что у вас вышло? Не тратьте попусту время, мистер Пу. Хогбена заколдовать нельзя.

— Э-ээ, — он хотел что-то сказать, но не нашелся, что ответить. — М-да. Я это обмозгую. Вот что, поиграем-ка в доброту. Вы ведь обещали вашему дедуле, что никого не убьете, хм? Вот вам задачка. Лемюэль, откройте ваши глаза и взгляните на ту сторону улицы. Видите вон там идет благообразная старая леди с корзинкой. Как вам понравится, если сейчас Малыш по моему приказу вышибет из нее дух?

Дядюшка Лем еще плотнее зажмурил веки.

— Я ничего не увижу. Я даже не знаю ее. Пусть это и в самом деле старушка и все смотрят на меня, и ждут, как я решу ее судьбу. Плевать, я не буду ее защищать. Хотите ее кончать — кончайте. Может быть ревматизм для нее куда худшее зло.

— Хорошо. А что вы скажете насчет вон той молоденькой дамочки с ребенком на руках? Вы только поглядите, Лемюэль. До чего же милый ребеночек. Смотрите, какая розовая ленточка у него на чепчике, а, Лемюэль? Ну-ка задай им, Малыш, по первое число. Нашли на них для начала бубонную чуму, что ли. А потом...

— Дядюшка Лем, — говорю я ему, чувствуя себя как-то неуютно, — я не знаю, что бы Дед сказал на это. Может быть...

Дядя Лемюэль на мгновение широко открыл глаза и посмотрел на меня совершенно диким взглядом.

— Я ничего не могу поделать с этим, Сонки. У меня же золотое сердце. Я просто большое чувствилище, вот кто я. Все меня хватает за душу, все! И я не могу удерживаться. И поэтому мною можно управлять. Но теперь мне наплевать, пусть Эд Пу истребит хоть весь род людской. Наплевать, пусть даже Дед узнает, что я натворил. Отныне мне плевать на все! — и он дико расхохотался. — Я вырвусь из-под гнета, Сонк. Я ничего не буду ведать ни о чем. И крылья я себе пообрываю.

С этими словами дядюшка Лем весь вытянулся как по стойке смирно и рухнул плашмя оземь, физией в тротуар, что твой столб.

ГЛАВА 3

На мушке

Хоть и был я тогда здорово встревожен, а улыбки сдержать не смог. Иногда дядюшка Лем бывает чертовски остроумен. Такое отмочить! Подозреваю, что он опять вознамерился соснуть, как всегда делает, когда ему что-нибудь угрожает. Па называет это КОТОЛЕПСИЕЙ, но коты все же, на мой взгляд, спят более чутко.

Дядюшка Лем грянулся об асфальт и даже подскочил чуток. Пу-младший издал радостный вопль. Подозреваю, это чудовище вообразило, что дядя Лем сражен не без его участия. Как бы то ни было, но, заметив, что кто-то свалился и лежит беспомощный, Крошка, повинуясь врожденному инстинкту, метнулся

к пострадавшему и натурально заехал дядюшке Лему ногой в висок.

Помнится, я говорил, что у нас, Хогбенов, головы крепкие. Пу-младший заголосил и запрыгал на одной ноге, держась за другую обеими руками.

— Н-ну погоди, щас я тебя з-заколдую! — завизжал он, — у тебя мое колдовство из ушей польется, слышь ты, хогбеновское отродье! — Он набрал полную грудь воздуха, рожа у него стала пурпурного оттенка и...

...И тут-то все и случилось.

Это было как удар молнии. Я не новичок в колдовстве, и ожидал примерно чего-нибудь в этом духе, но даже меня пробрало. Зрелище, скажу я вам, было что надо. Па потом объяснял мне, *что* там было на самом деле. Пу-младший, болван, сдуру вляпался в роль ка-та-ли-токсического агента, во как. А эта самая дизоксирибонуклеиновая кислота, из которой сделаны его гены, из-за Дара как-то там перестроена. Ну и аукнулось это на каппа-волнах его скудных мозгов. Па говорил, что там, поди, микровольт тридцать было, не меньше. Но вы же знаете моего Па. Ему лень объяснить все нормальным языком. Вот он и тащит всякие глупые слова из чужих мозгов, когда ему в них надобность.

А получилось-то вот что. Этот гаденыш до того рассвирепел, что все свое колдовство, для толпы припасенное, одним махом жахнул прямо в физиономию дядюшке Лему. Да, такого я прежде ни разу не видел. И что самое ужасное — эта штука сработала.

Дядюшка Лем спал себе и потому ни чуточки не сопротивлялся. Его бы сейчас и докрасна раскаленная кочерга не разбудила. Хотя, по правде говоря, не хотел бы я, чтобы в тот момент она оказалась в руках у змееныша. Неважно. В общем, колдовство поразило дядюшку Лема, как удар молнии.

Прямо на наших глазах он стал светло-зеленым. И тут я заметил, что, как только дядя Лем позеленел, наступила гробовая тишина. Я удивленно оглядываюсь: в чем тут дело? Оказывается толпа перестала стонать и причитать.

Люди то прикладывались к бутылкам со снадобьем, то терли лбы, и, знаете, так слабо, облегченно посмеивались. Малыш-то Пу натурально все свое колдовство извел на дядюшку Лема, вот у толпы голова и прошла.

— Эй, что здесь происходит? — послышался знакомый голос. — Этот мужчина, что, потерял сознание? Чего вы стоите как истуканы. Пустите — я врач.

Это был тот самый тощий тип с незлобивым лицом. Он все еще тянул из бутылки, пока пробирался к нам через толпу, но блокнота у него уже не было. Когда он увидел Эда Пу, то аж покраснел от злости.

— Так это вы, Олдермен Пу? — спрашивает. — Вечно вы там, откуда за милю воняет. Что вы сделали этому бедолаге? Посмотрим, удастся ли вам отвертеться на этот раз!

— Ничего я ему не сделал, — отвечал Эд Пу. — Никто его и пальцем не тронул. А вы, доктор Браун, попридержали бы свой язык, а то как бы не пришлось пожалеть. В этом городе я не последний человек, уверяю вас.

— Смотрите сюда! — вскрикнул изменившимся вдруг голосом доктор Браун, глядя на распростертое тело дядюшки Лема. — Этот человек, он умирает! Кто-нибудь, вызовите скорую помощь! И поживее!

Дядюшка Лем снова сменил цвет. Внутри себя я давился от смеха. Я-то ведь знал, что происходит на самом деле. Ну дядюшка Лем, такое отмочить!

Дело в том, что внутри каждого из нас гуляют целые стада разных бактерий и вирусов, и все мы ими кишмя кишим. Когда Пу-младший шибанул в дядю Лема зарядом своей энергии, она стимулировала всю эту чертову прорву. Они как с цепи сорвались. Тут в дело встряли такие, знаете, крошечные твари, которых Па зовет бледными антителами. Только не думайте, что они какие-нибудь там чахлые заморыши. Что вы, они пышут здоровьем. Просто цвет у них от природы такой. Вот они всем скопом и бросились на стада бактерий и вирусов. Что тут началось!

Ведь когда вы, к примеру, подцепите какую-нибудь хворь, эти бледные ребята, все как один, хватают

свое оружие — и вперед. Дерутся они как сумасшедшие. Так что во время болезни внутри вас такие битвы разыгрываются — будь здоров.

Вот такая битва и происходила сейчас внутри дядюшки Лема. Только у нас, у Хогбенов, эти бледные зверушки особенные. Посильнее и побыстрее ваших.

Они так ударили по врагу, что дядюшка Лем тут же из светло-зеленого стал пурпурно-красным, а потом еще и пошел большими желтовато-синюшными пятнами, там и сям. Видок у него, скажу я вам, был как у сверхтяжелобольного. Но вы же понимаете, что самому ему это не причиняло ни малейшего вреда. Для внутренней защиты Хогбена любой недуг — плюнуть и растереть. Но окружающих эта картина пробирала — брр — до костей.

Тощий доктор присел рядом с дядей Лемом и пощупал пульс.

— Это явно ваших рук дело, — сказал он, глядя на Эда Пу, — не знаю, как вам такое удалось, но на этот раз дело слишком серьезно, чтобы вы отвертелись. Похоже, что у бедняги бубонная чума. Теперь я сам позабочусь, чтобы на вас и на этого юного орангутанга нашли управу.

Эд Пу деланно усмехнулся. Но я-то видел, что он зол и напугался.

— Не беспокойтесь за меня, доктор Браун, — говорит, не показывая однако виду. — Когда я стану губернатором — а все, что я задумываю, сбывается, — я лично позабочусь, чтобы ваш госпиталь, коим вы так гордитесь, был снят с бюджета штата. Вот так! У вас там валяются разные бездельники, которые только и знают, что жрать за казенный счет. Хватит! Пусть выметаются ко всем чертям! Вон мы, Пу, — никогда не болеем. Когда я стану губернатором, уж я-то найду лучшее применение деньгам налогоплательщиков, которые сейчас переводятся на разных оглоедов. У меня никто не будет пролеживать кровати зря, попомните мое слово!

А тощий доктор и ухом не повел.

— Где эта скорая? — спрашивает.

— Если вы имеете в виду большую такую длинную и шумную машину, — отвечаю, — так она в трех милях отсюда, но жмет на всех парах. Только дядюшка Лем вовсе не нуждается ни в какой помощи. У него просто припадок. Это у нас семейное. Ничего страшного, уверяю вас, сэр.

— Святые Небеса! — говорит на это Док. — Вы хотите сказать, молодой человек, что у него уже было нечто подобное и он после этого выжил? — Он посмотрел на меня и вдруг заговорщически улыбнулся. — Ясно, — говорит, — значит, боимся больницы, точно? Не надо беспокоиться. Мы не причиним ему вреда.

Такого поворота событий я не ожидал. Он что-то почуял. Я как-то упустил это из виду. Больница — неподходящее место для Хогбенов. Народ там — несносно шумный. Я громко стал звать дядю Лема у себя в голове.

«Дядюшка Лем, — надрывался я мысленно, дядюшка Лем, давай, просыпайся! Дед же тебя прибьет к амбарным воротам, если ты позволишь увезти себя в больницу. Они же там вмиг обнаружат, что у тебя два сердца и кости соединены не так, и форму твоей глотки. Дядюшка Лем, проснись!!!»

Без толку. Он даже не пошевельнулся. Вот тут-то я по-настоящему перепугался. В хорошенькую передрягу втянул меня дядюшка Лем! Теперь вся ответственность ложилась на мои плечи, а у меня не было ни малейшего представления, как же выбираться из этой заварухи. В конце концов, я же еще маленький! До пожара в Лондоне я вообще ничего не помню. Ну того пожара, при Карле II. Тогда все еще носили эти длинные волосы с завитушками. Ему-то, по крайней мере, они шли.

— Мистер Пу, — говорю, — пусть Крошка снимет заклятие. Нельзя, чтобы дядю Лема упекли в больницу.

— Малыш, продолжай-продолжай, не останавливайся, — говорит Пу-старший с этакой гаденькой улыбочкой на роже. — Эй, я бы хотел переговорить с юным Хогбеном наедине. — Доктор посмотрел на него удивленно, а тот мне: — Отойдем-ка, Хогбен, у меня есть для вас кое-что. Малыш, убавь-ка уровень.

Желто-синюшные пятна на дядюшке Леме стали зеленоватыми по краям. Док судорожно вздохнул, а Эд Пу тем временем схватил меня за руку и утянул в сторону. Когда мы оказались вне досягаемости чьих-либо ушей, он мне и говорит, этак доверительно, буравя своими глазенками.

— Я так понимаю, Хогбен, что ты усекаешь, что мне нужно. Лем никогда не говорил, что он не может. Он говорил, что не хочет. Стало быть вы можете это сделать для меня.

— Что именно, мистер Пу? — спрашиваю.

— Ты же знаешь, я хочу, чтобы в мире всегда были Пу. Не так-то просто мне было найти себе жену, да и Крошке, я знаю, будет нелегко. Женщины в наши дни совершенно утратили вкус. С тех пор как Лили Лу покинула нас, на свете не рождалось другой женщины, столь уродливой, чтобы выйти замуж за Пу, и я боюсь, что вместе с Крошкой наш род угаснет. Мне невыносимо думать об этом. С его-то талантом! Устрой так, чтобы наш род никогда не угасал — и я велю Крошке снять заклятие с Лемюэля.

— Если уж мне суждено обеспечить вашему роду бессмертие, — отвечаю я, — тогда я уж позабочусь, чтобы остальное человечество вымерло. Все лучше, чем жить бок о бок со множеством Пу.

— А что плохого во *множестве* Пу? — спрашивает эта образина, радостно щерясь. — Как я понимаю, у нас здоровая порода.

Он даже замахал лапищами от переизбытка чувств. А эта горилла, между прочим, была повыше меня.

— Ничего плохого не будет в том, что Землю будут населять породистые люди. Я уверен, что, дай нам время, мы, Пу, смогли бы завоевать этот говенный мир. И ты поможешь нам в этом, юный Хогбен.

— Нет, — сказал я, — нет, нет и нет. Даже знай я, как...

В конце улицы раздался жуткий рев и толпа стала разбегаться, уступая дорогу машине скорой помощи, которая остановилась на углу, возле дядюшки Лема. Из нее выскочила пара расторопных ребят, таща с собой носилки. Доктор Браун встал с колен, на его лице читалось облегчение.

— Ну, думал, что так вас и не дождусь, — сказал он. — Этого человека нужно в карантин, я полагаю. Одному Богу известно, что покажут анализы. Принесите мою сумку. Мне нужен стетоскоп. Что-то странное у этого парня с сердцем.

Не знаю уж, как там у дядюшки Лема, а у меня сердце аккурат ушло в пятки. «Все, — понял я, — мы пропали — все наше хогбеново племя. Как только эти докторишки и ученые пронюхают, кто мы такие, — тут нашей жизни и крышка. Все оставшееся время у нас не будет ни секунды покоя. Прощай тихая жизнь».

Эд Пу смотрел на меня и мерзко лыбился.

— Что, засуетился, да? Я бы на твоем месте вился, как уж на сковородке. Я ведь все о вас, Хогбенах, знаю. Все вы как один нечисть. Как только они привезут Лема в больницу, так все и выплывет. А закон против колдунов, между прочим, никто не отменял. Так что даю тебе полминуты, юный Хогбен, чтобы покончить с этим вопросом. Что скажешь?

Ну сами подумайте, что я мог ему сказать? Я же не мог ничего ему обещать. Чтобы эти треклятые Пу со своим Даром заполонили весь мир? Мы, Хогбены, живем долго. У нас тоже есть кой-какие серьезные планы касательно будущего этого мира. Но если Пу поползут по всему свету, стоит ли тогда стараться? Вы понимаете, я не мог ответить ему «да».

Но скажи я «нет» — и дяде Лему конец. Мне казалось тогда, что как ни крути, а Хогбенам, похоже, крышка. Оставался лишь один выход. Я набрал побольше воздуха, зажмурил глаза и возопил внутри головы: «Дед! Деда!»

«Внимаю тебе, дитя мое», — произнес звучный, раскатистый голос где-то в моем мозгу. Будто он все время был со мной и только и ждал, чтобы к нему обратились. Дед был за добрую сотню миль отсюда и голос у него был, как со сна. Неважно: когда Хогбен взывает в такой тональности, в которой я позвал Деда, он вправе рассчитывать на ответ — и немедленный. Так оно было и на этот раз.

Обычно Дед минут пятнадцать ходит вокруг да около, задает перекрестные вопросы, не слушая отве-

тов, либо начинает сбиваться на какие-то допотопные диалекты, вроде санскрита, которых поднабрался за свою долгую жизнь. Но на этот раз, похоже, он был серьезен. «Внимаю тебе, дитя мое», вот и все, что он сказал. Так что я просто взял и вывалил перед ним содержимое моего мозга. Прям как школьный учебник. Просто не было времени на вопросы и ответы. Док уже доставал свои причиндалы; как только он усечет, что у дядюшки Лема два сердца, Хогбенам кранты. «И зачем ты только запретил убивать, Дед», — добавил я, зная, что к этому моменту он уже успел окинуть взглядом всю ситуацию от начала и до конца.

Мне казалось, что Дед размышляет ужасающе долго. Док уже вставлял себе в уши такие маленькие рогульки с резиновыми наконечниками. Эд Пу смотрел на меня как коршун. Малыш торчал там, в стороне, весь переполненный своим Даром, и шнырял глазами по сторонам: кого бы еще свалить. В глубине души я надеялся, что он остановит выбор на мне. Я уже приготовился отразить заряд заклятия прямо ему в рожу и, если повезет, то убить на месте.

Наконец Дед подал мне в голове знак.

«Они держат нас на мушке, Сонк», — сказал он. Помнится, я удивился, что Дед, оказывается, способен изъясняться на людском языке, если захочет.

«Скажи Пу, что мы согласны».

«Но, дед...» — начало было я.

«Делай, как я сказал! — когда он говорил с таким нажимом, у меня начинала болеть голова. — Быстрее, Сонк. Скажи Пу, что мы дадим ему то, что он хочет».

Я не посмел ослушаться. Но в тот раз я был очень к этому близок.

Если вдуматься, даже Хогбен должен в конце концов впадать в старческий маразм. Вот я и подумал, не сказывается ли в конце концов преклонный возраст на Деде.

В ответ я только сказал в голове: «Ладно, я сделаю, как ты говоришь, хотя, будь моя воля, я поступил бы по-другому. Получается, что нам, Хогбенам, каждый может диктовать свои условия. Почему бы не запереть дар внутри Пу-младшего. То-то

бы он попрыгал». Вслух же я произнес смиренно, как только мог:

— Все в порядке, мистер Пу. Давайте, снимайте заклятие. Быстрее, а то будет слишком поздно.

ГЛАВА 4

Пу идут

У мистера Пу был большой желтый автомобиль с открытым верхом, приземистый и очень длинный. И несся он со страшной скоростью. В какой-то момент я был почти уверен, что мы переехали маленького мальчика, но мистер Пу не обратил на это внимания, а я не осмелился ему сказать. Ведь Дед выразился ясно: они держат нас на мушке.

Было много говорильни, прежде чем я убедил их поехать к нам. Таков был дедов приказ.

— Где гарантии, что вы не пришьете нас хладнокровно в своей глухомани? — спросил мистер Пу.

— Я могу вас прямо тут убить, на месте, — отвечаю, — и убил бы, будьте спокойны, да только вот Дед запретил. Ежели он говорит, что вам ничего не угрожает, значит так оно и есть. Никогда еще ни один Хогбен не нарушил своего слова.

Короче, я его уломал. Я сказал ему, что мы можем работать только на своей территории. Это подействовало. Мы погрузили дядю Лема на заднее сиденье и поехали в сторону холмов. Вдрызг переругавшись перед тем с доком. Дядя Лем все еще был в отключке.

А он бы в любом случае не проснулся. Правда, когда Пу-младший снял свое заклятие, он вскоре принял нормальный цвет. Док никак не мог в это поверить, хотя и видел все своими глазами. Мистеру Пу пришлось угрожать ему всеми карами, прежде чем он, наконец, сдался. Когда мы отъезжали, док сидел на тротуаре, что-то бормотал себе под нос и ошалело тер лоб. Был он, явно, несколько не в себе.

Я чувствовал, как Дед всю дорогу изучает обоих Пу через мой мозг. Казалось, что он озадаченно качает головой — или как это про Деда сказать — и думает над проблемами, которые лично для меня были китайской грамотой.

Когда мы подъехали к дому, вокруг не было видно ни души. Я слышал, как Дед возится и бормочет что-то в своем мешке на чердаке. Па, похоже, пребывал в невидимом состоянии и был слишком пьян, чтобы внятно объяснить, где он находится. Крошка Сэм спал. Ма все еще была в церкви и Дед сказал, что оно и к лучшему.

«Мы сможем это сделать и вдвоем, Сонк, — сказал он мне, как только я вылез из машины. — Я тут кое-что надумал. Тащи-ка сани, которые ты приспособил сегодня утром для сквашивания сливок. Давай, давай, Сонк, поторапливайся».

И тут он разом показал мне свою задумку.

— О, нет, дед! — непроизвольно воскликнул я вслух.

— С кем это ты разговариваешь? — осведомился Эд Пу, вылезая из машины. — Что-то я никого не вижу. Это и есть ваше логово? Небогато, как я погляжу. Эй, Малыш, держись-ка поближе ко мне. Чем больше я смотрю на этих типов, тем меньше они мне нравятся.

«Давай, Сонк, тащи сани, — сказал Дед решительно. — Я все обдумал. Мы с тобой зашлем этих двух горилл в самое что ни на есть подходящее для них место».

«Дед, а Дед, — упрашиваю я его, в голове, понятное дело, — может не стоит торопиться? Давай все обсудим еще раз, не спеша. Опять-таки с Ма было бы неплохо посоветоваться. У Па тоже, когда он трезв, башка варит ого-го. Давай подождем, пока он очухается. Я бы и Крошку Сэма не сбрасывал со счетов. Все-таки, по-моему, закидывать их назад, в прошлое, не самый лучший выход, а? Дед?»

«Малыш Сэм спит, — сказал Дед, — и пусть себе спит. Он сейчас бродит по снам и беседует с Эйнштейном, благословенна будь его детская душа».

Мне в голову пришла мысль, что самым тревожным во всем в этом является тот факт, что Дед изъясняется без всяких вывертов, на нормальном языке. Обычно он говорил совершенно иначе. Я подумал, может быть годы в конце концов... эээ... лишили его рассудка. «Дед, — говорю я ему, стараясь сдерживаться, — ты что же, не видишь? Если мы закинем их в прошлое и дадим, что обещали, то все станет в миллион раз

хуже. Или ты собираешься закинуть их в Год Первый, а затем нарушить свое обещание?»

«Сонк», — начал было Дед.

«Знаю, знаю. Если мы сказали, что их род не вымрет, значит так тому и быть. Их род не вымрет. Но если мы забросим их в Год Первый, то все время до сегодняшнего дня они будут размножаться. И с каждым поколением Пу будет все больше.

Дед, через пять секунд после того, как они попадут в Год Первый, я почувствую, как у меня глаза сдвигаются к переносице, а лицо становится как у Пумладшего, жирным и плоским. Дед, если мы зашлем их в Год Первый, то сегодня все мы можем оказаться Пу. Ведь они только и знают, что плодиться».

«Доколе яйца будут кур учить?! — рявкнул он у меня в голове. — Делай, что тебе сказано, болван!»

От души у меня немного отлегло, но я по-прежнему не верил в его затею. В общем, иду я в сарай и вытаскиваю те сани. Пу их увидел и раскипятился.

— Я вам не мальчик, чтобы на санях кататься! За кого вы меня держите? Здесь явно какое-то мошенничество. Нутром чую!

А Крошка Пу попытался меня пнуть.

— Послушайте, мистер, — это я ему, — либо мы сотрудничаем, либо нет. Я знаю, что делаю. Вставайте вон сюды и садитесь. И ты, Крошка, давай, что стоишь. Тут места обоим хватит.

Если бы он расчухал, что мы затеваем, уж не знаю, что бы с нами сталось. Одно спасло. Он поди думал, что я от страха в штаны наложил. Однако когда по поводу дедова ума я забеспокоился — это он усек.

— Ну где он, ваш Дед? — спрашивает он подозрительно. — Или ты хочешь сказать, что сам все сделаешь? Да? Э нет, так мы не договаривались. Что-то не верю я в твои затеи. Молод ты для этого, парень. А вдруг ошибешься, что тогда?

— Мы же дали вам слово, — напомнил я ему. — Теперь, будьте так добры, мистер, замолчите и дайте мне сосредоточиться. Кому в конце концов нужно, чтобы Пу были всегда? Уж явно не мне.

— Помните, вы дали слово, — сказал он, усаживаясь, — и вы обязаны его сдержать. Предупредите меня перед тем, как начнете.

«Все идет отлично, Сонк, — сказал Дед с чердака. — Теперь смотри и учись. Смотри внимательней, Сонк. Выбери какой-нибудь ген и сфокусируйся на нем. Любой ген, Сонк».

Хоть мне вся эта дедова затея была не по нутру, я все же не смог сдержать любопытства. Когда Дед что-нибудь делает, это всегда — загляденье.

Гены — это такие жутко юркие твари, похожие на веретенца, только совсем крошечные. Они всегда в паре с тонкими палочками, которые называются хромосомы. Они всегда вместе, где ген — там и хромосом. Не верите, посмотрите сами. Главное тут правильно сфокусировать зрение.

«Для начала нам нужна хорошая доза ультрафиолета, — бормотал Дед на чердаке. — Ну-ка, Сонк, ты там поближе».

Я сказал: «Хорошо, Дедушка» и завернул ультрафиолетовые лучи так, чтобы они падали сквозь кроны сосен прямо на обоих Пу. Ультрафиолет — это один из цветов на другой стороне полосы. Он начинается там, где для большинства людей названия для цвета кончаются.

«Спасибо, сынок, — отозвался Дед, — подержи его так с минутку».

Гены начали прыгать в такт световым волнам. Крошка Пу пожаловался:

— Па, что-то мне щекотно.

— Заткнись, — ответствовал Пу-старший. А Дед знай бормочет себе под нос. Уверен, что он стянул слова у прохвессора, который у нас в бутылке живет. Впрочем, кто знает. Может Дед их когда-то первым и придумал. Он у нас такой. С ним ни в чем нельзя быть уверенным.

«Эухроматин, — бурчал он, — да, самое то. Ультрафиолет даст нам наследственную мутацию, а эухроматин содержит гены, которые отвечают за наследственность. С другой стороны имеем гетерохроматин, что даст нам эволюционные изменения в поистине безмерном многообразии.

Очень хорошо, очень хорошо. Мы всегда можем использовать новые разновидности. Гм-м. Шесть вспы-

шек гетерохроматической активности должно хватить, — он помолчал с минуту. Затем изрек: — Мудр аз есмь. О'кей, Сонки, убирай».

Я позволил лучам ультрафиолета распрямиться.

«Все-таки в Год Первый, дедушка?» — спросил я, по-прежнему обуреваемый сомнениями.

«Это как раз подходящий срок, — ответил он. — Ведом ли тебе курс?»

«Да, дедушка», — сказал я.

После чего нагнулся и придал саням необходимое начальное ускорение. Последнее, что я услышал, был рев мистера Пу.

— Эй, что ты творишь? — вопил он. — Что за дурацкая идея? Смотри, что там такое? Что вообще происходит? Куда мы едем? Эй, Сонк, предупреждаю: если что не так, я напущу на тебя Малыша. Он тебя так закляне-е-е-е...

Его рев делался все тоньше и тоньше, пока не сравнялся с писком комара. Затем во дворе наступила тишина.

Я стоял, обхватив себя руками, готовый сопротивляться изо всех сил, когда начну превращаться в Пу. С этими крошками-генами шутки плохи.

Я знал, что Дед допустил ужасную оплошность. Близился миг, когда Пу должны достигнуть Года Первого и затем начать движение к нашему времени. Я знал, что́ должно было произойти.

Я не очень четко представляю себе, где́ этот Год Первый, но ясно, что у Пу была прорва времени, чтобы расплодиться по всей планете. Я приложил два пальца к носу, чтобы удержать глаза, когда те начнут съезжаться к переносице, как у Пу.

«Эй, сынок, ты пока еще не Пу, — сказал Дед, хихикая. — Ты достаточно зоркий, чтобы их сейчас видеть?»

«Нет, — сказал я. — А что там происходит?»

«Сани останавливаются. Все, остановились. Год Первый, все правильно. Нет, ты только посмотри на эту публику, как они высыпали из пещеры встречать гостей. Ух, ну и плечи у тамошних ребят. Папаша Пу перед ним заморыш.

А дамочки-то, дамочки. Нет, положительно, Малыш сойдет там за красавца. Проблем с женитьбой у него там явно не будет».

«Но, дедушка, это ведь и страшно».

«Не перебивай старших, Сонк, — хмыкнул Дед. — Нет, ты только полюбуйся, Малыш Пу только что плюнул заклятием. Чье-то дитя упало и расквасило нос. Мамаша вцепилась Малышу в рожу. Ага, теперь папаша взялся за Пу-старшего. До чего славная драка! Нет, ты только глянь! О семействе Пу теперь можно не беспокоиться. Там о них позаботятся».

«А о нас?» — жалобно спросил я.

«Не тужи, сынок. О нас теперь позаботится время. Погоди-ка минутку, дай я погляжу. Гм, поколение — это не столь большой срок, если знаешь как смотреть. Смотри-ка, наш Малыш Пу уже сам папаша. Ну и уродов он наплодил. Аккурат десять штук. Вылитые папочка и дед.

Жаль, что Лили Лу Муц не видит внучков. То-то бы она порадовалась. Ага, все идет как по нотам. Каждый из десятерых дал миру еще десять Пу. Рад сообщить тебе, Сонк, что данное нами обещание выполняется. Я сказал, что сделаю сие и сие сотворил».

Я только застонал про себя.

«Ладно, — продолжал тем временем Дед, — перескочим-ка через пару столетий. Та-ак, плодятся как сумасшедшие. Фамильное сходство по-прежнему сильно. Гм-м. Еще тысяча лет и — что я говорил! Кто скажет мне, что это не Древняя Греция? Ну хоть бы чуточку изменились... А, Сонк?» — он прямо-таки сиял.

«Помнишь, я говорил как-то, что Лили Лу напоминала мне одну мою старую приятельницу по имени Горгона? Ничего удивительного. Против природы не попрешь. Эх, видел бы ты, Сонк, этих пра-пра-пра-правнуков Лили Лу. Хотя, если подумать, счастье твое, что ты их не видишь. Ага, а вот это уже действительно интересно...»

Минуты три Дед молчал. Потом я услышал, как он смеется.

«Бабах! — сказал он. — Первая вспышка. Гетерохроматин, помнишь? Теперь начались изменения».

«Какие еще изменения, дедушка?» — спрашиваю, чувствуя себя совершенно несчастным.

«Какие? — отвечает. — А такие, которые показывают, что твой старый Дед еще не совсем выжил из ума, как ты себе вообразил, сопляк. Твой дед знает, что делает. Ну теперь они пойдут одна за другой, эти вспышки, раз уж начались. Смотри-смотри, вторая вспышка. Вот, Сонк, что такое генная мутация!»

«Ты хочешь сказать, — спрашиваю, — что я не превращусь в Пу, да? Но, Дед, мы же дали слово, что Пу будут вечно».

«Вот я и держу свое слово, — промолвил Дед с гордостью. — Гены будут нести фамильные черты Пу аж до второго пришествия — в точности, как я и обещал. И их Дар останется с ними».

Он рассмеялся.

«Ну все, Сонк, теперь держись покрепче. Когда Папаша Пу отбывал в Год Первый, он обещал, что напустит на тебя Малыша с заклятием, верно? Так вот, он не шутил. Так что готовься. Он напускает его на тебя в этот самый миг».

«О Господи всемогущий! — воскликнул я. — Их же там теперь поди миллион, не меньше, а дедушка? Что же мне делать?»

«Держать себя в руках, — изрек Дед нарочито сурово. — Миллион, говоришь. О нет, их куда побольше, чем миллион».

«Сколько же?» — спросил я, трепеща от ужаса. И он начал говорить. Вы не поверите, он до сих пор не кончил. Это страшно длинное число. Вот их сколько. Понимаете, это похоже на семейство Джуков, что живут к югу отсюда. Чем старше поколение, тем более крупнокалиберные они мерзавцы. То же самое приключилось и с Геном Хромосомом и его дружками-родичами, если можно так выразиться. Пу как были, так Пу и остались. И зловредность их никуда не девалась. И — полагаю, это не будет преувеличением, — мир они завоевали, в конце концов.

Конечно, все могло кончиться плачевно, останься они прежними. За время, прошедшее с Года Первого, они не только плодились, но и мельчали. Когда я познакомился с ними, они были крупнее большинства людей, по крайней мере — Папаша Пу.

Пройдя через все поколения, Пу настолько уменьшились в размерах, что сравнялись с теми бледными зверушками в крови, о которых я рассказывал, пом-

ните? Теперь они воюют с ними — с переменным успехом.

А стали они такими маленькими из-за гетерохроматических вспышек, о которых толковал Дед. Теперь их люди вирусами зовут, а вирус это что-то вроде гена, только попронырливей. Хотя сравнивать их — это все равно, что в точности уподобить отпрысков Джук Джорджу Вашингтону.

А заклятие меня доконало. У меня начался сильнейший насморк. Потом я услышал, как зашмыгал носом во сне дядюшка Лем, лежа в желтой машине. Дед все бубнил и бубнил о том, сколько же Пу сегодня должно быть в мире. Спрашивать его сейчас было бесполезно. Так что я сфокусировал глаза по-другому и заглянул в нос посмотреть, что же там щекочется и...

В жизни не видел столько Малышей Пу. И все напускали заклятия направо и налево. Каждый из живущих на земле испытал на себе их заклятие, и не раз. Время от времени Пу наступают. Что же, это им было обещано.

Мне рассказывали, что некоторые вирусы такие маленькие, что даже через микроскоп их не разглядишь. Когда-нибудь разглядят. Вот тут-то их и ожидает сюрприз. На них глянет жирная и плоская рожа Малыша Пу, страшного как грех, с глазами, едва не касающимися друг друга на переносице, которыми Малыши Пу вращают, ища, кого бы еще свалить.

Понадобилась уймища времени — аж с Года Первого, — но Дед вместе с Геном Хромосомом все-таки победили. Так что, выражаясь фигурально, Малыш Пу больше не сидит ни у кого шилом в заднице.

Зато теперь, как в нос заберется, сразу такой озноб прошибает!

«ВСЕ ТЕНАЛИ БОРОГОВЫ...»

Нет смысла описывать ни Унтахорстена, ни его местонахождение, потому что, во-первых, с 1942 года нашей эры прошло немало миллионов лет, а во-вторых, если говорить точно, Унтахорстен был не на Земле. Он занимался тем, что у нас называется экспериментированием, в месте, которое мы бы назвали лабораторией. Он собирался испытать свою машину времени.

Уже подключив энергию, Унтахорстен вдруг вспомнил, что Коробка пуста. А это никуда не годилось. Для эксперимента нужен был контрольный предмет — твердый и объемный, в трех измерениях, чтобы он мог вступить во взаимодействие с условиями другого века. В противном случае по возвращении машины Унтахорстен не смог бы определить, где она побывала. Твердый же предмет в Коробке будет подвергаться энтропии и бомбардировке космических лучей другой эры, и Унтахорстен сможет по возвращении машины заметить изменения как качественные, так и количественные. Затем в работу включатся Вычислители и определят, где Коробка побывала: в 1 000 000 году Новой эры, или в 1000 году, или, может быть, в 0001 году.

Не то чтобы это было кому-нибудь интересно, кроме самого Унтахорстена. Но он во многом был просто ребячлив.

Времени оставалось совсем мало. Коробка уже засветилась и начала содрогаться. Унтахорстен торопливо огляделся и направился в соседнее помещение. Там он сунул руку в контейнер, где хранилась всякая ерунда, и вынул охапку каких-то странных предметов. Ага, старые игрушки сына Сновена. Мальчик

захватил их с собой, когда, овладев необходимой техникой, покидал Землю. Ну, Сновену этот мусор больше не нужен. Он перешел в новое состояние и детские забавы убрал подальше. Кроме того, хотя жена Унтахорстена и хранила игрушки из сентиментальных соображений, эксперимент был важнее.

Унтахорстен вернулся в лабораторию, швырнул игрушки в Коробку и захлопнул крышку. Почти в тот же момент вспыхнул контрольный сигнал. Коробка исчезла. Вспышка при этом была такая, что глазам стало больно.

Унтахорстен ждал. Он ждал долго.

В конце концов он махнул рукой и построил новую машину, но результат получился точно такой же. Поскольку ни Сновен, ни его мать не огорчились пропажей первой порции игрушек, Унтахорстен опустошил контейнер и остатки детских сувениров использовал для второй Коробки.

По его подсчетам, эта Коробка должна была попасть на Землю во второй половине XIX века Новой эры. Если это и произошло, то Коробка осталась там.

Раздосадованный, Унтахорстен решил больше не строить машин времени. Но зло уже свершилось. Их было две, и первая...

Скотт Парадин нашел ее, когда прогуливал уроки.

К полудню он проголодался, и крепкие ноги принесли его к ближайшей лавке. Там он пустил в дело свои скудные сокровища, экономно и с благородным презрением к собственному аппетиту. Затем отправился к ручью поесть.

Покончив с сыром, шоколадом и печеньем и опустошив бутылку содовой, Скотт наловил головастиков и принялся изучать их с некоторой долей научного интереса. Но ему не удалось углубиться в исследования. Что-то тяжелое скатилось с берега и плюхнулось в грязь у самой воды, и Скотт, осторожно осмотревшись, заторопился поглядеть, что это такое.

Это была Коробка. Та самая Коробка. Хитроумные приспособления на ее поверхности Скотту ни о чем не говорили, хотя, впрочем, его удивило, что вся она оплавлена и обуглена. Высунув кончик языка из-за щеки, он потыкал Коробку перочинным ножом — хм! Вокруг никого, откуда же она появилась? Наверно,

ее кто-нибудь здесь оставил, из-за оползня она съехала с того места, где прежде лежала.

— Это спираль, — решил Скотт, и решил неправильно. Эта штука была спиралевидная, но она не была спиралью из-за пространственного искривления.

Но ни один мальчишка не оставит Коробку запертой, разве что его оттащить насильно. Скотт ковырнул поглубже. Странные углы у этой штуки. Может, здесь было короткое замыкание, поэтому? Фу-ты! Нож соскользнул. Скотт пососал палец и длинно, умело выругался.

Может, это музыкальная шкатулка?

Скотт напрасно огорчался. Эта штука вызвала бы головную боль у Эйнштейна и довела бы до безумия Штайнмеца. Все дело было, разумеется, в том, что Коробка еще не совсем вошла в тот пространственно-временной континуум, в котором существовал Скотт, и поэтому открыть ее было невозможно. Во всяком случае, до тех пор, пока Скотт не пустил в ход подходящий камень и не выбил эту спиралевидную неспираль в более удобную позицию.

Фактически он вышиб ее из контакта с четвертым измерением, высвободив пространственно-временной момент кручения. Раздался резкий щелчок, Коробка слегка содрогнулась и лежала теперь неподвижно, существуя уже полностью. Теперь Скотт открыл ее без труда.

Первое, что попалось ему на глаза, был мягкий вязаный шлем, но Скотт отбросил его без особого интереса. Ведь это была всего-навсего шапка. Затем он поднял прозрачный стеклянный кубик, такой маленький, что он уместился на ладони, — слишком маленький, чтобы вмещать какой-то сложный аппарат. Моментально Скотт разобрался, в чем дело. Стекло было увеличительным. Оно сильно увеличивало то, что было в кубике. А там было нечто странное. Например, крохотные человечки...

Они двигались. Как автоматы, только более плавно. Как будто смотришь спектакль. Скотта заинтересовали их костюмы, а еще больше то, что они делали. Крошечные человечки ловко строили дом. Скотту подумалось, хорошо бы дом загорелся, он бы посмотрел, как тушат пожар.

Недостроенное сооружение вдруг охватили языки пламени. Человечки с помощью множеств каких-то сложных приборов ликвидировали огонь. Скотт очень быстро понял, в чем дело. Но его это слегка озадачило. Эти куклы слушались его мыслей! Когда он сообразил это, то испугался и отшвырнул кубик подальше. Он стал было взбираться вверх по берегу, но передумал и вернулся. Кубик лежал наполовину в воде и сверкал на солнце. Это была игрушка. Скотт чувствовал это безошибочным инстинктом ребенка. Но он не сразу поднял кубик. Вместо этого он вернулся к Коробке и стал исследовать то, что там оставалось.

Он спрятал находку в своей комнате наверху, в самом дальнем углу шкафа. Стеклянный кубик засунул в карман, который уже и так оттопыривался, — там был шнурок, моток проволоки, два пенса, пачка фольги, грязная марка и обломок полевого шпата. Вошла вперевалку двухлетняя сестра Скотта, Эмма, и сказала: «Привет!»

— Привет, пузырь, — кивнул Скотт с высоты своих семи лет и нескольких месяцев. Он относился к Эмме крайне покровительственно, но она принимала это как должное. Маленькая, пухленькая, большеглазая, она плюхнулась на ковер и меланхолически уставилась на свои башмачки.

— Завяжи, Скотти, а?

— Балда, — сказал Скотт добродушно, но завязал шнурки. — Обед скоро?

Эмма кивнула.

— А ну-ка покажи руки. — Как ни странно, они были вполне чистые, хотя, конечно, не стерильные. Скотт задумчиво поглядел на свои собственные ладони и, гримасничая, отправился в ванную, где совершил беглый туалет, так как головастики оставили следы.

Наверху в гостиной Деннис Парадин и его жена Джейн пили предобеденный коктейль. Деннис был среднего роста, волосы чуть тронуты сединой, но моложавый, тонкое лицо, с поджатыми губами. Он преподавал философию в университете. Джейн — маленькая, аккуратная, темноволосая и очень хорошенькая. Она отпила мартини и сказала:

— Новые туфли. Как тебе?

— Да здравствует преступность! — пробормотал Парадин рассеянно. — Что? Туфли? Не сейчас. Дай закончить коктейль. У меня был тяжелый день.

— Экзамены?

— Ага. Пламенная юность, жаждущая обрести зрелость. Пусть они все провалятся. Подальше, в ад. Аминь!

— Я хочу маслину, — сказала Джейн.

— Знаю, — сказал Парадин уныло. — Я уж и не помню, когда сам ее ел. Я имею в виду, в мартини. Даже если я кладу в твой стакан полдюжины, тебе все равно мало.

— Мне нужна твоя. Кровные узы. Символ. Поэтому.

Парадин мрачно взглянул на нее и скрестил длинные ноги:

— Ты говоришь, как мои студенты. Честно говоря, не вижу смысла учить этих мартышек философии. Они уже не в том возрасте. У них уже сформировались и привычки, и образ мышления. Они ужасно консервативны, хотя, конечно, ни за что в этом не признаются. Философию могут постичь совсем зрелые люди либо младенцы вроде Эммы и Скотта.

— Ну, Скотти к себе в студенты не вербуй, — попросила Джейн, — он еще не созрел для доктора философии. Мне вундеркинды ни к чему, особенно если это мой собственный сын. Дай свою маслину.

— Уж Скотти-то, наверное, справился бы лучше, чем Бетти Доусон, — проворчал Парадин.

— И он угас пятилетним стариком, выжив из ума, — продекламировала Джейн торжественно. — Дай свою маслину.

— На. Кстати, туфли мне нравятся.

— Спасибо. А вот и Розали. Обедать?

— Все готово, мисс Парадин, — сказала Розали, появляясь на пороге. — Я позову мисс Эмму и мистера Скотти.

— Я сам. — Парадин высунул голову в соседнюю комнату и закричал:

— Дети! Сюда, обедать!

Вниз по лестнице зашлепали маленькие ноги. Показался Скотт, приглаженный и сияющий, с торчащим вверх непокорным вихром. За ним Эмма, которая осторожно передвигалась по ступенькам. На полпути ей надоело спускаться прямо, она села и продолжала

путь по-обезьяньи, усердно пересчитывая ступеньки маленьким задиком.

Парадин, зачарованный этой сценой, смотрел не отрываясь, как вдруг почувствовал сильный толчок. Это налетел на него сын.

— Здорово, папка! — завопил Скотт.

Парадин выпрямился и взглянул на сына с достоинством.

— Сам здорово. Помоги мне подойти к столу. Ты мне вывихнул минимум одно бедро.

Но Скотт уже ворвался в соседнюю комнату, где в порыве эмоций наступил на туфли, пробормотал извинение и кинулся к своему месту за столом. Парадин, идя за ним с Эммой, крепко уцепившейся короткой пухлой ручкой за его палец, поднял бровь.

— Интересно, что у этого шалопая на уме?

— Наверно, ничего хорошего, — вздохнула Джейн. — Здравствуй, милый. Ну-ка посмотрим твои уши.

Обед проходил спокойно, пока Парадин не взглянул случайно на тарелку Скотта.

— Привет, это еще что? Болен? Или за завтраком объелся?

Скотт задумчиво посмотрел на стоящую перед ним еду.

— Я уже съел сколько мне было нужно, пап, — объяснил он.

— Ты обычно ешь сколько в тебя влезет и даже больше, — сказал Парадин. — Я знаю, мальчики, когда растут, должны съедать в день тонны пищи, а ты сегодня не в порядке. Плохо себя чувствуешь?

— Н-нет. Честно, я съел столько, сколько мне нужно.

— Сколько хотелось?

— Ну да. Я ем по-другому.

— Этому вас в школе учили? — спросила Джейн.

Скотт торжественно покачал головой.

— Никто меня не учил. Я сам обнаружил. Мне плевотина помогает.

— Попробуй объяснить снова, — предложил Парадин. — Это слово не годится.

— Ну... слюна. Так?

— Ага. Больше пепсин? Что, Джейн, в слюне есть пепсин? Я что-то не помню.

— В моей есть яд, — вставила Джейн. — Опять Розали оставила комки в картофельном пюре.

Но Парадин заинтересовался.

— Ты хочешь сказать, что извлекаешь из пищи все, что можно — без отходов, — и меньше ешь?

Скотт подумал.

— Наверное, так. Это не просто плев... слюна. Я вроде бы определяю, сколько положить в рот за один раз и чего с чем. Не знаю, делаю, и все.

— Хм-м, — сказал Парадин, решив позднее это проверить, — довольно революционная мысль. У детей часто бывают нелепые идеи, но эта могла быть не такой уж абсурдной. — Он поджал губы: — Я думаю, постепенно люди научатся есть совершенно иначе — я имею в виду, как есть, а не только что именно. То есть какую именно пищу. Джейн, наш сын проявляет признаки гениальности.

— Да?

— Он сейчас высказал очень интересное соображение о диетике. Ты сам до него додумался, Скотт?

— Ну, конечно, — сказал мальчик, сам искренне в это веря.

— А каким образом?

— Ну, я... — Скотт замялся. — Не знаю. Да это ерунда, наверно.

Парадин почему-то был разочарован.

— Но ведь...

— Плюну! Плюну! — вдруг завизжала Эмма в неожиданном приступе озорства и попыталась выполнить свою угрозу, но лишь закапала слюной нагрудник.

Пока Джейн с безропотным видом увещевала и приводила дочь в порядок, Парадин разглядывал Скотта с удивлением и любопытством. Но дальше события стали развиваться только после обеда, в гостиной.

— Уроки задали?

— Н-нет, — сказал Скотт, виновато краснея. Чтобы скрыть смущение, он вынул из кармана один из предметов, которые нашел в Коробке, и стал расправлять его. Это оказалось нечто вроде четок с нанизанными бусами. Парадин сначала не заметил их, но Эмма увидела. Она захотела поиграть с ними.

— Нет. Отстань, пузырь, — приказал Скотт. — Можешь смотреть.

Он начал возиться с бусами, послышались странные мягкие щелчки. Эмма протянула пухлый палец и тут же пронзительно заплакала.

— Скотти, — предупреждающе сказал Парадин.

— Я ее не трогал.

— Укусили. Они меня укусили, — хныкала Эмма.

Парадин поднял голову. Взглянул, нахмурился. Какого еще...

— Это что, абак?[1] — спросил он. — Пожалуйста, дай взглянуть.

Несколько неохотно Скотт принес свою игрушку к стулу отца. Парадин прищурился. Абак в развернутом виде представлял собой квадрат не менее фута в поперечнике, образованный тонкими твердыми проволочками, которые местами переплетались. На проволочки были нанизаны цветные бусы. Их можно было двигать взад и вперед с одной проволочки на другую, даже в местах переплетений. Но ведь сквозную бусину нельзя передвинуть с одной проволочки на другую, если они переплетаются...

Так что, очевидно, бусы были несквозные. Парадин взглянул внимательнее. Вокруг каждого маленького шарика шел глубокий желобок, так что шарик можно было одновременно и вращать, и двигать вдоль проволоки. Парадин попробовал отсоединить одну бусину. Она держалась как намагниченная. Металл? Больше похоже на пластик.

Да и сама рама... Парадин не был математиком. Но углы, образованные проволочками, были какими-то странными, в них совершенно отсутствовала Эвклидова логика. Какая-то путаница. Может, это так и есть? Может, это головоломка?

— Где ты взял эту штуку?

— Мне дядя Гарри дал, — мгновенно придумал Скотт, — в прошлое воскресенье, когда он был у нас.

Парадин попробовал передвинуть бусы и ощутил легкое замешательство. Углы были какие-то нелогичные. Похоже на головоломку. Вот эта красная бусина, если ее передвинуть по этой проволоке в том направлении, должна попасть вот сюда — но она не попа-

---

[1] Абак — вид счетов.

дала. Лабиринт. Странный, но наверняка поучительный. У Парадина появилось ясное ощущение, что у него на эту штуку терпения не хватит.

У Скотта, однако, хватило. Он вернулся в свой угол и, что-то ворча, стал вертеть и передвигать бусины. Бусы действительно кололись, когда Скотт брался не за ту бусину или двигал ее в неверном направлении. Наконец он с торжеством завершил работу.

— Получилось, пап!

— Да? А ну-ка посмотрим. — Эта штука выглядела точно так же, как и раньше, но Скотт улыбался и что-то показывал.

— Я добился, чтобы она исчезла.

— Но она же здесь.

— Вон та голубая бусина. Ее уже нет.

Парадин этому не поверил и только фыркнул. Скотт опять задумался над рамкой. Он экспериментировал. На этот раз эта штука совсем не кололась. Абак уже подсказал ему правильный метод. Сейчас он уже мог делать все по-своему.

Причудливые проволочные углы сейчас почему-то казались уж не такими запутанными.

Это была на редкость поучительная игрушка...

«Она, наверно, действует, — подумал Скотт, — наподобие этого стеклянного кубика». — Вспомнив о нем, он вытащил его из кармана и отдал абак Эмме, онемевшей от радости.

Она немедленно принялась за дело, двигая бусы и теперь не обращая внимания на то, что они колются, да и кололись они только чуть-чуть, и поскольку она хорошо все перенимала, ей удалось заставить бусинку исчезнуть почти так же быстро, как Скотту. Голубая бусина появилась снова, но Скотт этого не заметил.

Он предусмотрительно удалился в угол между диваном и широким креслом и занялся кубиком.

Внутри были маленькие человечки, крошечные куклы, сильно увеличенные в размерах благодаря увеличительным свойствам стекла, и они двигались по-настоящему. Они построили дом. Он загорелся, и пламя выглядело как настоящее, а они стояли рядом и ждали. Скотт нетерпеливо выдохнул: «Гасите!»

Но ничего не произошло. Куда же девалась эта странная пожарная машина с вращающимися кранами, та, которая появлялась раньше? Вот она. Вот вплыла в картинку и остановилась. Скотт мысленно приказал ей начать работу.

Это было забавно. Как будто ставишь пьесу, только более реально. Человечки делали то, что Скотт мысленно им приказывал. Если он совершал ошибку, они ждали, пока он найдет правильный ответ. Они даже предлагали ему новые задачи...

Кубик тоже был очень поучительной игрушкой. Он обучал Скотта подозрительно быстро и очень развлекал при этом. Но он не давал ему пока никаких по-настоящему новых сведений. Мальчик не был к этому готов. Позднее... Позднее...

Эмме надоел абак, и она отправилась искать Скотта. Она не могла его найти, и в его комнате его тоже не было, но, когда она там очутилась, ее заинтересовало то, что лежало в шкафу.

Она обнаружила Коробку. В ней лежало сокровище без хозяина — кукла, которую Скотт видел, но пренебрежительно отбросил.

С громким воплем Эмма снесла куклу вниз, уселась на корточках посреди комнаты и начала разбирать ее на части.

— Милая! Что это?

— Мишка!

Это был явно не ее мишка, мягкий, толстый и ласковый, без глаз и ушей. Но Эмма всех кукол называла мишками.

Джейн Парадин помедлила.

— Ты взяла это у какой-то девочки?

— Нет. Она моя.

Скотт вышел из своего убежища, засовывая кубик в карман.

— Это — э-э-э... Это от дяди Гарри.

— Эмма, это дал тебе дядя Гарри?

— Он дал ее мне для Эммы, — торопливо вставил Скотт, добавляя еще один камень в здание обмана. — В прошлое воскресенье.

— Ты разобьешь ее, маленькая.

Эмма принесла куклу матери.

— Она разнимается. Видишь?

— Да? Это... ох! — Джейн ахнула. Парадин быстро поднял голову.

— Что такое?

Она подошла к нему и протянула куклу, постояла, затем, бросив на него многозначительный взгляд, пошла в столовую.

Он последовал за ней и закрыл дверь. Джейн уже положила куклу на прибранный стол.

— Она не очень-то симпатичная, а, Денни?

— Хм-м. — На первый взгляд кукла выглядела довольно неприятно. Можно было подумать, что это анатомическое пособие для студентов-медиков, а не детская игрушка...

Эта штука разбиралась на части — кожа, мышцы, внутренние органы — все очень маленькое, но, насколько Парадин мог судить, сделано идеально. Он заинтересовался.

— Не знаю. У ребенка такие вещи вызывают совсем другие ассоциации...

— Посмотри на эту печень. Это же печень?

— Конечно. Слушай, я... странно.

— Что?

— Оказывается, анатомически она не совсем точна, — Парадин придвинул стул. — Слишком короткий пищеварительный тракт. Кишечник маленький. И аппендикса нет.

— Зачем Эмме такая вещь?

— Я бы сам от такой не отказался, — сказал Парадин. — И где только Гарри ухитрился ее раздобыть? Нет, я не вижу в ней никакого вреда. Это у взрослых внутренности вызывают неприятные ощущения. А у детей нет. Они думают, что внутри они целенькие, как редиски. А с помощью этой куклы Эмма хорошо познакомится с физиологией.

— А это что? Нервы?

— Нет, нервы вот тут. А это артерия, вот вены. Какая-то странная аорта... — Парадин был совершенно сбит с толку. — Это... как по-латыни «сеть»? Во всяком случае... А? Ретана? Ратина?

— Респирация? — предложила Джейн наугад.

— Нет. Это дыхание, — сказал Парадин уничтожающе. — Не могу понять, что означает вот эта сеть светящихся нитей. Она пронизывает все тело, как нервная система.

— Кровь.

— Да нет. Не кровообращение и не нервы — странно. И вроде бы связано с легкими.

Они углубились в изучение загадочной куклы. Каждая деталь в ней была сделана удивительно точно, и это само по себе было странно, если учесть физиологические отклонения от нормы, которые подметил Парадин.

— Подожди-ка, я притащу Гоулда, — сказал Парадин, и вскоре он уже сверял куклу с анатомическими схемами в атласе. Это мало чем ему помогло и только увеличило его недоумение.

Но это было интереснее, чем разгадывать кроссворд.

Тем временем в соседней комнате Эмма двигала бусины на абаке. Движения уже не казались такими странными. Даже когда бусины исчезали. Она уже почти почувствовала куда. Почти...

Скотт пыхтел, уставившись на свой стеклянный кубик, и мысленно руководил постройкой здания. Он делал множество ошибок, но здание строилось — оно было немножко посложнее того, что уничтожило огнем. Он тоже обучался — привыкал...

Ошибка Парадина, с чисто человеческой точки зрения, состояла в том, что он не избавился от игрушек с самого начала. Он не понял их назначения, а к тому времени, как он в этом разобрался, события зашли уже довольно далеко. Дяди Гарри не было в городе, и у него проверить Парадин не мог. Кроме того, шла сессия, а это означало дополнительные нервные усилия и полное изнеможение к вечеру; к тому же Джейн в течение целой недели себя неважно чувствовала. Эмма и Скотт были предоставлены сами себе.

— Папа, — обратился Скотт к отцу однажды вечером, — что такое «исход»?

— Поход?

Скотт поколебался.

— Да нет... не думаю. Разве «исход» неправильное слово?

— «Исход» — это по-научному «результат». Годится?

— Не вижу в этом смысла, — пробормотал Скотт и хмуро удалился, чтобы заняться абаком. Теперь он

управлялся с ним крайне искусно. Но, следуя детскому инстинкту избегать вмешательства в свои дела, они с Эммой обычно занимались игрушками, когда рядом никого не было. Ненамеренно, конечно, но самые сложные эксперименты проводились, только если рядом не было взрослых.

Скотт обучался быстро. То, что он видел сейчас в кубике, мало было похоже на те простые задачи, которые он получал там вначале. Новые задачи были сложные и невероятно увлекательные. Если бы Скотт сознавал, что его обучением руководят и направляют его, пусть даже чисто механически, ему, вероятно, стало бы неинтересно. А так его интерес не увядал.

Абак, и кукла, и кубик — и другие игрушки, которые дети обнаружили в Коробке...

Ни Парадин, ни Джейн не догадывались о том воздействии, которое оказывало на детей содержимое машины времени.

Да и как можно было догадаться? Дети — прирожденные актеры из самозащиты. Они еще не приспособились к нуждам взрослого мира, нуждам, которые для них во многом необъяснимы. Более того, их жизнь усложняется неоднородностью требований. Один человек говорит им, что в грязи играть можно, но, копая землю, нельзя выкапывать цветы и разрушать корни. А другой запрещает возиться в грязи вообще. Десять заповедей не высечены на камне. Их толкуют по-разному, и дети всецело зависят от прихоти тех, кто рождает их, кормит, одевает. И тиранит. Молодое животное не имеет ничего против такой благожелательной тирании, ибо это естественное проявление природы. Однако это животное имеет индивидуальность и сохраняет свою целостность с помощью скрытого, пассивного сопротивления.

В поле зрения взрослых ребенок меняется. Подобно актеру на сцене, если только он об этом не забывает, он стремится угодить и привлечь к себе внимание. Такие вещи свойственны и взрослым. Но у взрослых это менее заметно — для других взрослых.

Трудно утверждать, что у детей нет тонкости. Дети отличаются от взрослых животных тем, что они мыслят иным образом. Нам довольно легко разглядеть их притворство, но и им наше тоже. Ребенок способен

безжалостно разрушить воздвигаемый взрослыми обман. Разрушение идеалов — прерогатива детей.

С точки зрения логики ребенок представляет собой пугающе идеальное существо. Вероятно, младенец — существо еще более идеальное, но он настолько далек от взрослого, что критерии сравнения могут быть лишь поверхностными. Невозможно представить себе мыслительные процессы у младенца. Но младенцы мыслят даже еще до рождения. В утробе они двигаются, спят, и не только всецело подчиняясь инстинкту. Мысль о том, что еще не родившийся эмбрион может думать, нам может показаться странной. Это поражает, и смешит, и приводит в ужас. Но ничто человеческое не может быть чуждым человеку.

Однако младенец еще не человек. А эмбрион — тем более. Вероятно, именно поэтому Эмма больше усвоила от игрушек, чем Скотт. Разве что он мог выражать свои мысли, а она нет, только иногда, загадочными обрывками. Ну вот, например, эти ее каракули...

Дайте маленькому ребенку карандаш и бумагу, и он нарисует нечто такое, что для него выглядит иначе, чем для взрослого. Бессмысленная мазня мало чем напоминает пожарную машину, но для крошки это и есть пожарная машина. Может быть, даже объемная, в трех измерениях. Дети иначе мыслят и иначе видят.

Парадин размышлял об этом однажды вечером, читая газету и наблюдая Эмму и Скотта. Скотт о чем-то спрашивал сестру. Иногда он спрашивал по-английски. Но чаще прибегал к помощи какой-то тарабарщины и жестов. Эмма пыталась отвечать, но у нее ничего не получалось.

В конце концов Скотт достал бумагу и карандаш. Эмме это понравилось. Высунув язык, она тщательно царапала что-то.

Скотт взял бумагу, посмотрел и нахмурился.

— Не так, Эмма, — сказал он.

Эмма энергично закивала. Она снова схватила карандаш и нацарапала что-то еще. Скотт немного подумал, потом неуверенно улыбнулся и встал. Он вышел в холл.

Эмма опять занялась абаком.

Парадин поднялся и заглянул в листок — у него мелькнула сумасшедшая мысль, что Эмма могла вдруг освоить правописание. Но это было не так. Листок был покрыт бессмысленными каракулями — такими, какие знакомы всем родителям. Парадин поджал губы.

Скотт вернулся, и вид у него был довольный. Он встретился с Эммой взглядом и кивнул. Парадина кольнуло любопытство.

— Секреты?

— Не-а. Эмма... ну, попросила для нее кое-что сделать.

Возможно, Парадин и Джейн выказали слишком большой интерес к игрушкам. Эмма и Скотт стали прятать их и играли с ними, только когда были одни. Они никогда не делали этого открыто, но кое-какие неявные меры предосторожности принимали. Тем не менее это тревожило, и особенно Джейн.

— Денни, Скотти очень изменился. Миссис Бернс сказала, что он до смерти напугал ее Френсиса.

— Полагаю, что так, — Парадин прислушался. Шум в соседней комнате подсказал ему местонахождение сына. — Скотти!

— Ба-бах! — сказал Скотт и появился на пороге, улыбаясь. Я их всех поубивал. Космических пиратов. Я тебе нужен, пап?

— Да. Если ты не против отложить немного похороны пиратов. Что ты сделал Френсису Бернсу?

Синие глаза Скотти выразили беспредельную искренность.

— Я?

— Подумай. Я уверен, что ты вспомнишь.

— А-ах! Ах это! Не делал я его.

— Ему, — машинально поправила Джейн.

— Ну, ему. Честно. Я только дал ему посмотреть свой телевизор, и он... он испугался.

— Телевизор?

Скотт достал стеклянный кубик.

— Ну, это не совсем телевизор. Видишь?

Парадин стал разглядывать эту штуку, неприятно пораженный увеличительными стеклами. Однако он ничего не видел, кроме бессмысленного переплетения цветных узоров.

— Дядя Гарри...

Парадин потянулся к телефону. Скотт судорожно глотнул.

— Он... он уже вернулся?

— Да.

— Ну, я пошел в ванную. — И Скотт направился к двери. Парадин перехватил взгляд Джейн и многозначительно покачал головой.

Гарри был дома, но он совершенно ничего не знал об этих странных игрушках. Довольно мрачно Парадин приказал Скотту принести из его комнаты все игрушки. И вот они все лежат в ряд на столе: кубик, абак, шлем, кукла и еще несколько предметов непонятного назначения. Скотту был устроен перекрестный допрос.

Какое-то время он героически лгал, но наконец не выдержал и с ревом и всхлипываниями выложил свое признание.

После того как маленькая фигурка удалилась наверх, Парадин подвинул к столу стул и стал внимательно рассматривать Коробку. Задумчиво поковырял оплавленную поверхность. Джейн наблюдала за ним.

— Что это, Денни?

— Не знаю. Кто мог оставить Коробку с игрушками у ручья?

— Она могла выпасть из машины.

— Только не в этом месте. К северу от железнодорожного полотна ручей нигде не пересекает дорога. Там везде пустыри, и больше ничего. — Парадин закурил сигарету. — Налить тебе чего-нибудь, милая?

— Я сама. — Джейн принялась за дело, глаза у нее были тревожные. Она принесла Парадину стакан и стала за его спиной, теребя пальцами его волосы.

— Что-нибудь не так?

— Разумеется, ничего особенного. Только вот откуда взялись эти игрушки?

— У Джонсов никто не знает, а они получают свои товары из Нью-Йорка.

— Я тоже наводил справки, — признался Парадин. — Эта кукла... — он ткнул в нее пальцем, — она меня тревожит. Может, это дело таможни, но мне хотелось бы знать, кто их делает.

— Может, спросить психолога? Абак — кажется, они устраивают тесты с такими штуками.

Парадин прищелкнул пальцами:

— Точно! И слушай, у нас в университете на следующей неделе будет выступать один малый, Холовей, он детский психолог. Он фигура с репутацией. Может быть, он что-нибудь знает об этих вещах?

— Холовей? Я не...

— Рекс Холовей. Он... хм-м-м! Он живет недалеко от нас. Может, это он сам их сделал?

Джейн разглядывала абак. Она скорчила гримаску и выпрямилась.

— Если это он, то мне он не нравится. Но попробуй выяснить, Денни.

Парадин кивнул.

— Непременно.

Нахмурясь, он выпил коктейль. Он был слегка встревожен. Но не напуган — пока.

Рекса Холовея Парадин привел домой к обеду неделю спустя. Это был толстяк с сияющей лысиной, над толстыми стеклами очков, как мохнатые гусеницы, нависали густые черные брови. Холовей как будто и не наблюдал за детьми, но от него ничего не ускользало, что бы они ни делали и ни говорили. Его серые глаза, умные и проницательные, ничего не пропускали.

Игрушки его обворожили. В гостиной трое взрослых собрались вокруг стола, на котором они были разложены. Холовей внимательно их разглядывал, выслушивая все то, что рассказывали ему Джейн и Парадин. Наконец он прервал свое молчание:

— Я рад, что пришел сюда сегодня. Но не совсем. Дело в том, что все это внушает тревогу.

— Как? — Парадин широко открыл глаза, а на лице Джейн отразился ужас. То, что Холовей сказал дальше, их отнюдь не успокоило.

— Мы имеем дело с безумием. — Он улыбнулся, увидев, какое воздействие произвели его слова. — С точки зрения взрослых, все дети безумны. Читали когда-нибудь «Ураган на Ямайке» Хьюза?

— У меня есть. — Парадин достал с полки маленькую книжку. Холовей протянул руку, взял книгу

и стал перелистывать страницы, пока не нашел нужного места. Затем стал читать вслух: — «Разумеется, младенцы еще не являются людьми — это животные, со своей древней и разветвленной культурой, как у кошек, у рыб, даже у змей. Они имеют сходную природу, только сложнее и ярче, ибо все-таки из низших позвоночных это самый развитый вид. Короче говоря, у младенцев есть свое собственное мышление, и оно оперирует понятиями и категориями, которые невозможно перевести на язык понятий и категорий человеческого мышления».

Джейн попыталась было воспринять его слова спокойно, но ей это не удалось.

— Вы что, хотите сказать, что Эмма...

— Способны ли вы думать так, как ваша дочь? — спросил Холовей. — Послушайте: «Нельзя уподобиться в мыслях младенцу, как нельзя уподобиться в мыслях пчеле».

Парадин смешивал коктейли. Он сказал через плечо:

— Не слишком ли много теории? Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что у младенцев есть своя собственная культура и даже довольно высокий интеллект?

— Не обязательно. Понимаете, это вещи несоизмеримые. Я только хочу сказать, что младенцы размышляют совсем иначе, чем мы. Не обязательно лучше — это вопрос относительных ценностей. Но это просто различный способ развития... — В поисках подходящего слова он скорчил гримасу.

— Фантазии, — сказал Парадин довольно пренебрежительно, но с раздражением из-за Эммы. — У младенцев точно такие же ощущения, как у нас.

— А кто говорит, что нет? — возразил Холовей. — Просто их разум направлен в другую сторону, вот и все. Но этого вполне достаточно.

— Я стараюсь понять, — сказала Джейн медленно, — но у меня аналогия только с моей кухонной машиной. В ней можно взбивать тесто и пюре, но можно и выжимать сок из апельсинов.

— Что-то в этом роде. Мозг — коллоид очень сложной организации. О его возможностях мы пока знаем очень мало, мы даже не знаем, сколько он способен воспринять. Но зато доподлинно известно,

что, по мере того как человеческое существо созревает, его мозг приспосабливается, усваивает определенные стереотипы, и дальше мыслительные процессы базируются на моделях, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Вот взгляните, — Холовей дотронулся до абака, — вы пробовали с ним упражняться?

— Немного, — сказал Парадин.

— Но не так уж, а?

— Ну...

— А почему?

— Бессмысленно, — пожаловался Парадин. — Даже в головоломке должна быть какая-то логика. Но эти дурацкие углы...

— Ваш мозг приспособился к Эвклидовой системе, — сказал Холовей. — Поэтому эта... штуковина вас утомляет и кажется бессмысленной. Но ребенку об Эвклиде ничего не известно. И иной вид геометрии, отличный от нашего, не покажется ему нелогичным. Он верит тому, что видит.

— Вы что, хотите сказать, что у этой чепухи есть четвертое измерение? — возмутился Парадин.

— На вид, во всяком случае, нет, — согласился Холовей. — Я только хочу сказать, что наш разум, приспособленный к Эвклидовой системе, не может увидеть здесь ничего, кроме клубка запутанной проволоки. Но ребенок — особенно маленький — может увидеть и нечто иное. Не сразу. Конечно, и для него это головоломка. Но только ребенку не мешает предвзятость мышления.

— Затвердение мыслительных артерий, — вставила Джейн.

Но Парадина это не убедило.

— Тогда, значит, ребенку легче справиться с дифференциальными и интегральными уравнениями, чем Эйнштейну?

— Нет, я не это хотел сказать. Мне ваша точка зрения более или менее ясна. Только...

— Ну хорошо. Предположим, что существуют два вида геометрии — ограничим число видов, чтобы облегчить пример. Наш вид, Эвклидова геометрия, и еще какой-то, назовем X. X никак не связан с Эвклидовой геометрией, он основан на иных теоремах. В нем два и два не обязательно должны быть равны четырем,

они могут быть равны Y2, а могут быть даже вовсе не равны ничему. Разум младенца еще ни к чему не приспособился, если не считать некоторых сомнительных факторов наследственности и среды. Начните обучать ребенка принципам Эвклида...

— Бедный малыш, — сказала Джейн.

Холовей бросил на нее быстрый взгляд.

— Основам Эвклидовой системы. Начальным элементам. Математика, геометрия, алгебра — это все идет гораздо позже. Этот путь развития нам знаком. А теперь представьте, что ребенка начинают обучать основным принципам этой логики X.

— Начальные элементы? Какого рода?

Холовей взглянул на абак.

— Для нас в этом нет никакого смысла. Мы приспособились к Эвклидовой системе.

Парадин налил себе неразбавленного виски.

— Это прямо-таки ужасно. Вы не ограничиваетесь одной математикой.

— Верно! Я вообще ничего не хочу ограничивать. Да и каким образом? Я не приспособлен к логике X.

— Вот вам и ответ, — сказала Джейн со вздохом облегчения.

— А кто к ней приспособлен? Ведь чтобы сделать вещи, за которые вы, видимо, принимаете эти игрушки, понадобился бы именно такой человек.

Холовей кивнул, глаза его щурились за толстыми стеклами очков.

— Может быть, такие люди существуют.

— Где?

— Может быть, они предпочитают оставаться в неизвестности.

— Супермены?

— Хотел бы я знать! Видите ли, Парадин, все опять упирается в отсутствие критериев. По нашим нормам, эти люди в некоторых отношениях могут показаться сверхумниками, а в других — слабоумными.

Разница не количественная, а качественная. Они по-иному мыслят. И я уверен, что мы способны делать кое-что, чего они не умеют.

— Может быть, они бы и не захотели, — сказала Джейн.

Парадин постучал пальцем по оплавленным приспособлениям на поверхности Коробки.

— А как насчет этого? Это говорит о...

— О какой-то цели, разумеется.

— Транспортация?

— Это прежде всего приходит в голову. Если это так, Коробка могла попасть сюда откуда угодно.

— Оттуда... где... все по-другому? — медленно спросил Парадин.

— Именно. В космосе или даже во времени. Не знаю. Я психолог. И, к счастью, я тоже приспособлен к Эвклидовой системе.

— Странное, должно быть, место, — сказала Джейн. — Денни, выброси эти игрушки.

— Я и собираюсь.

Холовей взял в руки стеклянный кубик.

— Вы подробно расспрашивали детей?

Парадин ответил:

— Ага, Скотт сказал, что, когда он впервые заглянул в кубик, там были человечки. Я спросил его, что он видит там сейчас.

— Что он сказал? — Психолог перестал хмуриться.

— Он сказал, что они что-то строят. Это его точные слова. Я спросил: кто, человечки? Но он не смог объяснить.

— Ну да, понятно, — пробормотал Холовей, — это, наверное, прогрессирует. Как давно у детей эти игрушки?

— Кажется, месяца три.

— Вполне достаточно. Видите ли, совершенная игрушка механическая, но она и обучает. Она должна заинтересовать ребенка своими возможностями, но и обучать, желательно незаметно. Сначала простые задачи. Затем...

— Логика Х, — сказала бледная как мел Джейн.

Парадин ругнулся вполголоса.

— Эмма и Скотт совершенно нормальны!

— А вы знаете, как работает их разум сейчас?

Холовей не стал развивать свою мысль. Он потрогал куклу.

— Интересно было бы знать, каковы критерии там, откуда появились эти вещи? Впрочем, метод индукции мало что даст. Слишком много неизвестных

факторов. Мы не можем представить себе мир, который основан на факторе X, — среда, приспособленная к разуму, мыслящему неизвестными категориями X.

— Это ужасно, — сказала Джейн.

— Им так не кажется. Вероятно, Эмма быстрее схватывает X, чем Скотт, потому что ее разум еще не приспособился к нашей среде.

Парадин сказал:

— Но я помню многое из того, что я делал ребенком. Даже когда был совсем маленьким.

— Ну и что?

— Я... был тогда... безумен?

— Критерием вашего безумия является как раз то, чего вы не помните, — возразил Холовей, — но я употребляю слово «безумие» только как удобный символ, обозначающий отклонение от принятой человеческой нормы. Произвольную норму здравомыслия.

Джейн опустила стакан.

— Вы сказали, господин Холовей, что методом индукции здесь действовать трудно. Однако мне кажется, что вы именно этим и занимаетесь, а фактов у вас очень мало. Ведь эти игрушки...

— Я прежде всего психолог, и моя специальность — дети. Я не юрист. Эти игрушки именно потому говорят мне так много, что они не говорят почти ни о чем.

— Вы можете ошибаться.

— Я хотел бы ошибиться. Мне нужно проверить детей.

— Я позову их, — сказал Парадин.

— Только осторожно. Я не хочу их спугнуть.

Джейн кивком указала на игрушки. Холовей сказал:

— Это пусть останется, ладно?

Но когда Эмму и Скотта позвали, психолог не сразу приступил к прямым расспросам. Незаметно ему удалось вовлечь Скотта в разговор, то и дело вставляя нужные ему слова. Ничего такого, что явно напоминало бы тест по ассоциации — ведь для этого нужно сознательное участие второй стороны.

Самое интересное произошло, когда Холовей взял в руки абак.

— Может быть, ты покажешь мне, что с этим делать?

Скотт заколебался.

— Да, сэр. Вот так... — Бусина в его умелых руках скользнула по запутанному лабиринту так ловко, что никто из них не понял, что она в конце концов исчезла. Это мог быть просто фокус. Затем опять...

Холовей попробовал сделать то же самое. Скотт наблюдал, морща нос.

— Вот так?

— Угу. Она должна идти вот сюда...

— Сюда? Почему?

— Ну, потому что иначе не получится.

Но разум Холовея был приспособлен к Эвклидовой системе. Не было никакого очевидного объяснения тому, что бусина должна скользить с этой проволочки на другую, а не иначе. В этом не было видно никакой логики.

Ни один из взрослых как-то не понял точно, исчезала бусина или нет. Если бы они ожидали, что она должна исчезнуть, возможно, они были бы гораздо внимательнее.

В конце концов так ни к чему и не пришли. Холовею, когда он прощался, казалось, было не по себе.

— Можно мне еще прийти?

— Я бы этого хотела, — сказала Джейн. — Когда угодно. Вы все еще полагаете...

Он кивнул.

— Их умы реагируют ненормально. Они вовсе не глупые, но у меня очень странное впечатление, что они делают выводы совершенно непонятным нам путем. Как если бы они пользовались алгеброй там, где мы пользуемся геометрией. Вывод такой же, но достигнут другим методом.

— А что делать с игрушками? — неожиданно спросил Парадин.

— Уберите их подальше. Если можно, я хотел бы их пока взять.

В эту ночь Парадин плохо спал. Холовей провел неудачную аналогию. Она наводила на тревожные размышления. Фактор X. Дети используют в рассуждениях алгебру там, где взрослые пользуются геометрией. Пусть так. Только... Алгебра может дать такие ответы, каких геометрия дать не может, потому что в ней есть термины и символы, которые нельзя вы-

разить геометрически. А что если логика Х приводит к выводам, непостижимым для человеческого разума?

— Ч-черт! — прошептал Парадин. Рядом зашевелилась Джейн.

— Милый! Ты тоже не спишь?

— Нет. — Он поднялся и пошел в соседнюю комнату. Эмма спала, безмятежная, как херувим, пухлая ручка обвила мишку. Через открытую дверь Парадину была видна темноволосая голова Скотта, неподвижно лежавшая на подушке.

Джейн стояла рядом. Он обнял ее.

— Бедные малыши, — прошептала она. — А Холовей назвал их ненормальными. Наверное, это мы сумасшедшие, Деннис.

— Нда-а. Просто мы нервничаем.

Скотт шевельнулся во сне. Не просыпаясь, он пробормотал что-то — это явно был вопрос, хотя вроде бы и не на каком-либо языке. Эмма пропищала что-то, звук ее голоса резко менял тон.

Она не проснулась. Дети лежали не шевелясь. Но Парадину подумалось, и от этой мысли неприятно засосало под ложечкой, что это было, как будто Скотт спросил Эмму о чем-то и она ответила.

Неужели их разум изменился настолько, что даже сон — и тот был у них иным?

Он отмахнулся от этой мысли.

— Ты простудишься. Вернемся в постель. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Кажется, да, — сказала Джейн, наблюдая за Эммой. Рука ее потянулась было к девочке, но она отдернула ее.

— Пойдем. Мы разбудим детей.

Вместе они выпили немного бренди, но оба молчали. Потом, во сне, Джейн плакала.

Скотт не проснулся, но мозг его работал, медленно и осторожно выстраивая фразы, вот как:

— Они заберут игрушки. Этот толстяк... может быть листава опасен. Но направления Горика не увидеть... им дун уванкрус у них нет... Интрадикция... яркая, блестящая. Эмма. Она сейчас уже гораздо больше копранит, чем... Все-таки не пойму, как... тавирарить миксер дист...

Кое-что в мыслях Скотта можно было еще разобрать. Но Эмма перестроилась на логику X гораздо быстрее. Она тоже размышляла.

Не так, как ребенок, не так, как взрослый. Вообще не так, как человек. Разве что, может быть, как человек совершенно иного типа, чем homo sapiens.

Иногда и Скотту трудно было поспеть за ее мыслями. Постепенно Парадин и Джейн опять обрели нечто вроде душевного равновесия. У них было ощущение, что теперь, когда причина устранена, дети излечились от своих умственных завихрений.

Но иногда все-таки что-то было не так.

Однажды в воскресенье Скотт отправился с отцом на прогулку, и они остановились на вершине холма. Внизу перед ними расстилалась довольно приятная долина.

— Красиво, правда? — заметил Парадин.

Скотт мрачно взглянул на пейзаж.

— Это все неправильно, — сказал он.

— Как это?

— Ну, не знаю.

— Но что здесь неправильно?

— Ну... — Скотт удивленно замолчал. — Не знаю я.

В этот вечер, однако, Скотт проявил интерес, и довольно красноречивый, к угрям.

В том, что он интересовался естественной историей, не было ничего явно опасного. Парадин стал объяснять про угрей.

— Но где они мечут икру? И вообще, они ее мечут?

— Это все еще неясно. Места их нереста неизвестны. Может быть, Саргасово море или же где-нибудь в глубине, где давление помогает их телам освобождаться от потомства.

— Странно, — сказал Скотт в глубоком раздумье.

— С лососем происходит более или менее то же самое. Для нереста он поднимается вверх по реке. — Парадин пустился в объяснения. Скотт слушал, завороженный.

— Но ведь это правильно, пап. Он рождается в реке и, когда научится плавать, уплывет вниз по течению к морю. И потом возвращается обратно, чтобы метать икру, так?

— Верно.

— Только они не возвращались бы обратно, — размышлял Скотт, — они бы просто посылали свою икру...

— Для этого нужен был бы слишком длинный яйцеклад, — сказал Парадин и отпустил несколько осторожных замечаний относительно размножения.

Сына его слова не удовлетворили. Ведь цветы, возразил он, отправляют свои семена на большие расстояния.

— Но ведь они ими не управляют. И совсем немногие попадают в плодородную почву.

— Но ведь у цветов нет мозгов. Пап, почему люди живут здесь?

— В Глендале?

— Нет, здесь. Вообще здесь. Ведь, спорим, это еще не все, что есть на свете.

— Ты имеешь в виду другие планеты?

Скотт помедлил.

— Это только... часть... чего-то большого. Это как река, куда плывет лосось. Почему люди, когда вырастают, не уходят в океан?

Парадин сообразил, что Скотт говорит иносказательно. И на мгновение похолодел. Океан?

Потомство этого рода не приспособлено к жизни в более совершенном мире, где живут родители. Достаточно развившись, они вступают в этот мир. Потом они сами дают потомство. Оплодотворенные яйца закапывают в песок, в верховьях реки. Потом на свет появляются живые существа.

Они познают мир. Одного инстинкта совершенно недостаточно. Особенно когда речь идет о таком роде существ, которые совершенно не приспособлены к этому миру, не могут ни есть, ни пить, ни даже существовать, если только кто-то другой не позаботится предусмотрительно о том, чтобы им все это обеспечить.

Молодежь, которую кормят и о которой заботятся, выживет. У нее есть инкубаторы, роботы. Она выживет, но она не знает, как плыть вниз по течению, в большой мир океана.

Поэтому ее нужно воспитывать. Ее нужно ко многому приучить и приспособить.

Осторожно, незаметно, ненавязчиво. Дети любят хитроумные игрушки. И если эти игрушки в то же время обучают...

Во второй половине XIX столетия на травянистом берегу ручья сидел англичанин. Около него лежала очень маленькая девочка и глядела в небо. В стороне валялась какая-то странная игрушка, с которой она перед этим играла. А сейчас она мурлыкала песенку без слов, а человек прислушивался краем уха.

— Что это такое, милая? — спросил он наконец.

— Это просто я придумала, дядя Чарли.

— А ну-ка спой еще раз. — Он вытащил записную книжку.

Девочка спела еще раз.

— Это что-нибудь означает?

Она кивнула.

— Ну да. Вот как те сказки, которые я тебе рассказывала, помнишь?

— Чудесные сказки, милая.

— И ты когда-нибудь напишешь про это в книгу?

— Да, только нужно их очень изменить, а то никто их не поймет. Но я думаю, что песенку твою я изменять не буду.

— И нельзя. Если ты что-нибудь в ней изменишь, пропадет весь смысл.

— Этот кусочек, во всяком случае, я не изменю, — пообещал он. — А что он обозначает?

— Я думаю, что это путь туда, — сказала девочка неуверенно. — Я пока точно не знаю. Это мои волшебные игрушки мне так сказали.

— Хотел бы я знать, в каком из лондонских магазинов продаются такие игрушки?

— Мне их мама купила. Она умерла. А папе дела нет.

Это была неправда. Она нашла эти игрушки в Коробке как-то раз, когда играла на берегу Темзы. И игрушки были поистине удивительные.

Эта маленькая песенка — дядя Чарли думает, что она не имеет смысла. (На самом деле он ей не дядя, вспомнила она, но он хороший.) Песенка очень даже

имеет смысл. Она указывает путь. Вот она сделает все, как учит песенка, и тогда...

Но она была уже слишком большая. Пути она так и не нашла.

Скотт то и дело приносил Эмме всякую всячину и спрашивал ее мнение. Обычно она отрицательно качала головой. Иногда на ее лице отражалось сомнение. Очень редко она выражала одобрение. После этого она обычно целый час усердно трудилась, выводя на клочках бумаги немыслимые каракули, а Скотт, изучив эти записи, начинал складывать и передвигать свои камни, какие-то детали, огарки свечей и прочий мусор. Каждый день прислуга выбрасывала все это, и каждый день Скотт начинал все сначала.

Он снизошел до того, чтобы кое-что объяснить своему недоумевающему отцу, который не видел в игре ни смысла, ни системы.

— Но почему этот камешек именно сюда?

— Он твердый и круглый, пап. Его место именно здесь.

— Но ведь и этот вот тоже твердый и круглый.

— Ну, на нем есть вазелин. Когда доберешься до этого места, отсюда иначе не разберешь, что это круглое и твердое.

— А дальше что? Вот эта свеча!

Лицо Скотта выразило отвращение. Она в конце. А здесь нужно вот это железное кольцо.

Парадину думалось, что это как игра в следопыты, как поиски вех в лабиринте. Но опять тот самый произвольный фактор. Объяснить, почему Скотт располагал свою дребедень так, а не иначе, логика — привычная логика — была не в состоянии.

Парадин вышел. Через плечо он видел, как Скотт вытащил из кармана измятый листок бумаги и карандаш и направился к Эмме, на корточках размышляющей над чем-то в уголке.

Ну-ну...

Джейн обедала с дядей Гарри, и в это жаркое воскресное утро, кроме газет, нечем было заняться. Парадин с коктейлем в руке устроился в самом

прохладном месте, какое ему удалось отыскать, и погрузился в чтение комиксов.

Час спустя его вывел из состояния дремоты топот ног наверху.

Скотт кричал торжествующе:

— Получилось, пузырь! Давай сюда...

Парадин, нахмурясь, встал. Когда он шел к холлу, зазвенел телефон. Джейн обещала позвонить...

Его рука уже прикоснулась к трубке, когда возбужденный голосок Эммы поднялся до визга. Лицо Парадина исказилось.

— Что, черт побери, там, наверху, происходит?

Скотт пронзительно вскрикнул:

— Осторожней! Сюда!

Парадин забыл о телефоне. С перекошенным лицом, совершенно сам не свой, он бросился вверх по лестнице. Дверь в комнату Скотта была открыта.

Дети исчезали.

Они таяли постепенно, как рассеивается густой дым на ветру, как колеблется изображение в кривом зеркале. Они уходили, держась за руки, и Парадин не мог понять куда, и не успел он моргнуть, стоя на пороге, как их уже не было.

— Эмма, — сказал он чужим голосом, — Скотти!

На ковре лежало какое-то сооружение — камни, железное кольцо — мусор. Какой принцип у этого сооружения — произвольный?

Под ноги ему попался скомканный лист бумаги. Он машинально поднял его.

— Дети. Где вы? Не прячьтесь...

ЭММА! СКОТТИ!

Внизу телефон прекратил свой оглушительно-монотонный звон.

Парадин взглянул на листок, который был у него в руке.

Это была страница, вырванная из книги. Непонятные каракули Эммы испещряли и текст и поля. Четверостишие было так исчеркано, что его почти невозможно было разобрать, но Парадин хорошо помнил «Алису в Зазеркалье». Память подсказала ему слова:

Часово — жиркие товы.
И джикали, и джакали в исходе.
Все тенали бороговы.
И гуко свитали оводи.

Ошалело он подумал: Шалтай-Болтай у Кэрролла объяснил Алисе, что это означает. «Жиркие» — значит смазанные жиром и гладкие. Исход — основание у солнечных часов. Солнечные часы. Как-то давно Скотт спросил, что такое исход. Символ?

«Часово гукали...»

Точная математическая формула, дающая все условия, и в символах, которые дети поняли. Этот мусор на полу. «Товы» должны быть «жиркие» — вазелин? — и их надо расположить в определенной последовательности, так, чтобы они «джикали» и «джакали».

Безумие!

Но для Эммы и Скотта это не было безумием. Они мыслили по-другому. Они пользовались логикой X. Эти пометки, которые Эмма сделала на странице, — она перевела слова Кэрролла в символы, понятные ей и Скотту.

Произвольный фактор для детей перестал быть произвольным. Они выполнили условия уравнения времени-пространства. «И гуко свитали оводи...»

Парадин издал какой-то странный гортанный звук. Взглянул на нелепое сооружение на ковре. Если бы он мог последовать туда, куда оно ведет, вслед за детьми... Но он не мог. Для него оно было бессмысленным. Он не мог справиться с произвольным фактором. Он был приспособлен к Эвклидовой системе. Он не сможет этого сделать, даже если сойдет с ума... Это будет совсем не то безумие.

Его мозг как бы перестал работать. Но это оцепенение, этот ужас через минуту пройдут... Парадин скомкал в пальцах бумажку.

— Эмма, Скотти, — слабым, упавшим голосом сказал он, как бы не ожидая ответа.

Солнечные лучи лились в открытые окна, отсвечивая в золотистом мишкином меху. Внизу опять зазвенел телефон.

ЗОВИТЕ ЕГО ДЕМОНОМ

ГЛАВА I

Ложный дядюшка

Через много лет она вернулась в Лос-Анджелес и проехала мимо дома бабушки Китон. Дом, в сущности, не особенно изменился, но то, что ее детским глазам в 1920 году представлялось элегантным особняком, теперь выглядело ветхим каркасным домом, серым из-за облупившейся краски.

За двадцать пять лет ее былая неуверенность в себе прошла, но по-прежнему сохранялось в памяти глухое, труднообъяснимое чувство беспокойства — эхо того времени, которое Джейн Ларкин провела в этом доме, когда она была девятилетней девочкой, тоненькой, с большими глазами и модной тогда челкой — а-ля Бастер Браун.

Оглядываясь назад, она могла вспомнить и слишком много, и слишком мало. Разум ребенка удивительно отличается от разума взрослого. В тот июньский день 1920 года, войдя в освещенную зеленой люстрой гостиную, Джейн почтительно подошла по очереди ко всем членам семьи и поцеловала их. Бабушку Китон, и чопорную тетушку Бесси, и четверых дядюшек. Она не колебалась и когда очередь дошла до нового дядюшки, хотя он был не таким, как другие.

Остальные дети наблюдали за ней бесстрастными глазами. Они знали. Они видели, что и она знает. Но ничего в тот момент не сказали. Джейн понимала, что тоже не может сказать, что что-то не так, пока об этом не зайдет разговор. Это было частью молчаливого детского этикета. Однако весь дом был полон беспокойства. Взрослые просто ощущали какую-то неприятность, смутно чувствовали, что что-то не в порядке. Дети же — Джейн это видела — знали.

Позднее они собрались на заднем дворе, под большой финиковой пальмой. Джейн для виду перебирала свое новое ожерелье и ждала. Она видела, какими

взглядами обмениваются другие, взглядами, в которых читался вопрос: «Ты думаешь, она, правда, заметила?» В конце концов Беатрис, старшая, предложила поиграть в прятки.

— Мы должны ей сказать, Би, — высказал свое мнение маленький Чарльз.

Беатрис отвела от него глаза.

— Что сказать? Ты рехнулся, Чарльз.

Чарльз не уточнил, но продолжал настаивать.

— Ты знаешь.

— Храните свой страшный секрет, — сказала Джейн. — Я все равно все знаю. Он не мой дядя.

— Видишь? — воскликнула Эмили. — Она тоже это увидела. Я говорила тебе, что она заметит.

— Это немного забавно, — сказала Джейн. Она прекрасно знала, что человек в гостиной — не ее дядя, и никогда им не был, и он очень старательно делает вид, так старательно, чтобы убедить взрослых, — что он всегда был здесь. Чистые, беспристрастные глаза Джейн видели, что он — не обычный человек. Он казался каким-то пустым.

— Он просто появился здесь, — сказала Эмили. — Недели три назад.

— Три дня, — поправил ее Чарльз, желая помочь; однако его чувство времени плохо увязывалось с календарем. Мерилом времени для него служили события, и дни не имели строго определенной продолжительности. Они были длиннее, когда он болел или когда шел дождь, и казались слишком короткими, когда он катался на карусели в Океанском парке или играл на заднем дворе.

— Это было три недели назад, — сказала Беатрис.

— Откуда он взялся? — спросила Джейн.

Остальные переглянулись.

— Не знаю, — осторожно ответила Беатрис.

— Он появился из большой круглой дыры, которая все время кружилась, — сказал Чарльз. — Там внутри сплошные огни, как на рождественской елке.

— Не ври, — возразила Эмили. — Ты это действительно видел, Чарльз?

— Нет. Но что-то вроде того.

— А **они** не замечают? — Джейн имела в виду взрослых.

— Нет, — ответила Беатрис, и дети поглядели в сторону дома, размышляя о неисповедимых путях взрослых. — Они ведут себя так, как будто он всегда был здесь. Даже бабушка. Тетя Бесси сказала, что он появился прежде, чем **я**. Только я знаю, что это неправда.

— Три недели, — изменил свое мнение Чарльз.

— Они все чувствуют себя больными из-за него, — сказала Эмили. — Тетушка Бесси все время принимает аспирин.

Джейн задумалась. Внешне ситуация казалась несколько глупой. Дядя, которому три недели? Может быть, взрослые просто притворялись, как они делают иногда по каким-то заумным причинам. Но это тоже выглядело маловероятным: детей никогда не удается обманывать таким образом слишком долго.

Теперь, когда Джейн была посвящена в тайну и не казалась больше посторонней, Чарльз внезапно затараторил:

— Расскажи ей, Би! Настоящий секрет — ты знаешь. Можно, я покажу ей Дорогу из желтого кирпича? Ну, пожалуйста, Би! А?

Снова воцарилась тишина. Чарльз болтал слишком много. Джейн, безусловно, знала Дорогу из желтого кирпича. Она тянулась прямо через страну Оз, от Мертвой пустыни до Изумрудного города.

После долгого молчания Эмили кивнула.

— Знаете, надо ей рассказать, — согласилась она. — Только она может испугаться. Там так темно.

— Ты испугалась, — сказал Бобби. — В первый раз ты заплакала.

— Нет. Так или иначе, это просто воображение.

— О **нет**! — возразил Чарльз. — В последний раз я протянул руку и потрогал корону.

— Это не корона, — сказала Эмили. — Это **он**, Раггедо.

Джейн подумала о дяде, который в действительности не был дядей; не был настоящим.

— Это **он** Раггедо? — спросила она.

Дети поняли ее.

— О, нет, — ответил Чарльз. — Раггедо живет в подвале. Мы даем ему мясо. Сырое, с кровью. Ему **нравится**! Так и жрет!

Беатрис взглянула на Джейн. Она кивнула в сторону «клуба» — ящика от рояля с настоящим секретным замком. Затем очень ловко перевела разговор на другое. В конце концов начали играть в ковбоев и индейцев, и Бобби, дико завывая, направился во главе отряда вокруг дома.

В ящик от рояля сквозь щели проникал приятный запах акаций. Прижавшись друг к другу в теплом полумраке, Беатрис и Джейн слышали затихающие крики «индейцев». Беатрис сейчас казалась удивительно взрослой.

— Я рада, что ты приехала, Джейн, — сказала она. — Маленькие дети ничего не понимают. А это просто ужасно.

— Кто он?

Беатрис вздрогнула.

— Я не знаю. Думаю, он живет в подвале. — Она помолчала. — Но к нему нужно добираться через чердак. Я бы боялась еще сильнее, если бы маленькие дети не были такими... как будто их это ничуть не тревожит.

— Но, Би! **Кто** он?

Беатрис повернулась и посмотрела на Джейн, и было совершенно ясно, что она не может или не хочет говорить, словно существовал некий заслон. Но поскольку это было важно, она попыталась преодолеть его, заговорив о ложном дядюшке.

— Мне кажется, Раггедо такой же, как он. Собственно, я уверена в этом. Так говорят Чарльз и Бобби, а они понимают. Они знают лучше меня. Они меньше... Это трудно объяснить, но... ну, это что-то вроде скудлеров. Помнишь?

Скудлеры. Неприятный народ, живший в пещере по дороге в страну Оз; все они могли снимать свои головы и швыряли ими в прохожих. Сравнение быстро помогло ей все понять. Голова скудлера могла находиться в одном месте, а тело — в другом, но обе части принадлежали одному и тому же скудлеру.

Конечно же, у призрачного дяди были на месте и голова, и туловище. Но Джейн смутно представляла себе его возможную двойную сущность: одна часть тела, вводя всех в заблуждение, передвигалась по дому, словно источник страшного заболевания; другая часть, безымянная, бесформенная, укрывалась в подвале, ожидая сырого мяса...

— Чарльзу известно об этом больше любого из нас, — сказала Беатрис. — Это именно он узнал, что нам придется кормить Р... Раггедо. Мы пробовали разное, но оказалось, что нужно сырое мясо. И если бы мы перестали его кормить — произошло бы что-нибудь ужасное. Мы и это выяснили.

Конечно, Джейн не спросила, ка́к. Дети воспринимают свое телепатическое общение, как должное.

— **Они** не знают, — добавила Беатрис. — Мы не можем им сказать.

— Да, — сказала Джейн, и девочки посмотрели друг на друга, чувствуя ужас от своей детской беспомощности, сознавая, что нравы в мире взрослых слишком сложны для понимания и что дети должны быть осторожны.

Взрослые всегда правы. Они — другой народ.

К счастью для детей, они столкнулись с Врагом все вместе. Будь ребенок один, это могло бы вызвать у него сильный истерический припадок. Но первые открытия сделал Чарльз, а ему было только шесть лет — слишком мало, чтобы события могли привести к каким-либо психическим нарушениям. Психотическое состояние является для шестилетних врожденным — оно для них нормально.

— И они чувствуют себя больными с тех самых пор, как он появился, — сказала Беатрис.

Джейн это уже поняла. Волк может нацепить овечью шкуру и незаметно смешаться с отарой, но овцы станут нервничать, хотя и не смогут определить причину своего беспокойства.

Это был вопрос настроения. Даже он выказывал такое же расположение духа — испытывал беспокойство, ожидал чего-то, чувствовал, что что-то не так, но не знал, что... Однако для **него** это был лишь вопрос маскировки. Джейн видела, что он не хочет привлекать внимания, понимая, что чем-то отличается от произвольно выбранной им нормы — образа человека.

Джейн приняла как нечто неизбежное — этого дядю, одновременно являвшегося существом по имени Раггедо, живущим в подвале, которого приходилось

регулярно кормить сырым мясом, чтобы не произошло Нечто...

Взявшийся неизвестно откуда притворщик. Он обладал могуществом, но оно имело границы. Явные свидетельства его силы принимались без сомнений.

Дети — реалисты. То, что этот голодный, не являющийся человеком неизвестный появился у них, не казалось им невероятным, ибо его присутствие было фактом.

Откуда-то он взялся. Из времени, пространства, какого-то непостижимого места. Он никогда не испытывал никаких человеческих чувств — дети быстро это заметили. Он очень ловко притворялся человеком, и ему удалось деформировать память взрослых, введя в них ложные воспоминания о своем существовании. Взрослым казалось, что они помнят его. Взрослый может распознать обычный мираж, который ребенка введет в заблуждение. Однако мысленный мираж, наоборот, может обмануть взрослого, но не ребенка.

У Раггедо не было власти изменить их разумы, поскольку они еще не были ни полностью человеческими, ни целиком разумными — с точки зрения взрослых. Беатрис — старшей — было страшно. Пользуясь воображением, она старалась поставить себя на место других.

Крошка Чарли был возбужден больше всех. Самому маленькому, Бобби, понемногу становилось скучно...

У Беатрис, возможно, остались хоть какие-то воспоминания о том, как выглядел Раггедо; остальные не помнили ничего: они добирались до него весьма странным путем, да и не исключено, что и сами претерпели изменения, находясь в его обществе. Он принимал еду или отказывался от нее — и все. Наверху в доме тело скудлера притворялось человеческим, в то время как его голова пряталась в маленьком, ужасном убежище, которое он создал путем искривления пространства; поэтому для тех, кто не знал, как найти Дорогу из желтых кирпичей, он был невидим и недосягаем.

Что он собой представлял? Без критериев сравнения — а их нет в этом мире — он не может быть назван. Детям он казался Раггедо. Но он не был этим толстым, забавным, вечно расстроенным королем гномов.

Он никогда им не был.

Лучше назвать его демоном.

Как обозначение это слово включает слишком много, и в то же время недостаточно. Однако придется удовлетвориться этим. По меркам взрослых, он был чудовищем, чужим, сверхъестественным существом. Но то, что он делал, и то, чего он хотел, — позволяет называть его демоном.

ГЛАВА 2

Сырое мясо с кровью

Несколько дней спустя Беатрис подошла к Джейн.

— Слушай, Джейн, — спросила она, — сколько у тебя денег?

— Четыре доллара тридцать пять центов, — ответила та, посмотрев. — Папа дал мне на вокзале пять долларов. Я купила воздушной кукурузы и... ну, еще всякую мелочь.

— Знаешь, я рада, что ты приехала именно сейчас. — Беатрис с облегчением глубоко вздохнула. Без слов было понятно, что сохранение общей тайны, как это водится в детских компаниях, должно распространяться и на данную ситуацию, в которой совпадали интересы всех. Скромные накопления Джейн предназначались не для кого-то одного из них, а для блага всей группы.

— У нас кончились деньги, — объяснила Беатрис. — Бабушка заметила, что мы таскаем мясо из ледника, и мы боимся брать еще. Но на твои деньги мы можем купить его целую пропасть.

Ни одна из них не подумала о том, что придет время, и эти деньги тоже кончатся. Четыре доллара тридцать пять центов казались им в то время сказочной суммой. И не было необходимости покупать дорогое мясо — лишь бы оно было сырое и с кровью.

Девочки вместе направились по заросшей акациями улице, над которой кое-где склонялись пальмы и свисали ветви перечных деревьев. Они купили два фунта бифштексов и непредусмотрительно потратили двадцать центов на газированную воду.

Когда они вернулись домой, там царило воскресное безделье. Дяди Саймон и Джеймс отправились за сигарами, дяди Лью и Берт читали газеты, а тетушка Бесси вязала. Бабушка Китон читала «Журнал для юных», старательно выискивая пикантные места. Остановившись у бисерных портьер, девочки заглянули внутрь.

— Заходите, детки, — сказал Лью своим глубоким, звучным голосом. — Смотрели уже страничку юмора? Мэтт и Джеф молодцы. А Спарк Плаг...

— По мне, лучше всех мистер Джибсон, — вставила бабушка Китон. — Это настоящий художник. У него люди как люди.

С шумом открылась дверь, и появился дядя Джеймс — толстый, улыбающийся, довольный после нескольких кружек пива. За ним следовал дядя Саймон — воплощенная совесть.

— По крайней мере, тихо, — сказал он, неодобрительно взглянув на Джейн и Беатрис. — Эти дети иногда такой шум поднимают, что собственных мыслей не слышишь.

— Бабушка, — спросила Беатрис, — где малыши?

— Думаю, на кухне, дорогая. Им зачем-то понадобилась вода.

— Спасибо.

Девочки вышли; в оставленной ими комнате повисло ощущение неосознанного беспокойства. Овцы чувствовали присутствие волка, но овечья шкура оказывалась достаточным прикрытием. Они не знали...

Малыши были на кухне. В руках у них были кисти: они старательно покрывали водой страничку комикса — на ней должны были появиться картинки. Газетная страница была химически обработана таким образом, что если на нее наносилась жидкость, проявлялись разные — мрачноватого пастельного цвета, но все равно очаровательные — рисунки. Это было что-то вроде японских цветов, расцветающих в воде, или китайских упакованных в бумагу миндальных орешков с маленькими сюрпризами.

Беатрис проворно достала из-за спины принесенный от мясника пакет.

— Два фунта, — сказала она. — У Джейн были кой-какие деньги, а у Мэртона открыто сегодня. Я подумала, что лучше...

Эмили продолжала усердно красить. Чарльз вскочил.

— Мы сейчас пойдем туда, да?

Джейн испытывала какое-то беспокойство.

— Не знаю, стоит ли мне тоже идти... Я...

— Я тоже не хочу, — сказал Бобби. Это уже была измена. Чарльз сказал, что он просто струсил.

— Я не боюсь, — возразил Бобби. — Но это неинтересно. Мне хочется играть во что-нибудь другое.

— Эмили, — мягко сказала Беатрис, — тебе не обязательно идти в этот раз.

— Нет, обязательно. — Эмили наконец оторвалась от картинок. — Я не боюсь.

— Я хочу увидеть огни, — заявил Чарльз.

— Все это враки, Чарльз! — накинулась на него Беатрис. — Нет там никаких огней.

— Есть. По крайней мере иногда.

— Нет.

— Есть. Ты слишком глупая и не видишь. Пойдем и покормим его.

Все понимали, что ведет их Беатрис. Она была старшей. И к тому же — Джейн это чувствовала, — боялась больше других, даже больше Эмили.

Они поднялись по лестнице; Беатрис тащила пакет с мясом. Веревку на нем она уже разрезала. Наверху они столпились перед дверью.

— Идти надо здесь, Джейн, — гордо произнес Чарльз. — Приходится подниматься на чердак. В ванной, в потолке, есть выдвижная лестница. Нужно забираться на ванну, чтоб добраться до нее.

— Мое платье... — с сомнением проговорила Джейн.

— Ты не запачкаешься. Пошли.

Чарльз хотел быть первым, но был слишком мал ростом. Беатрис забралась на край ванны и потянула за торчавшее из потолка кольцо. Заскрипела опускная дверь; рядом с ванной медленно, даже как-то величественно появилась лестница. Наверху не было темно: сквозь окна чердака проникал тусклый свет.

— Давай, Джейни, — сказала Беатрис. Она как-то странно тяжело дышала. Кое-как, с разными акробатическими трюками, все забрались наверх.

На чердаке было тепло, тихо и пыльно. Поперек балок были положены доски. Повсюду стояли коробки и сундуки.

Джейн смотрела на Беатрис. Та уже шла по одной из балок.

Беатрис не оглядывалась и молчала. Один раз она протянула руку назад — Чарльз, находившийся ближе всех, помог ей. Вскоре Беатрис добралась до доски, ведущей к следующей балке. Она пошла было по ней, но остановилась и вернулась вместе с Чарльзом.

— Ты не так делала, — разочарованно проговорил Чарльз. — Ты не о том думала.

Лицо Беатрис казалось странно белым в бледном золотистом свете.

Джейн встретилась глазами со своей двоюродной сестрой.

— Слушай, Би...

— Нужно думать о чем-нибудь другом, — быстро сказала Беатрис. — Все в порядке. Пошли.

Она вновь двинулась по доске; Чарльз следовал за ней по пятам, монотонно повторяя:

«Раз, два, пустые слова,
Три, четыре, руки шире,
Пять, шесть — лучше сесть...»

Беатрис исчезла.

«Семь, восемь...»

Чарльз исчез.

Бобби, вызывающе подняв плечи, последовал за ними. И испарился.

Эмили издала какой-то негромкий звук.

— Ах, **Эмили**! — воскликнула Джейн.

— Я не хочу спускаться туда, Джейн, — только и сказала ее младшая двоюродная сестра.

— Тебе и не обязательно.

— Нет, обязательно, — возразила Эмили. — Но знаешь, что? Мне не будет страшно, если ты пойдешь сразу за мной. Мне всегда кажется, что за мной что-то крадется и хочет схватить; но если ты пообещаешь, что пойдешь сразу следом, все будет в порядке.

— Обещаю, — сказала Джейн.

Ободренная, Эмили пошла по доске. На этот раз Джейн внимательно следила за ней, но все-таки не заметила, как Эмили исчезла. В какой-то момент она просто пропала. Джейн сделала шаг вперед и остановилась: снизу послышался голос.

— Джейн! — кричала тетушка Бесси. — Джейн!

Голос ее становился все громче и повелительнее.

— Джейн, где ты? Иди сюда ко мне!

Не двигаясь, Джейн смотрела на дощатый мостик. Он был совершенно пуст, никаких следов Эмили и других детей не было видно. Чердак внезапно наполнился ощущением невидимой опасности. Однако она последовала бы за остальными, как обещала, если бы...

— Джейн!

Неохотно Джейн спустилась и прошла в спальню тетушки Бесси. Нетерпеливо шевеля поджатыми губами, та скалывала булавками кусок ткани.

— Куда ты запропастилась, Джейн? Я зову и зову тебя.

— Мы играли, — объяснила Джейн. — Я нужна вам, тетушка Бесси?

— Да уж, конечно, — сказала тетя Бесси. — Вот воротник, который я вязала. Это платье для тебя. Подойди и дай мне примерить его на тебе. Как ты растешь, девочка!

Последовали бесконечные подкалывания и закалывания; Джейн же думала об Эмили: как там она — одна, напуганная, где-то на чердаке. Она начинала ненавидеть тетю Бесси. Однако у нее не возникло даже мысли возражать или убежать. Взрослые были здесь абсолютными монархами. В некотором смысле примерка воротничка была в настоящий момент важнее всего на свете. По крайней мере для взрослых, правящих миром, это было так.

А Эмили была одна, перепуганная, на мостике, ведущем в какое-то неизвестное место...

Дядюшки играли в покер. Неожиданно приехавшая тетя Гертруда, водевильная актриса, разговаривала в гостиной с бабушкой Китон и тетушкой Бесси. Тетя Гертруда была маленькая, симпатичная, просто очаровательная; ее изысканность и любовь к жизни восхищали Джейн. Но сейчас она была в подавленном состоянии.

— У меня здесь мурашки по спине бегают, — сказала она, хлопнув Джейн сложенным веером по носу. — Привет, проказница. Почему ты не играешь с другими детьми?

— Просто устала, — ответила Джейн, думая об Эмили. Прошел почти час с тех пор, как...

— В твоем возрасте я никогда не уставала, — сказала тетя Гертруда. — Посмотри на меня. Три представления в день, и этот ужасный комический партнер, — мам, я говорила тебе?.. — Голоса стали тише.

Джейн посмотрела, как размеренно двигаются тощие пальцы тетушки Бесси, как протыкает шелк тамбурный крючок.

— Здесь словно в морге, — неожиданно сказала тетя Гертруда. — Что со всеми творится? Кто-то умер?

— Это воздух, — ответила тетушка Бесси. — Круглый год жара.

— Поиграешь Рочестера зимой, Бесси, девочка моя, и будешь рада теплому климату. Так или иначе, дело не в этом. Я чувствую себя... м-м-м... словно на сцене с поднятым занавесом.

— У тебя разыгралось воображение, — отозвалась ее мать.

— Призраки, — сказала тетушка Гертруда и замолчала. Бабушка Китон пристально посмотрела на Джейн.

— Иди сюда, девочка, — сказала она, освобождая место на мягких, просторных коленях, где сиживало столько детей.

Джейн сжалась в успокаивающем тепле, пытаясь не думать ни о чем, переложить сознание своей ответственности на бабушку Китон. Однако ничего из этого не вышло. В доме что-то было не в порядке, и это что-то тяжелыми волнами поднималось прямо из центра, совсем близко от них.

Ложный дядюшка. Жадный голод, который нужно утолять. Мучительная близость мяса с кровью, ощущаемая им в его странном, загадочном убежище где-то в другом — ином — непонятном месте, где исчезли дети.

Он был там, внизу, — исходил слюной от желания есть; он был наверху, проголодавшийся, жадный — кружащийся совсем рядом голодный вихрь.

Он был в двух местах, этот двойной дядюшка, замаскировавшийся, но пугающе реальный...

Джейн закрыла глаза и зарылась головой глубже в плечо бабушки Китон.

Тетушка Гертруда продолжала болтать странно напряженным голосом, словно ощущая под внешним благополучием непорядок, вызывающий у нее необъяснимый страх.

— Через пару дней у меня начинаются представления в Санта-Барбаре, мама, — говорила она. — Я... что все-таки с этим домом? Я сегодня как на иголках! Я хочу, чтобы вы все приехали и посмотрели первый спектакль. Это музыкальная комедия. Я получила повышение.

— Я уже видела «Принца Пильзенского», — сказала бабушка Китон.

— Но не с моим участием. Это мой подарок. Я уже заказала комнаты в гостинице. Дети тоже пусть приезжают. Хочешь посмотреть, как играет твоя тетушка?

Джейн кивнула, не отрывая головы от бабушкиного плеча.

— Тетушка, — неожиданно спросила она. — Ты видела всех дядюшек?

— Конечно.

— Всех, точно? Дядю Джеймса, и дядю Берта, и дядю Саймона, и дядю Лью?

— Всю компанию. А что?

— Просто интересно.

Значит, тетя Гертруда тоже не заметила ложного дядюшку. Не такая уж она наблюдательная, подумала Джейн.

— А вот детей зато я не видела. Если они не поторопятся, то не получат подарков, которые я привезла. Что у меня для тебя, Джейн, — ни за что не угадаешь!

Но даже это соблазнительное обещание девочка едва расслышала, ибо витавшая в воздухе напряженность внезапно исчезла. Ложный дядюшка, который только что казался голодным вихрем, превратился в

вихрь неуемного восторга. Где-то, как-то Раггедо кормили, где-то, как-то другая половина дядюшки поглощала свою кровавую пищу...

Джейн уже не сидела на коленях у бабушки Китон. Комната погрузилась в кружащуюся тьму, в которой вспыхивали маленькие огоньки — Чарльз назвал их рождественскими огнями, — сердцевиной этой круговерти был ужас. В этой исчезнувшей комнате ложный дядюшка был вроде воронки или трубы, ведущей к убежищу, где пряталась вторая его половина, и через воронку в комнату лился мощный поток восторженного насыщения.

Каким-то образом в эту минуту Джейн почувствовала себя совсем рядом с другими детьми, которые должны были находиться около вращающегося центра темноты. Она почти физически ощущала их присутствие; казалось, стоит только протянуть руку и можно коснуться их.

Но вот тьма задрожала, яркие маленькие огоньки слились воедино, а в ее разум хлынули какие-то невероятные воспоминания. Она была слишком близко к **нему**. А он за едой забыл об осторожности и не контролировал свои мысли. Неотчетливо, как у животного, изливались они в окружающий мрак. Мысли о кровавой пище, воспоминания о других временах и других местах, где он получал такую же пищу из других рук.

Это было невероятно. Воспоминания касались не земли, не этого времени и не этого места. Он странствовал далеко, этот Раггедо. В многообразных обличьях. Он вспомнил теперь — воспоминания текли потоком обрывков, — он вспомнил покрытые мехом бока животных, пытавшихся увернуться от его ненасытного голода, вспомнил горячую красную струю, брызнувшую сквозь мех.

Этот мех принадлежал существам, которых Джейн не могла бы даже представить себе...

Еще вспомнился ему огромный двор, вымощенный сверкающими плитами, и нечто, прикованное в центре его блестящими цепями, и глаза, наблюдавшие за тем, как он вошел и приблизился к жертве.

Он насыщался, вырывал причитавшееся ему из гладких боков, а вокруг звенели безжалостные цепи...

Джейн пробовала закрыть глаза, чтоб не смотреть, но не глазами видела она все это. И ей было стыдно и немного противно: ведь она тоже принимала участие в этом пиршестве, вместе с Раггедо ощущала сладость теплой крови, чувствовала, как кружится от наслаждения ее голова — вместе с его.

— Ага... дети идут, — откуда-то издалека донесся голос тети Гертруды.

Сперва Джейн слышала ее смутно, затем яснее, потом неожиданно под нею вновь оказались мягкие колени бабушки Китон; она вернулась в знакомую комнату.

— Словно стадо слонов на лестнице, а? — сказала тетя Гертруда.

Они возвращались. Джейн теперь тоже их слышала. На самом деле они производили куда меньше шума, чем обычно. Примерно до середины лестницы они вели себя тихо, потом вдруг загремели, разразились громкой болтовней, — неискренне, как показалось Джейн.

Дети вошли в комнату. Беатрис была немножко бледной, у Эмили раскраснелись щеки и опухли глаза. В Чарльзе кипело подавленное возбуждение. Однако у Бобби, самого маленького, был хмурый и скучающий вид. При виде тетушки Гертруды гвалт стал еще громче; Беатрис обменялась с Джейн быстрым многозначительным взглядом.

Последовали подарки, шум; вернулись дядюшки; затем все возбужденно обсуждали поездку в Санта-Барбару в каком-то напряженном веселье, которое незаметно, понемногу перешло в гнетущую тишину.

Никто из взрослых ни разу не оглянулся, не высказал нервозности, но все чувствовали, что их ждет что-то нехорошее.

Только дети — даже тетя Гертруда ничего не понимала! — сознавали полную *пустоту* ложного дядюшки, проекцию ленивого, вялого, полубезумного существа. Хотя облик его был несомненно человеческим, как будто он никогда не прятал свой голод под крышей этого дома, будто никогда его мысли не врывались в умы детей и никогда он не вспоминал свои кровавые пиршества в других местах, в иные времена.

Сейчас он наелся до отвала. Чувствовалось, как лениво катятся сонные волны сытости; взрослые зевали, не понимая, от чего. Но даже теперь в нем была пустота. Он не был настоящим. Чуткие, восприимчивые детские разумы по-прежнему чувствовали: «там никого нет».

ГЛАВА 3

Насытившийся едок

Позднее, когда пришло время ложиться спать, только Чарльзу хотелось говорить об этом. Джейн казалось, что Беатрис как-то повзрослела с утра. Бобби читал «Книгу джунглей» или просто делал вид, что читает: наибольшее удовольствие он получал от картинок с изображением тигра Шер-Хана. Эмили, отвернувшись лицом к стене, притворялась спящей.

— Меня позвала тетя Бесси, — сказала ей Джейн, чувствуя немой упрек. — Я пыталась удрать от нее как можно скорее. Она хотела, чтоб я примерила то платье с новым воротником.

— Ясно. — Извинение было принято, но Беатрис по-прежнему молчала. Джейн подошла к кровати Эмили и обняла девочку.

— Злишься на меня, Эмили?

— Нет.

— Злишься. Но я ничего не могла сделать, дорогая.

— Все нормально, — сказала Эмили. — Мне не было страшно.

— Все светилось и сверкало, — сонно проговорил Чарльз. — Как рождественская елка.

— Заткнись! — набросилась на него Беатрис. — Заткнись, Чарльз! Заткнись, тебе говорят, **заткнись**!

В комнату заглянула тетушка Бесси.

— Что случилось, дети?

— Ничего, тетушка, — ответила Беатрис. — Мы просто играли.

Накормленное, сытое, **оно** лежало в вялом оцепенении в своем загадочном убежище. В доме было тихо, обитатели спали. Спал даже ложный дядюшка: Раггедо был хорошим имитатором.

Ложный дядюшка не был призраком, он был просто проекцией Раггедо. Подобно тому, как амеба протягивает к пище ложную ножку, Раггедо растянулся и создал ложного дядюшку. Но на этом сходство кончалось. Ибо ложный дядюшка не был эластичной частью создавшего его существа, которую, вытянув, можно было когда угодно втянуть обратно. Скорее, он — оно? — являлся некой конечностью, вроде человеческой руки. Мозг посылает сигнал через нервную систему, рука протягивается, сжимаются пальцы — и в ладони оказывается пища.

Однако этот отросток Раггедо был менее ограничен в своих возможностях, так как его не связывали жесткие законы природы. Руку можно выкрасить в черный цвет. Всем, кроме чистых, неопытных детей, казалось, что ложный дядюшка выглядит и действует, как человек.

Некоторые правила приходилось соблюдать даже Раггедо. В какой-то мере он все-таки был ограничен естественными законами. Существовали циклы. Жизнь гусеницы состоит из циклов: до тех пор, пока она не сможет окуклиться и трансформироваться, она должна есть, есть и есть. Сбросить свою нынешнюю оболочку она сможет не раньше, чем подойдет время метаморфозы. Точно так же и Раггедо не мог видоизмениться до завершения цикла. А тогда произойдет новая трансформация, аналогично миллионам удивительных превращений, которые претерпел он в невообразимой вечности своего прошлого.

В настоящее же время он вынужден был подчиняться законам текущего цикла. Отросток нельзя было втянуть. Так что ложный дядюшка был его частью, а он был частью ложного дядюшки.

Туловище и голова скудлера.

Одна за другой катились по дому сонные волны сытого удовольствия, но медленно, незаметно их Ритм убыстрялся, понемногу приближаясь к нервной пульсации новой вспышки жадности, всегда следовавшей после завершения пищеварительного процесса.

Тетушка Бесси перевернулась на спину и захрапела. В другой комнате ложный дядюшка, не просыпаясь, тоже повернулся и тоже захрапел.

Способность к защитной мимикрии была развита отлично...

Снова был день; почти сразу после полудня ритм жизни в доме неуловимо изменился, изменилось и настроение.

— Если мы собираемся в Санта-Барбару, — сказала утром бабушка Китон, — то я свожу сегодня детей к зубному врачу. Им надо обработать зубы, а с доктором Хоувером непросто договориться о приеме даже одного ребенка, не говоря уж о четырех. Твоя мама, Джейн, писала мне, что ты была у дантиста месяц назад, так что тебе ехать незачем.

После этого заявления над детьми нависло ощущение беды. Но никто об этом не говорил. Когда бабушка Китон вывела детей на крыльцо, Беатрис вышла последней. Джейн смотрела на происходящее, стоя в дверях. Не оглядываясь, Беатрис протянула назад руку, ощупью нашла руку Джейн и крепко сжала ее. И все.

Так без слов ответственность была переложена на Джейн. Беатрис ясно дала понять, что теперь это — забота Джейн.

Она не осмелилась надолго откладывать дело, слишком живо ощущая растущую волну действующей на взрослых депрессии. Раггедо вновь проголодался.

Она смотрела вслед своим двоюродным братьям и сестрам, пока они не скрылись за перечными деревьями. Далекий шум трамвая положил конец ее надеждам на их возвращение. После этого она дошла до мясной лавки, купила два фунта мяса, выпила содовой и вернулась домой.

Джейн почувствовала, что ритм волн голода участился.

Она взяла на кухне жестяную миску, положила в нее мясо и тихонько проскользнула в ванную. Одной, со своей ношей и безо всякой помощи забраться на чердак было нелегко, но Джейн справилась. Она стояла в теплой тишине под крышей дома, выжидая — почти надеясь, что тетушка Бесси опять позовет ее и освободит от неприятной обязанности. Но никто ее не позвал.

То, что ей предстояло делать сейчас, было достаточно прозаично. Поэтому особого страха она не чувствовала. Кроме того, ей было почти девять лет. И на чердаке не было темно.

Стараясь сохранить равновесие, она пошла по балке. Ступив на перекинутую между балками доску, Джейн ощутила, как она упруго дрожит под ногами.

«Раз, два, пустые слова,
Три, четыре, руки шире,
Пять, шесть, лучше сесть,
Семь, восемь...»

Дважды у нее ничего не вышло; на третий раз удалось. Мысли должны были быть отвлечены каким-то определенным образом... Джейн прошла по доске, обернулась, и...

В этом месте света было мало, почти полная темнота. Было холодно и пусто, как под землей. Ничуть не удивившись, Джейн поняла, что находится глубоко внизу, возможно, под домом; может быть, очень далеко от него. Она могла принять это так же, как и все остальные странности. Ее это не удивляло.

Как ни странно, она знала, куда идти дальше. Джейн вошла, как ей казалось, в крошечное помещение, однако в то же время довольно долго ей пришлось идти через пустое пространство под низко нависавшим потолком; оно казалось бесконечным и мрачным; тянуло холодом и сыростью. Место производило неприятное впечатление, да и опасно было идти по нему с маленькой миской мяса.

Ему мясо показалось приемлемым.

Оглядываясь назад, Джейн ничего о н е м не могла вспомнить. Она не помнила, как предложила мясо, или как оно было принято, или в какой части этого места, где парадоксально сосуществовали громадные пространства и крошечные помещения, лежало о н о, грезя об иных мирах и эпохах.

Она помнила только, как в то время, когда о н о поглощало принесенную пищу, вокруг нее снова закружилась темнота, расцвеченная маленькими вспыхивающими огоньками. В ее голове замелькали е г о воспоминания, как будто их разумы составляли одно целое. На этот раз Джейн видела все более отчетливо. Она видела огромное крылатое существо, запертое в сверкающей клетке; она вспомнила то, что вспоминал Раггедо, — так, как это помнилось ему; она прыгнула вместе с Раггедо, почувствовала, как бьются вокруг нее крылья, ощутила, как раздиравший ее голод вгрызался в тело; жадно набросилась на булькающую струю горячей, сладкой и солоноватой жидкости...

Воспоминания переплетались, перепутывались одно с другим. Смешивались, менялись и жертвы Раггедо; существо с перьями и крыльями превратились в зверя со страшными когтистыми лапами, увертливого и скользкого, как змея. Пока Раггедо ел, все его жертвы становились в его воспоминаниях одним целым.

Уже под конец ненадолго вспыхнула другая картина. Джейн оказалась в огромном саду, где качались высокие — выше нее — цветы, между которыми молча двигались фигуры в капюшонах. На лепестке одного из гигантских цветов, прикованный к нему ярко сверкающими цепями, беспомощно лежал человек с рассыпавшимися светлыми волосами. Джейн казалось, что она сама, закрытая капюшоном, шагает между молчаливых фигур, а он — оно — Раггедо — в другом обличье идет рядом с ней в направлении жертвы.

Человеческое жертвоприношение всплыло в его памяти впервые; Джейн хотелось бы узнать об этом побольше. Угрызений совести она, естественно, не испытывала: еда есть еда. Но это воспоминание незаметно сменилось другим, и она так и не увидела конца. Правда, по сути, это было и незачем: все воспоминания заканчивались одинаково. Может, это было для нее и к лучшему, что Раггедо не слишком долго задержался именно на этом эпизоде своих кровавых трапез.

«Семнадцать, восемнадцать,
Мы идем купаться,
Девятнадцать, двадцать...»

Пошатываясь, чуть не падая, шла она обратно по балкам, с пустой миской в руках. На чердаке пахло пылью; это помогло ей избавиться от оставшегося в ее памяти тошнотворного запаха крови...

Когда дети вернулись, Беатрис только спросила: «Была?», и Джейн кивнула. Табу, однако, не было снято. Обсуждать подробности они не собирались, если в этом не возникнет необходимости. А сонная, вялая пульсация в доме, психическая пустота ложного дядюшки — неопровержимо доказывали, что опасность снова предотвращена — на какое-то время...

— Почитай мне про Маугли, бабуля, — попросил Бобби. Бабушка Китон уселась, протерла и надела очки и взяла книжку Киплинга. Понемногу и остальные дети, зачарованные сказкой, собрались вокруг.

Бабушка Китон читала о гибели Шер-Хана: о том, как в узкое, глубокое ущелье согнали скот, чтобы привлечь тигра, и о том, как массовое бегство животных, от которого чуть не дрожали горы, превратило убийцу в кровавое месиво.

— Что ж, — сказала бабушка Китон, — закрывая книжку, — таков был конец Шер-Хара. Он умер.

— Нет, не умер, — сонно проговорил Бобби, поднимаясь.

— Разумеется, умер. Мертвее не бывает. Стадо растоптало его.

— Только в конце, бабуля. Если начать читать сначала, Шер-Хан снова будет там.

Бобби, конечно, был слишком мал, чтобы иметь ясное представление о смерти. Иногда ведь его убивали, когда они играли в индейцев, — конец не безвозвратный и не стоящий сожалений. Смерть — абсолютное понятие, которое можно постигнуть лишь на основании личного опыта.

Дядя Лью, покуривая свою трубку и играя в шахматы с дядей Бертом, подмигнул ему — на загорелой коже возле глаз собрались морщинки. Дядя Берт, кусая губы, долго думал над каждым ходом, и все-таки он проиграл. Дядя Джеймс подмигнул тете Гертруде и сказал, что не худо бы прогуляться, — как она на это смотрит?

Она смотрела положительно.

Когда они ушли, тетушка Бесси, засопев, подняла голову.

— Ты только понюхай, как от них несет, когда они вернутся, ма, — сказала она. — Как ты это терпишь?

Но бабушка Китон лишь усмехнулась и погладила волосы Бобби — тот уснул у нее на коленях; руки его сжались в маленькие кулачки, на щеках играл легкий румянец.

У окна возвышалась костлявая фигура дяди Саймона. Не произнося ни слова, он глядел на улицу между занавесок.

— Ложитесь пораньше, дети, — сказала тетушка Бесси, — если мы собираемся завтра утром в Санта-Барбару!

Вот так.

ГЛАВА 4

Конец игры

К утру у Бобби поднялась температура, и бабушка Китон наотрез отказалась подвергать его жизнь риску поездкой в Санта-Барбару. Это ввергло Бобби в глубокую печаль, но зато разрешило проблему, над которой дети много часов ломали голову. Вдобавок по телефону позвонил папа Джейн и сообщил, что приедет за дочкой в этот же день и что у нее теперь есть маленький братишка. Джейн, у которой не было иллюзий насчет аистов, вздохнула с облегчением, надеясь, что ее мама не будет больше чувствовать себя больной.

Перед завтраком в спальне Бобби состоялось совещание.

— Ты знаешь, что делать, Бобби, — сказала Беатрис. — Обещай, что сделаешь это.

— Угу. Обещаю.

— Сегодня, Джейни, ты можешь это сделать до приезда твоего отца. И лучше купить побольше мяса и оставить его Бобби.

— Я не могу покупать мясо без денег, — заметил Бобби.

Без особой охоты Беатрис сосчитала то, что оставалось от скромного взноса Джейн, и отдала ему. Бобби засунул мелочь под подушку и дернул красную фланелевую повязку, которой было обмотано его горло.

— Чешется, — сказал он. — А я ведь не болен.

— Это из-за зеленых груш, которых ты вчера наелся, — злорадно произнесла Эмили. — Ты думал, тебя никто не видит, да?

Снизу прибежал запыхавшийся Чарльз.

— Эй, знаете, что случилось? — воскликнул мальчик. — Он повредил ногу, и теперь не может ехать в Санта-Барбару. Уверен, что он сделал это нарочно.

— Вот черт! — сказала Джейн. — Как?

— Сказал, что подвернул ее на лестнице. Но могу поспорить, что это вранье. Он просто не хочет ехать.

— Наверное, он *не может* ехать — так далеко, — высказала интуитивную догадку Беатрис, и больше они этого вопроса не касались. Но и Беатрис,

и Эмили, и Чарльз — все были рады, что ложный дядюшка все-таки не поедет с ними в Санта-Барбару.

Чтобы отвезти уезжавших и их багаж, потребовалось два такси. Бабушка Китон, ложный дядюшка и Джейн стояли на парадном крыльце и махали вслед уезжающим. Когда затих шум автомобилей, Джейн, не теряя времени, взяла часть денег у Бобби, сходила к мяснику и вернулась с тяжелым пакетом.

Ложный дядюшка, опираясь на палку, проковылял в солярий и разлегся там. Бабушка Китон приготовила Бобби противное, но полезное питье; Джейн решила отложить неприятное дело до полудня. Бобби читал «Книгу джунглей», спотыкаясь на трудных словах; на какое-то время в доме воцарился мир.

Джейн надолго запомнила этот день. Дом заполняли разные запахи: запах пекущегося хлеба из кухни, влажный и пряный аромт цветов с улицы; отдающий пылью, густой запах, исходивший от нагретых солнцем ковров и мебели. Бабушка Китон поднялась в свою спальню, чтобы смазать лицо и руки кольдкремом, а Джейн стояла в дверях, оглядывая комнату.

Спаленка очаровывала своим прозаичным уютом. Волнами вздымались жестко накрахмаленные белоснежные занавески; на комоде стояло множество замечательных предметов: подушечка для булавок в форме куклы, маленькая красная фарфоровая туфелька, а на ней — совсем уж крошечные фарфоровые мышки; брошка с камеей и портретом бабушки Китон, когда она была девочкой.

И тут медленно, но настойчиво начала усиливаться пульсация — она чувствовалась даже здесь, в этой спальне, куда подобное вторжение казалось Джейн просто невероятным.

Сразу после ленча раздался звонок: это приехал отец Джейн, чтобы отвезти ее обратно в Сан-Франциско. Он спешил, боясь опоздать на поезд, и прежде чем они укатили на такси, хватило времени лишь на то, чтобы перекинуться несколькими словами. Все же Джейн ухитрилась сбегать наверх попрощаться с Бобби — и объяснить ему, где спрятано мясо.

— Ладно, Джейни, — сказал Бобби. — Счастливо.

Она знала, что ей не следовало перепоручать это дело Бобби.

Всю дорогу до станции ее неотвязно грызла совесть. Она как-то смутно слышала голоса взрослых:

кто-то сообщил, что поезд очень сильно опаздывает, и потом отец сказал о том, что в городе сейчас цирк...

Цирковое представление было хорошим. Джейн почти забыла о Бобби и о том, что может произойти, если Бобби не выполнит своего обещания. Выйдя вместе с толпой из шатра, они оказались в голубом полумраке приближающегося вечера. И вдруг впереди Джейн увидела в толпе знакомую маленькую фигурку; у нее упало сердце. Она *поняла*.

Мистер Ларкин заметил Бобби почти одновременно с нею. Он громко окликнул его, и через несколько секунд дети уже глядели друг на друга. Пухлое лицо Бобби было мрачным.

— Твоя бабушка знает, что ты здесь, Бобби? — спросил мистер Ларкин

— Ну... думаю, что нет, — ответил Бобби.

— Тебя следует выпороть, молодой человек. Пошли, оба. Нужно сейчас же позвонить ей. Она перепугается до смерти.

В закусочной, пока он звонил, Джейн смотрела на своего двоюродного брата. Она впервые почувствовала тяжесть бремени взрослых — сознание неисполненного долга.

— Бобби, — спросила она, — ты был?

— Отстань от меня, — огрызнулся тот. Они замолчали.

Вернулся мистер Ларкин.

— Никто не отвечает. Я вызвал такси. У нас как раз хватит времени отвезти Бобби до отхода поезда.

В такси тоже все молчали. О том, что, возможно, происходит в доме, Джейн не думала вовсе. Мозг имеет свою автоматическую защиту. И в любом случае, теперь уже было слишком поздно...

Когда такси подъехало к дому, в темноте оранжевыми квадратами сверкали окна. На крыльце толпились люди, блеснул значок полицейского офицера.

— Дети, ждите здесь, — с беспокойством проговорил мистер Ларкин. — Не выходите из машины.

Таксист пожал плечами и вытащил сложенную газету. Мистер Ларкин поспешил к крыльцу. Джейн на заднем сиденье заговорила с Бобби; ее голос звучал ласково.

— Ты не пошел, — прошептала она. Это даже не было обвинением.

— Мне наплевать, — прошептал в ответ Бобби. — Мне надоела эта игра. Я хотел поиграть во что-нибудь другое. — Он хихикнул. — Во всяком случае, я выиграл, — заявил он.

— Как? Что случилось?

— Приехала полиция. Я знал, что они приедут. Он об этом не подумал. Так что я выиграл.

— Но каким образом?

— Понимаешь, это было вроде как в «Книге джунглей». Охота на тигров, помнишь? Привязывают малыша к столбу, когда появляется тигр, — бабах! Только все дети уехали в Санта-Барбару, и ты тоже уехала. Поэтому я использовал бабушку. Я подумал, что она не будет против. Она часто с нами играет. Да и все равно осталась только она.

— Но, Бобби, там малыш — совсем не такой ребенок, как мы. Это маленький козленок. И в любом случае...

— Да ладно! — прошептал Бобби. — Ладно!.. В любом случае, я думал, что бабушка подойдет. Она слишком толстая, чтобы быстро бегать. — Он презрительно ухмыльнулся. — Он дурак, — продолжал Бобби. — Он не знает, что, когда ребенка привязывают для тигра, охотники всегда рядом. Он ничего не понимает. Когда я сказал ему, что запер бабушку в ее комнте, и никого кругом нет, я думал, он может догадаться. — Вид у Бобби был лукавый. — Я сделал хитро. Я сказал ему это через окно. Я боялся, что он может принять меня за подходящего ребенка. Но он не подумал об этом, а сразу пошел наверх — и быстро. Даже забыл, что должен хромать. Видно, он к тому времени здорово проголодался. — Бобби бросил взгляд на крыльцо, заполненное людьми. — Наверно, полиция уже схватила его, — добавил он беспечно. — Это было проще простого. Я выиграл.

Разум Джейн отказывался следовать за этими фантазиями.

— Она умерла? — очень тихо спросила девочка.

Бобби взглянул на нее. Слово «смерть» имело для него иной смысл. Вернее, не имело никакого смысла, кроме определенного момента в игре. И, насколько Бобби было известно, тигр ни разу не причинил вреда привязанному малышу.

Шагая очень медленно и не совсем прямо, к такси возвращался мистер Ларкин.

Джейн не видела его лица...

Дело, разумеется, по возможности замяли. От детей, знавших обо всем куда больше тех, кто их опекал, тщетно пытались скрыть случившееся. Это было так же бесплодно, как предпринятая раньше детьми попытка защитить старших. Не считая двух старших девочек, они, в сущности, особенно не переживали. Игра закончилась. Бабушке пришлось отправиться в далекое-далекое путешествие, из которого она никогда не вернется.

Что это означает, они понимали достаточно хорошо.

С другой стороны, ложному дядюшке, как им сказали, тоже пришлось уехать — в большую больницу, где о нем будут заботиться всю жизнь.

Это детей несколько озадачило, поскольку выходило за пределы их опыта. Они имели весьма несовершенное представление о смерти, но эта, другая вещь казалась им сплошной загадкой. Правда, понемногу их интерес угас, и они перестали особенно задумываться над этим вопросом, хотя Бобби некоторое время с необычайным интересом слушал теперь «Книгу джунглей», каждый раз ожидая, что тигра не убьют на месте, а куда-нибудь увезут. Этого, естественно, не происходило. Судя по всему, в настоящей жизни тигры были иными...

Очень долго после происшедшего Джейн в ночных кошмарных сновидениях вновь переживала события, которые рисовало ее упрямое воображение; днем она не позволяла ему воскрешать их. Она представляла спальню бабушки, как она видела ее в последний раз: изгибы накрахмаленных занавесок, солнечный свет, красную фарфоровую туфельку, куклу-подушечку для булавок. Видела, как бабушка втирает кольдкрем в морщинистую кожу рук и время от времени поднимает глаза все с большим беспокойством, по мере того как по дому прокатываются долгие жадные волны голоса, исходящие от существа, прячущегося в страшном и пустом убежище внизу.

Должно быть, оно было очень голодно. Ложный дядюшка, лежащий внизу с якобы подвернутой ногой,

этот пустой человек, голодный и не могущий думать ни о чем, кроме пищи — мясе с кровью, без которого он не мог жить, — вероятно, ерзал и вертелся с боку на бок на своей кушетке. Пустой механизм на залитой солнцем террасе и кровожадное существо в искривленном пространстве под землей — испускающее волны дикого голода, алчущее одной только пищи...

Очень умно сделал Бобби, передав свое приманочное сообщение через окно.

Наверху, в запертой комнате, бабушка, надо думать, в какой-то момент обнаружила, что не может выйти. Толстыми, в пятнышках пальцами, скользкими от кольдкрема, тщетно дергала она дверную ручку.

Много раз снился Джейн звук тех шагов. Поступь, которой она не слышала, казалась ей громче и более реальной, чем любые шаги, когда-либо слышанные ею. Она совершенно ясно представляла себе, как эти шаги звучали, когда он поднимался по лестнице, — топ, топ, топ, — через ступеньку, так что бабушка наверняка прислушивалась в тревоге, зная, что это не может быть дядюшка с его больной ногой. Вероятно, она вскочила, с бьющимся сердцем, думая о грабителях.

Это не могло занять много времени. Чтобы добраться по лестнице до коридора, вряд ли потребовалось больше нескольких секунд. К этому времени, надо полагать, весь дом сотрясался от вибрирующего торжествующего рева почти утоленного голода. В ритме с ним, должно быть, звучал топот ног, спешащих размашистыми шагами, со смертельной целеустремленностью приближающихся по коридору. Затем звякнул ключ в замке. А дальше...

Тут Джейн обычно просыпалась..

Маленький мальчик не может нести ответственность. Много раз говорила это себе Джейн, и тогда, и позже. Она не слишком часто потом встречалась с Бобби, а когда приходилось встретиться, оказывалось, что он многое позабыл: новые впечатления заслоняли собою старые. Ему подарили щенка на Рождество, он пошел в школу. Услышав, что ложный дядюшка умер в сумасшедшем доме, он с трудом вспомнил, о ком идет речь, ведь для младших детей ложный дядюшка никогда не был членом семьи, он являлся только участником игры, в которую они играли и в которой победили.

Постепенно гнетущее состояние, охватившее семью, ослабло и исчезло. Сильнее всего оно ощущалось в дни, последовавшие за смертью бабушки, но все приписывали его потрясению. Когда оно прошло, уверенность в этом стала полной.

По чистой случайности, холодная, ограниченная логика Бобби оказалась верной. Со стороны Раггедо было бы нечестно, если бы он ввел в игру еще одного ложного дядюшку, и Бобби был уверен, что тот будет соблюдать правила. Ему действительно пришлось их соблюдать, поскольку это был закон, который он не мог нарушить.

Раггедо и ложный дядюшка были частями одного целого, неразрывно связанными в своем цикле. До тех пор пока цикл не будет успешно завершен, псевдоподия в виде ложного дядюшки не могла быть втянута обратно, связь не могла быть порвана. Так что под конец Раггедо оказался беспомощным.

В сумасшедшем доме ложный дядюшка понемногу умирал с голоду. К тому, что ему предлагали, он не притрагивался. Он знал, чего ему хочется, но этого ему не давали. Голова и туловище умерли вместе, и на дом, принадлежавший когда-то бабушке Китон, вновь снизошел покой.

Если даже Бобби и вспоминал что-то, то никто об этом не знал. Он действовал с абсолютной логичностью, ограниченной только его скудным опытом. Если совершить что-то достаточно дурное, появится полицейский и арестует тебя. А эта игра ему надоела. Только чувство соперничества не позволило ему просто бросить ее и заняться чем-нибудь другим.

Раз так получилось, что ж: он хотел выиграть — и выиграл.

Ни один взрослый не совершил бы того, что сделал Бобби, но ребенок — существо совершенно иное. По взрослым стандартам, ребенок не совсем разумен. В таком случае, из-за того, как работает его разум, из-за того, что он сделал и чего он хотел, — зовите его демоном.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ СКВОЗЬ ВЕКА

Его называли Христос. Но он не был Тем, кто прошел трудный, долгий путь на Голгофу пять тысячелетий назад. Его называли Будда и Магомет, Агнец и Благословенный Господом. Его называли Князь Мира и Бессмертный.

А настоящее имя его было Тайрелл.

Иной путь проделал он нынче, взобравшись по крутой тропе к монастырю на вершине горы, и замер на миг, ослепленный ярким солнечным светом. Его белые одежды, как того требовал ритуал, были запятнаны черным.

Стоявшая рядом девушка тронула его за руку и мягко подтолкнула вперед. Он ступил в тень монастырских ворот и остановился.

Поколебавшись, он оглянулся. Дорога привела его на высокогорный луг, посреди которого стоял монастырь, и луг этот радостно сверкал нежной весенней зеленью. Где-то в глубине души он ненадолго ощутил слабую щемящую грусть, представив себе, что придется расстаться с этим сверкающим миром. Но в то же время он чувствовал, что очень скоро все снова будет прекрасно. И сияние дня отошло куда-то вдаль, став словно бы нереальным. Девушка вновь тронула его за руку, и он, покорно кивнув, двинулся вперед, испытывая неясное, но тревожное ощущение близящейся утраты, которую его утомленный разум сейчас не мог до конца осознать.

«Я слишком стар», — подумалось ему.

Во дворе перед ним склонились священнослужители. Их глава Монс стоял по другую сторону широкого бассейна, в котором отражалась бездонная синева неба. Тихо веял прохладный, мягкий ветерок, и по воде нет-нет да пробегала легкая рябь.

Подчиняясь старой привычке, мозг бессознательно отдал нервам знакомую команду. Тайрелл поднял руку, благословляя всех.

Его голос спокойно произнес заученные фразы:

— Да будет мир! На всей беспокойной Земле, во всех Мирах и в благословленных Господом небесах между ними — да будет мир! Силы... силы... — Его рука дрогнула — мысль ускользала. Он напряг память:

— Силы мрака беспомощны перед любовью и всеведением Господа. Я несу вам слово Господне. Это — любовь; это — понимание; это — мир.

Все молча ждали, пока он закончит. Ритуал складывался явно неудачно: Тайрелл выбрал неподходящий момент для проповеди. Но все это не имело значения, ибо он был Мессией.

Монс с другой стороны бассейна подал знак. Девушка, стоявшая подле Тайрелла, мягко положила ладони ему на плечи.

— Бессмертный, сбросишь ли ты свой запятнанный покров и вместе с ним все грехи века? — торжественно вопросил Монс.

Тайрелл взглянул на него ничего не выражающим взглядом.

— Осчастливишь ли ты Миры еще одним столетием своего священного присутствия?

Тайреллу смутно припомнились какие-то слова.

— Я удаляюсь с миром, я возвращаюсь с миром, — пробормотал он.

Девушка осторожно освободила его от мантии, затем, преклонив колени, сняла с него сандалии. Обнаженный, он стоял на краю бассейна.

Он выглядел как двадцатилетний юноша. А ему было две тысячи лет.

Какое-то внутреннее беспокойство вдруг овладело им. Монс требовательно поднял руку, но Тайрелл растерянно оглядывался по сторонам, пока не наткнулся на внимательный взгляд серых глаз девушки.

— Нерина? — неуверенно проговорил он.

— Иди в бассейн, — прошептала она, — переплыви его.

Он протянул руку и коснулся руки девушки. Она ощутила исходившую от него волну той удивительной кротости, что составляла его неодолимую силу. Она

крепко сжала его руку, пытаясь проникнуть сквозь туман в его сознании, дать ему понять, что все опять будет хорошо, что она будет ждать его воскрешения, как ждала уже трижды за последние три столетия.

Девушка была много моложе Тайрелла, но она тоже была бессмертной.

Внезапно туман, застилавший его синие глаза, рассеялся.

— Жди меня, Нерина, — сказал он. Затем, с возвратившейся к нему прежней ловкостью, прыгнул в воду изящным, отточенным движением.

Она смотрела, как он спокойно и уверенно переплывает бассейн. На его теле не было ни малейшего изъяна; с течением столетий оно оставалось неизменно совершенным. Лишь мысль становилась менее гибкой, глубже зарываясь в железные колеи времени и утрачивая связь с настоящим, так что в памяти постепенно возникали новые и новые пробелы. Дольше всего сохранялись самые ранние знания, полученные в далеком прошлом; движения и навыки, ставшие автоматическими, утрачивались последними.

Девушку вдруг пронзило ощущение собственного тела, молодого, сильного и прекрасного, которое будет таким вечно. Что же до ее разума... — и на этот вопрос существовал ответ, и она была уверена, что получит его.

«Я удостоилась величайшего счастья, — подумала она. — Из всех женщин во всех Мирах именно я — Невеста Тайрелла и единственный человек, кроме него, когда-либо рожденный Бессмертным».

С любовью и благоговением следила она за тем, как он плыл. А возле ее ног лежала сброшенная им мантия, и пятна на ней напоминали о грехах прошедшего века.

А ведь все это уже было, и, казалось, совсем недавно. Она могла совершенно отчетливо припомнить, как в прошлый раз следила за Тайреллом, переплывавшим бассейн. А перед этим то же самое было в позапрошлый раз — самый первый. Для нее, не для Тайрелла.

Он вышел из воды и остановился в нерешительности. Она ощутила болезненный укол при виде происшедшей с ним перемены — от уверенного спокойствия до смущенной растерянности. Однако Монс

был наготове. Взяв Мессию за руку, он подвел его к двери в высокой монастырской стене, и они скрылись. Ей показалось, что Тайрелл, обернувшись, бросил на нее взгляд, в котором сочетались нежность и на редкость полный абсолютный покой, что было присуще только ему.

Священнослужитель поднял запятнанную мантию и унес прочь. Теперь она будет дочиста отстирана и помещена на алтарь — сферическое святилище, которому придана форма Мира-прародителя. И складки мантии, ослепительно белые, как прежде, будут мягко осенять Землю.

Она будет дочиста отстирана, точно так же, как разум Тайрелла будет дочиста отстиран, отмыт от грязной накипи, оставленной в его памяти прошедшим веком.

Священнослужители один за другим покидали двор. Девушка бросила взгляд назад, за отворенные ворота, на пронзительно прекрасную зелень горного луга, на весеннюю траву, жадно тянущуюся к солнцу после зимнего снега. «Бессмертна, — сказала она себе, высоко подняв руки и чувствуя, как вечная кровь, волшебная кровь богов, полнозвучно поет в ее теле. — Тайреллу одному выпало страдать. Мне же ничем не нужно платить за это чудо».

Двадцать столетий.

И самое первое из них, должно быть, было поистине ужасным.

Она отвела мысленный взор от туманных глубин истории, ставших ныне легендой, видя перед собой лишь смутный образ Белого Христа, спокойно шествующего сквозь этот хаос неистовствующего зла, в то время когда покрытую мраком Землю обагряли лишь ненависть и страдание. Рагнарек, Армагеддон, Час антихриста — все это было две тысячи лет назад!

Бичуемый, непоколебимый, проповедующий слово любви и мира, Белый Мессия прошел как луч света по этой сошедшей в ад Земле.

И он уцелел, а силы зла уничтожили себя сами. И тогда Миры обрели покой, и это произошло так давно, что Час антихриста стерся из памяти людской, превратившись в полузабытую легенду.

Стерся даже из памяти самого Тайрелла. Она была этому рада, ибо воспоминания о тех днях ужасны.

Она холодела от одной мысли о всех муках, которые он вытерпел.

Но сегодня был День Мессии, и Нерина, во все времена единственная, кроме него, рожденная бессмертной, с благоговением и любовью смотрела на закрытую дверь, за которой скрылся Тайрелл.

Она посмотрела вниз, на голубую воду бассейна. Свежий ветерок рябил ее поверхность; легкое облачко набежало на солнце, приглушив сияние дня.

Пройдет еще семьдесят лет, прежде чем сама она переплывет этот бассейн. И когда она свершит это и пробудится, ее будет ждать взгляд синих глаз Тайрелла, и его рука, легко лежащая поверх ее руки, призовет разделить с ним юность весны, которая была для них вечным уделом.

Тайрелл покоился на ложе. Ее серые глаза ожидающе глядели на него, ее рука касалась его руки, но он все не просыпался.

Она с тревогой взглянула на Монса.

Тот успокаивающе кивнул.

Наконец рука ее ощутила легкое подрагивание.

Его веки затрепетали и медленно приподнялись. Глубокое, уверенное спокойствие по-прежнему царило и в его синих глазах, так много видевших ранее, и в его сознании, которому пришлось так много забыть. Тайрелл мгновение смотрел на нее, затем улыбнулся.

С дрожью в голосе Нерина проговорила:

— Каждый раз я боюсь, что ты забудешь меня.

— Мы всегда возвращаем ему память о тебе, Благословенная Господом. И будем делать это и впредь, — успокоил ее Монс. Он склонился над Тайреллом.

— О, Бессмертный, полностью ли ты пробудился?

— Да, — внятно ответил Тайрелл и, рывком приподнявшись и сбросив ноги с ложа, резким и уверенным движением встал прямо. Оглядевшись, он заметил приготовленное ему новое белоснежное одеяние и облачился в него. Ни Монс, ни Нерина не могли заметить теперь в его действиях ни малейшего признака колебаний или растерянности. Разум в этом вечном теле вновь был молодым, ясным и уверенным в себе.

Монс преклонил колени, Нерина последовала его примеру. Священнослужитель негромко проговорил:

— Возблагодарим Господа за то, что он дал свершиться новому Воплощению. Да пребудет мир в этом периоде и во всех последующих за ним.

Тайрелл поднял Нерину с колен. Затем наклонился и с силой заставил подняться Монса.

— Монс, Монс, — промолвил он с укоризной. — С каждым столетием люди все больше относятся ко мне как к богу и все меньше — как к человеку. Всего несколько столетий назад (ты мог бы видеть это, если бы жил тогда) они уже молились при моем пробуждении, но еще не преклоняли колен. Я — человек, Монс. Не забывай об этом.

— Ты принес мир всем народам, — ответил ему Монс.

— Тогда в награду за это, может быть, мне хотя бы дадут поесть?

Монс поклонился и вышел. Тайрелл мгновенно обернулся к Нерине. Сильные и нежные руки крепко обняли ее.

— Если бы я когда-нибудь не проснулся, — сказал он, — самым трудным для тебя было бы расстаться с моим телом. Я ведь даже не представлял себе, насколько был одинок, пока не встретил еще одно бессмертное существо.

— В нашем распоряжении — неделя здесь, в монастыре, — сказала она. — Целая неделя уединения перед тем, как отправиться в мир. Больше всего на свете я люблю бывать здесь вместе с тобой.

— Подожди немного, — отозвался он. — Еще несколько столетий, и ты утратишь это чувство благоговения. Я надеюсь, что так и произойдет. Ведь любовь гораздо лучше — а кого же мне еще любить в этом мире?

Она представила себе длинную череду столетий одиночества, пережитых им, и все ее тело сжалось от любви и сострадания.

Поцеловав его, она отстранилась и задумчиво оглядела его, как бы оценивая.

— Ты снова изменился, — сказала она. — Это по-прежнему ты, но...

— Но что?

— Ты стал как-то нежнее.

Тайрелл рассмеялся.

— Каждый раз они промывают мне мозг и вкладывают в память новый набор знаний. О, большинство из них — все те же, но их совокупность несколько отличается. Так бывает всегда. Сейчас жизнь стала более мирной, чем столетие назад, вот и мой разум приспосабливается к новой эпохе. Иначе я постепенно превратился бы в ходячий анахронизм. — Он слегка нахмурился: — Кто это?

Она коротко взглянула на дверь.

— Монс? Нет. Здесь нет никого.

— Правда? Ну, ладно... Да, так у нас будет неделя уединения. Время, чтобы осмыслить и придать законченный вид моей скроенной заново личности. А прошлое... — он запнулся.

— Как бы мне хотелось родиться раньше, — мечтательно сказала она. — Я могла бы быть тогда вместе с тобой...

— Нет, нет, — быстро перебил он. — По крайней мере, не в самом далеком прошлом.

— Это было так страшно?

Он вздрогнул.

— Не знаю, насколько точны сейчас мои воспоминания. И я рад, что они ограниченны, что не все сохранилось в памяти. Но и того, что есть, — достаточно. Легенды говорят правду. — Лицо его омрачилось. — Большие войны... словно разверзлась преисподняя. И ад был всемогущ! Антихрист являлся при свете дня, и люди страшились всякого, кто возвышался над ними... — Его отрешенный взгляд устремился куда-то вверх, как бы проникая сквозь блеклый низкий потолок. — Люди превратились в зверей. В дьяволов. Я говорил им о мире, а они пытались убить меня. И я должен был пройти сквозь это. Милостью Господа я бессмертен. И все же они могли убить меня, ибо я уязвим для оружия.

Он испустил долгий глубокий вздох.

— Одного бессмертия было недостаточно. Лишь Божий промысел уберег меня от гибели, так что я смог продолжить свою миссию и проповедовать мир до тех пор, пока мало-помалу эти ущербные твари не вспомнили о своих душах и не выбрались из преисподней к свету...

Никогда еще Нерина не слышала от него таких речей.

Она нежно коснулась его руки.

Его взгляд, словно бы вернувшись издалека, обратился на нее.

— С этим покончено, — твердо произнес он. — Прошлое мертво. У нас есть наше сегодня.

Где-то вдали священнослужители запели радостный благодарственный гимн.

На следующий день, увидев его в конце коридора склонившимся над чем-то бесформенным и темным, она поспешила к нему. Он стоял, нагнувшись над телом священнослужителя, и, когда Нерина окликнула его, вздрогнул и выпрямился. Мертвенно бледное лицо его было полно смятения.

Она взглянула вниз и побелела от ужаса.

Священнослужитель был мертв. На горле его виднелись синие отметины, шея была сломана, а голова чудовищно вывернута.

Тайрелл сделал движение, пытаясь загородить тело от ее взгляда.

— П-п-приведи Монса, — произнес он, заикаясь и с такой неуверенностью в голосе, словно приближался к концу очередной своей сотни лет. — Скорей. Это... приведи его.

Пришел Монс и, взглянув на тело, замер, не в силах вымолвить ни слова. Наконец он почувствовал пристальный взгляд Тайрелла.

— Сколько столетий прошло, Мессия? — спросил он дрожащим голосом.

— С тех пор как здесь совершалось насилие? — в ответ спросил Тайрелл. — Восемь веков или более того. Никто, Монс, слышишь, никто не способен на такое, — страстно добавил он.

— Да, — безжизненно сказал Монс. — Насилия больше не существует. Оно было генетически устранено в процессе развития человечества. — Внезапно он рухнул на колени.

— О, Мессия, принеси нам снова мир! Дракон восстал из прошлого!

Тайрелл выпрямился; его фигура в белой мантии олицетворяла глубочайшее смирение. Он возвел глаза к небу и начал молиться.

Нерина преклонила колени. Сила горячей молитвы Тайрелла постепенно вытесняла кошмар из ее сознания.

Его тихий голос разносился по монастырю и возвращался трепещущими отзвуками, словно отразившись от ясного, голубого и такого далекого неба. Никто не ведал, чьи смертоносные руки сомкнулись на горле священнослужителя. Никто, ни одно человеческое существо давно уже не могло совершить убийства. Как сказал Монс, сама способность ненавидеть, разрушать была устранена из человеческой психики в процессе совершенствования всей человеческой расы.

Голос не проникал за пределы монастыря. Эта борьба должна была вершиться здесь втайне, и ни малейший намек на нее не должен был просочиться наружу, чтобы не разрушить долгий мир, царящий во Вселенной.

Ни одно человеческое существо...

Но пополз шепоток: вновь возродился антихрист.

И они бросились к Тайреллу, к Мессии, за поддержкой и утешением.

— Мир, — говорил он, — мир! Со смирением встречайте зло, в молитве склоняйте головы ваши, вспоминайте любовь, что спасла человека, когда ад обрушился на Вселенную две тысячи лет назад.

Ночью, подле Нерины, он вдруг застонал во сне и начал отбиваться от невидимого врага.

— Дьявол, — закричал он и проснулся, дрожа с головы до ног.

С горделивым смирением Нерина удерживала и успокаивала его, пока он не заснул снова.

Не прошло и нескольких дней, как совершилось новое страшное преступление: один из священнослужителей был зверски зарезан острым ножом. Нерина с Монсом поспешили в келью Тайрелла, чтобы поведать ему об этом. Отворив дверь, они увидели его сидящим за невысоким столом лицом к ним. Он истово молился, глядя как завороженный на окровавленный нож, лежавший на столе перед ним.

— Тайрелл, — начала было она, как вдруг у Монса вырвался судорожный вздох, и, резко повер-

нувшись, он решительно вытолкнул ее обратно за порог.

— Жди! — приказал он горячо и требовательно. — Жди меня здесь!

И, прежде чем она смогла выговорить хоть слово, он уже захлопнул за собой дверь, и Нерина услышала, как лязгнул задвигаемый засов.

Она простояла так, без единой мысли в голове, довольно долго. Наконец Монс вышел и тихо притворил за собой дверь. Он внимательно посмотрел на нее.

— Все в порядке, — сказал он. — Однако... ты должна сейчас меня выслушать. — Он немного помолчал.

Через некоторое время он заговорил:

— Благословенная Господом... — У него снова вырвался такой же сдавленный вздох. — Нерина, я... — Он как-то неестественно засмеялся. — Странно. Я не могу говорить с тобой, не назвав тебя по имени, Нерина.

— Что случилось? Пусти меня к Тайреллу!

— Нет, нет. С ним будет все в порядке. Нерина, он... болен.

Она прикрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями, слушая вначале неуверенный, но постепенно окрепший голос Монса:

— Эти убийства... Их совершает Тайрелл.

— Ты лжешь! — закричала она. — Это ложь!

— Раскрой пошире глаза, — резко ответил Монс, — и прислушайся к моим словам. Тайрелл — человек. Величайший человек, замечательный человек, но — не бог. Он бессмертен. Если он случайно не погибнет, то будет жить вечно, как и ты. Он уже прожил более двадцати столетий.

— Зачем ты говоришь это мне? Я сама знаю!

Монс продолжал:

— Ты должна понять и должна помочь. Бессмертие — лишь случайное отклонение от нормы в генной структуре. Мутация. Раз в тысячу лет, может быть, в десять тысяч, рождается бессмертный человек. Его тело самообновляется, он не старится. Не старится и его мозг. Однако его сознание, его разум подвержены старению.

— Но Тайрелл ведь переплыл бассейн возрождения всего три дня назад — воскликнула она с отча-

янием в голосе. — Еще целое столетие должно пройти, прежде чем его разум постареет. Он... он не умирает?

— Нет, нет, он жив. А бассейн возрождения, Нерина, всего лишь символ. И ты это знаешь.

— Да. Действительное обновление наступает позже, когда вы помещаете нас в эту машину. Я помню.

— Машина... — как эхо, повторил Монс. — Если бы мы не пользовались ею каждое столетие, и ты и Тайрелл уже давно стали бы дряхлыми и беспомощными. Разум не бессмертен, Нерина. В конце концов ему оказывается не под силу нести груз знаний, опыта, привычек. Он теряет гибкость, ясность мышления, его сковывает старческая немощь. Машина очищает разум, Нерина, точно так же, как мы очищаем память компьютера от заложенной в ней информации. Затем мы частично возвращаем память; не все, но лишь необходимые воспоминания вкладываем мы в чистый, ясный разум, так что он может развиваться и усваивать новое еще в течение одной сотни лет.

— Но я знаю все это...

— Новые воспоминания формируют новую личность, Нерина.

— Новую? Но ведь Тайрелл остается прежним.

— Не совсем. Каждое столетие он чуть-чуть изменяется, по мере того как жизнь становится лучше, а народы — счастливее. С каждым веком новый разум, обновленная личность Тайрелла отличаются от предыдущих, более соответствуя духу грядущего столетия, нежели прошедшего. Твой разум возрождался трижды, Нерина. И сейчас ты уже не та, что была вначале. Но тебе не дано помнить об этом. Полных воспоминаний о прежнем у тебя нет.

— Но... но что...

— Не знаю, — устало ответил Монс. — Я говорил с Тайреллом. Думаю, случилось вот что. Каждое столетие, когда разум Тайрелла очищался, — стиралась вся память — он становился совершенно пустым, и мы создавали на этой основе нового Тайрелла. Слегка измененного. Каждый раз лишь самую малость. Но более чем двадцать раз подряд?.. Его сознание двадцать веков назад должно было очень сильно отличаться от нынешнего. И...

— Насколько отличаться?

— Увы, не знаю. Мы предполагали, что при полном стирании памяти личность полностью исчезает. Теперь мне кажется, что она не исчезала, а как бы хоронилась на дне его души. Задавленная, загнанная в такие глубины подсознания, что никак не могла проявиться внешне. И, естественно, он сам не сознавал этого. Но ведь это происходило век за веком. Более двадцати личностей Тайрелла погребены в его душе, некий многоликий дух, который уже не может долее находиться в состоянии равновесия и покоя. И вот он восстал из могил, поднялся из глубин его памяти.

— Белый Христос никогда не был убийцей!

— Конечно, нет. В самом деле, даже первая его личность, двадцать с лишним столетий назад, должна была являть собой верх величия и доброты, чтобы нести мир народам в тот страшный век антихриста. Но иногда, при погребении личности в глубине подсознания, наверное, могли произойти какие-то изменения. Эти похороненные личности, или хотя бы некоторые из них, могли измениться в худшую сторону по сравнению с тем, какими они были вначале. И вот теперь они вырвались на свободу.

Нерина повернулась к двери.

— Нам необходимо действовать наверняка, — говорил Монс. — Но мы в силах спасти Мессию. Мы можем очистить его мозг полностью, подвергнуть его глубокому, очень глубокому зондированию, искоренить самый дух зла. Мы можем спасти его и снова сделать его личность цельной. И начать нужно немедленно. Молись за него, Нерина.

Он задержал на ней беспокойный взгляд, затем круто повернулся и быстро зашагал по коридору. Неподвижная, без проблеска мысли в голове, Нерина ждала. Спустя некоторое время она услышала слабый звук. В одном конце коридора неподвижно встали двое священнослужителей, в другом конце — еще двое.

Нерина открыла дверь и вошла к Тайреллу.

Первое, что ей бросилось в глаза, был окровавленный нож на столе. Затем она увидела темный силуэт у окна, на фоне слепящего голубого неба.

— Тайрелл, — неуверенно окликнула она.

Он обернулся.

— Нерина. О, Нерина!

Его голос был по-прежнему нежен, и в спокойствии его ощущалась та же скрытая сила.

Она бросилась в его объятия.

— Я молился, — проговорил он, кладя голову ей на плечо. — Монс рассказал мне... Я молился... Что я наделал?

— Ты — Мессия, — ответила она твердо. — Ты спас мир от зла и антихриста. Ты совершил это.

— Но кроме этого? Дьявол в моем сознании! Семя, проросшее там, скрытое от света Господня, — во что оно выросло? Говорят, я убил!

После долгой паузы она прошептала:

— Ты действительно сделал это?

— Нет, — ответил он с непоколебимой уверенностью. — Как я мог? Я, который жил любовью более двух тысяч лет, я не мог причинить вред живому существу.

— Я знала это, — сказала она. — Ты — Белый Христос.

— Белый Христос, — тихо повторил он. — Я не хотел этого имени. Я всего лишь человек, Нерина. И никогда не был чем-то большим. Но... что-то ведь спасло меня, что-то сохранило мне жизнь в Час антихриста. Это был Бог. Это была Его рука. Боже... помоги мне сейчас!

Она крепко прижимала его к себе, глядя куда-то поверх него, сквозь окно за его спиной, сквозь яркое небо, зеленый луг, высокие горы, вершины которых кутались в облака. Бог находился здесь, ибо он был везде, за этой синевой, во всех Мирах и в пространствах между ними, и Бог значил мир и любовь.

— Он поможет тебе, — убежденно произнесла она. — Он шел рядом с тобой две тысячи лет назад. И он не покинул тебя.

— Да, — прошептал Тайрелл. — Монс наверняка ошибся. Как все это было... Я помню. Люди как звери. Небо в огне. Всюду кровь... всюду кровь. Больше сотни лет лилась кровь из человеко-зверей, когда они бились друг с другом.

Она вдруг ощутила, как он весь напрягся и задрожал.

Подняв голову, он заглянул ей в глаза.

«Лед и пламень, — подумала она, — голубые лед и пламень».

— Большие войны, — пробормотал он хриплым напряженным голосом и прикрыл глаза ладонью.

— Христос! — вырвалось из его сжатого горла. — Боже, Боже...

— Тайрелл! — пронзительно вскрикнула она.

— Назад, — прохрипел он, и Нерина молча отступила. Но он обращался не к ней. — Назад, дьявол! — Он обхватил свою голову и, стискивая ее в ладонях, склонялся перед ней все ниже и ниже, пока не согнулся пополам.

— Тайрелл, — закричала она, — Мессия! Ведь ты — Белый Христос...

Согбенное тело резко распрямилось, и она увидела искаженное до неузнаваемости лицо. Лицо, внушавшее ей глубокий ужас и отвращение.

Тайрелл постоял так, глядя на нее, затем отвесил пугающе преувеличенный, шутовской поклон.

Она попятилась и наткнулась на край стола. Протянув руку назад, Нерина нащупала лезвие ножа, покрытое толстым слоем засохшей крови. И это тоже было частью кошмара. Она пыталась дотянуться до рукоятки ножа, понимая, что эта сталь может принести ей смерть, и мысленно представила, как кончик блестящего стального лезвия вонзается ей в грудь.

И тут она услышала его голос, захлебывающийся от смеха.

— Он острый? — спрашивал ее Тайрелл. — Он все еще острый, любовь моя? Или я затупил его о священника? Ты попробуешь его на мне? Ты попытаешься? Другие женщины пытались! — его душил хриплый смех.

— Мессия, — простонала она.

— Мессия! — ухмыльнулся он. — Белый Христос! Князь Мира! Несущий слово любви, шествующий невредимым сквозь самые кровавые из войн, что когда-либо обращали мир в прах... о, да, это легенда, любовь моя, уже более двадцати веков. И в то же время это ложь. Они забыли. Они все забыли, что происходило тогда!

Она стояла совершенно обессиленная и лишь качала головой в беспомощном отрицании.

— Да, — говорил он, — тебя ведь еще не было на свете. Никого из вас не было, кроме меня, Тайрелла. Это была бойня! Но я выжил. Только отнюдь не благодаря проповеди мира. Знаешь ли ты, что случилось с теми, кто проповедовал мир? Они все мертвы — а вот я не умер. Я выжил, но не проповеди спасли меня.

Он затрясся от хохота.

— Тайрелл — мясник! — крикнул он. — Я был самым кровавым из всех. Чувство страха — вот что было понятно всем. Хотя зверей в людском обличье запугать было нелегко. Но меня они боялись.

Он поднял руки со скрюченными пальцами, его мышцы напряглись в экстазе жутких воспоминаний.

— Красный Христос, — продолжал он, — так меня могли называть. Но не называли. Даже после того, как я продемонстрировал то, что требовалось для этого. Тогда у них было для меня другое имя. Они знали, как меня называть. А теперь... — он зловеще усмехнулся, глядя на нее. — Теперь, когда вселенная пребывает в мире и покое, мне поклоняются, как Мессии. Что остается делать Тайреллу-мяснику сегодня?

Его отвратительный, самодовольный смех стал глуше.

Он сделал три шага и обхватил ее руками. Ее тело содрогнулось от объятия этого воплощенного зла.

Внезапно она каким-то странным образом почувствовала, что зло оставило его. Напряженные руки задрожали, отстранились, затем вновь сжали ее с неистовой нежностью, глаза его склонились, и теплые слезы закапали из его глаз.

Некоторое время он не мог проронить ни слова. Застывшая, как камень, Нерина обнимала его.

Позднее она обнаружила себя сидящей на ложе, он стоял перед ней на коленях, уткнувшись лицом ей в подол.

Он давился словами, многие из которых она не могла разобрать.

— Помню... я помню... старые воспоминания... я не могу вынести этого! Я не могу смотреть назад... или вперед... у них... у них было для меня имя. Теперь я помню.

Она положила ладонь ему на голову. Его волосы слиплись от холодного пота.

— Они звали меня антихристом!

Он поднял лицо кверху и взглянул на нее.

— Помоги мне! — закричал он с мукой в голосе. — Помоги мне, помоги мне!

Затем голова его вновь склонилась. Сжав кулаками виски, он что-то беззвучно шептал.

Она вспомнила о том, что зажато у нее в правой руке, и, подняв нож, опустила его вниз со всей силой, на какую была способна, чтобы оказать ему ту последнюю помощь, в которой он нуждался.

Нерина стояла у окна, повернувшись спиной к келье и к лежащему в ней умершему бессмертному.

Она ждала, когда вернется священнослужитель Монс. Он должен был знать, что делать дальше. Вероятно, тайну следовало каким-то образом сохранить.

Они не причинят ей вреда. Она была уверена в этом. Атмосфера почитания, окружавшая Тайрелла, распространялась и на нее. Она будет по-прежнему жить, теперь единственная бессмертная, рожденная в эпоху мира, будет жить вечно и одиноко в осененной миром Вселенной. Быть может, однажды когда-нибудь родится еще один бессмертный, но сейчас она не могла об этом думать. В мыслях у нее были только Тайрелл и ее одиночество.

Она поглядела в окно на сверкающий голубизной и зеленью ясный Божий день, дочиста отмытый теперь от последнего багрового пятна, оставленного кровавым человеческим прошлым. Она знала, что Тайрелл обрадовался бы, если бы смог увидеть эту ясность и чистоту, которая может теперь существовать вечно.

Она будет видеть это всегда. Она была частью этого, в отличие от Тайрелла. И даже в самом одиночестве, которое она уже ощущала, непостижимым образом крылось и чувство возмещения. Она была посвящена грядущим столетиям человека.

Она переступила через свою любовь и горе. Вдалеке слышалось торжественное пение священнослужителей, и это было частью той благодати, что наконец

снизошла на Вселенную после долгого и кровавого пути к новой Голгофе. Но это была последняя Голгофа, и теперь она, Нерина, будет идти по жизни спокойно и уверенно, осененная благословением Господа.

Бессмертная.

Она подняла голову и твердо взглянула в небеса. Она могла спокойно смотреть в будущее. Прошлое было забыто. И для нее это прошлое не было ни кровавым наследием, ни той разъедающей душу мерзостью, что могла невидимо делать свое черное дело в мрачной пучине подсознания, пока из чудовищного семени не вырастет монстр, готовый разрушить Божий мир и Любовь.

Внезапно она вспомнила о совершенном ею убийстве. Ее рука снова задрожала в неистовом порыве; и снова она ощутила кровь, брызнувшую на пальцы.

Вскоре ей все же удалось отгородить свои мысли от этих воспоминаний. Но, устремив свой взгляд в небесный свод, она удерживала закрытыми врата своего сознания с таким напряжением, словно их непрочные запоры уже трещали под натиском темных сил.

СОДЕРЖАНИЕ

Долина Пламени (роман). *Пер. Д. Сваровского* 7
За Земными Вратами (роман). *Пер. А. Кутамонова* 145
Мутант (роман). *Пер. А. Соловьева* 279

РАССКАЗЫ

Исполнение желаний. *Пер. С. Васильевой* 517
Порочный круг. *Пер. А. Тетеревниковой* 541
Сим удостоверяется... *Пер. К. Сенина и В. Тальми* 559
До скорого! *Пер. Н. Евдокимовой* 575
Холодная война. *Пер. Г. Грэя* 597
«Все тéнали бороговы́...». *Пер. Л. Черняховской* 628
Зовите его демоном. *Пер. А. Соловьева* 658
Крестный путь сквозь века. *Пер. А. Серебрякова и А. Брусова* 686

Литературно-художественное издание

Генри Каттнер

Долина Пламени

Перевод с английского

Зав. редакцией *Геннадий Белов*
Редакторы: *Марина Новикас, Римма Запесоцкая*
Художник *Сергей Лемехов*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Верстка *Инны Юзефович*
Корректоры: *Елена Шнитникова, Ульяна Емельянова, Татьяна Андрианова*

Подписано к печати с оригинала-макета 13.08.93.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 37. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 271. Заказ 422.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18.

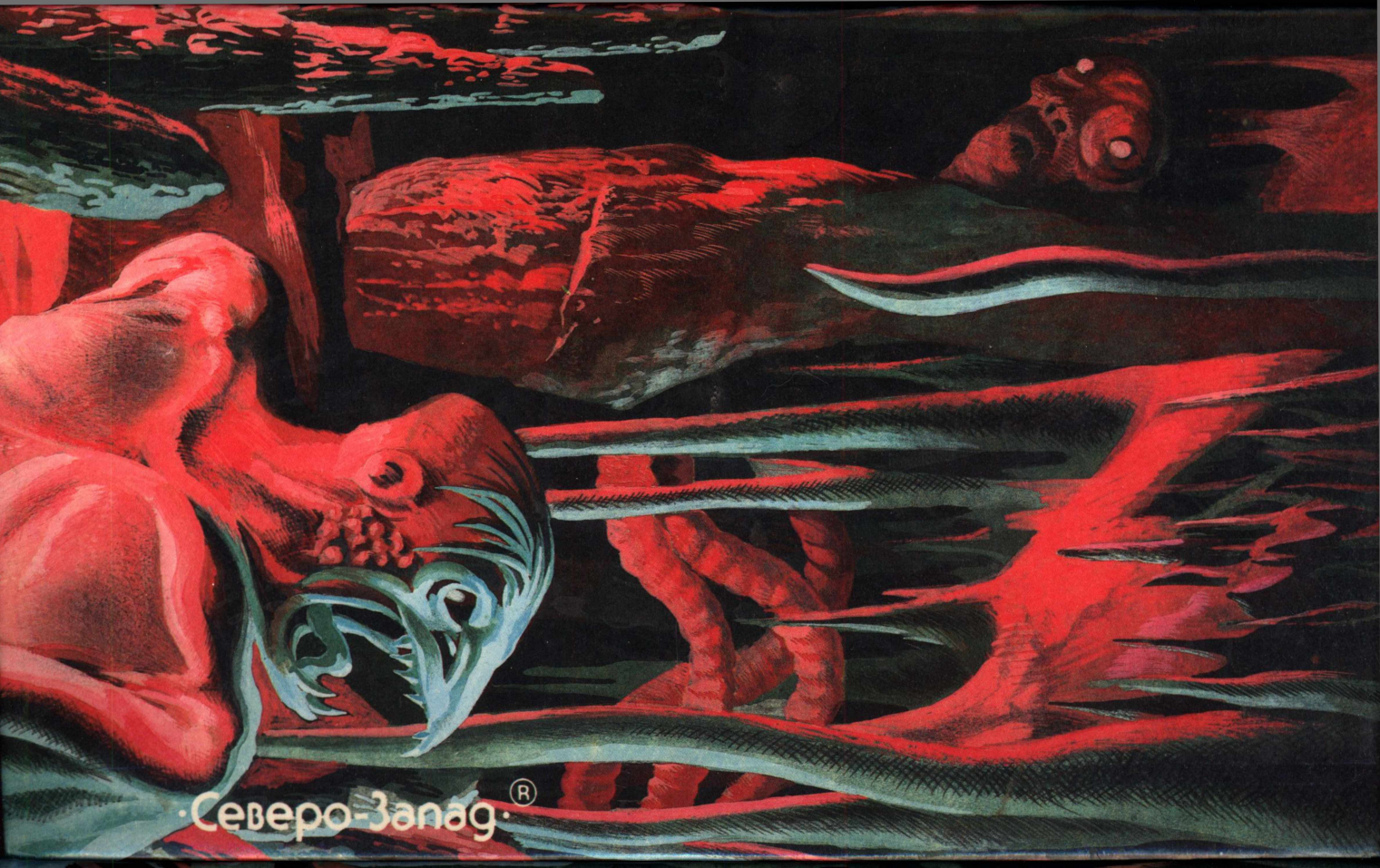
Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

---

* Издательство приносит извинения
за опечатки, допущенные в «Содержании»
предыдущего сборника Г. Каттнера «Ярость»:
рассказ «Жилищный вопрос» переведен Н. Евдокимовой,
рассказ «День не в счет» — Н. Гвоздаревой.

·Северо-Запад®